

Сергей Михеенков

ЖУКОВ

ЖЗЛ

ЖУКОВ

Сергей
Михеенков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Новую биографию Маршала Победы — Георгия Константиновича Жукова отличает от предшествующих то, что её автору удалось буквально вжиться в образ своего героя, не только правдиво показать его полководческий дар, но и максимально приблизиться к нему как к человеку. Жизнелюб и хват-командир, стойкий солдат и верный друг, заботливый муж, отец и брат, воин, который не робел перед Сталиным и не боялся вступить в схватку с самой мощной военной машиной в Европе в 30—40-е годы XX века — армией фашистской Германии. Герой, который познал триумф и опалу, любовь и предательство, всю свою жизнь посвятил Отечеству.

- [Сергей Михеенков](#)
 -
 - [ЧАСТЬ I](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [ЧАСТЬ II](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)

- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвёртая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая](#)
- [Глава двадцать седьмая](#)
- [Глава двадцать восьмая](#)
- [Глава двадцать девятая](#)
- [Глава тридцатая](#)
- [Глава тридцать первая](#)
- [Глава тридцать вторая](#)
- [Глава тридцать третья](#)
- [Глава тридцать четвёртая](#)
- [Глава тридцать пятая](#)
- [Глава тридцать шестая](#)
- [Глава тридцать седьмая](#)
- [ЧАСТЬ III](#)
 - [Глава тридцать восьмая](#)
 - [Глава тридцать девятая](#)
 - [Глава сороковая](#)
 - [Глава сорок первая](#)
 - [Глава сорок вторая](#)
 - [Глава сорок третья](#)
 - [Глава сорок четвёртая](#)
 - [Глава сорок пятая](#)
 - [Глава сорок шестая](#)
 - [Глава сорок седьмая](#)
 - [Глава сорок восьмая](#)
 - [Глава сорок девятая](#)
 - [Глава пятидесятая](#)
- [Основные даты жизни и деятельности Г. К. Жукова](#)
- [Библиография](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)

- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)

- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)

- [161](#)
 - [162](#)
 - [163](#)
 - [164](#)
 - [165](#)
 - [166](#)
 - [167](#)
 - [168](#)
 - [169](#)
 - [170](#)
 - [171](#)
 - [172](#)
 - [173](#)
 - [174](#)
 - [175](#)
 - [176](#)
 - [177](#)
 - [178](#)
 - [179](#)
 - [180](#)
 - [181](#)
 - [182](#)
 - [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
 - [188](#)
 - [189](#)
 - [190](#)
 - [191](#)
 - [192](#)
 - [193](#)
 - [194](#)
 - [195](#)
 - [196](#)
 - [197](#)
 - [198](#)
-

Сергей Михеевков

ЖУКОВ. МАРШАЛ НА БЕЛОМ КОНЕ

*Ах, как трудно всё на свете:
Служба, жизнь, зима,*

Александр Твардовский

*«Отчего бы тому, кто готовил тебя к смерти,
жалеть тебя, сержант?»*

Антуан де Сент-Экзюпери

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1723

(1523)

Сергей Михеенков

ЖУКОВ

МАРШАЛ НА БЕЛОМ КОНЕ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2015

Благодарю за помощь в работе над книгой земляков маршала Г. К. Жукова Маргариту Александровну Фёдорову, Валерия Васильевича Михалёва, Николая Ивановича Яшкина, а также председателя Фонда Г. К. Жукова полковника Анатолия Абрамовича Войтенко (Екатеринбург) и

полковника в отставке, ветерана Великой Отечественной войны,
кандидата технических наук Валентина Александровича Олейника
(Москва).

ЧАСТЬ I
РОЖДЕНИЕ ПОЛКОВОДЦА

Глава первая

Родина. Текущая река

«Я был упрям...»

Маршал стоял над рекой и пристально наблюдал за её течением. Берега в этом месте будто стискивали Протву, и стремя реки, подчиняясь теснине песчано-каменистых осыпей, бугрилось рябью нервных воронок, с урчанием крутило тугие жгуты и стремительно уносилось за излучину. Там, за поворотом, река текла вольнее, шире, спокойнее. Там начинались купальные места и сенокосы, которые испокон веку принадлежали жителям Огуби, Костинки и родной деревни маршала Стрелковки. Или Стрелковщины, как, по местным преданиям, некогда называли эту небольшую приречную деревушку уральские мастера, которые отливали в Угодском Заводе чугунные пушки, а возле реки обстреливали их усиленными зарядами.

Песчаные берега только выглядели податливыми, на самом деле они как неприступные твердыни смиряли своенравный ток реки своим вековым покоем. Они и тогда, в пору детства маршала, были такими же.

Впереди, в километре выше по течению, лежала его родная деревня, его милая сердцу Стрелковка. Позади, за спиной, тоже недалеко, родина его матери — деревня Чёрная Грязь. Он стоял сейчас словно между двумя родниками, живыми, покуда ещё сильными, и чувствовал их земное биение и ток. Видимо, так и чувствуют родину, подумал он.

Вид текущей воды завораживал. Маршал не мог оторвать глаз от этой вековой борьбы реки и берегов. Но он-то знал, что есть в этом соперничестве некая высшая гармония. Именно она и успокаивала взгляд, умиротворяла душу.

Чуть выше, на пригорке, под берёзами виднелась череда окопов. Окопы пехотные. По очертаниям и характеру расположения — немецкие. Война дошла до его родины в октябре 1941-го. Той осенью он пережил многое. Как тогда ему казалось, многое смог понять и оценить. Во многом разуверился. В чём-то, наоборот, укрепился.

Маршал оглянулся на берёзы. Немолодые. Снизу кора разошлась в глубоких чёрных морщинах и наростах. Вверху — белые, словно в седине своих лет. Должно быть, его ровесницы. В детстве он их здесь не видел. Нет, не помнит, чтобы здесь начинался лес или были какие-то заросли.

Раньше от его деревни до Высокиничей в пойме ничего не росло, кроме травы. Сплошные сенокосы. И ему, как и всем подросткам из окрестных деревень, приходилось здесь и косить, и сушить сено, и стоговать, и накладывать на телегу высокие возы...

Да, сколько воды утекло с тех пор... Сколько лет... И казалось, душа его устремилась туда же, вслед за струящимся потоком. От истоков к устью. От рождения к неизбежному исходу. Да, думал он, жизнь быстротечна. Давно ли стоял где-нибудь у такой же излучины его дед или прадед и наблюдал за игрой реки, любовался её тишиной и ладом? Уйдём и мы, думал маршал, а придут сюда следующие поколения... Какими они будут? Не растеряют ли родовых черт, самых главных, станových признаков народа, который основательно заселил эту землю, старательно возделывал её и оборонял?

Свидание с родиной, тем более по прошествии стольких лет, считай, всей жизни, рождает в человеческой душе чувства смутные. Всё в ней колышется и движется куда-то. Как в реке. Только река знает, куда течёт. Всё в её жизненном токе определено природой, рельефом и временем. А в душе человеческой всё смутно и необъяснимо сложно. Ничего она, душа, не знает. Ни покоя, ни того, куда несёт человека его судьба и где приткнётся. Да и незачем ей знать. И тогда выходит, что и жизнь человека, изломы его судьбы и медленные излучины действительно сродни реке. Вот такой, как река его детства. Река родины.

Крестили Георгия Жукова в Никольской церкви села Угодский Завод Малоярославецкого уезда Калужской губернии. Церковь стояла на Угодском погосте близ братской могилы казаков, умерших от ран в здешнем лазарете после Тарутинского сражения в октябре 1812 года. Крестил приходской батюшка Василий Всесвятский. По совершении обряда в метрической книге сделали обычную запись, из которой явствовало, что младенцу дано имя Георгий, что рождён он в 1896 году 19 ноября, что крещён 20-го, а родители его «деревни Стрелковки крестьянин Константин Артемьев Жуков и его законная жена Иустина Артемьева, оба православного вероисповедания».

Крёстными родителями младенца стали крестьянин села Угодский Завод Кирилл Иванович Сорокин и «крестьянская девица» Татьяна Ивановна Петина.

В тот год в приходе родилось 65 мальчиков и 82 девочки. Причём Жуковых появилось на свет пятеро. Дети родились во всех пяти стрелковских дворах, носивших фамилию Жуковы.

О родителях будущего маршала следует привести некоторые подробности. Потому что история отца и матери нашего героя стала предметом серьёзных раздоров историков и биографов.

Споры и кривотолки пошли вот откуда: доподлинно остаётся неизвестным происхождение отца — Константина Артемьевича Жукова. Семейное предание гласит, что в деревне Стрелковке на левом берегу Протвы жила бедная бездетная вдова Аннушка Жукова... «Чтобы скрасить своё одиночество, — пишет в своих мемуарах маршал, — она взяла из приюта двухлетнего мальчика — моего отца. Кто были его настоящие родители, никто сказать не мог, да и отец потом не старался узнать свою родословную. Известно только, что мальчика в возрасте трёх месяцев оставила на пороге сиротского дома какая-то женщина, приложив записку: „Сына моего зовите Константином“ Что заставило бедную женщину бросить ребёнка на крыльцо приюта, сказать невозможно. Вряд ли она пошла на это из-за отсутствия материнских чувств, скорее всего — по причине своего безвыходно тяжёлого положения».

Как пишет далее Жуков, дом вдовы Аннушки, где родились и все её внуки, в том числе и Георгий, стоял посреди деревни. «Был он очень старый и одним углом крепко осел в землю. От времени стены и крыша обросли мохом и травой. Была в доме всего одна комната в два окна». Кем и когда был построен дом Жуковых, никто не знал.

Как вспоминал сам маршал, все пять дворов стрелковских Жуковых родней друг другу не доводились, даже дальней. Крестьяне Малоярославецкого уезда Калужской губернии свои фамилии обрели, как и большинство окрестных, после отмены крепостного права. Кто выбирал, когда записывали, а кому и просто назначили.

Аннушка умерла, когда её приёмьшу едва исполнилось восемь лет. Сына поднять не успела. Снова оставшись сиротой, мальчик пошёл в село Угодский Завод, искать кусок хлеба на пропитание. И — нашёл. Его взял к себе в подмастерья сапожник. Так, через поле и перелесок, и бегал Константин Жуков каждое утро, стараясь не опоздать к началу работы. Вечером возвращался. Через три года, вступив в пору отрочества, попал он в Москву и там устроился в обувную мастерскую Вейса. Испокон веков жители подмосковных городков и селений искали в богатой Москве заработок и хорошую жизнь. И порой находили и то и другое. Оборотистый и предприимчивый немец открыл собственный магазин модельной обуви, и дела у предприятия шли неплохо. Со временем из Константина получился хороший мастер. Встав на ноги, он в 1870 году женился. В жёны ему высватали «крестьянскую дочь Анну Иванову» из той же деревни

Стрелковки. У них родились сыновья — Григорий (1874) и Василий (1884). Младший вскоре умер. А в 1892 году умерла от скоротечной чахотки Анна Ивановна. Константин Артемьевич остался вдовцом.

Кстати, происхождение его отчества остаётся невыясненным. Вероятнее всего, оно выбрано произвольно.

Мать будущего маршала, Устинья Артемьевна, родилась неподалёку, в деревне Чёрная Грязь, что в шести километрах ниже по течению Протвы, в семье Артемия Меркуловича и Олимпиады Петровны. Фамилии при рождении Устя не получила, так как фамилий здешние крестьяне помещика Голицына не имели вплоть до конца 80-х годов XIX века. Впоследствии записались Пилихинными. Устинья Артемьевна фамилии по отцу никогда не носила. Не успела. В семье она была старшим ребёнком. Известно, в крестьянском доме старший из детей — и за мать, и за отца, и за всех на свете. Рано втянулась в тяжёлый физический труд. От отца по природе ей передались широкая крестьянская кость, выносливость и упорство.

В деревне старшую пилихинскую дочь называли Устей, Устюхой. В семье — Устюшей. Детей впоследствии называли Устюхиными. По фамилии — редко. Будущего маршала окликали Егором Устюхиным. По причине того, что после отмены крепостного права здешние мужики, владевшие каким-либо мастерством — кузнечным, плотницким, столярным, скорняжным, сапожным и иным, уходили осенью трудиться по найму и возвращались домой весной, когда начинались сельскохозяйственные работы, в деревнях постепенно воцарился матриархат. Верховодили женщины. Правда, их первенство простиралось до известных пределов. Выборные и иные должности в общине занимали только мужчины.

Шли годы. Устинья повзрослела, заневестилась. Артемию Меркуловичу жалко было отдавать замуж, считай, в чужой двор, большую дочку — хорошая работница, в поле за двоих управляется, — но пора пришла.

Вначале её выдали за Фаддея Стефановича, крестьянского сына из соседнего села Трубина Спасской волости. Этот Фаддей Стефанович тоже оказался бесфамильным. Когда играли свадьбу, жениху только-только исполнилось 19 лет, а невесте было побольше — 22. Вскоре родился у них сын Иван, дальнейшая судьба которого неизвестна. А спустя некоторое время от чахотки умер Фаддей Стефанович. Устинья подалась в прислуги. Нанималась к богатым хозяевам в соседние деревни. Вне брака прижила ребёночка, вроде бы мальчика, крещённого с именем Георгий. Мальчик тот на свете долго не пожил, умер «от сухотки».

Как это часто бывало в деревнях, вскоре вдовец и вдова не просто сошлись, а честь по чести обвенчались в церкви. Впрочем, Константин Артемьевич и Устинья Артемьевна не просто сошлись, а обвенчались церковным браком. Венчал их приходской священник Василий Всесвятский, который затем будет крестить всех их общих детей. Венчание состоялось 27 сентября 1892 года в храме села Угодского Завода, о чём в здешних церковных книгах имеется соответствующая запись.

Устинье Артемьевне в год второго венчания было 29 лет. Константину Артемьевичу — 48.

Пошли совместные дети: Мария (1894), Георгий (1896) и Алексей (1899). Младший пожил всего полтора года. Случилось несчастье: ползая по дому, опрокинул на себя посудину с кипятком. Ожог оказался смертельным.

Имя Георгий, а в просторечии Егор, Устинья выбрала в память об умершем младенце, прижитом вне брака, но дорогом её сердцу. Такой обычай в этой местности был в то время весьма распространён.

Двадцатого ноября по церковному календарю день преподобного Григория. И когда священник назвал это имя, Устинья, как повествуют местные хроники, «решительно отвергла это имя. Оно ей было неприятно из-за сына Константина от первого брака, с которым у неё не сложились отношения».

Память святого великомученика Георгия, как известно, православные чтут 26 ноября, 9 декабря по новому стилю. Так что дата крещения младенца с Днём святого Георгия никак не совпадает. На счёт невежества священнослужителей эту историю отнести тоже нельзя, так как, по мнению жуковского краеведа А. И. Ульянова, «священник и дьякон были достаточно образованными, чтобы не перепутать имя святого и его простонародное искажение»^[1].

Жили Жуковы в Стрелковке, в стареньком доме с замшелой крышей и вросшим в землю углом. Кормились от земли и от домашнего хозяйства, а также от ремесла Константина Артемьевича. Дорога в Москву ему была с некоторых пор заказана. «Я не знаю подробностей, — писал впоследствии маршал, — по рассказам отца, он в числе многих других рабочих после событий 1905 года был уволен и выслан из Москвы за участие в демонстрациях. С того времени и по день своей смерти в 1921 году отец безвыездно жил в деревне, занимаясь сапожным делом и крестьянскими работами».

«Я очень любил отца, — вспоминал маршал, — и он меня баловал. Но бывали случаи, когда отец строго наказывал меня за какую-нибудь

провинность и даже бил шпандырем (сапожный ремень), требуя, чтобы я просил прощения. Но я был упрям — и сколько бы он ни бил меня — терпел, но прощения не просил. Один раз он задал мне такую порку, что я убежал из дому и трое суток жил в конопле у соседа. Кроме сестры, никто не знал, где я. Мы с ней договорились, чтобы она меня не выдавала и носила мне еду. Меня всюду искали, но я хорошо замаскировался. Случайно меня обнаружила в моём убежище соседка и привела домой. Отец ещё мне добавил, но потом пожалел и простил».

Характер — «был упрям», «терпел, но прощения не просил» — сформировался ещё тогда, в детские и отроческие годы.

Отец Константин Артемьевич, подчас не зная, как реагировать на проделки Егорика, в сердцах говорил: «В хвост и в гриву такого лупцевать!» Но строгость отца не породила в душе мальчика озлобленность. В воспоминаниях Жуков о нём отзывается с сыновней теплотой, в которой порой сквозит гордость. Значит, без дела отец шпандыря с гвоздя не снимал.

Статью, широкой крестьянской костью он пошёл в материнский род — пилихинский. Да и упорство, воля добиваться своего, твёрдость и умение брать на себя ответственность и за поступки, и за проступки, и за порученное дело — тоже оттуда, от пилихинского корня.

Ещё когда мальчонка только слез с печки и в первое лето босиком побежал по деревне, старики провожали его восторженно-насмешливыми взглядами и говорили:

— О, дед Артём побёг! Плечистый мужик будет. Девкам — беда!..

Звали его Егориком. Потом, когда повзрослел — Егором. Георгием ни в детстве, ни потом — никогда. Даже когда стал маршалом и слава о нём полетела повсюду и имя не сходило со страниц газет и журналов, книг и плакатов, когда тысячекратно повторялось по радио и в телевизионном эфире, в родной деревне его продолжали называть Егором Жуковым.

О матери маршал вспоминал: «Мать была физически очень сильным человеком. Она легко поднимала с земли пятипудовые мешки с зерном и переносила их на значительное расстояние. Говорили, что она унаследовала физическую силу от своего отца — моего деда Артёма, который подлезал под лошадь и поднимал её или брал за хвост и одним рывком сажал на круп».

О могучем деде Артёме сохранилось семейное предание: когда начал строиться, ездил в лес один, валил матёрые дубы, распиливал стволы на брёвна, соразмерные будущим стенам дома, и один укладывал их на повозку.

Разделение труда в семье Жуковых установилось по такому принципу: самую тяжёлую работу выполняла мать, а отец занимался сапожным ремеслом. По всей вероятности, Константин Артемьевич был слаб здоровьем. Возможно, именно по этой причине вынужден был покинуть Москву. А «полицейская» версия сложилась позже, когда Жукову необходимо было заполнять анкеты, писать автобиографию и соблюдать прочие предосторожности в соответствии с временем. Вряд ли Константин Артемьевич служил в армии. Сведений об этом на родине в архиве фондохранилища музея маршала Жукова нет. Так что копировать «военную жилку» юному Жукову было не с кого и не с чего. Ни военного человека, ни обстоятельств, которые бы с ранних лет развивали в нём интерес к военному делу, рядом с ним не было и в помине.

Чтобы хоть как-то выбиться из бедности и осенью на Покров проводить детей в школу обутыми-одетыми, Устинья Артемьевна нанималась в Угодском Заводе к зажиточным хозяевам и купцам возить из уездного Малоярославца и ближайшего города Серпухова бакалейные товары. За поездку ей платили рубль. Иногда накидывали сверх 20 копеек за добросовестность и расторопность. «И какая бывала радость, — писал маршал в „Воспоминаниях и размышлениях“, — когда из Малоярославца привозили нам по баранке или прянику! Если же удавалось скопить немного денег к Рождеству или Пасхе на пироги с начинкой, тогда нашим восторгам не было границ».

Извозом занимались многие. Промысел этот был в основном женский. В Стрел ковке существовала целая артель, в которую входила и Устинья Жукова. Женщины отправлялись в извоз примерно раз в неделю. Иногда приходилось ночевать в Малоярославце или в Серпухове, а наутро чуть свет везти товар в Угодский Завод. В дождь и слякоть, в метель и стужу. Для Устиньи такая работа была делом привычным.

Глава вторая

Нищее, счастливое детство

«Егор приехал, на вечеринках жди драки...»

Детскими забавами в Стрелковке были летом — Протва, зимой — Михалёвские горы.

Протва — река невеликая. Но и не речка — река. Когда в 1941 году, осенью и зимой, здесь стоял фронт, вплотную придвинувшись к Серпухову и Подольску и угрожая с севера непокорной Туле, Протва сперва серьёзно препятствовала продвижению к Москве немецких войск, а потом, когда началось контрнаступление, — нашим.

Особенность этой реки — плавное равнинное течение, песчаное дно, плёсы, заросшие ракитником и ольхами, щучьи омуты. Весной она разливается так широко и вольно, что превращается в море. Поэтому на пологих и низинных местах здесь никогда не строились — затопит, унесёт. Деревни и сёла стоят в отдалении или на кручах. Почва в основном песчаная. Кругом сосновые боры. В борах черника, земляника, костяника, грибы. В прежние времена водилось много дичи: тетерева, рябчики, куропатки, перепела. На Протве и старицах — дикие утки.

Все окрестные жители — прекрасные пловцы.

Однажды, уже в 1957-м, в Крыму во время отдыха маршал заплыл так далеко от берега, что родные заволновались. Семьи Жуковых и Пилихиных, как это не раз бывало, отдыхали на море вместе.

— Далеко заплываешь. Не боишься? — сказал ему двоюродный брат Михаил.

— Не боюсь. Я всю жизнь заплываю далеко. Чего нам бояться? Помнишь, как Сашка нас плавать научил! На Протве самые глубокие места вдоль и поперёк по несколько раз переплывали. Наперегонки!

Александр Пилихин, наставник и опекун братьев, учил их плавать так. Сажал в лодку, выгробал на середину Протвы, где она поглубже и пошире, выталкивал одного и другого в воду и кричал: «Плывите к берегу!» И внимательно следил: если кто начинал «хлебать» и тонуть, ловко выхватывал из воды и затаскивал в лодку.

Зимой развлечением стрелковской детворы становились Михалёвские горы. Катались на лыжах и на «леднях». «Ледня» — старое, износившееся и уже не нужное в хозяйстве решето. Обмазывали его жидким коровьим

навозом и морозили. Процедуру эту необходимо было выполнять неоднократно, чтобы покрытие ложилось тонкими слоями и служило потом долго. Нынешние «ледянки», на которых дети катаются зимой с горок, — производное той, настоящей «ледни».

Егорик слыл среди своих одногодков заводилой и атаманом. В потасовках, которые время от времени случались, всегда решал исход «почестному». Был не по годам силен и ловок. В драках «стенка на стенку» — надёжен и храбр.

Потом, когда начал, как говорят в деревне, «девкам на пятки наступать», драки не прекратились — ревниво отгонял соперников от своих избранниц. Однажды на танцах стал отбивать невесту у местного почтальона. «Егор, не лезь, — предупредили друзья, — у него револьвер». Почтальонам выдавали служебное личное оружие, так как их работа была связана с перевозкой ценностей и крупных денежных сумм. Почтальон, не отличавшийся силой, не расставался со своей «привилегией» и на гулянках. Жукова это только раззадорило. Когда началась драка, почтальон выхватил револьвер. Жуков ловко выбил его из руки соперника и забросил в кусты. Эта безрассудная, отчаянная храбрость впоследствии проявится на фронте — и на одной войне, и на другой, и на третьей, и на четвёртой, самой большой и продолжительной.

Так что и на гулянках не уступал первенства. За девочками ухаживал лихо и напористо. На родине до сих пор шутят: так, мол, и воевал, и когда солдатом был, и когда маршалом.

Особенно запала в душу одна...

Жуков в ту пору уже работал в Москве и в Стрелковку приезжал только на лето и в Рождество погостить.

Своему редактору «Воспоминаний и размышлений» журналисту Анне Миркиной он рассказал однажды в порыве откровения, когда речь зашла о родине, о юности, о первых волнениях крови: «Я, когда молодым был, очень любил плясать. Красивые были девушки! Ухаживал за ними. Была там одна — Нюра Синельщикова — любовь была».

Но это будет потом, после детства и отрочества. Крепко его тогда захватила первая любовь. Вот и не забывалась. Когда приехал из Москвы в Стрелковку и узнал, что Нюру уже сосватали, ходил вокруг её дома и не своим голосом кричал: «Нюрка! Что ты наделала!»

Впоследствии, уже оглядываясь на прожитое, но словно всё ещё оберегая старую рану, Жуков подарит Нюре первое издание своих «Воспоминаний и размышлений», где будет упоминание и о ней. На титульном листе сделал сдержанную надпись: «А. В. Синельщиковой —

другу моего детства на добрую память». На самом же деле Нюра была другом не только детства, но и юности, более того — невестой.

Отец Константин Артемьевич хоть и был строг с детьми и лупил самого резвого и непокорного из них — Егорика — шпандырем, хозяином в доме был, видимо, никудышным. Всё держалось на двужильной Устюше. Иначе как объяснить, что в 1902 году, уже к осени, «от ветхости» обломились прогнившие обрешётки и стропила дома и крыша рухнула внутрь. Когда односельчане собрались на усадьбе Жуковых, чтобы помочь горю бедной семьи, накануне холодов вынужденной жить в сарае, выяснилось, что новые стропила на гнилых стенах поднимать бессмысленно. Пустили по кругу шапку и вскоре собрали необходимую сумму, на эти деньги в соседнем селе купили готовый сруб. Перевезли. Дом поставили обыдёнкой — за один день накидали на мох сруб, подняли стропила, обрешётки и покрыли соломой в несколько рядов.

Тот год был для семьи Жуковых самым тяжёлым. Сам маршал вспоминал его так: «Год выдался неурожайный, и своего зерна хватило только до середины декабря. Заработки отца и матери уходили на хлеб, соль и уплату долгов. Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей. Такая взаимопомощь в деревнях была не исключением, а скорее традицией дружбы и солидарности русских людей, живших в тяжёлой нужде».

Анна Ильинична Фёдорова^[2], старожил из Чёрной Грязи, вспоминала: «Была я маленькая, сидела на печке и видела, как Егор Жуков приходил к моему старшему брату Семёну. Они дружили. Был он из бедной семьи, ходил в рваных ботинках». Да, заметим мы, при отце-то сапожнике...

Та же Анна Ильинична сохранила в памяти ещё кое-что. Воспоминание это относится к более позднему периоду жизни Жукова, когда он уже жил и работал в Москве, а на родину приезжал погостить. И — погулять. «Когда Жуков в юности приезжал из Москвы в Стрелковку, то в деревне говорили: „Егор приехал, на вечеринках жди драки...“». Так что характер его твердел на кулаках и на крапиве.

Известен случай, когда после очередной драки на вечеринке местные парни подкараулили его, связали и бросили в канаву с крапивой. «Вот тебе наши девки, москвич!..» В крапиве Егор пролежал до утра. Но и этот случай был частью становления характера. Уроком, который, надо признать, он усвоил только отчасти...

Однако лето для деревенской ребятни — это не только купание на реке, но и заботы по хозяйству. Грядки прополоть. Воды наносить — и домашней скотине, и на полив огорода.

В лес за ягодами сходить, за грибами. Рыбалка на реке Протве и речке Огублянке, впадавшей в Протву неподалёку, возле села Огуби, развлечением была лишь отчасти. Рыба стала частью пропитания семьи. Рыбу ловили корзинами. Когда подросли, плели верши, нерета и морды. Чем лучше снасть, тем богаче улов. Плотва, густера, окуни, щуки, налимы, голавли, лини, лещи. Часть большого улова Егор относил соседям. В благодарность за щи в голодные дни. А ещё он приистрастился к охоте.

Жил в деревне Прошка по прозвищу Хромой. Он работал половым в придорожном трактире в Огуби. Хромой Прошка купил себе ружьё и стал ходить на охоту. Брал с собой и Егора. Они вскоре подружились, хотя Хромой Прошка был намного старше. Мать Прошки на крестинах Егора держала его на руках перед купелью, а потом, голенького, принимала от отца Василия. Так что Хромой Прошка доводился ему почти роднёй.

Поскольку они ходили в лес вдвоём, а ружьё было одно, то и стрелял из него владелец — Хромой Прошка. А Егору доставалась другая работа: зимой, когда они охотились на зайцев, Егор делал загоны или распутывал заячьи малики, то есть следы. Он искусно и умело тропил зайца. Увидев след, сразу определял, беляк это или русак. Различал концевые, жировые, гонные или взбудные следы. Понимал, что если косой сделал смётку — отпрыгнул со своего следа, «двойки» или «тройки», далеко в сторону, то где-то неподалёку и залёг. Иногда зайца брали прямо на лёжке. Бывало — и упустили. Тогда Егору приходилось выслеживать его, топтать снег по новому кругу. А в конце лета ходили на уток. В августе на крыло становилась молодь. Выводки в хорошие годы были большими. За одну охоту добывали до дюжины крякв. Стрелял Хромой Прошка, а Егор плавал за подранками. Конечно, Прошка давал Егору выстрелить раз-другой, но случалось такое редко.

Иногда на охоту отправлялись втроём. Егор уговаривал Хромого Прошку взять с собой друга-однокашника Лёшу Колотырного. Колотырный — это прозвище. Настоящая фамилия друга — Жуков.

Пройдут годы. Пройдёт одна война. Грянет за ней другая, Гражданская. Коноводом у командира кавалерийского полка Жукова будет верно служить красноармеец Алексей Жуков, которого комполка по-прежнему будет окликать Колотырным.

Человек родины, Жуков всегда будет окружать себя земляками, роднёй. Надёжными и добросовестными людьми.

Страсть к охоте, в особенности утиной, Жуков сохранит на всю жизнь. Охотничьи же навыки, умение «тропить» зайца и тихо подходить к утиным выводкам пригодятся очень скоро — на Первой мировой войне, где Жуков

будет разведчиком.

Деньги, собранные миром на покупку сруба, Жуковым необходимо было возвращать общине. Они и возвращали. Частями. Как могли. Это был своего рода кредит. Беспроцентный.

Помогать своим. Не оставлять в беде. Выручить родню, близкого. Не оставить вниманием земляка. Выросший и воспитанный деревенской общиной, родителями, роднёй в такой нравственной атмосфере, Жуков сохранит эти качества на всю жизнь. Будет щедр к родным и близким. Заботлив по отношению к многочисленным племянникам и племянницам, гостеприимен. Родня всегда будет окружать его и в московской квартире, и на даче, и даже на квартирах в гарнизонах. Он любил, чтобы вокруг него были родные лица, звучали интонации его родины — Стрелковщины.

На следующую осень после того, как Жуковы выбрались из сарая в новый дом, Егора и Машу собирали в школу.

Церковно-приходская школа для крестьянских детей находилась в деревне Величково, это вниз по течению Протвы на полпути к Чёрной Грязи. Сюда ходили учиться крестьянские дети из четырёх деревень: Лыкова, Величкова, Стрелковки и Огуби. Учителем в школе был сын местного батюшки Сергей Николаевич Ремизов. Местные хроники сохранили о нём память как о талантливом педагоге, посвятившем свою жизнь крестьянским детям, их просвещению. Отец учителя, Николай Ремизов, «тихий и добрый старичок», к тому времени уже заштатный священник местной церкви, преподавал в школе Закон Божий.

Сестра Маша в школу пошла на год раньше. Егор выучился читать и писать печатными буквами по её букварю, а потому пришёл в школу уже подготовленным. Вспоминал: «Некоторым ребятам родители купили ранцы, и они хвастались ими. Мне и Лёшке вместо ранцев сшили из холстины сумки. Я сказал матери, что сумки носят нищие и с ней ходить в школу не буду.

— Когда мы с отцом заработаем деньги, обязательно купим тебе ранец, а пока ходи с сумкой.

В школу меня вела сестра Маша. Она училась уже во втором классе. В нашем классе набралось 15 мальчиков и 13 девочек.

После знакомства с нами учитель рассадил всех по партам. Девочек посадил с левой стороны, мальчиков — с правой. Я очень хотел сидеть с Колотырным. Но учитель сказал, что вместе посадить нас нельзя, так как Лёша не знает ни одной буквы и к тому же маленький ростом. Его посадили на первую парту, а меня — на самую последнюю».

Школу в Величкове построил здешний землевладелец князь Николай

Сергеевич Голицын в 1888 году. Согласно «Правилам о церковно-приходских школах», изданным в 1884 году, величковская школа, её духовно-нравственный тон и учителя должны были заложить добрую основу подрастающего поколения и утвердить в народной среде православие. В день открытия школы крестьянская община преподнесла щедрому строителю и попечителю две богато изукрашенные, в серебряных окладах иконы — святого Николая и «Иисус Христос на престоле, благословляющий приходящих к нему детей». Растроганный князь тут же передал дары школе, дабы «в каждом из двух классных помещений находилась одна икона». Князь Голицын не только выстроил здание школы, но и закупил всё необходимое для учебных занятий: мебель, классные доски, счёты, тетради, карандаши, перья, чернила и чернильницы, книги, предусмотренные программой, словом, всё «в потребном количестве». Он же взял на себя расходы на выплату жалованья учителям и все текущие надобности. Школа князя Голицына в Величкове была лучшей в уезде и считалась образцовой.

Егор учился хорошо. Все предметы ему давались легко. Поэтому оставалось время и на проказы. Марья Ивановна Крюкова, учившаяся с Егором в одном классе, рассказывала, что она с подружкой сидела впереди, а Егор, сидевший сзади, «озорничал». У девочки были длинные густые косы, и Егор во время урока цеплял на них репей. Неравнодушен он был и к её подружке: по дороге из школы домой в Стрелковку он донимал репьем обеих.

Впрочем, земляки великого полководца любят пошучивать вот на какую тему: когда слава Маршала Победы, уже очищенная от наветов, зависти и опасной хулы, докатилась до родных мест, многие местные старухи стали рассказывать доподлинные истории о том, как Егор в своё время не смог добиться их благосклонности...

Первый класс Маша окончила с трудом. Сестра в учении оказалась слабенькой. Её оставили на второй год. Родители решили: хватит попусту лапти рвать, в домашнем хозяйстве от девочки пользы будет больше. Маша разрыдалась. Егор вступился за сестру. Сказал, что не Маша виновата в том, что отстала в учёбе, а то, что ей приходилось пропускать много уроков, чтобы заниматься домашним хозяйством, пока мать находится в извозе. При этом выказал такое умение стоять на своём, что родители уступили. С тех пор брат и сестра учились в одном классе. Егор всегда помогал сестре, если у неё что-то не получалось. И никому не давал её в обиду.

Всю жизнь он будет опекать старшую сестру. Устраивать и учить

племянников. Но об этом — в свой черёд.

Учитель Жукова Сергей Николаевич Ремизов принадлежал к породе русских подвижников. Родился он в Угодском Заводе в семье священника. В тот год, когда в Величково из Стрелковки с холщовой сумкой через плечо пришёл в первый класс Егор Жуков, учителю исполнилось 40 лет. Педагогический стаж составлял 22 года. Ремизов окончил Калужское духовное училище и сразу же был определён в только что построенную школу в Величкове. Неоднократно поощрялся по ведомству Малоярославецкого уездного училищного совета «за усердное отношение к школьному делу». Отмечен Синодом — «за ревность в наставлении детей в вере» получил наградную Библию. Окончил педагогические курсы в Калуге. Личность незаурядная, цельная. Можно уверенно предположить, что на становление будущего полководца общение с ним оказало огромное влияние. Счастье для человека, которому в ранние лета попадает такой учитель и наставник. Ремизов пристрастил Егора к чтению. Настоял, чтобы тот пел в церковном хоре. Книги стали частью жизни Егора, воспитателями и ангелами-хранителями его души. Жуков всю жизнь делал себя сам. И в этом его делании самыми верными помощниками были книги.

В последние годы жизни Сергей Николаевич Ремизов обратился к Богу. В заброшенной часовне в Угодском Заводе, уже в советские годы, собирал детей и беседовал с ними на духовно-нравственные темы. Он ушёл из жизни в 1926 году, никем не преследуемый, но и всеми забытый.

В 1964 году маршал приезжал на родину. Посетил могилу отца. И долго искал могилу учителя. Но не нашёл её. Своим спутникам с грустью сказал:

— Есть у меня в жизни долг неоплаченный. Долг памяти первому учителю — Сергею Николаевичу Ремизову. Прекрасный был педагог. А главное — человек светлый, порядочный.

В первом отделении (классе) Жуков изучал объяснительное чтение; письмо; арифметику; Закон Божий, который в первый год обучения включал Священную историю от Сотворения мира до Вознесения Христова, знание шестнадцати молитв.

В два последующих года дети постигали катехизис; Символ веры; богослужение с обязательным посещением храма и участием в службе. Кроме духовных предметов во втором отделении школьники осваивали чистописание; письменные упражнения; русское чтение.

Также ученик самостоятельно должен был прочитать сверх программы 200 книг — произведений русских писателей, рекомендованных Министерством народного просвещения.

В 1906 году Жуков успешно окончил полный курс трёхклассной церковно-приходской школы. Учитель Сергей Николаевич Ремизов вручил выпускнику похвальный лист с отличием и напутствовал самыми добрыми словами.

После окончания школы отец подарил Егору новые сапоги. Мать сшила новую рубаху. Подарки были не праздными — парня собирали в Москву. Родители понимали: пора парню учиться не книжной науке, а той, которая давала бы кусок хлеба — мастерству. Привязывать к земле Егора не хотели: смыслёный, ловкий в любом деле, заводила и атаман, такой и в Москве не пропадёт. Но в Москву он сразу по выпуске из начальной школы отправлен всё же не был. Почему, неизвестно. Возраст уже позволял оторваться от дома и стать подмастерьем хотя бы в уездном Малоярославце. Кстати, городок славился мастерами-хлебопёками и скорняками. Продукция отправлялась в Москву. Благо туда через Малоярославец лежала прямая как стрела дорога — знаменитое Варшавское шоссе.

Пока Егор учился грамоте и Закону Божию в Величкове, Россию потрясли два урагана: Русско-японская война (1904–1905) и первая русская революция (1905–1907). Империя устояла, но сроки её существования исчислялись уже немногими годами.

Местные хроники отмечали следующее: «События, происходившие тогда в городской России, мало затронули Стрелковщину. Выборгское воззвание политизированной интеллигенции, обратившейся с призывом к народу начать кампанию гражданского неповиновения из-за роспуска Госдумы, оставило народ равнодушным. На повседневной жизни крестьян политическая борьба, как казалось здешним жителям, никак не отражалась. Столыпинская реформа в Стрелковщине и в целом в Калужской губернии провалилась. Мужики не хотели выходить из общины и угрожали „красным петухом“ всем, кто попытается из неё выделиться. Привычный уклад жизни Огубской общины выдержал напор новых веяний. Хутора здесь не возникли. Несмотря на смутное время не знали в крае и политического террора. Только в нижних, по течению Протвы, волостях эсеры пытались мутить народ, дрались в пьяном виде со своими противниками и грабили во имя „светлого идеала“. Впрочем, и это случалось довольно редко»^[3].

В 1908 году в Чёрную Грязь навестить родню приехал из Москвы брат Устиныи Артемьевны Михаил Артемьевич Пилихин. Вот тут-то и начала жизнь-река ломать своё привычное течение и буровить новую излучину.

Михаил Артемьевич Пилихин к тому времени не просто обжился в Москве, а по-настоящему разбогател. В своё время его отдали в

подмастерья одиннадцатилетним. И вот он — мастер-меховщик высочайшего класса, при богатых и солидных клиентах и заказчиках, владелец меховой мастерской в самом центре Москвы на Кузнецком Мосту и собственного магазина мехов и изделий из кожи. Из Чёрной, как говорится, Грязи калужской — да на Кузнецкий Мост!

Приехал Михаил Артемьевич к сестре в Стрелковку, посмотрел на бедность родни, поинтересовался хозяйством, видами на урожай. Всё кругом выглядело тоскливым, и тоска эта казалась беспросветной и бесконечной. Зато племянник произвёл хорошее впечатление — крепкий, с умным внимательным взглядом, с достоинством в движениях и осанке. В лице, посадке головы и коренастой фигуре чувствовалась пилихинская порода. Волевой подбородок с ямочкой. Пожалуй, из парня толк выйдет. Но в деревне — пропадёт.

— Ну вот что, Устя, — сказал он, кивнув на Егора. — Племянника я забираю.

Константину Артемьевичу в тот раз шурьяк^[4] руки не подал. Разговаривал с сестрой и Егором.

Решение Михаила Артемьевича и обрадовало Жуковых, и опечалило одновременно. Наконец-то у сына забрезжило будущее, да и не в чужие люди уходит, а к родному дяде, к выгодному делу, к денежному ремеслу, с которым жизнь можно устроить куда как лучше, чем здесь, в нищающей деревне. С другой стороны — на одни рабочие руки в семье становилось меньше. Да и жалко от себя отпускать...

Закончилось деревенское детство Егора Жукова. С его радостями и развлечениями на Протве. С рыбалкой, покосами и охотами на зайцев и уток. Со стремительными гонками на замороженных «леднях» на Михалёвских горках. С девичьим смехом и шёпотом возле соседских калиток...

Глава третья

Москва

«Жуков быстро становился городским человеком...»

Одна из двоюродных сестёр по материнской линии Анна Михайловна Пилихина, прожившая 96 лет и до конца своих дней не бросавшая огорода и небольшого хозяйства на родной земле в Чёрной Грязи, вспоминала: «Если бы не наш отец, малограмотный, но предприимчивый скорняк Михаил Артемьевич Пилихин, то мой двоюродный брат Егор Жуков пас бы в Стрелковке гусей... В нашей московской квартире Егор все годы жил, как равноправный член нашей семьи. Равняясь на моего старшего брата, Александра, Жуков быстро становился городским человеком. Александр родился в 1894 году и был, таким образом, старше Егора на два года».

Расставание с родиной было нелёгким. Родители, сестра, закадычный друг Лёша Колотырный...

— Ничего, племяш, — похлопал его по плечу дядя Михаил Артемьевич, — на Пасху приедешь повидаться. Московских гостинцев им привезёшь. Ещё пуще любить и ждать будут. Помяни моё слово.

Слово у дяди было твёрдым. Как шип в подошве. Сказал — сделал.

— Жить будешь с нами. В семье. Работать не ленись. Твоё дело какое? Слушаться и выполнять всё, что прикажут.

Пилихины занимали второй этаж просторного дома, где у них были и мастерская, и магазин, и жилые комнаты. Теперь в этом здании, перестроенном и расширенном, находится магазин «Педагогическая книга». Чуть позже оборотистый Михаил Артемьевич приобрёл двухэтажный деревянный дом в Брюсовом переулке. Дела у него шли в гору. Производство потихоньку расширялось. Клиентов становилось больше.

В Москве в новой городской обстановке Жуков освоился быстро. Шумное московское многолюдье ему понравилось. На первые же заработанные деньги купил приличную одежду. Умел сэкономить лишнюю копейку, зная, что дома, в Стрелковке, каждому грошику, присланному им, будут очень рады.

Никаких поблажек в доме и в мастерской дяди Жукову не делали. Вначале состоял в мальчишках на побегушках: подметал и мыл полы в квартире и в мастерских, надраивал хозяйские сапоги, ходил в лавку за

табаком и водкой для мастеров, ставил самовар, мыл посуду, зажигал лампы у икон. Одним словом — «что прикажут». Присматривался и к основному делу. Старшая мастерица Матрёша, она же артельная кухарка, вскоре подарила ему напёрсток, дала иглу с ниткой и показала, как сшивается мех. Она же преподавала первый и весьма жёсткий урок поведения за столом. Сам маршал вспоминал эту историю так: «Кузьма, старший мальчик, позвал меня на кухню обедать. Я здорово проголодался и с аппетитом принялся за еду. Но тут случился со мной непредвиденный казус. Я не знал существовавшего порядка, по которому вначале из общего большого блюда едят только щи без мяса, а под конец, когда старшая мастерица постучит по блюду, можно взять кусочек мяса. Сразу выловил пару кусочков мяса, с удовольствием их проглотил и уже начал вылавливать третий, как неожиданно получил ложкой по лбу, да такой удар, что сразу образовалась шишка».

Из воспоминаний двоюродного брата Жукова Михаила Пилихина-младшего: «Мать Егора Жукова в 1908 году... отправила его в Москву к моему отцу... в учение меховому искусству на четыре года. В это время мой отец с семьёй проживал в Камергерском переулке, где он снимал квартиру, в которой находилась скорняжная мастерская. Имел трёх мастеров и трёх мальчиков-учеников. В этот год осенью привезли к дяде учиться скорняжному искусству и Егора Жукова.

В конце 1908 года дом был назначен на ремонт. Отец снял квартиру в Брюсовом переулке. В мастерской Пилихина работы всё прибавлялось. Крупные меховые фирмы и знаменитые мастерские женского верхнего платья Ламоновой, Винницкой, другие мастерские давали много заказов. Сезон скорняжного дела начинался с июля. С 20 декабря все мастера уезжали по своим деревням на Рождество, а возвращались 10–15 января. Каждый ученик был прикреплен к мастеру, который и обучал его. Мастера приходили к семи часам. Ученикам входило в обязанность подготовить к приходу мастеров рабочие места, а по окончании работы подмести мастерскую и всё убрать.

К приходу мастеров мы ставили самовар и готовили всё к завтраку. Все мастера находились на хозяйских харчах — завтракали, обедали, ужинали. Это было лучше для производства, и мастерам было лучше: они хорошо покушают и отдохнут. А если они будут ходить в чайную, там выпивать и только закусывать, то полуголодные будут возвращаться уже навеселе. Они были бы малопродуктивными работниками.

Егор Жуков очень усердно изучал скорняжное искусство и был всегда обязательным и исполнительным. После двух лет работы в мастерской дядя

взял его в магазин, он и там проявил себя исполнительным и аккуратным. Егор с большим любопытством ко всему присматривался и изучал, как надо обслуживать покупателей, там служил и старший брат Александр, который Егору помогал всё это освоить. А я работал младшим учеником. В 1911 году, когда Егору исполнилось 15 лет, его стали называть Георгий Константинович».

По всей вероятности, Егор заслужил похвалу дяди, за что тот и повеличал его. После чего его мастерство признали все, работавшие в пилихинской мастерской, и стали называть по имени и отчеству.

В своих мемуарах Жуков нелестно отзывается о дяде Михаиле Артемьевиче Пилихине. Но всё это можно отнести на счёт идеологии. Мемуары Главного Маршала Победы должны были выйти к читателю политически правильными, идеологически выдержанными. Вот и расставлялись нужные акценты: раз собственник, владелец производства, да к тому же ещё и торговец, то — эксплуататор и стяжатель. Мало ли что родной дядя — благодетель, помогший выбраться из нищеты, освоить хорошую профессию и наставить на путь истинный... Двоюродная сестра на это бросила короткий, но справедливый упрёк: если бы, мол, не «наш отец»... то пасти бы Егорке Жукову гусей в родной и беспросветной глухомани.

«Первое время я очень скучал по деревне и дому, — писал о своей скорнячко-московской одиссее маршал. — Я вспоминал милые и близкие сердцу рощи и перелески, где так любил бродить с Прохором на охоте, ходить с сестрой за ягодами, грибами, хворостом. У меня сжималось сердце и хотелось плакать. Я думал, что никогда уже больше не увижу мать, отца, сестру и товарищей. Домой на побывку мальчиков отпускали только на четвёртом году, и мне казалось, что время это никогда не наступит».

Двоюродные братья дружили как родные. Во всём друг другу помогали, выручали в сложных обстоятельствах. Вместе осваивали скорняжное дело и искусство торговли. Вместе развлекались. И учились. Александр хорошо знал немецкий язык и учил Егора, давал ему регулярные уроки. В свободное время гуляли по Москве. Захаживали и в книжные лавки, покупали книжки. Кроме учебников приобретали дешёвые переводные издания приключений лондонского сыщика Шерлока Холмса^[5] и американского его собрата Ника Картера^[6].

Чтение для Жукова ещё в Стрелковке стало любимым занятием. Но в деревне книг было мало. А тут столица открыла перед ним свои

кладовые... Когда он ходил в школу в Величкове, учитель Сергей Николаевич Ремизов время от времени давал ему что-нибудь из своей библиотеки. А потом, когда Егор всё возможное и посильное для его возраста перечитал, сказал жадному до чтения ученику: «Вот окончишь школу, подрастёшь и поедешь в Москву. Там устроишься учеником в типографию. Станешь мастером-печатником. Вот уж где книги вольные будут!»

Но родители и дядя знали лучше, как устроить его будущее. А книги никуда не ушли...

Иногда Александр приносил такую книгу, смысл которой осилить было непросто. И Жуков понял, что знаний, образования его не хватает для того, чтобы мыслить и понимать мир шире и глубже. Поэтому детективы и приключенческие книги ему вскоре наскучили, и они с Александром принялись за учебники математики, русского языка и географии. На полке у Жукова появились научно-популярные книги, описания путешествий и природных явлений, справочники. Хозяин, наблюдая за увлечениями детей и тягой к знаниям, сдержанно поощрял их.

Вскоре Жуков поступил на вечерние общеобразовательные курсы. Они «давали образование в объёме городского училища». Сочетать работу и учёбу было непросто: «...уроки приходилось готовить ночью на полатах, около уборной, где горела дежурная лампочка десятка в два свечей».

В воскресные дни и по великим праздникам Михаил Артемьевич всех домашних вёл в храм Воскресения Словущего, что стоял неподалёку. В нём был довольно хороший хор. Дядя, по воспоминаниям Жукова, в буквальном смысле приходил в восторг и священный трепет, слушая церковные песнопения. После службы был торжественный обед. После обеда глава семьи отпускал всех на волю. Если случалось особо приподнятое настроение, мог подарить по серебряному николаевскому полтинничку. Братья были предоставлены сами себе. Обычно они отправлялись на прогулку по городу.

Михаил Пилихин-младший вспоминал: «В 1911 году отец взял меня из школы на своё предприятие в ученики на четыре года на тех же основаниях, как и других учеников.

Георгий Жуков взял надо мной шефство, знакомил меня с обязанностями, в основном убирать помещения, ходить в лавочку за продуктами, ставить к обеду самовар. А иногда мы с Георгием упаковывали товары в короба и носили в контору для отправки по железной дороге. Во время упаковки товара Георгий, бывало, покрикивал на меня, и даже иногда я получал от него подзатыльник. Но я в долгу не оставался, давал ему сдачи

и убегал, так как он мог наподдать мне ещё. За меня заступался мой старший брат Александр, он был одноклассником с Георгием. А в основном жили очень дружно...

В воскресные дни отец брал нас в Кремль, в Успенский собор. Он всегда проходил к алтарю, где находился синодальный хор, который состоял почти исключительно из мальчиков. Отец очень любил слушать пение этого хора. Нас он оставлял у выхода из собора, так как мы, малыши, не могли пройти сквозь толпу к алтарю. Отец уходил к алтарю, уходили и мы из собора, бродили по Кремлю. А когда в конце службы звонили в колокол к молитве „Отче наш“, мы быстро возвращались к входу в собор и все вместе шли домой. Синодальным хором дирижировал Николай Семёнович Голованов, впоследствии главный дирижёр Большого театра. Мой отец с Н. С. Головановым и его женой Антониной Васильевной Неждановой, знаменитой певицей, был хорошо знаком, и, когда мой отец умер в декабре 1922 года, Н. С. Голованов с синодальным хором принял участие в похоронах».

По всей вероятности, дружба семьи музыкантов и артистов и меховщика происходила не только из душевной близости — регент хора и певица являлись заказчиками у Пилихина-старшего. Клиенты Михаила Артемьевича были люди знатные.

«В воскресные дни мы во дворе играли в футбол, — вспоминал Михаил Пилихин-младший, — мячом служила нам старая шапка, набитая бумагой. Играли в городки, в бабки, в лапту с мячом. В те времена игры эти были в большом почёте. В ненастные дни, когда отца не было дома, мы играли в прятки или в футбол в проходной комнате, „воротами“ служили нам двери. Мы так возились, что соседи с первого этажа приходили с жалобами, у них с потолка сыпалась штукатурка. В дальнейшем нам были запрещены навсегда игры в комнате. Мы тогда стали собираться на кухне и играть в карты — в „21 очко“ Играли на старые пуговицы, мы собирали их во дворе, их выкидывал сосед — военный портной...»

Азартного картёжника из Жукова не вышло. Страстишку пресёк всё тот же главный домашний педагог и воспитатель — Михаил Артемьевич. Однажды хозяин вошёл в комнату сыновей. Те азартно резались в карты. Дядя схватил племянника за ухо и сказал:

— Не там, не там твои червонцы рассыпаны, Георгий Константиныч...

Ухо потом долго горело огнём. К картам Георгий больше не притронулся.

В 1912 году Жуков окончил полный курс учёбы. В автобиографии, написанной им для личного дела в 1938 году, Жуков уточнил следующее:

«Образование низшее. Учился 3 года до 1907 г. в церковно-приходской школе в дер. Величково Угодско-Заводского района Московской области и 5 месяцев учился на вечерних курсах при городской школе в Москве, в Газетном переулке. Не было средств учиться дальше — отдали учиться скорняжному делу. За 4-й класс городского училища сдал экстерном при 1-х Рязанских кавкурсах ст. Старожилово Р.У.Ж.Д. в 1920 г.».

Дядя Михаил Артемьевич успехи племянника поощрил некоторой суммой денег сверх причитающегося жалованья, а также подарком в виде костюма-тройки, двух пальто — демисезонного и зимнего на меху с каракулевым воротником, пары ботинок и комплекта белья.

Отблагодарив дядюшку за щедрые дары, он тут же уехал в Стрелковку, чтобы показаться на родине настоящим московским франтом.

Так и произошло. Отпуск, пожалованный Михаилом Артемьевичем, Жуков провёл в Стрелковке и Чёрной Грязи. Гостил, помогал по хозяйству. И лихо отплясывал на вечеринках, с жаром заглядывая в девичьи глаза.

По возвращении в Москву снова встал за прилавок. Дядя положил ему десять рублей в месяц, притом что жил и столовался Жуков по-прежнему в гостеприимной семье Пилихиных.

Умный человек был дядюшка Михаил Артемьевич Пилихин. Цельная натура. И скуповатая, и щедрая одновременно. Настоящий русский человек. Крепкий корень, который поднимал и держал обширную крону большого, разветвлённого семейства. Невозможно удержаться от сравнения с нынешними купцами и дельцами, арендующими помещения для контор на Кузнецком Мосту и в Брюсовом переулке. Невозможно представить, чтобы они вот так, семейно, шли в Кремль или на службу в ближайший приходской храм. Всё по островам да по ниццам, по закрытым клубам и злочным местам...

Десять рублей в месяц — по тем временам и ценам весьма хорошее жалованье. Средний москвич считал счастьем жить на один рубль в день. Жуков проживал в три раза меньше. Но ведь и стол, и кров были бесплатными.

Фунт муки стоил 6 копеек. Десяток яиц — 44 копейки. Фунт шведской сёмги — 90 копеек. А вот снять квартиру из двух-трёх комнат стоило недёшево — 40–50 рублей в месяц. Билет на концерт знаменитости стоил от одного рубля до десяти. Дешёвые книжки стоили копейки. На них-то и тратил Жуков часть своего жалованья.

Он, конечно же, понимал своё счастье. Но, видимо, знал и другое: к примеру, офицер получал около двух тысяч рублей в месяц. Офицеры были частыми и выгодными заказчиками.

Расплачивались всегда щедро, оставляя хорошие чаевые. Особенно ему нравились кавалеристы — длинные шинели, ремни, шашка на узкой портупее, шпоры, которые при ходьбе позванивали...

В это время Жуков с братьями часто ходил в театр, на концерты. Посещали юноши и кино. В Москве к тому времени уже было много кинотеатров. Михаил Артемьевич отпускал сыновей в синематограф со спокойным сердцем, зная, что никакого непотребства они там не увидят: ещё в 1908 году московский градоначальник генерал Джунковский запретил показывать в кинотеатрах фильмы «парижского жанра» — «фривольные или порнографические по содержанию».

«На четвёртом году учения», как отмечают биографы маршала, Михаил Артемьевич взял Георгия с собой на ярмарку в Нижний Новгород. Там расторопный в этих делах дядюшка снял на время ярмарки лавку и успешно вёл оптовую торговлю. В обязанности Жукова входили упаковка проданного товара и отправка его на пристань для дальнейшей транспортировки по назначению. Часть грузов доставлялась по железной дороге. Эти контейнеры Жуков сопровождал и оформлял в железнодорожной товарной конторе. Такого хваткого и надёжного помощника Михаил Артемьевич подбирал для своего дела давно. И вот, кажется, выучил из своих, поднял, как говаривали в Чёрной Грязи, из гусяного помёта. Сыновья-то — ни Сашка, ни другой — не годятся. А племянник — хваткий и характер имеет. Этот дела не упустит.

В мемуарах маршал рассказал об этом периоде своей жизни так: «На четвёртом году учения меня, как физически более крепкого мальчика, взяли в Нижний Новгород на знаменитую ярмарку, где хозяин снял себе лавку для оптовой торговли мехами. К тому времени он сильно разбогател, завязал крупные связи в торговом мире и стал ещё жаднее».

Нижегородская ярмарка, её изобилие и щедрость, разноликий людской поток и ходкая торговля поразили впечатлительного Жукова. Восхитила Волга. «До этого я не знал рек шире и полноводнее Протвы и Москвы. Это было ранним утром, и Волга вся искрилась в лучах восходящего солнца. Я смотрел на неё и не мог оторвать восхищённого взгляда».

Чувство прекрасного, воспитанное в чуткой душе Егора в детстве на Протве, среди живописных пейзажей родины, озарило картину величественной Волги тем отражённым светом, который не погаснет в нём никогда. И не случайно он снова вспыхнет в мемуарах, пусть лаконичным эпизодом. Ведь «Воспоминания и размышления» написаны не художником и не поэтом, а солдатом.

Мария Георгиевна Жукова в книге «Маршал Жуков — мой отец»

напишет: «Когда мне было лет тринадцать, отец послал меня в поездку на теплоходе по Волге и по возвращении домой задал вопрос: „Расскажи, Машенька, как тебе Волга понравилась?“ И был рад, что „понравилась, о-о-очень“».

В том же году Жуков побывал и на другой ярмарке — в городке Урюпино в области Войска Донского. Но не с дядей, а с приказчиком Василием Даниловым, по воспоминаниям Жукова, «человеком жестоким и злым». Эта ярмарка Жукову не понравилась: «Урюпино был довольно грязный городишко, и ярмарка там по своим масштабам была невелика».

Но впечатление о поездке испортило совсем другое. На ярмарку с ними поехал четырнадцатилетний мальчик, ходивший в ту пору в подчинении у Жукова. Приказчик Василий Данилов невзлюбил мальчика и по каждому поводу и без повода «с какой-то садистской страстью» избивал его. Тот в слезах жаловался Егору как старшему. Егор несколько раз пытался разговаривать с приказчиком, чтобы унять его пыл. Но разговоры на самодура не действовали. И когда он в очередной раз замахнулся, чтобы ударить мальчика, Жуков схватил ковырок^[7] «и со всего размаха ударил его по голове. От этого удара, — вспоминал маршал, — он упал и потерял сознание. Я испугался, думал, что убил его, и убежал из лавки. Однако всё обошлось благополучно. Когда мы возвратились в Москву, он пожаловался хозяину. Хозяин, не вникая в суть дела, жестоко избил меня».

Видимо, именно этот поступок Михаила Артемьевича — несправедливость, усугублённая мордобоем, — оказался главным воспоминанием о нём, навсегда засев в душе юноши, с малых лет одарённого не только умом, смекалкой и трудолюбием, но ещё и чувством собственного достоинства.

В 1914 году началась Первая мировая война.

Австро-Венгрия объявила мобилизацию и придвинула свои войска к границе с Россией. Россия объявила мобилизацию и начала стягивать войска на западных рубежах. Германия объявила войну России. Россия вторглась в Восточную Пруссию. Англия объявила войну Германии. Австро-Венгрия — России. Сербия и Черногория — Германии. Франция — Австро-Венгрии. Япония — Германии. Австро-Венгрия — Бельгии. Россия, Франция и Англия — Турции. Англичане высаживаются во Франции и атакуют германский флот у Фолклендских островов. В Европу прибывают Канадский и Австралийский экспедиционные корпуса.

Снежный ком рос стремительно...

В Москве на призывных пунктах шла запись добровольцев. Газеты сообщали о сражениях с германскими войсками при Гумбиннене, о

тяжёлых боях в Мазурских болотах. На австро-венгерском фронте разворачивалась Люблин-Холмская операция.

Осенью 1914 года в одном из армейских эшелонов на фронт уехал Александр Пилихин. На войну он отправился добровольцем — ратником ополчения 1-го разряда. В эту категорию призывников входили лица мужского пола в возрасте от 20 до 38 лет. В связи с военными действиями возраст снизили до 19 лет.

До мобилизации русская армия насчитывала 1 миллион 423 тысячи человек. В ходе войны призвали ещё 13 миллионов 700 человек. Россия была страной крестьянской, так что солдаты шли в основном из деревень, от сохи. Призывали, соблюдая пропорцию: от каждой тысячи (без различия возраста и пола) под «красную шапку» стригли 112 человек здоровых мужчин от 19 до 38 лет. В деревне: от ста дворов — 60 мужиков. В результате мобилизации больше половины крестьянских хозяйств остались без самых эффективных работников.

Записываясь в государственное ополчение, Александр уговаривал пойти вместе с ним и Георгия. Тот вначале тоже было загорелся двинуть на призывной пункт вместе с братом, но в последний момент решил посоветоваться со старшим мастером Фёдором Ивановичем, которого все в мастерской уважали за рассудительность и мудрость и который читал и растолковывал им газеты. Старик выслушал Жукова и сказал:

— Что Сашка на войну рвётся, мне понятно. У него отец богатый. Ему есть, что защищать. А коли ты вернёшься калекой — кому будешь нужен? Ещё одна обуза матери?

И Александр ушёл на призывной пункт один.

Но судьбу не обойдёшь и, как говорили в Стрелковке, на кривых оглоблях не объедешь...

Без Александра в доме Пилихиных стало скучно и мрачно. Жуков вскоре ушёл из дома дядюшки на съёмную квартиру.

Из воспоминаний маршала: «В то время я по-прежнему работал в мастерской, но жил уже на частной квартире в Охотном Ряду, против теперешней гостиницы „Москва“. Снимал за три рубля в месяц койку у вдовы Малышевой. Дочь её Марию я полюбил, и мы решили пожениться. Но война, как это всегда бывает, спутала все наши надежды и расчёты. В связи с большими потерями на фронте в мае 1915 года был произведён досрочный призыв молодёжи рождения 1895 года. Шли на войну юноши, ещё не достигшие двадцатилетнего возраста. Подходила и моя очередь».

1915 год резко изменил жизнь и судьбу нашего героя.

Жукову пошёл девятнадцатый год. Он вступал в призывной возраст.

Александр изредка присылал из действующей армии письма. О боевых действиях брат почти ничего не сообщал. В одном из писем написал: «Я, сын своей Родины, не мог оставаться без участия...» Сердце Георгия дрогнуло, когда он прочитал эти слова.

Судьба старшего брата Александра Михайловича Пилихина будет короткой. На фронте он получит несколько ранений, последнее — тяжёлое. На санитарном поезде его эвакуируют в тыл. Он будет лежать в госпитале в Москве. Из госпиталя выйдет инвалидом и вернётся к отцу. В феврале 1918 года вступит добровольцем в Красную армию. Его полк вскоре бросят под Царицын, в самое пекло. Он погибнет в одном из первых же боёв.

Весной по Москве прокатилась волна погромов против «немецкого засилья». В Зарядье, на Варварке и в других местах, где изобиловали «венские» булочные и «немецкие» колбасные лавки, со звоном осыпались витрины. Патриотического порыва бушующей «народной» толпы порой только и хватало на то, чтобы разграбить немецкую лавку, растащить товар с мелкооптового склада.

Погромы во многом провоцировало правительство Николая II. В начале февраля были приняты законы «о правах подданных воюющих с Россией государств на недвижимое имущество». Один из этих законов касался подданных Австро-Венгрии, Германии и Турции и указывал, что им воспрещается, «и притом навсегда, приобретение каких бы то ни было прав на недвижимое имущество на пространстве всей Империи, включая и Финляндию». Временные ограничения, введённые ранее, отныне становились постоянными: подданные воюющих с Россией государств могли лишь нанимать квартиры, дома и другие помещения, так как наём недвижимости по закону допускался только на определённый срок. Им также «запрещалось заведовать недвижимым имуществом в качестве поверенных или управляющих, состоять на службе в акционерных обществах и товариществах, обладающих правом приобретения недвижимых имуществ, занимать должности председателей, членов правления или совета, и отмечалось, что эти лица не могут быть представителями и даже обыкновенными служащими».

Война питается деньгами, а увеселяется кровью. Летом 1915 года вышел указ о досрочной мобилизации лиц 1896 года рождения.

Михаил Артемьевич прочитал извещение в газете, махнул рукой и сунул скомканную газету племяншу в руки:

— Это, Георгий Константинович, по твою душу. Государь твой год под ружьё поставить решил. Досрочно. Стало быть, дела на фронте плохи.

Надежды Пилихина-старшего рушились. Возможно, он уже тогда

почувствовал, что рушится куда большее — привычный вековой уклад, а с ним и достаток, распадаются семейные скрепы, слабеют вера, законы, шатается, как старый зуб, государство.

Глава четвёртая

Драгун

«Я пошёл солдатом...»

Повестку Георгию принесли из Малоярославца — в Стрелковку. Как и Лёшке Жукову по прозвищу Колотырный и другим погодкам-односельчанам. Кончилась московская жизнь. Прошла юность-вольница. Спокойная, обеспеченная работа в лавке у дяди. Поездки на шумные и всегда интересные новыми впечатлениями ярмарки. Праздничные отпуска на родину, где его любили и всегда с нетерпением ждали в гости. Весёлые танцы под гармошку и драки на вечеринках.

Георгий уходил в армию с некоторой неохотой. Впоследствии в мемуарах признавался: «Особого энтузиазма я не испытывал, так как на каждом шагу в Москве встречал несчастных калек, вернувшихся с фронта, и тут же видел, как рядом по-прежнему широко и беспечно жили сынки богачей. Они разъезжали по Москве на „лихачах“, в шикарных выездах, играли на скачках и бегах, устраивали пьяные оргии в ресторане „Яр“ Однако считал, что, если возьмут в армию, буду честно драться за Россию».

Последние вольные дни на родине отгулял по-молодецки. Призывники ходили от деревни к деревне, пели:

Последний нонешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья...

Днём работали. Хотелось успеть помочь родителям управиться с сенокосом. Конец июля — самая сенокосная пора. А вечером — на гулянку. К друзьям-товарищам. К девчатам.

Крестьянский сын на всё готовый,
Всегда он лёгок на подъём...

Из воспоминаний жительницы Чёрной Грязи Татьяны Ивановны Емельяновой: «Очень весело, бывало, гуляли. И поют, и танцуют, и бывало это: „Пойдём ввечеру посмотреть. Нынче Егор будет русского плясать“».

Любуясь русским танцем Егора нравились не только его движения, но и огонь в его глазах, удаль, энергия, которая в те мгновения от него исходила. Танцем Жуков утверждал и показывал не только свою статью, он выплёскивал торжество своего духа, демонстрировал, зачастую с вызовом, превосходство перед местными женихами.

Потом, уже генералом, а затем и маршалом, он, переживая мгновения душевного восторга, будет неожиданно бросаться в пляс, лихо, по-молодецки отдирая «русского» на глазах у изумлённых сослуживцев.

В начале августа 1915 года новобранцы прибыли в Малоярославец, на сборный пункт уездного по воинским делам присутствия. Здесь призывников оформляли, распределяли по командам и отправляли дальше. Заполняя анкету, Жуков утаил, что, кроме трёхклассной сельской церковно-приходской школы, окончил экстерном курс четырёхклассного вечернего училища в Москве. Последнее обстоятельство резко повышало образовательный ценз и сразу меняло общий статус и ценность призывника. С такой начальной подготовкой ему была прямая дорога в офицерское училище, в школу прапорщиков. А там...

Годы спустя Жуков так объяснил тогдашний свой выбор: «На моё решение повлияла поездка в родную деревню незадолго перед этим. Я встретил там, дома, двух прапорщиков из нашей деревни, до того плохих, неудачных, нескладных, что, глядя на них, мне было даже как-то неловко подумать, что вот я, девятнадцатилетний мальчишка, кончу школу прапорщиков и пойду командовать взводом и начальствовать над бывальыми солдатами, над бородачами, и буду в их глазах таким же, как эти прапорщики, которых я видел у себя в деревне. Мне не хотелось этого, было неловко. Я пошёл солдатом».

Объяснение малоубедительное. Ведь встречал же Жуков в Москве прапорщиков и юнкеров, своих ровесников, которые, как свидетельствуют многие современники, выглядели очень даже достойно. По всей вероятности, многие места в «Воспоминаниях и размышлениях» написаны с оглядкой на цензуру той поры. Государственное политическое управление Министерства обороны СССР, Генеральный штаб, КГБ, а над всем этим — ЦК КПСС, секретари и работники идеологического фронта прочно крепили порученные им рубежи... Вероятно, выходец из бедняцкой крестьянской семьи, которого и шпандырем били, и подзатыльники он от строгого дяди получал, и за водкой для мастеров в соседнюю лавку бегал, полагал, что ему не место в школе прапорщиков. Как бы то ни было, судьба поставила его именно в солдатский строй, о чём он впоследствии немало размышлял: а если бы попал в младшие офицеры, а потом, в Гражданскую, погоны и

честь повлекли бы и дальше, на Дон, в Новороссийск...

Из Малоярославца призывников привезли в губернский город Калугу. На вокзале построили и взводными колоннами погнали на юго-восток, к Бобруйским артиллерийским складам.

Из мемуаров маршала: «В Калугу прибыли ночью. Разгрузили нас где-то в тупике на товарной платформе. Раздалась команда: „Становись!“, „Равняйся!“ И мы зашагали в противоположном направлении от города. Кто-то спросил у ефрейтора, куда нас ведут. Ефрейтор, видимо, был хороший человек, он нам душевно сказал:

— Вот что, ребята, никогда не задавайте таких вопросов начальству. Солдат должен безмолвно выполнять приказы и команды, а куда ведут солдата — про то знает начальство».

Эта была первая солдатская заповедь, прозвучавшая из уст старого служаки-ефрейтора, и её будущий маршал усвоил навсегда.

Поскольку здесь, под Калугой^[8], началась армейская служба будущего Маршала Победы, стоит рассказать об этом месте особо.

В 1807 году Министерство военно-сухопутных сил Российской империи приняло решение о создании «запасного артиллерийского парка на девять дивизий». Указом государя императора Александра I самый крупный парк боеприпасов русской армии был размещён именно здесь, под Калугой, к западу от Москвы и на полпути к Смоленску. При нём сформировали запасной артиллерийский полк. Место выбрали во всех отношениях удобное: в глухом лесу на берегу речушки, вдоль которой пролегалла дорога. Ходят легенды, что здесь даже построили подземный завод: в обширных подземельях снаряжали и готовили к боевому применению корпуса ядер, гранат и снарядов. Но впоследствии, когда надобность в том отпала, вход в подземелье замуровали, и, как пишут местные хроникёры, «следов от него не осталось». В канун нашествия Наполеона генерал от инфантерии граф Михаил Андреевич Милорадович, впоследствии ставший героем Отечественной войны 1812 года и затем убитый декабристами на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, «лично приезжал для осмотра и остался весьма доволен». Позже здесь были устроены склады для воинского обмундирования и снаряжения, построены казармы для новобранцев-рекрутов. Так постепенно возник военный городок.

«Разместили нас в бараке на голых нарах, — вспоминал Жуков. — Сказали, что можем отдохнуть до 7 часов утра. Здесь уже находилось около ста человек. В многочисленные щели и битые окна дул ветер. Но даже эта „вентиляция“ не помогала. „Дух“ в бараке стоял тяжёлый.

После завтрака нас построили и объявили, что мы находимся в 189-м запасном пехотном батальоне. Здесь будет формироваться команда 5-го запасного кавалерийского полка. До отправления по назначению будем обучаться пехотному строю.

Нам выдали учебные пехотные винтовки. Отделённый командир ефрейтор Шахворостов объявил внутренний распорядок и наши обязанности. Он строго предупредил, что, кроме как „по нужде“, никто из нас не может никуда отлучаться, если не хочет попасть в дисциплинарный батальон... Говорил он отрывисто и резко, сопровождая каждое слово взмахом кулака. В маленьких глазках его светилась такая злоба, как будто мы были его заклятыми врагами.

— Да, — говорили солдаты, — от этого фрукта добра не жди...

Затем к строю подошёл старший унтер-офицер. Наш ефрейтор скомандовал: „Смирно!“

— Я ваш взводный командир Малявко, — сказал старший унтер-офицер. — Надеюсь, вы хорошо поняли, что объяснил отделённый командир, а потому будете верно служить царю и отечеству. Самоволия я не потерплю!

Начался первый день строевых занятий. Каждый из нас старался хорошо выполнить команду, тот или иной строевой приём или действие оружием. Но угодить начальству было нелегко, а тем более дожидаться поощрения. Придравшись к тому, что один солдат сбился с ноги, взводный задержал всех на дополнительные занятия. Ужинали мы холодной бурдой самыми последними.

Впечатление от первого дня было угнетающим. Хотелось скорее лечь на нары и заснуть. Но, словно разгадав наши намерения, взводный приказал построиться и объявил, что завтра нас выведут на общую вечернюю поверку, а потому мы должны сегодня разучить государственный гимн „Боже, царя храни!“. Разучивание и спевка продолжались до ночи. В 6 часов утра мы были уже на ногах, на утренней зарядке.

Дни потянулись однообразные, как две капли воды похожие один на другой. Подошло первое воскресенье. Думали отдохнуть, выкупаться, но нас вывели на уборку плаца и лагерного городка. Уборка затянулась до обеда, а после „мёртвого часа“ чистили оружие, чинили солдатскую амуницию и писали письма родным. Ефрейтор предупредил, что жаловаться в письмах ни на что нельзя, так как цензура всё равно не пропустит.

Втягиваться в службу было нелегко. Но жизнь нас и до этого не баловала, и недели через две большинство привыкло к армейским

порядкам.

В конце второй недели обучения наш взвод был представлен на смотр ротному командиру — штабс-капитану Володину. Говорили, что он сильно пил и, когда бывал пьян, лучше было не попадаться ему на глаза. Внешне наш ротный ничем особенно не отличался от других офицеров, но было заметно, что он без всякого интереса проверяет нашу боевую подготовку. В заключение смотра он сказал, чтобы мы больше старались, так как „за Богом молитва, а за царём служба не пропадут“.

До отправления в 5-й запасный кавалерийский полк мы видели нашего ротного командира ещё пару раз, и, кажется, он оба раза был навеселе».

В сентябре батальон перебросили в Харьковскую губернию под Балаклею. Здесь формировались маршевые роты для 10-й кавалерийской дивизии. Дивизия дралась на фронте и требовала постоянного пополнения. Ещё в дороге новобранцы узнали, что дивизия, в которой им предстоит служить и, возможно, воевать, состоит из трёх кавалерийских полков — гусарского, уланского и драгунского. Все три — лёгкая кавалерия. Но гусары были окутаны туманом романтики, да и унтер-офицеры, от которых «в царской армии целиком зависела судьба солдата», по слухам, в гусарском учебном эскадроне «были лучше и, главное, более человечные».

На станции сразу по прибытии новобранцев построили и распределили по эскадронам.

«После разбивки, — вспоминал маршал, — мы, малоярославецкие, москвичи и несколько ребят из Воронежской губернии, были определены в драгунский эскадрон».

Стоит напомнить, что драгуны — это род конницы, способной действовать как в конном, так и в пешем строю. Первоначально — пехота, посаженная на лошадей.

Но в 5-м кавалерийском полку драгун готовили прежде всего как кавалеристов — для действия в конном строю.

Из мемуаров бывшего драгуна Жукова: «Через день нам выдали кавалерийское обмундирование, конское снаряжение и закрепили за каждым лошадь. Мне попалась очень строптивая кобылица тёмно-серой масти по кличке „Чашечная“».

Служба в кавалерии оказалась интереснее, чем в пехоте, но значительно труднее. Кроме общих занятий, прибавились обучение конному делу, владению холодным оружием и трёхкратная уборка лошадей. Вставать приходилось уже не в 6 часов, как в пехоте, а в 5, ложиться также на час позже.

Труднее всего давалась конная подготовка, то есть езда, вольтижировка

и владение холодным оружием — пикой и шашкой. Во время езды многие до крови растирали ноги, но жаловаться было нельзя. Нам говорили лишь одно: „Терпи, казак, атаманом будешь“ И мы терпели до тех пор, пока не уселись крепко в сёдла.

Взводный наш, старший унтер-офицер Дураков, вопреки своей фамилии, оказался далеко не глупым человеком. Начальник он был очень требовательный, но солдат никогда не обижал и всегда был сдержан. Зато другой командир, младший унтер-офицер Бородавко, был ему полной противоположностью: крикливый, нервный и крайне дерзкий на руку. Старослужащие говорили, что он не раз выбивал солдатам зубы.

Особенно беспощаден он был, когда руководил ездой. Мы это хорошо почувствовали во время кратковременного отпуска нашего взводного. Бородавко, оставшись за взводного, развернулся вовсю. И как только он не издевался над солдатами! Днём гонял до упаду на занятиях, куражась особенно над теми, кто жил и работал до призыва в Москве, поскольку считал их „грамотеями“ и слишком умными. А ночью по нескольку раз проверял внутренний наряд, ловил заснувших дневальных и избивал их. Солдаты были доведены до крайности.

Сговорившись, мы как-то подкараулили его в тёмном углу и, накинув ему на голову попону, избивали до потери сознания. Не миновать бы всем нам военно-полевого суда, но тут вернулся наш взводный, который всё уладил, а затем добился перевода Бородавко в другой эскадрон.

К весне 1916 года мы были в основном уже подготовленными кавалеристами. Нам сообщили, что будет сформирован маршевый эскадрон и впредь до отправления на фронт мы продолжим обучение в основном по полевой программе. На наше место прибывали новобранцы следующего призыва, а нас готовили к переводу на другую стоянку, в село Лагери.

Из числа наиболее подготовленных солдат отобрали 30 человек, чтобы учить их на унтер-офицеров. В их число попал и я. Мне не хотелось идти в учебную команду, но взводный, которого я искренне уважал за его ум, порядочность и любовь к солдату, уговорил меня пойти учиться».

Учебная команда для подготовки унтер-офицеров — это то, что вскоре в войсках будет называться школой младшего комсостава, а в послевоенное время — сержантской школой.

Учебная команда находилась в городке Изюме той же Харьковской губернии. Казарм не было, личный состав расселили по палаткам. Начались занятия.

После первых же дней Жуков и прибывшие с ним поняли, что «с начальством... не повезло» и здесь. «Старший унтер-офицер оказался хуже,

чем Бородавко», — вспоминал потом маршал недобрым словом своего очередного наставника.

Наставник имел прозвище — Четыре с половиной. Указательный палец на правой руке у него был наполовину обрублен. Унтер имел свирепый нрав и мог во время занятий или построения кулаком сбить с ног замешкавшегося солдата. Всё ему сходило с рук. Однажды замахнулся и на Жукова, но тот принял стойку и так взглянул на Четыре с половиной, что тот разжал кулак.

С тех пор житья Жукову не стало. Старший унтер-офицер наказывал его чаще всех и строже всех. «Никто так часто не стоял „под шашкой при полной боевой“, не перетаскал столько мешков с песком из конюшен до лагерных палаток и не нёс дежурств по праздникам, как я. Я понимал, что всё это — злоба крайне тупого и недоброго человека. Но зато я был рад, что он никак не мог придрататься ко мне на занятиях».

И вот тут проявилась черта характера будущего командира. Унтер «изменил тактику» — предложил Жукову заняться его канцелярией, стать «нештатным переписчиком». Услугу обещал оплачивать освобождением от некоторых особо трудных занятий.

— Будешь вести листы нарядов, отчётность по занятиям и выполнять другие поручения, — сказал ему Четыре с половиной.

«Выполнять другие поручения» — означало доносить на своих товарищей: сообщать, кто о чём говорит, кого бранит.

На это двадцатилетний драгун из калужских ему ответил:

— Я пошёл в учебную команду не за тем, чтобы быть порученцем по всяким делам, а для того, чтобы досконально изучить военное дело и стать унтер-офицером.

Ответ Жукова окончательно разозлил Четыре с половиной.

— Ну, смотри... А унтер-офицером ты никогда не станешь. Попомни моё слово.

Четыре с половиной своё слово сдержал. Но и Жуков до конца выдержал схватку со своим непосредственным командиром, продолжая стоять на своём.

Унтер отомстил по-своему — подвёл непокорного и неугодного драгуна в самый канун выпускных экзаменов под отчисление из учебной команды «за недисциплинированность и нелояльное отношение к непосредственному начальству».

А между тем все в эскадроне были уверены, что первым на экзамене будет Жуков. В школе существовало правило: лучший выпускался в звании унтер-офицера, остальные — вицеунтер-офицерами, «то есть кандидатами

на унтер-офицерское звание».

Унтер-офицер в армейской кавалерии имел звание либо старшего вахмистра, либо младшего вахмистра. Соответственно — либо две поперечные лычки на погоне, либо три. В Красной армии (когда ввели погоны) и в Советской армии унтер-офицерское звание соответствовало званию младшего сержанта и старшего сержанта.

На одно из этих званий, а точнее младшего унтер-офицера, вполне справедливо, как лучший в эскадроне, претендовал драгун Жуков. Но вместо этого он едва не был отчислен из учебной команды. Если бы не вмешательство товарища по учебной команде, брат которого, офицер, служил заместителем командира эскадрона, военная карьера Жукова, возможно, пресеклась бы в самых своих истоках.

Представление унтера на отчисление Жукова из учебной команды разбирал сам начальник команды. В разговоре выяснилось, что он тоже москвич, из Марьиной Рощи, до войны работал краснодеревщиком, потом служил в уланском полку вахмистром. Воевал. В бою показал себя храбрым и умелым командиром, за что награждён несколькими солдатскими георгиевскими крестами и произведён в офицеры. После тяжёлого ранения, ещё не вполне оправившись, принял учебную команду.

— Вот что, солдат, — обратился он к Жукову, — на тебя поступила плохая характеристика. Пишут, что ты за четыре месяца обучения имеешь десяток взысканий и называешь своего взводного командира «шкурой» и прочими нехорошими словами. Так ли это?

— Да, ваше высокоблагородие, — ответил Жуков. — Но одно могу доложить, что всякий на моём месте вёл бы себя так же.

Начальник команды выслушал Жукова и сказал:

— Иди во взвод, готовься к экзаменам.

Это была победа. Упорное стояние на своём. Не смог унтер растоптать в нём ни человеческого достоинства, ни солдатской чести.

Экзамены Жуков сдал успешно. Но желанного звания всё же не получил.

В середине 1960-х годов писатель Константин Симонов провёл ряд интервью с маршалами-фронтовиками. В стране «потеплело», и беседы писателя с полководцами получились довольно откровенными. Вот что сказал Симонову Жуков:

«Конечно, в душе было общее ощущение, чутьё, куда идти. Но в тот момент, в те молодые годы можно было и свернуть с верного пути. Это тоже не было исключено. И кто его знает, как бы вышло, если бы я оказался не солдатом, а офицером, получил бы уже другие офицерские чины и к

этому времени разразилась бы революция. Куда бы я пошёл под влиянием тех или иных обстоятельств, где бы оказался? Может быть, доживал бы где-нибудь свой век в эмиграции? Конечно, потом, через год-другой, я был уже сознательным человеком, уже определил свой путь, уже знал, куда идти и за что воевать, но тогда, в самом начале, если бы моя судьба сложилась по-другому, если бы я оказался офицером, кто знает, как было бы. Сколько искалеченных судеб оказалось в то время у таких же людей из народа, как я...»

Многие будущие полководцы Красной армии, командующие армиями и войсками фронтов, маршалы Советского Союза начинали свою службу с унтер-офицерских званий. Маршал И. С. Конев окончил учебную команду в звании артиллерийского фейерверкера, что соответствовало армейскому унтер-офицеру. Унтер-офицерами были будущие маршалы С. К. Тимошенко, С. М. Будённый, К. К. Рокоссовский.

Учебные команды старой русской армии давали неплохую подготовку. Вспоминая свои будни и муштру под зорким оком взводного командира, Жуков признавал, что учили хорошо: «Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца. Не случайно многие унтер-офицеры старой армии после Октября стали квалифицированными военачальниками Красной армии».

Глава пятая

Первая война

«Бей их в морду и по шее!..»

Учёба позади. Впереди — фронт. Вести с войны поступали неутешительные. Иногда, выезжая на занятия в поле, драгуны видели проходящие мимо санитарные обозы. Оттуда доносились стоны раненых. Никому из будущих младших командиров не хотелось такой участи — ехать в тыл изуродованным осколком или пулей, саблей или пикой врага. Но судьба многих из них будет и того горше.

Великая война, или, как её называли в Российской империи, Вторая Отечественная, шла уже два года. Началась она 28 июля 1914 года и окончится 11 ноября 1918 года. Эта война, по словам историков, «разделила всемирную историю на две эпохи, открыв совершенно новую её страницу, наполненную социальными взрывами и потрясениями».

В 1916 году шли упорные бои под Салониками в Греции и Сербии. Особая русская бригада генерал-майора М. К. Дитерихса^[9] и французские дивизии потеснили австро-германо-болгарские войска. Продолжались бои под Верденом. Англичане в атаках на реке Сомме применили невиданное оружие сокрушительной силы — танки. Это было первое боевое применение танков. Совсем скоро в тысячах километров на востоке на другой реке на маньчжуро-монгольской границе комкор Жуков подготовит и успешно проведёт операцию против японских войск, в ходе которой «впервые в мировой военной практике танковые и механизированные части использовались для решения оперативных задач в качестве основной ударной силы фланговых группировок, совершавших манёвр на окружение».

Это узелок на память тем, кто считает, что Жуков был недоучкой и воевал в основном «человеческим мясом».

Здесь же, на Восточном фронте тоже шли упорные бои. На барановичском направлении наступали армии Северо-Западного фронта генерала Эверта. А южнее, в Восточной Галиции и на Буковине пронёсся, сметая австро-венгерские порядки, смерч русских войск.

Командующий войсками Юго-Западного фронта генерал А. А. Брусилов^[10] повёл свои армии в наступление. Эта масштабная операция

вошла в историю Первой мировой войны как Брусиловский прорыв.

Жуков прибыл на передовую в составе команды маршевого пополнения 10-го драгунского Новгородского полка в район Каменец-Подольска. Здесь, на стыке русской 9-й армии с союзными румынскими войсками^[11] командование сосредоточило полки 10-й кавалерийской дивизии. Вместе с драгунами из прибывших составов выводили своих застоявшихся лошадей кавалеристы соседнего 10-го гусарского Ингерманландского полка. Выгружали амуницию. И в это время, когда вовсю шла разгрузка, над станцией стал кружить самолёт противника. Сбросил несколько небольших бомб и улетел. Одна бомба разорвалась совсем близко к месту выгрузки. Осколками убило солдата и несколько лошадей.

Это была первая смерть, которую увидел Жуков на войне. Нелепая. Можно сказать, случайная. И тем более трагичная. Вид такой смерти порой повергает человека в наибольшее смятение и страх, чем гибель товарища в бою, во время схватки. Должно быть, именно такие крайние чувства испытал и Жуков, потому и запомнил на всю жизнь первого убитого своего однополчанина. Но и другое вскоре поймёт он: чем лучше командиры заботятся о безопасности пребывания своих солдат вблизи передовой, чем эффективнее решают вопросы маскировки и скрытного передвижения войск, тем прочнее позиции этих войск на фронте.

В начале сентября 10-я дивизия выдвинулась вперёд и сосредоточилась для наступления «в Быстрицком горно-лесистом районе». Эскадроны спешили и приготовились к действиям в пешем строю, так как «условия местности не позволяли производить конных атак».

К сожалению, биографы Маршала Победы, историки и политологи все свои усилия сосредоточили на деятельности Жукова в период Второй мировой войны и после её завершения. 1916 и 1917 годы почти целиком выпали из их поля зрения. Серьёзных научных исследований по этой теме не проводилось. И нам в таких стеснённых обстоятельствах не остаётся ничего другого, как довериться мемуарам самого Жукова.

Юго-Западный фронт готовился к новому наступлению. Генерал Брусилов, получив резервы и пополнив запасы армейских складов всем необходимым, был полон решимости продолжить наступление и развить свой летний успех в глубину австро-венгерских и германских позиций. Для этой цели привлечена была в том числе и 10-я кавалерийская дивизия.

Дивизия, с которой предстояло идти в бой Жукову, состояла из двух бригад. Первая бригада: 10-й драгунский Новгородский полк; 10-й уланский Одесский полк. Вторая бригада: 10-й гусарский

Ингерманландский полк; 1-й Оренбургский казачий Его Императорского Величества Наследника Цесаревича полк.

Усиление: 3-й казачий артиллерийский дивизион.

За дивизией прочно закрепилась слава войска дисциплинированного, храброго, высокоманёвренного и стойкого.

Под Ярославицами 10 эскадронов дивизии кинулись на 20 эскадронов австрийской кавалерийской дивизии.

Австрийцы давно искали открытого боя и вот, наконец, час настал. Точь-в-точь как у Лермонтова в «Бородине»: «И вот нашли большое поле: есть разгуляться где на воле!..»

Драгуны и уланы 4-й кавалерийской дивизии генерала Риттера фон Зарембы перед боем облачились в парадные мундиры, заранее предполагая победу над противником. Началась отчаянная рубка. Австрийская конная лава хлынула с холмов. Но русские так смогли построить порядок, что первую волну австрийской кавалерии буквально подняли на пики и разметали шашками. В рубке участвовали с обеих сторон одновременно 2500 всадников. Свист сабель, треск и хруст, стон и гам стояли невообразимые. Оба дивизионных начальника тем временем находились на соседних холмах в нескольких сотнях шагов друг от друга, наблюдали за боем и давали необходимые указания. Австрийский генерал бросал в дело новые и новые эскадроны. Генерал Фёдор Артурович Келлер^[12], командир 10-й кавалерийской дивизии, располагал более скромными резервами.

В разгар боя, как повествуют свидетели того эпизода, «к генералу Келлеру прискакал всадник, сообщивший о наличии у австрийских кавалеристов в бою обременительных в походе парадных металлических касок, которые затруднительно разрубить. Поэтому последовавший совет графа оказался весьма полезным. Несмотря на то, что многим австрийцам каски спасли жизнь, многие всё же, как впоследствии выяснилось, были поражены именно таким способом».

— Бей их в морду и по шее! — рявкнул Келлер вестовому драгуну.

Тот резко развернул коня и поскакал к своему полковнику с приказом генерала о том, как надобно действовать впредь.

Генерал Келлер — легендарная личность, верный солдат императора. Среди кавалеристов имел прозвище «Первая шашка России».

Когда в бою под Ярославицами наступил кризисный момент и свежий резервный эскадрон австрийских драгун опасно проскочил через боевые порядки полков, увлечённых рубкой, и стал угрожать тылу и флангу, Келлер вскочил на коня, выхватил шашку и скомандовал:

— Штаб и конвой — в атаку!

Офицеры штаба и оренбургские казаки личной охраны кинулись в поле за своим генералом. Через несколько минут всё было кончено. Австрийцы побежали. Как повествуют хроники, их преследовали и рубили до тех пор, пока не устали кони.

Генералу Келлеру тогда было 59 лет. Для кавалерийского боя возраст, надо заметить, уже неподходящий. Но дух этого кавалерийского начальника был необычайно высок.

Встречный бой при Ярославичах стал первым кавалерийским боем Великой войны и последним в истории войн, в котором одновременно участвовало такое количество всадников, действовавших исключительно холодным оружием — пиками и шашками.

Характер и судьба генерала Келлера в чём-то, возможно, в самом главном, схожи с характером и судьбой нашего героя. Тот же цепкий и быстрый ум, та же решительность и твёрдость. И та же незащитность вне поля боя, когда по фронту и на флангах оказываются хитрые и лукавые политики, искушённые в тонкостях тактики и стратегии иной войны.

А вот как описывает один из офицеров 10-й кавалерийской дивизии визит царя Николая II в 3-й конный корпус, который только что был сформирован из кавалерийских и казачьих дивизий и частей генералом Келлером.

«Ранним майским утром 1916 года полки 10-й Кавалерийской дивизии, в рядах которой я имел честь служить, начали стягиваться на большое Хотинское поле, где должен был состояться Высочайший смотр Государем 3-го конного корпуса генерала графа Келлера.

Воинственно прекрасную картину представляла собой эта собранная в одном месте внушительная масса разнообразной по типу русской конницы.

Вот регулярные полки 10-й Кавалерийской дивизии: нарядны нервные рыжие кони Новгородских драгун. На прочной гнедой масти лошадях сидят Одесские уланы. Серебром отливают серые кони „голубых“ Ингерманландских гусар. Их однобригадники — Наследника Цесаревича Оренбургские казаки, — как вросшие сидят на своих маленьких, крепко сбитых, сибирских лошадях. А какой былинной чисто русской удалью веет от чернобровых красавцев донцов, с лихо выбивающимися из-под фуражек чубами и как статны их быстроногие степняки!

Вдруг со стороны Хотина показался скачущий во весь опор „махальный“ Лицо командира корпуса отразило радостное волнение. Своим зычным голосом граф Келлер скомандовал: „Корпус смирно! Шашки вон — пики в руку! Равнение направо! Господа офицеры!“

Начальники дивизий и командиры полков подхватили команды. Весь

корпус в одном радостном порыве повернул головы направо... Дав шпоры своему гунтеру, граф Келлер поскакал навстречу приближавшейся от города большой группе всадников. Всё ближе и ближе видны идущие крупной рысью всадники и впереди всех, на светло-сером коне ГОСУДАРЬ!!!

Трубачи Новгородского полка заиграли „встречу“ Послышалось приветствие Государя, покрытое громким, радостным ответом драгун, перешедшим в громовое „ура“.

Вот Государь уже у следующего полка — Одесских улан. Снова гремят трубачи и слышен громкий ответ восьми сотен голосов.

Замерли на своих серых конях Ингерманландские гусары... Но вот раздались звуки родного полкового марша. Государь уже перед полком. Его приветливые слова проникают прямо в душу. На глазах старых вахмистров видны слёзы. В громком, восторженном ответе вылилось охватившее весь полк, — от командира до последнего рядового, — чувство горячей преданности и любви к Монарху.

Объехав все части корпуса, Государь занял место, чтобы пропустить полки церемониальным маршем. Раздались громкие команды, и, сделав „заезд повзводно направо“, корпус перестроился в колонну для прохождения перед Царём.

Под звуки своих полковых маршей полк за полком начали проходить перед Царём бесконечные ряды покрытой славой русской Императорской конницы.

Равняясь как по ниточке, проходят шагом мимо Государя Новгородские драгуны. За ними размеренной рысью движутся Одесские уланы. Оттянув немного, галопом скачут серые эскадроны Ингерманландских гусар. Стелясь по земле, „намётом“, проносятся на своих маленьких сибирских лошадках лихие Оренбургские казаки. Громыхая колёсами орудий, скачут за полками конные батареи».

В этом параде унтер-офицер Жуков участия не принимал. Он прибыл в полк чуть позже. Но именно в тот период, когда генерал Келлер энергично формировал свой корпус. Действовала жёсткая система отбора. Брели не всех. Ценз был высок. Особенно это коснулось казачьих полков. Привыкшие к некоторой вольнице казаки порой не выдерживали требований, предъявляемых приказами командира корпуса. Многие из них отсеивались и направлялись в другие части.

Самыми подготовленными оказались полки 10-й кавалерийской дивизии. Именно она стала костяком 3-го конного корпуса.

Дивизией в то время командовал генерал-майор Василий Евгеньевич

Марков^[13]. Он отличился в рубке при Ярославичах, за что был награждён офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием.

Полком командовал полковник Сергей Дмитриевич Прохоров. А до него — полковник Александр Романович Алахвердов — обрусевший армянин.

Среди документов и архивных материалов, которые накануне Первой мировой войны публиковались в различных изданиях, удалось отыскать полковую песню. Сочинили её, по всей вероятности, офицеры Новгородского драгунского полка. Пели все, в том числе и солдаты. Характер песни шуточный, с намёком на армянское происхождение командира, который, хотя и обрусел, однако придерживался армяно-григорианского вероисповедания. Что, впрочем, не мешало ему вместе со всей православной массой полка посещать полковую православную церковь и причащаться у русского батюшки.

Вот эта песня. Удивительное дело: её исполняли и офицеры полка под гитару в часы отдыха, и солдаты под гармонь и балалайку, и пели как строевую.

Алла Верды уже два года,
Как к нам пожаловал сюды.
Мотив кавказского народа —
Аллаверды, Аллаверды.

Его привез из гор Кавказа
Наш новый добрый командир.
По Высочайшему приказу
Одев наш доблестный мундир.

И с той поры, зимой и летом,
Как воздаянье за труды,
Звучит в собрании приветом —
Аллаверды, Аллаверды.

Хорош Кавказ гостеприимный,
Но и у нас не пьют воды,
Когда в компании интимной
Затянут вдруг: «Аллаверды!..»

И до утра бодры, хоть пьяны,
Забыв на время свой манеж,
Мы щедро льём вино в стаканы
Взамен кавказских азарпеш.

С Кавказом сродны мы во многом,
И, чтобы не было беды,
Мы говорим обычно: «С Богом!»
А он своё: «Аллаверды!»

И мы друзей не различаем,
Богат, бедняк — нам все равны,
Мы всех приветливо встречаем,
Во вкусе русской старины.

В бою от нас не жди пощады,
Но кончен бой и шум вражды —
И мы врагу, как брату, рады:
Аллаверды, Аллаверды.

Давно мы боя не видали.
Но грянет с Австрией война,
И в исторической скрижали
Запишут наши имена.

Так будем пить, пока нам пьётся,
И будем тем уже горды,
Что носим имя НОВГОРОДЦА:
«Аллаверды! Аллаверды!»

Можно предположить, что эту весёлую и одновременно боевую песню пел и унтер-офицер, командир отряда разведчиков Георгий Жуков.

Вскоре началось новое наступление. 3-й конный корпус как наиболее боеспособный, имевший большой опыт и победный дух, шёл в авангарде ударной группировки. Однако австро-венгерские и германские войска успели перебросить на угрожаемый участок фронта достаточные резервы, а наши новые союзники-румыны замешкались и действовали в отрыве от Юго-Западного фронта, и вскоре наступление замедлилось, а затем и вовсе

выдохлось.

О первых боях Жуков сохранил вот такие воспоминания: «Когда на войне очутился, поначалу была какая-то неуверенность, под артобстрелом, но она быстро прошла. Под пулями никогда не наклонялся. Трусов терпеть не могу».

Солдат как солдат. Примерно то же самое говорят все бывалые бойцы, кому пришлось привыкать к окопам, к передовой, к обстрелам и бомбёжкам.

В октябре 1916 года близ местечка Сас-Реген в Восточной Трансильвании, куда подошли авангарды 3-го конного корпуса, Жукова назначили в головной дозор. Отряд продвигался по горной тропе цепочкой. Жуков ехал третьим, прислушиваясь к звукам леса. И вдруг впереди раздался сильный взрыв. Горячей волной, смешенной с песком и галькой, Жукова выбросило из седла.

Очнулся он спустя сутки в полевом лазарете.

— Ну что, унтер, охрял^[14]? — кивнул ему с соседней койки пожилой солдат с забинтованной рукой.

— Повезло тебе. Одни царапины. Скоро заживут.

Жуков почти не слышал его. Сквозь шум в ушах доносились лишь обрывки фраз.

Оказалось, что двое товарищей Жукова, ехавших впереди, ранены тяжело. Сам он, по всей вероятности, сильно контужен.

— Кто-то из вас на мину наехал. — Старый солдат кивнул на соседние койки, где лежали раненые драгуны.

Вскоре Жукова отправили в глубокий тыл, в Харьков. Из госпиталя его выписали в 6-й маршевый эскадрон его родного 10-го драгунского Новгородского полка, который по-прежнему стоял в селе Лагери. Почти никого из знакомых в полку не осталось. Но Жуков всё равно был рад, что вернулся. Тем более — с лычками унтер-офицера и двумя Егориями^[15] на груди. Первый, 4-й степени, он получил за ценного «языка» — австрийского офицера, которого вместе с товарищами захватил во время разведки. Второй — за контузию.

За ордена награждённым тогда платили из царской казны хорошие деньги. К примеру, за Егория 4-й степени — 36 рублей в год. За Егория 3-й степени — 60 рублей. Кавалер 1-й степени получал 120 рублей. Унтер-офицер имел прибавку к жалованью на треть за каждый крест, но не больше двойной суммы. Прибавочное жалованье сохранялось пожизненно после увольнения в отставку. Вдовы могли получать его ещё год после

гибели кавалера или его смерти от ран. Кроме того, удостоенный Егория 1-й степени жаловался званием подпрапорщик. Это высшее звание, которое мог получить солдат, последняя ступень к офицерскому званию. Соответствовало званию старшины в Красной и Советской армиях. Звание подпрапорщика присваивалось и кавалерам 2-й степени при увольнении их в запас.

Жуков добывал свои кресты и лычки кровью, потом и самодисциплиной при необычайном рвении, желании быть во всём первым. Первую свою войну он закончил кавалером двух Егориев.

Такие же отличия имели будущие маршалы Р. Я. Малиновский и К. К. Рокоссовский. И. В. Тюленев, К. П. Трубников, С. М. Будённый и А. И. Ерёменко были награждены всеми четырьмя степенями.

В маршевом эскадроне Жукова приняли хорошо. Свой. Побывал в боях. Ранен. Грудь в крестах. Грамотный. Читает газеты и умно их растолковывает. Вспоминал: «Беседуя с солдатами, я понял, что они не горят желанием „нюхать порох“, не хотят войны. У них были уже иные думы — не о присяге царю, а о земле, мире и о своих близких».

Начались разговоры о забастовках в крупных городах, о рабочих стачках, о том, что кругом несправедливость и притеснение простого люда.

Вначале на молодого унтера солдаты посматривали с опаской. Но потом поняли — офицерам не донесёт.

Мало того что он не доносил, а ещё и говорил, читая газеты и листки, которые разными путями и сквозняками заносило в эскадрон, что «мир, землю, волю русскому народу могут дать только большевики и никто больше».

Глава шестая

Большевики

«Советская власть отдаст всё, что есть в стране, бедноте и окопникам...»

Разговоры разговорами, а в стране уже кипели нешуточные страсти. Назревали, как точно определил модный в то время в офицерской среде поэт Александр Блок, «неслыханные перемены, невиданные мятежи...»^[16].

Февральский вихрь не миновал и дальнего гарнизона в Лагерях.

Как вспоминал Жуков, ранним утром 27 февраля 1917 года эскадрон был поднят по тревоге. Построились повзводно.

Жуков, улучив момент, спросил командира взвода поручика Киевского:

— Ваше благородие, куда нас собрали по тревоге?

— А вы как думаете? — ответил поручик вопросом на вопрос.

— Солдаты должны знать, куда их поведут. Всем выдали боевые патроны. Волнуются.

— Патроны могут пригодиться, — снова уклончиво ответил взводный.

В это время на плацу появился командир эскадрона ротмистр барон фон дер Гольц. Старый вояка, награждённый за храбрость золотым оружием и офицерским крестом Святого Георгия, он после тяжёлого ранения был направлен в тыловую часть и от этого страдал больше, чем от последствий ранения. На солдат рычал, и его не любили и боялись.

Вскоре поступила команда «рысью», и эскадрон, вытянувшись в колонну по три, начал выдвижение в сторону Балаклеи. Драгуны немного успокоились: к штабу. Когда показался плац перед зданием штаба, скакавшие впереди увидели, что там уже строятся одесские уланы и ингерманландские гусары. Никто не знал, что случилось и чего ждать. Офицеры, стиснув зубы, молчали и на вопросы солдат не отвечали. Но в воздухе, как говорят в таких случаях, пахло порохом...

Эскадроны строили в несколько рядов, развёрнутым строем, в затылок друг другу. Словно для атаки. Офицеры всматривались в дальний поворот улицы. Кого они ждут, думал Жуков, поглядывая по сторонам.

И вот из-за угла каменного дома появилась толпа с красными знамёнами. Эскадроны затихли. Даже лошади присмирели. Ротмистр фон дер Гольц поскакал в сторону штаба. Следом за ним поскакали командиры уланского и гусарского эскадронов.

Из штаба навстречу им вышла группа людей, среди которых Жуков увидел рабочих и военных, но не только офицеров. Они шли к эскадронам. Впереди шагал высокий человек в распахнутой солдатской шинели.

Как вспоминал впоследствии Жуков, «он сказал, что рабочий класс, солдаты и крестьяне России не признают больше царя Николая II, не признают капиталистов и помещиков. Русский народ не желает продолжения кровавой империалистической войны, ему нужны мир, земля и воля. Военный окончил свою короткую речь лозунгами: „Долой царизм! Долой войну! Да здравствует мир между народами! Да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов! Ура!“

Солдаты ответили дружным: „Ура!“

Спустя некоторое время в полку был создан солдатский комитет. Перво-наперво Комитет арестовал офицеров, которые отказывались выполнять его решения, а значит, подчиняться. Среди арестованных оказался и командир 6-го эскадрона ротмистр фон дер Гольц».

По воспоминаниям Жукова, большевики в их полку быстро перехватили власть. В основном делами заправляли офицеры. Начали избирать делегатов в полковой совет и эскадронный солдатский комитет. Шумели недолго, делегатами избрали поручика Киевского и солдата из первого взвода. Солдата звали Петром. Оказалось, земляк — калужский, родом из Мосальска, оттуда и призывался. А председателем солдатского комитета единогласно избрали Жукова.

Временное правительство, министры, депутаты, эсеры, меньшевики, кадеты, анархо-коммунисты, анархо-индивидуалисты, анархо-синдикалисты... Но всю эту разногласицу накрывали лозунги большевиков, их лидеров. Большевики глубже почувствовали настроения и чаяния народных масс и дали им идею, от которой невозможно было отказаться. «Советская власть уничтожит окопную страду. Она даст землю и уврачует внутреннюю разруху. Советская власть отдаст всё, что есть в стране, бедноте и окопникам. У тебя, буржуй, две шубы — отдай одну солдату. У тебя есть тёплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему...» — так агитировал солдат Петроградского гарнизона председатель Петросовета и инициатор создания в Петрограде Военно-революционного комитета Лев Троцкий.

Такие простые и понятные речи сыпались на измученных затяжной войной солдат и обозлённых неопределённостью петроградских рабочих долгожданной манной небесной. Прощай, проклятый вонючий окоп! Наконец-то помещичья земля достанется крестьянам!

Слушая такие речи, Жуков думал о своих родных в Стрелковке и

Чёрной Грязи, о земляках Угодско-Заводской волости, о тяжком их беспросветном существовании. И вот появилась сила, которая обещает дать этим труженикам то, чего они были лишены и о чём всю жизнь мечтали. И эта сила готова взять власть!

Итак, судьба прибила нашего героя к большевикам. Впрочем, он осознанно выбрал этот путь. Тогда ещё можно было выбирать. Никто за уклон и отступничество не карал.

Постепенно власть в полковом солдатском комитете захватили меньшевики и эсеры, «которые держали курс на поддержку Временного правительства».

Двадцать пятого октября 1917 года большевики совершили в Петрограде революцию. В стране началось жестокое противостояние сторонников и противников революции. 28 октября в Киеве юнкера и казаки окружили Мариинский дворец и арестовали заседавший там ревком в полном составе. Узнав об этом, солдатские комитеты подняли гарнизон. Революционно настроенные отряды атаковали казармы Николаевского военного училища, овладели артиллерийскими складами, гарнизонной гауптвахтой и выпустили арестованных на свободу. Но тем временем Центральная рада стянула к Киеву верные войска, сформированные из солдат и офицеров, настроенных националистически. «Вольные казаки» и гайдамаки Петлюры дрались за провозглашённую ими Украинскую народную республику. Когда самостийщики ворвались в Киев и другие крупные города Украины, начались повальные кровавые расправы над красногвардейцами. Рада не признала Октябрьскую революцию в Петрограде и власть большевиков. Подразделения и отряды, подчинявшиеся Временному правительству или симпатизировавшие большевикам, начали разоружать и распускать по домам.

«Кончилось тем, — вспоминал Жуков, — что в начале осени 1917 года некоторые подразделения перешли на сторону Петлюры.

Наш эскадрон, в состав которого входили главным образом москвичи и калужане, был распущен по домам солдатским эскадронным комитетом. Мы выдали солдатам справки, удостоверяющие увольнение со службы, и порекомендовали им захватить с собой карабины и боевые патроны. Как потом выяснилось, заградительный отряд в районе Харькова изъясил оружие у большинства солдат. Мне несколько недель пришлось укрываться в Балаклее и селе Лагери, так как меня разыскивали офицеры, перешедшие на службу к украинским националистам».

Нечто подобное в эти же дни пережил фейерверкер и будущий Маршал Советского Союза Иван Конев, находившийся неподалёку, под

Киевом, в составе артиллерийского дивизиона гвардейского Кирасирского полка. «Полк категорически отказался украинизироваться, что по единому решению офицеров и кирасир было явно недопустимым для старого русского гвардейского полка». Конев в одной из бесед с Константином Симоновым рассказал, как гайдамаки разоружали их дивизион: «Я прятал шашку и наган под полушубком, мне за это здорово попало. Все командиры перешли на сторону гайдамаков. Наш дивизион был настроен революционно, многие поддерживали большевиков, поэтому Рада приняла решение дивизион расформировать и отправить на родину».

Дальнейшая судьба двух будущих маршалов весьма схожа: Конев отправился в родную деревню Лодейно под Великим Устюгом, а Жуков в Стрелковку под Малоярославец. Военная карьера для них, казалось, закончилась, едва начавшись.

Жуков в мемуарах пишет, что приехал в Москву 30 ноября 1917 года. Многие тогда возвращались с фронта. Много было дезертиров. «Декабрь 1917 и январь 1918 года, — продолжает Жуков, — я провёл в деревне у отца и матери и после отдыха решил вступить в ряды Красной гвардии».

Как видим, в Москве, уже большевистской, Жуков не задержался. Но, конечно же, он заезжал к Михаилу Артемьевичу Пилихину, чтобы повидаться с двоюродными братьями и сёстрами.

Предусмотрительный и мудрый Михаил Артемьевич к тому времени своё дело ликвидировал и жил со своей семьёй тихо и мирно как простой московский обыватель. Некоторых дочерей выдал замуж. Сыновей пережил. Жизнь продолжалась. Младший брат Михаила Артемьевича Иван Артемьевич Пилихин, все эти годы работавший в мастерской брата мастером, скопил кое-какой капитал и открыл собственное дело. В Дмитровском переулке купил конюшню. Часть её перестроил в квартиру. Занимался лошадьми и скорняжным делом. Выступал на московском ипподроме на собственном жеребце по кличке Пороль Донер.

О контузии Жуков помалкивал. Хотя вскоре обнаружилось, что временами он плохо слышит.

На родине царили нищета и разорение.

Ещё в 1913 году у Константина Артемьевича Жукова закончился срок полномочий как представителя общины деревни Стрелковки на волостных сходах в Угодском Заводе. С той поры из-за преклонных лет на общественную должность, которая давала кое-какое положение и достаток, его не избирали. После ухода Георгия на фронт материальное положение семьи и вовсе пришло в упадок. Устинья обратилась к местным властям с просьбой о помощи. Краевед и биограф Жукова А. И. Ульянов пишет:

«Комиссия, побывав у них дома, выяснила, что отец призванного „по дряхлости всякую трудоспособность утерять, мать содержать мужа... и сохранять своё хозяйство до прибытия сына с войны без посторонней помощи не может, ввиду чего хозяйству и семье грозит полное разорение“. Жуковы имели дом, хозяйственный двор, лошадь, корову. В те годы многие крестьянские семьи очень бедствовали. Поэтому просьба Устиньи, хотя и подкреплённая волостным попечительством, видимо, осталась безответной».

Что и говорить, куда, если не к большевикам, оставалось идти унтер-офицеру из такой семьи.

Но, как говорят, беда не приходит одна. Георгий тяжело заболел. Извечный спутник затяжной войны — сыпной тиф не только на фронте, но и в тылу. «В начале февраля тяжело заболел сыпным тифом, — вспоминал маршал, — а в апреле — возвратным тифом. Своё желание сражаться в рядах Красной армии я смог осуществить только через полгода, вступив в августе 1918 года добровольцем в 4-й кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии».

По всей вероятности, здесь Жуков не совсем точен. Жанр мемуара — вольный жанр. Дело в том, что ещё в конце мая 1918 года ВЦИК издал постановление «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию». По этому постановлению унтер-офицер Жуков подлежал призыву. Но его скосила болезнь. И если бы не своевременная помощь земского доктора Николая Васильевича Всесвятского, кто знает, каким был бы её исход. Доктор Всесвятский поднял Жукова на ноги, спас от смерти. Спустя год Всесвятский заразится от больного тифом и умрёт в возрасте сорока пяти лет от роду.

В 1938 году Жуков собственноручно напишет в автобиографии: «В РККА — с конца сентября 1918 года по мобилизации. Службу начал в 4-м Московском полку (кавалерийском) с октября 1918 года».

Что ж, в 1938 году память у Жукова была лучше, да и год такой, что в анкетах ошибки допускать было опасно. Так что, скорее всего, Жуков из Стрелковки уехал в Москву и там был призван рядовым по «принудительному набору».

В полку Жуков быстро освоился, записался в сочувствующие большевикам. 1 марта 1919 года первичная партийная ячейка 4-го кавполка утвердила Жукова кандидатом в члены РКП(б). А 8 мая 1920 года он стал членом РКП(б).

В стране запылала Гражданская война.

Глава седьмая

Вторая война

«Среди казаков — полное смятение...»

Первая кавалерийская дивизия Московского военного округа, с которой Жуков прибыл на фронт, была сформирована на основании приказа Высшего военного совета № 54 от 19 июня 1918 года. Полки её дислоцировались в разных районах Москвы. 4-й кавалерийский — в Октябрьских казармах на Ходынке.

Кстати, именно здесь, в Николаевских казармах, после октября 1917-го переименованных в Октябрьские, находилась учебная команда 2-й гренадерской артиллерийской бригады, в которой за два года до того учился будущий боевой товарищ и соперник Жукова Иван Конев. Отсюда в чине фейерверкера Конев отбыл на Юго-Западный фронт.

Весной 1919 года четырёхсоттысячная армия Колчака захватила несколько крупных городов и подступила к Казани и Самаре. После взятия этих поволжских городов Верховный правитель России намеревался двинуть свои войска на Москву. Одновременно армия генерала Деникина атаковала по всему фронту с юга, прорвала оборону красных в нескольких местах, захватила Донбасс, часть Украины, Белгород, Царицын. После перегруппировки началось наступление на Москву. Положение осложнял Чехословацкий корпус австро-венгерской армии, по стечению обстоятельств оказавшийся растянутым по Транссибирской магистрали от Пензы до Владивостока. В руках легионеров оказались крупные станции, города, связь, важнейшие коммуникации.

Для молодой Советской республики всё складывалось очень скверно. Казалось, ещё одно усилие, и офицерские полки и казацьи сотни прорвутся в центр России, поднимут на штыках московских комиссаров, и с большевизмом будет покончено. Но советское правительство объявило массовую мобилизацию под лозунгом «Все на борьбу с Деникиным!». На Восточном фронте гремел другой лозунг большевиков «Колчака за Урал!».

На Восточный фронт был брошен полк, в котором служил Жуков. Сюда же, к Самаре, прибывали из центра хорошо экипированные и вооружённые части новой Красной армии. Она создавалась на основании декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 15 января 1918 года «О Рабоче-Крестьянской Красной армии».

В своих мемуарах маршал пишет, что сразу после болезни, в конце сентября он поехал в уездный Малоярославец, чтобы добровольно вступить в только что созданную Красную армию. Но принят, по его словам, не был, так как следы болезни свидетельствовали о его непригодности к службе. И тогда он отправился в Москву.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Наш кавалерийский полк двигался на Восточный фронт.

Помню момент выгрузки нашего полка на станции Ершов. Изголодавшиеся в Москве красноармейцы прямо из вагонов ринулись на базары, купили там караваи хлеба и тут же начали их поглощать, да так, что многие заболели. В Москве-то ведь получали четверть фунта плохого хлеба да щи с кониной или воблой. Зная, как голодает трудовой народ Москвы, Петрограда и других городов, как плохо снабжена Красная Армия, мы испытывали чувство классовой ненависти к кулакам, контрреволюционному казачеству и интервентам. Это обстоятельство помогло воспитывать в бойцах Красной Армии ярость к врагу, готовность их к решающим схваткам».

Что и говорить, воспитание голодом — самое сильное, действенное. Оно быстро ставит человека в строй, безошибочно определяет ему место в том строю и указывает путь.

А путь Жукова и его боевых товарищей лежал к Уральску. Здесь, на фронте 4-й армии, сложилось самое тяжёлое положение. Белые, развивая наступление на Самару и Саратов, блокировали Уральск.

Город был плотно осаждён казаками генерала Толстова^[17]. Гарнизон — 22-я стрелковая дивизия и отряды рабочих, — отрезанный от основных сил южной группы войск Красной армии, сражался из последних сил. Южной группой командовал М. В. Фрунзе. На помощь осаждённому Фрунзе бросил 25-ю Чапаевскую дивизию и 1-ю Московскую кавалерийскую, 3-ю бригаду 33-й стрелковой дивизии и отдельные отряды.

4-й кавалерийский полк вышел к станции Шипово. Разъезды передового боевого охранения вскоре донесли: впереди несколько сотен казаков, движутся встречным маршем. И вот под станцией Шипово красные конники схватились во встречном сабельном бою с восемьюстами уральских казаков.

Казачий полк — 400 сабель. В военное время — 600. Под Шипово на 4-й кавполк навалилась большая сила — до семи сотен. Казачья сотня — 110–115 всадников. Эскадроны развернулись и кинулись навстречу друг другу. Рубка была отчаянной, жестокой и непродолжительной. Дело решил неожиданный и лихой манёвр полковых артиллеристов. Когда первая волна

кавалеристов и казаков сошлась и с сёдел полетели порубанные тела тех и других, а эскадроны и сотни второй и последующих волн прищпоривали своих коней, развёртывая строй для своей очереди кинуться в гущу рубки, из-за насыпи во фланг казакам выскочил эскадрон с пушкой. «Артиллеристы — лихие ребята — на полном скаку развернули пушку и ударили белым во фланг. Среди казаков — полное смятение» — так маршал спустя десятилетия описал картину боя при станции Шипово.

Нам, конечно же, интересны были бы подробности этой схватки, детали. Но на частности мемуарист оказался весьма скуп.

Уральский гарнизон был деблокирован чапаевцами. Свою задачу выполнили и кавалеристы.

В это время произошло событие, которое, возможно, произвело на Жукова сильное впечатление. Потому что он написал о нём в своих мемуарах. Хотя, как всегда, без особых подробностей.

«Во время боёв за Уральск мне посчастливилось увидеть Михаила Васильевича Фрунзе. Он тогда лично руководил всей операцией.

М. В. Фрунзе ехал с В. В. Куйбышевым в 25-ю Чапаевскую дивизию. Он остановился в поле и заговорил с бойцами нашего полка, интересуясь их настроением, питанием, вооружением, спрашивал, что пишут родные из деревень, какие пожелания имеются у бойцов. Его простота и обаяние, приятная внешность покорили сердца бойцов.

Михаил Васильевич с особой теплотой и любовью рассказывал нам о В. И. Ленине, говорил о его озабоченности в связи с положением в районе Уральской области.

— Ну, теперь наши дела пошли неплохо, — сказал М. В. Фрунзе, — белых уральских казаков разгромили и обязательно скоро добьём остальную контрреволюцию. Освободим Урал, Сибирь и другие районы от интервентов и белых. Будем тогда восстанавливать нашу Родину!

Мы часто потом вспоминали эту встречу...»

Вскоре 1-ю Московскую перебросили на другой участок — под Царицын. В бой дивизию не вводили. Полки стояли во втором эшелоне и усиленно занимались боевой подготовкой.

Однажды Жуков — в то время он уже был помкомвзвода — увидел, как один из кавалеристов «выезжает» свою лошадь. Лошадь хорошая. По всей вероятности, недавний трофей. Хозяин к ней ещё не привык. В манеже он отрабатывал «подъём коня в галоп с левой ноги». Приём непростой. Нужна выучка.

Жуков остановился. Всадник нервничал. У него ничего не получалось. «Конь, — впоследствии вспоминал Жуков, — всё время давал сбой и

вместо левой периодически выбрасывал правую ногу».

— Укороти левый повод! Укороти! — по-командирски крикнул Жуков седоку.

Тот ничего не ответил, перевёл коня на шаг, подъехал к Жукову и сказал:

— А ну-ка, попробуй.

И только тут Жуков узнал комиссара дивизии — своего однофамильца и тёзку Георгия Васильевича Жукова.

Жуков принял повод. Быстро и ловко подогнал под свой рост стремена. Легко вскочил в седло. Прошёл несколько кругов, чтобы привыкнуть к повадкам и характеру коня. На очередном круге поднял в галоп с левой ноги. Прошёл галопом круг, другой. Хорошо. Перевёл с правой — хорошо. Снова перевёл с левой — конь шёл без сбоя. Умный, хороший конь. Командирский. Такого коня иметь на войне — счастье.

Комиссар удивлённо покачал головой.

— Надо вести его покрепче в шенкелях, — сказал Жуков наставительно.

Тот на наставления не обиделся, рассмеялся. Глядя на ладную посадку кавалериста, на точные его движения, в которых чувствовались выучка и опыт, спросил:

— Ты сколько сидишь в седле?

— Четыре года. А что?

— Так, ничего. Сидишь неплохо.

Они разговорились. Комиссар, по долгу своей комиссарской службы, поинтересовался, где его однофамилец начал службу, где воевал, когда призван в Красную армию, является ли членом партии. Рассказал и о себе: в кавалерии десять лет, воевал, привёл в Красную гвардию из старой армии значительную часть своего полка.

После этого разговора между ними завязались хорошие отношения. Однажды комиссар Жуков предложил кавалеристу Жукову перейти на политработу. Ему требовался толковый и грамотный помощник. Но кавалерист отказался.

— Нет, товарищ комиссар, политработа — дело не моё. Больше люблю строевую службу. Думаю, что и партии, и Красной армии буду больше полезен в строю.

— Ну, хорошо, тогда пошлём тебя на курсы красных командиров. При первой же возможности. Пойдёшь?

— А вот за такое доверие — спасибо. На курсы пойду с удовольствием.

Но дальнейшие события отодвинули учёбу и курсы на неопределённое время. Белые неожиданно переправились через Волгу на левый берег и захватили плацдарм — село Заплавное между Чёрным Яром и Царицыном. Главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России генерал А. И. Деникин гнал свои дивизии вперёд, всё ещё надеясь соединиться с Уральской армией и образовать единый фронт против большевиков. Село Заплавное находилось в непосредственной близости от места дислокации 1-й Московской кавалерийской дивизии, поэтому её полки и подразделения тут же были втянуты в тяжёлые бои.

Белые шли напролом. В мемуарах Жуков упоминает об офицерских полках, действовавших на их участке. Здесь в одном из боёв Жуков был ранен. Произошло это в октябре 1919 года. «В бою между Заплавной и Ахтубой во время рукопашной схватки с белокалмыцкими частями меня ранило ручной гранатой. Осколки глубоко врезались в левую ногу и левый бок, и я был эвакуирован в лазарет, где ещё раз, кроме того, переболел тифом». Жукову и на этот раз повезло. Из боя, раненого и теряющего сознание, его вынес друг — эскадронный политрук и старый большевик Антон Митрофанович Янин.

Янин тоже был ранен, но легко. Когда раненых начали отправлять в тыл, Янин запряг лёгкую рессорную бричку, уложил на неё товарища и погнал коня в сторону Саратова. Там, в лазарете, работала подруга политрука — Полина Николаевна Волохова. Она-то и позаботилась о том, чтобы раны Жукова поскорее зажили — пригласила ухаживать за молодым командиром свою младшую сестру-гимназистку.

И тут начинается история, клубок которой так туго и ожесточённо затянут спорящими сторонами, что пытаться распутать его, даже в такой обширной книге, как эта, — затея абсолютно безнадёжная. Когда дело касается наследства, когда вскипают обиды отвергнутой женщины, сюжет любого романа начинает двоиться, троиться и т. д. И который из них настоящий, понять совершенно невозможно.

Судя по многим свидетельствам и поступкам, наш герой был мужчиной пылким, влюбчивым. Даже в зрелые лета влюблялся как мальчишка. А что уж говорить про неполных 23, когда он однажды, лёжа в лазарете, открыл глаза и увидел над собой лицо девушки, которое сразу поразило его своей красотой и юной чистотой. После фронта, крови, ужаса кавалерийских атак, после рубок, бессонницы и постоянного напряжения в ожидания вражеской пули тишина лазарета и голубые глаза «белой голубки» не могли не ранить сердце солдата.

Но любовь была недолгой. Как и всё на войне.

Сёстры Волоховы вернулись к себе на родину, в Полтаву.

Жукова в госпитале снова сразил тиф. После выздоровления он получил месячный отпуск на родину.

Жизнь в Стрелковке протекала уныло. Только Протва и лес радовали взгляд, манили к себе, навеивали воспоминания юности. Народу в Стрелковке заметно поубавилось. Девушки вышли замуж и уехали в другие деревни. Друзей детства и юности разметало по стране. Кто был в Москве, кто на войне. А кто сгинул ещё несколько лет назад в Галиции и Мазурских болотах...

Отец совсем состарился, сгорбился. Но ещё тюкал своим молотком, чинил соседям изношенные сапоги. Смотрел на мир добрыми глазами. Мать, как и прежде, тянула воз за двоих.

Зашёл к соседям Жуковым. Прочитал им письмо от их сына, Пашки Жукова, друга детства. Пашка служил в Красной армии. Письмо он получил от него под Царицыном. Берёг. Всюду возил с собой, как частичку родины. Пашкины родители всплакнули.

«Дорогой друг Георгий!

После твоего ухода в Красную армию почти все наши друзья и знакомые были призваны в армию. Мне опять не повезло. Вместо действующей армии меня послали в Воронежскую губернию с продотрядом выкачивать у кулаков хлеб. Конечно, это дело тоже нужное, но я солдат, умею воевать и думаю, что здесь мог бы вместо меня действовать тот, кто не прошёл хорошую школу войны. Но не об этом я хочу тебе написать.

Ты помнишь наши споры и разногласия по поводу эсеров. Я считал когда-то их друзьями народа, боровшимися с царизмом за интересы народа, в том числе и за интересы крестьян. Теперь я с тобой согласен. Это подлецы! Это не друзья народа, это друзья кулаков, организаторы всех антисоветских и бандитских действий.

На днях местные кулаки под руководством скрывавшегося эсера напали на охрану из нашего продотряда, сопровождавшую конный транспорт хлеба, и зверски с ней расправились. Они убили моего лучшего друга Колю Гаврилова. Он родом из-под Малоярославца. Другому моему приятелю, Семёну Иванишину, выкололи глаза, отрубили кисть правой руки и бросили на дороге. Сейчас он в тяжёлом состоянии. Гангрена, наверное, умрёт. Жаль парня, был красавец и удалой плясун. Мы решили в отряде крепко отомстить этой нечисти и воздать им должное, да так, чтобы запомнили на всю жизнь.

Твой друг Павел».

В 1922 году Жуков узнает и о горькой судьбе Павла. Друг детства погибнет на Тамбовщине во время подавления восстания крестьян.

Гражданская война — самая жестокая война. Брат идёт на брата, сын на отца. В какой-то момент мерилом любви и ненависти становится хлеб. Обратная сторона хлеба — голод. Перед лицом голода границы жестокости и милосердия размываются, исчезают, и всё кажется оправданным...

Удивительное дело: они, солдаты Первой мировой, а теперь и Гражданской, по-прежнему оставались крестьянскими сыновьями, и их душа болела прежде всего о родине, о своих земляках. Они знали, за что и за кого воевали и умирали.

Отпуск пролетел быстро. Жуков явился в военкомат. Попросился, чтобы направили в действующую армию. Но медицинскую комиссию не прошёл — был слаб физически, организм ещё полностью не восстановился. И тогда военком, порывшись в своих бумагах, вдруг объявил, что отправит Жукова в Тверь, в запасной батальон, с последующим направлением на курсы красных командиров.

Из Твери его направили в Рязанскую губернию на станцию Старожилово. Там размещались 1-е Рязанские кавалерийские курсы РККА.

Жукова зачислили в 1-й эскадрон. Командир эскадрона бывший офицер русской армии В. Д. Хламцев побеседовал с вновь прибывшим и, когда узнал его чин в старой армии и что за плечами Жукова две войны, назначил его на должность старшины эскадрона. Курсы мало чем отличались от учебной команды. Правда, здесь давали ещё и достаточно основательное общее образование.

Сведения об успехах товарищей курсантов 1-го приготовительного отделения (репетиции и экзамены).

	Репетиции	Экзамен
...13. Жуков Георгий		
Русский язык	4	4—
Арифметика	4	4+
География	4+	4
Гигиена	4	5
Военная администрация	5	5
Политграмота	5	5
Уставы	5	5

Решение педагогического комитета — переводится в специальное отделение.

Заведующий учебной частью
В. РОТТ.

Среди документов 1-х Рязанских кавалерийских курсов обнаружен протокол внеочередного собрания партячейки, на котором разбиралось персональное дело одного из курсантов.

Жуков выступил против его отчисления и высказал своё мнение о несправедливом отношении к фронтовикам.

— Почему красным офицерам, приехавшим с фронта, устроили аттестационную комиссию, какой не должно быть для красных командиров? — обратился он на собрании к комиссару курсов.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Строевые командные кадры состояли главным образом из старых военных специалистов — офицеров. Работали они добросовестно, но несколько формально — „от“ и „до“ Воспитательной работой занимались парторганизация и политаппарат курсов, общеобразовательной подготовкой — военизированные педагоги».

Всякая учёба выявляет способности человека. Для одного и курсы — академия, после которой он становится хорошим командиром, уверенно управляет своим подразделением, хладнокровно и расчётливо руководит боем, при необходимости может заменить выбывшего по причине ранения или смерти вышестоящего командира. А из другого и академия не сделает даже полкового командира...

Наш герой к тому времени, кажется, уже определился в жизни. Армия ему нравилась. Кавалерийское дело освоил основательно. Начинать в дивизии «первой шашки России», а теперь продолжал обучение у офицеров всё той же старой армии. Дисциплину любил и прекрасно понимал, что именно она и в бою и в службе — основа успеха и победы. Но пайкурсанта из него не вышло. Что уж он там натворил, из дошедших до нас документов неясно. В своих мемуарах Жуков тоже эту историю даже не упоминает. Но вот что отыскивали в архивах биографы маршала:

«Из приказа по 1-м Рязанским кавалерийским курсам Командного состава РККА.

№ 211 (село Старожилово) от 31 июля 1920 года.

Убывшего в распоряжение Рязгубвоенкомата курсанта т. Жукова Георгия (старшина 1-го эскадрона), откомандированного за нарушение воинской дисциплины, исключить из списков Курсов курсантов 1-го эскадрона с 29 июля, провиантского, приварочного с 31 июля, чайного, табачного, мыльного с 1 августа и денежного довольствия с 1 июля...»

Правда, уже через неделю руководитель курсов сменил гнев на милость и, должно быть, в связи с изменившимися обстоятельствами издал другой приказ — о том, что «прибывшего из ГУВУЗа для окончания курса старшину курсантов т. Жукова Георгия зачислить в списки курсантов 1-го

эскадрона с 5-го августа, провиантское, приварочное, чайное, табачное, мыльное с 1 августа и денежное довольствие с 1 июля с.г.».

Среди курсантов Жуков выделялся опытом и великолепными кавалерийскими навыками. Неплохо владел винтовкой и приёмами штыкового боя. В седле держался так, что ему могли позавидовать потомственные казаки. И уже тогда проявились качества, необходимые хорошему командиру. Преподаватели, видя его рвение, дали возможность развиваться этим качествам.

К лету 1920 года обострилось положение на юге России. Белые, понимая, что затяжные позиционные бои постепенно истощают их силы, а значит, ведут к неминуемому поражению, предприняли отчаянную попытку вырвать инициативу из рук красных. Штаб генерала Врангеля разработал операцию, которая должна была коренным образом изменить ход войны. Из Крыма на Кубань выступила Группа особого назначения: около восьми тысяч человек при 12 орудиях, 120 пулемётах, 8 аэропланах. Группу поддерживал отряд броневиков. Командовал десантом генерал С. Г. Улагай^[18]. Улагаевскому десанту вначале сопутствовал некоторый успех. Но вскоре продвижение его застопорилось контратаками красных. Часть казачьих станиц встала под знамёна белых. Но массового восстания против большевиков, на что рассчитывал Врангель, не произошло. Красная армия к тому времени была уже достаточно сильна, и в дело были брошены резервы. В том числе и сводная 2-я Московская курсантская бригада. Она состояла из курсантов, прибывших в Москву из Твери, Рязани и других городов. Костяк её составляли слушатели различных курсов, находившихся в самой Москве.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «В середине июля курсантов спешно погрузили в эшелоны. Никто не знал, куда нас везут. Видели только, что едем в сторону Москвы. В Москве курсы сосредоточили в Лефортовских казармах, где уже были расквартированы тверские и московские курсанты. Нам объявили, что курсы войдут во 2-ю Московскую бригаду курсантов, которая будет состоять из двух пехотных полков и одного кавалерийского. Бригада будет направлена на врангелевский фронт. Мы получили всё необходимое боевое снаряжение и вооружение. Экипировка и конская амуниция были новые, и внешне мы выглядели отлично.

В Москве у меня было много родственников, друзей и знакомых. Хотелось перед отправкой на фронт повидать их, особенно ту, по которой страдало молодое сердце, но, к сожалению, я так и не смог никого навестить. Командиры эскадрона, часто отлучавшиеся по различным

обстоятельствам, обычно оставляли меня, как старшину, за главного. Пришлось ограничиться письмами к знакомым. Не знаю, то ли из-за этого или по другой причине, между мной и Марией произошла размолвка. Вскоре я узнал, что она вышла замуж, и с тех пор никогда её больше не встречал».

Мария — это вовсе не та, которая совсем недавно выхаживала Жукова в лазарете. Не «гимназистка» Волохова. А другая, таинственная Мария, хозяйская дочь, из московского дома, где он когда-то, в другой жизни, работая в скорняжной мастерской и магазине дяди Михаила Артемьевича, снимал комнату. Судя по всему, встречи с ней он больше не искал.

Похоже, что пока на любовном фронте наш герой терпел поражение за поражением. Вначале Нюра Синельщикова из Стрелковки, а теперь Мария, которую, как ему тогда казалось, он тоже нежно любил.

Но судьба несла, уносила его к своим берегам, глубоко прорезая тот предначертанный, единственный путь и всё остальное делая второстепенным.

Конечно, в Москве хотелось повидать родню. О судьбе Александра он уже знал из писем младшего брата Михаила: Сашка добровольцем ушёл в Красную армию и погиб в бою под Царицыном. Михаил тоже на фронте, тоже в Красной армии и где-то воюет.

В начале августа 1920 года сводный курсантский полк сосредоточился под Екатеринодаром. Начались бои. Полк действовал в районах станиц Урупской, Бесскорбной, Отрадной, Степной.

Когда Улагай отступил обратно в Крым и на фронте наступило некоторое затишье, курсантов направили в Армавир.

Здесь у них приняли экзамены и зачислили командирами взводов. Большинство однокурсников Жукова были направлены в 14-ю отдельную кавалерийскую бригаду, по-прежнему занятую ликвидацией остатков улагаевских отрядов. Сюда же, в 1-й кавалерийский полк, попал и Жуков.

Чуть позже он узнал, что большинство его товарищей по Рязанским курсам, в составе сводного полка продолжавшие преследование отходящих войск генерала Улагая, попали в засаду в горах Дагестана. Многие были убиты, а другие взяты в плен и зверски замучены.

Из донесения командира 1-го кавполка начальнику штаба кавалерийской бригады 14-й стрелковой им. А. К. Стёпина дивизии о прибывших в полк командирах:

«...15. Георгий Константинович Жуков.

Род оружия — кавалерия.

На какую должность назначен — на должность командира взвода.

Год, месяц, число назначения — 1920 г., 19 октября.

С какой должности назначен и какие занимал должности в старой армии — в должности командира взвода, в старой армии вахмистр.

Краткая боевая характеристика и удостоверение на высшую должность — в боевом отношении неизвестен, знания службы хорошие, исполнительен, член РКП».

В донесении командира кавполка в штаб 14-й кавбригады о командире взвода Георгии Жукове говорится: «Образование: общее — 4 класса городского училища, военное — 1 Рязанские кавалерийские курсы».

В то время членом Реввоенсовета Южного фронта был Сталин.

Судьба пока держала их на расстоянии друг от друга. Но наступит время — произойдёт это довольно скоро — и они окажутся рядом. В одном кабинете. За одним столом. У одной оперативной карты. На долгие годы.

1-м кавалерийским полком бригады, как вспоминал маршал, командовал старый казак, «храбрец и рубака» Андреев. И вот к нему в штаб прибыло долгожданное пополнение — группа молодых командиров взводов.

Андреев взглянул на новоприбывших. Особенно долго разглядывал их красные революционные галифе. И сказал:

— Мои бойцы не любят командиров в красных штанах.

Взводные молчали.

— Красные штаны на передовой — это, знаете ли...

— Других нет, — вдруг сказал Жуков. — А этими нас обеспечила Красная армия.

Взводным было обидно. Красные революционные шаровары в войсках считались шиком. В некоторых частях, особенно обносившихся, они выдавались как награда.

Комполка между тем продолжал в том же пренебрежительном тоне:

— У нас бойцы больше из бывалых вояк. Не первую войну воюем. А необстрелянных и желторотых мы не жалуем. Так что тяжеловато вам придётся на первых порах. Но — как себя покажете...

Жуков усмехнулся. И комполка спросил его:

— Вот вам, товарищ Жуков, приходилось воевать?

И когда Жуков назвал номер своего полка и дивизии, когда перечислил все операции, в которых участвовал и в одной войне, и в другой, казак просветлел лицом и оживился:

— Выходит, ты, братец, рядом с 1-й Донской казачьей дивизией воевал!

— Точно так! — ответил Жуков. — Донцы-молодцы рядом наступали.

— Ну, тогда направляю вас в самый лучший эскадрон. Командиром там Вишнеvский. Бывалый рубака, человек, как говорят, строгий, но справедливый.

Взводные прибыли в эскадрон. Командир эскадрона принял их весьма своеобразно. Он читал книгу. Когда они вошли в штабную избу, глаза поднял только на мгновение. Выслушал доклад и распорядился, всё так же не отрываясь от книги:

— Вы, Жуков, ступайте во второй взвод и принимайте его от Агапова. Вас, Ухач-Огорович, назначаю на четвёртый взвод. Всё, можете быть свободны. Идите и принимайте своё хозяйство. Потом доложите.

Агапов оказался пожилым усталым человеком. Воевал он уже не первую войну. Исполнял обязанности взводного после недавних боёв, когда выбыл командир. Старый кавалерист достал из кармана шинели список взвода и сказал:

— Во взводе тридцать человек. Все в наличии. Все старые, проверенные делом бойцы. За исключением четверых. Они прибыли недавно — пополнение. Народ, как говорится, пожилой, степенный. Но есть и с норовом.

И Агапов коротко рассказал о каждом. Это был один из тех незабываемых уроков, который преподнёс будущему полководцу старый русский кавалерист. И Жуков усвоил его навсегда — знать биографию каждого своего подчинённого, понимать его характер, предвидеть возможные его поступки.

— Горшков — рубака. И партизан.

— В каком смысле? — спросил Жуков.

— В самом плохом. Вне строя любит попартизанить. По деревням там... По женской части. По продовольственной... Но в бою, в атаке — первый. Он сразу себя покажет. Но голос на него повышать не следует — обидчив. С ним лучше поговорить наедине: так, мол, и так, братец... Касьянов — пулемётчик. Пулемётчик, пожалуй, из лучших в эскадроне. Воронежский хохол. Надёжный. Опытный. Бой чует — как собака лису. Ему не надобно ставить задачу, время терять, он сам знает своё место, где занять позицию и какую цель первой поразить. А дальше трое неразлучных — Казакевич, Ковалёв, Сапрыкин. Они и в бою всегда рядом. Если куда посылать, то только всех троих. Гулеваны. В обороне за ними глаз да глаз... Этих, если что, и перед строем можно пропесочить. Пригрозить. И даже к комиссару полка отправить. Чтобы и он их, своим калибром, слегка поправил. Комиссар у нас человек строгий и не любит, когда личный состав красноармейскую честь позорит.

Жуков выслушал Агапова и сказал:

— Вот что: назначаю вас своим помощником. А сейчас стройте взвод. Хочу познакомиться. Поговорить.

Построили взвод. Вот они, стоят, его молодцы — курские, воронежские, орловские, смоленские. Смотрят с прищуром и лёгкой насмешкой. Ну, ничего...

— Вот что, товарищи, — начал Жуков, — меня назначили вашим командиром. Хороший или плохой я командир, хорошие или плохие вы бойцы — это мы увидим в ближайшем бою. А сейчас я хочу осмотреть ваших коней и боевое снаряжение. Будем считать это нашим знакомством.

Взводный начал внимательно осматривать лошадей, хотел убедиться, что подковы сидят хорошо, а «стрелки» копыт прочищены, не забиты грязью. Знакомился с красноармейцами: кто, откуда родом, где воевал. Заметив, что бойцы не сводят глаз с его штанов, сказал:

— Командир полка меня предупредил, что вы не любите красные брюки. Но вот какие дела, товарищи бойцы: советская власть выдала мне эти, и то в долг, и я их ещё не отслужил. А служить будем вместе. Что касается красного цвета вообще, то я вас могу успокоить: красный цвет — революционный цвет и символизирует борьбу трудового народа за свою свободу и независимость.

Потом перед боем бойцы шутили: сейчас пойдём вперёд с «красным знаменем». И действительно, в первую же конную атаку, которая случилась через несколько дней в Приморском районе, Жуков бросился во главе своего взвода с шашкой наголо. Храбрость и другие командирские качества нового взводного красноармейцы оценили сразу, и отношения вошли в русло устава.

В том бою взвод атаковал в составе эскадрона. Влетели на позиции белых, порубали пулемётчиков, многих взяли в плен. Сами не потеряли ни одного человека.

Глава восьмая

В составе карательной экспедиции

«После шести рукопашных схваток разбил банду...»

Вскоре Жукова назначили командиром эскадрона в составе всё той же 14-й отдельной кавалерийской бригады. Эскадрон был направлен в Воронежскую губернию.

Там возмущённые жестокостью продотрядов и произволом местных комбедов восстали крестьяне богатых деревень и хуторов. К ним примкнули дезертиры, остатки разбитых белогвардейских отрядов, бывшие офицеры, прятавшиеся в сельской глуши. Вскоре разрозненные отряды мятежников были объединены в дивизию, дивизия разделена на полки, которые получили наименования — Старокалитвенский, Новокалитвенский, Дерезовский, Криничанский, Дерезоватский. Возглавил народное формирование бывший вахмистр и житель слободы Старая Калитва, что в 40 верстах от Россоши, Иван Сергеевич Колесников^[19].

Этот воронежский Емелька Пугачёв был незаурядной личностью. Местные его побаивались и любили одновременно. За предательство мог зарубить шашкой. Не позволял своим хлопцам совершать грабежи и реквизиции. Крестьяне говорили о нём: «Где Колесников, там и правда». Его полки и эскадроны шли в бой против «коммунии», продразвёрстки и мобилизации. На знамёнах восставших были начертаны лозунги: «Против грабежей и голода!», «Долой уголовно-бандитскую власть предателей русского народа — коммунистов!», «Да здравствует Великая, Единая и Неделимая Россия!», «Да здравствует Учредительное собрание!».

Дивизия Колесникова долго не соединялась с мятежниками соседней губернии — Тамбовской, где восстание проходило под лозунгами и явным влиянием эсеров. Возглавил его председатель Союза трудового крестьянства Пётр Токмаков. Одним из руководителей Тамбовского восстания был эсер Александр Антонов, от фамилии которого и произошло понятие «антоновщина». Но обстоятельства заставили народного атамана из Старой Калитвы примкнуть к политизированным антоновцам. И уже в стане антоновцев бывший вахмистр и бывший большевик возглавил одну из армий. Эскадроны Колесникова состояли из бывалых рубак.

Мятежников всячески поддерживало, укрывало и подкармливало местное население, а потому воевать с ними было непросто.

Понимали ли тогда командир красного эскадрона Жуков и его товарищи, что воевали со своим народом?

В мемуарах маршала размышления о сущности «тамбовского бунта» окрашены в один цвет — красный. Никаких оттенков. Но иначе и быть не могло — кто бы позволил опубликовать какие-то сомнительные мысли? Политически, так сказать, выдержанно, сухо, как в передовице главной партийной газеты, в мемуарах написано: «Политическую организацию эсеров-кулацкого восстания возглавлял ЦК эсеров. Своей главной задачей он считал свержение Советской власти».

В дни проведения масштабной карательной экспедиции в Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерниях у Жукова произошли две встречи, которые во многом повлияли на его судьбу, на годы определили его семейное положение.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Вскоре командующим войсками по борьбе с антоновщиной был назначен М. Н. Тухачевский.

О Михаиле Николаевиче Тухачевском мы слышали много хорошего, особенно о его оперативно-стратегических способностях, и бойцы радовались, что ими будет руководить такой талантливый полководец.

Впервые я увидел М. Н. Тухачевского на станции Жердевка, на Тамбовщине, куда он приехал в штаб нашей 14-й отдельной кавалерийской бригады. Мне довелось присутствовать при его беседе с командиром бригады. В суждениях М. Н. Тухачевского чувствовались большие знания и опыт руководства операциями крупного масштаба.

После обсуждения предстоящих действий бригады Михаил Николаевич разговаривал с бойцами и командирами. Он интересовался, кто где воевал, каково настроение в частях и у населения, какую полезную работу мы проводим среди местных жителей.

Перед отъездом он сказал:

— Владимир Ильич Ленин считает необходимым как можно быстрее ликвидировать кулацкие мятежи и их вооружённые банды. На вас возложена ответственная задача. Надо всё сделать, чтобы выполнить её как можно быстрее и лучше.

Мог ли я подумать тогда, что всего через несколько лет мне придётся встретиться с Михаилом Николаевичем в Наркомате обороны при обсуждении теоретических основ тактического искусства советских войск!..

С назначением М. Н. Тухачевского и В. А. Антонова-Овсеенко борьба с бандами пошла по хорошо продуманному плану. Заместителем М. Н. Тухачевского был И. П. Уборевич, который одновременно возглавил

действия сводной кавалерийской группы и сам участвовал в боях с антоновцами, показав при этом большую личную храбрость.

Особенно сильные бои по уничтожению антоновских банд развернулись в конце мая 1921 года в районе реки Вороны, у населённых пунктов Семёновка, Никольское, Пущино, Никольское-Перевоз, Гривки, Ключки, Екатериновка и у реки Хопёр. Здесь хорошо действовали кавалерийская бригада Г. И. Котовского, кавбригада Дмитренко, Борисоглебские кавалерийские курсы и наша 14-я отдельная кавбригада под командованием Милонова. Но полностью уничтожить банду в то время всё же нам не удалось.

Основное поражение антоновцам было нанесено в районе Сердобска, Бакуры, Елани, где боевые действия возглавил И. П. Уборевич. Остатки разгромленной банды бросились врассыпную в общем направлении на Пензу. В Саратовской губернии они были почти полностью ликвидированы...»

Итак, красный маршал Тухачевский произвёл на командира эскадрона, судя по эпитетам, сильное впечатление. Но многие из этих эпитетов сразу, как только автор «Воспоминаний и размышлений» начинает ретроспективное инспектирование состояния войск Красной армии, её вооружения, снаряжения и технического оснащения, как только приступает к серьёзному анализу просчётов и поражений, — все эти поклоны, повисая в воздухе, превращаются в общие фразы. Писатель и биограф Жукова Владимир Карпов^[20] сразу заметил эти несоответствия и зазоры: «Противоречия в оценках Жукова объясняются и цензурными барьерами, и усердием „доработчиков“». Да и сам Жуков в разговоре со своим биографом признался: «Книга воспоминаний наполовину не моя».

Тем не менее Жуков назвал имена главных героев трагедии на Тамбовщине: Ленина, Тухачевского, Антонова-Овсеенко, Уборевича, Котовского. Пожалуй, только Дзержинский и Склянский остались за пределами его воспоминаний. Но это были люди из другого ведомства, которое, как покажет дальнейшее, будет всегда враждебно ему, полководцу и солдату.

Вот основные требования приказа от 11 июня 1921 года № 171 «демона Гражданской войны»^[21] Тухачевского, изданного им сразу по прибытии на Тамбовщину:

«1. Гражданин, отказывающийся называть своё имя, расстреливать на месте без суда.

2. В селениях, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии

или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество её конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно».

А на следующий день Тухачевский, этот, по определению Жукова, «гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии», издал приказ о применении против повстанцев отравляющих газов, то есть химического оружия.

Осмелюсь предположить, что эти пафосные характеристики, столь несвойственные для сурового и сдержанного стиля маршала, «доработали» те, кто головой отвечал по различным ведомствам — от КГБ до Генштаба и Главного политического управления — за «качество», то есть политическое соответствие мемуаров Маршала Победы генеральной линии партии и правительства. И вот ещё о тамбовском газовщике Тухачевском, в тех же «Воспоминаниях и размышлениях»: «Умный, широко образованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах. М. Н. Тухачевский хорошо понимал роль различных видов наших вооружённых сил в современных войнах и умел творчески подойти к любой проблеме...»

Если иметь в виду ещё одну цитату из приказа, изданного Тухачевским на следующий день после приведённого выше, то слова Жукова, вольно или невольно, наполняются исторической иронией. Вот она, эта цитата: «Остатки разбитых банд и отдельные бандиты продолжают собираться в лесах. Леса, в которых укрываются бандиты, должны быть очищены с помощью удушающих газов. Всё должно быть рассчитано так, чтобы газовая завеса, проникая в лес, уничтожала там всё живое. Начальник артиллерии и специалисты, компетентные в такого рода операциях, должны обеспечить достаточное количество газов».

Вот ещё одна цитата, вышедшая из-под пера «гиганта военной мысли»

Тухачевского, который всегда «умел творчески подойти к любой проблеме»: «Без расстрелов ничего не получается. Расстрелы в одном селении на другое не действуют, пока в них не будет проведена такая же мера».

Не будем давать никаких оценок этому документу. Воздержимся и от каких бы то ни было комментариев, ибо комментарий, как верно заметил мудрый Владимир Карпов, — это уже мировоззрение.

Атмосфера, которая царил в те дни на Тамбовщине, а также в соседних Воронежской и Саратовской губерниях, в целом не отличалась человеколюбием и благородством. Стороны вели жестокую войну и не щадили ни своих противников, ни самих себя.

Вот как вспоминает Жуков один такой бой, в котором ему довелось участвовать. Произошло это близ села Вязовая Почта весной 1921 года.

«Рано утром наш полк в составе бригады был поднят по боевой тревоге. По данным разведки, в 10–15 километрах от села было обнаружено сосредоточение до трёх тысяч сабель антоновцев. Наш 1-й кавполк следовал из Вязовой Почты в левой колонне; правее, в 4–5 километрах, двигался 2-й полк бригады. Мне с эскадром при 4 станковых пулемётах и одном орудии было приказано двигаться по тракту в головном отряде.

Пройдя не более пяти километров, эскадрон столкнулся с отрядом антоновцев примерно в 250 сабель. Несмотря на численное превосходство врага, развернув эскадрон и направив на противника огонь орудия и пулемётов, мы бросились в атаку. Антоновцы не выдержали стремительного удара и отступили, неся большие потери.

Во время рукопашной схватки один антоновец выстрелом из обреза убил подо мной коня. Падая, конь придавил меня, и я был бы неминуемо зарублен, если бы не выручил подоспевший политрук Ночёвка. Сильным ударом клинка он зарубил бандита и, схватив за поводья его коня, помог мне сесть в седло.

Вскоре мы заметили колонну конницы противника, стремившуюся обойти фланг эскадрона. Немедленно развернули против неё все огневые средства и послали доложить командиру полка сложившуюся обстановку. Через 20–30 минут наш полк двинулся вперёд и завязал огневой бой.

2-й полк бригады, столкнувшись с численно превосходящим противником, вынужден был отойти назад. Пользуясь этим, отряд антоновцев ударил нам во фланг. Командир полка решил повернуть обратно в Вязовую Почту, чтобы заманить противника на невыгодную для него местность. Мне было приказано прикрывать выход полка из боя.

Заметив наш манёвр, антоновцы всеми силами навалились на мой эскадрон, который действовал уже как арьергард полка.

Бой был для нас крайне тяжёлым. Враг видел, что мы в значительном меньшинстве, и был уверен, что сомнёт нас. Однако осуществить это оказалось не так-то просто. Спасло то, что при эскадроне было 4 станковых пулемёта с большим запасом патронов и 76-мм орудие.

Маневрируя пулемётами и орудием, эскадрон почти в упор расстреливал атакующие порядки противника. Мы видели, как поле боя покрывалось вражескими трупами, и медленно, шаг за шагом, с боем отходили назад. Но и наши ряды редели. На моих глазах свалился с коня тяжело раненный командир взвода, мой товарищ Ухач-Огорович.

Это был способный командир и хорошо воспитанный человек. Отец его, полковник старой армии, с первых дней перешёл на сторону советской власти, был одним из ведущих преподавателей на наших рязанских командных курсах.

Теряя сознание, он прошептал:

— Напиши маме. Не оставляй меня бандитам.

Его, как и всех раненых и убитых, мы увезли с собой на пулемётных санях и орудийном лафете, чтобы бандиты не могли над ними надругаться.

Предполагавшаяся контратака полка не состоялась: не выдержал весенний лёд на реке, которую надо было форсировать, и нам пришлось отходить до самой Вязовой Почты.

Уже в самом селе, спасая пулемёт, я бросился на группу бандитов. Выстрелом из винтовки подо мной вторично за этот день была убита лошадь. С револьвером в руках пришлось отбиваться от наседавших бандитов, пытавшихся взять меня живым. Опять спас политрук Ночёвка, подскочивший с бойцами Брыксиным, Юршковым и Ковалёвым.

В этом бою мой эскадрон потерял 10 человек убитыми и 15 ранеными. Трое из них на второй день умерли, в том числе и Ухач-Огорович, мой друг и боевой товарищ.

Это был тяжёлый для нас день».

За тот бой Жуков был представлен к ордену Красного Знамени. Из приказа РВСР за № 183 от 31 августа 1922 года:

«Награждён орденом Красного Знамени командир 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка отдельной кавалерийской бригады за то, что в бою под селом Вязовая Почта Тамбовской губернии 5 марта 1921 г., несмотря на атаки противника силой 1500–2000 сабель, он с эскадронам в течение 7 часов сдерживал натиск врага и, перейдя затем в контратаку, после шести рукопашных схваток разбил банду».

Свой первый боевой орден наш герой заслужил в честном сабельном бою, где победу добывают храбростью, силой и ловкостью. Газами в том бою не пахло...

Народная молва, склонная к романтизации и поэтизации прошлого, когда прошлое уже не ощущает боли потерь, свидетельствует о том, что атаман Колесников и красный командир Жуков встретились именно в том бою. И сошлись на саблях.

Никто из них не смог одолеть своего поединщика. Почувствовав силу друг друга, они разъехались.

Жуков в книгу мемуаров этот яркий эпизод почему-то не включил. Но рассказал его Константину Симонову: «В 1921 году мне пришлось быть на фронте против Антонова. Надо сказать, это была довольно тяжёлая война. В разгар её против нас действовало около семидесяти тысяч штыков и сабель. Конечно, при этом у антоновцев не хватало ни средней, ни тем более тяжёлой артиллерии, не хватало снарядов, бывали перебои с патронами, и они стремились не принимать больших боёв. Схватились с нами, отошли, рассыпались, исчезли и возникли снова. Мы считаем, что уничтожили ту или иную бригаду или отряд антоновцев, а они просто рассыпались и тут же рядом снова появились. Серьёзность борьбы объяснялась и тем, что среди антоновцев было очень много бывших фронтовиков и в их числе унтер-офицеров. И один такой чуть не отправил меня на тот свет.

В одном из боёв наша бригада была потрёпана, антоновцы изрядно насыпали нам. Если бы у нас не было полусотни пулемётов, которыми мы прикрылись, нам бы вообще пришлось плохо. Но мы прикрылись ими, оправились и погнали антоновцев.

Незадолго до этого у меня появился исключительный конь. Я взял его в бою, застрелив хозяина. И вот, преследуя антоновцев со своим эскадром, я увидел, что они повернули мне навстречу. Последовала соответствующая команда, мы рванулись вперёд, в атаку. Я не удержал коня. Он вынес меня шагов на сто вперёд всего эскадрона. Сначала всё шло хорошо, антоновцы стали отступать. Во время преследования я заметил, как мне показалось, кого-то из их командиров, который по снежной тропке — был уже снег — уходил к опушке леса. Я за ним. Он от меня... Догоняю его, вижу, что правой рукой он нахлестывает лошадь плёткой, а шашка у него в ножнах. Догнал его и, вместо того чтобы стрелять, в горячке кинулся на него с шашкой. Он нахлестывал плёткой лошадь то по правому, то по левому боку, и в тот момент, когда я замахнулся шашкой, плётка оказалась у него слева. Хлестнув, он бросил её и прямо с ходу, без размаха вынеся

шашку из ножен, рубанул меня. Я не успел даже закрыться, у меня шашка была ещё занесена, а он уже рубанул, мгновенным, совершенно незаметным для меня движением вынес её из ножен и на этом же развороте ударил меня поперёк груди. На мне был крытый сукном полушубок, на груди ремень от шашки, ремень от пистолета, ремень от бинокля. Он пересёк все эти ремни, рассёк сукно на полушубке, полушубок и выбил меня этим ударом из седла. И не подоспей здесь мой политрук, который зарубил его шашкой, было бы мне плохо.

Потом, когда обыскивали мёртвого, посмотрели его документы, письмо, которое он недописал какой-то Галине, увидели, что это такой же кавалерийский унтер-офицер, как и я, и тоже драгун, только громаднейшего роста. У меня потом ещё полмесяца болела грудь от его удара».

И похоже, и не похоже... О его «громаднейшем росте» Жуков, возможно, упомянул намеренно. Колесников был примерно такого же роста, как и его возможный соперник. В чекистских листовках, отпечатанных для красноармейцев с целью опознания атамана, значилось буквально следующее: «среднего роста, блондин, коренастый...» Такую же ориентировку при других обстоятельствах могли бы дать и на Жукова.

Но хроника событий на Тамбовщине подтверждает, что «22 марта у села Талицкий Чамлык, что на стыке современных Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей, произошёл упорный встречный бой семи полков 1-й повстанческой армии с 14-й отдельной кавбригадой красных под командованием А. Милонова», что «потери повстанцев в этом бою составили около трёхсот человек убитыми и ранеными».

В тамбовских и воронежских хрониках много легенд и былей. Рассказывают, что и защитники народа из дивизии Колесникова пополнение в свои сотни набирали так: залетят в какую-нибудь деревню, сгонят к амбару мужиков, способных сесть на коня и держать в руках шашку, поставят пулемёт с заправленной лентой и объявляют: «Кто с нами — сюда, в шеренгу, а кто нет — туда». И сотник плетью указывает на стену амбара, куда смотрит пулемёт. Так что во время такой агитации и инвалиды на коней запрыгивали добрыми молодцами...

А погубила Колесникова женщина.

Говорят, чекисты внедрили в штаб калитвинского атамана свою сотрудницу — двадцатилетнюю Екатерину Вереникину. И была она такой красоты и женской прелести, что глаз не отвести. Увидел её Колесников, и кровь в нём взыграла, а ум помутился.

Вначале он приблизил её к себе, назначил на какую-то штабную должность, чтобы чаще видеть красавицу рядом. А потом...

Что — потом... Потом чекисты уничтожили лучший Старокалитвинский полк повстанцев, «по непонятным причинам вышедший на линию артиллерийского и пулемётного огня красных». Погиб командир полка, брат атамана Колесникова Григорий. В руки чекистов попали вся канцелярия и архив повстанцев. Колесникова стали обкладывать как волка. Звериное чутьё и осторожность, которые много раз спасали ему жизнь, оказались слабее женских чар и женского коварства.

Колесников был убит в бою близ села Дерезоватское. Его товарищи долго потом искали могилу. Но так и не нашли. И это обстоятельство породило легенду о том, что атаман не погиб. Действительно, часть его людей ушла к Харькову и соединилась с вольным войском батьки Махно. Мелкие отряды и группы какое-то время кружили по Тамбовщине, пока советская власть не объявила амнистию.

Многие мужики вернулись в свои деревни. Сдали оружие и начали отстраивать пожжённые тухачевцами дома. О том, что потеряли и приобрели, старались не думать. Но порой, под чарку, вспоминали, как под рукою атамана Колесникова «воны гарно размахнулись».

Человек, убитый во время операции, проведённой чоновцами^[22] по наводке Екатерины Вереникиной, хотя и одет был в одежду атамана Ивана Колесникова, но при опознании местными жителями таковым не признан.

Вот и думай, погубила красавица атамана или, наоборот, спасла его. Ведь и он был красив и удал.

Женщина встретила в эту пору и нашему герою.

История знакомства Жукова со своей будущей женой выгладит почти комически.

Однажды командир эскадрона со своим политруком Яниным остановились на ночёвку в доме местного священника. Сели за стол ужинать. И вдруг на печи под старыми зипунами послышался шорох.

— Кто там? — строго спросил Янин.

С печи слезла девушка. Совсем молоденькая. Невысокого росточка. И с виду ничего себе. Жукову она сразу приглянулась.

— Ты кто? — спросил он её.

— Я — поповна, — ответила она.

Жуков засмеялся. Кивнул политруку:

— Янин, ты когда-нибудь видел такую поповну? — И пододвинул к столу табуретку: — А ну, садись, поповна, с нами.

«Поповну» звали Александрой Зуйковой.

Пили чай и разговаривали.

— Грамотная ли ты? — спросил девушку Жуков.

- Грамотная.
- Пойдёшь писарем в эскадрон?
- Пойду.

Дочь Георгия Константиновича и Александры Диевны Эра Георгиевна Жукова об этой встрече её родителей рассказывала так: «„Жалко девку, — сказал отец Янину, — всё равно убьют, война ведь. Пусть лучше будет у нас писарем в эскадроне“. И приказал Александру Диевну оформить. Так она оказалась в эскадроне, которым командовал Георгий Константинович».

По другой версии, Жуков познакомился со своей будущей женой вот при каких обстоятельствах. Однажды, когда эскадрон занял для ночёвки деревню, Жуков увидел, как несколько красноармейцев погнались за местной девушкой. Он тут же окликнул «женихов». Те ушли несолоно хлебавши. А девушку он привёл в штаб.

Из рассказов Эры Георгиевны Жуковой о матери: «Родилась она в 1900 году в селе Анна Воронежской области в многодетной семье агента по продаже зингеровских швейных машин Зуйкова Дия Алексеевича. Имя Дий дал сыну его отец, волостной писарь, встретив это редкое имя в каких-то бумагах. Жили бедно. Но маме удалось закончить гимназию, а затем учительские курсы. Недолго проработав в сельской школе, она встретилась с отцом, отряд которого в те годы был направлен в Воронежскую область для борьбы с бандой Антонова, и в 1920 году стала его женой.

Время было трудное, в погоне за белогвардейскими бандами отряд всё время передвигался. И мама была зачислена в штаб отряда писарем. Как она рассказывала, спуску от командира ей никакого не было. А однажды он чуть было не отправил её на гауптвахту за какую-то оплошность при подготовке художественной самодеятельности. Трудности и лишения кочевой военной жизни не мешали их счастью. И оба, уже на моей памяти, любили вспоминать эти годы: как мама часами тряслась в бричке, как перешивала военные гимнастёрки на юбки, а красноармейские бязевые сорочки на бельё, как плела из веревок „босоножки“».

«Не мешали их счастью...». Ещё как мешали.

Видимо, от постоянной дорожной тряски, от переутомления Александра Диевна потеряла ребёнка. Первенца. Говорят, это был мальчик. Не случись беды, у них был бы сын.

От трёх женщин у Жукова будет четверо детей. Все — дочери.

Глава девятая

Командир 39-го Бузулукского кавалерийского полка

«Мы совершали марши, учились вести разведку, атаковали, маневрировали...»

Портрет красного командира Жукова очень точно набросал в своих воспоминаниях бывший старшина эскадрона Александр Кроник^[23]: «Был он невысок, но коренаст. Взгляд у него спокойный, неназойливый, но цепкий, оценивающий. Скованности в позе комэска не угадывалось, но и той естественной расслабленности, которую может себе позволить человек, ведущий непринуждённую застольную беседу, я тоже в нём не чувствовал. Движения его были сдержанны. Он, вероятно, был очень крепок физически, а в сдержанности каждого его жеста я чувствовал выработанную привычку постоянно контролировать себя, что свойственно людям волевым, внутренне дисциплинированным. Я сразу почувствовал, что мой комэск — настоящая военная косточка».

Весной 1923 года Жуков был повышен в должности до помощника командира 40-го кавполка 7-й Самарской кавалерийской дивизии, которая дислоцировалась в районе Минска.

После окончания Гражданской войны из Красной армии начали увольнять многих «военспецов» из «бывших». На их место ставили красных командиров, выдвиженцев из народа, хорошо проявивших себя в боях и походах. Армия постепенно растила свои кадры. Эта кампания вынесла на стремнину и комэска Жукова.

Волевого и деятельного командира заметил командир 7-й кавдивизии Каширин^[24]. Познакомились. Оба — разведчики в годы Первой мировой войны. Им было о чём поговорить.

Комдив хорошо разбирался в людях. В Жукове он сразу разглядел командира с большим будущим — малость его подучи, дальше он сам пойдёт.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Комдив Н. Д. Каширин принял меня очень хорошо, угостил чаем и долго расспрашивал о боевой и тактической подготовке в нашем полку. А потом вдруг спросил:

— Как вы думаете, правильно у нас обучается конница для войны

будущего, и как вы сами представляете себе войну будущего?

Вопрос мне показался сложным. Я покраснел и не смог сразу ответить. Комдив, видимо, заметив мою растерянность, терпеливо ждал, пока я соберусь с духом.

— Необходимых знаний и навыков, чтобы по-современному обучать войска, у нас, командиров, далеко не достаточно, — сказал я. — Учим подчинённых так, как учили нас в старой армии. Чтобы полноценно готовить войска, нужно вооружить начальствующий состав современным пониманием военного дела.

— Это верно, — согласился комдив, — и мы стараемся, чтобы наши командиры прошли военно-политические курсы и академии. Но это длительный процесс, а учебных заведений у нас пока маловато. Придётся первое время учиться самим.

Он прошёлся по кабинету и неожиданно объявил, что меня решено назначить командиром 39-го Бузулукского кавалерийского полка.

— Я вас не очень хорошо знаю, но товарищи, с которыми разговаривал, рекомендуют вас на эту должность. Если возражений нет, идите в штаб и получите предписание. Приказ о назначении уже подписан.

Прощаясь с комдивом, я был очень взволнован. Новая должность была весьма почётной и ответственной. Командование полком всегда считалось важнейшей ступенью в овладении военным искусством».

И там же — размышления маршала о том, что такое полк для командира и для будущего полководца: «Полк — это основная боевая часть, где для боя организуется взаимодействие всех сухопутных родов войск, а иногда и не только сухопутных. Командиру полка нужно хорошо знать свои подразделения, а также средства усиления, которые обычно придаются полку в боевой обстановке. От него требуется умение выбрать главное направление в бою и сосредоточить на нём основные усилия. Особенно это важно в условиях явного превосходства в силах и средствах врага.

Командир части, который хорошо освоил систему управления полком и способен обеспечить его постоянную боевую готовность, всегда будет передовым военачальником на всех последующих ступенях командования как в мирное, так и в военное время».

Из приказа по 39-му Бузулукскому кавалерийскому полку: «№ 224, лагерь Ветка 8 июля 1923 г.

Согласно приказа 7-й Самарской кавдивизии от 8 июля сего года за № 319, сего числа вступил во временное командование 39-м Бузулукским кавполком.

Основание: приказ 7-й Самарской кавдивизии № 319.

Командир 39-го Бузулукского кавполка ЖУКОВ
Военный комиссар БУШЕВ
Начальник штаба ЛИЦКИЙ».

Полк стоял в летних лагерях. Горнист трубил утреннюю зорю, и для красноармейцев и командиров начинался очередной день боевой учёбы.

Жуков был превосходным кавалеристом и мог любому в своём полку сказать: «Делай, как я!» Он ловко, одним махом, садился в седло, бросал коня в галоп, мгновенным движением выхватывал шашку и рубил «лозу» и «горку» из мокрой глины на высоком станке. Так он время от времени проводил занятия с младшими командирами. Знал, что среди них есть сверхсрочники, старые рубаки не хуже его, так что эти выезды были уроками проверки физического состояния и боевой выучки и для него тоже. Слышал сквозь топот копыт возгласы стариков: «Эх, как рубит!» А потом резко осаживал, поворачивал разгорячённого коня и командовал:

— Справа по одному-у! На открытую дистанцию на рубку лозы галопом — ма-арш-ш!

И пошла карусель! Внимательно следил за действиями своих подчинённых, подмечал все ошибки и просчёты. Потом делал подробный разбор.

Из воспоминаний Александра Кроника: «И так же отменно владел он приёмами штыкового боя. Винтовка в его руках казалась лёгонькой, как перо. Преодолевал он проволочные заграждения с удивительной лёгкостью и быстротой: удары прикладом и уколы штыком наносил неожиданные, сильные и меткие.

...Он поднимал эскадрон в любое время суток. Мы совершали марши, учились вести разведку, атаковали, маневрировали. Комэск считал, что полевая тренировка — лучший вид учёбы. Намеченные планы переносить или пересматривать не любил и уж совсем не любил отменять собственные приказы. „Лучше вообще не отдавать приказа, чем отменить отданный приказ“, — сказал он мне однажды».

Как тут не вспомнить непреклонного генерала Келлера, который приказал своим полкам в сабельном бою под Ярославлицами следовать приказу, полученному перед боем, и не отступать от него, что бы ни случилось.

Будущий полководец учился у всех, постоянно, упорно, везде. И это постоянство и упорство, помноженное на лучшие черты характера пилихинской породы, давали прекрасные результаты.

Вот только с личной жизнью у комполка не всё складывалось благополучно.

После того как у Александры Диевны случился выкидыш, она стала беречься. Врачи советовали покой и предрекали бездетность. Но она вскоре забеременела. А чтобы благополучно выносить плод, уехала к родителям. И, видимо, именно в это время произошла новая встреча Жукова с прежней любовью — Марией Волоховой.

Квартиры командира полка Жукова и комиссара Янина находились рядом. К Антону Митрофановичу Янину к тому времени переехала жить его давняя любовь и фронтовая подруга Полина Николаевна Волохова. А после смерти родителей из Полтавы в Минск к старшей сестре приехала и младшая Мария. Старая любовь вспыхнула с новой силой.

Любовь к прекрасному полу у нашего героя была частью любви к прекрасному вообще. Человеком он был физически крепким, красивым, характер имел упорный, по-крестьянски основательный, а потому и в его любви к женщинам было много такой же основательности и силы.

Признаться, я так и не смог до конца разобраться в обстоятельствах и тайнах этого замысловатого треугольника. И с облегчением снимаю с себя обязанности дотошного исследователя и толкователя взаимоотношений Жукова и его возлюбленных периода 1920-х годов. В таких историях до края, чтобы заглянуть в бездну, лучше не ходить. Уж если сам Жуков не разобрался в своих чувствах, то наше дело — постороннее...

Младшая дочь от Александры Диевны Элла Георгиевна рассказывала, что её мать и отец в первый раз «расписались в 22-м году. Но, видимо, за годы бесконечных переездов документы потерялись, и вторично отец с мамой зарегистрировались уже в 53-м году в московском загсе».

Официально Жуков не был женат ни на Марии, ни на Александре. В мемуарах, рассказывая о напряжённой боевой учёбе той поры и энтузиазме, с которым его товарищи создавали новую армию, повышали её боеспособность, он между прочим пишет: «В начальствующем составе армии люди были главным образом молодые и физически крепкие, отличавшиеся большой энергией и настойчивостью. К тому же большинство из нас были холостыми и никаких забот, кроме служебных, не знали».

Этот абзац Жуков писал, по всей вероятности, сам. «Доработчики» к нему не притронулись — ничего подозрительного не заметили.

Дети и внуки от первых двух жён, конечно же, соперничали, всячески аргументировали своё превосходство. Больше всего в этой семейной дискуссии всегда доставалось Александре Диевне. Мол, она заполучила Жукова в семью через партком...

Но вот письма Жукова к ней. Отметим, что особых сердечных

нежностей в письмах Жуков никогда и ни к кому не проявлял.

«Дер. Сирод. 12.9.1922.

Здравствуй, милая Шура!

Шлю привет. Прежде всего хочу тебя успокоить, получил ли я посланные тобой письма. Да, получил... Не знаю, почему шли так долго, наверное, задержались на контрольных пунктах.

Теперь буду писать о себе, так как вижу из писем, что это тебя интересует больше всего. 27 августа прибыл в распоряжение штадива, где я получил назначение командиром 2-го эскадрона 38-го кавполка, куда и прибыл 28 августа. Эскадрон большой и хороший. Так что я занялся серьёзно... Словом, живу хорошо, только тем плохо, что страшно скучно. Деревня глухая, 70 домов. Никуда не выезжаю. До местечка Калинковичей — 6 вёрст, там штаб полка, я пока ни разу не был. Страшно скучаю, хочу безумно видеть тебя, а тут ещё твои письма, полные слёз... Пиши поскорей, куда присылать за тобой и выслать денег... Прости, что плохо писал, страшно болят голова и рука, которую порезал. Твой Жорж».

Эскадроны полка были расквартированы по окрестным деревням. Вечерами, понятное дело, бывало скучновато. Для Жукова эта скука усугублялась ещё и тем, что он не пил.

А вот более позднее письмо всё той же Александре Диевне:

«Ленинград. 19.10.24.

Здравствуй, милый Шурёнок!

...Вчера, 18.10, закончил последний экзамен, всего держал по семи предметам. Результат следующий: 1-е место по общей тактике „отлично“, 2-е по тактике конницы „хорошо“, по политграмоте „удовлетворительно“, по стрелковому „отлично“, по езде „хорошо“ Как видишь, Шурик, отметки приятные, и не каждый может это сделать, да и мне это легко не далось. С 6.10 по 18-е, т. е. 12 дней, работал по 18 и по 20 часов, имея определённую цель. Правда, на состоянии отозвалось, начались головные боли, ввалились глаза. Но теперь до 1 ноября буду отдыхать и слегка работать. Сегодня, например, был в городе (с экскурсией). Осмотрел дворец, где жили Александр III и Мария Ф. Во дворце всё сохранилось как было, роскошь, которую пришлось осмотреть, описать очень трудно. Кроме того, был в Зимнем дворце, где жил Николай II с семейством. Зимний дворец ещё более шикарен и по объёму, и по вкусу. Город очень красив, особенно Невский проспект, но обезображен наводнением, так как все мостовые ещё

ремонтируются, и говорят, что к 15 ноября город приведут в нормальный вид...

Кружковая работа, Шурик, у нас уже началась. Езда с 22.10 по 2 часа в день, а остальные занятия начнутся с 1.11. Пока до свидания, милый мой Шурик, целую тебя, твой Жорж».

Ленинградское письмо жене содержит любопытный штрих. Сообщая «милому Шурёнку» о своих успехах, Жуков как о наивысшем достижении пишет о том, что он первый в группе по общей тактике. Ему не столько важна оценка — «отлично», сколько первенство среди товарищей. Природная, родовая, пилихинская черта — быть первым среди равных. Эта неутолимая жажда первенства и приведёт нашего героя в Берлин — командующим войсками 1-го Белорусского фронта, Маршалом Победы.

Вначале — в 1928 году — родила Александра Диевна Зуйкова. Девочку назвали Эрой. Потом — в 1929 году — родила Мария Николаевна Волохова. И тоже девочку. Её назвали Маргаритой.

Но оставим на некоторое время женщин Жукова и вернёмся к его службе.

После Николая Каширина 7-й кавдивизией командовал Гая Гай^[25]. Дивизия участвовала в больших окружных манёврах, в ходе которых 39-му Бузулукскому кавполку отводилась особая роль. Наблюдатели, в том числе и командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский, были поражены быстрым и решительным манёвром одного из кавалерийских полков во встречном бою. Полк значительно опередил своего условного противника в развёртывании и фланговым ударом «разгромил его наголову».

Тухачевский поинтересовался у командира дивизии, кто командует полком. Ему назвали имя Жукова. Такого комполка он не знал. Но действия его отметил, похвалил за быстроту и решительность, за высокую выучку красноармейцев, которая чувствовалась в каждом движении атакующих эскадронов.

В июле 1924 года комдив Гай направил талантливого молодого командира на учёбу в Ленинград. Жукову была выдана следующая аттестация: «Хороший строевик и администратор, любящий и знающий кавалерийское дело. Умело и быстро ориентируется в окружающей обстановке. Дисциплинирован и в высшей степени требователен по службе. За короткое время его командования полком сумел поднять боеспособность и хозяйство полка на должную высоту. В боевой жизни мною не испытан. Занимаемой должности соответствует.

Командир 2-й бригады 7-й Самарской дивизии В. Селицкий».

Командир и военком 7-й кавалерийской дивизии Гай написал резолюцию: «С аттестацией командира бригады вполне согласен. Тов. Жуков теоретически и тактически подготовлен хорошо. За короткий срок поставил полк на должную высоту. Хороший спортсмен-наездник. Должности вполне соответствует».

В город революции Жуков приехал впервые. Здесь его многое поразило. О некоторых своих впечатлениях он рассказывал в письмах Александре Диевне.

Высшая кавалерийская школа^[26] размещалась в корпусах бывшей Высшей кавалерийской школы старой армии. Прекрасная учебная база, налаженный быт, методические кабинеты, манеж для выездки.

Жадный до всего нового, что способствовало совершенствованию его военных знаний и продвижению карьеры, Жуков сразу же с головой погрузился в учёбу.

Начальником курсов в то время был легендарный Примаков^[27]. Вскоре его сменил «военспец» Баторский^[28], который реорганизовал курсы, наполнил учебный процесс высокой военной культурой. По его распоряжению была образована особая группа, в которую вошли 25 командиров полков.

Бывший курсант, а впоследствии выдающийся полководец Иван Христофорович Баграмян те ленинградские дни вспоминал почти с восторгом: «Мы были молоды и, вполне естественно, кроме учёбы, нам хотелось иногда и развлечься, и погулять, что мы и делали: уходили в город, иногда ужинали в ресторане, иногда ходили в театры. Жуков редко принимал участие в наших походах, он сидел над книгами, исследовал операции Первой мировой войны и других войн...».

Другой однокурсник, Константин Константинович Рокоссовский вспоминал такую картину: «Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату — всё ползает по карте, разложенной на полу. Уже тогда дело, долг для него были превыше всего».

«Георгий Константинович Жуков среди слушателей нашей группы считался одним из самых способных, — вспоминал Баграмян. — Он уже тогда отличался не только ярко выраженными волевыми качествами, но и особой оригинальностью мышления. На занятиях по тактике конницы Жуков не раз удивлял нас какой-нибудь неожиданностью. Решения Георгия Константиновича всегда вызывали наибольшие споры, и ему обычно удавалось с большой логичностью отстоять свои взгляды».

Молодым курсантам Высшей кавалерийской школы предстояло

разъехаться по своим гарнизонам и полкам, чтобы с новыми силами взяться за боевую учёбу, а на полигоны уже выезжали танки и танкетки, бронемшины и артиллерийские тягачи. Техника начинала теснить кавалерию. Так что вскоре многие однокашники Жукова уйдут в другие рода войск. Да и сам он распрощается с кавалерийским седлом и шашкой.

Когда были сданы экзамены, Жуков с двумя своими товарищами решили возвращаться к месту службы в Минск своим ходом, на лошадях. Тысяча километров марша — это не прогулка. Тем более что они поставили перед собой задачу преодолеть расстояние за семь суток. В дороге лошадь Жукова Дира неожиданно захромала. Осмотрели копыто, обнаружили трещину. Кто-то из товарищей предложил залить трещину воском. Так и сделали. Некоторое время Жуков вёл Диру в поводу. Вскоре она перестала хромать, и он вскочил в седло.

В Минске, при въезде в город, группу молодых командиров полков, решивших поставить рекорд, встречал комиссар 7-й Самарской кавалерийской дивизии Григорий Штерн. Он был в приподнятом настроении, поздравил прибывших с успешным окончанием марша и сказал, что последние километры надо проскакать полевым галопом.

— Вас там встречает вся дивизия! — предупредил он. — Покажите хлопцам, что у вас ещё есть порох в пороховницах!

Порох нашёлся. Хотя последние сутки они держались на одном характере. Лошади исхудали, а всадникам пришлось прокалывать на ремнях не одну пару дырок. Конный пробег заметило не только командование, но и Совнарком. Всем троим его участникам вручили денежные премии.

Это были годы трудовых подвигов, рекордов, свершений и мирных побед.

Глава десятая

Отпуск на родину

«Деревня была бедна, народ плохо одет...»

Большинство биографов маршала Жукова его регулярные поездки на родину попросту не замечают. Увлечённые темой службы и войны, темой женщин и темой кремлёвских интриг, родину они пропускают как незначительное.

А между тем Жукова невозможно понять вне родины. Потому что он прежде всего человек родины. Корневой. Земляной. Сыновнее, крестьянское чувствовалось в нём всю жизнь. И всю жизнь ему помогало. Именно родина стала первичным материалом, тем фундаментом, на котором впоследствии строилась судьба будущего Маршала Победы.

Для того чтобы создать Героя и вручить ему разящий меч победителя, Творец выбрал породу. Так кузнец выбирает металл. Порода оказалась подходящая. Пилихинская. Отец, Константин Артемьевич Жуков, дал тоже немало — привязанность к родне, чувство прекрасного и доброту.

Георгий Жуков всегда был добр, внимателен и щедр по отношению к своей родне и землякам. Хлопотал, устраивал, одаривал. Влияние матери оказалось гораздо большим. Но, пожалуй, самым значительным оказалось влияние дяди Михаила Артемьевича, добившегося успеха в огромной и чужой Москве, а также двоюродного брата Александра Пилихина.

Брат учил Георгия русскому языку и математике. Растилковывал непонятные книги и вообще непонятное, смутное, что волновало и тревожило. Водил его и младшего Михаила в театр, в цирк и на концерты московских и заезжих знаменитостей, учил плавать. Александр был для Жукова не только братом, но и другом. По словам двоюродных сестёр и брата Михаила Михайловича Пилихина, Жуков вспоминал об Александре всю жизнь. Думал о нём. Нуждался в нём.

Итак, Жуков вернулся в 7-ю Самарскую дивизию. Его назначили командиром 39-го полка.

В армии шла реформа, начатая М. В. Фрунзе. В результате очередного сокращения, второго после Гражданской войны, армия с пяти с лишним миллионов уменьшилась до 562 тысяч. Если численный состав рядовых бойцов сократился почти в девять раз, то командный — в пять. Из 400 тысяч командиров в РККА после чисток командных кадров и различных

филтраций было оставлено всего 80 тысяч.

7-я Самарская дивизия, которая с 1924 года стала носить имя Английского пролетариата, из шестисоставной стала четырёхсоставной.

По новому штату структура полков значительно увеличилась. Если раньше полк состоял из четырёх эскадронов, то теперь из шести. Каждые два эскадрона объединялись в кавалерийский дивизион. В состав полка также входили пулемётный эскадрон (16 пулемётов с полными расчётами), полковая артбатарея, отдельный взвод связи, отдельный сапёрный взвод, отдельный химический взвод и полковая школа младшего комсостава.

В войсках вводилось единоначалие. Жуков исполнял обязанности и командира полка, и комиссара одновременно.

Но вначале была поездка на родину. Отпуск.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Я поехал в деревню повидать мать и сестру.

Мать за годы моего отсутствия заметно сдала, но по-прежнему много трудилась. У сестры уже было двое детей, она тоже состарилась. Видимо, на них тяжело отразились послевоенные годы и голод 1921–1922 годов.

С малышами-племянниками у меня быстро установился контакт. Они, не стесняясь, открывали мой чемодан и извлекали из него всё, что было им по душе.

Деревня была бедна, народ плохо одет, поголовье скота резко сократилось, а у многих его вообще не осталось после неурожайного 1921 года. Но, что удивительно, за редким исключением, никто не жаловался. Народ правильно понимал послевоенные трудности.

Кулаки и торговцы держались замкнуто. Видимо, ещё надеялись на возврат прошлых времён, особенно после провозглашения новой экономической политики. В районном центре — Угодском Заводе вновь открылись трактиры и частные магазины, с которыми пыталась конкурировать начинающая кооперативная система».

Жуков ходил на могилу отца. Константин Артемьевич умер весной 1921 года. Георгий на похороны приехать не смог. Воевал с восставшими мужиками в Воронежской губернии.

Дом без хозяина постарел, стал расходиться по щелям и оседать в землю.

Мать и сестра Маша, как всегда, радовались приезду Георгия. И, конечно, его подаркам и тому, каким их сын и брат стал красивым и важным. Командир кавалерийского полка, орденоносец! Радовали и его достаток, и щедрость. Сразу уступили ему единственную в доме кровать. Сами в первую ночь легли по лавкам. А следующую ночь он ночевал у

Пилихиных в Чёрной Гязи.

Повидался со старыми товарищами. Поредела их стрелковская ватага. Кто на германской пропал, кто на Гражданской погиб. Подруги, с кем когда-то лихо отплясывал на вечеринках, вышли замуж и растили детей. Поинтересовался, как поживает Ньюра. Посмотрел на неё издали. Вздохнулось неотболевшим. Раза два сходил на деревенские гулянки. Гармонь по-прежнему собирала по вечерам деревенскую молодёжь. Жизнь продолжалась. Сплясал, показал удаль и то, что красные командиры родину не забывают. Но понял: прежние воды Протва давно унесла...

Купил новый сруб. И вместе с зятем, мужем Маши, Фёдором Фокиным, перевёз венцы и пиломатериалы в Стрелковку.

За Фёдором заметил весьма распространённую русскую болезнь — чрезмерное пристрастие к выпивке. Как-то попенял ему: мол, домом бы надо заниматься, а не бражничать. Фёдору не понравилось замечание шурина. Видимо, с той поры не сложились их отношения.

Жуков выпивал редко — так, стопочку за компанию. И пьяных не любил. А тех, кто при этом терял самообладание, презирал. Не можешь — не пей...

Дом, однако, поставили. И душа Жукова успокоилась. Отца не смог похоронить, так хоть мать, сестра и племянники поживут в тёплом новом доме. Расходы по строительству нового дома для него оказались вполне посильными, а потому вдвойне приятными.

Дом простоят до 1936 года, когда в Стрелковке случится большой пожар и выгорит полдеревни. Но об этом чуть позже.

Глава одиннадцатая

Снова полк

«Командование полком всегда считалось важнейшей ступенью в овладении военным искусством...»

Порой некоторые наши публицисты, чрезмерно увлечённые идеей «проклятого прошлого», упрекают Жукова: мол, мало учился. А дальше свой тезис развивают в следующем направлении: отсюда-де и многие просчёты, ошибки и катастрофы 1941 и 1942 годов, большие потери в живой силе и технике в приграничных сражениях, «котлы» под Минском и Белостоком, неудачное контрнаступление механизированных корпусов, Киев, Брянск, Вязьма...

Но во-первых, многие военачальники Красной армии окончили полный курс Военной академии им. М. В. Фрунзе, а затем Академию Генерального штаба. И они тоже воевали и под Киевом, и под Вязьмой. А во-вторых, история знает немало примеров того, как люди, не имевшие высшего образования, но обладающие особыми способностями, достигали высокого мастерства в избранном ими роде деятельности.

Великая певица XX века Лидия Андреевна Русланова тоже не смогла окончить консерваторию и пела «не правильно», не «на мембране», за что пеняли ей образованные специалисты и знатоки, однако ж пела лучше всех и её популярность была безгранична.

Не имел специального музыкального образования и великий русский бас Фёдор Иванович Шаляпин.

Максим Горький, один из образованнейших людей России, не имел системного академического образования.

Великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Иван Алексеевич Бунин окончил всего один класс гимназии, то есть по нынешним меркам не имел даже начального образования. А кто написал «Антоновские яблоки», «Тёмные аллеи» и «Жизнь Арсеньева»?

Да и К. К. Рокоссовский, фронтовой товарищ и соперник Жукова, не учился в военной академии.

Военную науку Жуков постигал на курсах. Учился в эти годы галопом, день и ночь просиживая над картами, учебниками, монографиями, журналами по военному делу и конспектами. Время и стаж (читай — опыт и знания) для него в эту пору шли (читай — приобретались), как на войне,

— год за три.

Самым главным университетом стал для Жукова 39-й кавалерийский полк 7-й Самарской дивизии, полк, вскоре получивший название Мелекесско-Пугачёвский, а затем Терский.

В должности командира полка он служил около семи лет. Для офицера (командира), делающего карьеру и всеми силами старающегося в этом преуспеть, — срок слишком большой. Засиделся Жуков в командирах полка. Учился. Но вот что он впоследствии говорил: «...Не менее важную, на мой взгляд, роль в подготовке квалифицированного комсостава, особенно младшего и среднего звена, играла учёба, самообразование непосредственно в лагерных условиях, так сказать, без отрыва от производства. Десятки, сотни тысяч военных пополняли таким образом свои знания, совершенствовались боевую закалку, тут же отработывали их в учениях, манёврах и походах. И тот, кто не смог по тем или иным причинам пойти в учебное заведение, упорно занялся самоусовершенствованием непосредственно в частях». В большей степени эти слова относятся к самому Жукову.

А вот его размышления о том, что такое полк для командира и для войска: «Командование полком всегда считалось важнейшей ступенью в овладении военным искусством.

Полк — это основная боевая часть, где для боя организуется взаимодействие всех сухопутных родов войск, а иногда и не только сухопутных. Командиру полка нужно хорошо знать свои подразделения, а также средства усиления, которые обычно придаются полку в боевой обстановке. От него требуется умение выбрать главное направление в бою и сосредоточить на нём основные усилия. Особенно это важно в условиях явного превосходства в силах и средствах врага.

Командир части, который хорошо освоил систему управления полком и способен обеспечить его постоянную боевую готовность, всегда будет передовым военачальником на всех последующих ступенях командования как в мирное, так и в военное время».

Но не только служба заботила Жукова в этот, полковой, период его жизни. Никак не могла разрешиться судьба любовного треугольника.

Дочь от Марии Николаевны Волоховой Маргарита Георгиевна оставила истории свою версию. Теперь её цитируют все биографы. «Когда Александра Диевна принесла из роддома болезненную девочку, которую назвала Эрой, она сказала Георгию Константиновичу, что больше его никогда не покинет. В ответ отец ушёл из собственного дома и поселился у Яниных. Но Александра Диевна продолжала требовать, чтобы он жил с

ней. А через шесть месяцев после рождения Эры в июне 29-го года Мария Николаевна родила Жукову меня. Папа потом мне рассказывал, что я была такая розовенькая, голубоглазая, просто настоящая маргаритка, что он меня назвал Маргаритой. Месяц спустя — 6 июля — отец зарегистрировал меня в загсе в качестве своей дочери и оформил метрическое свидетельство. Так я получила фамилию Жукова и отчество Георгиевна».

Сын Маргариты Георгиевны Георгий, со слов матери, факт признания Жуковым Маргариты своей дочерью дополнял следующим рассказом: «Конечно, это вызвало бурю протеста со стороны Александры Диевны, которая то бегала за Марией Николаевной, угрожая залить ей глаза серной кислотой, то просила отдать ей Маргариту. Требовала она и чтобы Георгий Константинович вернулся домой, помог с Эрой, которая всё время болела. Дедушка отказывался, говорил, что это не его дочь, и продолжал жить у Яниных. Поняв, что мужа добром не вернуть, Александра Диевна написала на Георгия Константиновича заявление в парторганизацию. Она просила его образумить и заставить с ней расписаться. Дедушка не хотел жить с Александрой Диевной, как бы его ни заставляли, и открыто заявил об этом при разборе его персонального дела. Партийная организация вынесла ему взыскание за двоежёнство и поставила условие: если не вернётся к заявительнице, которая родила первой, то будет исключён из партии. Мария Николаевна была просто потрясена и, чтобы спасти репутацию любимого человека, посоветовала ему вернуться к Александре Диевне. Сказала, что оставляет его сама, хотя это решение и было для неё мучительным. Позднее Георгий Константинович признался маме, что в его жизни это был единственный случай, когда его оставила любимая им женщина».

Неблагодарное и безнадёжное дело вступать в такой диалог. Но дело в том, что для Жукова Мария Николаевна была не первой, кто ему дал от ворот поворот. (Если такое вообще было.) Первая и, возможно, единственная из женщин, кто отверг любовь нашего героя, была Нюра Синельщикова из Стрелковки. И эту рану, незажившей, он носил всю жизнь.

Однако диалог на тему любовного треугольника придётся дочитать до конца. Хотя бы в общих чертах. Из воспоминаний Эры Георгиевны: «В 28-м году, в Минске... мама была в положении и очень плохо себя чувствовала. К ней часто приходили чем-то помочь, да и просто навестить подруги, в том числе и эта женщина... Она намеренно появлялась одна, чтобы отец её потом проводил. В результате в 29-м году и родилась Маргарита. Все сразу поняли, от кого — общество-то маленькое, все друг у друга на виду. У отца тогда были большие неприятности по партийной

линии. Видимо, она пожаловалась. Состоялся даже какой-то суд по поводу алиментов. Судя по письмам, отец не хотел их платить, а мама его вынудила. Но это увлечение было минутным, и мама папе его простила».

Увы, увлечение Жукова было вовсе не мимолётным. Известно, что переписка Георгия Константиновича и Марии Николаевны возобновилась в 1942 году. По всей вероятности, после гибели под Сталинградом Антона Митрофановича Янина.

Из рассказа Маргариты Георгиевны: «Это персональное дело отца длилось более полугода. В самый разгар событий от тифа умирает Полина. Трёхлетний Володя остаётся без матери. Янин, ставший вдовцом, предлагает увезти Марию Николаевну с грудной дочерью в Минводы, где живут его отец и братья. Она соглашается, и Янин оформляет служебный перевод. Но перед тем как уехать, по-мужски разговаривает с Жуковым: „Ты запутался. Забудь о Марии и дочери, я о них позабочусь сам“ Затем он с Марией благородно забрал детей и уехал — сначала в Минводы, потом — в Курган и Краснодар. А в 1941 году полковник Янин, имея бронь от призыва в армию, добровольцем уходит на фронт. Через год он погибнет под Сталинградом. 17-летний сын Антона Митрофановича Володя, прибавив себе год, тоже идёт воевать. Через несколько месяцев после Керченского десанта он умирает от ран в госпитале».

Сколько раз Антон Митрофанович Янин спасал Жукова! Спас он своего друга и тогда. И не нам их судить.

А теперь — в полк!

В конце 1929 года Жукова направили на Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава. Курсы находились в Москве. Занятия с курсантами проводились непосредственно в Наркомате по военным и морским делам. В Москве Жуков три месяца слушал лекции по оперативному искусству и тактике.

Поездке на курсы предшествовала одна очень важная встреча.

В 39-й кавалерийский Терский полк должна была прибыть высокая инспекция: два Семёна, как их иногда называли в войсках, — главный инспектор кавалерии РККА Семён Михайлович Будённый в сопровождении командира 3-го кавалерийского корпуса, в состав которого входила и 7-я Самарская кавдивизия, Семёна Константиновича Тимошенко.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Собираю своих ближайших помощников: заместителя по политчасти Фролова, секретаря партбюро полка А. В. Щелаковского, завхоза полка А. Г. Малышева. Выходим вместе к подъезду и ждём. Минут через пять в ворота въезжают две машины. Из первой выходят Будённый и Тимошенко. Как положено по уставу, я

рапортовую и представляю своих помощников.

Будённый сухо здоровается со всеми, а затем, повернувшись к Тимошенко, говорит: „Это что-то не то“. Тимошенко ответил: „Не то, не то, Семён Михайлович. Нет культуры“.

Я несколько был обескуражен и не знал, как понимать этот диалог между Будённым и Тимошенко, и чувствовал, что допустил какой-то промах, что-то недоучёл при организации встречи. Обращаюсь к Будённому:

— Какие будут указания?

— А что вы предлагаете? — спрашивает в свою очередь Семён Михайлович.

— Желательно, чтобы вы посмотрели, как живут и работают наши бойцы и командиры.

— Хорошо, но прежде хочу посмотреть, как кормите солдат.

В столовой и кухне Семён Михайлович подробно интересовался качеством продуктов, их обработкой и приготовлением, сделал запись в книге столовой, объявив благодарность поварам и начальнику продовольственной службы полка. Затем, проверив ход боевой подготовки, Семён Михайлович сказал:

— Ну, а теперь покажите нам лошадей полка.

Даю сигнал полку „на выводку“. Через десять минут эскадроны построились, и началась выводка лошадей. Конский состав полка был в хорошем состоянии, ковка отличная.

Просмотрев конский состав, Семён Михайлович поблагодарил красноармейцев за отличное содержание лошадей, сел в машину и сказал:

— Поедем, Семён Константинович, к своим, в Чонгарскую. — И уехал в 6-ю Чонгарскую дивизию.

Когда машины ушли, мы молча посмотрели друг на друга, а затем секретарь партбюро полка Щелаковский сказал:

— А что же мы — чужие, что ли?

Фролков добавил:

— Выходит, так.

Через полчаса в полк приехал комдив Д. А. Шмидт. Я ему с исчерпывающей полнотой доложил всё, что было при посещении С. М. Будённого. Комдив, улыбнувшись, сказал:

— Надо было построить полк для встречи, сыграть встречный марш и громко кричать „ура“, а вы встретили строго по уставу. Вот вам и реакция.

Замполит полка Фролков сказал:

— Выходит, что не живи по уставу, а живи так, как приятно

начальству. Непонятно, для чего и для кого пишутся и издаются наши воинские уставы».

А вот как в своих мемуарах описал ту инспекцию маршал Будённый: «Осенью 1927 года я приехал с инспекцией в Белорусский военный округ, в частности, в 7-ю кавалерийскую дивизию, входившую в состав 3-го кавкорпуса С. К. Тимошенко. Командир дивизии Д. А. Шмидт, который незадолго до моего приезда принял 7-ю дивизию от К. И. Степного-Спижарного, произвёл на меня хорошее впечатление.

— Разрешите узнать, какие полки будете смотреть? — спросил комдив.

— А какой полк у вас лучше других?

Стоявший рядом С. К. Тимошенко сказал:

— У нас все полки на хорошем счету. Но лучше других полк Жукова, о котором я докладывал вам. Он умело обучает бойцов, особенно хорошо проводит занятия по тактике...

Командир 39-го кавполка Г. К. Жуков встретил меня чётким рапортом. Строевая выправка, чёткость — всё это говорил о том, что командир полка свои обязанности знает хорошо.

— Какие будут указания? — спросил Жуков, отдав рапорт.

В свою очередь я спросил Жукова, что он предлагает сам как командир полка. Георгий Константинович предложил мне обойти казармы, ближе познакомиться с жизнью и работой бойцов и командиров.

— Что ж, согласен, — сказал я. — Однако вначале посмотрим, как кормите солдат.

Побывал в столовой и на кухне, беседовал с солдатами и поварами, интересовался качеством продуктов, обработкой их, снял пробу...

Затем проверил ход боевой подготовки. Надо сказать, что почти по всем показателям 39-й полк был на хорошем счету, и я остался доволен осмотром.

— Ну, а теперь покажите мне лошадей, — сказал я Жукову.

Командир полка дал сигнал „на выводку“.

Пока строились эскадроны, С. К. Тимошенко доложил мне, что 39-й кавалерийский полк преуспевает во всех видах конного спорта. Почти все командиры занимаются спортом, в том числе и сам командир полка...

Эскадроны построились, и началась выводка лошадей. Конский состав полка был в хорошем состоянии, ковка отличная. Я остался доволен и даже похвалил Жукова».

Маршал Будённый, как заметил один из биографов Жукова, писал свои мемуары уже после публикации «Воспоминаний и размышлений» своего

бывшего подчинённого и «кое-что, возможно, оттуда заимствовал».

Но командира, чтущего службу и устав гораздо выше кавалерийской «культуры» приёмов начальства, он заметил. И посоветовал командованию направить перспективного комполка на курсы в Москву. По всей вероятности, не обошлось и без участия командира корпуса. Два Семёна, два старых кавалериста разглядели-таки в молодом комполка будущего полководца.

Эпизод инспекции Будённого и Тимошенко 39-го кавалерийского Терского полка, с одной стороны, характеризует Жукова как ревностного служаку, для которого требования устава определённее важнее возможного недовольства высшего руководства; с другой — некоторую негибкость будущего маршала, не умеющего в нужный момент, как говорят, подать стремя, подставить его под ногу хозяина... Черта характера. Пилихинская порода. Помните, как он со всего маху хватил «кувырком» старшего приказчика во время поездки на Урюпинскую ярмарку? Унижений не терпел. Хотя на подчинённых давить умел. И давил порой основательно — лишь бы добиться нужного результата.

Месяцы учёбы на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии им. М. В. Фрунзе пролетели быстро. По всей вероятности, Жуков навещал Пилихиных в Брюсовом переулке.

Руководитель учебной группы на выпускника Г. К. Жукова дал следующую характеристику: «Общевойсковую тактику знает вполне удовлетворительно даже для общевойскового пехотного командира. Совершенно не отставал от успехов других слушателей группы. Показал удовлетворительное знание ПУ-29^[29], а равно и боевого устава артиллерии. В оперативно-тактических решениях обнаружил достаточную отчётливость и большую^[30] твёрдость. Штабную работу знает почти удовлетворительно. Его познания как командира-конника определять не берусь. Отличался большой точностью (даже графической) в работе. Метод военных игр и групповых упражнений постиг вполне удовлетворительно. С успехом может руководить общетактической подготовкой полка и дивизии. По наклонностям и характеру командир явно строевой (к штабной работе мало годен)».

Это были уже не кавалерийские курсы. Здесь командный состав Красной армии обучался многим новшествам, в том числе и взаимодействию родов войск: пехоты, артиллерии, танков, авиации и, конечно же, кавалерии. Но кавалерия постепенно отступала на второй и

третий план.

В одной группе с Жуковым учился Александр Горбатов. В то время он командовал бригадой во 2-м кавалерийском корпусе и в военной карьере своего одноклассника обгонял. Оба были хорошо начитаны, на занятиях преуспевали, в свободное время сидели за книжками. Они часто сходились в спорах о прочитанном и услышанном на лекциях. Тогда только что вышли из печати труды М. В. Фрунзе, обобщающие опыт Гражданской войны. Б. М. Шапошников опубликовал монографию «Мозг армии» — серьёзную аналитическую работу, в которой, по словам Жукова, «был проанализирован большой исторический материал, всесторонне обрисована роль Генерального штаба, разработаны некоторые важные положения по военной стратегии». Появилась книга В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий», в которой он писал: «В крупном тактическом значении танков для будущей войны теперь никто не сомневается. Имеющиеся к данному времени увеличение автоматического оружия в пехоте, тенденция дальнейшего увеличения и качественного улучшения этого оружия, широкое распространение искусственных препятствий в обороне и отставание средств подавления (артиллерии) от средств обороны выдвигают танки как одно из могущественных наступательных средств для будущей войны».

Вот что они, молодые кавалерийские и пехотные командиры, горячо обсуждали в те дни. С Горбатовым Жукова судьба ещё сведёт. На какое-то время военную карьеру талантливого командира Горбатова прервут арест и колымские лагеря, где он переболеет цингой. Войну встретит под Витебском летом 1941-го в звании комбрига. Потом, в 1943-м, получит 3-ю армию, в ходе Орловско-Курского сражения поведёт её в наступление на Орёл. Отличится в других операциях. На заключительном этапе войны его 3-я армия в составе 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова будет атаковать Берлин и участвовать в ожесточённых уличных боях.

Их война была впереди. Но уже тогда они говорили о ней, о танках и артиллерии, о насыщении пехотных подразделений автоматическим оружием, о строительстве глубокоэшелонированной обороны и пр.

Глава двенадцатая

Начало 1930-х

«Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет её на деле...»

Весной 1930 года Жуков вернулся в Минск. Здесь его ждали хорошие новости. В 7-й Самарской дивизии появился новый командир — одноклассник по Ленинградским кавалерийским курсам Константин Рокоссовский. Герой только что отгремевших боёв на КВЖД, награждённый тремя орденами Красного Знамени. В марте того же года Жуков получил повышение — кавалерийскую бригаду. 2-я кавбригада 7-й Самарской дивизии была сформирована из 39-го и 40-го полков.

При назначении Жукова на новую должность командир и военный комиссар 11-го кавалерийского корпуса Тимошенко 17 мая 1930 года издал следующий приказ: «Командир — военный комиссар 39-го полка тов. Жуков Г. К. в течение семи лет командовал 39-м кавполком. Годы мирной учёбы требовали максимума знаний, сил, энергии и внимания в деле подготовки частей и воспитания бойца.

Высокие личные качества тов. Жукова как командира и воспитателя дали ему возможность держать полк на высшей ступени подготовки и морального состояния.

К сегодняшнему дню 39-й кавполк считаю одним из лучших полков корпуса по боевой подготовке.

За хорошее руководство полком тов. Жукову от лица службы объявляю благодарность.

С назначением на новую должность надеюсь, что тов. Жуков ещё больше приложит сил и внимания в деле подготовки частей и сколачивания целых соединений.

Желаю успеха».

Доверие командования, а затем партийного руководства, новые назначения, награды, почести здоровыми зёрнами ложились на честолюбие и служебное рвение краскома Жукова.

Снова во главу угла он ставил дисциплину, требовательность командиров к своим подчинённым. Порядок, послушание и ещё раз порядок. Некоторым казалось, что стиль его работы выходит за пределы разумного.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Меня упрекали в излишней^[31] требовательности, которую я считал неперменным качеством командира-большевика. Оглядываясь назад, думаю, что иногда я действительно был излишне требователен и не всегда сдержан и терпим к проступкам своих подчинённых. Меня выводила из равновесия та или иная недобросовестность в работе, в поведении военнослужащего. Некоторые этого не понимали, а я, в свою очередь, видимо, недостаточно был снисходителен к человеческим слабостям.

Конечно, сейчас эти ошибки стали виднее, жизненный опыт многому учит. Однако и теперь считаю, что никому не дано права наслаждаться жизнью за счёт труда другого. А это особенно важно осознать людям военным, которым придётся на полях сражений, не щадя своей жизни, первыми защищать Родину».

Бригада Жукова вскоре стала образцовой и в дивизии, и в корпусе. Отличный результат во многом достигался именно жёсткой требовательностью командира. Служить так служить...

Ревностный служака из 7-й Самарской кавдивизии запал в душу внимательному Будённому. Запомнились ему и бравый внешний вид кавалеристов, и добротные конюшни, и превосходнаяковка лошадей Терского полка, и великолепная «выводка».

«Выводка» — это старинный, довольно непростой и очень красивый военный ритуал. И люди, и кони в нём должны действовать как одно целое. По тому, как производится «выводка», опытный глаз всегда определит состояние подразделения, его выучку и боевой дух. Будённому «выводка» 39-го кавполка понравилась. И в феврале 1931 года он вытребовал Жукова к себе в Москву в Наркомат по военным и морским делам СССР на должность своего помощника.

Никто — ни Будённый, ни Тимошенко, ни нарком Ворошилов — конечно же, и не предполагали тогда, в начале 1930-х, для какого высокого полёта они ставят на крыло птенца из Белорусского военного округа.

А птенец уже чувствовал силу своих крыльев. И был себе на уме.

Комдив Рокоссовский дал такую аттестацию командиру 2-й кавалерийской бригады 7-й Самарской кавдивизии: «Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет её на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив. По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства. Болезненно самолюбив. В военном отношении подготовлен хорошо. Имеет большой практический командный опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. Заметно

наличие способностей к дальнейшему росту. Авторитетен. В течение летнего периода умелым руководством боевой подготовкой бригады добился крупных достижений в области строевого и тактико-стрелкового дела, а также роста бригады в целом в тактическом и строевом отношении. Мобилизационной работой интересуется и её знает. Уделял должное внимание вопросам сбережения оружия и конского состава, добившись положительных результатов. В политическом отношении подготовлен хорошо. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть использован с пользой для дела по должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную и преподавательскую работу назначен быть не может — органически её ненавидит.

8 ноября 1930 г.

Командир-Военком дивизии (Рокоссовский)».

Пожалуй, это самая точная характеристика нашего героя.

Однажды в 1942 году под Сталинградом будущий Главный маршал авиации, а в ту пору генерал-лейтенант, командующий авиацией дальнего действия Александр Евгеньевич Голованов стал свидетелем разговора Жукова и Рокоссовского. Впоследствии в своей книге мемуаров «Дальняя бомбардировочная...» он вспоминал: «Из дружеской беседы Жукова и Рокоссовского я узнал, что они, оказывается, старые товарищи и сослуживцы. В своё время, когда Рокоссовский командовал кавалерийской дивизией, Жуков был там одним из командиров полков. Вспомнили старую совместную службу, и Жуков сказал, что он недавно читал аттестацию, данную им Рокоссовским в те времена.

— Я тебе дал тогда хорошую и правдивую аттестацию и смысл её могу повторить и сейчас, — сказал Рокоссовский. — В ней говорилось, что ты волевой, решительный и энергичный командир... Достижения поставленной цели добиваешься, преодолевая любые препятствия. У тебя высокая требовательность к подчинённым, подчас она переходит границы, но требовательность к себе также высока. Этой аттестацией ты представлялся на повышение по службе.

— А я к тебе претензий не имею, — ответил Жуков».

Эта вполне дружеская беседа имела некоторую предысторию, которая и подтолкнула её героев к воспоминаниям. И предысторию, и фрагмент самой истории запечатлел в своих мемуарах Рокоссовский, вспоминая свою совместную с Жуковым поездку в сентябре 1942 года на Сталинградский фронт: «Гордов^[32] явно нервничал, распекая по телефону всех абонентов, вплоть до командующих армиями, причём в непростительно грубой форме.

Не случайно командный состав фронта, о чём мне впоследствии довелось слышать, окрестил его управление „матерным“. Присутствовавший при этом Жуков не вытерпел и стал внушать Гордову, что „криком и бранью тут не поможешь; нужно умение организовать бой, а не топтаться на месте“. Услышав его поучение, я не смог сдержать улыбки. Мне невольно вспомнились случаи из битвы под Москвой, когда тот же Жуков, будучи командующим Западным фронтом, распекал нас, командующих армиями, не мягче, чем Гордов.

Возвращаясь на КП, Жуков спросил меня, чему это я улыбался. Не воспоминаниям ли подмосковной битвы? Получив утвердительный ответ, заявил, что это ведь было под Москвой, а кроме того, он в то время являлся „всего-навсего“ командующим фронтом».

Гордов, зная нрав и азарт Жукова, по всей вероятности, рассчитывал, что тот одобрит его лихой и «матерный» стиль руководства войсками. Но Жуков не одобрил. Почему? Видимо, потому, что старания генерала Гордова не давали положительных результатов.

В июне 1930 года Совет народных комиссаров принял уточнённый план строительства РККА: предусматривалось «полностью перевооружить армию и флот новейшими образцами боевой техники. Исходя из требований современной войны, необходимо было создать новые рода войск (авиацию, бронетанковые войска), специальные войска (химические, инженерные и др.), модернизировать старую технику, организационно перестроить пехоту, артиллерию, кавалерию, осуществить массовую подготовку технических кадров и всему личному составу овладеть новой техникой».

Красная армия становилась на колёса. Лошадиные силы форсированными темпами заменяли моторами. Планировалось создать новые крупные механизированные соединения — корпуса, а также отдельные механизированные бригады, насытить танками стрелковые дивизии, в танковых частях повысить удельный вес современных средних и тяжёлых боевых машин. Планы тех лет выглядели более чем амбициозными: увеличить в три раза авиационную мощь армии, причём основное внимание уделялось развитию тяжёлой бомбардировочной и перевооружению истребительной авиации более совершенными образцами самолётов. На механизированную тягу ставили артиллерию большой мощности. Развивали зенитную и противотанковую артиллерию. В штат стрелковых соединений вводились механизированные полки и танковые батальоны. Повышенное внимание уделялось средствам связи. Создавался подводный флот. На морях строились береговые укрепления, оснащённые

мощными артиллерийскими системами для обороны военно-морских баз.

Как известно, командный состав для танковых частей и механизированных соединений набирали из кавалерии. Вот откуда в аттестации Жукова столь прозрачное резюме Рокоссовского: «Может быть использован с пользой для дела по должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы».

Новое назначение и для Жукова, и для Рокоссовского оказалось неожиданным. Рокоссовский вспоминал, что его огорчила срочная телеграмма из Москвы: он терял хорошего комбрига. Жуков тоже не особенно радовался: штабная работа, рутина... Но приказ есть приказ.

Сборы были недолгими. Рокоссовский спросил Жукова:

— Сколько времени тебе потребуется на сборы? Надо телеграфировать в Москву.

— Два часа, — ответил Жуков.

Утром следующего дня вместе с семьёй — женой Александрой Дневной и двухлетней дочкой Эрой — он выехал в Москву.

Жуков был зачислен в штат инспекции кавалерии РККА, которая входила в состав Наркомата по военным и морским делам СССР. Здесь же находилось и Управление боевой подготовки Красной армии.

В том же 1931 году в наркомат на должность начальника вооружений РККА пришёл Михаил Тухачевский. Вскоре он был назначен первым заместителем наркома по военным и морским делам.

Жукову пришлось непосредственно общаться с Тухачевским в период работы над проектом Боевого устава конницы Красной армии. «После поправок М. Н. Тухачевского, — вспоминал впоследствии маршал, — уставы были изданы, и части конницы получили хорошее пособие для боевой подготовки».

Армия перевооружалась, модернизировалась. А мир между тем бурлил, как кипящая лава, но вулкан ещё казался спящим.

В Германии лидер нацистской партии Адольф Гитлер и лидер Немецкой национальной народной партии Альфред Гутенберг договариваются о сотрудничестве.

В Австрии подавлена попытка государственного переворота во главе с фашистским лидером Пфимером.

На Дальнем Востоке японская армия при поддержке морской авиации предприняла атаку на Мукден и другие стратегические объекты Маньчжурии.

В 1932 году СССР и Польша подписали Договор о ненападении.

В Китае японские войска захватили Шанхай.

В Клайпеде (бывший Мемель) произошёл фашистский переворот. Национальный союз Литвы провозгласил фашистскую программу.

В Маньчжурии образовано прояпонское марионеточное государство Маньчжоу-Го. Возглавил его бывший китайский император Пу И.

В апреле 1932 года в Германии нацисты одержали победу на выборах в местные органы власти в Пруссии, Баварии, Вюртемберге и Гамбурге. В Пруссии нацисты получили большинство мест в парламенте и начали формировать однопартийное правительство.

Адольф Гитлер отклонил предложение президента Германии Гинденбурга занять пост вице-канцлера.

В том же году германская делегация временно покидает Женевскую конференцию по разоружению, требуя одинаковой численности вооружённых сил для всех стран — участниц конференции.

СССР и Франция заключают Пакт о ненападении.

В стране вступает в действие «Закон о трёх колосках», известный также как Указ «7–8» — Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», принятое по инициативе Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина.

Всё это касалось судьбы и жизни нашего героя лишь отчасти либо настолько косвенно, что никак не отвлекало от основных дел.

Однако одно событие так всколыхнуло его душу, что холодом обдавало потом всю жизнь.

Ещё в январе 1930 года, когда Жуков учился на Курсах при Военной академии им. М. В. Фрунзе, вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В деревне началась борьба с кулачеством. Теперь эту бедственную для русской деревни государственную кампанию в литературе и историографии называют раскрестьяниванием.

Согласно постановлению кулаки были разделены на три категории:

— первая — контрреволюционный актив, организаторы террористических актов и восстаний;

— вторая — остальная часть контрреволюционного актива из наиболее богатых кулаков и полупомещиков;

— третья — остальные кулаки.

Представьте себе обстоятельства, когда документ с такой размытой формулировкой и общими определениями попадает в руки местных органов власти. Произвол, месть, шантаж, грабёж творились на каждом

шагу. Главы кулацких семей подлежали аресту, их дела передавались спецтройкам в составе представителей ОГПУ, обкомов и крайкомов ВКП(б) и прокуратуры. Семьи кулаков первой и второй категории выселялись в отдалённые местности СССР или в отдалённые районы области, края, республики на спецпоселение. Кулаки третьей категории и их семьи расселялись в пределах района на землях, отводимых за пределами колхозов. Глав кулацких семей первых двух категорий, как правило, отправляли в концлагеря.

Наши либеральные публицисты много рассуждают о 1937 годе, о сталинских лагерях, о злодействе Берии и т. д. А злодейство началось раньше, когда ломанули деревню, её вековые устои. И первые концлагеря наполняли крестьянами. Правда истории такова.

Подписывали карательные постановления и документы председатель ВЦИК СССР М. И. Калинин, председатель СНК СССР А. И. Рыков, а практическую часть выполнял председатель ОГПУ при СНК СССР В. Р. Менжинский.

Это было частью государственной политики. Страна, по точному определению исследователей того сложного периода, входила в предвоенную мобилизацию. Страна нуждалась в хлебе. В достаточном количестве хлеба. Но его по-прежнему не хватало. После революции исчезли основные, как сейчас говорят, сельскохозяйственные производители — крупные помещичьи и крестьянские хозяйства. Мелкие частные крестьянские хозяйства обеспечить хлебом и мясом огромную страну не могли. С усилением кулачества — среднего сельхозтоваропроизводителя — ситуация с хлебом только осложнилась: кулак начал контролировать деревню, в том числе и местные органы власти.

В Москве это почувствовали с болезненным страхом. Сталин — в ту пору ещё далеко не диктатор, а всего лишь Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) — в 1928 году отправился в поездку по Сибири, со своего рода инспекцией, по поводу «неудовлетворительного хода хлебозаготовок в крае». И вот на одном из деревенских собраний после того, как он произнёс эмоциональную речь о необходимости сдавать зерно государству по фиксированным ценам и в объёме, необходимом для страны, один пожилой крестьянин вдруг сказал насмешливо:

— А ты, кавказец, попляши! Тогда, может быть, мы тебе хлеба и дадим!

Это не могло не оскорбить кавказца. Вот почему после поездки по сибирскому краю в его выступлениях, а потом и в официальных

документах появилась фраза — «крестьянский бунт».

Без хлеба ни индустриализации, ни перевооружения армии провести было невозможно.

На поля, на землю необходимо было вернуть крупного производителя сельскохозяйственной продукции. Но не помещика же. Поскольку деревня продолжала жить крестьянской общиной, пусть и надломленной переменами и потрясениями, но всё же крепким коллективом, решено было провести массовую и поголовную коллективизацию. Деревню загоняли в колхозы. Кулак мешал. Его необходимо было устранить как главную помеху.

Согласно инструкции, разосланной органам местной власти в районы коллективизации, у кулаков конфисковывали «средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия производственные и торговые, продовольственные, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества, а также и наличные деньги». Работникам ОГПУ на местах из Москвы были разосланы свои инструкции, в которых, в частности, было и такое: «Кулаки — активные белогвардейцы, повстанцы; бывшие белые офицеры, репатрианты, проявляющие контрреволюционную активность, особенно организованного порядка; кулаки — активные члены церковных советов, всякого рода религиозных общин и групп, „активно проявляющие себя“; кулаки — наиболее богатые ростовщики, спекулянты, разрушающие свои хозяйства, бывшие помещики и крупные земельные собственники».

После нэпа, когда многие хозяева смогли встать на ноги, в категорию кулаков или, как тогда говорили, «местных кулацких авторитетов», «кулацкого кадра, из которого формируется контрреволюционный актив», можно было записывать половину деревни. И записывали.

Из Стрелковки и Чёрной Грязи прилетели нерадостные вести: многие зажиточные хозяйства, соседи и однофамильцы попали в списки на раскулачивание. Верно заметил один из биографов Жукова: «Советская власть как катком прошла по Пилихиным»^[33].

В скорняжной мастерской дяди вместе с Жуковым работал младший сын хозяина и двоюродный брат Георгия Иван Артемьевич Пилихин. Работал он, как и все Пилихины, усердно и с расчётом. Постепенно скопил некоторый капитал и выделился. В Дмитровском переулке купил конюшню и перестроил её. Часть здания переделал под квартиру, другая часть по-прежнему служила конюшней. Иван страстно любил лошадей. И выезд у него был славный. Не лошади — огонь. Он выступал жокеем на собственном жеребце по кличке Пороль Донер. Но в 1929 году советское

правительство свернуло нэп, и частника-скорняка Ивана Михайловича Пилихина вместе с семьёй (женой и сыном) выслали из Москвы в Гжатск. Благо, что не на Енисей...

Георгий Жуков Пилихину-младшему и его семье ничем помочь не мог. Двоюродный племянник Жукова Анатолий Пилихин в своей книге, со слов родственников, так описал мытарства Ивана Пилихина: «Следователь требовал от богатеев отдать государству их золото. На одном из допросов супруга скорняка Ольга Игнатьевна сняла с ушей золотые серёжки и отдала их в руки следователю со словами: „Нет у нас, кроме этого, никакого золота. Всё, что имелось у мужа, он отдал“ По возвращении семьи из ссылки в 1930 году выяснилось, что их квартиру занимает представитель власти, проводивший следствие и получивший на лапу серёжки, которые носила его половина с выпученными глазами. Бездомным ничего не оставалось, как поселиться в подмосковном Новогирееве у родителей Ольги Игнатьевны».

Дальнейшая судьба младшего из двоюродных братьев Жукова весьма любопытна, поэтому я не могу не продолжить цитату из книги Анатолия Пилихина: «Иван Артемьевич до Великой Отечественной войны преподавал в профтехучилище скорняков. И часто сетовал: „Мехов нет. Молодёжь не на чем учить“. В послевоенные годы мастер работал в меховом ателье Московского Художественного Академического театра. Однажды ему поручили выполнить срочный заказ, поступивший от члена Политбюро ЦК ВКП(б) Л. П. Берии. Скорняку надлежало подобрать по окрасу и рисунку шкуры чёрно-бурых лисиц, чтобы через трое суток бригадой изготовить шубу для некой особы и близкой знакомой Лаврентия Павловича Берии. Пилихин тотчас приступил к работе, но неожиданно погас свет. Из ателье немедленно позвонили в Мосэнерго и предупредили энергетиков, что они могут сорвать задание... самого товарища Берии. Спустя 20 минут электрические лампочки зажглись.

Один раз „левой“ заказчицей у Ивана Артемьевича стала кинозвезда Любовь Орлова. Ей он сшил из щипаной нутрии так называемую шубу под обезьянку».

Иван Михайлович, как видно из пилихинской хроники, сложный период классовой борьбы пережил. Спасли профессия, приобретённая в отцовской мастерской, трудолюбие и мастерство.

А вот мать Ивана, вдова Михаила Артемьевича Пилихина, попала под каток советской власти в ходе подавления «крестьянского бунта».

Михаил Артемьевич умер в 1922 году. Своё дело он продал ещё в 1916-м, каким-то неведомым чутьём угадав, что эпоха свободного частного

предпринимательства в стране безвозвратно миновала. Его вдова Ольга Гавриловна перебралась с дочерьми и внуками в деревню, подальше от бурных событий новой жизни. В Чёрной Грязи у них был добротный кирпичный дом с надворными постройками и флигелем. Родовую усадьбу Михаил Артемьевич при жизни не забывал, кое-какие денежки вложил в её обустройство, надеясь доживать свой век в тишине и покое на лоне природы. И вот в 1930 году решением местных властей вдову, её детей и внуков из их дома выселили во флигель. Скот реквизировали и угнали на колхозный двор.

По рассказам двоюродной сестры Жукова Анны Михайловны Пилихиной, доживавшей свой век в Чёрной Грязи, брат на этот раз вступился за них и написал в сельсовет письмо — «прислал бумагу, что семья раскулачиванию не подлежит».

После этого дом Ольге Гавриловне вернули. Правда, реквизированный скот с колхозного двора забрать не удалось. Когда она в 1934 году умерла, Пилихиных из дома снова выселили.

Так и жила Анна Михайловна, наблюдая, как новые хозяева постепенно разрушают родительский дом и ту жизнь, которую они налаживали из поколения в поколение. Дом, где, приезжая на родину, часто бывал и ночевал после гулянок в окрестных деревнях брат Егор, ей вернули лишь в 1991 году. Глава районной администрации Василий Прокопович Чурин рассудил так: документов на дом нет, но ведь маршал ясно написал в своих мемуарах, как ходил в Чёрную Грязь к своему дяде Михаилу Артемьевичу именно в этот дом, а значит, по закону, он должен принадлежать дочери владельца...

В 1964 году во время очередного приезда на родину Жуков навестит сестру. Дом дяди Михаила Артемьевича будет ещё чужим. Он посмотрит на него издали и скажет сестре:

— Давай-ка, Нюра, перебирайся ко мне на дачу в Сосновку. Будешь жить у меня. А?

— Ходить за твоей коровой! — засмеялась она. — Слышала, как ты её доишь. Нет, Егор, на родине доживать буду.

Глава тринадцатая

Снова Белоруссия

«Тов. ЖУКОВ Г. К. является командиром с сильными волевыми качествами, весьма требовательным к себе и подчинённым, в последнем случае наблюдается излишняя жестокость и грубоватость...»

Будённому исполнительный и расторопный помощник нравился. За два московских года Жуков, по аттестации Будённого, «проделал очень большую работу по составлению руководства по подготовке бойцов и мелких подразделений конницы РККА», а также руководства по подготовке полковых школ и младшего начальствующего состава, «участвовал в манёврах УВО^[34] в качестве полкового посредника», разрабатывал и организовывал учения. Резюме Будённого как непосредственного начальника было таково: «...тов. ЖУКОВ Г. К. является:

1. Командиром с сильными волевыми качествами, весьма требовательным к себе и подчинённым, в последнем случае наблюдается излишняя жестокость и грубоватость.

Чувство ответственности за порученную работу развито в высокой степени (пример: разработка указанных выше руководств по боевой подготовке не только формально, но и с постоянным исканием, уточнением новых, лучших форм и методов, большой инициативы и т. д.).

2. Тактически и оперативно грамотным общевойсковым командиром, овладевшим задачами, которые были поставлены приказом № 080 (разработка указаний к приказу № 031, участие в кавалерийских сборах, манёврах, составил правильную оценку боевой подготовки взвода и эскадрона во всех отношениях к Пленуму РВС СССР этого года и написал ряд статей в Кавалерийском сборнике). Может хорошо и поучительно организовать и проводить занятия с командным составом, штабом и войсками. Политически развит вполне удовлетворительно, твёрдый и выдержанный член партии. Задачи партийно-политической работы в РККА усвоены. Не имея академического образования, много работает над своим личным военным и политическим развитием.

3. С техническими средствами и новым оружием, имеющимся и вводимым на вооружение конницы РККА и других родов войск, знаком (техническое учение на кав. сборах и остальные учения с техникой).

4. Личная стрелковая подготовка не проверялась, систематически в Инспекции не проводилась.

5. Состояние здоровья вполне удовлетворительное.

ОБЩИЙ ВЫВОД:

Тов. ЖУКОВ Г. К. — подготовленный общевойсковой командир-единоначальник; вполне соответствует занимаемой должности и должности командира кав. дивизии и начальника нормальной кав. школы».

Работая в наркомате рядом с Будённым и Тухачевским, Жуков хорошо освоил кабинетную, штабную работу. Он уплотнял время, энергично трамбовал его своей волей, жаждой знаний и самодисциплиной. Много читал. Но штабной рутинной тяготился, тосковал по своим эскадронам, «выводкам» и запаху армейских конюшен. В Москве ему не хватало воли, живой, армейской работы. Будённый это заметил.

И вот однажды в наркомат Ворошилову позвонил из Минска командующий Белорусским военным округом Уборевич:

— Товарищ нарком, был на днях с инспекцией в вашей дивизии^[35]. Хозяйство запущено. Боевая подготовка на самом низком уровне. Клеткин^[36] не справляется. Считаю, что его нужно срочно заменить толковым и требовательным командиром.

Ворошилову было неприятно слышать, что 4-я Краснознамённая дивизия, шефами которой были он и Будённый, два главных кавалериста страны, в плачевном состоянии. Полки дивизии до передислокации к западным границам размещались в Гатчине, Царском Селе и Петергофе — в казармах, изначально оборудованных для конногвардейских частей, с конюшнями, манежами, плацами для выездки, полигонами. Потом по приказу Тухачевского дивизию перебросили в район Слуцка, в чистое поле. В итоге: «...блестяще подготовленная дивизия превратилась в плохую рабочую воинскую часть».

Ворошилов посоветовался с Будённым, и решено было срочно назначить в 4-ю дивизию Жукова.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «И вот настал день, когда мы с женой и дочерью сели в поезд, который снова повёз нас в знакомые места, Белоруссию. Я знал и любил Белоруссию, белорусскую природу, богатую чудесными лесами, озёрами, и как охотник и рыбак радовался, что вновь попаду в эти живописные места. За время работы в Белоруссии я изучил характер её местности — от северных до южных границ. Как это мне потом пригодилось! А самое главное, в Белорусском военном округе имел много друзей, особенно в частях и соединениях конницы».

По прибытии к месту назначения Жуков пристроил жену и дочь в восьмиметровой комнатухе начальника химической службы дивизии, а сам в тот же день отправился в расположение 19-го Манычского кавалерийского полка, которым командовал Фёдор Костенко^[37].

Вскоре полк Костенко станет одним из лучших в корпусе. Его старший сын Пётр, ещё будучи мальчишкой, изучал военное дело вместе с красноармейцами. Со временем Пётр станет командиром-кавалеристом. Затем окончит артиллерийское училище, будет командовать артиллерийской батареей. Весной 1942 года войска Юго-Западного фронта попадут в окружение под Харьковом. Генерал Костенко и его сын капитан Костенко застрелятся, чтобы не попасть в плен.

После 19-го Жуков побывал и в других кавполках, в конно-артиллерийском и конно-механизированном. Дивизия была большой, пятисоставной. По военным меркам — вполне корпус.

Хуже всех обстояли дела в 20-м Сальском Краснознамённом полку, который стоял в деревне Конюхи в 20 километрах западнее Слуцка и относительно границы, проходившей неподалёку, являлся для дивизии своего рода первым эшелонем. Командовал полком Владимир Крюков^[38], с ним Жуков будет дружить всю жизнь.

В 21-м кавполку Жуков обнаружил относительный порядок. Полком командовал Иван Музыченко^[39]. Жуков его знал по совместной службе в 14-й отдельной кавалерийской бригаде. У них сложатся прекрасные отношения здесь, в дивизии.

Командиром 23-го кавполка был Леонид Сакович. Командуя 28-й кавалерийской дивизией, он погибнет 27 мая 1942 года под Харьковом.

4-м механизированным полком командовал Василий Новиков. Впоследствии генерал Новиков^[40] станет выдающимся, дерзким танковым командиром, одним из лучших в годы Великой Отечественной войны.

Сыновья Новикова — Дмитрий и Юрий — станут офицерами Красной армии. Все трое — отец и сыновья — будут воевать в 7-м гвардейском танковом корпусе, который одним из первых ворвётся в Берлин с юга. В ходе кровавых уличных боёв, когда наступающие танки, при нехватке пехоты, становились лёгкой добычей немецких фаустников, генералу Новикову сообщат: «Убит ваш сын, Юрий Новиков...» Обгорелое тело сына привезут на командный пункт.

Когда в приказе Верховного генерал Новиков не увидит номера своего корпуса, он, возмущённый несправедливостью, тут же направит в Москву телеграмму, финал которой будет таким: «Я пишу Вам как генерал и как

отец, потерявший при штурме столицы Германии сына, тело которого находится на моём командном пункте...».

Как напишут потом историки, «ошибка была тотчас исправлена. Особым приказом Верховного Главнокомандующего 7-му гвардейскому танковому корпусу было присвоено почётное наименование Берлинского».

Всё это будет потом.

А пока кавдивизия спешно обустроивалась у западной границы. Семьи командиров жили здесь же. Дети росли в гарнизонах и, охваченные энтузиазмом своих отцов, стремились скорее взрослеть.

Вот как вспоминает те годы Эра Георгиевна Жукова: «Из конюшен, располагавшихся недалеко от штаба, нас — детей — трудно было „выкурить“, хотя, помнится, заходить туда нам не очень-то разрешали. Мы знали всех лошадей по именам, у нас были свои любимцы, которым мы таскали из дома угощение. Всеми силами старались мы помочь красноармейцам в уходе за лошадьми. А уж когда удавалось прокатиться летом на подводе, а зимой на санях, счастьем не было конца. До сих пор помню лицо красноармейца, кажется, его звали Василий, который был к нам снисходительнее других и охотно катал нас, когда отправлялся по хозяйственным делам. Лицо у него было чисто русское, всё усыпанное веснушками, волосы рыжие. Он очень любил лошадей и с увлечением о них рассказывал.

С тех самых пор я с благоговением отношусь к этим животным, считаю их самыми красивыми и умными. Папа с детства поощрял во мне любовь к лошадям, и впоследствии с 15 лет я занималась конным спортом под его руководством.

Запах конюшни для меня не просто один из запахов. С этим запахом для меня слишком много связано. Если мне случается „дохнуть“ конюшни, либо читать о лошадях, или смотреть конноспортивные состязания по телевизору, мне всегда вспоминаются эпизоды из кавалерийской практики отца, видится его прекрасная посадка на коне, а также его умение обращаться с любым норовистым конём. Помню, как однажды на прогулке верхом мой конь что-то заартачился и начал вставать на дыбы. Я испугалась. Отец же, ехавший рядом, совершенно хладнокровно каким-то неувлимым движением схватил коня под уздцы и успокоил его».

Точно так же, «хладнокровно» и «неувлимым движением», Жуков будет выправлять на фронте самые, казалось бы, безнадёжные обстоятельства. Вдыхать в дрогнувшие войска уверенность. Возвращать в окопы бегущих. Ломать сопротивление противника на самых неприступных участках фронта. Менять направление действия армий и

целых фронтов.

Однако служба в Слуцке складывалась далеко не безмятежно.

Разгром Сталиным «левой оппозиции» эхом прокатился по всей стране. Пронеслась та кровавая колесница и по армейским рядам. В армии шла борьба двух кланов, двух непримиримых группировок. С одной стороны — Ворошилов, Будённый, Шапошников, Тимошенко. С другой — Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Фельдман, Эйдеман. На первый взгляд это была борьба двух концепций строительства Красной армии. Некоторые современные публицисты, следуя той же примитивной тенденции, простодушно «уточняют»: старой, костной, и новой. Процесс замены коня моторами в армии действительно проходил болезненно. Но суть борьбы в действительности была более сложной и непосредственно касалась политики. На фоне трудностей, особо обострившихся тогда, — голод на Украине и в Поволжье, невозможность быстрыми темпами обеспечить деревню тракторами и комбайнами, угроза военного нападения со стороны Франции, Польши и Англии, недостаточные темпы индустриализации, непрекращающиеся крестьянские бунты, — оппозиция заговорила о смене курса, о необходимости радикальных уступок. Сталин допустить этого не мог. Роль военных в таких шатких обстоятельствах, как правило, становится решающей. В феврале 1931 года Сталин, выступая перед участниками Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, произнёс: «Мы отстали от передовых стран на пятьдесят — сто лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Германский вермахт нападёт на СССР ровно через десять лет.

В современной историографии по поводу «заговора военных» существуют две основные точки зрения, конечно же, противоположные. Но если мы будем исходить из того, что заговор всё же был, то история нашего героя вплетается в следующий сюжет.

Спустя полгода после вступления Жукова в должность командира дивизии произошло вот что. После очередной своей внезапной инспекции в 4-ю кавдивизию командующий Белорусским военным округом Уборевич обнаружил некоторые непорядки и объявил комдиву выговор.

Здесь необходимо остановиться и задуматься: что это было?

Возможно, новый командир 4-й кавдивизии пришёлся здесь, в округе, не ко двору. Ставленник Будённого и Ворошилова... На тщеславного и волевого Уборевича это назначение могло произвести не лучшее впечатление.

Для Жукова, целиком поглощённого делами службы, заботами о

боевой подготовке личного состава, всё остальное имело второстепенное значение. Положение в дивизии постепенно выправлялось, уже видны были некоторые результаты.

И вот — выговор. Отношение Уборевича настолько его уязвило, что в тот же день он послал в округ на имя командующего телеграмму следующего содержания:

«Командующему войсками округа Уборевичу.

Вы крайне несправедливый командующий войсками округа, я не хочу служить с Вами и прошу откомандировать меня в любой другой округ.

Жуков».

Стоит задуматься и здесь: что это? Характер?

Конечно же, и характер тоже. Но и уверенность в своих силах. Силы уже были, службу Жуков знал хорошо. Но возможно и другое: он чувствовал поддержку и покровительство Будённого. И всей, так сказать, Первой конной армии РККА.

В мемуарах этот разлад с Уборевичем маршал изложил как недоразумение, которое вскоре исчерпало себя в результате настойчивости одного и благородства другого. Но, скорее всего, это просто поклон в сторону вскоре расстрелянного Уборевича — дань уважения талантливому наставнику, в общении с которым наш герой получил много полезных профессиональных уроков. К тому же не следует забывать о времени, когда писались мемуары, о том, какими настроениями и идеями оно было проникнуто.

Жуков всю жизнь создавал, строил и шлифовал себя сам. Он сам, с его эскадронами, полками, дивизией, корпусом и армейскими товарищами, командирами, подчинёнными, рядовыми бойцами и теми задачами, которые решала Красная армия и вся страна, — был военной академией. Военную науку постигал с жадностью и рвением, уроки усваивал хорошо, но по-своему, смешивая в роднике своего характера благоприобретённое с врождённым.

Через два дня Уборевич позвонил Жукову:

— Интересную телеграмму я от вас получил.

Жуков был готов к этому разговору.

— Вы что же, не довольны выговором? — спросил Уборевич; голос его был ровным, спокойным.

— Не доволен, товарищ командующий. Не доволен потому, что выговор не заслужен мною, а значит, несправедлив.

— Значит, вы считаете, что я несправедлив?

— Да, я так считаю. Иначе не отправил бы вам телеграмму.

— И настаиваете на том, чтобы откомандировать вас?

— Да, настаиваю.

— Подождите с этим, — после паузы тем же спокойным голосом сказал Уборевич. — Через две недели у меня будет инспекторская поездка, и мы с вами переговорим. Можете подождать со своим рапортом до нашей встречи?

— Могу.

— Ну так подождите.

При следующей встрече Уборевич сказал Жукову:

— Я проверил материалы, на основании которых вам вынесено взыскание, и пришёл к выводу, что оно действительно несправедливо. Продолжайте служить. Будем считать вопрос исчерпанным.

Но Жукову, не имевшему в личном деле ни одного взыскания по службе — личная жизнь не в счёт! — этого было мало.

— В таком случае, товарищ командующий, выговор могу считать снятым? — спросил он.

— Разумеется, раз я сказал, что он несправедлив.

Впоследствии о своих взаимоотношениях с Уборевичем маршал рассказывал Константину Симонову: «Я чувствовал, что он работает надо мной. Он присматривался ко мне, давал мне разные задания, вытаскивал меня на доклады. Потом поручил мне на сборе в штабе округа сделать доклад о действиях французской конницы во время сражения на реке По в Первую мировую войну.

Этот доклад был для меня делом непривычным и трудным. Тем более что я, командир дивизии, должен был делать этот доклад в присутствии всех командующих родами войск округа и всех командиров корпусов. Но я подготовился к докладу и растерялся только в первый момент: развесил все карты, остановился около них; надо начинать, а я стою и молчу. Но Уборевич сумел помочь мне в этот момент, своим вопросом вызвал меня на разговор, дальше всё пошло нормально, и впоследствии он оценил этот доклад как хороший.

Повторяю, я чувствовал, как он терпеливо работает надо мной. А вообще он был строг. Если во время работы с его участием видел, что кто-то из командиров корпусов отвлекся, он мгновенно, не говоря лишнего слова, ставил ему задачу:

— Товарищ такой-то! Противник вышел отсюда, из такого-то района, туда-то, находится в таком-то пункте. Вы находитесь там-то. Что вы

предполагаете делать?

Отвлёкшийся командир корпуса начинал бегать глазами по карте, на которой сразу был назван целый ряд пунктов. Если бы он неотрывно следил, он бы быстро нашёл, но раз хоть немножко отвлёкся, то всё сразу становится трудным. Это, конечно, урок ему. После этого он уже в течение всего сбора не сводит глаз с карты.

Уборевич был бесподобным воспитателем, внимательно наблюдавшим за людьми и знавшим их, требовательным, строгим, великолепно умевшим разъяснить тебе твои ошибки».

Характерно то, что точно такие же отношения — учитель-ученик — сложились с Уборевичем и у другого будущего маршала Великой Отечественной войны Ивана Конева. И быть может, Конева, тоже служившего в эти годы в Белорусском военном округе и командовавшего элитной 2-й Белорусской стрелковой дивизией, командующий войсками округа выделял как наиболее способного и перспективного, называя его «Суворов». Жуков такой похвалы от Уборевича не слышал.

Как полководец наш герой рос долго. Ничего ему не доставалось в жизни и службе легко. Чины и звания получал в своё время или с некоторым запозданием. До сорока одного года командовал дивизией. В 39–40 лет И. Д. Черняховский и Н. Ф. Ватутин в звании генерал-полковников командовали фронтами. А Жуков получит корпус, когда ему будет уже за сорок.

Наступил 1936 год. Жуков к тому времени уже носил в петлицах эмалевый ромб комбрига и золотой шеврон на рукаве. Это звание ему было присвоено год назад. Тогда же дивизия приказом наркома была переименована в 4-ю Донскую казачью. В Красной армии создавались казачьи части. После Гражданской войны, в которой казачество поделилось на два враждующих войска, казаков в Красную армию долго не призывали.

Полки и отдельные эскадроны 4-й Донской получили соответствующие наименования:

- 19-й Донской казачий Манычский Краснознамённый полк;
- 20-й Донской казачий Сальский Краснознамённый полк;
- 21-й Донской казачий Доно-Ставропольский полк;
- 23-й Донской казачий Сталинградский полк;
- 4-й Донской казачий механизированный полк;
- 4-й Донской казачий конно-артиллерийский полк;
- 4-й Донской казачий отдельный эскадрон связи;
- 4-й Донской казачий отдельный сапёрный эскадрон.

Казаков переделали в новую форму. Теперь они носили шапку-кубанку

из чёрной мерлушки с тёмно-красным верхом и крестообразным золотым галуном. Длинный приталенный бешмет с разрезом. Тёмно-синюю суконную черкеску с газырями. Красные кавказского типа башлыки, обшитые чёрной тесьмой. На тёмно-синих шароварах широкие красные лампасы. И высокие кавалерийские сапоги. Оружие — казачья шашка на кожаной портупее и кавалерийский карабин с укороченным стволом. В армию вновь возвращались пластунские части.

Неизвестно, носил ли казачью форму первый командир 4-й Донской дивизии. Во всяком случае, фотографий Жукова в казачьем бешмете и кубанке нет. Хотя фотографией в ту пору Жуков увлекался. Как и многие старшие командиры Красной армии, имел фотоаппарат. Сам проявлял плёнки, затем печатал и сушил снимки.

Основную массу бойцов дивизии составляли крестьянские дети — молодёжь из деревень и сёл, хуторов и станиц. К тому времени закончилась так называемая «война с крестьянством», начатая в период насильственной коллективизации. На II съезде колхозников-ударников были приняты поправки к примерному уставу сельскохозяйственной артели: теперь семьи колхозников повсеместно наделялись участками земли для ведения личного подсобного хозяйства, строительства жилого дома и хозяйственных построек; для выпаса личного скота отводились пастбища. Развивалась рыночная торговля. В результате значительно подешевели некоторые продукты питания. Резко возросло их производство. Напряжённость, до сих пор царившая в обществе, заметно спала. Это чувствовалось и в войсках. Вдобавок ко всему 26 июня 1935 года вышло решение Политбюро «О снятии судимости с колхозников». Судимость снималась с лиц, осуждённых на срок более пяти лет по Указу от 7 августа 1932 года — «Закону о трёх колосках».

Народ и Красная армия в Советской стране были едины. Всё доброе, что партия и правительство делали для народа, добром отзывалось и в войсках. Всё злое — злом. И первые месяцы войны это вскоре покажут.

А пока страна под руководством партии большевиков и комсомола растила новое поколение, молодое и здоровое, готовое положить свою жизнь за социалистические идеалы.

В апреле 1936 года германские войска заняли демилитаризованную Рейнскую область — условия Версальского договора были демонстративно нарушены. В промышленные районы немцы ввели 35-тысячную группировку. Причём это были уже дивизии не рейхсвера, а вермахта, подчинённого непосредственно Гитлеру. Переименование вооружённых сил Германии произошло в 1935 году. Фюреру нужна была

промышленность Рейнской области для производства военной техники и вооружения. Никаких ограничений Гитлер уже не признавал. Версальские цепи были сорваны, и немцы с энтузиазмом переступили через них. Доверие немецкого народа новому лидеру было абсолютным и во многом напоминало доверие советского народа Сталину. На парламентских выборах 99 процентов голосов жители Германии отдали за кандидатов от партии нацистов.

Франция, теперь уже не разделённая свободной от немецких войск Рейнской областью, попытается ответить: запретит фашистские партии и организации. Национализирует оборонную промышленность.

Восемнадцатого июля в Испании вспыхнул мятеж военных против республики — началась гражданская война. Она продлится до 1939 года. Советский Союз будет посылать республиканцам не только оружие, танки и самолёты, но и военных специалистов, лётчиков, танкистов, сапёров. По различным источникам, в Испании на стороне республиканцев воевало от трёх до четырёх тысяч добровольцев из СССР. Кроме того, в интербригадах сражались бывшие солдаты, офицеры и генералы белой армии. Их было около тысячи. Для многих из них война в Испании казалась началом пути возвращения на родину, в Россию.

А в Советской стране пели песни «Весёлый ветер»^[41], «Песню о встречном»^[42], «Крутится, вертится шар голубой...»^[43] и «Широка страна моя родная...»^[44]. Последняя сразу стала народным гимном. В воинских частях смотрели кинофильмы «Чапаев»^[45] и «Дети капитана Гранта»^[46]. Наибольшей популярностью пользовалась среди молодёжи и в войсках кинолента «Чапаев».

В начале Великой Отечественной войны специально для поднятия духа красноармейцев будет смонтирован девятиминутный ролик «Чапаева», в котором Василий Иванович призывает бойцов громить фашистов.

Конечно, все эти фильмы смотрел наш герой вместе со своими бойцами — в полковых и эскадронных кинотеатрах под открытым небом, где экраном служила солдатская простыня, натянутая между двух берёз. Но к чему он действительно был равнодушен, так это к книгам. И читал он не только военную литературу, но и художественную. К тому времени были опубликованы «Тихий Дон» и первый том «Поднятой целины» Михаила Шолохова. Две первые книги трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам». «Как закалялась сталь» и «Рождённые бурей» Николая Островского. «Зауряд-полк» Сергея Сергеева-Ценского. К страстному

увлечению Жукова книгами и к его взаимоотношениям с писателями мы ещё вернёмся.

В конце лета 1936 года в 4-й кавалерийской дивизии произошло несколько знаменательных событий. По результатам инспекторской проверки части дивизии получили высокие оценки и награду — орден Ленина. Вручать орден приехал Маршал Советского Союза Будённый. Семён Михайлович произнёс пламенную речь, вспомнил боевые заслуги полков, дравшихся в годы Гражданской войны в составе его доблестной Первой конной, и прикрепил высшую награду страны к знамени дивизии.

Постановлением ЦИК СССР от 16 августа 1936 года орденом Ленина был награждён и Жуков.

А в Европе уже полыхало. В Испанию защищать республику ехали добровольцы из всех стран. Осторожная Великобритания и нейтральная Франция вскоре начали поставлять республиканцам оружие и снаряжение. Италия, Германия и Португалия помогали фалангистам-мятежникам генерала Франсиско Франко — направляли в Испанию солдат и лучших пилотов, которые «обкатывали» в небе новые самолёты. Две силы уже столкнулись на полях Андалусии и Страны Басков.

Тем временем Жуков и его дивизия на масштабных манёврах Белорусского военного округа показывали своё мастерство при форсировании реки Березины. За действиями полков и эскадронов наблюдали нарком Ворошилов, его первый заместитель Маршал Советского Союза Тухачевский, начальник Генштаба РККА Маршал Советского Союза Егоров, командующий Белорусским военным округом Уборевич, военные представители Великобритании, Чехословакии, Франции. Кроме того, в числе посредников были слушатели военных академий, работники центрального аппарата Наркомата обороны, командующие военными округами.

После тридцатиминутной артиллерийской подготовки авангарды 4-й Донской казачьей дивизии не мешкая подошли к реке. Звено самолётов, пролетевшее на бреющем над их порядками, поставило дымовую завесу. Когда дым рассеялся, наблюдателям открылась такая картина: передовые эскадроны уже выбрались на противоположный берег Березины и расширяли захваченный плацдарм. Вскоре вся дивизия, в том числе танки и механизированные части, форсировала реку, «ударил» по противнику, «опрокинула» его и начала успешно продвигаться в глубину обороны.

Из «Воспоминаний и размышлений» Жукова: «На разборе манёвров нарком дал высокую оценку нашей дивизии, похвалил за хорошую организацию форсирования реки и новаторство танкистов, рискнувших

своим ходом преодолеть такую глубокую реку, как Березина...»

На торжественной церемонии в Минске по случаю успешного завершения манёвров Белорусского военного округа нарком обороны Маршал Советского Союза Ворошилов недвусмысленно заявил, что «война готовится...». Из его речи следовало, что готовится она на западе, в Европе. Но если враждебные силы нападут на СССР, «мы будем без извинений, без расшаркивания, драться с врагом рабочих и крестьян, врагом трудящихся, так, как никто ещё не дрался».

Когда отзвучали фанфары, начался серьёзный разбор манёвров, проведённых почти одновременно в Киевском и Белорусском военных округах, где размещались самые мощные группировки РККА. Главной их задачей была отработка «передовой по тем временам теории глубокой операции и глубокого боя» — добиться решительного успеха за счёт массированного применения техники и взаимодействия пехоты, артиллерии, танков, авиации, воздушного десанта и кавалерии. К каким же выводам пришли эксперты Наркомата обороны?

Начальник Управления боевой подготовки РККА командарм 2-го ранга А. И. Седякин^[47] констатировал: «Тактическая выучка войск, особенно бойца, отделения, взвода, машины, танкового взвода, роты, не удовлетворяет меня. А ведь они-то и будут драться, брать в бою победу, успех „за рога“». Он также отметил неумение пехоты Белорусского военного округа «вести наступательный ближний бой». Напомнил, что наступление стрелковых полков в основном заключается в «равномерном движении вперёд». Обратил внимание на то, что частично или целиком отсутствует «взаимодействие огня и движения», что роты шли в атаку, «игнорируя огонь обороны». Одновременно сами «они не подготавливали свою атаку пулемётным огнём, не практиковали залегание и перебежки, самоокапывание, не метали гранат». «Конкретные приёмы действий, — подвёл итог Седякин, — автоматизм во взаимодействии... не освоены ещё».

По этому же поводу позднее, уже после расстрела «талантливых военачальников», сокрушался маршал Будённый: «Мы подчас витаем в очень больших оперативно-стратегических масштабах, а чем мы будем оперировать, если рота не годится, взвод не годится, отделение не годится?»

Уже совсем скоро война покажет, что старый кавалерист был прав. Даже после прорыва немецкой обороны наша пехота оказывалась в плачевном положении: противник, имея мощные резервы, чаще всего уступал в таких случаях давлению наших сил, отводил войска, а затем

согласованными фланговыми ударами отсекал прорвавшихся и уничтожал или пленял в «котле».

Историк Андрей Смирнов в 1999 году опубликовал в журнале «Родина» своё исследование манёвров 1936 года. В нём, в частности, говорится: «Бичом РККА накануне 1937 года были низкая требовательность командиров всех степеней и обусловленные ею многочисленные упрощения и условности в боевой подготовке войск. Бойцам позволяли не маскироваться на огневом рубеже, не окапываться при задержке наступления; от пулемётчика не требовали самостоятельно выбирать перед стрельбой позицию для пулемёта, связиста не тренировали в беге и переползании с телефонным аппаратом и катушкой кабеля за спиной и т. д. и т. п. Приказы по частям и соединениям округов Якира и Уборевича пестрят фактами упрощения правил курса стрельб — тут и демаскирование окопов „противника“ белым песком, и демонстрация движущейся мишени в течение не 5, а 10 секунд, и многое другое».

Однако манёвры двух основных военных округов несомненно принесли и положительные результаты. Успешно взаимодействовали механизированные соединения и конница. Внушительно выглядела операция по массированному выбросу воздушного десанта. Пожалуй, это была последняя удачная воздушно-десантная операция РККА.

После осенних манёвров в Положение Временного полевого устава РККА, введённого в действие приказом наркома обороны СССР от 30 декабря 1936 года, были внесены очень важные поправки.

1936 год для Жукова был годом его стремительного роста как командира. В этот год он был отмечен самым высоким орденом страны — орденом Ленина. Свою 4-ю Донскую дивизию он вывел в ряд лучших не только в округе, но и в РККА.

Семейные дела вошли в ровное русло. С принятием нового законодательства о браке и семье про «свободную любовь» человеку его положения лучше было не думать. Да и годы остепеняли.

Но неожиданное письмо от родных сильно омрачило его жизнь. Сестра Маша написала, что в Стрелковке случился большой пожар, что выгорела половина деревни, до самой Огуби, и что их дом тоже сгорел...

Он сразу же собрал деньги и послал на родину. Сам выехать пока не мог.

Глава четырнадцатая

Репрессии

«Дружил с Рокоссовским и Данилой Сердичем...»

До сих пор в нашей исторической науке и публицистике идёт спор: существовал ли заговор военных или «чистка» в Красной армии 1937 и 1938 годов явилась следствием страха Сталина перед усилившимися военными, входившими в окружение маршала Тухачевского...

Когда читаешь эту полемику, невольно приходишь к такой же мысли, которую высказал один из биографов Сталина Станислав Рыбас. Перелистав сотни дел осуждённых в период сталинских «чисток», он с горечью признал: «Это была правда, смешанная с ложью и помноженная на будущую войну»^[48].

Дабы не путаться в оценках и не попасть в адвокаты дьявола, приведу здесь обширный фрагмент из мемуаров маршала: «По существующему закону и по здравому смыслу органы госбезопасности должны были бы вначале разобраться в виновности того или иного лица, на которого поступила анонимка, сфабрикованная ложь или самооговор арестованного, вырванный под тяжестью телесных пыток, применяемых следовательским аппаратом по особо важным делам органов государственной безопасности. Но в то тяжкое время существовал другой порядок — вначале арест, а потом разбирательство дела. И я не знаю случая, чтобы невиновных людей тут же отпускали обратно домой. Нет, их держали долгие годы в тюрьмах, зачастую без дальнейшего ведения дел, как говорится, без суда и следствия.

В 1937 году был арестован наш командир 3-го конного корпуса Данило Сердич как „враг народа“ Что же это за „враг народа“?

Д. Сердич по национальности серб. С первых дней создания Красной Армии он встал под её знамёна и непрерывно сражался в рядах Первой конной армии с белогвардейщиной и иностранными интервентами. Это был храбрейший командир, которому верили и смело шли за ним в бой прославленные конармейцы. Будучи командиром эскадрона и командиром полка Первой конной армии, Д. Сердич вписал своими смелыми боевыми подвигами много славных страниц в летопись немеркнущих и блистательных побед Олеко Дундича. И вдруг Сердич оказался „врагом народа“.

Кто этому мог поверить из тех, кто хорошо знал Д. Сердича?

Через пару недель после ареста комкора Д. Сердича я был вызван в город Минск в вагон командующего войсками округа.

Явившись в вагон, я не застал там командующего войсками округа, обязанности которого в то время выполнял комкор В. М. Мулин. Через два месяца В. М. Мулин был арестован как „враг народа“, а это был не кто иной, как старый большевик, многие годы просидевший в царской тюрьме за свою большевистскую деятельность. В вагоне меня принял только что назначенный член Военного совета округа Ф. И. Голиков (ныне Маршал Советского Союза). Он был назначен вместо арестованного члена Военного совета П. А. Смирнова, мужественного и талантливого военачальника.

Задав мне ряд вопросов биографического порядка, Ф. И. Голиков спросил, нет ли у меня кого-либо арестованных из числа родственников или друзей. Я ответил, что не знаю, так как не поддерживаю связи со своими многочисленными родственниками. Что касается близких родственников— матери и сестры, то они живут в настоящее время в деревне Стрелковка и работают в колхозе. Из знакомых и друзей — много арестованных.

— Кто именно? — спросил Голиков.

Я ответил:

— Хорошо знал арестованного Уборевича, комкора Сердича, комкора Вайнера, комкора Ковтюха, комкора Кутякова, комкора Косогова, комдива Верховского, комкора Грибова, комкора Рокоссовского.

— А с кем из них вы дружили? — спросил Голиков.

— Дружил с Рокоссовским и Данилой Сердичем. С Рокоссовским учился в одной группе на курсах усовершенствования командного состава кавалерии в городе Ленинграде и совместно работал в 7-й Самарской кавдивизии. Дружил с комкором Косоговым и комдивом Верховским при совместной работе в Инспекции кавалерии. Я считал этих людей большими патриотами нашей Родины и честнейшими коммунистами, — ответил я.

— А вы сейчас о них такого же мнения? — глядя на меня в упор, спросил Голиков.

— Да, и сейчас.

Ф. И. Голиков резко встал с кресла и, покраснев до ушей, грубо сказал:

— А не опасно ли будущему комкору восхвалять „врагов народа“?

Я ответил, что я не знаю, за что их арестовали, думаю, что произошла какая-то ошибка. Я почувствовал, что Ф. И. Голиков сразу настроился на недоброжелательный тон, видимо, он остался неудовлетворённым моими ответами. Порывшись в своей объёмистой папке, он достал бумагу и минут пять её читал, а потом сказал:

— Вот в донесении комиссара 3-го конного корпуса Юнга сообщается, что вы бываете до грубости резким в обращении с подчинёнными командирами и политработниками и что иногда недооцениваете роль и значение политических работников. Верно ли это?

— Верно, но не так, как пишет Юнг. Я бываю резок не со всеми, а только с теми, кто халатно выполняет порученное ему дело и безответственно несёт свой долг службы. Что касается роли и значения политработников, то я не ценю тех, кто формально выполняет свой партийный долг, не работает над собой и не помогает командирам в решении учебно-воспитательных задач, тех, кто критикует требовательных командиров, занимается демагогией там, где надо проявить большевистскую твёрдость и настойчивость, — ответил я.

— Есть сведения, что не без вашего ведома ваша жена крестила в церкви дочь Эллу. Верно ли это? — продолжал Ф. И. Голиков.

— Это очень неумная выдумка. Поражаюсь, как мог Юнг, будучи неглупым человеком, сообщить такую чушь, а тем более он, прежде чем написать, должен был бы провести расследование.

Дальнейший разговор был прерван приходом в вагон исполнявшего должность командующего войсками округа В. М. Мулина. Я раньше никогда не встречался с В. М. Мулиным. При первой же встрече он произвёл на меня очень хорошее впечатление своей красивой наружностью, спокойным и мягким тоном разговора, умением коротко и ясно выразить свою мысль. После предварительной беседы В. М. Мулин сказал:

— Военный совет округа предлагает назначить вас на должность командира 3-го конного корпуса. Как вы лично относитесь к этому предложению?

Я ответил, что готов выполнять любую работу, которая мне будет поручена.

— Ну вот и отлично, — сказал В. М. Мулин.

Ф. И. Голиков протянул В. М. Мулину донесение комиссара 3-го конного корпуса Н. А. Юнга, отдельные места которого были подчёркнуты красным карандашом.

В. М. Мулин, прочитав это донесение, сказал:

— Надо пригласить Юнга и поговорить с ним. Я думаю, что здесь много наносного.

Голиков молчал.

— Езжайте в дивизию и работайте. Я своё мнение сообщу в Москву. Думаю, что вам скоро придётся принять 3-й корпус, — сказал В. М. Мулин.

Распростившись, я уехал в дивизию.

Прошло не менее месяца после встречи и разговора с Ф. И. Голиковым и В. М. Мулиным, а решения из Москвы не поступало. Я считал, что Ф. И. Голиков, видимо, сообщил обо мне в Москву своё отрицательное мнение, которое сложилось у него на основании лживого донесения Юнга. А я, откровенно говоря, отчасти даже был доволен тем, что не получил назначения на высшую должность, так как тогда шла какая-то особо активная охота на высших командиров со стороны органов государственной безопасности. Не успеют выдвинуть человека на высшую должность, глядишь, а он уже взят под арест как „враг народа“ и мается бедняга в подвалах НКВД.

Несмотря на то, что кругом шли аресты, основное ядро командно-политического состава дивизии работало требовательно, с полным напряжением своих сил, мобилизуя личный состав дивизии на отличное выполнение задач боевой подготовки. И что особенно радовало — это то, что партийная организация частей дивизии была крепко сплочена и пресекала любую попытку каких-либо клеветников ошельмовать того или иного коммуниста, командира или политработника.

Однако вскоре всё же был получен приказ наркома обороны о назначении меня командиром 3-го конного корпуса. Командиром 4-й кавалерийской дивизии вместо меня назначался И. Н. Музыченко.

Передав дивизию И. Н. Музыченко, я через пару дней выехал в город Минск и вступил в должность командира 3-го конного корпуса.

По прибытии в корпус меня встретил начальник штаба корпуса Д. Самарский. Первое, о чём он мне доложил, — это об аресте как „врага народа“ комиссара корпуса Юнга, того самого Юнга, который написал на меня клеветническое донесение Ф. И. Голикову. Внутренне я как-то даже был доволен тем, что клеветник получил по заслугам — „рыл яму для другого, а угодил в неё сам“, как говорится в народной пословице.

Недели через две мне удалось детально ознакомиться с состоянием дел во всех частях корпуса и, к сожалению, должен был признать, что в большинстве частей корпуса в связи с арестами резко упала боевая и политическая подготовка командно-политического состава, понизилась требовательность и, как следствие, ослабла дисциплина и вся служба личного состава. В ряде случаев демагоги подняли голову и пытались терроризировать требовательных командиров, пришивая им ярлыки „вражеского подхода“ к воспитанию личного состава. Особенно резко упала боевая и политическая подготовка в частях 24-й кавалерийской дивизии. Дивизия стояла в районе города Лепель, и её жилищно-бытовая и

учебная базы были ещё далеки от завершения. На этой основе возникало много нездоровых настроений, а ко всему этому прибавились настроения, связанные с арестами командиров.

Находились и такие, которые занимались злостной клеветой на честных командиров с целью подрыва доверия к ним со стороны солдат и начальствующего состава. Пришлось резко вмешаться в положение дел, кое-кого решительно одёрнуть и поставить вопрос так, как этого требовали интересы дела. Правда, при этом лично мною была в ряде случаев допущена повышенная резкость, чем немедленно воспользовались некоторые беспринципные работники дивизии. На другой же день на меня посыпались донесения в округ с жалобой к Ф. И. Голикову, письма в органы госбезопасности „о вражеском воспитании кадров“ со стороны командира 3-го конного корпуса Жукова.

Через неделю командир 27-й кавалерийской дивизии В. Е. Белокосков сообщил мне о том, что в дивизии резко упала дисциплина и вся служба. Я спросил его, а что делает лично командир дивизии Белокосков? Он ответил, что командира дивизии сегодня вечером разбирают в парторганизации, а завтра наверняка посадят в тюрьму. По телефонному разговору я понял, что Василий Евлампиевич Белокосков серьёзно встревожен, если не сказать большего. Подумав, я сказал, что сейчас же выезжаю в дивизию.

В штабе дивизии меня встретил В. Е. Белокосков. Я поразился его внешним видом. Он был чрезмерно бледен, под глазами залегли тёмные впадины, губы нервно подёргивались после каждой короткой фразы. Я спросил:

— Василий Евлампиевич, что с вами? Я ведь вас хорошо знаю по 7-й Самарской кавдивизии, где вы отлично работали, были уважаемы всей парторганизацией, а теперь просто не узнать. В чём дело?

— Идёмте, товарищ командир корпуса, на партсобрание, там сегодня меня будут исключать из партии, а что будет дальше — мне всё равно. Я уже приготовил узелок с бельём.

Началось партсобрание. Повестка дня: персональное дело коммуниста Белоковского Василия Евлампиевича. Информацию делал секретарь дивизионной парткомиссии. Суть дела: коммунист Белокосков был в близких отношениях с „врагами народа“ Сердичем, Юнгом, Уборевичем и другими, а потому он не может пользоваться доверием партии. Кроме того, Белокосков недостаточно чутко относится к командирам, политработникам, слишком требователен по службе.

Обсуждение заняло около трёх часов. Никто в защиту В. Е. Белоковского не сказал ни одного слова. Дело шло явно к исключению его

из рядов партии. Исполняющий должность комиссара корпуса В. В. Новиков, по существу, поддержал выступавших и сделал вывод, что Белокосков не оправдал звания члена партии.

Попросив слово, я выступил довольно резко:

— Я давно знаю Белоковского как честного коммуниста, чуткого товарища, прекрасного командира. Что касается его служебной связи с Уборевичем, Сердичем, Рокоссовским и другими, то эта связь была чисто служебной, а кроме того, ещё неизвестно, за что арестованы Уборевич, Сердич, Рокоссовский, так как никому из нас неизвестна причина ареста, так зачем же мы будем забегать вперёд соответствующих органов, которые по долгу своему должны объективно разобраться в степени виновности арестованных и сообщить нам, за что их привлекли к ответственности. Что касается других вопросов, то это мелочи и не имеют принципиального значения, а товарищ Белокосков сделает для себя выводы из критики.

В этом выступлении было что-то новое, и члены партии загудели: „правильно, правильно“. Председатель спросил, будет ли кто ещё выступать? Кто-то сказал, что есть предложение комкора Жукова ограничиться обсуждением. Других предложений не поступило. Постановили: предложить В. Е. Белоковскому учесть в своей работе выступления коммунистов.

Когда мы шли с партсобрания, я видел, как Василий Евлампиевич украдкой вытер слёзы. Я считал, что он плакал от сознания того, что остался в партии и может продолжать в её рядах работу на благо народа, на благо нашей Родины. Я не подошёл к нему, считая, что пусть он наедине переживёт минувшую тяжёлую тревогу за свою судьбу и радость душевную за справедливость решения партийной организации.

Прощаясь, мы крепко пожали друг другу руки, и у него из глаз выкатилась крупная слеза, оставив свой след на щеке. Он не сказал мне ни одного слова, но его слеза, рукопожатие были убедительнее и дороже всяких слов. Я был рад за него и не ошибся в нём. Всю свою жизнь (умер он в 1961 году) Василий Евлампиевич был достойнейшим коммунистом, скромным тружеником и умелым организатором всех дел, которые ему поручались. В годы Великой Отечественной войны он был одним из главных организаторов автомобильной службы и снабжения войск. После войны Василий Евлампиевич возглавлял Главное управление военно-строительных работ, спецработ, а в последние годы был заместителем министра обороны по строительству. Везде и всюду Василий Евлампиевич успевал. Был всегда спокойным и хорошим товарищем, а не заступись я за него в 1937 году, могло быть всё иначе. К сожалению, многие товарищи

погибли, не получив дружеской помощи при обсуждении их в партийных организациях, а ведь от партийной организации много тогда зависело, так как после исключения из партии тут же следовал арест.

В 1937 году приказом наркома обороны я был назначен командиром 3-го корпуса Белорусского военного округа. Но вскоре в связи с назначением командира 6-го казачьего корпуса Е. И. Горячева заместителем командующего войсками Киевского особого военного округа мне была предложена должность командира этого корпуса.

У моего предшественника Е. И. Горячева трагически закончилась жизнь. После назначения заместителем к С. К. Тимошенко он, как и многие другие, перенёс тяжёлую сердечную травму. На одном из партсобраний ему предъявили обвинение в связях с „врагами народа“ И. П. Уборевичем, Д. Сердичем и другими, и дело клонилось к нехорошему. Не желая подвергаться репрессиям органов госбезопасности, он покончил жизнь самоубийством. Жаль этого командира. С первых дней существования советской власти он героически сражался в рядах Красной Армии. В Конной армии последовательно командовал эскадроном, полком, бригадой и на всех командных должностях был умелым и отважным военачальником. Его любили и уважали бойцы и командиры-конармейцы.

Я охотно принял предложение. 6-й корпус по своей подготовке и общему состоянию стоял выше 3-го корпуса, а самое главное — в его состав входила 4-я Донская казачья дивизия. Я командовал ею более четырёх лет и, вполне естественно, питал к ней особую привязанность».

Из этого очерка хорошо видно, какая чума охватила в те годы войска и к чему привела эта эпидемия.

До сих пор у Жукова много недоброжелателей. Архивы, даже косвенно касающиеся не только самого маршала, но и его окружения, перелопачены в десять рук. Да и теперь пыль на жуковские папки не ложится. Скрупулёзно исследованы материалы, касающиеся репрессий военных, и если бы там, среди протоколов допросов и писем с «сигналами», нашёлся хотя бы намёк на иную службу нашего героя, то мы давно бы стали свидетелями триумфа его оппонентов. Жуков никогда доносчиком не был. Он действительно служил только родине, только её победам. И ни от кого из своих друзей в трудную минуту, когда и собственная карьера могла рухнуть и закончиться на лесоповале и в кровавом подвале НКВД, не отказался. Ни от Данилы Сердича, ни от Константина Рокоссовского. Как ни старался Голиков, как ни тянул его за язык, шантажируя и намекая на опасность дружеских связей с «врагами народа». Эта закалка поможет Жукову выжить и потом, во время опалы и травли в 1940-е и 1950-е годы.

С Голиковым Жукову придётся и впоследствии время от времени сталкиваться по службе. Когда я писал книгу о действиях 10-й армии Западного фронта в период контрнаступления под Москвой, в Подольском архиве отыскал папку с телеграфными переговорами командующего Западным фронтом генерала армии Жукова и командующего 10-й армией генерал-лейтенанта Голикова. В декабре 1941-го и в январе 1942 года их объединяли общий приказ и одна цель — разбить, отбросить от Москвы врага. Перед фронтом 10-й армии отступала 2-я танковая армия Гудериана. Жуков постоянно торопил Голикова. Свежая, резервная армия наступала недостаточно быстро, тем самым ломала замысел штаба Западного фронта, и Жуков постоянно нервничал, порой откровенно подгонял Голикова. И в его телеграфных репликах порой чувствовалась неприязнь. Но равновесия не терял даже в самые трудные минуты. Возможно, он всё же опасался этого человека с обширными связями в Наркомате обороны и органах НКВД.

Генерал Голиков не войдёт в историю Великой Отечественной войны не только как талантливый, но даже как средней руки командарм. Зимой 1942 года он передаст 10-ю армию генералу Василию Попову. Будет командовать армиями и фронтами, но нигде не проявит своего полководческого таланта. В конце концов, его отзовут в Наркомат обороны, где он до конца войны будет успешно командовать кадрами.

Верно заметил Жуков: чем выше должность, тем опаснее в те годы было служить родине, тем подозрительнее становились люди наркома Ежова, а затем Берии, которые, казалось, только и ждали очередного случая, чтобы белое назвать чёрным, а чёрное — белым, чтобы сверстать очередное дело о новом разоблачении «врагов народа». И однажды Жуков едва не угодил в их лапы.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «В этот период^[49] войсками Белорусского военного округа командовал командарм 1 ранга И. П. Белов^[50], который взялся энергично осуществлять подготовку войск округа.

Осенью 1937 года им были проведены окружные манёвры, на которых в качестве гостей присутствовали генералы и офицеры немецкого генерального штаба. За манёврами наблюдали нарком обороны К. Е. Ворошилов и начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников.

Вскоре командующего войсками И. П. Белова постигла та же трагическая участь, что и предыдущих командующих, — он был арестован как „враг народа“, и это тогда, когда И. П. Белов, бывший батрак, старый

большевик, храбрый и способнейший командир, положил все свои силы на борьбу с белогвардейщиной и иностранной интервенцией, не жалея себя в деле выполнения задач, которые перед ним ставили партия и правительство.

Как-то не вязалось: Белов — и вдруг „враг народа“. Конечно, никто этой версии не верил.

После ареста И. П. Белова командующим войсками округа был назначен командарм 2 ранга М. П. Ковалёв, членом Военного совета вместо Ф. И. Голикова был назначен И. З. Сусайков.

На смену арестованным выдвигались всё новые и новые лица, имевшие значительно меньше знаний, меньше опыта, и им предстояла большая работа над собой, чтобы быть достойными военачальниками оперативно-стратегического масштаба, умелыми воспитателями войск округа.

В Белорусском военном округе было арестовано почти 100 процентов командиров корпусов. Вместо них были выдвинуты на корпуса командиры дивизий, уцелевшие от арестов. В числе арестованных командиров корпусов был Кутяков Иван Семёнович. Об И. С. Кутякове мне хочется сказать здесь несколько слов.

Знал я Ивана Семёновича более двадцати лет и всегда восхищался им и как командиром, и как сильным и волевым человеком. И. С. Кутяков — солдат царской армии. В своём полку он пользовался большим авторитетом и в первые дни революции был выбран солдатами командиром полка. Это большая честь — быть избранником солдат-фронтовиков. Для этого надо было отличаться большими достоинствами: всегда и во всём быть примером для своих товарищей, иметь ясную голову, отзывчивое сердце, хорошо знать и любить людей, понимать их думы и чаяния.

В годы Гражданской войны И. С. Кутяков командовал стрелковой бригадой 25-й Чапаевской дивизии. После гибели Василия Ивановича Чапаева И. С. Кутяков был назначен вместо него командиром дивизии. За успешное командование частями в боях с белогвардейщиной он был награждён тремя орденами Красного Знамени и орденом Красного Знамени Хорезмской республики, а также почётным оружием. В 1937 году И. С. Кутяков был выдвинут заместителем командующего войсками Приволжского военного округа.

И. С. Кутяков, как и многие другие, был оклеветан и трагически погиб. Разве можно забыть тех, кто был поднят нашей ленинской партией из рабоче-крестьянских низов, обучен и воспитан в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, тех, кто составлял драгоценную жемчужину

военных кадров нашей Родины, нашей партии. Нет! Их забыть нельзя, как и нельзя забыть преступления тех, на чьей совести лежали эти ничем не оправданные кровавые репрессии, аресты и выселение членов семей „в места не столь отдалённые“.

Как-то вечером ко мне в кабинет зашёл комиссар корпуса Фомин. Он долго ходил вокруг да около, а потом сказал:

— Знаешь, завтра собирается актив коммунистов 4-й дивизии, 3-го и 6-го корпусов, будут тебя разбирать в партийном порядке.

Я спросил:

— Что же такое я натворил, что такой большой актив будет меня разбирать? А потом, как же меня будут разбирать, не предъявив мне заранее никаких обвинений, чтобы я мог подготовить соответствующее объяснение?

— Разбор будет производиться по материалам 4-й кавдивизии и 3-го корпуса, а я не в курсе поступивших заявлений, — сказал Фомин.

— Ну что же, посмотрим, в чём меня хотят обвинить, — ответил я Фомину.

На другой день действительно собрались человек 80 коммунистов и меня пригласили на собрание. Откровенно говоря, я немного волновался и мне было как-то не по себе, тем более что в то время очень легко пришивали ярлык „врага народа“ любому честному коммунисту.

Собрание началось с чтения заявлений некоторых командиров и политработников 4, 24, 7-й дивизий. В заявлениях указывалось, что я многих командиров и политработников незаслуженно наказал, грубо ругал и не выдвигал на высшие должности, по мнению которых, умышленно замораживал опытные кадры, чем сознательно наносил вред нашим вооружённым силам. Короче говоря, дело вели к тому, чтобы признать, что в воспитании кадров я применял вражеские методы. После зачитания ряда заявлений начались прения. Как и полагалось, выступили в первую очередь те, кто подал заявления.

На мой вопрос, почему так поздно подано на меня заявление, так как прошло полтора-два года от событий, о которых упоминается в заявлениях, ответ был дан:

— Мы боялись Жукова, а теперь время другое, теперь нам открыли глаза арестами.

Второй вопрос: об отношении к Уборевичу, Сердичу, Вайнеру и другим „врагам народа“ Спрашивается, почему Уборевич при проверке дивизии обедал лично у вас, товарищ Жуков, почему к вам всегда так хорошо относились „враги народа“ Сердич, Вайнер и другие?

Затем выступил начальник политотдела 4-й кавдивизии С. П. Тихомиров. Все присутствовавшие коммунисты ждали от него принципиальной политической оценки деятельности командира-единоначальника, с которым он проработал несколько лет в дивизии. Но, к сожалению, его речь была ярким примером приспособленца. Он лавировал между обвинителями, а в результате получилась беспринципная попытка уйти от прямого ответа на вопросы: в чём прав и в чём не прав Жуков? Тихомиров уклонился от прямого ответа. Я сказал коммунистам, что ожидал от Тихомирова объективной оценки моей деятельности, но этого не получилось. Поэтому скажу, в чём я был не прав, а в чём прав, чтобы отвергнуть надуманные претензии ко мне.

Первый вопрос о грубости. В этом вопросе, должен сказать прямо, что у меня были срывы и я был не прав в том, что резко разговаривал с теми командирами и политработниками, которые здесь жаловались и обижались на меня. Я не хочу оправдываться в том, что в дивизии было много недочётов в работе личного состава, много проступков и чрезвычайных происшествий. Как коммунист, я прежде всего обязан был быть выдержаннее в обращении с подчинёнными, больше помогать добрым словом и меньше проявлять нервозность. Добрый совет, хорошее слово сильнее всякой брани. Что касается обвинения в том, что у меня обедал Уборевич — „враг народа“, должен сказать, что у меня обедал командующий войсками округа Уборевич. Кто из нас знал, что он „враг народа“? Никто. Что касается хорошего отношения ко мне со стороны Сердича и Вайнера — могу сказать, что мы все должны бороться за то, чтобы были хорошие отношения между начальниками и подчинёнными. Вы правы, критикуя моё плохое отношение к некоторым командирам, но не правы критиковать меня за хорошее отношение ко мне Сердича и Вайнера. За это, скорее, надо было бы похвалить, чем бросать двусмысленные намёки и бездоказательные обвинения.

Что касается замечания начальника политотдела 4-й кавдивизии Тихомирова о том, что я недооцениваю политработников, то должен сказать прямо: да, действительно, я не люблю и не ценю таких политработников, как, например, Тихомиров, который плохо помогал мне в работе в 4-й кавдивизии и всегда уходил от решения сложных вопросов, проявляя беспринципную мягкотелость, нетребовательность, даже в ущерб делу. Такие политработники хотят быть добрыми дядюшками за счёт дела, но это не стиль работы большевика. Я уважаю таких политработников, которые помогают своим командирам успешно решать задачи боевой подготовки, умеют сами работать засучив рукава, неустанно проводя в жизнь указания

партии и правительства, и, не стесняясь, говорят своему командиру, где он не прав, где допустил ошибку, чтобы командир учёл в своей работе и не допускал бы промахов.

Организаторы этого собрания, видимо, рассчитывали на то, чтобы исключить меня из партии или, в крайнем случае, дать строгое партийное взыскание, но коммунисты не пошли на это.

После критических выступлений собрание приняло решение, которое явилось для меня серьёзной помощью. В решении партактива было сказано: „Ограничиться обсуждением вопроса и принять к сведению объяснение товарища Жукова Г. К.“

Откровенно говоря, для меня выступление начальника политотдела 4-й кавалерийской дивизии С. П. Тихомирова было несколько неожиданным. Мы работали вместе около четырёх лет. Жили в одном доме. Как начальник политотдела и мой заместитель по политчасти он меня, безусловно, не удовлетворял, но в частной жизни, как человек, он был хороший во всех отношениях и ко мне всегда относился с большим тактом и уважением. Он всегда подчёркивал, что как единоначальник я являюсь полноценным политическим руководителем и пользуюсь настоящим партийным авторитетом у командного состава, в том числе и у политработников.

Когда кончилось собрание партийной организации, я не утерпел и спросил Тихомирова:

— Сергей Петрович, вы сегодня обо мне говорили не то, что всегда, когда мы работали вместе в дивизии. Что соответствует истине — ваши прежние суждения обо мне или та характеристика, которая была дана вами сегодня?

Он ответил:

— Безусловно, та, что всегда говорил. Но то, что сегодня сказал, — надо было сказать.

Я вспыхнул и ответил:

— Я очень жалею, что когда-то считал тебя принципиальным товарищем, а ты просто приспособленец.

С тех пор я перестал считать его своим товарищем. При встречах с ним отвечал только на служебные вопросы.

Прошло около 20 лет. Когда был уже министром обороны, я получил от Тихомирова три письма. В них он писал, что ему очень хочется встретиться со мной и поговорить по душам о совместной работе и много ещё о чём. Я не ответил ни на одно его письмо, так как считал, что даже время не могло загладить ту несправедливость, которую он допустил по отношению ко мне.

Хорошо, что парторганизация тогда не пошла по ложному пути и сумела разобраться в существе вопроса. Ну а если бы парторганизация послушала Тихомирова и иже с ним, что тогда могло получиться? Ясно, моя судьба была бы решена в застенках НКВД, как и многих других наших честных людей».

В этом отрывке мемуаров полководца, быть может, как нигде чувствуется его характер. Напористый, порой взрывной, прямолинейный. Именно эта прямолинейность и бесхитростное желание идти до конца, граничащие с грубоватостью, возможно, в тот раз и спасли Жукова. Коммунисты партактива 3-го кавкорпуса выслушали его доводы, хорошо зная его характер и темперамент, а также командирский опыт и партийную надёжность, «приняли к сведению» всю полученную информацию и благополучно для всех сторон ограничились «обсуждением вопроса». В руки сотрудников НКВД своего товарища не отдали, тем самым спасли для грядущих побед талантливого полководца.

Так что кружили чёрные вороны и над головой Жукова. Плотно кружили...

В личном деле маршала хранится выписка из одного донесения. Донесение или донос, судите сами. Поступил этот документ «куда следует» буквально накануне осенних манёвров. Будто некто стремился предупредить события, в которых командир 4-й кавдивизии снова может продемонстрировать высокую боевую выучку своих полков и отличиться.

«Выписка из донесений ПУОКРА и политорганов ЛВО на лиц ком. и нач. состава, проявивших отрицательные настроения и о которых поступили те или другие компрометирующие заявления военнослужащих.

Московский военный округ.

Жуков — командир 4-й кавдивизии (БВО).

Группа слушателей Академии им. Фрунзе из БВО и 4-й кд прямо заявляет, что Жуков был приближённым Уборевича, во всём ему подражал, особенно по части издевательств над людьми.

ВРИД начальника ОРПО ПУ РККА

Дивизионный комиссар КОТОВ.

10 августа 1937 года».

Какие «отрицательные настроения» «проявлял» Жуков, проходя учёбу в Ленинграде, в доносе не сказано. Донос вообще для тех времён и нравов классический. Ничего конкретного, никаких имён свидетелей — «группа слушателей...». При сколько-нибудь внимательном прочтении понимаешь,

что «компрометирующие заявления» заключаются в том, что Жуков подражал Уборевичу, «особенно по части издевательств над людьми». Донос, требующий предварительного разбора товарищей по партии. Так что в жернова НКВД командиры РККА попадали не сразу. Их туда сталкивали товарищи по оружию. Более преданные делу строительства Красной армии и повышению её боеспособности, более партийно выдержанные, более правильные в личной жизни.

Возможно, если бы «товарищи по партии» на собрании такого же партактива 27 июня 1937 года не исключили из ВКП(б) комдива К. К. Рокоссовского с формулировкой «за потерю классово-бдительности», а спустя месяц он не был бы уволен из РККА «по служебному несоответствию», то в августе во Внутренней тюрьме УГБ при НКВД по Ленинградской области не выбивали бы зубы, не плющили бы молотком пальцы ног и не выводили бы во двор для имитации расстрела у стены со следами пуль. Допросами с пристрастием руководил сам начальник Ленинградского УНКВД Заковский, революционер со стажем. К тому времени боевых орденов у него было столько, сколько у подследственного Рокоссовского и комдива Жукова вместе взятых. Даже медаль «XX лет РККА» он успел получить в феврале 1938 года и поносить её до августа, когда был арестован и расстрелян — о, ирония истории! — как германский, польский и английский шпион. Кстати, не реабилитирован ни после смерти Сталина, ни потом.

Однако стоит упомянуть и о том, что Жуков в этот мрачный для командного состава Красной армии период владел охранной грамотой, которая и спасала его и от партийных чиновников, и от завистников, и от следователей НКВД: покровительством главных кавалеристов Советского Союза Ворошилова и Будённого. Оба они в своё время дали Жукову, как командиру и единоначальнику, превосходные аттестации, в том числе и по партийной принадлежности — «твёрдый, выдержанный член партии...».

Но вернёмся в 1937 год.

Одиннадцатого июня 1937 года в Москве Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР на закрытом судебном заседании рассмотрело дело М. Тухачевского, И. Якира, И. Уборевича, Р. Эйдемана и др. Обвинение: шпионаж, измена родине, подготовка террористических актов... В тот же день в 23 часа 35 минут председательствующий В. В. Ульрих огласил приговор — высшая мера наказания — расстрел. 12 июня 1937-го приговор был приведён в исполнение.

Любопытная деталь: в первом издании своих мемуаров Жуков упомянул о репрессиях лишь вскользь. Вот как отреагировал на это

обстоятельство биограф маршала писатель Владимир Карпов: «Читая первое издание книги Г. К. Жукова „Воспоминания и размышления“, я удивился, что Георгий Константинович, называя своих командиров — Уборевича, Сердича и многих других, говорит об их высоких командирских качествах, прекрасных отношениях с ними и на этом ставит точку. А о том, что они были расстреляны, он, прямой и смелый человек, упоминает вскользь или вообще умалчивает. Всё это выглядело тем более странно, что книга была написана им уже после XX съезда КПСС — первое её издание вышло в 1969 году, когда вроде бы не было причин для недомолвок или умолчания».

И далее Владимир Карпов рассказывает о том, в каком виде попала ему в руки рукопись маршала: «...на её полях замечания „руководящих товарищей“, которые высказывали пожелания не только по поводу репрессий, но и по поводу освещения тех или иных боевых действий, оценок некоторых генералов и т. д.». По мнению Владимира Карпова, из рукописи маршала изъяты «целые страницы, особенно то, что касалось репрессий».

Четыре года спустя бывший посол США в СССР (1937–1938) Джозеф Девис размышлял наедине со своим дневником: «Сегодня мы знаем, благодаря усилиям ФБР, что гитлеровские агенты действовали повсюду, даже в Соединённых Штатах и Южной Америке. Немецкое вступление в Прагу сопровождалось активной поддержкой военных организаций Гелена. То же самое происходило в Норвегии (Квислинг), Словакии (Тисо), Бельгии (де Грелль)... Однако ничего подобного в России мы не видим. „Где же русские пособники Гитлера?“ — спрашивают меня часто. „Их расстреляли“, — отвечаю я. Только сейчас начинаешь сознавать, насколько дальновидно поступило советское правительство в годы чисток».

Даже если в размышлениях бывшего американского посла в России есть лишь доля истины, над этим стоит глубоко задуматься. К сожалению, по этой теме исследованы далеко не все исходные материалы, а некоторые свидетельства погибли вместе с их носителями — следователями и надзирателями, которые допрашивали причастных и терзали невинных.

Во время повальной волны «чисток» в Красной армии, конечно же, пострадало, погибло много невинных. Коса наркома НКВД Ежова, этого маленького злобного человека, как свидетельствуют современники, страдавшего комплексом неполноценности как раз по поводу своего небольшого роста, оказалась огромная, и размахивал он ею широко... Пока позволял Сталин.

С одной стороны, НКВД — если следовать одной из версий — в 1937–

1938 годах действительно выкосил из Красной армии «пятую колонну». Но надо признать и очевидное: «дальновидность» советского правительства, о которой говорит американец, очень дорого нам обошлась и ударила по армии, её боеспособности и кадровому составу, пожалуй, в той же мере, в какой (если признавать наличие «пятой колонны») и помогла ей избавлением от внутренних врагов. Ведь судя по результатам предвоенных манёвров, аналитическим разборам, ныне опубликованным и доступным, «командиры, репрессированные в 37-м», действительно «не сумели подготовить Красную армию к войне с Германией, ибо не сумели (или не захотели) обучить свои войска»^[51].

Исторический термин «пятая колонна» родился именно тогда. А точнее — в октябре 1936 года. В те дни, когда Жуков обмывал только что вручённый ему орден Ленина, испанский генерал, командующий армией франкистов Эмилио Мола, перед атакой на Мадрид, который храбро защищали республиканцы, передал по радио обращение к жителям столицы, и в нём, в частности, он сообщал, что наступать на осаждённый город он намерен четырьмя колоннами, но у него в резерве есть и пятая, которая уже находится в Мадриде, и она ударит в спину противнику в самый решительный момент битвы.

Накануне Второй мировой войны самые дальновидные и жестокие правители государств постарались избавиться от «пятой колонны». Как известно, Гитлер в Германии позаботился об этом заблаговременно. Была проведена чистка рядов от ненадёжных и скомпрометировавших себя. К примеру, министр имперской обороны фельдмаршал Бломберг был вынужден уйти в отставку из-за скандала: пресса шумела по поводу того, что он женился на бывшей проститутке. Командующего сухопутными силами генерала фон Фрича обвинили в гомосексуализме и отстранили от должности. Оба выступали против планов Гитлера, опасаясь прежде всего того, что агрессия в отношении соседних стран приведёт Германию к ещё большему краху, чем это произошло в результате Первой мировой войны. Вместе с высокопоставленными диссидентами из вермахта были уволены «шестнадцать поддерживающих их генералов, а сорок четыре сняты с должностей». По некоторым данным, из германской армии в связи с историей Бломберга и Фрича было уволено до тысячи офицеров. Таким образом, «большая чистка» была проведена и в германских вооружённых силах. Правда, без стрельбы в затылок. Те, кто пострадал несправедливо, впоследствии были восстановлены в должности и звании и воевали на Западном, на Восточном фронтах и в Африке.

Но есть и другая правда. Многие немецкие офицеры и штатские, не

расстрелянные в 1938 году, были расстреляны в 1944-м после неудачной попытки покушения на фюрера. Значит, все эти годы камень за пазухой всё же носили.

Во всяком случае, когда вермахт вторгся в пределы СССР и захватил громадные территории, по нынешней географии целые страны, «пятая колонна», которая, несомненно, у нас существовала и в меру своих сил и возможностей действовала, не смогла сплотиться в сколько-нибудь боеспособное формирование. А потому гражданская война в 1941–1945 годах в нашей стране не началась. Как бы её ни провоцировали в тылу Красной армии, в частности на Северном Кавказе.

В то же время нельзя не задуматься над мыслью Жукова, изъятой из первого издания «Воспоминаний и размышлений»: «Уборевич больше занимался вопросами оперативного искусства и тактикой. Он был большим знатоком и того и другого и непревзойдённым воспитателем войск. В этом смысле он, на мой взгляд, был на три головы выше Тухачевского, которому была свойственна некоторая барственность, небрежение к черновой повседневной работе. В этом сказывалось его происхождение и воспитание».

Иероним Петрович Уборевич успел заложить много прочных камней в строительство Красной армии. Особенно в воспитание командирских кадров. Его учениками были несколько будущих маршалов Великой Отечественной войны. В их числе Иван Степанович Конев.

Конев, служа в Белорусском военном округе в те же годы, что и Жуков, командовал 37-й (Речица), а затем элитной 2-й стрелковой дивизией им. М. В. Фрунзе (минское направление). Кстати, так же как и Жуков, в августе 1936 года, за прекрасную боевую выучку войск и успешные действия во время очередных манёвров был награждён боевым орденом, правда, более скромным — Красной Звезды.

И Жуков, и Конев впоследствии, размышляя о массовых репрессиях в Красной армии, говорили о том, что расстрел Уборевича — большая потеря для войск. Тем более в самый канун войны.

Сетования Жукова на то, что армия перед германским вторжением испытывала дефицит командиров высшего звена, опровергаются статистикой, согласно которой «после репрессий 1937-го в армии, особенно на уровне среднего и высшего командного звена число генералов, закончивших Академию им. Фрунзе, заметно возросло». В этот период уже была хорошо отлажена система переподготовки командного состава РККА. Через различные курсы, в том числе академические, прошли будущие генералы и маршалы Советского Союза Василевский, Ватутин, Баграмян,

Малиновский.

Репрессированные маршалы и краскомы в своё время на родине учиться не пожелали и, когда появилась такая возможность, устремились в Германию. Что и говорить, в кругах советской элиты, в том числе военных, европейское образование всегда ценилось выше отечественного. В 1927 году «по обмену опытом» в Германию в длительные командировки ездили Уборевич, начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе Эйдеман, начальник 3-го Управления РККА Аппога. Уборевич в 1928 году окончил в Германии Высшую военную академию. В 1929 году Военную академию германского Генерального штаба окончил Якир. Учились в Германии Примаков, Дубовой, Левандовский, Урицкий. Многие из них окончили двухлетние курсы рейхсвера. Все трое, кроме Дубового, были расстреляны. А Иван Дубовой стал талантливым танковым командиром. Войну закончил в Германии командиром танкового корпуса, Героем Советского Союза.

Завершим тему репрессий в РККА цифрами, опубликованными совсем недавно.

В 1937–1938 годах органы НКВД арестовали 9500 военнослужащих. Кроме того, за «порочащие связи с врагами народа» были уволены 14 600 человек. Многие уволенные сразу же подали документы на реабилитацию. Их дела разбирала специально созданная в августе 1938 года Комиссия при Наркомате обороны СССР. По представлению комиссии в мае 1939 года было принято решение о возвращении в Красную армию 12 461 командира. Троцкистский заговор был раздавлен, «пятая колонна» прекратила своё существование, и проблема уволенных из армии из разряда политической перешла в разряд кадровой. Известно, что в первые месяцы войны многие уволенные из РККА командиры, в том числе полковники и подполковники, работавшие на различных гражданских должностях, явились в военкоматы, им были возвращены звания, они получили назначения в соответствии со своими званиями. Командовали полками, дивизиями, корпусами и войну закончили генералами, героями Советского Союза.

И — личное наблюдение. Много работая в архивах и знакомясь с документами уровня батальон — полк — дивизия — армия, я всего лишь два раза встречал случай, когда дивизией командовали майоры, и трижды-четырежды — когда на полки назначались капитаны. Первый случай: в 1941 году под Тулой и Наро-Фоминском майор вывел свой полк из окружения при всей артиллерии и сразу же был назначен командиром одной из дивизий 50-й армии. Что касается капитанов: в 1942 году в окружённой под Вязьмой Западной группировке 33-й армии, когда погибли многие командиры полков — полковники, подполковники и майоры, —

остатки полков из окружения выводили капитаны из числа уцелевших комбатов. Нигде в документах не встречал, чтобы стрелковыми полками командовали лейтенанты или даже старшие лейтенанты. Конечно, война была огромна, и где-нибудь, в какой-то период, возможно, каким-то полком мог командовать и старшина, и сержант... Но мы рассматриваем типичные случаи, о которых говорят: «Как правило...» Так что тезис: «Полками командовали младшие лейтенанты» — с полной уверенностью можно отнести к жанру сомнительной истории и горячей публицистики.

Недавно опубликованные многочисленные документы и свидетельства подтверждают тот печальный факт, что в частях западных военных округов, Белорусского (Уборевич) и Киевского (Якир), процветали очковтирательство, приписки, что уровень боевой подготовки не соответствовал отчётам и донесениям.

В некоторых частях командиры орудий не умели подать команду расчёту, а расчёт не умел стрелять. Командиры танков не умели управлять экипажем, а экипаж не владел навыками взаимодействия в бою с другими машинами. Командиры стрелковых отделений не знали своих обязанностей в бою. В Белорусском военном округе «был отмечен случай, когда младший командир со спокойной душой обучал бойцов наводке на пулемёте, который... был наклонен набок: одно колесо значительно выше другого». В некоторых подразделениях инструкторы учили бойцов заряжать винтовку перед ротной шеренгой, одна винтовка на 100 человек. Когда бойцу давали оружие в руки, он не знал, как с ним обращаться. Пулемётчики не знали пулемётов.

После того как из этих округов выкосили самых образованных и талантливых, бойцов учили военному делу менее талантливые. Но преданные и трудолюбивые.

Глава пятнадцатая

Третья война и первый триумф

«Операция, которую я до сих пор люблю...»

Однажды в споре историков я услышал такую фразу: «Зрелость Жукова при Халхин-Голе необъяснима». В развитие этого тезиса снова всплыла версия о том, что якобы и Жукова вместе с «красными маршалами» в конце 1920-х годов или в начале 1930-х обучили искусству вождения войск германские специалисты.

Конечно, это очередные выдумки. Для чего? Да всё для того же, чтобы убедить население, что простой русский юноша из калужской деревни, выходец из бедняцкой семьи не мог достичь таких высот благодаря лишь врождённым способностям, упорству и рвению, то есть таланту и характеру.

Говорят, когда Жукову в Смоленск, где находился штаб Белорусского военного округа, позвонили из Москвы и приказали срочно прибыть в Наркомат обороны к Ворошилову, он, хорошо понимая, что о причинах вызова спрашивать не должен, всё же уточнил: «Шашку брать?»

Поехал в Москву без шашки. С чемоданчиком, где лежало бельё и всё необходимое в дороге. Время было тревожное, и этот чемоданчик с дежурным бельём Жуков принёс в свой рабочий кабинет в первый же день. И вот — пригодился.

В Москву убыл первым же поездом, даже не заехав домой.

В разговоре, записанном Константином Симоновым, о своей неожиданной командировке на восток Жуков рассказывал: «На Халхин-Гол я поехал так — мне уже потом рассказали, как всё это получилось. Когда мы потерпели там первые неудачи в мае — июне, Сталин, обсуждая этот вопрос с Ворошиловым в присутствии Тимошенко и Пономаренко, тогдашнего секретаря ЦК Белоруссии, спросил Ворошилова: „Кто там, на Халхин-Голе, командует войсками?“ — „Комбриг Фекленко“. — „Ну, а кто этот Фекленко? Что он из себя представляет?“ — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что не может сейчас точно ответить на этот вопрос, лично не знает Фекленко и не знает, что тот из себя представляет. Сталин недовольно сказал: „Что же это такое? Люди воюют, а ты не представляешь себе, кто у тебя там воюет, кто командует войсками? Надо туда назначить кого-то другого, чтобы исправил положение и был способен действовать

инициативно. Чтобы мог не только исправить положение, но и при случае надавать японцам“. Тимошенко сказал: „У меня есть одна кандидатура — командира кавалерийского корпуса Жукова“.

„Жуков... Жуков... — сказал Сталин. — Что-то я помню эту фамилию“ Тогда Ворошилов напомнил ему: „Это тот самый Жуков, который в 37-м прислал вам и мне телеграмму о том, что его несправедливо привлекают к партийной ответственности“. — „Ну, и чем дело кончилось?“ — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что ничем, — выяснилось, что для привлечения к партийной ответственности оснований не было.

Тимошенко охарактеризовал меня с хорошей стороны, сказал, что я человек решительный, справлюсь. Пономаренко тоже подтвердил, что для выполнения поставленной задачи это хорошая кандидатура.

Я в это время был заместителем командующего войсками Белорусского военного округа, был в округе в полевой поездке. Меня вызвали к телефону и сообщили: завтра надо быть в Москве. Я позвонил Сусайкову. Он был в то время членом Военного совета Белорусского округа. Тридцать девятый год всё-таки, думаю, что значит этот вызов? Спрашиваю: „Ты стороной не знаешь, почему вызывают?“ Отвечает: „Не знаю. Знаю одно: утром ты должен быть в приёмной Ворошилова“. „Ну что ж, есть!“

Поехал в Москву, получил приказание: лететь на Халхин-Гол и на следующий день вылетел».

Прежде чем отправиться к новому месту службы, Жуков навестил московскую родню. Сразу из Генштаба поехал в Брюсов переулок к двоюродному брату Михаилу Михайловичу Пилихину. Родные хоть и не ждали его, да ещё в столь поздний час, но встретили, как всегда, радушно.

Пока Клавдия Ильинична накрывала на стол, а брат бегал в ночной магазин за водкой, Жуков написал жене письмо. Узнав о его вызове в Москву, Александра Диевна разрыдалась — испугалась, что мужа арестуют. Насмотрелась на аресты в гарнизоне. На то, как офицерские жёны и дети в один момент остаются без мужей и отцов, без крыши над головой, без средств к существованию... Он с трудом успокоил её, уговорил, чтобы до его весточки из Москвы сидела дома и ничего не предпринимала самостоятельно, ни с кем не обсуждала его отъезд и вообще поменьше разговаривала, даже с самыми надёжными подругами. Знал её характер — сгоряча могла наговорить много лишнего.

«21.30. 24.5.39. Из Москвы в Смоленск.

Милый Шурик!

Сегодня был у наркома. Принял исключительно хорошо. Еду в продолжительную командировку. Нарком сказал: заряжать надо примерно на 3 месяца. К тебе у меня просьба такая: во-первых, не поддавайся хныканью, держись стойко и с достоинством, постарайся с честью перенести неприятную разлуку. Учти, родная, что мне предстоит очень тяжёлая работа, и я, как член партии, командир РККА, должен её выполнить с честью и образцово. Ты ж меня знаешь, что я плохо выполнять службу не приучен, но для этого мне нужно быть спокойным за тебя и за дочурок. Я тебя прошу это спокойствие мне создать. Напряги все свои силы, но этого добейся, иначе ты не можешь считать себя моим другом жизни. Что касается меня, то будь спокойна на 100 процентов.

Ты меня крепко напоследок обидела своими слезами. Ну что ж, понимаю, тебе тоже тяжело.

Целую тебя крепко, крепко. Целую моих милых дочурок.
Ваш Жорж».

Жуков понял — его посылают на войну. Сомнений не было. Но воевать придётся не кавалерией. Так что по поводу шашки Ворошилов его не обманул. А вначале сердце дрогнуло, когда услышал, что — без шашки...

Нарком вкратце назвал группировку: пехота, артиллерия, авиация, танки и мотомехчасти. Кавалерии совсем мало, несколько эскадронов. По данным разведки, кавалерия была на той стороне, у противника — несколько полков баргутов. Баргуты — древнее племя, когда-то обитавшее в Забайкалье, а теперь живущее во Внутренней Монголии, хорошие воины, прирождённые наездники. В их жилах смешались три крови — монгольская, бурятская и тунгусская. Основной же силой, с которой предстояло драться, были японцы.

Что же предшествовало срочной командировке Жукова на восток?

В 1937 году Англия начала искать пути дружбы с Германией, даже ценой своих интересов во Франции. 21 мая посол Германии в Англии фон Риббентроп пригласил в посольство для приватной беседы Черчилля, в то время рядового члена парламента. Отстранённый от активной политики, Черчилль основное время проводил в своём имении Чартвилл. Занимался живописью и писал очередную книгу. Одним словом, скучал без дела. Но немцы прекрасно понимали политический вес, влияние в парламенте Великобритании да и военный потенциал этого человека. Риббентроп заявил, что Гитлер склонен к тому, чтобы гарантировать целостность Британской империи со всеми её колониями. Черчилль в свойственной ему манере даже лаконичные монологи превращать в афоризмы ответил, что

«эту задачу уже несколько столетий выполняет британский флот». Разговор затянулся. В конце концов Риббентроп подошёл к карте, сказал, что рейх нуждается в жизненном пространстве, и жестом очертил то «жизненное пространство», в котором «нуждается рейх»: всю Польшу, всю Украину, всю Белоруссию и Прибалтику. Черчилль ответил, что хотя англичане «находятся в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидят коммунизм так же, как Гитлер, они всё же не ненавидят её настолько».

— В таком случае, — сказал Риббентроп, — война неизбежна.

Правительство Чемберлена ещё какое-то время пыталось лавировать. Вернее, англичане вкупе с французами, оттягивая неизбежное, потихоньку скармливали молодому хищнику, одетому в униформу цвета фельдграу, Восточную Европу. В сентябре 1938 года по Мюнхенскому стовору, подписанному Англией, Францией, Германией и Италией, германские войска вошли в Судетскую область Чехословакии. Жадные до неосторожности поляки тут же потребовали свою долю от распадающейся Чехословакии — спорную Тишинскую область. При этом Польша пыталась пойти и дальше: обдумывала «возможность присоединения Варшавы к Антикоминтерновскому пакту», с условием, что Германия уступит ей Украину с выходом к Чёрному морю. Застарелая болезненная мечта Речи Посполитой не давала покоя и толкала поляков на роковые ошибки. Германия же продолжала давить на Англию и Францию, требуя новых уступок и земель. На очереди была проблема «Данцигского коридора», которую Европе, ступившей на путь компромисса, необходимо было решать в пользу Германии. Более того, в британских газетах появлялись статьи с заголовками вроде «Если немцы так могущественны, не должны ли мы пойти вместе с ними?»^[52]. Сбывалось пророчество Черчилля, произнесённое им в речи в палате общин: «У вас был выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье, теперь вы получите войну».

И война началась.

В апреле 1939 года Гитлер отдал приказ о подготовке операции «Вайс» — вторжение в Польшу. Вермахт атаковал польские пограничные заставы 1 сентября. Общее командование блицкригом в Польше будет осуществлять генерал-полковник фон Браухич. Армиями и танковыми группами — генералы Гудериан, фон Клюге, Лист, фон Рунштедт, фон Кюхлер.

Германские и словацкие дивизии стягивались к польской границе. В состоянии повышенной боевой готовности были приведены и части Красной армии, дислоцированные в западных особых военных округах — Белорусском и Киевском.

Жуков отбыл в противоположную сторону, за тысячи километров от

вулкана, где уже созрела лава новой мировой войны. Его задачей было умирение японцев и их союзников в Маньчжурии. Здесь Япония энергично создавала мощный плацдарм для нападения на СССР, Монголию и Китай.

Летом 1938 года у озера Хасан состоялась проба сил. Японцы атаковали небольшими силами, и их хорошенько оттрепали.

Осенью того же 1938 года японский Генштаб разработал план полномасштабной войны против МНР и СССР: оккупация Монгольской Народной Республики и советского Приморья. В случае успеха, «если проба сил у Халхин-Гола покажет, что Япония в состоянии победить СССР, то в действие вступал план, согласно которому японский Генштаб планировал перерезать Транссибирскую магистраль, отторгнуть Дальний Восток от остальной части Советского Союза». Публикации последних лет проливают более ясный свет на замысел этой операции: по свидетельству одного из бывших офицеров японского Генерального штаба, «основной стратегический замысел японского командования по этому плану заключался в том, чтобы сосредоточить в Восточной Маньчжурии главные военные силы и направить их против советского Дальнего Востока. Квантунская армия должна была захватить Уссурийск, Владивосток, а затем Хабаровск и Благовещенск».

Начальник штаба Квантунской армии генерал Итагаки говорил, что Монголия очень важна «с точки зрения япономаньчжурского влияния сегодняшнего дня, ибо она является флангом обороны Транссибирской железной дороги, соединяющей советские территории на Дальнем Востоке и в Европе. Если Внешняя Монголия будет объединена с Японией и Маньчжоу-Го, то советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень тяжёлом положении и можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без особенных военных усилий. Поэтому целью армии должно быть распространение япономаньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами».

Замысел японцев: овладеть Монголией, прорваться к Байкалу, перехватить коммуникации, связывающие Дальний Восток с центром, и придушить его в постепенной блокаде. На создание таких колоссальных «котлов» не осмелятся даже немцы в самый пик их военного могущества и успехов на Восточном и Западном фронтах.

Японцы зарились на жирный кусок: руды, железо, уголь, скот, пастбища, лес, железная дорога, территория, равная Германии, Англии и Франции вместе взятых.

Однако наступать большими силами японцы не решались. Конфликт

сразу бы перерос в большую войну. Большая война уже вот-вот должна была вспыхнуть на Западе. Стоило немного подождать. Но до этого основательно укрепиться на своих передовых плацдармах, чтобы быть готовыми к нападению.

Поле битвы выбирали японцы. И выбрали его весьма удачно, выгодно расположив свои войска.

Что же представлял собой этот ландшафт, ставший после летне-осенних боёв 1939 года историческим?

Холмистая открытая местность пустыни Номонган. Пески с редкой растительностью. Балки, долины, сопки. И всю эту местность разрезала река Халхин-Гол. Ширина её 100–130 метров, глубина — до трёх метров. Берега крутые, местами заболоченные, а потому труднопроходимые для боевой техники. С востока тянется гряда сопок. Они возвышаются над местностью, главенствуют над окрестными холмами. В реку Халхин-Гол среди балок и песчаных котлованов впадает речка Хайластын-Гол. Именно она, эта небольшая речушка, разделит на две части район предстоящих боевых действий. Для советских войск и союзнических монгольских эта речка была помехой: она рассекала фланги, препятствовала взаимодействию частей правого и левого крыла.

Выбирая место для атаки, японцы рассчитывали на то, что в случае неудачи можно будет легко отступить, «не теряя лица», то есть вывести свои войска из-под удара.

Как отмечают историки, «с формальной точки зрения подобный инцидент выглядел бы как столкновение Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го (марионеточного государственного образования, созданного японцами после оккупации Маньчжурии). Фактически же за их спинами стояли Советский Союз и Япония. В январе 1936 года правительство Монголии обратилось к СССР с просьбой о военной помощи, а 12 марта 1936 года в Улан-Баторе был подписан протокол, в соответствии с которым в Монголии были размещены советские войска — 57-й особый стрелковый корпус».

Кстати, этот корпус формировал из войск группы усиления Монгольской народной армии и частей, дислоцированных в Забайкалье, комдив Иван Степанович Конев. Он был отозван из Белорусского военного округа в августе 1937 года и направлен в Читу. Конев за период с конца августа по начало сентября привёл корпус в Улан-Батор. Это был беспрецедентный марш-бросок крупного войскового соединения из Кяхты вглубь Монголии. 30 тысяч войск, 280 бронемашин, 265 танков, 107 самолётов различных типов. Части Квантунской армии в то время ничем

подобным не располагали. Когда мотомехчасти 57-го особого корпуса закончили сосредоточение в районе города Саин-Шанда, в 400 километрах к югу от Улан-Батора, разведка доложила, что подразделения Квантунской армии не двинулись с места. Все важнейшие коммуникации и перевалы были уже в руках коневцев. Конев за этот марш-манёвр получил звание комкора и орден Красного Знамени.

И вот наступало время Жукова. Что чувствовал наш герой накануне сражения, когда готовил войска к первому своему делу? Понимал ли он, осматривая в бинокль песчаные холмы и вереницу японских окопов на склоне Баин-Цагана, что перед ним лежит его Тулон?

Из рассказа Жукова Симонову: «Первоначальное приказание было такое: „Разобраться в обстановке, доложить о принятых мерах, доложить свои предложения“.

Я приехал, в обстановке разобрался, доложил о принятых мерах и о моих предложениях. Получил в один день одну за другой две шифровки: первая — что с выводами и предложениями согласны. И вторая: что назначаюсь вместо Фекленко командующим стоящего в Монголии особого корпуса».

Прибыв в расположение 57-го корпуса, Жуков застал штаб и войска в полурасхлябанном состоянии.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «К утру 5 июня^[53] мы прибыли в Тамцак-Булак, в штаб 57-го особого корпуса, где и встретились с командиром корпуса Н. В. Фекленко, полковым комиссаром М. С. Никишевым^[54] — комиссаром корпуса, комбригом А. М. Куцевым — начальником штаба и другими.

Докладывая обстановку, А. М. Куцев сразу же оговорился, что она ещё недостаточно изучена.

Из доклада было ясно, что командование корпуса истинной обстановки не знает. Я спросил Н. В. Фекленко, как он считает, можно ли за 120 километров от поля боя управлять войсками.

— Сидим мы здесь, конечно, далековато, — ответил он, — но у нас район событий не подготовлен в оперативном отношении. Впереди нет ни одного километра телефонно-телеграфных линий, нет подготовленного командного пункта, посадочных площадок.

— А что делается для того, чтобы всё это было?

— Думаем послать за лесоматериалами и приступить к оборудованию КП.

Оказалось, что никто из командования корпуса, кроме полкового

комиссара М. С. Никишева, в районе событий не был. Я предложил комкору немедленно поехать на передовую и там тщательно разобраться в обстановке. Сославшись на то, что его могут в любую минуту вызвать к аппарату из Москвы, он предложил поехать со мной М. С. Никишеву.

В пути комиссар подробно рассказал о состоянии корпуса, его боеспособности, о штабе, об отдельных командирах и политических работниках. М. С. Никишев произвёл на меня очень хорошее впечатление. Он знал своё дело, знал людей, их недостатки и достоинства.

Детальное ознакомление с местностью в районе событий, беседы с командирами и комиссарами частей наших войск и монгольской армии, а также со штабными работниками дали возможность яснее понять характер и масштаб развернувшихся событий и определить боеспособность противника. Были отмечены недостатки в действиях наших и монгольских войск. Одним из главных недочётов оказалось отсутствие тщательной разведки противника.

Всё говорило о том, что это не пограничный конфликт, что японцы не отказались от своих агрессивных целей в отношении Советского Дальнего Востока и МНР и что надо ждать в ближайшее время действий более широкого масштаба.

Оценивая обстановку в целом, мы пришли к выводу, что теми силами, которыми располагал наш 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозможно, особенно если начнутся одновременно активные действия в других районах и с других направлений.

Возвратившись на командный пункт и посоветовавшись с командованием корпуса, мы послали донесение наркому обороны. В нём кратко излагался план действий советско-монгольских войск: прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар из глубины. На следующий день был получен ответ. Нарком был полностью согласен с нашей оценкой обстановки и намеченными действиями. В этот же день был получен приказ наркома об освобождении комкора Н. В. Фекленко от командования 57-м особым корпусом и назначении меня командиром этого корпуса.

Понимая всю сложность обстановки, я обратился к наркому обороны с просьбой усилить наши авиационные части, а также выдвинуть к району боевых действий не менее трёх стрелковых дивизий и одной танковой бригады и значительно укрепить артиллерию, без чего, по нашему мнению, нельзя было добиться победы».

Пока небо контролировала японская авиация. Одиночные истребители

безнаказанно летали над территорией дислокации 57-го корпуса, гонялись за машинами, расстреливали их с воздуха.росло количество убитых и раненых. Это плохо действовало на общее настроение войск, которым в ближайшие дни предстояло вступить в бой.

Генштаб на предложение усилить группировку отреагировал мгновенно. Из Москвы и военных округов были направлены самолёты, укомплектованные лучшими экипажами. Главную ударную силу составляли асы-истребители — 21 Герой Советского Союза. Почти все прошли Испанию, имели большой опыт боёв. Командовал авиацией в небе над Халхин-Голом Герой Советского Союза «испанец» Яков Смушкевич^[55]. Обладая огромным боевым опытом и организаторскими способностями, Смушкевич быстро наладил воздушное патрулирование. Советские лётчики по сути дела накрыли непробиваемым куполом район действий наших войск, их сосредоточение и развёртывание.

Здесь непосредственно в бою были испытаны и отлично показали свои технические и огневые качества модернизированные И-16 и сверхманёвренные истребители-бипланы «Чайка»^[56]. Начались воздушные схватки. Японские лётчики, владевшие небом, конечно же, не хотели его уступать.

Двадцать второго июня с аэродромов противостоящих сторон взлетели 95 советских и 120 японских истребителей. Началась битва за небо. Позже Константин Симонов, наблюдавший события на Халхин-Голе глазами репортёра, напишет, что таких грандиозных воздушных боёв не видел даже во время Великой Отечественной. Бой истребителей длился три с половиной часа. Самолёты по нескольку раз садились для дозаправки и пополнения боекомплекта. Результат: сбито 32 японских самолёта, наши потери — 11.

Двадцать четвёртого июня японцы, уязвлённые неудачей двухдневной давности, залатали пробоины на крыльях своих истребителей «Накадзима» Ki-27^[57] и повторили налёт. И снова были избиты. Некоторые горящие машины падали прямо в реку.

В воздушных схватках с 22 по 28 июня японцы потеряли 90 самолётов. Наши потери — 38 машин. В июле напряжение в воздухе заметно ослабло.

На земле среди песчаных барханов и сопок война шла с переменным успехом. Стороны готовились к решающим боям. Накапливали силы, подтягивали войска, укрепляли оборону, подвозили боеприпасы. Усиленно действовала разведка.

Местность в районе боёв была открытая. Все передвижения войск —

как на ладони. Разведывательный самолёт поднимался в воздух, набирал высоту и — вот они, колонны противника: наноси на карту направление их движения, примерный численный состав, вооружение, типы танков и орудий...

В начале июля 1939 года 57-й корпус был преобразован в 1-ю армейскую группу. Несколькими днями раньше в Чите для обеспечения воюющей армейской группы сформировали Фронттовую группу. Первую возглавил комдив Жуков. Вторую — командарм 2-го ранга Штерн^[58]. Одновременно в районе боевых действий находился заместитель наркома обороны командарм 1-го ранга Кулик^[59]. Он выполнял ту роль, которую вскоре будут выполнять на фронтах представители Ставки.

Хроника решающих боёв на песчаных, продутых монгольскими ветрами берегах реки Халхин-Гол такова:

— второго июля японцы и баргутская кавалерия начали очередное наступление, противник форсировал реку и на западном берегу овладел господствующей высотой Баин-Цаган;

— в тот же день Жуков отдал приказ своему резерву (танковой бригаде и монгольскому бронедивизиону) контратаковать противника;

— четвёртого июля японская ударная группировка, оказавшись в полуокружении, понесла огромные потери;

— пятого июля «Баин-Цаганское побоище» стихло, и японские войска начали отход;

— восьмого июля ночью японцы вновь атаковали и потеснили наши подразделения, находившиеся за рекой на плацдарме;

— одиннадцатого июля Жуков подписал жёсткий приказ, после которого ряд командиров, уклонившихся от боя, и бойцов-«самострелов» были преданы суду военного трибунала;

— в тот же день японцы были атакованы частями 11-й танковой бригады, во время этой атаки погиб её командир комбриг Яковлев^[60];

— тринадцатого июля в наиболее напряжённые дни Жуков подписал приказ: «Тов. красноармейцы, командиры и политработники соединений и частей корпуса! На нас, сынов славного 170-миллионного народа, выпала высокая честь защиты трудовых масс МНР от презренных захватчиков, на нас возложена почётная задача разгрома самураев, попирающих мирный труд свободного народа МНР. Призываю вас к отваге, мужеству, смелости, храбрости и героизму! Смерть презренным трусам и изменникам! Суровая рука революционного закона и впредь будет беспощадно сметать с лица земли трусов и изменников. Честь и слава храбрым и смелым воинам

нашей славной РККА! Приказ довести до каждого бойца»;

— с тринадцатого на двадцать второе июля на фронте наступило затишье, обе противоборствующие группировки использовали его для проведения перегруппировки и отдыха, готовясь к решающему удару;

— двадцать третьего июля японские войска провели артподготовку и атаковали плацдарм на правом берегу, но после двухдневных боёв вынуждены были отступить на исходные позиции;

— снова начались воздушные бои, в ходе которых с 21 по 26 июля японские лётчики потеряли 67 самолётов, наши — 20;

— тридцать первого июля из Москвы пришёл указ о присвоении командиру 1-й армейской группы очередного воинского звания комкора;

— в августе шли усиленные консультации в рамках треугольника нарком Ворошилов — Штерн — Жуков по поводу предстоящего наступления, группировка накапливает силы, боеприпасы, продовольствие, горючее, усиленно работают разведка и штабы;

— в штабе 1-й армейской группы подготовлен план операции по разгрому 6-й армии японцев в районе реки Халхин-Гол;

— двадцатого августа в 6 часов 15 минут начались мощная артподготовка и авианалёт на заранее разведанные цели, после чего войска Жукова двумя ударными группировками атаковали фланги 6-й японской армии и оборону в центре;

— двадцать первого и двадцать второго августа японцы, придя в себя, начали контратаковать, на что Жуков отреагировал введением в дело резервной 9-й мотоброневой бригады;

— двадцать третьего августа, в самый пик напряжения, Жуков ввёл в бой свой последний резерв — 212-ю авиадесантную бригаду и две роты пограничников;

— двадцать четвёртого и двадцать пятого августа лётчики комкора Смушкевича успешно действовали бомбардировочной и истребительной авиацией: эскадрильи скоростных бомбардировщиков совершили 218 групповых вылетов и сбросили на склады, колонны живой силы и техники, на позиции 6-й японской армии и её тылы 96 тонн бомб, а истребителями в воздушных боях было сбито 70 японских самолётов;

— двадцать шестого августа ударные группировки правого и левого крыла армейской группы Жукова сомкнулись позади боевых порядков 6-й японской армии и начали энергично формировать «котёл»;

— в этот день Квантунская армия несколько раз предпринимала попытки деблокировать окружённых в районе Халхин-Гола — из Хайлара перебрасывались части 14-й пехотной бригады японцев и вводились в бой

на узком участке, но 80-й стрелковый полк, прочно врывшийся на северо-восточной кромке «Больших Песков», отбил все атаки извне;

— двадцать девятого и тридцатого августа бои продолжались на северном участке фронта в районе реки Хайластын-Гол, а к утру 31 августа на территории Монголии не было ни одного вооружённого солдата Квантунской армии — только пленные и мёртвые;

— четвёртого сентября два батальона японцев атаковали высоту Эрис-Улын-Обо на правом крыле фронта, но были жёстко отбиты, потеряв убитыми и пленными до 350 человек;

— восьмого сентября усиленный батальон японцев снова атаковал правый фланг 1-й армейской группы и снова атака была отбита с большими для него потерями.

Вот и всё. Солдаты 1-й армейской группы собирали по оврагам и воронкам в окрестностях Халхин-Гола и Баин-Цагана пленных и трофеи. В штабе Жукова подсчитывали свои потери. А тем временем Япония, разуверившись в силе своего оружия, спешила обезопасить себя иными, политическими средствами — через своего посла в Москве «обратилась к правительству СССР с просьбой о прекращении военных действий на монгольско-маньчжурской границе».

Сталин ликовал. Ему очень нужна была именно эта и именно такая, сокрушительная, победа. Победителей ждали награды.

Через несколько дней после того, как смолкли последние залпы, а солдаты трёх армий — Красной, Монгольской народно-революционной и Квантунской — похоронили своих погибших боевых товарищей, политики подписали «соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол, которое вступило в силу на следующий день».

Соглашение было подписано 15 сентября 1939 года. В это время далеко на Западе, в Польше, шла война. Германские танковые клинья при поддержке эскадрилий пикирующих бомбардировщиков кромсали польскую армию. Уже была окружена Варшава, шли бои на побережье. Завершилось окружение польских войск, которые не смогли противостоять германскому блицкригу, в гигантском «котле» между Вислой и Бугом. Солдаты и офицеры Войска польского, оказавшись в безвыходном положении, сдавались тысячами.

Англия и Франция объявили войну Германии.

Семнадцатого сентября Красная армия перешла польскую границу севернее и южнее Припятских болот. Официальным предлогом было «обеспечение безопасности украинцев, белорусов и евреев, проживающих

в восточных областях Польши» в обстоятельствах «полного распада государства».

Главные события происходили на Западе. Именно там вскипала история. И она ещё призовет нашего героя туда, на свои поля раздора. Но пока Жуков занимался последствиями малой войны за тысячи километров от Буга и Сана.

В первые дни наступившей тишины стороны, как уже было сказано, хоронили своих убитых.

Произошёл такой эпизод, который добавляет, как мне кажется, весьма важный штрих к характеристике Жукова.

Вначале вчерашние неприятели приняли решение об обмене пленными. Потом японцы, придерживаясь кодекса буси-до^[61], попросили советскую сторону разрешить им собрать тела убитых своих солдат и на территории, которая теперь им не принадлежала. Обычай предписывал: тело погибшего воина должно быть сожжено, а урна с прахом передана его семье. Советскую сторону смутила неожиданная просьба японцев. Побаивались и того, что это одна из уловок разведки Квантунской армии, что, возможно, сражение на берегах Халхин-Гола только начало войны. Переговоры стали затягиваться. Тогда японцы тонко упрекнули советскую сторону в атеизме и снова пояснили — «законы буддизма требуют, чтобы родные могли поклониться праху своих мертвецов». Переговорщики советской стороны попросили паузу, после которой объявили японской стороне, что согласие командующего войсками армейской группы комбрига Жукова получено и что их санитары могут приступить к сбору тел. Японские офицеры восприняли это решение с глубоким удовлетворением, и дальнейшие переговоры проходили под впечатлением великодушия победителей.

Много лет спустя бывший переводчик японской делегации майор Ньюмура в своих мемуарах рассказал о реакции офицеров и солдат Квантунской армии, когда они узнали о положительном решении советской стороны по поводу просьбы о погребении павших: Жуков признал высшую ценность религии, значит, он в первую очередь воин и только потом «настоящий коммунист».

Но ещё сильнее японцев впечатлил разгром их 6-й армии. Танковая атака под Баин-Цаганом. Налёты эскадрилий скоростных бомбардировщиков и губительный огонь советских истребителей. Стойкость пехоты. И мощь артиллерии.

Когда германские войска перейдут границы СССР и в поисках союзников всю зарежет дипломатия Третьего рейха, посол Германии в

Японии Отт в ответ на напоминание японской стороне о союзнических обязательствах услышит от принца Коноэ буквально следующее: «Японии потребуется ещё два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, который показала Красная армия в боях в районе Халхин-Гола».

Но и через два года японцы не осмелятся напасть на СССР.

Если брать в расчёты географию и статистику сторон участников боевых действий — общую численность и потери, то бои в районе Халхин-Гола потянут разве что на армейскую операцию, с большим допущением — на фронтовую. С ограниченными целями. Но учитывая контекст международных событий и их стилистику, Номонган для всех стал полномасштабной войной. С победителями и проигравшими. С трофеями и территориальными изменениями. Понимали это и в Москве, и в Токио, и в Улан-Баторе, и в Пекине, и в Берлине, и в Лондоне, и в Париже, и в Варшаве, и в Вашингтоне.

Нелегко дался Жукову его Тулон.

В военной публицистике существует старый спор о том, кто же автор этой тщательно продуманной, основательно подготовленной и с блеском проведённой операции на охват с последующим изолированным уничтожением 6-й армии японцев.

Как уже было упомянуто, в помощь Жукову нарком Ворошилов послал в район боевых действий двоих командармов 1-го ранга — Кулика и Штерна, обеспечив их высокими полномочиями, которые они понимали и трактовали настолько широко, что порой пытались командовать и войсками сражающейся 1-й армейской группы, и самим Жуковым. Но вскоре натолкнулись на мощный стержень его характера и отступили.

Когда на восточном берегу реки Халхин-Гол наши войска захватили плацдарм, расширили его и начали закрепляться, командующий Фронтальной группой Штерн проинспектировал этот участок фронта и 13 июля доложил Ворошилову: «По-видимому, противник, заслонившись охранением и прощупывая разведкой наши слабые места, готовит в ближайшие дни сильный удар с целью отбросить наши части в реку». В связи с этим дал свои рекомендации: «Пока подойдут новые части и подтянутся слабые, уменьшить число наших частей на восточном берегу, но прочно занять два небольших плацдарма, обеспечивающие переправы, которые использовать в последующем для перехода в наступление».

Ещё один «ценный совет» Жуков вскоре услышал от другого командарма 1-го ранга — Кулика.

Из беседы с Константином Симоновым: «На Баин-Цагане у нас

создалось такое положение, что пехота отстала. Полк Ремизова отстал. Ему оставался ещё один переход. А японцы свою 107-ю дивизию уже высадили на этом, на нашем берегу. Начали переправу в 6 вечера, а в 9 часов утра закончили.

Перетащили 21 тысячу. Только кое-что из вторых эшелонов ещё осталось на том берегу. Перетащили дивизию и организовали двойную противотанковую оборону — пассивную и активную. Во-первых, как только их пехотинцы выходили на этот берег, так сейчас же зарывались в свои круглые противотанковые ямы, вы их помните. А во-вторых, перетащили с собой всю свою противотанковую артиллерию, свыше ста орудий. Создавалась угроза, что они сомнут наши части на этом берегу и принудят нас оставить плацдарм там, за Халхин-Голом. А на него, на этот плацдарм, у нас была вся надежда. Думая о будущем, нельзя было этого допустить. Я принял решение атаковать японцев танковой бригадой Яковлева. Знал, что без поддержки пехоты она понесёт тяжёлые потери, но мы сознательно шли на это.

Бригада была сильная, около 200 машин. Она развернулась и пошла. Понесла очень большие потери от огня японской артиллерии, но, повторяю, мы к этому были готовы. Половину личного состава бригада потеряла убитыми и ранеными и половину машин, даже больше. Но мы шли на это. Ещё большие потери понесли бронебригады, которые поддерживали атаку. Танки горели на моих глазах. На одном из участков развернулось 36 танков, и вскоре 24 из них уже горело. Но зато мы раздавили японскую дивизию. Стёрли.

Когда всё это начиналось, я был в Тамцак-Булаке. Мне туда сообщили, что японцы переправились. Я сразу позвонил на Хамар-Дабу и отдал распоряжение: „Танковой бригаде Яковлева идти в бой“. Им ещё оставалось пройти 60 или 70 километров, и они прошли их напрямик по степи и вступили в бой.

А когда вначале создалось тяжёлое положение, когда японцы вышли на этот берег реки у Баин-Цагана, Кулик потребовал снять с того берега, с оставшегося у нас там плацдарма артиллерию — пропадёт, мол, артиллерия! Я ему отвечаю: если так, давайте снимать с плацдарма всё, давайте и пехоту снимать. Я пехоту не оставлю там без артиллерии. Артиллерия — костяк обороны, что же — пехота будет пропадать там одна? Тогда давайте снимать всё.

В общем, не подчинился, отказался выполнять это приказание и донёс в Москву свою точку зрения, что считаю нецелесообразным отводить с плацдарма артиллерию. И эта точка зрения одержала верх».

Можно себе представить, какого напряжения воли и характера стоили нашему герою эти консультации с вышестоящим начальством, постоянно находившимся рядом. Начальство пыталось постоянно давать указания и советы, одновременно докладывало наверх обо всём происходящем в армейской группе. При этом ни Штерн, ни Кулик не отвечали за главное — за результаты боёв. Жуков прекрасно понимал: случись провал — голову снесут прежде всего с его плеч.

Танковая атака у Баин-Цагана была, конечно же, риском. Но риском, который Жуков мгновенно просчитал: японцы успеют уничтожить какое-то количество танков бригады комбрига Яковлева, многие экипажи пожгут, но быстрые, как кавалерийские эскадроны, БТ-5 на колёсном ходу успеют добраться до японской ПТО раньше, чем те овладеют инициативой. Что и произошло. Перед Жуковым в пустыне Номонган стояла чрезвычайно сложная задача — быть осторожным (чтобы выжить) и одновременно смелым и решительным в своих действиях (чтобы победить).

Спустя годы он так оценивал своё тогдашнее положение и внутреннее состояние: «Первое тяжёлое переживание в моей жизни было связано с 37-м и 38-м годами. На меня готовились соответствующие документы, видимо, их было уже достаточно, уже кто-то где-то бегал с портфелем, в котором они лежали. В общем дело шло к тому, что я мог кончить тем же, чем тогда кончали многие другие. И вот после всего этого — вдруг вызов и приказание ехать на Халхин-Гол. Я поехал туда с радостью. А после завершения операции испытал большое удовлетворение. Не только потому, что была удачно проведена операция, которую я до сих пор люблю, но и потому, что я своими действиями там как бы оправдался, как бы отбросил от себя все те наветы и обвинения, которые скапливались против меня в предыдущие годы и о которых я частично знал, а частично догадывался. Я был рад всему: нашему успеху, новому воинскому званию, получению звания Героя Советского Союза. Всё это подтверждало, что я сделал то, чего от меня ожидали, а то, в чём меня раньше пытались обвинить, стало наглядной неправдой».

По всей вероятности, именно это лежало в основе его конфликта с командармами. В беседе с Константином Симоновым о Халхин-Голе Жуков рассказал о стычке со Штерном: «На третий день нашего августовского наступления, когда японцы зацепились на северном фланге за высоту Палец и дело затормозилось, у меня состоялся разговор с Григорием Михайловичем Штерном. Штерн находился там, и по приказанию свьше его роль заключалась в том, чтобы в качестве командующего Забайкальским фронтом обеспечивать наш тыл, обеспечивать группу войск,

которой я командовал, всем необходимым. В том случае, если бы военные действия перебросились и на другие участки, перерастая в войну, предусматривалось, что наша армейская группа войдёт в прямое подчинение фронта. Но только в этом случае. А пока что мы действовали самостоятельно и были непосредственно подчинены Москве.

Штерн приехал ко мне и стал говорить, что он рекомендует не зарываться, а остановиться, нарастить за два-три дня силы для последующих ударов и только после этого продолжать окружение японцев. Он объяснил свой совет тем, что операция замедлилась и мы несём, особенно на севере, крупные потери. Я сказал ему в ответ на это, что война есть война и на ней не может не быть потерь и что эти потери могут быть и крупными, особенно когда мы имеем дело с таким серьёзным и ожесточённым врагом, как японцы. Но если мы сейчас из-за этих потерь и из-за сложностей, возникших в обстановке, отложим на два-три дня выполнение своего первоначального плана, то одно из двух: или мы не выполним этот план вообще, или выполним его с громадным промедлением и с громадными потерями, которые из-за нашей нерешительности в конечном итоге в десять раз превысят те потери, которые мы несём сейчас, действуя решительным образом. Приняв его рекомендации, мы удесятерим свои потери.

Затем я спросил его: приказывает ли он мне или советует? Если приказывает, пусть напишет письменный приказ. Но я предупреждаю его, что опротестую этот письменный приказ в Москве, потому что не согласен с ним. Он ответил, что не приказывает, а рекомендует и письменного приказа писать мне не будет. Я сказал: „Раз так, то я отвергаю ваше предложение. Войска доверены мне, и командую ими здесь я. А вам поручено поддерживать меня и обеспечивать мой тыл. И я прошу вас не выходить из рамок того, что вам поручено“. Был жёсткий, нервный, не очень-то приятный разговор. Штерн ушёл. Потом, через два или три часа, вернулся, видимо, с кем-то посоветовался за это время и сказал мне: „Ну что же, пожалуй, ты прав. Я снимаю свои рекомендации“».

Штерн, должно быть, чувствовал себя не совсем уютно, исполняя обязанности снабженца при младшем по званию. Правда, у Жукова было больше командного опыта. Штерн же, судя по послужному списку, был больше комиссарской косточкой.

Операция по охвату 6-й японской армии, которой триумфально закончилось дело на Халхин-Голе, целиком готовилась в штабе Жукова. Порой её ошибочно приписывают штабу Штерна и лично ему. Это не так. Жукову повезло. В Монголии рядом с ним был надёжный заместитель,

талантливый штабной работник и член Военного совета 1-й армейской группы Михаил Андреевич Богданов^[62]. Вместе с оперативными работниками штаба он подготовил план окружения противника. Войска армейской группы план выполнили блестяще.

Москва не жалела наград. 70 человек были удостоены медали «Золотая Звезда»^[63] Героя Советского Союза, 83 — ордена Ленина, 595 — ордена Красного Знамени, 134 — ордена Красной Звезды, 33 — медали «За отвагу», 58 — медали «За боевые заслуги».

Солдатская медаль «За отвагу» на Халхин-Голе оказалась самой редкой наградой.

Жуков тогда получил свою первую золотую звезду. Всего их будет четыре.

Некоторые исследователи и публицисты, приверженцы теории «кровавых дел» Жукова, твёрдо стоящие на том, что, мол, он добывал победы исключительно большой кровью своих солдат и расстрелами, настаивают на том, что именно на Халхин-Голе впервые проявилась жестокость будущего маршала. Так что придётся нам затронуть эту трудную тему.

Что касается соотношения потерь, то мы об этом уже упоминали. Наши потери были значительно меньше японских. О расстрелах придётся рассказать подробнее.

И тогда, в монгольской пустыне, и через два года, когда начнётся другая война, Жукову не раз приходилось выправлять чужие огрехи, результаты чужой бездарности, слабоволия и откровенной трусости. В том числе — на войне как на войне — и так называемыми «расстрельными приказами». Лично, конечно, не расстреливал. Такого не было. Арест, следствие, трибунал, а там — как ляжет карта судьбы...

Хозяйство ему от комдива Фекленко досталось незавидное. Низкая боевая выучка, разболтанная дисциплина. Солдаты не владели самыми элементарными навыками — не умели стрелять из винтовки, не говоря уже о пулемётах. В первых боях, когда Жуков только что прибыл в 57-й корпус, в некоторых стрелковых полках на огневые позиции выходили исключительно командиры и стреляли по японцам из штатных пулемётов. В полках и батальонах царили пьянство и неповиновение командирам. Когда запахло порохом, начались повальные самострелы. Ещё на марше к передовой раненных в конечности санитарные машины увозили в тыл десятками. Зачастую небоеспособные подразделения поступали из Забайкалья, от Штерна.

Из донесения в Политуправление РККА от 16 июля 1939 года: «В прибывшей 82 сд отмечены случаи крайней недисциплинированности и преступности. Нет касок, шанцевого инструмента, без гранат, винтовочные патроны выданы без обойм, револьверы выданы без кобуры... Личный состав исключительно засорён и никем не изучен, особенно засорённым оказался авангардный полк, где был майор Степанов, военком полка Мусин. Оба сейчас убиты. Этот полк в первый день поддался провокационным действиям и позорно бросил огневые позиции, перед этим предательством пытались перестрелять комполитсостав полка бывшие бойцы этого полка Ошурков и Воронков. 12.07 демонстративно арестовали командира пулемётной роты Потапова и на глазах бойцов расстреляли, командир батальона этого полка Герман лично спровоцировал свой батальон на отступление, все они преданы расстрелу. Для прекращения паники были брошены все работники политуправления РККА, находящиеся в это время на КП...»

И далее: «В этом полку зафиксированы сотни случаев самострелов руки...»

Сотни! А это означает, что самострелы в дивизии, присланной Штерном в качестве усиления 1-й армейской группы, становились явлением массовым.

Можно себе представить состояние Жукова, когда ему донесли, что полк, державший оборону в центре построения фронта по линии реки Халхин-Гол, оставил свои позиции, смят наступающими японцами и в беспорядке бежит, что на его плечах японская пехота потоком обтекает оголённые фланги 57-го корпуса и угрожает не только плацдармам на другом берегу реки, но и всей армейской группе...

Вот тогда-то и состоялась знаменитая контратака бригады лёгких танков. Впоследствии и Кулик, и Штерн упрекали Жукова за неосмотрительность, за то, что не прикрыл танковую атаку пехотой, что действовал не по уставу. Действительно, не прикрыл. И — не по уставу. Танковая атака была импровизацией, вынужденным риском. Творчеством. И — проявлением воли, способности взять всю ответственность на себя. Может, потому и удалась.

А вот каким увидел Жукова Константин Симонов во время своей журналистской командировки в Номонган: «Штаб помещался по-прежнему всё на той же Хамар-Дабе. Блиндаж у Жукова был новый, видимо только вчера или позавчера срубленный из свежих брёвен, очень чистый и добротный сделанный, с коридорчиком, занавеской и, кажется, даже с кроватью вместо нар.

Жуков сидел в углу за небольшим, похожим на канцелярский, столом. Он, должно быть, только что вернулся из бани: порозовевший, распаренный, без гимнастёрки, в заправленной в бриджи жёлтой байковой рубашке. Его широченная грудь распирала рубашку, и, будучи человеком невысокого роста, сидя, он казался очень широким и большим».

«В моих записках о Халхин-Голе, — впоследствии, готовя к изданию свои фронтовые блокноты, писал Константин Симонов, — сохранилась такая запись: „Как-то во время одного из своих заездов на Хамар-Дабу мне пришлось впервые столкнуться в военной среде с теми же самыми спорами о талантах и способностях и притом почти в той же непримиримой форме, в какой они происходят у братьев-писателей. Я не предполагал встретиться с этим на войне и поначалу удивился.

Дождаясь не то Ортенберга, не то Ставского, я сидел в одной из штабных палаток и разговаривал с командирами-кавалеристами. Один из них — полковник, служивший с Жуковым чуть ли не с Конармии, — убеждённо и резко говорил, что весь план окружения японцев — это план Жукова, что Жуков его сам составил и предложил, а Штерн не имел к этому плану никакого отношения, что Жуков талант, а Штерн ничего особенного из себя не представляет и что это именно так, потому что — он это точно знает — никто, кроме Жукова, не имел отношения к этому плану“».

Это — к спору об авторстве плана операции по разгрому японцев на реке Халхин-Гол.

О тех событиях, о военных замыслах японцев маршал спустя годы говорил: «Думаю, что с их стороны это была серьёзная разведка боем. Серьёзное прощупывание. Японцам было важно тогда прощупать, в состоянии ли мы с ними воевать. И исход боёв на Халхин-Голе впоследствии определил их более или менее сдержанное поведение в начале нашей войны с немцами. Но если бы на Халхин-Голе их дела пошли удачно, они бы развернули дальнейшее наступление. В их далеко идущие планы входил захват восточной части Монголии и выход к Байкалу и к Чите, к тоннелям, на перехват Сибирской магистрали».

Когда дело было сделано, Жуков заскучал о семье. Вспомнил, что сказал брату и его жене, прощаясь с ними перед тем, как уехать на аэродром, где его и других офицеров ждал борт до Читы: «Или вернусь с подарками, или... не поминайте меня лихом». Клавдия Ильинична тогда ответила: «Лучше уж с подарками».

Подарки дарить он любил.

Из письма Жукова двоюродному брату М. М. Пилихину от 31 октября 1939 года: «Миша, шлю тебе привет, очевидно, я буду через месяц-полтора

в Москве, тогда обо всём поговорим, а сейчас скажу пару слов. Провёл войну, кажется, неплохо. Сам здоров, сейчас налаживаю дела, так как за войну кое-что подболталось. Посылаю тебе подарок, который я получил от наркома: костюм... если будет тебе коротковат, попробуй его переделать. Жму руку, Георгий. Поцелуй за меня Клавдию Ильиничну и Риточку».

Посылка для Пилихиных в Москву была отправлена с оказией.

Бывший адъютант Жукова М. Ф. Воротников вспоминал: «В первых числах ноября 1939 года, находясь в Улан-Баторе, Георгий Константинович командировал меня в Москву с наградными материалами... Провожая, Жуков наказал: „Зайдите сразу к моему двоюродному брату, Михаилу Пилихину, передайте вот этот чемодан и письмо. Живёт он недалеко от Центрального телеграфа, в Брюсовом переулке, 21. Скажите, что непременно приеду с подарками, как обещал. А вот эту записку отдайте директору Центрального Военторга“».

А записка для директора Центрального военторга свидетельствует о необычайной скромности и одновременно заботливости Жукова о семье: герой Халхин-Гола просил отпустить ему через адъютанта за наличный расчёт несколько отрезков ситца для пошива платьев девочкам двух и одиннадцати лет. Да солёной кильки в банках.

Эра Георгиевна Жукова вспоминала, что «в конце лета отец написал, чтобы мы собирались к нему в Монголию, так как обстановка стабилизировалась. Сборы были суматошными, всем миром обсуждали, что взять с собой. Тем более что папа в письмах предупреждал, что в Монголии трудности с овощами и фруктами. А ведь у мамы были мы: сестре шёл всего третий год.

Семь дней ехали поездом то ли до Улан-Удэ, то ли до Кяхты, точно не помню, а оттуда машиной до Улан-Батора. Мне было всё интересно, тем более что мы впервые имели отдельное купе, всё в красном дереве и бархате, а вот маленькой сестре было невмоготу, и почему-то по ночам она просилась домой. Затем очень долго — 600 километров — до места назначения добирались на „эмке“. Папа нас не встречал, хотя по письму у него такое намерение было, и свой быт мы устраивали сами с помощью порученца.

Дом, расположенный на пригорке, был просторный, светлый, довольно удобный. Тут же рядом стояло несколько домов, в которых жили семьи сослуживцев отца. Хорошо помню семью полкового комиссара М. С. Никишева, с которым мы довольно тесно общались.

Как часто в моей жизни случалось, уже после начала учебного года пошла в четвёртый класс. Едва закончился учебный год, как нужно было

опять собираться в дорогу, теперь уже в Москву, куда папу вызвали для назначения на новую должность.

Монголию вспоминаю с большим удовольствием. Там провели мы с отцом немало счастливых часов, хотя свободного времени, как всегда, у него было немного. Сколько мог, как и раньше, он следил за моей учёбой, всегда поощрительно относился к моим занятиям общественной работой, участию в самодеятельности. Хорошо запомнился праздник, посвящённый Дню Конституции. К папиному большому удовлетворению мне было поручено читать стихи Джамбула о советском законе^[64]. Я, естественно, страшно волновалась перед выступлением. Но выйдя на огромную сцену и увидев в первом ряду папу и маршала Чойболсана, как-то успокоилась, вспомнила наставления отца не волноваться и не думать о публике, очень чётко и громко без единой запинки прочитала стихотворение, чем заслужила одобрение отца».

В доме, где поселилась семья комкора Жукова, за два года до того жил командующий Особой группой войск в Монгольской Народной Республике комдив Конев, впоследствии командующий 2-й Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армией. Весной 1940 года, когда комкора Жукова отозвали в Москву, командарм 2-го ранга Конев командовал войсками Забайкальского военного округа.

Монголия ликовала. У неё появился сильный союзник, с которым она может противостоять даже такой грозной силе, как трёхсоттысячная группировка Квантунской армии, дислоцированной в Маньчжоу-Го. Когда Германия нападёт на союзника Монголии, на протяжении всей войны МНР будет поставлять воюющей Красной армии продовольствие, тёплую одежду (полушубки), гужевой транспорт и вооружение, изготовленное на средства, собранные дружественным монгольским народом. Для СССР Монголия стала надёжным союзником на Востоке.

Как отмечал маршал в своих мемуарах, «только за 1941 год от Монгольской Народной Республики было получено 140 вагонов различных подарков для советских воинов на общую сумму 65 миллионов тугриков. Во Внешторгбанк поступило 2 миллиона 500 тысяч тугриков и 100 тысяч американских долларов, 300 килограммов золота». На эти средства заводы строили танки, артиллерийские орудия, самолёты.

Однако Халхин-Гол принёс не только победу. Бои, особенно начального периода, показали неготовность войск к современной войне. Вот о чём думал Жуков, когда из Монголии возвращался в Москву, теперь уже вместе с семьёй. Чувствовал, что в Москве не задержится надолго. Главные события теперь происходили на Западе.

Глава шестнадцатая

Киевский Особый

«Обогнать отходящие колонны румынских войск и выйти к реке Прут».

В «Личном листке по учёту кадров» дату окончания службы в Монголии Жуков собственноручно пометил апрелем 1940 года.

И вот что примечательно. Дочь Эра Георгиевна вспоминает, как они всей семьёй летели в Москву на самолёте. А двоюродный брат Жукова М. М. Пилихин — что встречал брата и его семью на железнодорожном вокзале. Пример того, как неточны бывают свидетели. Причём без всякого умысла.

М. М. Пилихин: «В мае 1940 года Георгий телеграфировал нам в Москву: „Будем 15 в Москве. Встречайте. Жуков“ На автобазе^[65], где я работал, стоял „опель-кадет“ Марины Расковой^[66]. Я попросил у неё машину — встретить Г. К. Жукова с семьёй из Монголии. Разрешение получил, и мы с Клавдией Ильиничной и дочкой Ритой поехали встречать Георгия с семьёй на Ярославский вокзал. Пришла машина и из Наркомата обороны. Подошёл поезд, и мы пошли к вагону, в котором прибыл Жуков с семьёй. Но он уже шёл к нам навстречу, с первой Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди и орденами Монгольской Народной Республики. Он с большой радостью обнял нас и сказал: „Вот мы опять все вместе!“».

Когда весной 1939 года Жуков уезжал из Брюсова переулка на аэродром, на вопрос брата, куда же всё-таки его направляют, уклончиво ответил: «Еду туда, где будет либо грудь в крестах, либо голова в кустах...» Вернулся со звёздами.

В начале июня вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении воинских званий высшего командного состава Красной армии» — вводились генеральские звания. Жукову было присвоено воинское звание генерала армии. Командарм 2-го ранга Конев получил звание генерал-лейтенанта. Генералами армии стали К. А. Мерецков^[67] и И. В. Тюленев^[68].

Жуков перескочил через несколько ступеней и, не износив ромбов ни командарма 2-го ранга, ни 1-го, получил в петлицы сразу пять звёзд

генерала армии. Так Сталин и Наркомат обороны оценили его победу на Халхин-Голе.

Назначение на Киевский Особый военный округ (КОВО) Жуков получил в Кремле из первых уст.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «С И. В. Сталиным мне раньше не приходилось встречаться, и на приём к нему шёл сильно волнуясь.

Кроме И. В. Сталина, в кабинете были М. И. Калинин, В. М. Молотов и другие члены Политбюро.

Поздоровавшись, И. В. Сталин, закуривая трубку, сразу же спросил:

— Как вы оцениваете японскую армию?

— Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя, — ответил я. — Дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерётся с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед „харакири“ Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону».

Жуков также доложил о состоянии боевой техники и вооружения, привёл сравнительные характеристики наших и японских танков и самолётов. Отметил хорошую боевую работу лётчиков под командованием Смушкевича. Сталин спросил:

— Как действовали наши войска?

— Наши кадровые войска дрались хорошо. Особенно хорошо дрались 36-я мотодивизия под командованием Петрова^[69] и 57-я дивизия под командованием Галанина^[70], прибывшая из Забайкалья.

Жуков вынужден был доложить и о тех недостатках, которые обнаружились в ходе боёв. Сказал о нестойкости 82-й стрелковой дивизии, развёрнутой накануне монгольских событий и укомплектованной в основном приписным составом, необученным и несколоченным. Высоко оценил умелые действия танковых бригад, особенно 11-й комбрига Яковлева. И предупредил, что танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны, что были случаи, когда машины загорались вне боя, на марше. Причина пожаров — несовершенство конструкции моторов и ходовой части. Одновременно отметил эффективность танковых атак, при умелом управлении — их мощь и манёвренность: «Считаю, что нам нужно резко увеличить в составе вооружённых сил бронетанковые и механизированные войска».

Сталин спросил об артиллерии. Жуков ответил, что «артиллерия наша во всех отношениях превосходила японскую, особенно в стрельбе».

«Я пристально наблюдал за И. В. Сталиным, — вспоминал впоследствии маршал, — и мне казалось, что он с интересом слушает меня».

Сталин слушал с интересом. Кто знает, что думал диктатор, глядя на своего будущего первого маршала? Расстреляв героев Гражданской войны и таким образом избавившись от опасности заговора и удара в спину, он был поставлен судьбой и обстоятельствами перед необходимостью замены мятежных маршалов новыми. Пока генералами. Но будущих маршалов он в них уже видел.

В конце марта того же 1940 года из ленинградской тюрьмы «Кресты» вышел Рокоссовский. За него хлопотал Тимошенко. Сталин уступил. Рокоссовского с семьёй сразу же отправили в Сочи — поправить здоровье, успокоиться и подготовиться к службе и новому назначению. В июне бывший командир Жукова получил звание генерал-майора и почти одновременно с ним был направлен в Киевский Особый военный округ. До сих пор история ареста и заключения Рокоссовского — два с половиной года в «Крестах» — полна тайн и легенд. В 1960-е годы по приказу Хрущёва архивно-следственное дело Рокоссовского будет уничтожено.

Сталин выслушал Жукова и сказал:

— Теперь у вас есть боевой опыт. Принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск.

Жуков, выдержав паузу, спросил:

— Как понимать крайне пассивный характер войны на Западе? Как в дальнейшем там будут развиваться события?

Сталин усмехнулся. Вопрос генерала армии ему понравился. Он снова набил трубку и раскурил её.

— Французское правительство во главе с Деладье и английское во главе с Чемберленом не хотят серьёзно влезать в войну с Гитлером. — Сталин говорил неторопливо, словно рассуждая; к этой манере длинных монологов Жуков привыкнет, когда ему придётся часто общаться с хозяином кремлёвского кабинета. — Они всё ещё надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Но из этого ничего не выйдет. Им придётся самим расплачиваться за свою недальновидную политику.

Сталин всё ещё верил в надёжность пакта, заключённого год назад с Германией^[71].

Возвратившись в гостиницу «Москва», Жуков долго не мог уснуть, размышляя о беседе с вождём. Об этой первой их встрече маршал написал

в мемуарах: «Внешность И. В. Сталина, его негромкий голос, конкретность и глубина суждений, осведомлённость в военных вопросах, внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление».

До отъезда в Киев Жуков с семьёй жил в одном из номеров гостиницы «Москва». Это была самая комфортабельная гостиница, построенная в 1930-е годы архитектором А. В. Щусевым в стиле «сталинского ампира».

Судя по записям в журнале посещений кремлёвского кабинета Сталина, на приёме у вождя в июне 1940 года по приезде из Монголии Жуков был дважды: 1 июня с 23.20 до 1.25 и 13 июня с 13.20 до 14.30. Докладывал, по всей вероятности, ночью с 1-го на 2-е, а назначение получил 13-го. Хотя в мемуарах эти две встречи смешаны в одну. Впрочем, для воспоминаний и размышлений вполне допустимо.

В те дни Жуков был оглушён. Почести, доверие, внимание, новое назначение... Его всё поражало и впечатляло. И золотая звезда героя на груди, и обилие звёзд в генеральских петлицах, и «негромкий голос» Сталина, когда тот обращался к нему, и величавая роскошь гостиницы как символ новой народной империи, и счастливые глаза жены и дочерей. Всё это окрыляло его, делало сильным, но он ещё не осознавал своей силы.

Вот откуда слёзы на щеках Жукова в минуты прощания с боевыми товарищами на Киевском вокзале, когда он уезжал к новому месту службы. Это были слёзы счастья. Он понял, что строптивного коня судьбы он наконец-то ухватил за гриву, потянул на себя, осадил, и конь ему повиновался...

В своих воспоминаниях Жуков ни словом не обмолвился о том, с какой целью Сталин посылал его в Киев. А между тем армии самого мощного военного округа должны были обеспечить реализацию одного из пунктов пакта Молотова — Риббентропа, касающегося возвращения Бессарабии и Северной Буковины.

Ночью 27 июня 1940 года нарком иностранных дел СССР Молотов пригласил к себе румынского посланника Давидеску и вручил ему ультиматум: в течение суток заявить о согласии на передачу Советскому Союзу районов Бессарабии и Северной Буковины.

История спорных территорий такова. В январе 1918 года, воспользовавшись Гражданской войной в России и ослаблением русской армии, Румыния послала свои войска за Дунай и Прут и захватила земли до Днестра. Румыны с боем заняли Кишинёв. Захват земель не был признан Советской Россией. По последней переписи, проведённой в 1897 году, в Бессарабии и Северной Буковине состав коренного населения был таким: молдаване — 47,6 процента; украинцы — 19,6; евреи — 11,8; русские — 8;

болгары — 5,3; немцы — 3,1; гагаузы — 2,9 процента.

Сталин собирал растерянные в годы смуты земли бывшей Российской империи, строя свою — Советскую.

Правительству Румынии долгое время удавалось лавировать между интересами Англии, Франции, Германии, Италии и удерживать за собой оккупированные области. В 1939 году согласно подписанному пакту спорные территории отходили к СССР. 1 июня 1940 года немцы заявили о своём невмешательстве в случае нападения СССР на Румынию и в то же время усилили поставки в Румынию трофейного польского оружия. Румыны, чувствуя, что старый спор вот-вот может разрешиться не в их пользу, попросили помощи Германии. Но немцы «остались верны» германо-советским соглашениям. Говорят, Гитлер обронил: «Румынию лучше иметь противником, чем союзником». Видимо, имея в виду, что противник из Румынии слабый и румынская нефть в виде бензина и масел польётся в баки и моторы самолётов и танков вермахта сразу, когда этого потребуют обстоятельства большой войны. Союзник же всегда склонен выторговывать условия своего союза.

Двадцать восьмого июня 1940 года войска Жукова взяли под свой контроль мосты и переправы через реки Черемош, Прут и Днестр, переправились и колоннами двинулись дальше в Южном, Юго-Западном и Западном направлениях. Начался Прутский поход советских войск. Жуков провёл его стремительно, в несколько суток.

В прижизненных изданиях «Воспоминаний и размышлений», в которые автор вносил поправки и дополнения собственноручно, о Прутском походе нет ни строчки. Разве что вот это: «Всё лето мы с членом Военного совета округа Владимиром Николаевичем Борисовым, командирами отдела боевой подготовки и оперативного отдела провели в войсках. Главное внимание уделяли полевой выучке командного состава, штабов и войск всех родов оружия».

Хроника Прутского похода Красной армии летом 1940 года такова.

Двадцатого июня командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал армии Жуков получил директиву наркома обороны СССР и начальника Генштаба о начале сосредоточения войск и полной боевой готовности к 22.00 24 июня. Цель наступления — разгром румынских войск в Бессарабии. Создаётся Управление Южного фронта. Командующим войсками фронта назначается Жуков. Штаб фронта располагается в городе Проскурове.

Двадцать третьего июня Молотов заявил послу Германии Шуленбургу о намерении СССР в самые ближайшие дни присоединить к себе

Бессарабию и Северную Буковину. Он также изложил просьбу о том, что советская сторона ожидает всяческую поддержку Германии и «обязуется охранять её экономические интересы в Румынии». Шуленбург попросил паузу, так как это заявление «является для Германии полной неожиданностью, и попросил не предпринимать никаких решительных шагов до прояснения позиции немецкой стороны». Молотов ответил согласием ждать ответа Германии до 25 июня.

Двадцать пятого июня Шуленбург передал Молотову заявление Риббентропа, в котором говорилось, что «Германское правительство в полной мере признаёт права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией...». В послании говорилось о неожиданности претензий Советского Союза на Буковину и выражалось беспокойство за судьбу проживавших на этих территориях этнических немцев. Тем не менее, говорилось в заявлении Риббентропа, Германия остаётся верной московским соглашениям, будучи, однако, «крайне заинтересованной» в том, чтобы территория Румынии не стала театром военных действий. Руководствуясь интересами мира, Германия, со своей стороны, выражала готовность оказать политическое влияние на Румынию с целью мирного решения «бессарабского вопроса» в пользу СССР.

Двадцать шестого июня Молотов вручил послу Румынии Давидеску заявление правительства Советского Союза: «В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (Россия) часть его территории — Бессарабию — и тем нарушила вековое единство Бессарабии, населённой главным образом украинцами, с Украинской Советской Республикой. Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии...» Молотов также передал послу карту, на которой была отмечена линия претензий.

Двадцать седьмого июня Румыния объявила мобилизацию.

В этот же день Молотов сделал новое заявление: в случае невыполнения требований советской стороны — передачи Бессарабии и Северной Буковины СССР — советские войска готовы пересечь румынскую границу. Коронный совет Румынии принял решение о выполнении требований Советского Союза. Германская сторона приватно дала знать румынам, что «изменение границы будет носить временный характер и указанные территории вновь войдут в состав Румынии».

К исходу того же дня части 12-й армии Южного фронта заняли исходные позиции, развернувшись фронтом на юго-восток. Войска 5-й

армии закончили развёртывание под Винницей. Южнее вдоль границы изготовилась 9-я армия.

Двадцать восьмого июня, получив указание из Москвы действовать по «мирному» варианту, войска Жукова начали операцию. Вперёд двинулась лишь часть группировки. Румынские пограничники и войска снимались с позиций и отходили в тыл, а части Южного фронта занимали оставленную территорию. Разминировались мосты. Советские войска вступили в Хотин, Кишинёв, Бельцы, Бендеры, Аккерман.

Двадцать девятого июня 204-я воздушно-десантная бригада в количестве 1372 человек десантировалась в районе города Болграда с приказом занять города Рени и Кагул. Вечером того же дня советские войска вышли к реке Прут, перехватили коммуникации и установили погранпосты с целью проверки румынских войск и изъятия у них награбленного имущества, которое принадлежало местному населению. В освобождённом советскими войсками Кишинёве состоялся митинг: перед сотысячным собранием горожан выступили Хрущёв и Тимошенко, а также председатель Бессарабского временного революционного комитета Бурлаченко. Советские газеты сообщали, что народ встречал Красную армию с ликованием.

Тридцатого июня десантники 204-й воздушно-десантной бригады вошли в город Рени, где завязалась короткая перестрелка с румынскими пограничниками. В этот же день 44 самолёта десантировали в районе Измаила части 201-й воздушно-десантной бригады. К исходу дня авангарды Южного фронта вышли к реке Прут на новую советско-румынскую границу.

Первого июля ночью с румынской территории был открыт огонь. Один красноармеец получил ранение. Войска Красной армии не отвечали. Утром с рассветом части 204-й воздушно-десантной бригады заняли Кагул и пресекли грабёж местного населения отходящими частями румынской армии. К исходу дня новая граница по рекам Прут и Дунай полностью контролировалась войсками Южного фронта.

Второго июля румыны потребовали от советской стороны возвращения оружия и боеприпасов, захваченных на территории Бессарабии и Северной Буковины. В 22.00 с румынской стороны было произведено шесть одиночных выстрелов из винтовки. Ответный огонь не последовал. Красноармейцы и пограничники строго исполняли приказ Жукова огня не открывать. На заявление советских пограничников о произошедшем инциденте делегаты румынской стороны ответили, что «румынские солдаты чистят оружие и от неосторожности происходят

выстрелы».

Третьего июля — шестой и последний день похода — из Румынии депортированы 134 бывших солдата румынской армии, мобилизованных в районах, отошедших к СССР. Граница через реки Дунай и Прут окончательно закрыта. По нарушителям пограничники открывают огонь. В Кишинёве состоялись парад войск Южного фронта и демонстрация по поводу присоединения Бессарабии к СССР.

Четвёртого июля румынские войска числом до двух рот вышли на правый берег Прута и начали окапываться напротив погранпоста. В ответ на этот демонстративный манёвр Жуков приказал выкатить на прямую наводку несколько орудий под прикрытием бронемашин. Через несколько часов румынские солдаты покинули свои позиции и ушли вглубь своей территории. В этот же день в город Кагул вошли части 25-й стрелковой дивизии. 204-я воздушно-десантная бригада отведена в Болград, там погрузилась в вагоны и по железной дороге переброшена в Бендеры.

Пятого июля начальник штаба Южного фронта генерал Ватутин передал ответ румынскому генералу Красна, что оружие у румынских солдат насильственно не изымалось, а «брошенное разбежавшимися солдатами румынской армии» советские воины собирать не обязаны. Войска Южного фронта приказом Жукова переведены «в состояние обычной готовности мирного времени».

Седьмого июля расформировано полевое управление Южного фронта. Из Одессы в Аккерман прибыли первые грузовые суда с продовольствием для жителей Бессарабии.

Восьмого июля пограничные отряды НКВД — 120 погранзастав — заступили в наряды по новой линии демаркации между СССР и Румынией. Войска расформированного Южного фронта начали возвращаться к местам постоянной дислокации.

Девятого июля Гитлер объявил Румынию государством, находящимся под защитой Германии.

Второго августа VII сессия Верховного Совета СССР приняла Закон «Об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики» в составе СССР. В состав Молдавской ССР включены шесть из девяти уездов бывшей Бессарабской губернии, входившей в состав Российской империи, — Бельцкий, Бендерский, Кагульский, Кишинёвский с городом Кишинёв, Оргеевский, Сорокский, — а также Григориопольский, Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Слободзейский, Тираспольский с городом Тирасполь, районы бывшей Молдавской АССР, в 1918 году оккупированной румынской армией. Аккерманский, Измаильский и

Хотинский уезды Бессарабии отошли к Украинской ССР. Войска, дислоцированные в новых лагерях на присоединённых территориях, получили указание политуправления Красной армии разъяснить всему личному составу, что, «благодаря мудрой сталинской внешней политике, мы избавили от кровопролитной войны трудящихся Бессарабии и Северной Буковины и решили вопрос о возвращении Бессарабии в могучую семью Советского Союза мирным путём». Войскам приказывалось «сохранять бдительность и вести активную политработу среди местного населения».

Восьмого октября маршал Антонеску обратился к Гитлеру с просьбой о вводе германских войск в Румынию «для защиты нефтеносного района Плоешти и обучения румынских войск». Через четыре дня корпус вермахта взял под контроль все нефтяные месторождения Румынии. Риббентроп в своём письме Сталину объяснил действия Германии заботой о недопущении венгеро-румынского конфликта из-за спорных территорий и утверждал, что «германо-итальянские гарантии Румынии вовсе не направлены против СССР».

Шестнадцатого октября правительство маршала Антонеску дало согласие на присоединение Румынии к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии.

После того как немецкие солдаты вошли в Румынию, «еврейские беженцы массово хлынули в СССР, все они оседали в новообразованной Молдавской ССР и Аккерманской области УССР».

На второй день Прутского похода, когда 9-я армия генерала Болдина^[72] замешкалась на переправах в нижнем течении Днестра, Жуков приказал направить вперёд воздушно-десантные бригады.

Тогда у Жукова, по всей вероятности, произошёл первый неприятный разговор с командармом Болдиным. Позже это перерастёт в неприязнь, которую маршал так и не сможет преодолеть.

В более поздних изданиях «Воспоминаний и размышлений» маршал рассказал об успешном Прутском походе. Однако эпизод с заминкой на днестровских бродах 9-й армии он представил в несколько иных тонах: «Двум танковым бригадам была поставлена задача: обогнать отходящие колонны румынских войск и выйти к реке Прут».

Совершив стремительный марш-бросок (около 200 километров), наши танковые части появились в районах высадки десантов одновременно с их приземлением. Среди румынских частей, местных властей, всех тех, кто стремился скорее удрать в Румынию, поднялась паника. Офицеры, оставив свои части и штабное имущество, также удирали через реку. Короче говоря, королевские войска предстали перед советскими войсками в крайне

плачевном состоянии и продемонстрировали полное отсутствие боеспособности. На второй день этих событий я был вызван И. В. Сталиным по ВЧ. И. В. Сталин спросил:

— Что у вас происходит? Посол Румынии обратился с жалобой на то, что советское командование, нарушив заключённый договор, выбросило воздушный десант на реку Прут, отрезав все пути отхода. Будто бы высадили с самолётов танковые части и разогнали румынские войска.

— Разведкой было установлено грубое нарушение договора со стороны Румынии, — ответил я. — Вопреки договорённости из Бессарабии и Северной Буковины вывозится железнодорожный транспорт и заводское оборудование. Поэтому я приказал выбросить две воздушно-десантные бригады с целью перехвата всех железнодорожных путей через Прут, а им в помощь послал две танковые бригады, которые подошли в назначенные районы одновременно с приземлением десантников.

— А какие же танки вы высадили с самолётов на реке Прут? — спросил И. В. Сталин.

— Никаких танков по воздуху мы не перебрасывали, — ответил я. — Да и перебрасывать не могли, так как не имеем ещё таких самолётов. Очевидно, отходящим войскам с перепугу показалось, что танки появились с воздуха...

И. В. Сталин рассмеялся и сказал:

— Соберите брошенное оружие и приведите его в порядок. Что касается заводского оборудования и железнодорожного транспорта — берегите его. Я сейчас дам указание Наркомату иностранных дел о заявлении протеста румынскому правительству».

Из вышеприведённого диалога можно сделать вывод: Сталин был очень доволен своим генералом. Тем, что не ошибся в Жукове, доверив ему «блицкриг» в Бессарабии. Тем, что земли советской империи прирастают некогда утраченными областями. Тем, что Красная армия занимает более выгодные позиции и районы для возможных боевых действий в ближайшее время. Войска в Бессарабии теперь надёжно обеспечивали южный фланг — выстраивалась во всех отношениях удобная линия обороны по Карпатам и устью Дуная. К тому же теперь рядом находились нефтяные промыслы Плоешти. Больше половины горюче-смазочных материалов для танков, авиации и транспорта Германия получала именно отсюда. Несколько массированных налётов бомбардировочной авиации — и... Сталина согревало и это — возможность контролировать Гитлера, пусть косвенно, посредством возможного влияния на поставки румынской нефти.

Любопытный факт: многие будущие главные маршалы и генералы

большой войны были уже здесь. Командующие фронтами, армиями, корпусами и дивизиями.

Рокоссовский командовал 5-м кавалерийским корпусом, который был срочно переброшен в КОВО и после Прутского похода был дислоцирован в Славуте и окрестностях.

Ватутин руководил штабом округа, а во время похода — штабом Южного фронта.

Катуков командовал танковой дивизией, дислоцированной в районе Шепетовки.

Черняховский — танковой бригадой в Белоруссии.

Конев ещё служил в Забайкалье, но в Наркомате обороны ему уже был заготовлен приказ о назначении в Северо-Кавказский военный округ, где совсем скоро он приступит к формированию 19-й армии. Летом и осенью 1941 года 19-й армии придётся стоять на самых опасных участках фронта, прикрывая смоленское, а потом и московское направления.

Баграмян служил в штабе 12-й армии КОВО. Вскоре он будет переведён в штаб округа и возглавит оперативный отдел.

Итоги шестидневного похода Жукова не радовали. А большая война, уже год сотрясавшая Европу, подступала к рубежам СССР. Войска надо было готовить к самой трудной войне. Она уже тогда, осенью 1940-го, многим казалась неминуемой.

Из директивы войскам КОВО, подписанной 17 июля 1940 года Жуковым: «При выполнении особого задания правительства СССР по освобождению трудящихся Бессарабии и северной части Буковины от гнёта румынских бояр во многих частях и соединениях округа обнаружено большое количество недочётов, влияющих на их боевую готовность и слаженность для ведения современного боя.

Основными недочётами являются:

а) Отсутствие боеготовности частей. Не хватало целого ряда предметов, необходимых для боя у бойца, командира, оружейного расчёта, танкового экипажа, подразделения и части...

<...>.

г) Наземные войска не подготовлены и ничем не обеспечены для связи с авиацией.

<...>.

е) Пехота недостаточно обучена. Плохая подгонка снаряжения и обуви. Нарушаются строи подразделений в походе. Комсостав не держит в руках свои подразделения, вследствие чего имеется большое количество отставших бойцов от своей части. Слабо отработаны наблюдение за

воздухом, передача сигналов и команд по колоннам и расчленение при налёте авиации. Недостаточно отработана тактическая слаженность отделений и взвода...

<...>.

з) Артиллерийские части не подтянуты, неповоротливы, вяло принимают команды и медленно их выполняют. Артиллерийская разведка подготовлена слабо — штабы плохо ею руководят...

Нет знаний боеприпасов, взрывателей. Отсутствует рассортировка их. Таблицы стрельб начальствующий состав знает слабо.

Командиры поверхностно знают состояние своих частей и подразделений.

и) В танковых частях взаимозаменяемость экипажа полностью не достигнута, достаточной сколоченности взвода, роты не добились. Вопросы взаимодействия танков с пехотой, артиллерией, а также и внутри танковых подразделений и частей должным порядком не отработаны.

к) Понтонные и сапёрные батальоны округа слабо подготовлены по переправочному и мостовому делу, расчёты не были сколочены, номера плохо знали свои обязанности.

Командный состав инженерных частей не умел правильно организовать работу по сборке паромов и вводу их в линию моста.

л) Высокая аварийность в частях ВВС. Из-за недисциплинированности лётного состава произошло большое количество аварий и даже катастроф на учебных самолётах У-2.

Неумелое размещение материальной части на аэродромах не обеспечивало быстрый взлёт частей ВВС. Отсутствовали маскировка и должный порядок на аэродромах.

Низкая мобильность авиабаз снижала боеготовность лётных частей.

Не все авиабазы знали, какое имущество необходимо забирать с собой для обеспечения боевой работы частей».

А дальше идёт перечень всего того, что необходимо в срочном порядке сделать личному составу частей и подразделений округа «для полного устранения вышеуказанных недочётов». И первым пунктом в этом перечне значится: «К 25.7.40 г. проверить и спустить до части все необходимые запасы боеприпасов, горючего, продфуража и другого имущества и в частях разложить его по подразделениям».

Далее: «Тактическую подготовку подразделений и частей закончить: взвода — к 1 августа; роты, эскадрона — к 15 августа; батальона — к 1 сентября.

Сентябрь месяц отвести на дополнительную тренировку батальона,

полковые и дивизионные учения и инспекторские смотры.

В тактической подготовке начсостава, штабов и войск до конца учебного года взять основной упор на отработку:

а) Наступательного боя с преодолением полосы заграждения и крупных водных преград.

б) Оборонительного боя с устройством полосы заграждения и

в) Разведку.

Подготовке начсостава уделить исключительное внимание, считая это одной из центральных задач».

Как видим, Жуков в своей повседневной рутинной работе постоянное внимание уделял именно всему тому, за что впоследствии его, да и всю Красную армию, будут упрекать стратеги-историки: мол, не уделяли внимания обучению командирских кадров среднего звена (рота — батальон), не учили бойцов и командиров действиям в обороне.

Судя по тону директивы и тем требованиям, которые выносились в первый ряд, к войне не просто готовились, а готовились торопливо, с ощущением, что последние мирные дни, отпущенные на обучение личного состава, обеспечение снаряжением и подвоз боеприпасов, истекают. Вот пункт из той же директивы, который касается подготовки новобранцев: «Боевую подготовку новобранцев призыва июня 1940 года вести на основе моей директивы... имея задачей подготовить одиночного бойца, способного действовать в составе отделения во всех видах боя, — закончить к 15.8, после чего новобранцев равномерно распределить по штатным подразделениям на пополнение некомплекта из расчёта, примерно, по 1–2 человека на отделение, и тактическое обучение их вести в штатных подразделениях. В целях успешного прохождения ими программы — освободить их от нарядов и работ». Одним словом — учёба, учёба, учёба. Поле, стрельбы, марш-броски, изучение матчасти, владение винтовкой, умение бросать гранату, быстро окапываться в любых обстоятельствах и на любой местности, маскироваться.

Жуков готовил войска КОВО к боевым действиям в обстоятельствах большой войны.

Глава семнадцатая

Генштаб

«Если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй...»

Хорошим генштабистом Жуков так и не стал. Кажется, он и сам в какой-то момент понял, что попал не в свою стихию. Но школу Генштаба пройти ему всё же довелось. И она, эта суровая и напряжённая школа рядом с Верховным главнокомандующим, стала для него одной из необходимых ступеней роста.

В Генштаб Жукова пригласили в феврале 1941 года.

Осенью и в начале зимы в КОВО кипела работа. Жуков накручивал командный состав, торопил, всячески подгонял. В его руках был самый крупный военный округ. Да и географически он лежал на пути всех неприятелей, которые когда-либо вторгались в пределы России. В декабре Жуков отбыл на совещание высшего командного состава РККА. В Москву поехал с докладом. Текст выступления ему помог подготовить начальник штаба 12-й армии и бывший однокашник полковник Баграмян.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Совещание состоялось в конце декабря 1940 года. В его работе приняли участие командующие округами и армиями, члены военных советов и начальники штабов округов и армий, начальники всех военных академий, профессора и доктора военных наук, генерал-инспектора родов войск, начальники центральных управлений и руководящий состав Генерального штаба. На совещании всё время присутствовали члены Политбюро А. А. Жданов, Г. М. Маленков и другие. <...>.

Всеобщее внимание привлёк доклад командующего Западным особым военным округом генерал-полковника Д. Г. Павлова „Об использовании механизированных соединений в современной наступательной операции“ Дело в том, что до 1940 года у нашего военно-политического руководства не было твёрдого понимания значения способов и форм применения крупных танковых и механизированных соединений типа корпус — армия в современной войне. В своём хорошо аргументированном выступлении Д. Г. Павлов умело показал большую подвижность и пробивную силу танкового и механизированного корпусов, а также их меньшую, чем других родов войск, уязвимость от огня артиллерии и авиации.

Мой доклад „Характер современной наступательной операции“ был также встречен хорошо. Участники совещания сделали ряд ценных дополнений и критических замечаний.

Все принявшие участие в прениях и выступивший с заключительным словом нарком обороны были единодушны в том, что, если война против Советского Союза будет развязана фашистской Германией, нам придётся иметь дело с самой сильной армией Запада. На совещании подчёркивалась её оснащённость бронетанковыми, моторизованными войсками и сильной авиацией, отмечался большой опыт организации и ведения современной войны.

Мы предвидели, что война с Германией может быть тяжёлой и длительной, но вместе с тем считали, что страна наша уже имеет всё необходимое для продолжительной войны и борьбы до полной победы. Тогда мы не думали, что нашим вооружённым силам придётся так неудачно вступить в войну, в первых же сражениях потерпеть тяжёлое поражение и вынужденно отходить вглубь страны.

Все выступавшие считали необходимым и в дальнейшем продолжать формировать танковые и механизированные соединения типа дивизия — корпус, с тем чтобы иметь равное соотношение в силах с немецкой армией. Много говорилось о реорганизации, перевооружении ВВС, противовоздушной и противотанковой обороны войск, а также о необходимости перевода артиллерии на механическую тягу, чтобы повысить её подвижность и проходимость вне дорог.

В целом работа совещания показала, что советская военно-теоретическая мысль в основном правильно определяла главные направления в развитии современного военного искусства. Нужно было скорее претворить всё это в боевую практику войск. На основе выводов совещания через некоторое время были предприняты дальнейшие меры к повышению боевой готовности войск приграничных округов, совершенствованию штабного мастерства. В округах прошла новая волна крупных оперативно-стратегических игр и учений, разрабатывался план обороны госграницы, укреплялась организованность в войсках.

Анализируя проблемы организации обороны, мы тогда не выходили за рамки оперативно-стратегического масштаба. Организация стратегической обороны, к которой мы вынуждены были перейти в начале войны, не подвергалась обсуждению.

После совещания на другой же день должна была состояться большая военная игра, но нас неожиданно вызвали к И. В. Сталину.

И. В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным

кивком и предложил сесть за стол. Это уже был не тот Сталин, которого я видел после возвращения с Халхин-Гола. Кроме И. В. Сталина в его кабинете присутствовали члены Политбюро.

Начал И. В. Сталин с того, что он не спал всю ночь, читая проект заключительного выступления С. К. Тимошенко на совещании высшего состава, чтобы дать ему свои поправки. Но С. К. Тимошенко поторопился закрыть совещание.

— Товарищ Сталин, — попробовал возразить Тимошенко, — я послал вам план совещания и проект своего выступления и полагал, что вы знали, о чём я буду говорить при подведении итогов.

— Я не обязан читать всё, что мне посылают, — вспылил И. В. Сталин.

С. К. Тимошенко замолчал.

— Ну, как мы будем поправлять Тимошенко? — обращаясь к членам Политбюро, спросил И. В. Сталин.

— Надо обязать Тимошенко серьёзнее разобраться с вашими замечаниями по тезисам и, учтя их, через несколько дней представить в Политбюро проект директивы войскам, — сказал В. М. Молотов.

К этому мнению присоединились все присутствовавшие члены Политбюро.

И. В. Сталин сделал замечание С. К. Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома.

— Когда начнётся у вас военная игра? — спросил он.

— Завтра утром, — ответил С. К. Тимошенко.

— Хорошо, проводите её, но не распускайте командующих. Кто играет за „синюю“ сторону, кто за „красную“?

— За „синюю“ (западную) играет генерал армии Жуков, за „красную“ (восточную) — генерал-полковник Павлов.

Из Кремля все мы возвращались в подавленном настроении. Нам было непонятно недовольство И. В. Сталина. Тем более что на совещании, как я уже говорил, всё время присутствовали А. А. Жданов и Г. М. Маленков, которые, несомненно, обо всём информировали И. В. Сталина.

С утра следующего дня началась большая оперативно-стратегическая военная игра. За основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии на Советский Союз могли развернуться на западной границе.

Руководство игрой осуществлялось наркомом обороны С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба К. А. Мерецковым; они „подыгрывали“ за юго-западное стратегическое направление. „Синяя“

сторона (немцы) условно была нападающей, „красная“ (Красная Армия) — обороняющейся.

Военно-стратегическая игра в основном преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытий и действия войск в начальном периоде войны.

Надо отдать должное Генеральному штабу: во всех подготовленных для игры материалах были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе.

На западном стратегическом направлении игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Состав фронтов: западная („синяя“) сторона — свыше 60 дивизий, восточная („красная“) — свыше 50 дивизий. Действия сухопутных войск поддерживались мощными воздушными силами.

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия...

По окончании игры нарком обороны приказал Д. Г. Павлову и мне произвести частичный разбор, отметить недостатки и положительные моменты в действиях участников.

Общий разбор И. В. Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны, Генерального штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме И. В. Сталина присутствовали члены Политбюро.

Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков. После двух-трёх резких реплик Сталина он начал повторяться и сбиваться. Доклад у К. А. Мерецкова явно не ладился. В оценках событий и решений сторон у него уже не было логики. Когда он привёл данные о соотношении сил сторон и преимуществе „синих“ в начале игры, особенно в танках и авиации, И. В. Сталин, будучи раздосадован неудачей „красных“, остановил его, заявив:

— Откуда вы берёте такое соотношение? Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

К. А. Мерецков ответил, что ему это известно, но количественное и качественное соотношение сил и средств на войне играет тоже не последнюю роль, тем более в современной войне, к которой Германия давно готовится и имеет уже значительный боевой опыт.

Сделав ещё несколько резких замечаний, о которых вспоминать не хочется, И. В. Сталин спросил:

— Кто хочет высказаться?

Выступил нарком С. К. Тимошенко. Он доложил об оперативно-тактическом росте командующих, начальников штабов военных округов, о несомненной пользе прошедшего совещания и военно-стратегической игры.

— В 1941 учебном году, — сказал С. К. Тимошенко, — войска будут иметь возможность готовиться более целеустремлённо, более организованно, так как к тому времени они должны уже устроиться в новых районах дислокации.

Затем выступил генерал-полковник Д. Г. Павлов. Он начал с оценки прошедшего совещания, но И. В. Сталин остановил его.

— В чём кроются причины неудачных действий войск „красной“ стороны? — спросил он.

Д. Г. Павлов попытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка И. В. Сталину явно не понравилась, и он заметил:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведённой игре не получилось.

Затем, видимо, потеряв интерес к выступлению Д. Г. Павлова, И. В. Сталин спросил:

— Кто ещё хочет высказаться?

Я попросил слова.

Отметив большую ценность подобных игр для роста оперативно-стратегического уровня высшего командования, предложил проводить их чаще, несмотря на всю сложность организации. Для повышения военной подготовки командующих и работников штабов округов и армий считал необходимым начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба.

Затем коснулся строительства укреплённых районов в Белоруссии.

— По-моему, в Белоруссии укреплённые рубежи (УРы) строятся слишком близко к границе и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Это позволит противнику ударить из района Бреста и Сувалки в тыл всей нашей белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не могут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнём.

— А что вы конкретно предлагаете? — спросил В. М. Молотов.

— Считаю, что нужно было бы строить УРы где-то глубже, дальше от государственной границы.

— А на Украине УРы строятся правильно? — спросил Д. Г. Павлов, видимо, недовольный тем, что я критикую его округ.

— Я не выбирал рубежей для строительства УРов на Украине, однако полагаю, что там тоже надо было бы строить их дальше от границы.

— Укреплённые районы строятся по утверждённым планам Главного военного совета, а конкретное руководство строительством осуществляет заместитель наркома обороны маршал Шапошников, — резко возразил К. Е. Ворошилов.

Поскольку началась полемика, я прекратил выступление и сел на место.

Затем по ряду проблемных вопросов выступили ещё некоторые генералы. <...>.

Странное впечатление произвело выступление заместителя наркома обороны по вооружению маршала Г. И. Кулика. Он предложил усилить состав штатной стрелковой дивизии до 16–18 тысяч и ратовал за артиллерию на конной тяге. Из опыта боевых действий в Испании он заключал, что танковые части должны действовать главным образом как танки непосредственной поддержки пехоты и только поротно и побатальонно.

— С формированием танковых и механизированных корпусов, — сказал Г. И. Кулик, — пока следует воздержаться.

Нарком обороны С. К. Тимошенко бросил реплику:

— Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрой механизации войск. Один Кулик всё ещё путается в этих вопросах.

И. В. Сталин прервал дискуссию, осудив Г. И. Кулика за отсталость взглядов.

— Победа в войне, — заметил он, — будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск.

Это замечание И. В. Сталина как-то не увязывалось с его прежней точкой зрения по этому вопросу. Как известно, в ноябре 1939 года были расформированы наши танковые корпуса и высшим танковым соединениям было приказано иметь танковую бригаду.

В заключение И. В. Сталин заявил, обращаясь к членам Политбюро:

— Беда в том, что мы не имеем настоящего начальника Генерального штаба. Надо заменить Мерецкова. — И, подняв руку, добавил: — Военные могут быть свободны.

Мы вышли в приёмную. К. А. Мерецков молчал. Молчал нарком. Молчали и мы, командующие. Все были удручены резкостью И. В. Сталина и тем, что Кирилл Афанасьевич Мерецков незаслуженно был обижен. <...>.

На следующий день после разбора игры я был вызван к И. В. Сталину. Поздоровавшись, И. В. Сталин сказал:

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Я ждал всего, но только не такого решения, и, не зная, что ответить, молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас, — сказал И. В. Сталин, делая ударение на слове „решило“.

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну вот и договорились. Завтра будет постановление ЦК, — сказал И. В. Сталин.

Через четверть часа я был у наркома обороны. Улыбаясь, он сказал:

— Знаю, как ты отказывался от должности начальника Генштаба. Только что мне звонил товарищ Сталин. Теперь поезжай в округ и скорее возвращайся в Москву. Вместо тебя командующим округом будет назначен генерал-полковник Кирпонос, но ты его не жди, за командующего можно пока оставить начальника штаба округа Пуркаева».

Теперь назначениями и перемещениями Жукова по иерархической лестнице стал управлять Сталин. И так будет до самой смерти диктатора.

Сталин, как отмечают все его биографы, был хорошим психологом и, говоря современным языком, великолепным менеджером. Вот почему его кадровые перестановки оказывались в большинстве случаев правильными, точными, своевременными. Из длинной шеренги маршалов и генералов, из этого послушного и верного строя, который был уже очищен расстрелами 1937 и 1938 годов, он выхватывал по одному из самых талантливых и надёжных и расставлял их, думая о предстоящей войне, кого во главе округа и фронта, кого во главе армии, корпуса, дивизии. И в этой напряжённой и опасной игре, где ставка — будущее, Сталину нужен был один, самый энергичный и надёжный, самый талантливый и удачливый, который всегда, в самый трудный момент, находился бы рядом. И Сталин его выбрал.

В мемуарах маршала Мерецкова назначение Жукова на должность начальника Генерального штаба выглядит несколько иначе. Вот как он описывает в своей книге «На службе народу» финал совещания и штабных игр:

«Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего комсостава и январской оперативной игры. На всё отвели 15–20 минут. Когда я дошёл до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор практически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы.

Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом её операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван. Слово пытался взять Н. Ф. Ватутин. Но Николаю Фёдоровичу его не дали. И. В. Сталин обратился к народному комиссару обороны.

С. К. Тимошенко меня не поддержал.

Более никто из присутствовавших военачальников слова не просил. И. В. Сталин прошёлся по кабинету, остановился, помолчал и сказал:

— Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся! Возражений, естественно, не последовало».

Некоторые биографы полководца говорят, что «в назначении Жукова начальником Генштаба главную роль сыграли его удачные действия во время оперативно-стратегических игр и выступление на совещании».

По всей вероятности, уверенные и грамотные действия Жукова во время «битвы» с «красными», то, как он положил на лопатки своего коллегу и соперника в игре командующего Белорусским военным округом генерала Павлова, а также внятное выступление по теме «Характер современной наступательной операции», основанное на опыте, полученном на Халхин-Голе, — всё это в совокупности, конечно же, повлияло на Сталина и Тимошенко, которые, каждый имея свой мотив, искали более подходящую кандидатуру начальника Генштаба. И вот сошлись на Жукове — волевой, исполнительный, в достаточной степени грамотный, нюхнувший порошу на передовой и имеющий опыт современной войны. Как некогда характеризовал Жукова его непосредственный начальник Рокоссовский: «Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет её на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив...»^[73]

Да, у него не было академического образования. Но все знали способности Жукова постигать теорию управления войсками самостоятельно. Всюду с собой он возил главный свой багаж — книги. «Как сейчас, вижу три тома Клаузевица „О войне“, примечательные тем, что они испещрены пометками отца, — вспоминала Элла Георгиевна. — Такая же судьба постигла десятки томов в светло-серых переплетах серии „Библиотека командира РККА“ Они были очень удобны для работы, так как печатались с большими полями. Были и книги, изданные ещё до революции. Среди них „Ведение современных войн и боя“ А. Г. Елчанинова, „Стратегия“ Н. П. Михневича, „Современная война“ А. А. Незнамова, „Основы современного военного искусства“ В. А. Черемисова». А ещё Свечин, Мольтке, Шлиффен, Снесарев. Жизнеописания великих полководцев Древнего Рима и Карфагена. Знал способности своего нового непосредственного подчинённого и Сталин.

Главная военная академия ждала нашего героя впереди.

ЧАСТЬ II
ТРИУМФ ПОЛКОВОДЦА

Глава восемнадцатая

Противостояние

«Таково указание товарища Сталина...»

Жукову трудно было расставаться с войсками. Построения на плацу, запах конюшен, артиллерийские залпы на полигоне и взводные колонны на марше, стриженные затылки бойцов — всё это было его родной стихией... Но Сталин решил, что теперь он нужен в Генштабе.

В Европе Гитлер развёртывал всё новые и новые дивизии, тайно перебрасывая их к границам СССР.

Англичане флиртовали с фашистской Германией, уступая ей то Чехию, то Австрию. Нашёптывали Гитлеру пойти войной на восток, надеясь на то, что он не решится воевать на два фронта, а значит, ринувшись на Советский Союз за хлебом, лесом, рудами и нефтью, оставит в покое Англию и даже, быть может, союзную Францию.

Сталин нервно наблюдал за этой вознёй. Все предложения советской стороны приструнить Германию, создав антигитлеровскую коалицию, отвергались англичанами под различными предлогами. Немецкая дипломатия, не желая этого союза, начала усиленно искать пути сближения с Советским Союзом. Сближения, как оказалось вскоре, временного. Сталин, понимая, что с Англией и Францией не договориться, согласился заключить с Германией пакт о ненападении. Он как мог оттягивал начало войны, зная, что Красная армия ещё не готова в полной мере к схватке с вермахтом.

Эта пауза нужна была всем — и Германии, и Советскому Союзу. Гитлер всё ещё надеялся впрячь в свою огненную колесницу, уже стоявшую у советской границы, и английских коней. А Сталин, чувствуя коварство англичан, которые были всегда непредсказуемы в своём выборе, пытался умиротворить Германию. Сталин знал историю: англосаксы никогда не ценили союза со славянами, в особенности с Россией, они не стремились к такому союзу даже в самые трудные времена.

В исторической драме нападения немецких армий на СССР 22 июня 1941 года до сих пор не хватает каких-то деталей, из-за чего почти самопроизвольно рвётся логическая нить, распадается при тщательном рассмотрении. По этому поводу историк Андрей Ильич Фурсов в одном из своих интервью весьма точно отметил: «Гитлер не пересекал Ла-Манш,

потому что он не хотел завоевать Англию, но всё время ожидал, что англичане объединятся с ним в войне против России. Англичане очень долго водили его за нос. По совокупности косвенных доказательств совершенно ясно, что Гитлер никогда не осмелился бы напасть на Советский Союз, если бы он о чём-то не договорился с англичанами, которые, естественно, с самого начала его обманывали. Им нужно было толкнуть Гитлера на Советский Союз, чтобы потом разделаться с Германией, как с потенциальным конкурентом».

В 1946 году во время суда в Нюрнберге генерал-фельдмаршал Паулюс, отвечая на вопросы советской стороны по поводу полёта Рудольфа Гесса в Англию и его секретных переговоров, обмолвился: «Я думаю, что “миссия Гесса” не окончена и по сию пору...» И пояснил: если бы стало очевидным, «что война не может быть им (Гитлером) выиграна», он ушёл бы «передав свои полномочия Гессу...». И ещё: «Лондон был заинтересован в войне между Германией и Советским Союзом. Столкнуть лбами своих врагов и отойти в сторону — это так по-английски!..»

Этот «неожиданный» для Берлина полёт вполне логично укладывается в концепцию А. И. Фурсова. 10 мая 1941 года рейхсминистр, рейхслайтер, обергруппенфюрер СС Гесс вылетел на «Мессершмитте-110» с военного аэродрома в Аугсбурге в Южной Германии и взял курс на север. Самолёт пересёк Ла-Манш и на последних каплях топлива, запас которого в баках был рассчитан почему-то только на полёт в один конец, едва дотянул до Шотландии, где находилось имение лорда Дугласа Гамильтона. Лорд был приятелем Гесса. Они познакомились во время Олимпийских игр в 1936 году. Лорд Гамильтон должен был устроить Гессу встречу с той частью британского истеблишмента, которая находилась в оппозиции к Черчиллю и желала его устранения. Но что-то пошло не так. К Гамильтону Гесс не попал.

Гесс был превосходным пилотом. В Первую мировую воевал в составе авиаэскадрильи «Рихтгофен», получил два ранения и два Железных креста. При подлёте к контрольной точке в баках двухмоторного «мессершмитта» закончилось топливо. Пилот выпрыгнул с парашютом и сдался в плен шотландским фермерам. В результате Гесс попал в руки людей Черчилля. То есть не в те руки.

Гитлер, немного выждав, объявил Гесса сумасшедшим. Ведь не мог же он в канун вторжения в СССР признать факт переговоров с Англией, а стало быть, и явную подготовку к войне на востоке. Передислокация войск у границ с Советским Союзом была временно приостановлена и возобновилась только 18 июня. Перед атакой советских границ Гитлеру

нужны были гарантии, что британские дивизии не ударят в спину. Война на два фронта однажды уже погубила Германию.

Историки говорят, что Сталин знал об интриге, что донесения он получал едва ли не со стола переговоров Гесса. Правда, не с той стороны, на которую миссия Гесса была рассчитана в Берлине. У Гитлера был свой план, который он решил реализовать именно теперь. Сформулировал он его ещё в своём манифесте «Mein Kampf»: «Только с Англией в качестве союзника, с прикрытой спиной, можно начать новое германское вторжение в Россию».

И вот тут-то, пожалуй, появляется ещё одна щель, откуда веет сквознячком-намёком на вопрос: почему именно Гесс?

После провала «Пивного путча» в 1923 году Гесса, какое-то время скрывавшегося в Австрии, арестовали и приговорили к семи месяцам заключения. В тюремном замке Ландсберг он сидел вместе с другим участником неудавшегося переворота — Гитлером. Именно там Гитлер, страницу за страницей, главу за главой, надиктовывал своему сокамернику Рудольфу Гессу манифест национал-социализма, ставший книгой «Mein Kampf». Вскоре личный секретарь Гитлера стал председателем центральной партийной комиссии и депутатом рейхстага, а 21 апреля 1933 года — заместителем Гитлера по партии.

Бывший нарком иностранных дел СССР Молотов в одной из бесед с писателем Феликсом Чуевым рассказал о реакции Сталина на историю с Гессом: «Когда мы прочитали об этом, то прямо ошалели. Это же надо! Не только сам сел за управление самолётом, но и выбросился с парашютом, когда закончился бензин. Гесс назвал себя чужим именем. Чем не подвиг разведчика? Сталин спросил у меня, кто бы из наших членов Политбюро способен решиться на такое? Я порекомендовал Маленкова, поскольку он шефствовал в ЦК над авиацией... Сталин предложил сбросить Маленкова на парашюте к Гитлеру, пусть, мол, усюветит его не нападать на СССР...»

В ответ на вероломную дипломатию Германии, которая, в случае её успеха, могла обернуться для Советского Союза катастрофой, Сталин предпринял весьма рациональный и, пожалуй, единственно верный в тот момент шаг: 13 июня 1941 года по радио было передано срочное сообщение ТАСС. Оно прозвучало вначале по зарубежным каналам, а 14-го числа вышло в печати — в «Правде», «Известиях» и других центральных газетах.

В заявлении говорилось, что «СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с

Германией, являются лживыми и провокационными», а также то, что, «по данным СССР, Германия неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям».

Гитлер на заявление не ответил. И Сталин понял — война у порога.

Но заявление ТАСС было игрой — долгой и многоходовой: в большей степени оно адресовано не Гитлеру, и даже не Черчиллю, а Рузвельту, американцам. Ещё в 1937 году президент США заявил: если Германия нападёт на Советский Союз, то Соединённые Штаты будут поддерживать Советский Союз; если же Советский Союз станет на путь агрессии, то Соединённые Штаты поддержат сторону, подвергшуюся атаке, а именно Германию.

Как отметил профессор Фурсов, «нападение на Германию означало бы для Советского Союза войну со всем миром...». А воевать со всем миром, даже с прекрасно оснащённой и вооружённой, отмобилизованной и укомплектованной специалистами армией, было бы безумием. На такой шаг Сталин не пошёл. Попутно, и именно здесь, стоит напомнить о нелепости самого существования теории «превентивного удара», к которому якобы готовили, в том числе и Генштаб, всю группировку войск, стянутую к западным границам.

Из беседы Молотова с Феликсом Чуевым: «Это дипломатическая игра... Не наивность, а определённый дипломатический ход, политический ход... это, так сказать, попытка толкнуть на разъяснение вопроса. И то, что они (немцы. — С. М.) отказались на это реагировать, только говорило, что они фальшивую линию ведут по отношению к нам... Это действительно очень ответственный шаг. Этот шаг направлен, продиктован и оправдан тем, чтобы не дать немцам никакого повода для оправдания. Если бы мы шелохнули свои войска, Гитлер бы прямо сказал: “А, вот видите, они уже там-то войска двинули! Вот вам фотографии, вот вам действия!” Говорят, что не хватало войск на такой-то границе, но стоило нам начать приближение войск к границе — дали повод! А в это время готовились максимально.

У нас другого выхода не было. Так что, когда нас упрекают за это, я считаю, это гнусность. Сообщение ТАСС нужно было как последнее

средство... И получилось, что двадцать второго июня Гитлер перед всем миром стал агрессором. А у нас оказались союзники».

Англия же, удерживая в Тауэре ценнейшего узника, по сути исполняла некие договорённости — с Гитлером! — ещё три долгих года, когда, наконец, решилась на открытие второго фронта.

Англосаксы обещали своим союзникам, и прежде всего СССР, что начнут высадку в континентальной Европе в 1942 году. Не высадились. Потом — в 1943-м. Имитировали локальную высадку и снова замерли — аж до 1944-го. Большая игра. Как заметил немецкий фельдмаршал, прошедший окопы Сталинграда: это так по-английски...

Только когда стало очевидным, что Красная армия берёт верх, союзники организованно высадились в Нормандии, чтобы не остаться на островах и других архипелагах, когда русские, пусть и с большими потерями, доберутся до «логова».

О подписании Гитлером плана «Барбаросса» советская разведка узнала через две недели. В марте 1941 года начальник разведуправления Генштаба генерал Голиков^[74] доложил Сталину: германские войска тремя группировками сосредоточены в пограничных районах, удары следует ожидать одновременно на Ленинград, на Москву и на Киев.

Наша разведка ещё в феврале 1941 года докладывала: немецкие дивизии усиленно перебрасываются из внутренней Германии на восток и дислоцируются непосредственно по линии новой советской границы. И странным выглядит послевоенное признание Жукова: «Как начальник Генерального штаба, принявший этот пост 1 февраля 1941 года, я ни разу не был информирован И. В. Сталиным о той разведывательной информации, которую он получал лично».

Нет оснований не верить Жукову.

Но Сталину важно было начать войну так, чтобы первый удар нанесла Германия и чтобы удар этот не был спровоцирован. Во всяком случае, чтобы не выглядел таковым.

Понимал это и Гитлер и потому в первый удар 22 июня 1941 года вложил всю силу своих войск, всю мощь вооружения, опыт своих генералов и солдат.

Жуков в эти дни работал по 15–16 часов в сутки. И часто ночевал прямо в рабочем кабинете. Донесения из штабов Западного Особого и Киевского Особого военных округов свидетельствовали о том, что гроза вот-вот разразится в набухшем войсками и военной техникой пространстве между Чёрным и Балтийским морями. Теперь его больше беспокоил вопрос: где?

Сталин не хотел этому верить. У него были свои мотивы, которыми он, как и разведданными, не только с начальником Генштаба, но и вообще ни с кем не делился.

Жукову и тогда, накануне войны, и десятилетия спустя, когда засел за мемуары, поведение Сталина казалось похожим на нерешительность.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «По долгу службы я пытался выяснить, почему военному руководству не даётся та информация, которая направляется И. В. Сталину и другим членам Политбюро. Мне ответили:

— Таково указание товарища Сталина.

Мы как-то с С. К. Тимошенко рискнули серьёзно поговорить с И. В. Сталиным. С присущим ему лаконизмом он ответил:

— То, что вам следует знать, вам будет сообщено.

Я не могу сказать точно, правдиво ли был информирован И. В. Сталин, действительно ли сообщалось ему о дне начала войны. Важные данные подобного рода, которые И. В. Сталин, быть может, получал лично, он мне и наркому обороны не сообщал.

Правда, однажды он сказал мне:

— Нам один человек передаёт очень важные сведения о намерениях гитлеровского правительства, но у нас есть некоторые сомнения...

Возможно, речь шла о Рихарде Зорге, работавшем в аппарате германского посла в Японии, о котором я узнал лишь после войны».

В мемуарах Жукова глава «Накануне Великой Отечественной войны» — одна из самых объёмных и обстоятельных. В ней даётся целый очерк экономического состояния страны. Чувствуя и свою личную ответственность за неудачи лета 1941 года, Жуков пытался объяснить трагедию начального периода войны объективными причинами и предпосылками. Что ж, это вполне понятно.

Наркомат обороны и Генштаб сделали всё что могли. И, быть может, больше. С поправкой на решения Сталина, порой нелогичные, казавшиеся военным опасными. Но оспорить их было невозможно. Жуков и Тимошенко несколько раз пытались это сделать, но Сталин их резко и даже грубо осаживал.

Тем не менее под давлением Тимошенко и Жукова Сталин разрешил провести ограниченную мобилизацию резервистов. «Сначала наша просьба была отклонена, — вспоминал маршал. — Нам было сказано, что призыв приписного состава запаса в таких размерах может дать повод немцам спровоцировать войну. Однако в конце марта было решено призвать пятьсот тысяч солдат и сержантов и направить их в приграничные военные округа для доукомплектования, с тем чтобы довести численность

стрелковых дивизий хотя бы до 8 тысяч человек».

Спустя несколько дней из военкоматов хлынула новая волна — 300 тысяч — повесток: призывали специалистов — связистов, строителей, водителей, авиационных техников. Ими доукомплектовывали подразделения укрепрайонов, инженерных войск, противовоздушной обороны и службы тыла военно-воздушных сил.

Проблемы, накопившиеся в предыдущие годы, сгрудились и казались непреодолимыми: пропускная способность железных дорог в западных округах кратно уступала возможностям грузоперевозок по ту сторону границы, пути не были приспособлены под погрузку и выгрузку, мосты не выдерживали веса танков, армии первого эшелона лишь на 30–40 процентов были обеспечены беспроводной связью, западные укрепрайоны оказались не готовы, часть артиллерии, снятой со «второй линии», находилась где-то в пути, и неизвестно было, когда её установят на линии первого эшелона, так как инженерные сооружения ещё недостроили...

В середине апреля из Генштаба в Киевский и Западный Особые округа ушла директива: «Несмотря на ряд указаний Генерального штаба Красной Армии, монтаж казематного вооружения в долговременные боевые сооружения и приведение сооружений в боевую готовность производится недопустимо медленными темпами.

Народный комиссар обороны приказал:

1. Всё имеющееся в округе вооружение для укреплённых районов срочно смонтировать в боевые сооружения, и последние привести в боевую готовность.

2. При отсутствии специального вооружения установить временно (с простой заделкой) в амбразурные проёмы и короба пулемёты на полевых станках и, где возможно, орудия.

3. Приведение сооружений в боевую готовность производить, несмотря на отсутствие остального табельного оборудования сооружений, но при обязательной установке броневых, металлических и решётчатых дверей.

4. Организовать надлежащий уход и сохранность вооружения, установленного в сооружениях.

5. Начальнику Управления оборонительного строительства Красной Армии немедленно отправить в округа технические указания по установке временного вооружения в железобетонные сооружения.

О принятых мерах донести к 25.4.41 в Генеральный штаб Красной Армии.

Начальник Генштаба Красной Армии

Генерал армии — Г. Жуков».

Возможности экономики страны были не безграничны. И на фоне невыполнения плана по выплавке многих видов металла и выпуску танков, особенно КВ и Т-34, новых типов самолётов, артиллерийских орудий и систем залпового огня, а также стрелкового оружия многие положения плана Генштаба выглядели фантастическими.

К примеру, формирование механизированных корпусов, в которых основную ударную силу составляли танки. Жуков всё-таки продавил идею создания крупных танковых соединений. По его замыслу корпуса должны были бы иметь, кроме боевых машин и другого вооружения, полный комплекс технического обслуживания, а также собственные стрелковые части прикрытия — мотопехоту. Видел, насколько эффективны они в современном бою. Знал из публикаций и из разведсводок, как действовали и действуют немцы в Польше, Франции, Греции и на Балканах. Новый штат мехкорпусов Жуков планировал вместе с танкистами. Затем все предложения группировались и согласовывались в высших инстанциях — в наркомате у Тимошенко и у Сталина.

Сталин вникал во всё, мелочей в подготовке к войне для него не существовало.

Мехкорпуса как основное оперативно-тактическое соединение подвижных войск для «глубокого потрясения фронта противника» решено было формировать ещё год назад. К моменту прихода в Генштаб Жукова Красная армия уже имела девять корпусов. Жуков подал предложения на создание ещё двадцати одного.

Порой в военной литературе эта цифра и сам факт комментируются либо как попытка нового начальника Генштаба выстроить «потёмкинские деревни», либо как доказательство того, что Жуков попросту не знал реалий советской оборонки. Пустое, всё он знал, а лгать Сталину не собирался. Очковтирательства не терпел. Не плодил эту заразу среди подчинённых и не склонен был к ней прибегать сам. Жуков понимал: чтобы остановить вермахт, нужен танковый таран.

Сталин всё время твердил, что война не начнётся, что для перевооружения армии — а оно шло полным ходом — время ещё будет. И, как признавался сам Жуков, всё окружение вождя было околдовано его уверенностью, уповало на его мудрость.

Если бы войну действительно удалось оттянуть хотя бы на год, корпуса, все 30, были бы, конечно же, сформированы.

Новый, жуковский штат механизированного корпуса был таким:

- 36 080 человек личного состава;
- 1031 танк различного типа (из них 126 тяжёлых, 420 средних, 316 БТ-7, 152 Т-26 и химических, 17 плавающих);
- 268 броневых автомобилей БА-10 и 116 БА-20;
- 100 полевых орудий;
- 36 противотанковых и 36 зенитных орудий;
- 186 миномётов.

Структура: две танковые дивизии, одна моторизованная, а также другие части и подразделения.

Война покажет неэффективность, громоздкость такой структуры. Постепенно структура и штаты мехкорпусов будут меняться и сокращаться. Война диктовала свои требования — новое механизированное оперативно-тактическое соединение должно быть манёвренным, легко управляемым.

Состав мехкорпуса 1943 года:

- три механизированные бригады;
- одна танковая бригада;
- один-два самоходно-артиллерийских полка;
- отдельный гвардейский миномётный дивизион реактивной артиллерии.

Всего 16 369 человек.

246 танков и САУ (Т-34 — 176, Т-70 — 21, САУ — 49).

252 орудия и миномёта.

Свыше 1800 автомашин.

Как видно из этих цифр, штат мехкорпуса, обкатавшись в боях и битвах, значительно уменьшился. Однако увеличилась его мобильность. Артиллерия с колёс и копыт перешла на гусеницы и надёжно закрылась бронёй. Калибр её увеличился, огневая мощь усилилась. Повысилась манёвренность. За счёт качества танков уменьшилось их количество. Повысилась управляемость.

Уже тогда, в канун войны на западных границах определились будущие танковые командиры, которые спустя годы и битвы будут кромсать боевые порядки противника под Курском, Орлом, на Днепре, под Киевом и Берлином. 9-м мехкорпусом командовал Рокоссовский, 11-м — Мостовенко, 21-м — Лелюшенко. Летом 1941-го все они будут хорошенько биты. Но опыт и злость от первых неудач и поражений им ещё очень пригодятся.

Жуков с присущей ему волей, выполняя приказ наркома, давил на своих подчинённых. Танков не хватало. Промышленность не удовлетворяла потребности. Пришлось изымать боевые машины из танковых батальонов

стрелковых дивизий и из танковых полков кавалерийских дивизий. Одно строили, другое ослабляли. Стрелковые и кавалерийские дивизии оказались лишёнными своей главной ударной силы.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности. Для полного укомплектования новых мехкорпусов требовалось 16,6 тысячи танков только новых типов, а всего около 32 тысяч танков. Такого количества машин в течение одного года практически при любых условиях взять было неоткуда, недоставало и технических, командных кадров».

Вдобавок ко всему Сталин колебался. Долго вчитывался в план Жукова по созданию мехкорпусов. Его смущала невозможность в самое ближайшее время полностью оснастить эти новые соединения. Наконец, в конце марта план подписал. С апреля началось массовое развёртывание корпусов.

К 22 июня удалось сформировать 29 механизированных корпусов. Все они были в различной степени укомплектованы. Именно мехкорпуса, их жертвенные контратаки в первые недели войны внесут поправки в немецкий «блицкриг» и в дальнейший ход боёв на советско-германском фронте.

Пятого мая генерал Голиков доложил Жукову: количество немецких дивизий, переброшенных к советской границе из внутренней Германии, Франции и Греции, достигло 103–107, из них 23–24 — в Восточной Пруссии, 60–63 — в Польше, 14–15 — в Румынии и Венгрии.

Жуков перечитал донесение, подошёл к карте. И спросил начальника разведуправления:

— Можно ли верить заверениям германских властей и военных, их газетам и листовкам, что такая масса войск для нападения на Англию им нужна именно у наших границ? Как вы думаете?

— Трудно в это поверить, — ответил Голиков. — Но товарищ Сталин так считает.

— Политика политикой, Филипп Иванович, а мы — военные. И обязаны выполнять свою работу, а не просто заниматься статистикой, когда враг у ворот.

Голиков промолчал. Вскоре он ушёл. Жуков знал, что начальник разведуправления, который ежедневно доставлял сводки Сталину, ничего существенного в качестве комментария к ним Хозяину не скажет. Это раздражало.

Он вызвал к себе Ватутина и Василевского. Когда генералы оперативного управления вошли в кабинет, указал на карту:

— Вот последние данные о концентрации немецких войск с привязкой

к конкретным районам. Я думаю, уже совершенно очевидно, что они сосредоточены здесь для нападения на нас. Что необходимо: ускорить реализацию плана стратегического развёртывания, срочно, до утра, с учётом последних разведданных, подготовить предложения правительству для принятия решительных контрмер.

Через час Жуков встретился с Тимошенко. Совещались недолго. Сошлись на одном: чтобы избежать катастрофы, ударить первыми. Идея превентивного удара и раньше обсуждалась ими. Этого требовали уставы: атаковать противника, где бы он ни находился. А ударить именно теперь, когда леса по ту сторону Буга и Прута забиты техникой, складами с горючим и боеприпасами, означало лишить его наступательной силы и ресурса.

Глава девятнадцатая

«План Жукова»

«Сталин подошёл к Жукову и начал на него орать...»

«Каждое мирное время имеет свои черты, свой колорит и свою прелесть, — размышлял в своих мемуарах маршал. — Но мне хочется сказать доброе слово о времени предвоенном. Оно отличалось неповторимым, своеобразным подъёмом настроения, оптимизмом, какой-то одухотворённостью и в то же время деловитостью, скромностью и простотой в общении людей. Хорошо, очень хорошо мы начинали жить!»

Он снова и снова переживал те последние мгновения истончающегося мира, который, уже зримо, уходил в прошлое, и это прошлое, как потом оказалось, было лучшим, что подарила жизнь им, тому могучему поколению — поколению юношей Гражданской войны. И оно не вернулось уже никогда. Ничего подобного той жизни, которую они прожили и полюбили в довоенные годы, они не увидят никогда. Даже победив. Победив, чтобы вернуть из прошлого всё хорошее, скомканное войной и наполовину убитое.

Семья Жукова из Киева переехала в Москву.

Из воспоминаний Эры Георгиевны: «Поселились мы на улице Серафимовича в знаменитом мрачном Доме правительства, заасфальтированный двор которого произвёл на меня с сестрой довольно тягостное впечатление. Как он отличался от зелёных, близких к природе, к земле дворов Слуцка, Минска! От жизни в этом доме у меня не сохранилось сколько-нибудь ярких впечатлений.

Последнее, предвоенное лето мы провели в живописнейшем месте Подмосковья — в Архангельском, где папе предоставили дачу. Непосредственно к участку примыкал сильно заросший пруд. Через дорогу совсем близко была река Москва, где можно было купаться, кататься на лодках и вообще интересно проводить время».

В Киеве семья Жукова жила в двухэтажном особняке. Раньше его занимала семья Тимошенко. Жуковы заняли один этаж, комнат вполне хватало. На другом этаже жила семья члена Военного совета Борисова^[75]. Дети Жуковых и Борисовых сразу подружились, вместе играли во дворе, а по утрам ходили на ближайший пруд удить рыбу.

В Киев Жуков привёз мать Устинью Артемьевну. Привыкшая к

деревенскому простору, она вскоре заскучала по своей Стрелковке, по огороду и хозяйству, которые оставила на дочь Марию Константиновну. Сюда же в Киев на каникулы приехала из Москвы племянница Рита Пилихина. Жуков по-прежнему как мог опекал родню.

Георгий Константинович быстро сошёлся со своим членом Военного совета. Считал, что с комиссаром ему повезло. Владимир Николаевич Борисов был человеком образованным. Правда, порой излишне откровенным. Жизнь и обстоятельства учили быть сдержанным, даже в разговоре с самыми близкими и, казалось, надёжными. Он усвоил это тогда, в 1930-е, в период арестов и расстрелов. И до самых последних дней сохранит в себе, как часть характера, эту сдержанность.

Вряд ли комиссар Борисов рассказывал Жукову о своём прошлом. А прошлое у Владимира Николаевича было непростым. По молодости лет успел в двух станах повоевать. В 1918 году в Бузулук, где он, сын приходского священника, заканчивал реальное училище, вошли колчаковцы. Для поддержания порядка в городе начали формировать отряды самообороны — квартальную охрану. Давали винтовку, паёк. Борисов вместе с однокашниками вступил в такой отряд. Многим в это смутное время хотелось заполучить в руки винтовку и десяток патронов. Когда красные выбили колчаковцев из Бузулука, Борисов покинул город вместе с отступающим войском Колчака. Но потом перешёл к красным. Ни расстрелов, ни других лихих дел за ним не числилось. Вот и назначили начитанного реалиста читать неграмотным красноармейцам газеты и заниматься с ними политпросвещением. Служба ему понравилась. Со временем он пошёл вверх по партийной линии, по комиссарской стезе.

После того как Жуков отбыл в Москву, армейский комиссар 2-го ранга Борисов продолжил службу в округе. Когда началась война, был направлен в район Полоцка с задачей формировать из политработников заградительные отряды для укрепления обороны на участке Полоцк — Остров. Служил он под непосредственным руководством Мехлиса. Пока Борисов с заградотрядами пытался закрыть прорыв под Полоцком, его шеф каким-то образом пронюхал о его юношеской колчаковской эпопее. 9 июля Борисов вернулся в Москву, доложил Мехлису всё как есть. Сформированные им отряды в считанные дни погибли в ходе немецкого наступления. Никаких заградительных функций они не выполняли, а были брошены в бой вместе со стрелковыми частями. Взбешённый его докладом Мехлис позвонил в НКВД, и спустя сутки Борисова арестовали. Обвинили в сокрытии своего «классово чуждого» происхождения, службе в белой армии, самовольном оставлении позиций и высказывании панических

пораженческих настроений. Военная коллегия Верховного суда СССР, проведя разбирательство, не признала в действиях Борисова факта самовольного оставления позиций и вынесла решение: пять лет лагерей с лишением воинского звания — за «мошенничество». Во время следствия вскрылся такой факт: уже будучи красноармейцем, Борисов во время Гражданской войны скрывал у себя раненого белогвардейца. Срок Борисов отбывал в Печорлаге НКВД. Из лагеря постоянно писал письма Сталину, Тимошенко, Ворошилову с просьбой пересмотреть его дело и направить на фронт. В 1944 году, узнав из газет, как высоко взлетел его бывший сослуживец по КОВО, написал письмо Жукову, в то время заместителю Верховного главнокомандующего. Жуков отреагировал немедленно: обратился с письмом в Президиум Верховного Совета СССР, и 18 февраля 1944 года зэк Борисов досрочно, со снятием судимости, был освобождён и направлен на командирские курсы «Выстрел». По окончании курсов в звании полковника он отбыл в действующую армию — на 1-й Белорусский фронт в 5-ю ударную армию заместителем командира 266-й стрелковой дивизии. Фронтом в то время командовал Жуков. Так что воевали вместе.

И снова обратимся к воспоминаниям Эры Георгиевны: «Помню, что последние мирные месяцы и дни мы совсем мало видели папу, возвращавшегося домой, чаще всего, совсем поздно, когда мы, дети, уже спали. Только мама никогда не ложилась, ожидая его возвращения. Думаю, что новая должность и тревожная предвоенная обстановка не позволяли отцу, всегда доходившему в любой порученной ему работе до самой сути, проводить дома даже воскресные дни.

Накануне 22 июня папа вообще не приехал домой. Только несколько раз звонил маме. А совсем рано утром раздался телефонный звонок, и папа сказал, что началась война и чтобы его не ждали.

Запомнилось, что погода в то июньское воскресенье была прекрасная, солнечная. Природа никак не соответствовала тому страшному событию, которое произошло. Билеты в театр оперетты на спектакль «Роз-Мари»^[76], купленные для нас с Ритой Пилихиной, проводившей лето с нами на даче, остались неиспользованными».

А ещё, кроме «Роз-Мари», московские театралы в то лето ходили на премьеру драмы «Маскарад», которую поставили в Театре им. Евг. Вахтангова. Во МХАТе с прежним успехом шли «Три сестры» А. П. Чехова и «Дни Турбиных» М. А. Булгакова. Кинотеатры переполнялись желающими посмотреть «Светлый путь», «Музыкальную историю» и «Суворов». На эстраде блистали Вадим Козин, Иван Шмелёв, Сергей Лемешев, Клавдия Шульженко. Георгий Виноградов только что с шумным

успехом исполнил «Катюшу». Песней поколения, своего рода эстрадным символом предвоенной счастливой тишины, стала его песня «Последнее воскресенье», которую мы знаем как танго под названием «Утомлённое солнце». Разливаемым морем катился по стране голос народной любимицы Лидии Руслановой. На прилавках книжных магазинов появились полное издание трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам» и повесть Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». А за океаном испанский живописец, скульптор и писатель Сальвадор Дали, недавно покинувший Францию, оккупированную германскими войсками, будто спасаясь от модернистской деградации, написал полную символики надвигающейся катастрофы картину «Лицо войны».

Все поры мировой матрицы, все её канавки и углубления постепенно и неотвратно заполнялись войной...

Но давайте отмотаем ленту хроники немного назад, в предвоенное, в кануны.

Конец мая. В правительственных кабинетах и коридорах Наркомата обороны ещё не улеглись разговоры о прилёте немецкого Ю-52. 15 мая, через пять дней после ночного полёта обергруппенфюрера Гесса через Ла-Манш в Шотландию немцы отправили такой же «неожиданный» рейс на восток. «Юнкерс» появился в воздушном пространстве СССР в 7 часов 30 минут в районе Белостока.

Судя по оперативным сводкам, самолёты люфтваффе нарушали советскую воздушную границу почти ежедневно. Но этот «юнкерс» был особенным. Его топливные баки были рассчитаны на дальний перелёт.

Ни одна из зенитных установок на новой границе СССР не произвела ни залпа. Ни один истребитель не взлетел на перехват нарушителя. Немец взял курс на Минск, затем на Смоленск и, благополучно миновав и эти контрольные пункты, в 11 часов 30 минут вошёл в зону московской ПВО. Никто и ничто не препятствовало его полёту и здесь. Вскоре он сел на военном аэродроме в Тушине. Комендант аэродрома полковник Никитин каких-либо действий по пресечению посадки чужого самолёта, предусмотренных инструкцией, не предпринял. Похоже, что рейс был запланирован и этот «юнкерс» ждали. Последующие события зависели от результатов того загадочного полёта...

Долгие годы перелёт «юнкерса» оставался засекреченным эпизодом нашей общей с Германией истории. Тайна до конца не раскрыта до сих пор.

В середине 1990-х, когда завеса над некоторыми секретными историями Второй мировой войны немного приподнялась, одновременно в нашей и западной прессе появился ряд публикаций о перелёте 15 мая 1941

года. В 2005 году в Волгограде на научно-практической конференции, посвящённой шестидесятилетию Победы, Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов зачитал собранию военных историков и краеведов текст письма Гитлера Сталину. Письмо датировано 14 мая 1941 года, доставил его в Москву якобы тот самый загадочный транспортник с неизвестными пассажирами на борту.

«Уважаемый господин Сталин!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришёл к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения её как государства...

Однако чем ближе час приближающейся окончательной битвы, тем с большим количеством проблем я сталкиваюсь. В немецкой народной массе непопулярна любая война, а война против Англии особенно, ибо немецкий народ считает англичан братским народом, а войну между нами — трагическим событием. Не скрою, что я думаю так же и уже неоднократно предлагал Англии мир на условиях весьма гуманных, учитывая нынешнее военное положение англичан. Однако оскорбительные ответы на мои мирные предложения и постоянное расширение англичанами географии военных действий с явным стремлением втянуть в эту войну весь мир убедили меня, что нет другого выхода, кроме вторжения на (Английские) острова и окончательного сокрушения этой страны.

Однако английская разведка стала ловко использовать в своих целях положение о “народах-братьях”, применяя не без успеха этот тезис в своей пропаганде.

Поэтому оппозиция моему решению осуществить вторжение на острова охватила многие слои немецкого общества, включая и отдельных представителей высших уровней государственного и военного руководства. Вам уже, наверное, известно, что один из моих заместителей, господин Гесс, я полагаю — в припадке умопомрачения из-за переутомления, улетел в Лондон, чтобы, насколько мне известно, ещё раз побудить англичан к здравому смыслу, хотя бы самым своим невероятным поступком. Судя по имеющейся в моём распоряжении информации, подобные настроения охватили и некоторых генералов моей армии, особенно тех, у кого в Англии имеются знатные родственники, происходящие из одного древнего дворянского корня.

В этой связи особую тревогу у меня вызывает следующее обстоятельство. При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах

вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.

Уверяю Вас честью главы государства, что это не так.

Со своей стороны, я также с пониманием отношусь к тому, что Вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооружённого конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я хочу быть с Вами предельно откровенным.

Я опасаясь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдёт на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от её судьбы и сорвать мои планы. Речь идёт всего об одном месяце.

Примерно 15–20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи. Только таким образом мы сможем достичь наших общих целей, которые, как мне кажется, мы с Вами чётко согласовали.

Я благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном Вам вопросе, и прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам.

Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер. 14 мая 1941 года».

Подлинника письма Гитлера до сих пор обнаружить не удалось. Но это не сильно меняет обстоятельства. Ведь подлинников секретных протоколов, являющихся, как свидетельствуют специалисты, приложениями к пакту Молотова-Риббентропа, тоже пока нет. Однако в их подлинности не принято сомневаться. Если письмо — фальшивка, то, надо признать, не бездарная.

Это письмо хорошо коррелирует со многими обстоятельствами кануна

атаки советских границ 22 июня.

Во-первых, становится понятным поведение Сталина, который до конца верил, что в ближайшее время Германия не нападёт на СССР. И Жуков в своих мемуарах, и многие, кто в те дни был рядом со Сталиным, подтвердили это. Жуков: «Сопоставляя и анализируя все разговоры, которые велись И. В. Сталиным в моём присутствии в кругу близких ему людей, я пришёл к твёрдому убеждению: над ним тяготела опасность войны с фашистской Германией и все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием — избежать войны или оттянуть сроки её начала и уверенностью в том, что ему это удастся».

Во-вторых, в ту же логическую цепочку ложится факт появления немногим меньше месяца спустя сообщения ТАСС.

В-третьих, записи в дневнике министра пропаганды Третьего рейха Йозефа Геббельса, сделанные 31 мая 1941 года, обретают более конкретный смысл: «Подготовка к операции “Барбаросса” идёт полным ходом. Теперь начинается первая волна дезинформации. Задействуется весь государственный и военный аппарат. Об истинном положении вещей осведомлено лишь несколько человек. Я вынужден направить всё своё министерство по ложному пути, рискуя в случае неудачи потерей собственного престижа. Задело! Понемногу развёртываем тему вторжения. Я приказал сочинить песню о вторжении. Предложен новый мотив. Широко использованы английские радиопередачи... Всё дело должно быть раскрыто в течение двух недель. Всё это потребует много энергии, людей и денег, но всё окупится. Учитывая небольшой круг посвящённых, можно рассчитывать, что обман удастся. Марш вперёд!»

Итак, ведомство Геббельса всю сочиняло «песню о вторжении» в Англию, но на самом деле всё обстояло иначе: дула орудий были направлены на восток. И письмо Гитлера Сталину вполне ложилось в ту «волну дезинформации», которую разогнали по пути от Берлина до Польши так мощно, что она, конечно же, перехлёстывала границу и долетала до Москвы. Ведь именно там, в Кремле, сидел, выжидая, главный адресат всех информационных потоков.

В этой загадочной истории можно приводить аргументы и в-четвёртых, и в-пятых. Но пока не открыты архивы, в том числе и английские — документы по полёту Гесса, протоколы его допросов, засекречены на 50 лет, — остаётся только гадать о тех недостающих звеньях в цепи нашей истории.

А поскольку все эти белые (или тёмные) пятна связаны с нашим героем прямо или косвенно, мы не можем пройти мимо, не попытавшись

хотя бы взглянуть на них с любопытством.

В середине 1960-х годов Жуков рассказывал Константину Симонову об одной из встреч со Сталиным. По словам маршала, когда разведка донесла о сосредоточении крупных сил вермахта у границ Советского Союза, «Сталин обратился с личным письмом к Гитлеру, сообщив ему, что нам это известно, что нас это удивляет и создаёт у нас впечатление, что Гитлер собирается воевать против нас. В ответ Гитлер прислал Сталину письмо, тоже личное и, как он подчеркнул в тексте, доверительное. В этом письме он писал, что наши сведения верны, что в Польше действительно сосредоточены крупные войсковые соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдёт дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, что он намерен строго соблюдать заключённый им пакт, в чём ручается своей честью главы государства. А войска его в Польше сосредоточены в других целях. Территория Западной и Центральной Германии подвергается сильным английским бомбардировкам и хорошо наблюдается англичанами с воздуха. Поэтому он был вынужден отвести крупные контингенты войск на восток, с тем чтобы иметь возможность скрыто перевооружить и переформировать их там, в Польше. Насколько я понимаю, Сталин поверил этому письму».

Из беседы Жукова с Константином Симоновым можно предположить, что Ю-52 15 мая 1941 года доставил ответ Гитлера на письмо Сталина. Конспект письма Гитлера в изложении Жукова вполне увязывается с текстом, который сейчас гуляет по различным изданиям и который приведён выше.

Примерно в 1966 году с Жуковым встречался писатель Лев Безыменский. Впоследствии о своей беседе с маршалом он рассказывал, в частности, следующее: «Жуков был вызван в кабинет к Сталину. Тот сидел за столом. Открыв средний ящик стола, Сталин вынул лист бумаги и протянул его Жукову, произнеся: “Читайте!” По свидетельству Жукова, это было письмо Сталина к Гитлеру с выражением советских тревог. Затем Сталин вынул из того же ящика стола другой лист и также дал его Жукову на прочтение. Это было ответное письмо Гитлера. По словам Жукова, он по давности лет не помнил точных выражений, зафиксированных в этих письмах. Однако маршал добавил, что, открыв спустя несколько дней (14 июня 1941 г.) “Правду”, он увидел там Сообщение ТАСС, в котором была точно воспроизведена аргументация Гитлера».

Бог любит троицу. Третьим свидетелем признаний Жукова о том, что он держал в руках письмо Гитлера, была писательница Елена Ржевская. В

повести «В тот день, поздней осенью» она фактически пересказала слова маршала, которые слышал и Лев Безыменский, но уже с обобщением: Гитлер вёл заведомо нечестную игру, а Сталин поверил его слову. По словам Жукова, как писала Елена Ржевская, «Сталин не хотел воевать и готов был идти на уступки».

Шестнадцатого июня 1941 года в дневнике Геббельса, конечно же, обратившего внимание на Заявление ТАСС, опубликованное в советских газетах, появилась запись: «Россия — Германия — большая тема. Опровержению ТАСС никто не верит. Кругом строят догадки, что могла бы значить моя статья в “Volkischer Beobachter”^[77]. Источник всех слухов — Лондон. Очевидно, нас хотят выманить из норы, но это им никоим образом не удастся сделать. Мы храним полное молчание. Так что никакой ясности у противоположной стороны не будет. А между тем военные приготовления продолжают без перерыва».

Сталин, конечно же, ожидал, что Гитлер вылезет «из норы». Но Заявление ТАСС на него не подействовало. Слишком многое стояло на кону, чтобы за несколько суток до начала общей атаки на восток играть в рискованную дипломатию. Время обмена посланиями по секретной почте между Берлином и Лондоном, Берлином и Москвой прошло.

И Сталин это понял, к сожалению, слишком поздно. Однако, если снова иметь в виду США и то, что вся политика диктатора в эти дни была опрокинута в сторону Рузвельта, обстоятельства складывались хоть и скверно, но всё же по одному из вариантов, предусмотренных Сталиным. Войну развязал Гитлер — германские войска напали на Советский Союз и агрессор для мирового сообщества стал очевиден.

Для Сталина, советского правительства, Наркомата обороны СССР и даже для Красной армии нападение не было неожиданным; неожиданными явились масштабы и степень поражения наших войск в первые часы и дни войны.

Военным, не посвящённым в тайны сложных дипломатических и политических расчётов Сталина и членов Политбюро, в обстоятельствах надвигающейся грозы виделись свои варианты предотвращения агрессии, в том числе и радикальные. Устав и та наука, которую Жуков вынес из своих постоянных штудий классиков военной мысли и личного опыта четырёх войн, подсказывали ему очевидное — идею упреждающего удара.

Так появился документ под названием «Соображения по плану стратегического развёртывания Вооружённых сил Советского Союза». По сути дела это был конспект примерного плана, написанный от руки генерал-майором Василевским, судя по всему, после консультаций с

Жуковым, Ватутиным, Мерецковым и наркомом обороны маршалом Тимошенко. Сразу замечу, что этот рукописный конспект не был подписан ни Тимошенко, ни Жуковым. Но в военную историографию тем не менее он вошёл как «план Жукова» — «ибо именно в функции Жукова входило военное планирование»^[78].

«План Жукова» (авторами которого, по всей вероятности, были и Жуков, и Тимошенко) был адресован Сталину. Германия развернула «около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 8 воздушных и 4 кавалерийских дивизий, а всего около 284 дивизий. Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.5.41 г., сосредоточено до 86 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийской дивизий, а всего 120 дивизий».

Задача штабов, как известно, — планирование военных действий. Штабы должны иметь десятки планов и вариантов, чтобы эффективно применить самый рациональный, самый подходящий в определённых обстоятельствах.

Поводом для создания «Плана Жукова» послужили разведданные, свидетельствующие о неминуемой схватке, а также выступление Сталина перед выпускниками военных академий, где совершенно определённо прозвучало: Финская кампания показала неготовность Красной армии к большой войне, но партия и правительство принимают «экстренные меры» для повышения боевой подготовки войск и оснащения их техникой и оружием, которые превосходят германские образцы. «Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство, завоёванное трудящимися под руководством Коммунистической партии Ленина, — сказал Сталин, поднимая тост за молодых офицеров. — Германия хочет уничтожить нашу великую Родину, Родину Ленина, завоевания Октября, истребить миллионы советских людей, а оставшихся в живых превратить в рабов. Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне».

Для военных, которые обязаны мыслить конкретно и совершенно определёнными категориями, тост Сталина в Георгиевском зале Кремля перед выпускниками военных академий 1941 года был сигналом к действию. За наступление, так за наступление...

В «Плане Жукова» идея упреждающего удара обосновывалась следующим образом: Германия полностью отобилизовала свою армию, тылы её развёрнуты, и существует опасность того, что она может опередить Красную армию в общем развёртывании войск. «Чтобы предотвратить это,

считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативу действий германскому командованию, предупредить противника в развёртывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развёртывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск». И Жуков, и Тимошенко настаивали на необходимости немедленно провести ряд необходимых мероприятий, обеспечивающих безопасность страны. Среди них два основополагающих, без которых немислимо всё остальное: всеобщая мобилизация и ввод войск в предполье укрепрайонов.

Вот с этими предложениями и черновиком плана Жуков и Тимошенко явились на доклад к Сталину. Сталин выслушал их. Реакция его была неожиданно резкой. Во всяком случае, так показалось военным, не посвящённым в его политические расчёты и замыслы.

Никакого упреждающего удара! Более того, Сталин не разрешил привести в боевую готовность войска приграничных западных округов, чтобы ни одним неосторожным движением не спровоцировать Германию на агрессию.

Во время этой встречи произошла первая серьёзная стычка Жукова со Сталиным.

После войны Тимошенко в приватной беседе рассказывал, что после доклада Жукова Сталин пришёл в состояние крайнего эмоционального возбуждения, граничащего с яростью. По словам Тимошенко, Сталин «подошёл к Жукову и начал на него орать: “Вы что, нас пугать пришли войной или хотите войны, вам мало наград или званий?!” Жуков потерял самообладание, и его отвели в другую комнату. Сталин вернулся к столу и грубо сказал: “Это всё Тимошенко, он настраивает всех к войне, надо бы его расстрелять, но я его знаю как хорошего вояку ещё с Гражданской войны”».

Тимошенко, видя, что дело плохо и к чему всё идёт, по-солдатски прямо сказал Сталину:

— Вы же сказали всем, что война неизбежна, на встрече с выпускниками академий.

— Вот видите! — взмахнул трубкой Сталин, обращаясь к членам Политбюро. — Тимошенко здоровый, и голова большая. А мозги, видимо, маленькие... Это я сказал для народа, надо их бдительность поднять. А вам надо понимать, что Германия никогда не пойдёт одна воевать с Россией! Это-то вы должны понимать!

Далее Тимошенко вспоминал: «Он ушёл, но вскоре вернулся и произнёс: “Если вы будете на границе дразнить немцев, двигать войска без

нашего разрешения, тогда головы полетят, имейте в виду”».

Но этим не кончилось. Как впоследствии рассказывал Жуков журналистам, Сталин был «сильно разгневан» и через своего секретаря Поскрёбышева передал, «чтобы впредь такие записки “для прокурора” больше не писал: что председатель Совнаркома более осведомлён о перспективах наших взаимоотношений с Германией, чем начальник Генштаба, что Советский Союз имеет ещё достаточно времени, чтобы подготовиться к решающей схватке с фашизмом. А реализация моих предложений была бы только на руку врагам Советской власти».

Так диктатор «поставил на место» начальника Генштаба. Но что означали слова Тимошенко: «Жуков потерял самообладание»? Можно предположить, что между Жуковым и Сталиным произошла полемика в жёстких выражениях, которые Тимошенко из деликатности опустил.

Рассказ о «Плане Жукова», который в нашей историографии обычно представляют как широкомасштабные планы Красной армии первой начать войну с Германией, как намерение нанести превентивный удар с последующим наступлением на запад, можно на этом завершить.

Правда, существует версия, что существовал некий другой план. Но либо это миф, либо правду откроют архивы. Когда — неизвестно.

В одной из послевоенных бесед маршал так прокомментировал свой визит к Сталину с планом упреждающего удара: «Хорошо, что Сталин не согласился с нами. Иначе мы получили бы нечто, подобное Харькову в 1942 году».

Любопытное признание. Похоже, что Жуков, как и многие советские генералы и руководители страны, не предполагал, что германская армия настолько сильна и мобильна. Наша же разведка, в том числе и агентурная, возглавлял которую генерал Голиков, оказалась настолько слабой, а донесения, доставляемые ею, обрабатывались и синтезировались настолько непрофессионально, да ещё с густой примесью политики и угодничества первому лицу, что расчёты даже таких суровых реалистов, как Жуков и Тимошенко, оказались неверными.

Генштаб успел осуществить в этот короткий период некоторые мероприятия, которые очень скоро окажутся спасительными для Красной армии и которые во многом определяют хронику событий лета и осени 1941 года.

В военные округа Генштаб направил директиву, согласно которой предусматривалась вероятность отвода войск вглубь страны в случае внезапного нападения противника, эвакуации складов и промышленных предприятий. Оборона получала оперативную глубину, определялись три

её рубежа: фронтовой — по линии демаркации; стратегический — по линии рек Западная Двина и Днепр; государственный — Осташков, Сычёвка, Ярцево, Рославль, Почеп, Трубчевск. Директива предписывала: штабы округов в кратчайшие сроки должны представить на утверждение оперативные планы обороны. Некоторые историки называют эти мероприятия, конечно же, отфильтрованные осторожным Сталиным, скрытой мобилизацией. Из внутренних округов на стратегический рубеж перебрасывались и развёртывались несколько армий. В частности, в те дни из-под Ростова-на-Дону на линию Киевского укрепрайона привёл 19-ю армию генерал Конев.

Именно в эти последние сутки наши оборонительные линии непосредственно у границы были более или менее усилены. Оперативная плотность порядков войск КОВО, где ожидался основной удар, составляла от 70 до 160 километров на одну дивизию. Чтобы сразу отбросить все мудрствования по поводу сталинского превентивного удара и планов наступления на Прагу и Берлин, необходимо напомнить читателю, что для успешного наступления Красной армии необходимо было иметь как минимум дивизию на пять-семь километров фронта. Ясско-Кишинёвская операция, которая служит неким эталоном удачно проведённых наступательных операций с последующим окружением и уничтожением войск противника, потребовала, к примеру, доведения оперативной плотности до 6,8 километра на одну дивизию при огневой поддержке восемнадцати орудий и двух танков или самоходки на один километр фронта. Притом что часть немецких войск, оказавшихся в ходе операции в «котле», всё же смогла вырваться и избежать уничтожения и пленения.

Единственное, чего смогли добиться перед немецким ударом военные, — немного уплотнить войска первой фронтовой линии.

Тимошенко и Жуков почти ежедневно бывали у Сталина. Докладывали. Напоминали. Настаивали на более радикальных мерах. Выслушивали очередную нотацию по поводу возможной провокации, уходили оглушённые. А на следующий день снова шли и обосновывали необходимость приведения войск в полную боевую готовность.

— Вы что же, — нервно пыхал трубкой Сталин, — предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?

За три дня до начала войны Сталин согласился на некоторые уступки военным: Политбюро приняло решение о создании второго стратегического эшелона вдоль Днепра. Становилось очевидным: такую машину, какая скопилась по всей линии советско-германской границы, в приграничной

полосе не удержать, так что война «малой кровью, на вражеской территории» была оставлена политрукам и корреспондентам газет.

В тот же день Жуков направил командующим войсками западных округов телефонограммы: фронтовые и армейские управления вывести и развернуть на полевых пунктах.

Глава двадцатая

Пятая война

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами...»

Как ни странно, но для штабистов войны начинаются не тогда, когда тишину раскалывает первый залп и первая серия снарядов ложится на позиции противника. Для них война начинается раньше, иногда всего лишь за несколько часов до конца тишины.

Вечером 21 июня в Генштаб позвонили из Киевского Особого военного округа. Голос начальника штаба округа генерала Пуркаева^[79] был подчёркнуто спокойным, но в этом спокойствии читались ответы на многие вопросы минувших дней. Пуркаев доложил Жукову, что пограничники в районе Сокаля задержали перебежчика^[80]:

— Перебежчик показывает: сегодня во второй половине дня командир роты лейтенант Шульц отдал приказ приготовиться — сегодня ночью после артиллерийской подготовки их полк начинает форсирование Буга на плотках, лодках и понтонах. Кроме того, перебежчик сообщил, что их артиллерия заняла огневые позиции, а танки и пехота сосредоточены у бродов и переправ.

В те минуты, когда генералы разговаривали о перебежчиках, немецкие танкисты по ту сторону Буга и Прута дозаправляли топливные баки, проверяли боекомплекты и удаляли лишнюю смазку с трущихся деталей курсовых пулемётов. Лётчики уже получили приказ, нанесли на полётные карты боевые маршруты, а также объекты для огневого воздействия и стояли возле своих самолётов в ожидании команды «По машинам!». Пехотинцы, навьючив на себя снаряжение, коробки с пулёмётными лентами и минами для ротных миномётов, смотрели на противоположный берег реки и застёгивали ремешки стальных шлемов. Для солдат Германии, которая все эти годы последовательно и энергично освобождалась от «версальского комплекса», начинался поход к новой, более масштабной катастрофе.

Наш герой тем временем выполнял свои обязанности.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Я тотчас же доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом минут через сорок пять в Кремль, — сказал И. В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы^[81] этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С. К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

— Что будем делать? — спросил И. В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И. В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И. В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос ещё уладится мирным путём. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И. В. Сталин, прослушав проект директивы и сам ещё раз его прочитав, внёс некоторые поправки и передал наркому для подписи.

Ввиду особой важности привожу эту директиву полностью:

“Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского

военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно её замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъёма приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41 г.”

С этой директивой Н. Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать её в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 минут 22 июня 1941 года. Копия директивы была передана наркомму Военно-морского флота».

Директивы, уходящие в округа, а там растекающиеся по армиям, корпусам и дивизиям в виде конкретных приказов, к сожалению, катастрофически опаздывали. Командирам частей практически приходилось принимать решения исходя из той обстановки, которую они либо наблюдали в бинокль, либо видели вокруг уже невооружённым глазом. Так в первые сутки воевали многие, кто не был сразу же разбит, смят, захвачен врасплох и пленён. Многие отходили, самовольно оставив позиции. Некоторые из них в ярости и сумбуре первых неудач были вскоре расстреляны работниками НКВД, поспешно и зачастую несправедливо.

Катастрофу первых дней усугубило ещё и то, что из штабов по существу шли два потока документов на исполнение. Первые, порой подспудно, требовали повышения бдительности, усиления работы всех служб. Они соответствовали обстановке и настраивали войска быть готовыми в любой момент занять окопы и открыть огонь на поражение. Другой поток — сдерживающий — «не поддаваться на провокации» и «не провоцировать самим».

Вернувшись от Сталина в свой кабинет, Жуков понял — поздно, слишком поздно ушла в округа их директива. Пока получают, пока отдадут

распоряжения, пока поднимут солдат, пока те займут районы сосредоточения...

На рассвете 22 июня, словно пули в окна с разных сторон, в Генштаб полетели звонки.

В 3 часа 07 минут — с командного пункта Черноморского флота: со стороны моря приближается большое количество неизвестных самолётов.

В 3 часа 30 минут — из штаба Западного Особого военного округа: генерал Климовских сообщал о бомбардировке немецкой авиацией белорусских городов.

В 3 часа 35 минут — из штаба КОВО: налёты немецких самолётов на города Украины.

В 3 часа 40 минут — командующий войсками Прибалтийского военного округа доложил: авиация противника бомбит Каунас и другие города Прибалтики.

Первый звонок имел следующие последствия. Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский^[82] доложил о приближении к району базирования кораблей флота большой группы самолётов противника. Воздушные цели обнаружила радиолокационная система крейсера «Молотов». Тут же объявили тревогу. Боевые расчёты зенитных установок заняли свои позиции. Но как стрелять? Накануне из Москвы и штаба округа пришло столько бумаг, напоминавших командирам об ответственности за действия, которые с той стороны могли использовать как повод для провокации...

Доложив о самолётах, приближающихся к базе кораблей, Октябрьский сказал:

— Жду указаний.

Жуков, словно пытаясь оттянуть неизбежное, осторожно спросил:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолёты огнём противовоздушной обороны флота.

— Действуйте и доложите своему наркомму, — сказал Жуков.

Авианалёт был успешно отбит. Кроме того, авиация Черноморского флота в тот же день нанесла ответные удары по румынским городам Констанце, Плоешти и Сулину.

Но единичные эпизоды боёв, когда немцы нарывались на заранее подготовленную оборону, почти не повлияли на общий ход первых дней войны.

Для наших войск всё складывалось по худшему варианту.

Вот дневниковые записи командующего 2-й танковой группой

генерала Гудериана^[83]: «В роковой день 22 июня 1941 г. в 2 часа 10 мин. утра я поехал на командный пункт группы и поднялся на наблюдательную вышку южнее Богукалы (15 км северо-западнее Бреста). Я прибыл туда в 3 часа 10 мин., когда было темно. В 3 часа 15 мин. началась наша артиллерийская подготовка. В 3 часа 40 мин. — первый налёт наших пикирующих бомбардировщиков. В 4 часа 15 мин. началась переправа через Буг передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий. В 4 часа 45 мин. первые танки 18-й танковой дивизии форсировали реку. Во время форсирования были использованы машины, уже испытанные при подготовке плана “Морской лев” Тактико-технические данные этих машин позволяли им преодолевать водные рубежи глубиной до 4 м.

В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моём приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты.

В 10 час. 25 мин. передовая танковая рота достигла р. Лесна и перешла мост. За ней следовал командир дивизии генерал Неринг. В течение всей первой половины дня я сопровождал 18-ю танковую дивизию; в 16 час. 30 мин. я направился к мосту, дорога через который вела в Колодно, и оттуда в 18 час. 30 мин. поехал на свой командный пункт.

Внезапность нападения на противника была достигнута на всём фронте танковой группы. Западнее Брест-Литовска (Бреста) 24-м танковым корпусом были захвачены все мосты через Буг, оказавшиеся в полной исправности. Северо-западнее крепости в различных местах полным ходом шла наводка мостов. Однако вскоре противник оправился от первоначальной растерянности и начал оказывать упорное сопротивление. Особенно ожесточённо оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссейные дороги, ведущие через Западный Буг в Мухавец.

Вечером танковая группа вела бои за Малорита, Кобрин, Брест-Литовск и Пружаны. У Пружаны 18-я танковая дивизия вступила в первые бои с танками противника.

23 июня в 4 часа 10 мин. я оставил свой командный пункт и направился в 12-й армейский корпус, где генерал Шрот доложил мне о ходе боёв за Брест-Литовск. Из этого корпуса я поехал в 47-й танковый корпус, в деревню Бильдейки, в 23 км северо-восточнее Брест-Литовска. Там я переговорил с генералом Лемельзеном и установил телефонную связь с моим командным пунктом, чтобы ознакомиться с общей обстановкой. Затем я направился в 17-ю танковую дивизию, в которую и прибыл в 8 час. Командир пехотной бригады генерал Риттер фон Вебер доложил мне о своих действиях. В 8 час. 30 мин. я встретил командира 18-й танковой дивизии генерала Неринга, затем ещё раз генерала Лемельзена. Потом я поехал в Пружаны, куда был переброшен командный пункт танковой группы. Оперативная группа моего штаба прибыла в Пружаны в 19 час.

В этот день 24-й танковый корпус с боями продвигался вдоль дороги Кобрин, Берёза Картузская на Слуцк. Командный пункт корпуса переместился в Берёза Картузская.

У меня создалось впечатление, что 47-му танковому корпусу предстоят серьёзные бои с русскими, двигавшимися из Белостока в направлении на юго-восток, и поэтому я решил остаться в 47-м танковом корпусе ещё на один день.

24 июня в 8 час. 25 мин. я оставил свой командный пункт и поехал по направлению к Слониму. В этот город уже вошла 17-я танковая дивизия. Но по дороге от Ружаны в Слоним я натолкнулся на русскую пехоту, державшую под огнём шоссе, по которому должно было идти наступление. Батарея 17-й танковой дивизии и спешившиеся стрелки-мотоциклисты вяло вели на шоссе огневой бой. Я вынужден был вмешаться и огнём пулемёта из командирского танка заставил противника покинуть свои позиции. Теперь я мог продолжать поездку. В 11 час. 30 мин. я прибыл на командный пункт 17-й танковой дивизии, расположенный на западной окраине Слонима, где, кроме командира дивизии генерала фон Арнима, я встретил командира корпуса генерала Лемельзена.

Обсуждая создавшуюся обстановку, мы слышали в нашем тылу интенсивный артиллерийский и пулемётный огонь; горящая грузовая автомашина мешала наблюдать за шоссе, идущим из Белостока; обстановка была неясной, пока из дыма не показались два русских танка. Ведя интенсивный огонь из пушек и пулемётов, они пытались пробиться на Слоним, преследуемые нашими танками Т-IV, которые также интенсивно стреляли. Русские танки обнаружили нас; в нескольких шагах от места нашего нахождения разорвалось несколько снарядов: мы лишились возможности видеть и слышать. Будучи опытными солдатами, мы тотчас

же бросились на землю, и только не привыкший к войне бедняга подполковник Феллер, присланный к нам командующим резервной армией, сделал это недостаточно быстро и получил весьма неприятное ранение. Командир противотанкового дивизиона подполковник Дальмер-Цербе получил тяжёлое ранение и через несколько дней умер. Эти русские танки удалось уничтожить в городе.

Затем я осмотрел передовые позиции в Слониме и поехал на танке Т-IV через нейтральную полосу в 18-ю танковую дивизию. В 15 час. 30 мин. я снова был в Слониме, после того как 18-я танковая дивизия получила задачу наступать в направлении Барановичи, а 29-я мотодивизия — ускорить продвижение в направлении Слонима. Затем я поехал обратно на командный пункт группы и вдруг наскочил на русскую пехоту, которая на грузовых автомашинах была переброшена к Слониму; солдаты как раз намеревались сойти с машин. Сидевший рядом со мной водитель получил приказ “Полный газ”, и мы пролетели мимо изумлённых русских; ошеломлённые такой неожиданной встречей, они не успели даже открыть огонь. Русские, должно быть, узнали меня, так как их пресса сообщила потом о моей смерти; поэтому меня попросили исправить их ошибку через немецкое радио^[84].

В 20 час. 15 мин. я снова в своём штабе. Там я узнал о тяжёлых боях на нашем правом фланге, где с 23 июня у Малорита 53-й армейский корпус успешно отбивал атаки русских. Части 12-го армейского корпуса, находившиеся между 24-м и 47-м танковыми корпусами, стали устанавливать связь, правда, ещё недостаточно прочную; левому флангу танковой группы серьёзно угрожало всё возрастающее давление русских, отступавших из Белостока. Пришлось обеспечить этот фланг, быстро подтянув 29-ю мотодивизию и 47-й танковый корпус.

К счастью, мы не знали, как нервничал Гитлер в этот день, опасаясь, что крупные русские силы могут сорвать на каком-либо участке наш охватывающий манёвр. Гитлер хотел приостановить продвижение танковой группы и направить её немедленно против сил противника в районе Белостока. На этот раз главное командование оказалось ещё достаточно сильным, чтобы настоять на ранее принятом решении и завершить охват наступлением на Минск».

Гитлер в это время находился в своей прусской резиденции «Волчьего логова» (*Wolfsschanze*/«Вольфшанце»). Отсюда он руководил операцией «Барбаросса» — вторжением в Советский Союз и боевыми действиями на Восточном фронте.

Строительство комплекса началось весной 1940 года. Осуществлялось

секретной организацией Тодта. Расположение резиденции Гитлера, рядом с которой находилась также штаб-квартира главнокомандования сухопутных войск, было обусловлено рядом обязательных условий: близость к советской границе, труднодоступность и безлюдность местности. За четыре года на площади 250 гектаров было возведено более восьмидесяти различных объектов. Среди лесов и болот появился целый город с автономной инфраструктурой, собственным обеспечением и надёжной охраной. Аэродром, железнодорожная станция, электростанция, водопровод, котельные и другие необходимые хозяйственные службы и коммуникации. Весь комплекс состоял из трёх зон. В первую очередь их отличала степень охраны. В одной зоне находились бункеры Гитлера, Бормана, Геринга, Дитриха. Всего в ней имели право находиться 130 человек.

Ничего подобного ни Сталин, ни впоследствии Ставка Верховного главнокомандования не имели. Даже сверхсекретный оперативный отдел Генерального штаба Красной армии глубже станции метро «Кировская» под землю не зарывался.

Подписан пакт Молотова — Риббентропа, произошёл раздел Польши, только что немецкие танки победоносно прошествовали по Франции, рухнула линия Мажино, десантники Жукова вытряхивали из шинелей и рюкзаков солдат румынской королевской армии награбленное в Бессарабии и в Северной Буковине, немецкие штабные офицеры приступили к разработке плана «Барбаросса»... Если ко всем этим событиям добавить почти мгновенное появление в Гёрлицком лесу близ Растенбурга суперсовременного командного пункта с полной инфраструктурой, многое в нынешних спорах историков и неисториков сотрётся само собой. В непосредственной близости к позициям противника, который намеревается атаковать, такие объекты не размещают, не так ли?

Но любопытно вот что: за время войны союзники ни разу не бомбили «Волчье логово», тогда как многие объекты и даже целые города, не имевшие сколько-нибудь существенного военного значения, были буквально сметены шквалом ковровых бомбардировок британских и американских ВВС. А ведь американская разведка знала о месте нахождения бункера Гитлера ещё в 1942 году и поделилась своими сведениями с англичанами.

Наши войска войдут в опустевшее «Вольфшанце» без боя 27 января 1945 года. Все объекты перед уходом немцы взорвут. А минные поля в охранной зоне польские сапёры будут расчищать до 1956 года.

Гитлер проведёт в своей резиденции, наслаждаясь чистым воздухом

Гёрлицкого леса, 800 дней и покинет бетонные апартаменты только в ноябре 1944 года, когда советские войска на юге будут успешно наступать в Чехословакии, Югославии и Венгрии, приближаясь к Будапешту, а севернее, в непосредственной близости от Растенбурга, отрежут Курляндскую группировку от Восточной Пруссии.

Существует несколько версий по поводу того, почему британские, американские и канадские лётчики «не обнаруживали» такую важную цель. Первая — мистическая. План «Вольфшанце» один к одному повторял расположение главного храма и часовен древнего тибетского высокогорного монастыря «Хранимый небом». Благодаря органичному расположению объектов в природной среде и тому, что всё было вписано в рельеф, в точности повторяющий монастырские постройки тибетских монахов, компактная застройка тайной резиденции Гитлера и его командный пункт оказались в трансформированном пространстве — объекты казались приподнятыми над землёй, и самолёты пролетали не над ними, а под ними. Вторая версия кажется наиболее верной. Она — политическая. И оттого более завуалированная и уведённая в сторону от простой логики событий и действий воюющих сторон. Бережное отношение союзников к «Вольфшанце» относится к тем же тайнам Второй мировой войны, что и полёт Гесса в Шотландию, «Письмо Гитлера» Сталину, доставленное Ю-52 15 мая 1941 года, а также череда других событий, выпадающих из логики истории. По-прежнему для полноты картины не хватает нескольких звеньев.

В те дни в «Волчьем логове» царила атмосфера всеобщей эйфории. С русского фронта, с северных его участков, с южных и из центра поступали донесения о сокрушительных победах и невиданных успехах. Сводки по своему внутреннему мажору и впечатляющим данным о захваченных трофеях и пленных солдатах противника значительно перекрывали тон приведённых выше дневниковых записей одного из лучших танковых генералов. Гитлер ликовал. Доклады с передовой напоминали происходившее во время польской кампании, а потом французской. Внезапный удар, преимущество в технике и плотности огня на решающих направлениях и, как следствие, огромное количество пленных, богатые трофеи, среди которых сотни танков, бронемашин, самолётов. Советские самолёты, базировавшиеся на ближних аэродромах, даже не успели вырваться на взлётные полосы, как были уничтожены эскадрами люфтваффе.

Немецкий военный историк, а в дни летних боёв на Восточном фронте генерал-лейтенант Типпельскирх^[85] писал: «Наступление группы армий

началось довольно многообещающе.

Противник был захвачен врасплох и совершенно ошеломлён. На южном фланге все переправы через Буг остались неразрушенными и попали в руки немцев. Обе танковые группы после успешных прорывов пограничной обороны безостановочно продвигались на восток. 24 июня 2-я танковая группа достигла района Слонима, а 3-я танковая группа — района Вильнюса. За ними следовали 4-я и 9-я армии. Войска противника, находившиеся в районе Белостока, пытались отойти на восток и вырваться из постепенно образующегося “котла”. Наступавшим танковым группам всё же удалось задержать отход противника, пока кольцо окружения не замкнулось, 2-я танковая группа 27 июня достигла южной окраины Минска и встретилась там с 3-й танковой группой. Здесь постепенно создавался новый “котёл” вокруг русских войск, оставшихся западнее Минска».

К событиям в районе Минска мы ещё вернёмся. А пока — в Москву.

Двадцать второго июня в полдень по Всесоюзному радио выступил Молотов, и вся страна услышала: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». В выступлении Молотова прозвучало давно известное русскому сознанию историческое сочетание слов, уже омытое кровью поражений и побед, — «Отечественная война». Авторство основных и самых эмоциональных фрагментов речи Молотова приписывают Сталину.

Молотов впоследствии рассказывал Владимиру Карпову: «После моего выступления по радио, когда я вернулся в кабинет Сталина, он сказал: “Вот видишь, как хорошо получилось, правильно, что выступал сегодня ты. Я звонил сейчас командующим фронтами, они не знают даже точной обстановки, поэтому мне просто нельзя было сегодня выступать, будет ещё время и повод, и мне придётся выступать не раз. А эти наши командующие там, впереди, видно, разорались... Просто удивительно, что такие крупные военачальники — и вдруг растерялись, не знают, что им делать. У них есть свои определённые обязанности, и они должны их выполнять, не дожидаясь каких-то наших распоряжений. Даже если бы не было никаких наших директив, всё равно они должны были бы сами отражать врага, на то они и армия».

Согласно журналу посещений кремлёвского кабинета, 22 июня Жуков был у Сталина дважды. Утром с 5.45 до 8.30 вместе с Тимошенко, Молотовым, Берией и Мехлисом. И после полудня с 14.00 до 16.00. Встреча происходила после выступления Молотова и касалась положения на фронте. В совещании приняли участие также Шапошников, Тимошенко

и Ватутин.

Хрущёв рассказывал, что в первый день войны Сталин растерялся и чуть ли не впал в прострацию, что уехал из Кремля и делами не занимался и что Хрущёв с членами Политбюро якобы с дачи привезли его на службу управлять делами войны. Всё это ложь, которая в «исследованиях» некоторой части наших «историков» обросла ещё пущей ложью.

В завершение этой главы необходимо сказать, что 22 июня было сделано ещё одно обращение к народу. Вот его текст:

«ОБРАЩЕНИЕ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО, ГЛАВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ СЕРГИЯ К “ПАСТЫРЯМ И ПАСОМЫМ ХРИСТОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ”

22 июня 1941 г.

В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснётся нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыея, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насильем принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божью помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своём долге пред родиной и верой и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, учёным, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину.

Да и не только вожди это делали.

Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: “Больше себя любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя”. Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорчённого не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится ещё и лукавыми соображениями насчёт возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно “ради Иисуса, а не ради хлеба куса”, как выражался святитель Дмитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путём самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины.

Господь нам дарует победу.

Патриарший местоблюститель смиренный Сергей, митрополит Московский и Коломенский».

Узнал ли Жуков об обращении к православному воинству митрополита Сергия в тот же день или позже или вовсе не узнал и не читал этих проникновенных слов местоблюстителя, историю, которая сложилась, это обстоятельство уже не изменит. Но совершенно определённо можно сказать: всю войну, от первого её часа до последнего, Жуков действовал

так, как будто Сергей Страгородский обратился в тот день именно к нему и на него, как на полководца, и на его несокрушимый полк возложил всю тяжесть ратной ноши.

А если соскоблить пафос, то остаётся суть: Сталин всю войну посылал своего верного Илью Муромца то под Киев, то в Ленинград, то в район Ельни, то снова под Киев, на Днепр и, наконец, на Берлин.

Глава двадцать первая

Контрудар, который не удался

«Повторяю: прочно закройте с севера подходы на Ковель, не бросайтесь со стрелковыми дивизиями в контратаки без танков...»

В мемуарах свою миссию на Юго-Западном фронте маршал очертил лишь пунктиром — бегло, с неопределёнными целями. Что же кроется за этой недоговорённостью?

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Примерно в 13 часов мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлём Шапошникова и Кулика. Я их вызвал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущёвым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздражённо добавил:

— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдёмся.

Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через 40 был уже в воздухе. Тут только вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. Выручили лётчики, угостившие меня крепким чаем с бутербродами».

Этот эпизод похож на вымысел. Почему Жуков утаил свою встречу со Сталиным в этот день между 14.00 и 16.00? Эта встреча происходила исключительно в кругу военных: Жуков, Шапошников, Тимошенко, Ватутин. Из семи членов Ставки Верховного главнокомандования, созданной в этот день, на совещании присутствовали трое. Обсуждались, конечно же, военные вопросы. Какие именно?

Никто из участников этого совещания не рассказал о нём ни в мемуарах, ни в интервью журналистам и писателям. Ватутин погиб.

Тимошенко дипломатично промолчал. Шапошников умер в марте 1945 года, не дожив до эпохи мемуаров о войне. Остаётся Жуков. Что же он утаил и почему?

По всей вероятности, приказ срочно вылететь на Юго-Западный фронт Жуков получил именно в те часы и именно в кабинете Сталина. Там и тогда была сформулирована конкретная задача. Судя по тому, что из Ставки и Генштаба в войска шли одна за другой директивы наступательного характера, этими же настроениями были охвачены и участники совещания.

Самым мощным перед началом германской агрессии и в первые дни войны был Киевский Особый военный округ, а затем Юго-Западный фронт. Четыре общевойсковые армии, множество других частей фронтового подчинения. По линии демаркации были развёрнуты 5-я армия генерала Потапова^[86], 6-я армия генерала Музыченко, 26-я армия генерала Костенко и 12-я армия генерала Понеделина^[87]. В резерве фронта: 31, 36, 37, 49-й стрелковые и 9, 15, 19, 24-й механизированные корпуса, а также 14-я кавалерийская дивизия. Войска были расположены в два эшелона. Южный фланг Юго-Западного фронта прикрывала 9-я армия — три стрелковых корпуса, один кавалерийский и один механизированный. На Крымском полуострове и в резерве под Одессой ещё три корпуса.

С такими войсками, казалось, можно было выполнить задачу любой сложности. Но Халхин-Гола под Киевом не получилось. Хотя начало было успешным.

Утром 25 июня после короткой подготовки войска Юго-Западного фронта приступили к выполнению Директивы № 3 — о контрнаступлении. Директива разрешала войскам перейти границу СССР.

Надо признать, приказы тех дней, исходившие из Наркомата обороны и Генштаба, с реальностями стремительно изменяющихся событий сочетались мало. Командиры различных уровней, ошеломлённые внезапным ударом сокрушительной силы, отдавали приказы на контрудары, плохо понимая обстановку, не зная, сколько у них под рукой войск и способны ли они выполнить ту или иную задачу.

Маршал в своих мемуарах открещивается от авторства Директивы № 3: «К исходу дня я был в Киеве в ЦК КП(б)У, где меня ждал Н. С. Хрущёв. Он сказал, что дальше лететь опасно. Немецкие лётчики гоняются за транспортными самолётами. Надо ехать на машинах. Получив от Н. Ф. Ватутина по ВЧ последние данные обстановки, мы выехали в Тернополь, где в это время был командный пункт командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М. П. Кирпоноса^[88].

На командный пункт прибыли поздно вечером, и я тут же переговорил по ВЧ с Н. Ф. Ватутиным.

Вот что рассказал мне Николай Фёдорович:

— К исходу сегодняшнего дня, несмотря на предпринятые энергичные меры, Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках и о противнике. Сведения о глубине проникновения противника на нашу территорию довольно противоречивые. Отсутствуют точные данные о потерях в авиации и наземных войсках. Известно лишь, что авиация Западного фронта понесла очень большие потери. Генштаб и нарком не могут связаться с командующими фронтами Кузнецовым и Павловым, которые, не доложив наркому, уехали куда-то в войска. Штабы этих фронтов не знают, где в данный момент находятся их командующие.

По данным авиационной разведки, бои идут в районах наших укрепленных рубежей и частично в 15–20 километрах в глубине нашей территории. Попытка штабов фронтов связаться непосредственно с войсками успеха не имела, так как с большинством армий и отдельных корпусов не было ни проводной, ни радиосвязи.

Затем генерал Н. Ф. Ватутин сказал, что И. В. Сталин одобрил проект Директивы № 3 наркома, и приказал поставить мою подпись.

— Что это за директива? — спросил я.

— Директива предусматривает переход наших войск к контрнаступательным действиям с задачей разгрома противника на главных направлениях, притом с выходом на территорию противника.

— Но мы ещё точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары, — возразил я. — Не лучше ли до утра разобраться в том, что происходит на фронте, и уж тогда принять нужное решение.

— Я разделяю вашу точку зрения, но дело это решённое.

— Хорошо, — сказал я, — ставьте мою подпись.

Эта директива поступила к командующему Юго-Западным фронтом около 24 часов. Как я и ожидал, она вызвала резкое возражение начштаба фронта М. А. Пуркаева, который считал, что у фронта нет сил и средств для проведения её в жизнь.

Сложившееся положение было детально обсуждено на Военном совете фронта. Я предложил М. П. Кирпоносу немедленно дать предварительный приказ о сосредоточении механизированных корпусов для нанесения контрудара по главной группировке армий “Юг”, прорвавшейся в районе Сокаля. К контрудару привлечь всю авиацию фронта и часть дальней бомбардировочной авиации Главного Командования. Командование и штаб

фронта, быстро заготовив предварительные боевые распоряжения, передали их армиям и корпусам».

Что же предписывала Директива № 3 войскам Юго-Западного фронта?

«г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 А, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 26.6 овладеть районом Люблин».

Одновременно Западный и Северо-Западный фронты нацеливались на выступ в районе Сувалки.

А пока войска Юго-Западного фронта вели напряжённые бои с целью сдержать натиск противника на линии Броды— Дубно — Владимир-Волынский.

Судя по телеграфным переговорам Жукова с командующими армиями, он, как представитель Ставки, быстро овладел ситуацией. Настроение его было решительным и вполне соответствовало духу Директивы № 3. Хотя в мемуарах он от неё, по прошествии лет, изящно открестился. Мемуары, как известно, — это либо попытка, либо подспудное желание перевоевать свои битвы и войны задним числом. У истории, конечно же, нет сослагательного наклонения, но всё же...

А если бы контрудар мехкорпусов, 5-й и 6-й армий Юго-Западного фронта оказался удачным и перерос в контрнаступление наших войск по всему периметру границы? Да «с выходом на территорию противника»?

Правда, по всей вероятности, уже к утру 23 июня всем в штабе фронта стало ясно, что Директиву № 3 в полном объёме наличествующими силами выполнить не удастся, что контрудар может иметь, в лучшем случае, ограниченные цели. Ни о каком Люблине речи быть уже не могло. Но мехкорпуса всё же должны были пойти вперёд. Потому что в сложившихся обстоятельствах наилучшим использованием механизированных резервов, насыщенных бронетехникой, оставался контрудар.

Единогласного удара не получилось. Мехкорпусам пришлось совершить изматывающие марши на сотни километров, прежде чем выйти в заданные районы сосредоточения и занять исходные позиции. Сразу же сказались нехватка горючего. Многие боевые машины, в особенности старые, выработавшие свой моторесурс, отстали из-за поломок. Запозданием в сосредоточении воспользовались немецкие штабы: люфтваффе бросило против мехкорпусов, находившихся на марше и в районах сосредоточения, свои штурмовые эскадры. Ещё до

соприкосновения с наземными силами противника танковые дивизии понесли огромные потери.

И всё же 24 июня к исходу дня штаб Юго-Западного фронта собрал боеспособные механизированные соединения, сосредоточил их в заданных районах. Вечером Жуков ознакомился с боевым приказом № 0015 на атаку и внёс кое-какие поправки.

Из воспоминаний маршала Баграмяна, в те дни начальника оперативного управления штаба фронта, полковника: «Жуков поинтересовался, имеем ли мы проводную связь с Музыченко. Получив утвердительный ответ, генерал армии сказал, что побывает у него, а пока переговорит с ним. Кирпонос распорядился немедленно вызвать командующего 6-й армией к аппарату. Выслушав доклад командарма о состоянии войск, о противнике, Жуков особо подчеркнул, насколько важно, чтобы 4-й мехкорпус как можно быстрее был переброшен на правый фланг армии».

Когда Жуков командовал кавалерийской дивизией в Белорусском военном округе, Музыченко был у него командиром кавполка. В КОВО они тоже служили вместе. И вот на 6-ю общевойсковую армию согласно общей расстановке сил ложится огромная ответственность. Ключевая роль отводится 4-му механизированному корпусу генерала Власова^[89].

Странная история произошла с этим генералом, «восходящей звездой РККА», и его корпусом в те дни под Киевом.

4-й механизированный корпус был самым мощным в составе Юго-Западного фронта. Формировать его начал генерал Потапов. В корпус направлялись самая лучшая, новейшая по тем временам боевая техника и вооружение, новое снаряжение. Потапов создавал лучший в РККА мехкорпус. В январе 1941 года, назначенный на 5-ю армию, он передал корпус генералу Власову.

К 22 июня 1941 года 4-й механизированный корпус представлял собой такое мощное соединение, что, казалось, способен был решать самые сложные тактические задачи в ходе и армейских, и фронтовых операций. В его арсенале было столько же танков, сколько едва насчитывали все остальные мехкорпуса фронта. 979 танков (из них 313 — новых Т-34 и 101 — КВ), 175 броневедомостей, оснащённых пушками и пулемётами, 134 орудия, 152 миномёта разных калибров. 2854 автомашины и 274 трактора, более тысячи мотоциклов. Численный состав — 28 098 человек. К осени под Москвой такими по численности станут некоторые армии, притом что количество танков у них будет раз в двадцать меньшим. Правда, задачи они будут выполнять более масштабные.

Поначалу из корпуса выдернут несколько подразделений для латания дыр в обороне 6-й армии. Но потом, когда механизированным корпусам прикажут выдвигаться на исходные позиции для согласованного контрудара, Власов, вопреки приказу, двинет свою махину на восток. Он даже не выполнит приказа Жукова о передислокации на правый фланг 6-й армии. Исследователи событий июня 1941 года в районе Дубно комментируют действия 4-го мехкорпуса как полную потерю управления со стороны командования корпуса и штаба 6-й армии. Итог: к концу самого крупного в истории Второй мировой войны танкового сражения 4-й мехкорпус, воспользовавшись переправами через Днепр, сосредоточился в районе Прилук. Из 101 КВ в строю осталось шесть боевых машин. Из 313 Т-34 — 39 единиц. В основном это были так называемые «небоевые потери», когда экипажи попросту оставляли свои машины — по различным причинам: закончилось горючее, техническая неисправность, танк застрял в болоте. Иногда во время отступления машину загоняли по уши в болото или в речушку с обрывистыми берегами и, немного побуксовав, чтобы корпус её осел ниже, бросали. В лучшем случае взрывали. Механику-водителю, мало-мальски понимающему, чем он управляет, ничего не стоило сжечь главный фрикцион. Одним словом, в пехоте «самострелы», а здесь...

В истории контрудара мехкорпусов Юго-Западного фронта много неясного, противоречивого и не поддающегося логике. Сейчас, когда опубликованы некоторые документы полуоткрытых архивов, кое-что прояснилось.

Ударные соединения фронта не смогли вовремя перегруппироваться, не наладили взаимодействие не только с авиацией, но и со стрелковыми частями и даже между собой. Единого и согласованного удара с общими задачами не получилось. В контрударе участвовали только четыре мехкорпуса. Но и их действия свелись к изолированным контратакам на различных направлениях с частными и ограниченными целями, а порой просто к ударам в пустоту. Результатом этих сверхусилий, оплаченных десятками тысяч убитых, пленных, брошенной вдоль дорог и сожжённой техникой, стала недельная задержка наступления 1-й танковой группы фон Клейста^[90], что повлекло за собой срыв всех ближайших планов южной группы войск противника.

На войне никакое усилие, даже самое малое, ни один выстрел, произведённый даже мимо цели, а уж тем более ни одна солдатская жизнь, отданная в бою за Отечество, не бывают напрасными.

Действия некоторых подразделений во время контрудара заслуживают

самой высокой оценки. К примеру, превосходно действовали части 8-го корпуса генерала Рябышева^[91]. Танки корпуса смяли порядки 57-й пехотной дивизии и потеснили танковые части 48-го моторизованного корпуса. Клейст вынужден был перебросить сюда свои резервы. Судя по дневниковым записям начальника штаба сухопутных войск генерала Гальдера, этот танковый удар для немцев стал первым сильным впечатлением: «На фронте противника, действующего против группы армий “Юг”, отмечается твёрдое руководство. Противник всё время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина... Как и ожидалось, значительными силами танков он перешёл в наступление на южный фланг 1-й танковой группы. На отдельных участках отмечено продвижение».

Германский генерал-полковник Герман Гот^[92], который вёл свою 3-ю танковую группу севернее, тоже отметил контратаку под Бродами: «Тяжелее всех пришлось группе “Юг” Войска противника, оборонявшиеся перед соединениями северного крыла, были отброшены от границы, но они быстро оправились от неожиданного удара и контратаками своих резервов и располагавшихся в глубине танковых частей остановили продвижение немецких войск. Оперативный прорыв 1-й танковой группы, приданной 6-й армии, до 28 июня достигнут не был. Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контрудары противника».

Контрудары, которыми подверглись танковые части южной группы войск, беспокоили Гота. Его танковая группа шла от Белостока на Минск, пока ещё беспрепятственно охватывая белостокскую группировку советских войск. Но симптомы того, что Красная армия опомнилась от первого удара и приходит в себя, не обещали дальнейшего успешного марша и ему.

Фон Клейст потом скажет, словно оправдываясь перед собой, своим древним прусским родом и историей: «Основная причина нашей неудачи заключалась в том, что в том году зима наступила очень рано, а русские постоянно отступали, не давая вовлечь себя в решающую битву, к которой мы так стремились».

Для справки: среднестатистические наблюдения дают картину наступления в России в 1941 году более поздней зимы, чем это бывало обычно. Русские же действительно отступали, «не давая вовлечь себя» в бои на уничтожение, используя тактику мощных контрударов.

Но самым непреодолимым для немецких генералов и солдат оказалась стойкость русских и то, что в Красной армии появились молодые и

талантливые генералы, такие как Жуков, Рокоссовский, Конев, что дивизиями командовали полковники, будущие танковые генералы Катуков, Баданов и др.

Здесь, под Киевом, Жуков встретил многих своих сослуживцев по Белоруссии и Монголии.

5-й армией командовал генерал Потапов. Земляк из Юхнова, надёжный боевой товарищ и командир, хорошо знавший танковый манёвр. На Халхин-Голе Жуков и Потапов всегда были рядом. Познакомились в Белоруссии в конце 1930-х. В то время Жуков укомплектовывал свою кавдивизию по новым штатам. На должность командира 11-го механизированного полка в дивизию прислали 35-летнего майора, выпускника Военной академии механизации и моторизации РККА Михаила Ивановича Потапова. Жуков и Потапов оказались земляками.

В «Воспоминаниях и размышлениях» маршал упоминал своего боевого товарища не раз: «Комбриг Михаил Иванович Потапов был моим заместителем. На его плечах лежала большая работа по организации взаимодействия соединений и родов войск, а когда мы начали генеральное наступление, Михаилу Ивановичу было поручено руководство главной группировкой на правом крыле фронта». Это — о Халхин-Голе. А вот краткая характеристика из 1941 года: «Потапов был смелый и расчётливый командарм, отличался невозмутимым характером, ничто не могло вывести его из равновесия».

Именно такой и нужен был в те дни на рубеже Влодава—Крыстынополь. Потапов со своей 5-й армией держал фронт протяжённостью 174 километра.

В начале осени, когда положение под Киевом вновь крайне обострится, многие войска Юго-Западного фронта по вине Ставки окажутся в окружении. В Киевском «котле» погибнет и 5-я армия. При попытке вырваться из кольца будет убит дивизионный комиссар Никишев. Генерал-майор танковых войск Потапов, раненый и контуженный, попадёт в плен. Его будет допрашивать Гудериан, танки которого замкнут кольцо окружения за спиной дивизий 5-й армии. Потом лагеря Хаммельсбург, Гогельштейн, Вайсенбург, Моозбур. В одном из лагерей Потапов будет сидеть в одной камере со старшим лейтенантом Яковом Джугашвили и делить с ним свою генеральскую пайку.

После освобождения из плена и проверки в фильтрационном лагере Потапова восстановят в звании и возвратят в войска.

И во время проверки Потапова органами контрразведки, и позже Жуков проявит к его судьбе самое пристальное и доброе внимание.

Известно, какое отношение после войны было к пленным. На всех уровнях.

Вдова генерал-полковника Потапова известная актриса Марианна Фёдоровна Потапова-Модорова вспоминала: «Кто угодно, но Жуков по отношению к Потапову всегда был порядочным. И когда я позвонила его жене, Александре Авдеевне^[93], что Михаила Ивановича не стало, она так плакала: “Ой, Миша, Миша, он же был самым молодым...”».

И ещё из воспоминаний Марианны Фёдоровны: «Когда Потапов вернулся из плена, Жуков встретил его словами: “Ты мой Михаил-Архангел!” Не знаю, почему он так сказал. Но, думаю, потому, что Михаил-Архангел первый вступил в борьбу с силами Тьмы. А Георгий-Победоносец их победил!..»

Потапов уже служил, командовал войсками, но долгое время ему отказывали в восстановлении в партии. Тогда он обратился к Жукову с просьбой дать ему рекомендацию. И маршал тут же сел за стол и написал: «...Что касается командирских качеств, то товарищ Потапов был лучшим командармом, а части и соединения, которыми он командовал, всегда были ведущими. В пограничном сражении 5-я армия дралась с исключительным упорством и доблестью. Отходя под воздействием превосходящих сил противника, она неоднократно контратаковала и наносила поражения немцам. Товарищ Потапов армией управлял блестяще. Ещё скажу, что он был большой души человек, которого любили все подчинённые за его доброжелательность и понимание».

Говорят, уже после войны они порой сидели вместе где-нибудь на даче, вспоминали свою кавалерийскую юность, Белоруссию, Халхин-Гол, Украину и пели любимую песню Михаила-Архангела: «Ой вы, кони мои вороные, чёрны вороны, кони мои...»

Изъездились их кони, ускакали в смутную даль времён...

Двадцать шестого июня, когда мехкорпуса начали действовать, Сталин неожиданно отозвал Жукова в Москву. Телефонный разговор произошёл на командном пункте Юго-Западного фронта под Тернополем.

— На Западном фронте сложилась тяжёлая обстановка, — сказал Сталин. — Противник подошёл к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?

Как впоследствии оказалось, посланный под Белосток в 10-ю армию маршал Кулик вместо того, чтобы находиться в штабе армии, увлёкся войной в окопах, за наводчика орудия стрелял по немецким танкам и с винтовкой водил бойцов в атаку, воодушевляя их своим примером. Немцы прорвались, искромсали 10-ю армию. А маршала Кулика, переодетшегося в

крестьянскую одежду, разведгруппа насилу отыскала в белорусских болотах, обросшего, обличьем похожего на цыгана.

Сожалея о том, что начатая атака мехкорпусов будет развиваться без него и он уже не сможет влиять на дальнейшие события в районе Киева, Жуков ответил Сталину:

— Сейчас переговорю с товарищами Кирпоносом и Пуркаевым о дальнейших действиях и выведу на аэродром.

Обстановку, царившую 26 июня в штабе Юго-Западного фронта, очень точно описал Баграмян: «Из 5-й армии возвратился генерал армии Жуков. Узнав, что Кирпонос намеревается подходить из глубины 36-й и 37-й стрелковые корпуса расположить в обороне на рубеже Дубно, Кременец, Новый Почаюв, Голгурцы, он решительно воспротивился против такого использования войск второго эшелона фронта.

— Коль наносить удар, то всеми силами!

Перед тем как улететь 26 июня в Москву, Г. К. Жуков ещё раз потребовал от Кирпоноса собрать всё, что возможно, для решительного контрудара».

Вечером того же 26 июня уже в Москве в Генштабе Жукову доложили: Кирпонос и Пуркаев изменили направление удара корпусов и стали отводить их для усиления обороны. Начались нервные консультации по телефону. Ставка категорически запретила отвод корпусов, и контрудар был продолжен.

Но и время, и топливо оказались израсходованными на манёвры танковых дивизий в коридоре предполагаемых ударов.

Жуков нервничал. Но большего для Юго-Западного фронта сделать не мог.

Сейчас много рассуждают о тех событиях: что было бы, если бы Жукова не отозвали в Москву и контрударом мехкорпусов командовал он сам. И что могло бы произойти, если бы Кирпонос настоял на отводе танков на линию обороны и окопал бы их на самых опасных направлениях.

Но дело в том, что даже удача танкового контрудара принесла бы лишь частичный, временный успех, после которого в обстоятельствах глубокого прорыва в Белоруссии всё равно пришлось бы отходить.

Пеняют Жукову и на создание громоздких, плохо управляемых на поле боя мехкорпусов, и на их явно завышенное количество, несогласованное с возможностями военной промышленности. Из-за чего танковые дивизии некоторых механизированных корпусов оказались оснащёнными не по полному штату, по второму, так сказать, разряду и имели на вооружении устаревшие типы лёгких танков, к тому же выработавших свой ресурс. И

упрёки эти кажутся справедливыми. Но, как отметил военный историк Алексей Исаев, «именно второразрядные “жуковские” танковые дивизии формирования весны 1941 г. сыграли весомую роль в дубнинских боях».

Сталин ошибся — не тот человек оказался в те дни на нужном месте. Вот что пишет о командовании Юго-Западного фронта Рокоссовский: «... никому не было поручено объединить действия трёх корпусов. Они вводились в бой разрозненно и с ходу... По отдельным сообщениям в какой-то степени удавалось судить о том, что происходит на нашем направлении. Как идут дела на участках других армий Юго-Западного фронта, мы не знали. По-видимому, генерал Потапов был не в лучшем положении. Его штаб за всё время, что я командовал 9-м мехкорпусом, ни разу не смог помочь нам в этом отношении...» И конкретно о командующем фронтом генерале Кир-поносе: «Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность... Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет её знать. В эти минуты я окончательно пришёл к выводу, что не по плечу этому человеку столь объёмные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным».

Смерть искупает всё. Кирпонос погибнет в сентябре. Вместе с ним при попытке прорыва из окружения будут убиты многие офицеры штаба. Значительно раньше, после губительного контрудара, в котором фронт потеряет основную массу своих танков, застрелится член Военного совета корпусной комиссар Вашугин^[94].

Глава двадцать вторая

Катастрофа под Минском и расстрел генералов

«...арестовать и судить как труса и предателя».

Нередко слышишь категоричное: Жуков был человеком Сталина и выполнял то, что ему приказывал Верховный^[95]. Это верно. Но лишь отчасти.

Жуков был солдат. А Сталин, прекрасно разбираясь в людях и расставляя их по своим местам, вовремя выбрал из шеренги самых верных и надёжных того, кто был наделён особым даром. Порой Жуков казался Верховному равным себе, и это в конце концов превратится в пытку и будет иметь трагический финал, быть может, не только для маршала, но и для генералиссимуса. Но об этом — позже.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома — к И. В. Сталину. В кабинете И. В. Сталина стояли навтыяжку нарком С. К. Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И. В. Сталин был не в лучшем состоянии.

Поздоровавшись кивком, И. В. Сталин сказал:

— Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке? — И бросил на стол карту Западного фронта.

— Нам нужно минут сорок, чтобы разобраться, — сказал я.

— Хорошо, через сорок минут доложите.

Мы вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте».

Предложения военных «И. В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями».

И Генштаб, и Ставку беспокоили события, происходившие в Белоруссии и Прибалтике. Серия запланированных контрударов силами механизированных корпусов вылилась в несогласованные между собой попытки сбить темп немецкого наступления и ничего, кроме колоссальных потерь в живой силе и технике, Красной армии не принесла. Донесения свидетельствовали о низкой активности авиации, которая должна была прикрывать механизированные корпуса на марше, когда они особенно уязвимы, а также взаимодействовать с танками и бронетехникой на поле

боя. Ничего этого не получилось. Почти везде катастрофически отставали от танков пехота и артиллерия. И те удары, которые удалось осуществить, проходили практически без артиллерийского обеспечения. За исключением нескольких эпизодов, когда особенно результативно проявили себя истребители танков. На гродненском направлении удалось на короткое время приостановить немецкое наступление. Контрудар Северо-Западного фронта из района Каунаса закончился полным провалом.

Тем временем на постоянные запросы доложить обстановку штаб Западного фронта и штабы армий, действующих в районе Белостока и Минска, отвечали то невнятицей, то немотой. Молчали и представители Ставки, посланные туда. Жукова беспокоило, что штаб Западного фронта, возможно, потерял управление, что действия армий и корпусов, брошенных в бой, скорее всего, носят характер беспорядочного сопротивления. Вот почему молчит Кулик, посланный разобраться в происходящем. Вот почему молчит Болдин.

Посоветовавшись с Тимошенко и своим штабом, Жуков доложил обстановку и предложил в качестве срочной меры создать группу резервных армий главного командования. В состав резерва включить 19, 20, 21 и 22-ю армии. Этими сильными, армиями заставить рубеж Невель — Витебск — Могилёв — Жлобин — Гомель — Чернигов и далее по Днепру до Кременчуга. Одновременно создавался тыловой оборонительный рубеж по линии Селижарово — Смоленск — Рославль — Гомель. Сюда предполагалось срочно передислоцировать дивизии двух резервных армий Ставки.

Создавался Резервный фронт. Командовать им было поручено маршалу Будённому.

Сталин с неохотой соглашался на предложения военных о переходе к обороне. Долго думал, ходил вокруг карты. Наконец кивнул:

— Хорошо, мы подумаем. Товарищ Жуков, что ещё можно сделать для выправления положения на фронте и улучшения ведения боевых действий нашими армиями?

Следующее предложение, высказанное начальником Генштаба на том совещании, заставило многих вздрогнуть:

— В сложившихся обстоятельствах считаю необходимым срочно пересмотреть дела незаконно арестованных генералов и офицеров Красной армии. Их возвращение в войска существенно поможет общему делу.

Вскочил Каганович. Напрягся и заёрзал на стуле Ворошилов. У Берии задрожало пенсне.

— Разве у нас есть незаконно арестованные?! — почти в один голос

воскликнули они.

— Есть, — неожиданно встал Тимошенко. — Есть незаконно арестованные. Среди них прекрасные командиры, толковые специалисты. Они нужны сейчас на фронте, в штабах. Ни в каких заговорах они не участвовали, это честные патриоты, преданные партии и Красной армии люди.

— Вы можете подготовить такой список, товарищ Тимошенко? — неожиданно спокойно отреагировал Сталин.

— Да, могу, — твёрдо сказал Тимошенко.

И Сталину, и всем членам Политбюро стало ясно, что этот вопрос начальник Генштаба и нарком обороны внесли, предварительно договорившись и тщательно продумав все детали. И список у них наверняка уже подготовлен...

Несогласные ждали реакции Сталина. И Сталин уступил военным.

— Хорошо, — кивнул он. — Давайте список. Мы подумаем.

Но пока Жуков докладывал, пока Ставка совещалась и принимала решения, события развивались с молниеносной быстротой, и многие расчёты, только что доложенные Генштабом в качестве предупредительных мер, оказались попросту смятыми гусеницами немецких танков.

И вот тут-то произошло второе серьёзное столкновение двух характеров.

Известно, что 28 июня Сталин провёл основной приём посетителей до 23.00, только Берия и Микоян вышли из его кабинета после полуночи.

Двадцать девятого июня канцелярия Сталина не зарегистрировала ни одного посетителя. Именно это обстоятельство дало некоторым исследователям повод предположить, что Сталин в этот день был настолько расстроен, что впал в транс. Нет записей о посещении кремлёвского кабинета Сталина и за 30 июня.

Но вот что пишет в своих мемуарах Микоян: «29 июня вечером у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда ещё не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко. Но тот ничего путного о положении на Западном направлении сказать не смог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил нам всем поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой.

В Наркомате были Тимошенко, Жуков, Ватутин. Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование Белорусского военного округа, какая имеется связь. Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день

восстановить её не могли. Потом Сталин и другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т. д. Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но, сколько времени потребуется для установления связи, никто не знает.

Около получаса поговорили, довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует. Была полная беспомощность в штабе. Раз нет связи, штаб бессилён руководить. Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек разрыдался, как баба, и выбежал в другую комнату. Молотов пошёл за ним.

Мы все были в удручённом состоянии. Минут через 5—10 Молотов привёл внешне спокойного Жукова, но глаза у него были ещё мокрые. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдёт Кулик (это Сталин предложил), потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову.

Его сопровождал энергичный, смелый, расторопный военачальник Гай Туманян. Предложение о сопровождающем внёс я. Главное тогда было восстановить связь. Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали успешно развиваться в районе Перемышля. Но войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. Сталин был очень удручён».

Колоритная картина, не так ли? Но сразу вылезает наружу кавказский акцент. Хотя не это главное в воспоминаниях Микояна. «Энергичный, смелый, расторопный» Туманян на фоне плачущего, «как баба», начальника Генштаба — это всего лишь слабость. Сила же Микояна в другом. Он был человеком Хрущёва. В том числе и в мемуарах. Политики такого уровня, как известно, в отставку не уходят — они пишут мемуары, которые работают и после их ухода. На преемников, на семейный клан, наконец. Хрущёву выгодно было показать Сталина ничтожеством, в трудный момент растерявшимся человеком, которого надо было вытаскивать с дачи и заставлять руководить страной. Вот мы сейчас как раз и рассматриваем дни «растерянности» Сталина.

Так что верить Микояну можно до определённой степени.

Молотов, обычно весьма сдержанный в характеристиках, в своих беседах с писателем Феликсом Чуевым и об этом дне, и о Микояне сказал буквально следующее: «И сам-то Анастас был гнилой. Микоян очень связан с Хрущёвым. Я думаю, что он настраивал Хрущёва на самые

крайние меры».

Совершенно иначе пересказал эту историю со слов Молотова писатель Иван Стаднюк. Иван Фотиевич, работая над романом «Война», встречался со свидетелями и героями тех событий, в том числе и с Молотовым. «Верно то, что вечером 29 июня Сталин потерял самообладание, узнав, что немцы второй день хозяйничают в Минске, а западнее столицы Белоруссии враг захлопнул капкан вокруг основной массы войск Западного фронта, что значило: путь гитлеровским войскам на Москву открыт.

Не дождавшись очередного доклада наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова об оперативной обстановке, Сталин с рядом членов Политбюро внезапно появился в Наркомате обороны.

Это был самый опасный момент во взаимоотношениях верховной государственной власти и высшего командования Вооружённых Сил СССР, была грань, за которой мог последовать взрыв с самыми тяжёлыми последствиями. Подробно расспросив Молотова о том, как всё происходило, я, работая над второй книгой “Войны”, написал главу, стараясь не смягчать в ней остроты случившегося, но и не давать неприятных деталей: уж в очень грубых, взаимно оскорбительных и нервных тонах вёлся разговор, с матерщиной и угрозами...

Ссора закончилась тем, что Жуков и Тимошенко предложили Сталину и членам Политбюро покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения».

Нет, это была не просто ссора по поводу, а принципиальная схватка, которая определяла дальнейшие взаимоотношения... Кто-то должен был отступить. Самый мудрый. И он отступил.

Историк Николай Зенькович, уже со слов Стаднюка, пересказывает историю схватки в наркомате так: «Ссора вспыхнула тяжелейшая, с матерщиной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутина, обзывал их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками. Нервное напряжение сказалось и на военных. Тимошенко с Жуковым тоже наговорили сгоряча немало оскорбительного в адрес вождя. Кончилось тем, что побелевший Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет... Изумлённый такой наглостью военных, Берия пытался вступить за вождя, но Сталин, ни с кем не попрощавшись, направился к выходу. Затем он тут же поехал на дачу».

Похоже, именно с дачи Сталин в этот день и приехал в наркомат. Вместе с членами Политбюро.

По воспоминаниям тех, кто в тот день сопровождал Сталина, он в

сердцах выпалил: «Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, всё это просрали». Разговор с военными впечатлил его сильно.

Вот так, от микояновской политкорректности в пользу Хрущёва история откочевала к жуковским матюкам.

Сам же маршал в своих мемуарах продемонстрировал верх сдержанности: «Ставка и Генеральный штаб тяжело восприняли известие о том, что нашими войсками оставлена столица Белоруссии». И далее, уже ближе к теме: «29 июня И. В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного Командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении».

Ни о «портяночниках», ни о «писаришках» маршал вспоминать не захотел. И уж тем более — о том, как сам «разговаривал» со Сталиным.

Двадцать седьмого июня Жуков связался по «Бодо» с начальником штаба Западного фронта генералом Климовских^[96]. Генерал докладывал, что Минск ещё наш, что немцы у Смоленичей высадили десант, но части 44-го стрелкового корпуса его уже добивают, что противник подошёл к укрепрайону, что «Барановичи, Бобруйск, Пуховичи до вечера были наши...».

Вопросы Жукова были кратки, но объёмны:

— Где Кулик, Болдин, Коробков^[97]?

— От Кулика и Болдина сообщений нет. Связались с Коробковым, он на КП восточнее Бобруйска. Соединение Хацкилевича подтягивалось к Барановичам, Ахлюстина — к Столбцам.

Климовских докладывал о 6-м генерала Хацкилевича и 13-м генерала Ахлюстина механизированных корпусах 10-й армии. Хацкилевич погибнет в эти дни при попытке вырваться из окружения. Ахлюстин — через месяц в районе Пропойска при форсировании реки Сож. В плен попадёт командир 4-й танковой дивизии 6-го механизированного корпуса генерал Потатурчев. После допроса немцы его поставят к берёзе, но пуля, пробив грудь, не заденет жизненно важных органов, и он выживет. В январе 1942 года он выйдет под Тулой на позиции 50-й армии, которой в то время будет командовать генерал Болдин. Выручить его Болдин не сможет или не захочет. Потатурчева арестуют. Умрёт он в тюрьме в 1947 году. В 1953 году его реабилитируют, вернут звание и орден Красной Звезды, вдове назначат пенсию.

— Где тяжёлая артиллерия? — спросил Жуков.

— Большая часть тяжёлой артиллерии в наших руках. Не имеем

данных по 375-му и 120-му гаубичным артиллерийским полкам.

В завершение Жуков предостерёг:

— Смотрите, чтобы противник ваш Минский УР не обошёл с севера. Закройте направление Логойск — Зембин — Плещеницы, иначе противник, обойдя УР, раньше вас будет в Борисове. У меня всё. До свидания.

Так и случилось. Через несколько часов немецкие танки при поддержке мотопехоты обошли Минский укрепрайон с севера и атаковали порядки 100-й стрелковой дивизии генерала Руссиянова^[98] в районе Острошицкого городка. Дивизия дралась храбро и умело. Было подбито около ста танков противника. Но сила силу ломит. Вскоре дивизию Руссиянова оттеснили и немецкие танки хлынули в северный пригород Минска.

В ту ночь Жуков почти не спал. Прилёг в кабинете на диване около 5.00. В 6.00 был уже на ногах. Сердце было не на месте. В 6.45 по телефону связался со штабом Западного фронта. Потребовал командующего. Павлов ответил.

«Жуков: Мы не можем принять никакого решения по Западному фронту, не зная, что происходит в районах Минска, Бобруйска, Слуцка. Прошу доложить по существу вопроса.

Павлов: В районе Минска 44-й стрелковый корпус отходит южнее Могилёвского шоссе; рубежом обороны, на котором должны остановиться, назначен Стахов — Червень. В районе Слуцка вчера, по наблюдению авиации, 210-я мотострелковая дивизия вела бой в районе Шишецы. В районе Бобруйска сегодня в четыре часа противник навёл мост, по которому проскочило 12 танков.

Жуков: Немцы передают по радио, что ими восточнее Белостока окружены две армии. Видимо, какая-то доля правды в этом есть. Почему ваш штаб не организует высылку делегатов связи, чтобы найти войска? Где Кулик, Болдин, Кузнецов? Где кавкорпус? Не может быть, чтобы авиация не видела конницу.

Павлов: Да, большая доля правды. Нам известно, что 25 и 26 июня части были на реке Щаре, вели бой за переправы с противником, занимающим восточный берег реки Щары. 3-я армия стремилась отойти по обе стороны реки Щары. 21-й стрелковый корпус — в район Лиды. С этим корпусом имели связь по радио, но со вчерашнего дня связи нет, корпус пробивается из окружения в указанном ему направлении. Авиация не может отыскать конницу и мехчасти, потому что всё это тщательно скрывается в лесах от авиации противника. Послана группа с радиостанцией с задачей разыскать, где Кулик и где находятся наши части.

От этой группы ответа пока нет. Болдин и Кузнецов, как и Голубев, до 26 июня были при частях.

Жуков: Основная ваша задача — как можно быстрее разыскать части и вывести их за реку Березину. За это дело возьмитесь лично и отберите для этой цели способных командиров. Ставка Главного Командования от вас требует в кратчайший срок собрать все войска фронта и привести их в надлежащее состояние. Нельзя ни в коем случае допустить прорыва частей противника в район Бобруйска и в район Борисова. Вы должны во что бы то ни стало не допустить срыва окончания сосредоточения армий в районе Орша — Могилёв — Жлобин — Рогачёв. Для руководства боями и для того, чтобы вы знали, что происходит под Бобруйском, вышлите группу командиров с радиостанцией под руководством вашего заместителя. Немедленно эвакуируйте склады, чтобы всё это не попало в руки противника. Как только обстановка прояснится, сразу же обо всём доложите.

Павлов: Для удержания Бобруйска и Борисова бросим все части, даже школу».

Странное впечатление производит этот разговор. Жуков пытается узнать у командующего Западным фронтом, в каком состоянии его войска. Тот отвечает неконкретно либо конкретно, но говорит не о столь существенном. О танковой колонне, которая напрямик шла к Бобруйску, он упомянул вскользь и почти пренебрежительно: проскочили, мол, 12 танков... При этом обещал драться за Бобруйск и послать туда едва ли не последний свой резерв. А между тем немцы были уже в Бобруйске. 3-я танковая дивизия генерала Моделя заняла город и захватила важнейшие бобруйские переправы через Березину ещё два дня назад, 28 июня. С этим немецким генералом Жукову ещё придётся столкнуться не раз — и подо Ржевом, и под Орлом, и на Украине, и в Польше, когда Модель, к тому времени генерал-полковник, а затем фельдмаршал, будет командовать 9-й армией, а потом группой армий «Северная Украина» и «Центр».

С занятием Бобруйска рухнуло всё оперативное построение наших войск на возможный отвод частей на тыловой рубеж и эвакуацию складов и тяжёлого вооружения. Генерал Модель овладел крупнейшим железнодорожным узлом, где сходились также шоссейные дороги. Таким образом, у противника появилась возможность беспрепятственно наступать, ломая уже не боевые порядки, а тылы южного фланга Западного фронта. 24-й моторизованный корпус 2-й танковой группы Гудериана, авангардом которого была дивизия Моделя, мгновенно воспользовался ситуацией, и через четверо суток немецкие танки и мотоциклисты были

уже на Днепре и с ходу попытались захватить плацдармы на восточном берегу. Но были отбиты решительными действиями 63-го стрелкового корпуса под командованием комкора Петровского^[99].

Тридцатого июня Сталин, по всей вероятности, ещё не окончательно погасив в себе ярость и уже приняв для себя решение по поводу судьбы командования Западного фронта, позвонил Жукову и приказал вызвать генерала Павлова.

Можно себе представить, что происходило в душе нашего героя, когда он связался со штабом Западного фронта и приказал генералу Павлову срочно прибыть в Москву.

Жуков был неглупым человеком и тайны кремлёвского дворца постепенно постигал, хотя, надо признать, всегда старался держаться от них в стороне. Раньше обречённых вытаскивал своим звонком из военных округов в столицу нарком Ворошилов. Так было с командующими округами Якиром, Уборевичем, Великановым, Ефремовым. Последнему, к счастью, ареста, пыток и расстрела удалось избежать.

К слову, в архивах ФСБ выявлено около трёхсот санкций наркома Ворошилова на арест военачальников высшего командного состава. При этом Ворошилов не только давал санкции на расстрел, но и активно сотрудничал с оперативными работниками соседнего наркомата, помогая им арестовывать командиров. Их брали прямо на вокзале по прибытии. Сажали в машину и везли во внутреннюю тюрьму НКВД. Либо в поезде снимали с какой-нибудь промежуточной станции недалеко от Москвы.

И вот «работу» Ворошилова должен был сделать он, Жуков.

В своих мемуарах маршал о приезде Павлова написал очень коротко, но с явным сочувствием к обречённому: «На следующий день генерал Д. Г. Павлов прибыл. Я его едва узнал, так изменился он за восемь дней войны. В тот же день он был отстранён от командования фронтом и вскоре предан суду. Вместе с ним по предложению Военного совета Западного фронта судили начштаба генерала Климовских, начальника войск связи генерала Григорьева, начальника артиллерии генерала Клич и других генералов штаба армии».

В те дни членом Военного совета Западного фронта был Мехлис, он и писал предсмертные «реляции» на генералов штаба Западного фронта.

Шестого июля Мехлис, оперативно «во всём разобравшись», телеграфировал в Москву: «Москва, Кремль, Сталину. Военный совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжёлое поражение. Военный совет решил:

1) Арестовать бывшего начальника штаба фронта Климовских,

бывшего заместителя командующего ВВС фронта Таюрского и начальника артиллерии Клич.

2) Предать суду военного трибунала командующего 4-й армией Коробкова, командира 9-й авиадивизии Черных, командира 42-й сд Лазаренко, командира танкового корпуса Оборина.

3) Нами арестованы — начальник связи фронта Григорьев, начальник топографического отдела фронта Дорофеев, начальник отделения отдела укомплектования фронта Кирсанов, инспектор боевой подготовки штаба ВВС Юров и начвоенторга Шейнкин».

Впрочем, изрядно демонизированный историками Мехлис был всего лишь не знавшей пощады и жалости дубиной в руках Сталина. И видимо, свою «миссию» на протяжении всей войны понимал правильно и совершенно определённно. Упорно и напролом гнул линию Хозяина, и всё ему сходило с рук. Даже гибель дивизий и корпусов он никогда не считал следствием своих неверных решений и близко к сердцу, к примеру, так, как член Военного совета Юго-Западного фронта Вашугин, подобные провалы не принимал.

У Жукова с Мехлисом были всегда плохие отношения. Началась эта неприязнь ещё на Халхин-Голе, когда начальника Главного политуправления РККА прислали в Монголию в район боевых действий «проверить» Жукова. Видимо, уже тогда между ними произошло нечто похожее на «разговор» с Куликом или со Штерном. Мехлис начал энергично давать советы штабу 1-й армейской группы, как лучше бить японцев. Его сдержанно выслушивали, но поступали так, как считали нужным. Вскоре он был отозван из зоны боевых действий. К 1941 году взаимная неприязнь Жукова и Мехлиса приняла характер устойчивый и, как впоследствии оказалось, непреодолимый. Судя по их стычкам, Мехлис считал, что Жуков держит камень за пазухой, то есть является замаскированным врагом. А Жуков презирал Мехлиса как бездарного военного, комиссара по особым поручениям, и не пропускал случая остудить его комиссарский пыл. Но, странное дело, фрагмент «Воспоминаний и размышлений» почти повторяет, пусть в урезанной редакции и более сдержанном тоне, телеграмму Мехлиса Сталину.

Не пытаясь быть адвокатом своего героя, скажу лишь: время было суровое, жестокое и требовало адекватных решений, и мы должны быть благодарны своим дедам и прадедам за то, что тогда, в тех страшных обстоятельствах у них хватило силы воли и характера переломить ход событий, выправить положение на фронтах и победить.

Дневниковые записи командующего группой армий «Центр»

фельдмаршала фон Бока дают исчерпывающий рисунок событий тех дней. Прошу обратить внимание на динамику изменения настроения автора дневника.

«29/6/41. Наши потери нельзя назвать незначительными. Тысячи русских солдат скрываются в лесах в нашем тылу; некоторые переодеты в гражданскую одежду. Когда им станет нечего есть, они обязательно выйдут из лесистой местности. Однако выловить их всех не представляется возможным, принимая во внимание обширность этих территорий. За 100 километров от линии фронта, в Семятичах, 293-я дивизия продолжает сражаться за несколько сильно укрепленных дотов, которые ей приходится брать штурмом один за другим. Несмотря на сильнейший артиллерийский огонь и использование всех имеющихся в нашем распоряжении современных средств нападения, гарнизоны этих дотов упорно отказываются сдаваться.

30/6/41. Ездил из Белостока, где нашими войсками захвачены армейские склады русских, в штаб-квартиры XII корпуса и 23-й дивизии (Хеллмих), части которой я встретил на марше. Люди свежи, но лошади на пределе — во время передвижения по этим дорогам им следует выдавать двойную порцию овса.

Дорога Белосток — Волковыск на всём своём протяжении являет сцены полного разгрома. Она загромождена сотнями разбитых танков, грузовиков и артиллерийских орудий всех калибров. Люфтваффе неплохо потрудились, обрабатывая отступающие колонны. Здесь противнику был нанесён тяжёлый удар.

Полевые командиры рапортуют, что русские делают вид, будто сдаются, после чего открывают по нашим войскам ураганный огонь. Подобные действия так обозлили наших людей, что они убивают на своём пути всех подряд. Впрочем, русские с нами тоже не церемонятся и, согласно рапортам, добивают наших раненых.

Когда вечером вернулся домой, обнаружил, что наши дела на правом крыле 4-й армии между реками Зельвянка и Шара всё ещё оставляют желать лучшего!

2/7/41. Утром позвонил Браухич и попросил проинформировать его о намерениях группы армий. Три проблемы вызывают у него озабоченность. Первая: обладают ли танковые группы достаточными силами для того, чтобы завтра перейти в наступление; вторая: хорошо ли подготовлены танковые группы в смысле снабжения; и третья, которая беспокоит его более всего: в состоянии ли оставшиеся танковые части сдерживать оказавшиеся в восточном “котле” крупные силы противника. Мне в

значительной степени удалось развеять его сомнения, хотя я не мог не поставить его в известность о том, что материальное обеспечение танковых групп оставляет желать лучшего, поскольку говорить об устройстве баз снабжения в Минске пока не приходится.

Разведывательные донесения свидетельствуют, что противник обустроивает новые оборонительные линии на Днестре и у “ворот” Смоленска (Орша — Витебск). Говорят, что вчера в Смоленске побывали Ворошилов (член Государственного комитета по обороне) и Тимошенко (народный комиссар обороны СССР), который курирует Западный фронт. Мои опасения относительно того, что впереди нас ждут тяжёлые бои, похоже, оправдываются.

5/7/41. Противник удерживает переправы через Двину и Днестр, а также танкодоступные направления по линии Орша — Витебск. Оборону против нас частично держат войска, отступившие под нашим натиском за указанные выше водные рубежи.

Только на крайних оконечностях флангов — около Рогачёва и Дзисны^[100] — танковым группам удалось захватить плацдармы на другом берегу Днестра и Двины. Потери в личном составе серьёзные.

6/7/41. Время идёт, а оборона русских на Днестре перед фронтом Гудериана всё крепнет. Тут и там противник бросает свои войска в контратаки против южного крыла в районе Жлобина и даже на западном берегу Днестра. Пришло известие о неожиданном появлении частей противника в тылу армии к северу от Березины. Пока неясно, какие это части — возможно, парашютисты. Воздушная разведка сообщает о концентрации русских войск вокруг Гомеля.

8/7/41. Гот прекрасно отдаёт себе отчёт в том, что атака его группы является нашей последней попыткой опрокинуть силы противника, сосредоточенные на Двине, и прорваться к Смоленску. Если эта попытка провалится, нам придётся ждать подхода главных сил 9-й армии. Гота, однако, тревожит то, что в случае успеха ему придётся повернуть к югу, чтобы помочь продвижению группы Гудериана. Я сказал ему, что подобный вариант развития событий пока не рассматривался. У Гота отлично налажено сотрудничество с Рихтгофеном и 9-й армией. Сильные передовые части 9-й армии стали сегодня выходить к реке, автоматически переходя под командование штаб-квартиры танковой группы. Я предложил Готу взять под свою команду XXIII корпус, который почти на день опережает главные силы 9-й армии; Гот принял моё предложение с благодарностью.

Противник крупными силами контратакует плацдарм у Дзисны, где части корпуса Кунтцена (LVII моторизованный корпус) форсировали

Двину. Русские, примкнув штыки, контратакуют позиции корпуса волнами, которые следуют одна за другой. По счастью, все эти контратаки отбиты».

Постепенно обстановка стабилизировалась. Отступление Красной армии замедлялось. Сопротивление усиливалось.

Историк и писатель Святослав Рыбас, характеризуя этот период Великой Отечественной войны, верно отметил, что «вечный ресурс русских, решение нерешаемых задач за счёт колоссального перенапряжения и жертвенности, проявился здесь во всей полноте».

Жертвы же были огромными. В белостокском и минском «котлах» сгинули 11 стрелковых, две кавалерийские, шесть танковых и четыре механизированных дивизии. Погибли трое командиров корпусов и двое командиров дивизий. Попали в плен двое командиров корпусов и шестеро командиров дивизий. Пропали без вести один командир корпуса и двое командиров дивизий. В сводке германского главного командования 11 июля 1941 года были подведены итоги боёв группы армий «Центр»: в белостокском и минском «котлах» взято в плен 324 тысячи человек, в том числе несколько старших генералов, захвачено 3332 танка, 1809 орудий и другие многочисленные военные трофеи. В результате «ослабления мобилизационной готовности войск» Белорусского Особого военного округа со стороны штаба округа под Белостоком, а затем западнее Минска в Налибокской пуще немцы окружили, уничтожили и пленили основные силы 3, 4, 10 и 13-й армий Западного фронта.

Глава двадцать третья

Ельня

«Покончить с ельнинской группировкой противника...»

Теперь, когда стало очевидным, что основной удар немцы наносят в центре и танковый клин моторизованных корпусов нацелен на Москву, Ставка перебрасывала резервные армии на линию Западного фронта. 19, 20, 21 и 22-я армии занимали оборону перед приближающимися колоннами группы армий «Центр». Это был, по сути дела, новый фронт, который так же, как и прежний, рухнувший и сгоревший в контратаках, назывался Западным.

Прежний штаб был расстрелян. Павлов, Климовских, Григорьев, Клич, Коробков. Командующий ВВС Западного Особого военного округа генерал Копец сумел предупредить арест и унижительные допросы: 22 июня он на самолёте поднялся в воздух, облетел аэродромы и, увидев чудовищные разрушения авиабаз и гибель авиационных полков и дивизий, вечером застрелился в своём кабинете.

Новым командующим Западным фронтом назначили маршала Тимошенко.

Похоже, Сталин не забыл военным нервного разговора в Генштабе. К тому же часть вины за поражение армий в Белоруссии он возлагал на Наркомат обороны и Генштаб. Вот и отправил под Смоленск исправлять положение первого из них. Вскоре в помощь ему пришлёт и второго.

Напряжение на фронте не ослабевало. Обстановку тех дней весьма точно охарактеризовал в своих мемуарах Баграмян: «Во всех разговорах сквозила мысль: приграничное сражение проиграно, нужно отводить войска на линию старых укрепленных районов. Но прямо это никто не решался высказать. Все понимали, что укрепленные районы, расположенные на линии старой государственной границы, ещё не готовы принять войска и обеспечить надёжную оборону. А времени и сил на приведение их в боевую готовность было слишком мало».

Новый Западный фронт уже окапывался под Оршей, Витебском и Великими Луками.

Жуков всматривался в опасную конфигурацию Юго-Западного фронта, следил за продвижением немецких войск. Фон Клейст снова начал давить, концентрируя удары на нескольких направлениях. И вскоре стало

очевидным: немцы стараются опередить Кирпоноса, отсечь армии Юго-Западного фронта от линии укрепрайонов и навязать им бой в не защищённом и не оборудованном для обороны пространстве.

По воспоминаниям Баграмяна, штаб Юго-Западного фронта 30 июня получил приказ, «в корне менявший ранее утверждённый план действий. В телеграмме указывалось, что войскам Юго-Западного фронта до 9 июля надлежит отойти на рубеж Коростенского, Новоград-Волынского, Шепетовского, Староконстантиновского и Проскуровского укреплённых районов. В связи с этим и примыкавшая к нашему левому крылу 18-я армия Южного фронта должна была отвести свои правофланговые войска в Каменец-Подольский укреплённый район (по реке Збруч). С целью постепенного выравнивания линии отходящих войск нашему фронту было приказано до 6 июля удерживать промежуточный рубеж: Сарны, река Случь, Острог, Скалат, Чортков, Коломыя, Берховет».

Первого июля Жуков позвонил Пуркаеву:

— Учитывая стремление противника отрезать 6, 26 и 12-ю армии, необходимо проявить исключительную активность и изобретательность в руководстве отходом войск. Иначе не миновать катастрофы. Отвод войск необходимо прикрыть авиацией. Всю противотанковую артиллерию держать в непосредственной близости к наиболее опасным участкам и направлениям.

«Войска начали отход, — вспоминал Баграмян. — К этому манёвру было приковано не только наше внимание. Им интересовались и Ставка, и Генеральный штаб. По нескольку раз в день Москва вызывала на провод то Кирпоноса, то Пуркаева. Утром 1 июля мне довелось присутствовать при разговоре нашего начальника штаба с Жуковым. С первых же слов стало ясно, что Ставку тревожит угроза, нависшая над сильно отстававшими войсками 26-й и 12-й армий. Жуков и начал с того, что спросил Пуркаева, какое принято решение относительно левофланговых армий фронта. Выслушав ответ, он подчеркнул опасность отсечения наших главных сил от линии укреплённых районов».

Но фон Клейст опережал Кирпоноса.

Жуков позвонил командующему Юго-Западным фронтом в полночь 6 июля:

— Примите все меры, чтобы противник не оказался у вас в Бердичеве и не отрезал бы 26-ю и 12-ю армии. Спешите с отводом за УР.

Седьмого июля танки Клейста овладели Бердичевом и прошли через укрепрайон, не занятый войсками.

В эти же дни с территории Румынии позиции войск Южного фронта

атаковали румынские и немецкие дивизии. Положение Юго-Западного фронта значительно осложнилось.

Как бы ни было тяжело, с каким бы перенапряжением ни работал Генштаб, но в войска за подписью Жукова уходили и такие приказы: «В боях за социалистическое отечество против войск немецкого фашизма ряд лиц командного, начальствующего и рядового состава: танкистов, артиллеристов, лётчиков и других проявили исключительное мужество и героизм. Срочно сделайте представление к награждению правительственными наградами в Ставку Главного Командования на лиц, проявивших особые подвиги».

Западнее Смоленска положение по-прежнему оставалось на грани критического. В десятых числах июля авангарды моторизованных корпусов группы армий «Центр» были уже на Днепре, Десне и Западной Двине, в некоторых местах с ходу форсировали их и попытались развить наступление дальше на восток, в направлении Москвы. Началось Смоленское сражение, которое будет длиться два месяца.

Ожесточённые бои почти одновременно вспыхнули сразу на трёх главных направлениях — великолукском, смоленском и рославльском. Первые же несколько суток противостояния, донесения штабов армий и данные авиаразведки выявили контуры замысла немецких штабов: 2-я танковая группа (Гудериан) и 3-я танковая группа (Гот) ударили одновременно из района Витебска на Духовщину и из района севернее Полоцка на Великие Луки. Фланговые удары этих двух группировок были направлены на Кричев — Рославль и на Ельню. Таким образом фон Бок намеревался ещё одним мощным ударом охватить группировку наших 19, 20 и 16-й армий и придушить их в смоленском «котле».

Первые бои продемонстрировали превосходство германской армии, и моральное, и численное.

Против пяти армий Западного фронта, расположенных в два эшелона, действовали 28 дивизий, в том числе девять танковых и шесть моторизованных, а также одна моторизованная бригада. Во втором эшелоне двигались 34 дивизии и две бригады. К началу Смоленского сражения немцы превосходили наши армии в 1,6 раза в живой силе, в 1,8 раза в орудиях и миномётах, в 4 раза в самолётах. Маршал Тимошенко, вступивший в командование войсками Западного фронта, добился превосходства только в танках — в 1,3 раза, что, конечно же, немаловажно.

К сожалению, ни командование Западного фронта, ни Генштаб не смогли вовремя развернуть новый фронт в полосе от Идрицы до Речицы, чтобы прочно закрыть Смоленские ворота. 22-я армия вскоре оказалась

расчленённой и вынуждена была частью войск драться изолированно, а частью с боями и большими потерями вырваться из окружения. 19-я армия была ещё в эшелонах, когда часть её сил во главе с командармом Коневым вступила в бой под Витебском. Именно к этим дням относится эпизод из фронтовой биографии Конева, когда ему, бывшему артиллерийскому фейерверкеру^[101], пришлось вместе с уцелевшим заряжающим наполовину погибшего, а наполовину разбежавшегося расчёта противотанковой пушки стрелять по колонне немецких танков. К середине июля немцы, постоянно наращивая удар за счёт 9-й полевой армии, к тому времени подошедшей своими основными силами к театру военных действий, завершили охват смоленской группировки части наших войск и ворвались в Смоленск. В эти же дни пали Орша, Кричев, Пропойск, Ельня.

Но Западный фронт по-прежнему сражался. Большинство дивизий смогли отойти на новые оборонительные рубежи, избежав уничтожения и пленения. В окружении на южном фланге продолжал драться Могилёв. Более того, войска Тимошенко постоянно контратаковали, и противник нёс всё новые и новые потери в живой силе и технике. По мере продвижения вермахта вглубь территории СССР компенсировать эти потери Гитлеру было всё сложнее. Мы ещё подойдём в своём повествовании к тому моменту, когда потери германской армии именно на Восточном фронте станут непреодолимым препятствием на пути Гитлера к победе. Немецкий дух, немецкий «орднунг» и рейнский металл иссякнут именно в России.

Ставка создала ещё один фронт. Резервные армии заняли окопы на рубеже Старая Русса — Осташков — Белый — Рославль — Брянск.

Сталин тяжело переживал падение Смоленска. Какое-то время он даже не разрешал публиковать в печати и передавать в радиоэфир сообщение о сдаче этого города. Потеря, без сомнения, была огромной. Слишком много ассоциаций она вызывала — поляки, французы, отданная тем и другим Москва...

Но давайте именно здесь остановимся ненадолго и задумаемся вот о чём. Говоря о начале Великой Отечественной войны, часто упоминают о том, какие душевные потрясения испытал Сталин от поражения наших войск, о его двухдневном отсутствии в кремлёвском кабинете. Но почему-то никого не интересовало, что испытывал в первые дни войны начальник Генерального штаба, когда на фронте от моря до моря в попытке контратаковать и отбить вторжение гибли механизированные корпуса, его детище. Соединения, которые, как ему казалось, определяют на годы характер и мощь современных армий крупнейших держав мира. Сколько

энергии, какие ресурсы и без того перенапряжённой экономики страны потрачены на их оснащение и вооружение! Лучшие командиры и специалисты, собранные со всей армии, отданы на укомплектование мехкорпусов.

И вот штабы и разведка доносят о том, как гибнут эти корпуса. Одни — даже не успев развернуть свои порядки. Другие — на марше. Третьи, оставшись без горючего, уничтоженного немецкой авиацией, и вовсе не вышли из лагерей. Но были и такие, которые схватились с авангардами противника, успешно контратаковали, пожгли много немецких танков и продемонстрировали в бою свои преимущества, но затем были атакованы авиацией, встречены мощной зенитной артиллерией, потеряли темп и, не поддержанные ни соседями, ни своей авиацией, ни артиллерией, тоже стали отходить, теряя порядок, людей, технику, вооружение.

Мехкорпуса после летних неудач будут расформированы. Танки и бронетехнику передадут в бригады. Какое-то время танковые бригады будут составлять основу мобильных ударных сил. Именно танковыми бригадами спустя три-четыре месяца под Москвой будут усиливать стрелковые дивизии, армейские группы и общевойсковые армии. Но вскоре задачи изменятся и в войска вернутся не только механизированные корпуса, но и танковые. Правда, их структура претерпит значительные изменения. С танковыми корпусами Жуков ворвётся в Берлин. К тому времени корпуса будут объединены в танковые армии. Но будут и отдельные механизированные и танковые корпуса резерва главного командования. Они как будто вернутся из прошлого, из жуткого лета 1941-го.

А пока Сталин в ярости от неудач на Западном фронте требовал отбить Смоленск, вернуть контроль над Смоленскими воротами.

Жуков со своими офицерами разработал новую операцию. 20 июля в войска ушла директива за его подписью о проведении контрудара с целью окружения и разгрома противника в районе Смоленска. Из дивизий фронта резервных армий, стоявших во втором эшелоне, создавалось пять оперативных групп. Они передавались в состав Западного фронта с задачей: нанести серию согласованных ударов с целью охвата смоленской группировки противника с северо-востока, востока, юго-востока и юга.

Июльский 1941 года контрудар в направлении Смоленска считается неудачной операцией наших войск. Мы, к сожалению, привыкли недооценивать многие действия Красной армии в первый период войны. Исповедуя крайности и не признавая полутонов, придерживаемся комиссарского правила: если не победа, то — поражение, и если не хвала,

то — хула.

Контратаки в направлении Смоленска были проведены веерно, согласованности достигнуть не удалось. В итоге все они были отбиты противником. Но и фон Бок, и Гитлер оценили упорство и решительность русских — на московском направлении немцы остановили наступление и перешли к обороне. Наступательный ресурс во многом был израсходован, а те силы, которыми группа армий «Центр» всё ещё располагала, решено было направить на другой участок Восточного фронта. Куда?

Из дневника фон Бока: «28/7/41. Поздно вечером приехал адъютант фюрера Шмундт и от имени фюрера сообщил мне следующее: наша главная задача — захват Ленинграда с прилегающими к нему районами, потом на повестке дня стоит захват источников стратегического сырья в районе Донецкого бассейна, Москва как таковая большой ценности для фюрера не представляет. Зато для него приобретает большое значение Гомель, захват которого обеспечит проведение масштабных операций в направлении Донецкого бассейна. Это несколько отличается от того, что говорится по поводу задач и целей группы армий в директиве Верховного командования сухопутных сил».

Жуков по-прежнему беспокоился за южный фланг фронта. Как только противник прекратил давление в центре, сразу стало понятно, что надо ждать удара в другом направлении. Скорее всего, на юге.

Двадцать девятого июля 1941 года Жуков позвонил Сталину, доложил, что имеет важное сообщение, и попросил принять его безотлагательно.

Сталин ответил:

— Приходите.

Личный шофёр Жукова Александр Николаевич Бучин рассказывал, что по Москве и за город начальник Генерального штаба передвигался в кортеже из двух машин. В первой «эмке» ехал Жуков. Вторая, на «хвосте» — охрана. Охранников, не считая водителя, было трое. Вооружены автоматами ППД. У водителя — револьвер «наган» и финский нож. «... Жуков ездил мало, — вспоминал Бучин. — Маршрут обычно: Генштаб-Кремль и обратно. Квартира и дача, конечно».

В тот день в кабинете у Сталина находились Маленков и Мехлис.

Жуков разложил на столе карту и приступил к докладу. Как всегда, начал с Северо-Западного направления и закончил Юго-Западным. На карте указал расположение немецких войск, уточнил их основные группировки и высказал свои предположения о возможных и явно возможных, исходя из логики последних событий, намерениях противника. Сталин внимательно слушал, попыхая трубой.

— Откуда вам известно, как будут действовать немецкие войска? — спросил Мехлис, словно устав слушать докладчика.

— Мне неизвестны планы противника, но исходя из анализа сложившейся обстановки, немцы будут действовать, скорее всего, именно так, — ответил Жуков.

— Продолжайте, — будто не замечая напряжения, сказал Сталин и указал трубкой на карту.

— На московском стратегическом направлении, — продолжил Жуков, — немцы в ближайшее время, видимо, не смогут вести крупную наступательную операцию, так как они понесли слишком большие потери. Сейчас у них здесь нет крупных резервов, чтобы пополнить свои армии и обеспечить правый и левый фланги группы армий «Центр». На Украине, как мы полагаем, основные события могут разыграться где-то в районе Днепропетровска, Кременчуга, куда вышли главные силы бронетанковых войск противника группы армий «Юг». Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши 13-я и 21-я армии, прикрывающие направление на Унечу — Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева. — И Жуков резко чиркнул по карте указкой с севера на юг.

Именно так вскоре и ударит Гудериан своей 2-й танковой группой, отрезая армии Юго-Западного фронта от тылов.

— Что вы предлагаете? — спросил Сталин.

— Прежде всего, укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трёх армий, усиленных артиллерией. Одну армию — за счёт Западного направления, другую — за счёт Юго-Западного фронта, третью — из резерва Ставки. Поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно предлагаю Ватутина.

— Вы что же, считаете возможным ослабить направление на Москву? — удивился Сталин.

— Нет, так не считаю. Но противник, по нашим расчётам, здесь пока вперёд не двинется, а через двенадцать-пятнадцать дней мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую. Такой манёвр не ослабит, а усилит московское направление.

Мехлис язвительно бросил:

— А Дальний Восток отдадим японцам?

Жуков решил на эту реплику не отвечать и продолжил:

— Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий.

Сталин в упор посмотрел на начальника Генерального штаба:

— А как же Киев?

Вот и наступил момент истины.

— Киев придётся оставить, — уверенным тоном произнёс Жуков.

В кабинете Сталина повисла тишина, как перед артподготовкой или атакой.

Жуков преодолел себя и продолжил доклад:

— На Западном направлении нужно немедленно организовать контрудар с целью ликвидации Ельнинского выступа. Именно Ельнинский плацдарм противник может позднее использовать для нового наступления на Москву.

И тут Сталин пришёл в себя.

— Какие там ещё удары! Что за чепуха! — вспыхнул он. — Опыт показал, что наши войска не умеют наступать.

Снова наступила тишина. И вдруг Сталин закричал:

— Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?!

Биограф Сталина историк Святослав Рыбас пишет: «В советских кинофильмах о войне Сталин изображён всегда спокойным, уверенным в себе вождём, но в действительности он бывал очень разным. Когда его охватывала ярость, он делался страшен. Его гнева боялись все». Рыбас приводит несколько эпизодов проявления неконтролируемой ярости. К примеру, после неудачного испытания танкового мотора Сталин позвонил наркому танкостроения Малышеву и заорал в трубку: «Будь ты трижды проклят, предатель родины!» Василевский, очень сдержанный в своих воспоминаниях, признавался, что натерпелся от Сталина «как никто другой»: «Бывал он и со мной, и с другими груб непозволительно, нестерпимо груб и несправедлив». А наркома Малышева после того «разговора» увезли в больницу с инфарктом.

Нечто подобное мог вполне услышать и Жуков во время доклада, когда сказал, что необходимо оставить Киев. Но в тот раз Сталин сдержался. Быть может, потому, что знал: Жуков прав и, как недавно в Генштабе, на грубость ответит грубостью.

Смоленск и Киев, так же как Ленинград и Москва, имели для Сталина не столько военное, сколько политическое значение. Он только что принял английского посла Криппса и на этой важной для обеих сторон встрече ещё раз напомнил о военной помощи, в которой нуждается Советский Союз. Через два дня после визита английского посла Черчилль направил Сталину,

к тому времени уже Верховному главнокомандующему, письмо с согласием на поставку воюющей Красной армии вооружения, боеприпасов, снаряжения, продовольствия, а также необходимых материалов для военной промышленности СССР. В тот же день Черчилль продиктовал письмо, адресованное военно-морскому министру и начальнику военно-морского штаба: «Если бы русские смогли продержаться и продолжить военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества... Пока русские продолжают сражаться, не так уж важно, где проходит линия фронта. Эти люди показали, что они заслуживают того, чтобы им оказали поддержку, и мы должны идти на жертвы и на риск, даже если это причиняет нам неудобства, — что я вполне сознаю, ради того, чтобы поддержать их дух...»

В те же дни состоялся визит Гарри Гопкинса, посланника Рузвельта. Гопкинс внимательно изучал обстановку. Когда заговорили о возможной помощи США, Сталин неожиданно попросил высокооктановый бензин для самолётов и цветные металлы. Это произвело на американца впечатление: Гитлер уже пролез в Смоленские ворота, а русские просят не солдат и даже не оружие — они озабочены перспективой, а значит, отчётливо видят её...

Вот когда, ещё в июле, когда фронты трещали и их нужно было постоянно латать новыми дивизиями и подпирать резервными армиями, Верховный главнокомандующий одержал одну из главных побед в той войне. Вполне понятно, что большего, почти невозможного, он требовал и от своих генералов и маршалов.

Но вернёмся к докладу Жукова.

Он не был таким терпеливым и покладистым, каким на должности начальника Генерального штаба окажется потом Василевский. Впоследствии Жуков сам признается, что «не смог сдержаться и ответил:

— Если вы считаете, что я как начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине».

После очередной тяжёлой паузы Сталин заговорил уже спокойнее:

— Вы не горячитесь. А впрочем... мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдёмся...

Через полчаса Жуков получил новое назначение — под Ельню.

— Вот что, — сказал ему Сталин, — мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба. На это место назначим Шапошникова. Правда, у него со здоровьем не всё в порядке, но ничего, мы ему поможем. А вас используем на практической

работе. У вас большой опыт командования войсками в боевой обстановке. В действующей армии вы принесёте несомненную пользу. Разумеется, вы останетесь заместителем наркома обороны и членом Ставки.

— Куда мне прикажете отправиться?

— А куда бы вы хотели?

— Могу выполнять любую работу. Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом.

— Не горячитесь, не горячитесь. Вы вот тут докладывали об организации контрудара под Ельней. Ну и возьмитесь за это дело. Действия резервных армий на ржевско-вяземской линии обороны надо объединить. Мы назначаем вас командующим Резервным фронтом. Когда вы сможете выехать?

— Через час.

— Шапошников скоро прибудет в Генштаб. Сдайте ему дела и выезжайте.

Так впоследствии эту историю с назначением «на Ельню» изложил в своих мемуарах сам маршал.

К тому времени Сталин, кажется, окончательно понял в Жукове главное. Потому и позволял ему многое. Когда свой кавказский гнев, принимавший порой самые безобразные формы, временами выплёскивал и на него, знал, как тот может ответить. И ответы его терпел.

Известна история о том, как в апреле 1941 года прославленный лётчик-ас, заместитель наркома по авиации генерал Рычагов во время совещания на вопрос Сталина, почему в ВВС такая высокая аварийность, ответил: «Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах!» Эту вольность Сталин терпеть не стал: «Вы не должны были так говорить». Через три дня генерала сняли с должности, через два с половиной месяца арестовали, а через пол года расстреляли вместе с женой, прославленной лётчицей Марией Нестеренко.

Отправляясь на фронт, Жуков в первую очередь позаботился о семье. Понимал, что случиться может всякое.

Эра Георгиевна вспоминает, что с эвакуацией они тянули до последнего, что погреб на даче оборудовали под бомбоубежище и надеялись так пережить самые трудные дни войны. Но «в конце июля 1941 года мы, спешно собравшись и взяв самое необходимое, поездом отправились в Куйбышев». В одном вагоне с Жуковыми в эвакуацию ехали семьи председателя Госплана и члена ГКО Вознесенского и генерала армии Тюленева. В Куйбышеве Жуковых поселили по соседству с семьями Тимошенко и Будённого. Они общались, дружили, «поддерживали друг

друга». Дети из эвакуированных семей в школу пошли на месяц позже. Эра Георгиевна рассказывала:

— Большинство учителей были также из Москвы. Занимались мы по полной программе, однако мысли были заняты делами фронта. Понятное беспокойство и разговоры дома, сообщения о пропавших без вести, попавших в плен и убитых не могли не сказываться на нас, детях. Мы постоянно писали письма на фронт, бережно собирали посылочки, обещая солдатам хорошо учиться. От папы получали редкие весточки, которыми он всячески нас подбадривал.

Жуков ехал в штаб Резервного фронта, а в голове всё время стучали слова Верховного: «Какие там ещё удары!»; «...наши войска не умеют наступать».

Александр Николаевич Бучин вспоминал: «Внезапно распоряжение — ехать на войну. Генерал армии выехал на “паккарде”, бывшей машине маршала Кулика. Открытый “паккард” начальника Генштаба, который Жуков взял на фронт, прослужил нам всю войну, точнее, числился за нами. После Ельни “паккард” стоял обычно на автобазе Наркомата обороны в Москве. Довольно редко Георгий Константинович приказывал взять его на фронт, например, во время битвы под Курском. Какими соображениями он руководствовался при этом, не знаю. Скоро в августе 1941 года Жуков пересел на вездеход ГАЗ-61».

Штаб фронта находился близ Гжатска в лесу в тщательно замаскированных землянках. В штабной землянке Жукова встретили начальник штаба фронта генерал Ляпин^[102] и командующий артиллерией генерал Говоров^[103]. Жуков выслушал доклад Ляпина и сразу же выехал в сопровождении Говорова в расположение 24-й армии. «Ехали при мрачном отблеске пожаров, полыхавших где-то под Ярцевом, Ельней и западнее Вязьмы, — вспоминал маршал. — Что горело — мы не знали, но вид пожарищ создавал тяжкое впечатление. Гибло в огне народное добро...»

Напротив Ельнинского выступа оборону держала 24-я армия генерала Ракутина^[104].

Командарм 24 произвёл на Жукова двойственное впечатление. «Чувствовалось, — писал он впоследствии в «Воспоминаниях и размышлениях», — что оперативно-тактическая подготовка у него была явно недостаточной. К. И. Ракутину был присущ тот же недостаток, что и многим офицерам и генералам, работавшим ранее в пограничных войсках Наркомата внутренних дел, которым почти не приходилось совершенствоваться в вопросах оперативного искусства».

Жуков изучил обстановку, осмотрел передний край. Буквально исползал его на животе. Побывал на полковых и батальонных наблюдательных пунктах. Поговорил с солдатами и командирами. И 21 августа отдал Ракутину приказ: атаки прекратить, они только истощают силы, потому что противник залёг на плацдарме основательно, в несколько эшелонов и при мощном огневом обеспечении; произвести перегруппировку и готовить войска к новому наступлению.

Ельнинский выступ, образовавшийся в ходе летних боёв за Смоленские ворота, был не просто выступом. Немцы захватили на левом берегу реки Десны выгодный плацдарм, накачали его войсками и хорошо укрепили огневыми средствами. К тому же, овладев Ельней, фон Бок заполучил в своё распоряжение узел дорог, которые теперь мог контролировать и которыми мог пользоваться как выгоднейшей рокадой в своём тылу — по этой рокаде он мог перебрасывать войска, технику и грузы в любую точку довольно большого периметра Ельнинского выступа. Бездорожье и неблагоприятные погодные условия в России превратили войну для германских войск в постоянную, практически не прекращающуюся битву за плацдармы и дороги.

Однажды из штаба 24-й армии позвонили: захвачен пленный из элитного пехотного полка «Великая Германия».

— Давайте его сюда, — приказал комфронта.

— Только, товарищ командующий, вот какое дело, — замялся на другом конце провода генерал Ракутин. — Немец-то хорош, но разговаривать отказывается.

— Везите срочно. Заговорит.

Пленного вскоре привезли в Гжатск. Потом о разговоре с ним маршал рассказывал Константину Симонову: «Вспоминаю пленного немца, которого я допрашивал под Ельней. Это был один из первых взятых там в плен танкистов. Молодой, высокий, красивый, белокурый, эдакий Нибелунг, даже вспомнилась картина “Нибелунги”, которую смотрел в кино в двадцатые годы. Словом, образцовый экземпляр. Начинаю его допрашивать. Докладывает, что он механик-водитель такой-то роты, такого-то батальона, такой-то танковой дивизии. Задаю ему следующие вопросы. Не отвечает.

“Почему вы не отвечаете?” Молчит. Потом заявляет: “Вы военный человек, вы должны понимать, что я как военный человек уже ответил на всё то, что должен был вам ответить, — кто я и к какой части принадлежу. А ни на какие другие вопросы я отвечать не могу. Потому что дал присягу. И вы не вправе меня спрашивать, зная, что я военный человек, и не вправе

от меня требовать, чтобы я нарушил свой долг и лишился чести”.

Тогда я спрашиваю его: знает ли он, с кем разговаривает? Нет, не знает. “Переведите ему, что я генерал армии Жуков” Выслушав это, он отвечает. “Я не знаю вас. Я знаю своих генералов. А ваших генералов не знаю”.

Молодец! Держится таким наглецом, просто на редкость. Ну как его не уважать? Нельзя не уважать.

Я говорю ему: “Если не будете отвечать — расстреляем вас, и всё”. Побледнел, но не сдался. Говорит: “Ну что ж, расстреливайте, если вы хотите совершить бесчестный поступок по отношению к беззащитному пленному. Расстреливайте. Я надеюсь, что вы этого не сделаете. Но всё равно я отвечать ничего сверх того, что уже ответил, не буду”.

Когда я потом докладывал Сталину о Ельнинской операции, я рассказал ему об этом пленном, проиллюстрировал им, что представляют из себя немцы, с кем нам приходится иметь дело. Знать это и ясно оценивать — важно. Потому что эта оценка неотъемлемо входит в расчёты и планы. С такими вещами надо считаться и при оценке противника, и при оценке собственных возможностей. Планируя операцию, надо оценивать моральное состояние, уровень дисциплины и выучки солдат противника. Недооценив всё это, нетрудно впасть в ошибки и просчёты».

Изучив карту порядков своего и соседних фронтов и оценив действия противника, который активизировался на Южном направлении, Жуков 19 августа отправил Сталину шифровку:

«1. Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на путях к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов.

Возможный замысел противника:

Разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс.

2. Считаю своим долгом доложить свои соображения о необходимости как можно скорее собрать крупную группировку в районе Глухов, Чернигов, Конотоп. Эшелон прикрытия сосредоточения сейчас же выбросить на реке Десна.

В группировку необходимо включить:

1) до 1000 танков, которые собрать за счёт мехкорпуса Закавказского ВО, танков РГК и в дальнейшем 300 взять с Дальнего Востока;

- 2) до 10 стрелковых дивизий;
- 3) 3–4 кавалерийских дивизии;
- 4) 400–500 самолётов.

Если ставить себе более активный способ противодействия этому крайне опасному плану противника, всю предлагаемую группировку нужно срочно собрать в районе Брянска, откуда и нанести противнику удар во фланг.

Не ожидая сосредоточения брянской группировки, необходимо усилить войска Западного фронта четырьмя-пятью стрелковыми дивизиями, восемью-десятью тяжёлыми артполками РК и перейти немедленно в наступление с целью выхода на фронт Полоцк — Витебск — Смоленск.

Командующий Резервным фронтом генерал Жуков».

В тот же день Жуков получил ответ: «Ваши соображения насчёт вероятного продвижения немцев в сторону Чернигов— Конотоп — Прилуки считаю правильными. Продвижение немцев в эту сторону будет означать обход киевской группировки с восточного берега Днепра и окружение наших 3-й и 21-й армий. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт во главе с Ерёменко. Принимаются и другие меры, о которых сообщу особо. Надеемся пресечь продвижение немцев. Сталин».

Маршал Василевский, в присутствии которого проходило назначение А. И. Ерёменко на должность командующего войсками Брянского фронта, после войны напишет в своих мемуарах: «Сталин сказал, что хотя возможность использования группы Гудериана для флангового удара по правофланговым войскам Юго-Западного фронта маловероятна, но опасаться этого всё же надо. Исходя из этого обязательная задача Брянского фронта состоит в том, чтобы не только надёжно прикрыть брянское направление, но во что бы то ни стало своевременно разбить главные силы Гудериана. Выслушав Сталина, вновь назначенный командующий Брянским фронтом очень уверенно заявил, что в ближайшие же дни, безусловно, разгромит Гудериана».

Двадцать четвёртого августа по прямому проводу Сталин — Ерёменко: «Если Вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать Брянскому фронту ещё несколько полков авиации и несколько батарей реактивных установок РС. Ваш ответ?»

Ерёменко — Сталину, уверенно и твёрдо: «Подлеца Гудериана безусловно разобью. Для этого прошу подчинить мне 21-ю армию вместе с 3-й».

Сталин немедленно отдал распоряжение о переподчинении штабу Брянского фронта 21-й и 3-й армий.

Как известно, «подлеца Гудериана» Ерёменко не разбил, наоборот — сам был разбит им.

«А как иначе я мог отвечать Сталину? — оправдывался после войны Ерёменко в одном из частных разговоров. — Шапошников и Василевский, несомненно, лучше знали общую обстановку, чем я, только что прибывший с Западного фронта, где занимался совершенно конкретным делом. Они могли бы меня поправить и сказать Верховному, что у них есть на сей счёт другое мнение».

Вот почему Маршалом Победы стал тот, кто не давал пустых обещаний.

Возвращаясь к разговору Жукова с пленным немецким танкистом, замечу, что о благородстве враг зачастую вспоминал, оказавшись в руках противника, рассчитывая на его великодушие. В бою немцы в то лето вели себя иначе. Шла война на уничтожение. Россия — не Польша и уж тем более не Франция, здесь позволялось всё. Из рассказа Бучина: «Прохладный денёк в конце лета. С запада беспорядочной стаей возвращались наши истребители И-15 и И-16. Машин с десятков. Наверное, они летали на штурмовку и израсходовали боезапас. А вокруг носились два “мессера”, подбивавшие пушечно-пулемётным огнём наших по очереди. Особенно жалко выглядели бипланчики И-15; получив очередь, самолёт клевал носом, входил в штопор и, как сорванный лист, устремлялся к земле. Из одного И-15 успел выпрыгнуть лётчик. Над ним белым облачком развернулся парашют.

Георгий Константинович и мы, свидетели происходившего, с облегчением вздохнули: хоть этот спасётся. Но в ту же секунду мелькнул “мессер”, вцепил в упор очередь в беспомощно качавшегося на стропях парня и ушёл. Парашют как-то бережно опустил тело лётчика на землю недалеко от нас. Подошли. Он был совсем мальчиком, в синем комбинезоне, кожаном шлеме, весь залитый кровью. Жуков отрывисто приказал — предать земле с почестями, повернулся и пошёл прочь. Редко когда я видел такой гнев на лице генерала, глаза сузились и буквально побелели».

Не об этом ли окровавленном мальчике в синем лётном комбинезоне и кожаном шлеме на пыльной траве под Ельней вспомнит маршал весной 1945-го, оглядывая в стереотрубу горящую столицу Третьего рейха, когда из его уст сорвётся жестокое и справедливое: «Развалинами Берлина удовлетворён».

Двадцать пятого августа штаб Западного фронта получил директиву Ставки: «...30 августа левофланговыми 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: покончить с ельнинской группировкой противника, овладеть Ельней и, нанося в дальнейшем удары в направлениях Починка и Рославля, к 8 сентября 1941 г. выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи, для чего:

а) 24-й армии в составе восьми сд, одной тд, одной мд концентрическими ударами уничтожить ельнинскую группировку противника и к 1 сентября выйти на фронт ст. Большая Нежда, Петрово, Стройна; в дальнейшем, развивая наступление, нанести удар в направлении на Починок и, овладев последним, к 8 сентября выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи;

б) 43-й армии, оставив 22-ю и 53-ю сд на занимаемом фронте обороны и главные силы армии на обороне спас-деменских и кировских позиций, двумя стрелковыми и двумя танковыми дивизиями 30 августа перейти в наступление в общем направлении на Рославль и, овладев Рославлем, к 8 сентября выйти на фронт Хиславичи, Петровичи...»

Это было именно то, чего он ждал все эти дни и к чему готовил свои войска.

В период подготовки к операции Жуков основательно перетряс командный состав. Замены произошли в штабах, в дивизиях, в полках. Некоторые генералы за бездеятельность и халатность угодили под следствие. Эта «жестокость» командующего впоследствии вылезет в мемуарах некоторых из отстранённых и отданных под суд.

Первая самостоятельная операция, разработанная и проводимая под руководством Жукова, действительно во многом напоминала Халхин-Гол. Охват сильными ударными группами, сосредоточенными на флангах, при активных действиях в центре.

Соотношение сил было примерно равным, при небольшом перевесе немецкой стороны в живой силе (70 тысяч солдат и офицеров против 60 тысяч наших) и в танках (40 против 35). Однако Жукову удалось достичь перевеса в артиллерии: 800 орудий, миномётов, установок реактивной артиллерии против 500 немецких.

Тридцатого августа после мощной артподготовки дивизии генерала Ракутина атаковали немецкие позиции перед своим фронтом. Драка была яростная. Немцы с плацдарма уходить не хотели. В ходе сражения начали вводить в дело резервы второго эшелона. Все контратаки были отбиты. Порой с очень большими жертвами.

Второго августа фон Бок записал в своём дневнике: «Вопрос о сдаче

Ельнинского выступления становится в этой связи одним из самых актуальных. Задействованные там дивизии в буквальном смысле истекают кровью. Ещё раз посоветовавшись с Клюге, я решил Ельнинский выступ оставить».

Порой эта запись комментируется исследователями Ельнинского сражения как повод для облегчённого вывода: мол, немцы сами ушли из Ельни и оставили неудобный для обороны выступ...

Ушли — после нескольких суток упорных боёв, когда упорство стало перерастать в угрозу окружения на плацдарме основных сил 20-го армейского корпуса генерала Матерны^[105] — четырёх пехотных дивизий.

Пятого сентября 19-я стрелковая дивизия вошла в Ельню.

Восьмого сентября Ельнинский выступ был срезан.

Жуков докладывал Верховному: «Всего за период боёв в районе Ельни противник потерял убитыми и ранеными 45–47 тысяч человек и очень большое количество разбитыми нашей артиллерией и авиацией станковых пулемётов, миномётов и артиллерии. По показаниям пленных, в некоторых частях 137, 15, 178 пд миномётов и артиллерии не осталось совершенно. По докладу большинства командиров частей и по оставленным трупам на поле боя, за последние 3–5 дней противник потерял убитыми не менее 5 тысяч. Чтобы скрыть от наших войск свои большие потери, перед отходом противник все братские могилы разровнял и замаскировал под окружающую местность. <...>. Очень хорошо действовала вся артиллерия даже молодых дивизий. РС^[106] своими действиями производят сплошное опустошение. Я осмотрел районы, по которым вёлся обстрел РС, и лично видел полное уничтожение и разрушение целых оборонительных районов. <...> Преследуя противника, 7.9 наши части вышли на р. Стряна, захватили её и с утра 8.9 имеют задачу развивать наступление, взаимодействуя с группой Собенникова. <...> В результате этой операции во всех войсках поднялось настроение и уверенность в победе. Сейчас части увереннее встречают контратаки противника, бьют его огнём и дружно, в свою очередь, переходят в контратаки».

Ельня помогла в октябре и ноябре выстоять под Москвой. Потому что битва за Москву началась уже там, на Десне и Хмаре.

Возможно, для вермахта неудачи в районе Ельни действительно не выглядели большим поражением, но для Красной армии контрнаступление на Смоленской земле на центральном участке советско-германского фронта стало колоссальной победой.

Когда военные историки и публицисты, рассуждая о сражении под Ельней в августе — сентябре 1941 года, пытаются оценить эту победу или,

напротив, обесценить, приводя цифры из арсенала сторон, безвозвратных и санитарных потерь, то они проходят мимо главного, что было добыто Красной армией — всей армией, сражавшейся в те дни на огромном фронте, а не только на периметре Ельнинского выступа, — они пытаются не заметить самого факта одержанной победы. Локальная, хотя и фронтовая, она в космосе всей войны, полыхавшей в те дни и в Африке, и в океанах, и на островах, стала тем поворотным фрагментом истории, после которого вермахт вступил в череду поражений. Победу под Ельней невозможно исчислить в цифрах. Там родился дух новой армии, которая завершит войну далеко на Западе, в Берлине. И Жуков, своим чутьём полководца, поцелованного Богом, мгновенно уловил это покуда ещё лёгкое движение, которое к 1944 году разгонится до урагана танковых прорывов на Запад. Своё донесение Верховному он подытожил значением именно «морального фактора».

В Ставке и в Кремле идея была развита и вскоре трансформировалась в решение о введении в войсках гвардейских частей. Пока на уровне дивизии.

Указ о введении гвардейских воинских званий и о ношении нагрудного знака «Гвардия» появится только весной 1942 года.

Великие сражения Второй мировой войны были ещё впереди — битвы за Москву, Сталинград, Эль-Аламейн^[107], Курская дуга, «Оверлорд»^[108], битва за Берлин. Тем не менее Ельня, где сражалась едва ли сотая часть солдат любой из этих битв, стоит в этом списке впереди. Она была первой победой над непобедимой армией Третьего рейха.

Сюда в дни сражения ехали журналисты и писатели со всего мира. Побывала в районе Ельни и корреспондент «Life» американка Маргарет Брук-Уайт. Она вскоре выпустит альбом своих фотографий, сделанных на Смоленщине. До сих пор мир смотрит на бои под Ельней через объектив её фотокамеры. Американский писатель Эрскин Колдуэлл будет отправлять в Америку свои смоленские репортажи и очерки о мужестве и стойкости бойцов Красной армии. Во многом именно они убедят американцев в том, что Советский Союз нуждается в срочной помощи США. Через год на родине у него выйдут публицистические книги «Москва под огнём» и «Всё брошено на Смоленск», а также роман о советских партизанах «Всю ночь напролёт». Английский журналист Александр Верт, писавший для популярной британской «The Sunday Times» и радиокompании BBC, послал на свой тоже сражающийся с фашизмом остров такие строки: «Августовские бои не были крупным сражением советско-германской войны, и, однако, нужно было пережить страшное лето 1941 года, чтобы

понять, какое огромное значение имел этот небольшой успех для поднятия морального духа советских войск. Весь август и часть сентября советская печать уделяла большое внимание наступательным действиям в районе Смоленска, хотя это не соответствовало ни их тогдашнему, ни конечному значению. И всё же это была не просто первая победа Красной Армии над немцами, но и первый кусок земли во всей Европе — каких-нибудь 150–200 квадратных километров, быть может, — отвоёванный у гитлеровского вермахта».

Четвёртого сентября, когда войска Резервного фронта проводили последнюю перегруппировку перед решающим ударом с целью перехватить горловину Ельнинского выступа, ещё заполненного немецкими войсками, когда стал уже очевидным успех, Сталин вызвал по прямому проводу Жукова.

Кто-то из военных или штатских партийцев, серьёзно обеспокоенных успехом Жукова в районе Ельни, доложил Верховному, что тот, мол, закусил удила и якобы, вопреки общим планам Ставки, решил развивать наступление войск своего фронта в сторону Смоленска, бросая Брянский фронт один на один с «подлецом» Гудерианом...

В те дни вокруг Жукова оказалось, быть может, как никогда много работников НКВД. Среди них несколько генералов: командарм 24 Ракутин, член Военного совета фронта комиссар госбезопасности 3-го ранга Круглов^[109], командарм 33 комбриг Онуприенко^[110], командарм 31 генерал Долматов. 29-й армией командовал заместитель наркома внутренних дел СССР генерал Масленников^[111]. Да и заместитель командующего Резервным фронтом генерал Богданов^[112], которому Жуков вскоре передаст дела, срочно убывая в Москву, тоже был работником НКВД.

Жукову за «смоленскую инициативу» пришлось оправдываться. Так что победа под Ельней свои заслуженные лавры получила не сразу.

«Сталин: Здравствуйте. Вы, оказывается, проектируете по ликвидации Ельни направить силы в сторону Смоленска, оставив Рославль в нынешнем неприятном положении. Я думаю, что эту операцию, которую Вы думаете проделать в районе Смоленска, следует осуществить лишь после ликвидации Рославля. А ещё лучше было бы подождать пока со Смоленском, ликвидировать вместе с Ерёменко Рославль и потом сесть на хвост Гудериану, двигая некоторое количество дивизий на юг. Главное — разбить Гудериана, а Смоленск от нас не уйдёт. Всё.

Жуков: Товарищ Сталин, об операции в направлении на Смоленск я не замышляю и считаю, этим делом должен заняться Тимошенко. Удар 109,

149 и 104-й я хотел бы нанести сейчас в интересах быстрейшего разгрома ельнинской группы противника, с ликвидацией которой я получу дополнительно семь-восемь дивизий для выхода в район Починок, и, заслонившись в районе Починок в сторону Смоленска, я мощной группой мог бы нанести удар в направлении Рославля и западнее, то есть в тыл Гудериану. Как показывает опыт, нанесение глубокого удара тремя-четырьмя дивизиями приводит к неприятностям, ибо противник такие небольшие группы быстро охватывает своими подвижными частями. Вот почему я просил Вашего согласия на такой манёвр. Если прикажете бить на Рославльском направлении, это дело я могу организовать, но больше было бы пользы, если бы я вначале ликвидировал Ельню. Сегодня к исходу дня правым флангом нашей Ельнинской группировки занята Софиевка. У противника горловина осталась всего шесть километров. Я думаю, на завтрашний день будет закончено полностью тактическое окружение. Всё.

Сталин: Я опасаюсь, что местность в направлении на Починок лесисто-болотистая и танки у Вас застрянут там.

Жуков: Докладываю. Удар намечается через Погуляевку южнее реки Хмара по хорошей местности с выходом в район Сторено — Васьково, тридцать километров северо-западнее Рославля, километров десять южнее Починок. Кроме того, наносить удар по старому направлению не следует. На нашу сторону сегодня перешёл немецкий солдат, который показал, что сегодня в ночь разбитая 23-я пехотная дивизия сменена 267-й пехотной дивизией, и тут же он наблюдал части СС. Удар севернее выгоден ещё и потому, что он придётся по стыку двух дивизий. Всё.

Сталин: Вы в военнопленных не очень верьте, спросите его с пристрастием, а потом расстреляйте. Мы не возражаем против предлагаемого Вами манёвра за десять километров южнее Починок. Можете действовать, особенно сосредоточьте авиационный удар, используйте также РС. Когда Вы думаете начать?

Жуков: Перегруппировки произведу к седьмому. Седьмого — подготовка, восьмого на рассвете — удар. Очень прошу подкрепить меня снарядами РС-76, да и 152 мм 1930 года, минами 120 мм. Кроме того, если можно, один полк “Илов” и один полк Пе-2. И танков штук десять КВ и штук пятнадцать Т-34. Вот все мои просьбы. Всё.

Сталин: К сожалению, у нас нет пока резервов РС. Когда будут — дадим. РСы получите. Жалко только, что Ерёменко придётся действовать одному против Рославля. Не можете ли организовать нажим на Рославль с северо-востока?

Жуков: Нечем, нечем, товарищ Сталин. Могу только отдельными

отрядами, подкрепив их артиллерией, но это будет только сковывающий удар, а главный удар нанесу на рассвете восьмого, постараюсь, может быть, выйдет на рассвете седьмого. Ерёменко ещё далеко от Рославля, и я думаю, товарищ Сталин, что удар седьмого или восьмого — это будет не поздний удар. Всё.

Сталин: А прославленная 211-я дивизия долго будет спать?

Жуков: Слушаю. Организую седьмого. 211-я сейчас формируется, будет готова не раньше десятого. Я её подтяну в качестве резерва, спать ей не дам. Прошу Вас разрешить немедленно арестовать и судить всех паникёров, о которых докладывал. Всё.

Сталин: Седьмого будет лучше, чем восьмого. Мы приветствуем и разрешаем судить их по всей строгости. Всё. До свидания.

Жуков: Будьте здоровы».

Разговор весьма характерный. Во-первых, он свидетельствует о том, что, по всей вероятности, в штабах существовали мнения, которые радикально отличались от намерения Жукова решительно продолжать атаковать противника и ликвидировать Ельнинский плацдарм. Во-вторых, Жуков, видимо, уже более или менее отчётливо понимая и принимая свою миссию при Верховном главнокомандующем, терпеливо и с глубоким знанием дела обучал его тому, что Верховный главнокомандующий должен знать. В-третьих, Жуков мягко уходит от опасной идеи распыления сил. Но Сталин чувствует, что настаивать бессмысленно, что жуковское «нечем, нечем» — это та последняя позиция, которую тот будет защищать до конца.

В разговоре Сталин упомянул 211-ю стрелковую дивизию полковника Фурсина. Во время боёв дивизия не выдержала ночной контратаки противника и побежала. Бег превратился в панику. Фланг соседней 149-й стрелковой дивизии оказался открытым. Немцы воспользовались этим, ударили во фланг 149-й стрелковой дивизии и смяли её полки. О прорыве на стыке дивизий 43-й армии Жукову доложили в тот момент, когда он по приказу Верховного собирался выехать в Москву. Но сразу же приказал соединить его с приёмной Сталина. В архиве сохранилась стенограмма этого короткого разговора с секретарём Сталина Поскрёбышевым. Она датирована 1 сентября 1941 года.

«*Жуков:* Здравствуйте, товарищ Поскрёбышев. Только что сейчас получил неприятные сведения о 211-й дивизии, действовавшей на Рославль. Она, эта дивизия, поддавшись ночной панике, отскочила назад километров на три — шесть и создала этим отскоком невыгодное положение для другой стрелковой дивизии — для 149-й. Ввиду сложности обстановки я хотел бы ночью выехать на участок 211-й дивизии и там

навести порядок и прибрать кого следует к рукам, поэтому я просил бы, если только можно, отложить мой приезд, если нельзя его отложить, я могу через пятнадцать минут выехать».

Как Жуков наводил порядок на участке 211-й стрелковой дивизии и как «прибирал кого следует к рукам», об этом точных сведений нет. Многие архивы закрыты. К примеру, документы дивизионного уровня рассекречены лишь отчасти: донесения, ведомости расхода боеприпасов, списки выбывших и награждённых, приказы. Но закрыты фонд политдонесений и вся документация о работе военных прокуроров дивизий. Я уже не говорю об армейских и фронтовых фондах. Чем выше уровень, тем увесистее замки на архивных дверях.

Однако известно, что полковник Фурсин был отстранён от командования. Жуков, решавший подобные задачи очень быстро и радикально, на 149-ю дивизию поставил подполковника Батракова, который командовал в соседней дивизии стрелковым полком. Получивший звание Героя Советского Союза за августовские бои и только что вернувшийся из госпиталя, подполковник Батраков быстро собрал разбежавшиеся войска, и брешь в порядках Резервного фронта была заделана. Полковник Фурсин, по всей вероятности, был отдан под суд. Но наказание было нестрогим, потому что в 1943 году он уже командовал гвардейской дивизией. Можно предположить, что виновных всё же нашли и наказали. И вовсе не потому, что комфронта лично приказал. А прежде всего потому, что части дивизии дрогнули, что подставили под удар своих соседей. И — потому, что действовал приказ Ставки № 270. Приказ предельно жёсткий. Появился он, уже когда Жуков был в Гжатске, в войсках, занимавших позиции по периметру Ельнинского выступа, но подпись Жукова под ним есть. Как члена Ставки, то есть «военно-политического руководства страны». Этим документом вводились беспрецедентные репрессивные меры, которые развязывали руки в первую очередь особым отделам, работникам НКВД в войсках.

Согласно приказу от 16 августа 1941 года № 270, командиры и политработники, сдавшиеся в плен, ставили себя вне закона и подлежали расстрелу на месте. «Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, — требовал приказ, — уничтожать их всеми средствами». Члены семей военнослужащих, осуждённых к высшей мере за измену родине, подлежали немедленному аресту и ссылке сроком на пять лет. Семьи красноармейцев, сдавшихся в плен, лишались государственного пособия и какой бы то ни было помощи. Таким образом, уже в первые месяцы военно-политическое руководство страны

сформировало отношение к военнопленным своей армии, и это отношение, хотя и затухая за давностью лет, длилось ещё несколько десятилетий после войны. Текст приказа писал, по всей вероятности, сам Сталин, писал в приступе гнева и потому перепутал должности и звания генералов, попавших в плен. Никто из членов Ставки, подписавших текст, не посмел поправить Верховного. Жукова в Москве не было. Уже тогда было ясно, что под действие некоторых пунктов приказа попадали и правые, и виноватые. Но впопыхах разбираться было некогда.

Можно предположить, что за прорыв на участке 211-й и за бойню на фланге соседней 149-й стрелковых дивизий ответили, скорее всего, командиры рот и рядовые красноармейцы, проявившие себя во время «отскока» назад особенно активно. Наверняка среди них были и действительно виновные, и попавшие под пули комендантского взвода по дурацки и нелепому случаю. Это были чьи-то отцы, братья и сыновья. Откройте в Интернете страничку 149-й стрелковой дивизии и вы увидите фотографии пленных красноармейцев, захваченных немцами как раз в дни прорыва. Фотографии сделаны немецким фотографом в концлагере, когда оформлялись карточки учёта. Кто в шинели, кто в гимнастёрке, уже без петлиц и знаков различия, с фанерными бирками на шее, как скот. На бирках пятизначные и шестизначные цифры. Небритые, осунувшиеся лица с застывшим ужасом в глазах. В графе «судьба»: умер в Аушвитце, Цейтхайне, Маутхаузене, Хоештайне, Замброве...

Война — работа коллективная. Любое подразделение в бою — это всегда 300 спартанцев. И если дрогнул хотя бы один, меч судьбы висит над всеми. Не дрогнул 211-я, не пошли бы в концлагерь бойцы из соседней 149-й, подставленной под фланговый удар.

В эти дни на Брянском фронте появились первые заградотряды. 12 сентября Ставка специальной директивой сделала эту крайнюю меру удержания войск в окопах нормой, грозно предостерегая малодушных: «в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме врага бросают оружие, начинают кричать: “Нас окружили!” — и увлекают за собой остальных бойцов». Заградительные отряды отныне формировались в каждой стрелковой дивизии из расчёта: рота на каждый полк. В директиве говорилось: «Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в поддержании и установлении твёрдой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия, ликвидацию инициаторов паники и бегства, поддержку честных и боевых элементов дивизии, не

подверженных панике, но увлекаемых общим бегством».

Никакого отношения к войскам НКВД и подразделениям Смерша эти заградотряды не имели. Подчинялись они исключительно командирам стрелковых полков и дивизий. Архивные исследования действий 29, 50 и 43-й армий Западного фронта в период битвы за Москву свидетельствуют, что заградотряды, созданные на основании директивы Ставки, формировались из лучших красноармейцев и сержантов, взводами и ротами командовали лучшие, проверенные в бою офицеры, укомплектовывались новым стрелковым оружием, в том числе автоматическим, полностью обеспечивались транспортом; кроме того, каждому заградотряду придавались либо танкетка, либо броневедомка, либо лёгкий танк. В самые напряжённые дни подмосковного противостояния эти мобильные и хорошо вооружённые подразделения, как правило, выполняли функции пожарных команд — командир дивизии бросал их туда, где ситуация накалялась до предела. В период контрнаступления очень часто в донесениях командиров дивизий и полков появлялась такая фраза: «Первыми в опорный пункт противника ворвались отдельный разведбат и заградотряд под командованием капитана...» Так что стрелять из пулемётов по толпам отступающих частей им было попросту некогда. Хотя и позади передовых порядков полков и батальонов заградительные подразделения стояли. Перехватывая узлы дорог и важнейшие направления, они задерживали дезертиров и подозрительных, не допуская их в тыл и в зону военных действий.

Одновременно существовали заградительные взводы и роты войск НКВД. Их целью были немецкие шпионы и диверсанты, агенты немецкой разведки.

С начала войны и по 10 октября 1941 года заградотрядами различного подчинения было задержано 657 364 человека. В основном это были дезертиры. Их направляли на пункты сбора. И вскоре бежавшие с фронта снова оказывались в окопах. Но были и такие, кто при проверке документов вызывал подозрение. Их арестовывали и начинали более тщательное разбирательство. В полосе Западного фронта к 10 октября было арестовано 4013 человек. Из них 2136 человек расстреляли. 556 — перед строем.

Когда немцы начали отступать, в их дивизиях сразу же появились заградительные отряды. Отступление пожирает гораздо больше ресурсов, а степень жестокости в рядах отступающих доходит до крайности.

Глава двадцать четвёртая

Ленинград

«Сталин сказал мне: либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у нас нет...»

Когда Жуков прибыл из-под Ельни в Москву и услышал от Верховного, что дела под Киевом очень плохи, он подумал, что теперь его ждёт Юго-Западный фронт. Воюя на Резервном фронте, он несколько раз посылал в Ставку свои предположения по поводу развития событий под Киевом, писал о необходимости отвода войск.

Верховный расспросил его о 24-й армии, о дивизиях, которые особо отличились в боях за Ельню. И вдруг без всякого перехода сказал:

— Вам придётся лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом.

— Готов выполнить любое задание.

— Город почти в безнадежном состоянии. Если немцы возьмут Ленинград и соединятся с финнами, они тут же с северо-востока, в обход, ударят на Москву. — Сталин сделал паузу. — Имейте в виду, в Ленинград вам придётся перелетать через линию фронта или через Ладожское озеро, которое контролируется немецкой авиацией.

Верховный взял со стола блокнот и быстро что-то в нём написал, затем вырвал из него лист, сложил и подал Жукову:

— Лично вручите товарищу Ворошилову. — И, раскурив трубку, сказал: — Приказ Ставки о вашем назначении будет отдан позже, когда прибудете в Ленинград.

На вопрос Сталина, какие будут просьбы, Жуков ответил, что ему в помощь нужны два-три генерала. Сталин кивнул:

— Берите кого хотите.

Настроение Верховного было подавленным. И он снова заговорил о Киеве:

— Плохо складываются дела на Юго-Западном направлении. Мы решили заменить там главкома. Кого, по вашему мнению, следует туда послать?

— Маршала Тимошенко, — не раздумывая, сказал Жуков.

Сталин посмотрел на Жукова вопросительно, ожидая пояснения. И Жуков продолжил:

— Маршал Тимошенко за последнее время получил большую практику в организации боевых действий, да и Украину он знает хорошо.

— Рекомендуете Тимошенко?

— Да.

— Пожалуй, вы правы. А кому поручим вместо Тимошенко командовать Западным фронтом?

— Командующему 19-й армией генерал-лейтенанту Коневу.

Как впоследствии вспоминал маршал, Сталин сразу же отдал по телефону распоряжение начальнику Генштаба Шапошникову вызвать в Москву Тимошенко и готовить приказ о назначении Конева.

Тема встречи была исчерпана, но Верховный не отпускал генерала.

— Как вы расцениваете дальнейшие планы и возможности противника? — спросил он.

— Группа армий «Центр», вышедшая в район Чернигова — Новгород-Северский, может смять 21-ю армию и прорваться в тыл Юго-Западного фронта, — ответил Жуков. — Уверен, что группа армий «Юг», захватившая плацдарм в районе Кременчуга, будет осуществлять оперативное взаимодействие с армией Гудериана. Над Юго-Западным фронтом нависает серьёзная угроза. Ещё раз рекомендую немедленно отвести всю киевскую группу на восточный берег Днепра и за её счёт создать резервы где-то в районе Конотопа.

— А как же Киев?

— Как это ни тяжело, товарищ Сталин, а Киев придётся оставить. Иного выхода у нас нет.

Сталин снова связался по телефону с Шапошниковым, спросил:

— Что будем делать с киевской группировкой? Жуков настойчиво рекомендует немедленно отвести её. — И, выслушав ответ начальника Генштаба, сказал: — Завтра здесь будет Тимошенко. Продумайте с ним этот вопрос, а вечером переговорим с Военным советом.

В тот же день Жуков заехал в Генштаб. Зашёл к заместителю начальника Генштаба Василевскому. Разговаривали, конечно же, о Ленинграде, о сложившейся там обстановке в результате последних немецких ударов. Расставаясь, Жуков спросил о Юго-Западном направлении.

— Думаю, что мы уже крепко опоздали с отводом войск за Днепр, — сказал Василевский.

Состоялся разговор и с маршалом Шапошниковым. Борис Михайлович подробно рассказал о том, что происходит в районе Ленинграда: ещё к концу августа немцы вышли к Неве, 8 сентября заняли Шлиссельбург и

вышли к Ладожскому озеру, полностью блокировав город с суши, так что теперь сообщение с городом осуществляется только по воде и по воздуху. Командующий войсками Ленинградского фронта маршал Ворошилов отдал приказ уничтожить самые важные объекты и начал готовить город к эвакуации. Но комиссия во главе с Молотовым, которая только что завершила свою работу, пришла к выводу, что действия и планы Ворошилова мало согласуются с реальной ситуацией, что командующего необходимо срочно заменить.

Шапошников сказал, что положение Ленинграда не такое уж безнадежное, и дал несколько советов по поводу расположения и использования войск, а также возможных действий противника. Советы Шапошникова Жуков всегда ценил.

Вылететь в Ленинград немедленно после разговора в Кремле и в Генштабе, как предполагал Жуков, не получилось. Зарядили дожди, и самолёт не выпускали.

Жуков в своих мемуарах пишет, что вылетел в Ленинград 10 сентября. Начальник охраны Бедов, с которым встречался во время работы над книгой о маршале Владимир Карпов, называл другую дату — 11 сентября. Федюнинский^[113] написал в воспоминаниях, что только «утром 13 сентября самолёт Ли-2 поднялся с Внуковского аэродрома и под охраной звена истребителей взял курс на Ленинград. В самолёте находились генерал армии Г. К. Жуков, назначенный командующим Ленинградским фронтом, генерал М. С. Хозин^[114], П. И. Кокорев и я».

По словам Бедова, перед тем, как сесть в самолёт, Жуков сказал генералам, которые должны были лететь вместе с ним: «Полетим в Ленинград через линию фронта. Немецкие войска вышли к Ладожскому озеру и полностью окружили город. На подступах к городу идут очень тяжёлые бои. Сталин сказал мне: либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у нас нет. Кто согласен, проходите в самолёт».

К самолёту пошли все.

Что ж, они летели по существу в окружение. И то, что Жуков в последнюю минуту предложил генералам выбрать, свидетельствует о том, что приказ № 270 не всегда властвовал над ними.

В Тихвине Ли-2 сделал посадку, дозаправился и снова взлетел, взяв курс на Ленинград. Его сопровождали три звена истребителей ЛАГГ-3. Перед вылетом местные лётчики предупредили командира экипажа транспортника: «Трасса трудная, опасная, “мессершмитты” всё время

шныряют».

Истребители сопровождения принадлежали 3-й резервной авиагруппе Ставки Верховного главнокомандования. Их задачей было обеспечить перелёт транспортника из Тихвина на Комендантский аэродром в Ленинграде. Перед вылетом на построении командир авиагруппы полковник Холзаков предупредил своих соколов: «Сейчас поведёте этот “дуглас”. Любой ценой. Понятно? Если не доведёте транспортника до Комендантского, домой не возвращайтесь...»

Погода была нелётная. Низкая облачность. Дождь.

Транспортник тянул низко над лесом курсом на северо-запад. Девятка истребителей шла выше. Вот как рассказывал об этом полёте маршал авиации Силантьев^[115], в то время младший лейтенант, пилот одного из истребителей сопровождения: «Вылетели двумя группами. Первая, в которой находился и я, состояла из двух звеньев — впереди и сверху “дугласа” Возглавлял её опытный боевой лётчик штурман полка капитан Панюков. Вторая в количестве одного звена под руководством комиссара эскадрильи Николая Киянченко непосредственно прикрывала сопровождаемый самолёт. На всём пути к Ладожскому озеру было пасмурно, накрапывал дождик. Но над озером погода оказалась безоблачной. “Дуглас” перешёл на бреющий полёт, чтобы не привлечь к себе внимание постоянно шнырявших в этом районе вражеских истребителей. Минут через пять полёта над Ладогой с северо-запада на встречно-пересекающихся курсах появилась четвёрка “мессершмитгов”, а за нею — другая. Наша группа с ходу их атаковала, стремясь оттянуть как можно дальше от “Дугласа”. Замысел удался. Постепенно бой переместился к Карельскому перешейку. В районе мыса Кюля мне удалось сбить один “мессершмитт”. А всего противник потерял в этом бою два истребителя. Вторая группа, отбивая непрерывные атаки “мессершмиттов”, довела транспортный самолёт до Комендантского аэродрома, расположенного в черте Ленинграда».

В Ленинграде на Комендантском аэродроме генералов никто не встретил. Не поступило никаких распоряжений и начальнику гарнизона аэродрома. В Смольный поехали, можно сказать, на попутке. Жукова это, конечно же, взвинтило. Но пока он держался. Правда, как вспоминал потом начальник охраны, фуражку надвинул на глаза — это означало, что туча сгустилась в грозую...

Дальше — больше. Во двор Смольного машину не пропустили. Остановили возле ворот и потребовали пропуск. Начальник охраны ответил коротко: «На вас пропуска нет — пропустить не могу». Жуков, не выходя

из машины, потребовал вызвать начальника караула. Через некоторое время появился старший лейтенант. К нему вышел Бедов, показал своё удостоверение и пояснил, кто находится в машине. Но старшего лейтенанта это не смутило. Он следовал уставу и стал звонить по телефону начальству. Наконец, получив разрешение, предложил прибывшим выйти из машины и следовать за ним. В приёмной история повторилась.

Тогда Жуков надвинул фуражку ещё ниже и пнул дверь ногой. Он вошёл в кабинет комфронта, холодно кивнул присутствующим и сел на свободный стул.

В кабинете маршала Ворошилова шло заседание Военного совета фронта. Жданов, Кузнецов, Исаков, Клементьев... Жуков сразу уловил нить проблемы, которую решали собравшиеся — как уничтожить важнейшие военные и промышленные объекты города, поскольку, как они полагали, удержать позиции вокруг осаждённого Ленинграда уже невозможно.

Жуков достал записку Сталина и молча передал её Ворошилову. Текст записки был таким: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву». Приказ Ставки о назначении Жукова командующим войсками Ленинградского фронта прибыл чуть позже. Сталин не объяснял своих действий по этому поводу, но они были вполне понятны: если бы немцы сбили транспортник, на котором летели генералы, направленные в Ленинград приказом Ставки, погиб бы не просто генерал Жуков, в то время ещё не особенно известный, а командующий Ленинградским фронтом. Это обстоятельство ещё сильнее воодушевило бы немцев, а обороняющихся деморализовало.

Ворошилов прочитал записку и сразу сник. Возможно, смысл записки Сталина испугал его. За подобный провал генерал Павлов заплатил головой.

Видя замешательство Ворошилова, Жуков встал и, прервав заседание, сам представился как новый командующий войсками Ленинградского фронта. После этого предложил закрыть совещание Военного совета и с этой минуты прекратить любые разговоры о сдаче города, но немедленно озаботиться тем, как отстоять Ленинград. Закончил своё вступление в должность такой фразой:

— Будем защищать Ленинград до последнего человека!

И только после этого снял фуражку и шинель.

Константину Симонову маршал рассказывал о том памятном заседании Военного совета фронта так: «Моряки обсуждали вопрос, в каком порядке им рвать суда, чтобы они не достались немцам. Я сказал командующему флотом Трибуцу: “Как командующий фронтом запрещаю

вам это. Во-первых, извольте разминировать корабли, чтобы они сами не взорвались, а во-вторых, подведите их ближе к городу, чтобы они могли стрелять всей своей артиллерией” Они, видите ли, обсуждали вопрос о минировании кораблей, а на них, на этих кораблях, было по сорок боекомплектов! Я сказал им: “Как вообще можно минировать корабли? Да, возможно, они погибнут. Но если так, они должны погибнуть только в бою, стреляя”. И когда потом немцы пошли в наступление на Приморском участке фронта, моряки так дали по ним со всех кораблей, что они просто-напросто бежали. Ещё бы! Шестнадцатидюймовые орудия!^[116] Представьте себе, какая это силища!»

С моряками Жуков поговорил на том совете, видимо, хорошо. Взаимоотношения натянулись надолго. Возможно, именно отсюда проистекает столь критичное отношение некоторых флотских мемуаристов к Жукову.

Откровения Константину Симонову по поводу судьбы балтийских кораблей вообще выводит на глубокие размышления о характере и судьбе нашего героя. Умереть в бою или выстоять! Третьего не дано. Именно так он строил свою войну, в том числе и под Ленинградом. Не удержи измотанные дивизии фронт в районе Пулковских высот и Урицка, рухнула наша оборона, и что бы тогда грозило командующему фронтом за оставление боевых кораблей противнику? В эти дни расстреливали за брошенную на поле боя винтовку...

Соперник у Жукова под Ленинградом был матерый. Жуков ещё не родился, когда фон Лееб^[117] поступил на военную службу и стал фанен-юнкером. А когда Егорик брыкался в мокрых пелёнках, будущий фельдмаршал и командующий группой армий «Север» уже получил своё первое офицерское звание.

Под Ленинградом их поединок начался практически в первые же часы прибытия нового комфронта в Смольный.

В дневнике фон Лееба, опубликованном на русском языке совсем недавно, записи, датированные началом сентября, полны предвкусения скорого падения Северной столицы русских: «...если Ленинград вследствие голода изъявит желание сдаться, то нужно будет лишить его возможности вновь оказать сопротивление: отправить в лагеря военнопленных всех солдат и военнообязанных, собрав при этом всё их наличное оружие...», «русские части, окружённые севернее Луги, всё ещё продолжают попытки вырваться...», «...сегодня мой день рождения — 65 лет. Полковник Шмундт передал поздравление от фюрера и денежный

подарок — 250 тысяч марок».

Фон Лееб уже размышлял о том, кого назначит комендантом Ленинграда и как лучше поступить, когда русский гарнизон выбросит белый флаг: входить в город или подождать, удерживая блокаду, когда там все перемерут...

Но уже скоро тон записок меняется.

«Воскресенье, 14 сентября 1941 г. Сегодня я побывал в расположении 4-й танковой группы. Там узнал от начальника штаба, что в отличие от предыдущих оценок о том, что между 41-м корпусом и Ленинградом противника почти нет, на самом деле Пулковские высоты представляют собой укрепленный район обороны, плотно занятый войсками противника. Дальнейшее наступление 41-го корпуса через Пулково до ближнего рубежа окружения, как было приказано вчера, должно было бы привести к сильным потерям. Чтобы избежать этого и оставить 41-й корпус по возможности боеспособным, каким он сейчас и является, ему приказано пока оставаться у дальнего рубежа окружения, исключая Пулково.

20 сентября 1941 г. В 17.00 у меня был разговор с генерал-полковником фон Кюхлером. Он подчёркивает, что в боях под Ленинградом пехота уже очень измотана. Командир 28-го корпуса заявляет, что он не в состоянии продолжать наступление. Более оптимистичен командир 50-го корпуса. Генерал-полковник фон Кюхлер также придерживается мнения, что окружение Ленинграда нужно сделать более плотным. Он жалуется на большой урон от огня тяжёлой артиллерии русских боевых кораблей, которые ежедневно выводят из строя около сотни солдат. Из-за этого резко сокращается численность боевого состава. В том случае, если бы появилась необходимость усилить наступление на ближний рубеж окружения или придать дополнительные силы 39-му корпусу, подкрепление можно было бы выделить только за счёт Кронштадтской наступательной группировки. Но затем возник бы вопрос, каким образом можно будет вести наступление на самом Кронштадтском направлении.

Вторник, 23 сентября 1941 г. Положение в полосе ответственности 39-го корпуса по-прежнему неудовлетворительное, так как корпус, вынужденный перейти к обороне, должен отражать многочисленные атаки противника, а плацдарм у Выборгской на Неве^[118] всё ещё удерживается противником. Исходя из этого, необходимо ввести на этот участок дополнительные силы.

Среда, 24 сентября 1941 г. Напряжённая ситуация в полосе 39-го армейского корпуса приобрела кризисный характер. 8-я танковая дивизия сегодня вновь несколько раз подвергалась сильным атакам и вынуждена

была отойти за речку Чёрная. 39-й армейский корпус перешёл к обороне, наступление прекращено.

Общая обстановка складывается следующим образом:...атаки противника направлены в первую очередь против 39-го корпуса, с тем чтобы вывести Ленинград из осады...

В группе армий «Север» резервов больше нет. То, чем она располагала, пришлось отдать. 39-й армейский корпус, исходя из этого, может опираться только на наличные силы. Позднее ускоренным порядком будет выведена из Кронштадтской группировки одна из дивизий, которая совершит марш в направлении 39-го корпуса. Это создаёт предпосылки к тому, что как кронштадтская, так и ленинградская группировки в конечном итоге перейдут к обороне.

Пятница, 3 октября 1941 г. Противник не оставляет попыток разорвать кольцо вокруг Ленинграда. Об этом свидетельствуют: создание плацдарма у Ивановского на Неве, а также сильные атаки на Урицк и высадка десантов западнее Урицка».

Город был на волосок от катастрофы. И возможно, моряки наиболее реально оценивали обстановку, минировав корабли. Но новый командующий приказал: драться до последнего солдата, до последнего матроса.

Генерал Федюнинский был назначен на 42-ю армию с категоричной задачей не пропустить противника к Ленинграду через Пулковские высоты. Там создалось особенно тяжёлое положение.

Вице-адмирал Трибуц получил приказ: разминировать корабли, подойти ближе к южному берегу Финского залива и, взаимодействуя с командармами, крушить боевые порядки противника из всех калибров. Основные направления огня — Пулковские высоты и Урицк.

На танкоопасных направлениях Жуков приказал строить оборону и эшелонировать её в глубину. Зенитки использовать в качестве противотанковой артиллерии.

Каждый день Жуков связывался со Ставкой, с Генштабом. Докладывал, советовался с маршалом Шапошниковым. Приходилось буквально на ходу исправлять ошибки, допущенные штабом маршала Ворошилова. Особенно уязвимым город оказался с юга. Сюда были брошены авиация флота и последний резерв — дивизия войск НКВД с артиллерийским усилением. Поэтому, 14 сентября докладывая Шапошникову, Жуков попросил срочно помочь авиацией, особенно бомбардировочной и штурмовой. Разговор был нервный. Жуков сообщил о фактах нестойкости некоторых подразделений, о дезертирстве с боевых позиций и завершил доклад такими словами: «Сейчас приходится

принимать пожарные меры и наводить должный порядок в частях... Если придётся, не остановимся ни перед какими мерами».

Храбро дрались дивизии 54-й армии, которые занимали оборону по обрезу правого берега реки Волхов за пределами кольца и пытались деблокировать город с востока. Армией командовал маршал Кулик. Но в какой-то момент Жуков почувствовал, что командарм сосредоточен на безопасности собственных позиций, отодвигая на второй план задачи защиты Ленинграда. В ночь на 15 сентября Жуков связался с Куликом и приказал ему начать наступление. Однако занятый отражением локальной немецкой атаки на своём правом фланге, Кулик ответил, что в назначенные комфронта сроки перейти в наступление не может: «не все части вышли на исходное положение» и «не подтянута артиллерия»...

Разговаривали на повышенных тонах. Жуков пытался сдерживаться. Всё-таки на другом конце провода был Маршал Советского Союза.

Жуков — Кулику: «Противник не в наступление переходил, а вёл ночную силовую разведку! Каждую разведку или мелкие действия врага некоторые, к сожалению, принимают за наступление... Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Понял, что рассчитывать на активный манёвр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Извините за прямоту, но мне не до дипломатии. Желаю всего наилучшего!»

Вскоре маршал Кулик был заменён генералом Хозиным.

Тем временем на юге танковые авангарды 1-й и 2-й танковых групп фон Клейста и Гудериана сомкнулись в районе Лохвицы и завершили окружение основных войск Юго-Западного фронта. К 15 сентября в «котёл» угодили и полевые управления армий, а также штаб фронта вместе с командующим. Через несколько суток генерал Кирпонос погибнет во время боя на прорыв.

А под Ленинградом в эти же дни положение обострилось до предела.

Фон Лееб сформировал мощную ударную группировку — около шести дивизий с усилением — и после сильнейшего огневого налёта предпринял атаку на узком участке фронта в районе Пулковских высот. Армия генерала Федюнинского истекала кровью. Немецкая штурмовая авиация почти постоянно висела над обороной 42-й армии. Жуков хорошо чувствовал

организм войны, течение боя, его направления, повороты и изгибы. Он знал: вероятность того, что немцы прорвут оборону и хлынут в город, очень велика.

Семнадцатого сентября, в самый пик кризиса ленинградской обороны, из штаба фронта в войска ушёл приказ.

«ВОЕННЫМ СОВЕТАМ 42-й и 55-й АРМИЙ.

Боевой приказ войскам Ленинградского фронта 17.9.41 г.

Карта 100 000.

1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово, Кискино, Верх, Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушур, Колпино, Военный Совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного Совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

2. Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить.

3. Исполнение приказа донести шифром к 12.00 18.9.41.

Командующий войсками

Герой Советского Союза

генерал армии ЖУКОВ

Начальник штаба ЛФ

Генерал-лейтенант ХОЗИН

Член военного совета ЛФ

секретарь ЦК ВКП(б) ЖДАНОВ

Член военного совета ЛФ

дивизионный комиссар КУЗНЕЦОВ».

И — что, спросите вы, расстреливали? Конечно, расстреливали. Как говорил Суворов: напролом идут — голов не жалеют.

И город не сдали. Не дали задушить Ленинград и уничтожить ленинградцев голодной блокадой.

Находясь в позиции обороняющейся стороны, Жуков постоянно бросал войска в короткие контратаки. Они, несомненно, истощали силы, но ещё сильнее действовали на врага.

Пятого октября 1941 года начальник штаба сухопутных сил генерал Гальдер записал в своём дневнике: «Группа армий “Север”. ОКХ

отодвинуло срок начала наступления на ладожском участке фронта (оно было намечено командованием группы армий на 6.10) и отдало приказ об отводе с фронта подвижных соединений, которые могут только зря понести потери в этом районе, поскольку условия местности здесь крайне неблагоприятны для действий подвижных соединений. Наступление будет начато, как только удастся сосредоточить достаточное количество пехоты за счёт перебрасываемых сюда пехотных частей из тыла. Тем временем подвижные соединения отдохнут и пополнят личный состав и материальную часть.

Генерал Бранд доложил о соотношении сил артиллерии в районе Ленинграда. Согласно этому докладу противник имеет в районе Ленинграда 16 батарей и на кронштадтском участке фронта — 12 батарей. Наша артиллерия значительно превосходит по численности артиллерию противника на обоих участках фронта. Нам недостаёт лишь единого руководства и единой службы наблюдения».

Таким образом, начальник немецкого Генштаба признал эффективность действий советского военного руководства в Ленинграде.

Гитлер на одном из совещаний в «Вольфшанце» в те дни в сущности это подтвердил: «Лееб не выполнил поставленную перед ним задачу, топчется вокруг Ленинграда, а теперь просит дать ему несколько дивизий для штурма города. Но это значит ослабить другие фронты, сорвать наступление на Москву. А будет ли взят Ленинград штурмом, никакой уверенности нет. Лееб предлагает перейти к глухой обороне. Он более не способен понять и осуществить мой замысел скорейшего захвата Ленинграда. Этот город надо уморить голодом, активными действиями перерезать все пути подвоза, чтобы мышь не могла туда проскочить, нещадно бомбить с воздуха, и тогда город рухнет, как переспелый плод... Что же касается Лееба, то он явно устарел и не может выполнить эту задачу».

Жуков свою задачу, таким образом, выполнил. Соединения немецких и финских войск не произошло. Стойкость ленинградской обороны значительно облегчила судьбу Карельского фронта. И судьбу Москвы.

Немецкие атаки стали ослабевать. Разведотдел фронта доложил: моторизованные и танковые части противник отводит к Пскову; там танки грузят на железнодорожные платформы для отправки в неизвестном направлении.

Как вскоре выяснилось, танки 4-й танковой группы Гитлер направлял в район Рославля для предстоящего «решающего удара» на Москву.

Читая сводку разведотдела, Жуков понял, что выстоял. Но с танками 4-

й танковой группы генерала Гёпнера^[119] ему предстояло встретиться очень скоро.

Глава двадцать пятая

Удар «Тайфуна»

«Все попытки противника форсировать р. Угра на фронте Товарково, Плетеневка (Калужский сектор) отбиты...»

Девятнадцатого сентября пал Киев. Основные силы Юго-Западного фронта оказались в окружении. Был отрезан Крым. В киевском «котле» в отчаянных попытках пробиться к своим погибли многие генералы, бывшие сослуживцы Жукова. Другие попадут в плен. Судьбы их сложатся по-разному.

А на московском направлении 2 октября за час до рассвета, перед самой атакой, солдатам группы армий «Центр» зачитали обращение Гитлера:

«Солдаты Восточного фронта!

Глубоко озабоченный вопросами будущего и благополучия нашего народа, я ещё 22 июня решился обратиться к вам с требованием предотвратить в последнюю минуту опаснейшую угрозу, нависшую тогда над нами. То было намерение, как нам стало известно, властителей Кремля уничтожить не только Германию, но и всю Европу.

Вы, мои боевые товарищи, уяснили за это время два следующих момента:

1. Наш противник вооружился к готовившемуся им нападению буквально до зубов, перекрыв многократно даже самые серьёзные опасения.

2. Лишь Господь Бог уберёт наш народ да и народы европейского мира от того, что варварский враг не успел двинуть против нас свои десятки тысяч танков.

Погибла бы вся Европа. Ведь этот враг состоит в основном не из солдат, а из бестий.

Теперь же вы, мои товарищи, собственными глазами увидели, что представляет собой “рай для рабочих и крестьян”. В стране с огромной территорией и неисчерпаемыми богатствами, которая могла бы прокормить весь мир, царит такая бедность, которая нам, немцам, непонятна. Это явилось следствием почти 25-летнего еврейского господства, называемого большевизмом, который представляет собой в истинном своём смысле не

что иное, как самую обычную форму капитализма.

Носители системы и в том и в другом случае — одни и те же: евреи и только евреи.

Солдаты!

Когда 22 июня я обратился к вам с призывом отвести ужасную опасность, угрожающую нашей родине, вы выступили против самой мощной державы всех времён. Прошло немногим более трёх месяцев, и вам, мои боевые товарищи, удалось благодаря вашему мужеству разгромить одну за другой танковые бригады противника, вывести из строя его многочисленные дивизии, взять в плен громадное число его солдат и захватить бескрайние просторы — и не пустынные, но именно те, за счёт которых наш противник жил и восполнял потребности своей гигантской военной индустрии в сырье самого различного вида.

Через считанные недели все три важнейших промышленных района окажутся в ваших руках!

Ваши имена, солдаты вермахта, как и имена наших доблестных союзников, названия ваших дивизий, полков, кораблей и авиаэскадрилий войдут в мировую историю, связанные с величайшими победами за весь её обозримый период.

Вот они, ваши деяния: более 2 400 000 пленных, свыше 17 500 танков и 21 600 орудий уничтожено или захвачено, 14 200 самолётов сбиты или уничтожены на земле.

Мир ещё не видел ничего подобного!

Территория, которую на сегодняшний день завоевали немцы и союзные им войска, в два раза превышает территорию нашего рейха в границах 1933 года и в четыре раза — территорию английской метрополии.

После 22 июня мощнейшие оборонительные системы противника прорваны, форсированы крупнейшие реки, взяты штурмом многочисленные населённые пункты, крепостные сооружения и укрепленные районы уничтожены или выкурены. С крайнего севера, где наши финские союзники вынуждены во второй раз доказывать своё героическое, и до Крыма вы вторглись совместно со словацкими, венгерскими, итальянскими и румынскими дивизиями на территорию противника на глубину порядка 1000 километров. К вам присоединяются испанские, хорватские и бельгийские части, за ними последуют и другие.

Эта борьба — вероятно впервые — станет борьбой всех наций Европы и будет рассматриваться как единая акция в целях спасения культурных ценностей всего континента. За линией гигантского фронта вместе с тем ведётся громадная работа.

Построено около 2000 мостов длиной более 12 метров каждый.

Возведено 405 железнодорожных мостов.

Введено в строй 25 500 километров железнодорожных линий, из которых свыше 15 000 километров переоборудованы на европейскую колею.

Ведутся строительно-восстановительные работы на тысячах километров дорог. Огромные территории взяты под гражданское управление. Жизнь на них ускоренно восстанавливается по вполне приемлемым законам. Уже готовы громадные склады с продовольствием, горючим и боеприпасами.

Впечатляющие успехи этой борьбы достигнуты не без потерь. Однако число жертв, — учитывая всю тяжесть скорби отдельных товарищей и их семей, — достигает не более одной пятой потерь Первой мировой войны.

То, что вам, мои боевые товарищи, пришлось перенести за истёкшие три с половиной месяца совместно с доблестными солдатами наших союзников, продемонстрировав величайшие достижения, мужество и героизм и преодолев всевозможные лишения и трудности, знает лишь тот, кто сам выполнял свой солдатский долг в прошлой войне.

За три с половиной месяца, солдаты, наконец-то создана предпосылка для нанесения врагу последнего и решающего удара ещё до наступления зимы, удара, который должен разгромить его окончательно. Все подготовительные мероприятия, насколько это оказалось в человеческих силах, завершены. Планомерно, шаг за шагом сделано всё необходимое, чтобы поставить противника в такое положение, когда мы сможем нанести ему смертельный удар. Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года.

Эта битва должна поставить на колени не только противника, но и зачинщика всей войны — Англию. Ибо, разгромив противостоящего противника, мы лишим Англию последнего её союзника на континенте. Вместе с тем мы устраним опасность не только для нашего рейха, но и для всей Европы, опасность нашествия гуннов, как когда-то впоследствии монголов. Весь немецкий народ в предстоящие несколько недель будет близок к вам, как никогда прежде.

Свершения, достигнутые вами и нашими союзниками, обязывают нас всех к глубочайшей благодарности. В предстоящие последние тяжёлые дни вместе с вами будет вся наша родина, которая, затаив дыхание, будет следить за вашими деяниями, благословляя на подвиги. С Божьей помощью вы добьётесь не только победы, но и создадите важнейшие предпосылки для установления мира!

Адольф Гитлер.
Фюрер и верховный главнокомандующий вермахта.
Ставка фюрера».

Началась операция «Тайфун» — наступление группы армий «Центр» на Москву. Двумя днями раньше из района Шостки в орловском направлении атаковала 2-я танковая группа Гудериана. 3-я танковая группа нанесла удар из района Духовщины. 4-я — из района Рославля вдоль Варшавского шоссе.

Сразу же была прорвана наша оборона. Танковые клинья разрезали порядки армий Западного, Резервного и Брянского фронтов и устремились к Вязьме, Брянску и Орлу. Танковый удар поддерживали пехотные дивизии 9, 4 и 2-й полевых армий. Уже к 3 октября глубина прорыва немцев в полосе Западного фронта достигла 50 километров, Резервного — 80 километров, Брянского — до 200 километров. Танки Гудериана ворвались в Орёл.

Пятого октября Сталин позвонил Жукову в Ленинград: «...не можете ли сесть на самолёт и приехать в Москву? Ввиду осложнения на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова, Ставка хотела бы с Вами посоветоваться о необходимых мерах. За себя оставьте кого-либо, может быть, Хозина...» Жуков попросил разрешения вылететь завтра утром на рассвете.

Прибыть в Москву завтра утром означало — если полёт пройдёт успешно и если транспортный «дуглас» не перехватят «мессершмитты». Правда, к этому времени наша авиация в северном небе действовала уже более собранно и энергично. Во многом благодаря талантливому организатору, командующему ВВС Ленинградского фронта генералу Новикову. С Александром Александровичем Новиковым^[120] Жукова будут связывать годы дружбы, которой придётся пройти жестокую проверку на прочность после войны.

Пятого октября авиаразведка обнаружила колонны немецкой бронетехники в районе Юхнова. Доложили Сталину. И ему, как всегда в трудные минуты, стало не хватать Жукова. Верховный понял: случилось самое страшное, возможно, уже непоправимое. Но он знал, что есть один человек, которому он уже несколько раз поручал непоправимое, и тот поправлял. Юхнов — маленький районный городишко на Варшавском шоссе в 200 километрах от Москвы. Для немецких мотоциклистов — три часа пути...

Шестого октября в Москве Жукова встретил начальник охраны

Сталина, сказал, что Верховный болен и ждёт его на квартире.

Сталин был простужен, выглядел неважно. Когда Жуков вошёл, сразу же указал ему на карту:

— Вот, смотрите. Здесь, в районе Вязьмы, сложилась очень тяжёлая обстановка. Я не могу добиться ни от Западного фронта, ни от Резервного исчерпывающего доклада об истинном положении дел. Мы не можем принять никакого решения, пока не знаем, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, на месте тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда сразу, как только добьётесь какой-то ясности. Звоните в любое время. Я буду ждать.

Жуков уже собрался уходить, когда Верховный усталым голосом спросил:

— Как вы считаете, могут ли немцы в ближайшее время повторить наступление на Ленинград?

— Думаю, что нет, — ответил Жуков. — Противник понёс большие потери и перебросил танковые и моторизованные войска из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Он не в состоянии оставшимися там силами провести новую наступательную операцию.

— А где, по вашему мнению, будут применены танковые и моторизованные части, которые перебросил Гитлер из-под Ленинграда? — Сталин смотрел на карту.

— Очевидно, на московском направлении. Но, разумеется, после пополнения и проведения ремонта материальной части.

— Кажется, они уже действуют. — И Сталин указал на участок Западного фронта. — Здесь.

Перед выездом из Москвы Жуков побывал в Генеральном штабе.

Шапошников его встретил словами:

— Только что звонил Верховный, приказал подготовить для вас карту Западного направления. Карта сейчас будет. Командование Западного фронта находится там же, где был штаб Резервного фронта в августе, во время Ельнинской операции.

И протянул распоряжение Ставки.

«Командующему Резервным фронтом.

Командующему Западным фронтом.

Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования в район действий Резервного фронта командирован генерал армии т. Жуков в качестве представителя Ставки.

Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все

решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронтов и по вопросам управления, обязательны для выполнения.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования
начальник Генерального штаба Шапошников.

6 октября 1941 г. 19 ч. 30 м.».

Шапошников угостил Жукова крепким горячим чаем и пожелал доброго пути.

А путь предстоял смутный. Где армии? Где противник? Если немецкие танки на дороге от Юхнова на Медынь, то в любой момент можно наскочить на разведку противника или на усиленное головное охранение. Неужели катастрофа фронтов достигла таких масштабов? В какой-то момент Жуков подумал о матери и семье сестры, которые наверняка никуда не выехали из родной Стрелковки и теперь ждут своей участи. Или его помощи... И он машинально посмотрел в окно, в крошечную темень, где в полутора десятках километров, не больше, стояла на берегу Протвы его деревня. А может, они ушли в сторону Москвы с обозом беженцев? От этой мысли сжалось сердце. Он знал, как беззащитны на дорогах войны беженцы. Не раз видел на обочинах и в кюветах тела расстрелянных самолётами людей, трупы лошадей, брошенные телеги и пожитки...

Чтобы не клонило ко сну, Жуков несколько раз останавливал машину и делал небольшие пробежки. Начальник охраны всякий раз тоже выскакивал из машины сопровождения и трусил следом. Жукова это и раздражало, и забавляло. Думал: пускай промнётся...

Когда стемнело, их неожиданно остановил патруль. Начальник патруля, проверив документы, предупредил, чтобы в пути не включали свет. Бучин потом вспоминал эту поездку с выключенными фарами: «Дурость, конечно, немецкой очереди в ветровое стекло не получить, а пулю от очередного нашего патруля схлопотать ничего не стоит».

В штабе Западного фронта шло совещание. Маршал вспоминал: «В комнате командующего был полумрак, горели стеариновые свечи. За столом сидели И. С. Конев, В. Д. Соколовский, Н. А. Булганин и Г. К. Маландин. Вид у всех был до предела уставший. Я сказал, что приехал по поручению Верховного Главнокомандующего, чтобы разобраться в обстановке и доложить ему прямо отсюда по телефону. То, что смог рассказать о последних событиях начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-лейтенант Г. К. Маландин, несколько дополнило и уточнило уже имевшиеся данные.

Что же произошло на Западном направлении?

К началу наступления немецко-фашистских войск на московском

направлении на дальних подступах к столице оборонялись три наших фронта: Западный (командующий генерал-полковник И. С. Конев), Резервный (командующий Маршал Советского Союза С. М. Будённый) и Брянский (командующий генерал-лейтенант А. И. Ерёменко). Всего в боевых войсках этих фронтов в конце сентября насчитывалось 1 миллион 250 тысяч человек, 990 танков, 7600 орудий и миномётов, 677 самолётов. Наибольшее количество сил и средств имел Западный фронт.

Противник, произведя перегруппировку своих сил на московское направление, превосходил все три наши фронта, вместе взятые, по численности войск — в 1,4 раза, по танкам — в 1,7, по орудиям и миномётам — в 1,8 и по самолётам — в 2 раза.

Наступление немецких войск по плану операции под кодовым названием “Тайфун” началось 30 сентября ударом танковой группы Гудериана и 2-й немецкой армии по войскам Брянского фронта на участке Жуковка — Шостка. 2 октября противник нанёс мощные удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Особенно сильные удары последовали из районов севернее Духовщины и восточнее Рославля. Противнику сразу же удалось прорвать оборону наших войск. Ударные группировки врага стремительно продвигались вперёд, охватывая с юга и с севера всю вяземскую группировку войск Западного и Резервного фронтов.

Крайне тяжёлая обстановка сложилась и к югу от Брянска, где 3-я и 13-я армии Брянского фронта оказались под угрозой окружения. Не встречая серьёзного сопротивления, войска Гудериана устремились к Орлу, где у нас не было сил для отражения наступления.

Второго октября по указанию Ставки был создан усиленный 1-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшенко. С задачей — “задержать продвижение войск противника и обеспечить отвод войск Брянского фронта”.

Здесь же, в центре, на кратчайших путях к Москве, дела, похоже, складывались куда хуже. Но истинное положение надо было ещё выяснить, а сколько-нибудь полной информацией, как вскоре выяснилось, никто толком не владел».

На совещании выступил Конев — мрачный, бледный, но не растерянный. Доложил, что по его приказу был организован и нанесён контрудар на правом фланге по северной группировке противника с целью предотвратить обход и полную изоляцию нашей вяземской группировки. В сущности, решение правильное. Но во что всё вылилось?

— Кто руководил ударной группой? — спросил Жуков.

— Мой заместитель генерал Болдин, — ответил Конев.

Жуков поморщился.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Из беседы в штабе Западного фронта и анализа обстановки у меня создалось впечатление, что катастрофу в районе Вязьмы можно было бы предотвратить. На основании данных разведки Ставка Верховного Главнокомандования ещё 27 сентября специальной директивой предупредила командующих фронтами о возможности наступления в ближайшие дни крупных сил противника на московском направлении. Следовательно, внезапность наступления в том смысле, как это было в начале войны, отсутствовала. Несмотря на превосходство врага в живой силе и технике, наши войска могли избежать окружения. Для этого необходимо было своевременно более правильно определить направление главных ударов противника и сосредоточить против них основные силы и средства за счёт пассивных участков. Этого сделано не было, и оборона наших фронтов не выдержала сосредоточенных ударов противника. Образовались зияющие бреши, которые закрыть было нечем, так как никаких резервов в руках командования не оставалось.

К исходу 7 октября все пути на Москву, по существу, были открыты».

Так начиналась страда, которая впоследствии войдёт в нашу историю и в народную память как битва за Москву.

Жукову почти всегда доставались тяжелейшие задания и трудные соперники.

Ночью из штаба Западного фронта он позвонил Верховному, доложил:

— Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на Можайской линии. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска откуда только можно на Можайскую линию обороны.

— Где сейчас 16, 19 и 20-я армии Западного фронта? Где группа Болдина? Где 24-я и 32-я армии Резервного фронта? — нервно спросил Сталин.

Где армии, о которых спрашивал Верховный, и в каком они состоянии, Жуков пока точно не знал. Но знал главное о них.

— В окружении западнее и юго-западнее Вязьмы.

— Что вы намерены делать?

— Выезжаю сейчас же к Будённому, разберусь с обстановкой и позвоню вам.

— А вы знаете, где штаб Резервного фронта?

— Буду искать где-то в районе Малоярославца.

— Хорошо, поезжайте к Будённому и оттуда сразу же позвоните мне.

Всё было скверно. Вдобавок ко всему пошёл дождь. Чай у Конева

Жуков пить не стал. Надвинул фуражку поглубже на глаза и сдержанно попрощался.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «...густой туман стлался по земле, видимость была плохая. Утром 8 октября, подъезжая к полустанку Оболенское, мы увидели двух связистов, тянувших кабель в Малоярославец со стороны моста через реку Протву.

Я спросил:

— Куда тянете, товарищи, связь?

— Куда приказано, туда и тянем, — не обращая на нас внимания, ответил солдат громадного роста.

Пришлось назвать себя и сказать, что мы ищем штаб Резервного фронта и С. М. Будённого.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

— Извините, товарищ генерал армии, мы вас в лицо не знаем, потому так и ответили. Штаб фронта вы уже проехали. Он был переведён сюда два часа назад и размещён в домиках в лесу, вон там, на горе. Там охрана вам покажет, куда ехать.

Машина повернула обратно. Вскоре я был в комнате представителя Ставки армейского комиссара 1 ранга Л. З. Мехлиса, где находился также начальник штаба фронта генерал-майор А. Ф. Анисов. Л. З. Мехлис говорил по телефону и кого-то здорово распекал.

На вопрос, где командующий, начальник штаба ответил:

— Неизвестно. Днём он был в 43-й армии. Боюсь, как бы чего-нибудь не случилось с Семёном Михайловичем.

— А вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров связи, они ещё не вернулись.

Обращаясь ко мне, Л. З. Мехлис спросил:

— А вы с какими задачами прибыли к нам?

— Приехал как член Ставки по поручению Верховного Главнокомандующего разобраться в сложившейся обстановке.

— Вот видите, в каком положении мы оказались. Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части.

Из разговоров с Л. З. Мехлисом и А. Ф. Анисовым я узнал очень мало конкретного о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал в сторону Юхнова, надеясь на месте скорее выяснить обстановку.

Проезжая Протву, вспомнил своё детство. Всю местность в этом районе я знал прекрасно, так как в юные годы исходил её вдоль и поперёк.

В десяти километрах от Обнинского, где остановился штаб Резервного фронта, моя родная деревня Стрелковка. Сейчас там остались мать, сестра и её четверо детей. Как они? Что, если заехать? Нет, невозможно, время не позволяет! Но что будет с ними, если туда придут фашисты? Как они поступят с моими близкими, если узнают, что они родные генерала Красной Армии? Наверняка расстреляют! При первой же возможности надо вывезти их в Москву.

Через две недели деревня Стрелковка, как и весь Угодско-Заводский район, была занята немецкими войсками. К счастью, я успел вывезти мать и сестру с детьми в Москву.

Мои земляки оказали врагу серьёзный отпор. В районе был организован партизанский отряд, который возглавил мужественный борец за Родину, умный организатор, комсомолец-пограничник Виктор Карасёв. Комиссаром стал секретарь Угодско-Заводского райкома ВКП(б) Александр Курбатов. В этом же отряде находился бесстрашный народный мститель, председатель Угодско-Заводского районного исполнительного комитета Михаил Алексеевич Гурьянов.

Угодско-Заводский партизанский отряд производил смелые налёты на штабы, тыловые учреждения и отдельные подразделения немецких войск.

В ноябре 1941 года коммунист Михаил Алексеевич Гурьянов был схвачен, зверски избит и повешен немцами. Мои земляки свято чтят память бесстрашного героя.

При отступлении немцы сожгли Стрелковку, как и ряд других деревень, сожжён был и дом моей матери».

Та памятная поездка на запад от Москвы в поисках своих штабов и войск запомнилась и водителю Бучину: «...мы объезжали штаб за штабом на Западном направлении. Жуков каким-то неведомым чутьём отыскивал очередную штаб, они были замаскированы от врага, а в данном случае и от своих. Чем дальше мы ехали по прифронтовой полосе, тем больше Георгий Константинович мрачнел. После переезда Нары машина охраны отстала, и наш доблестный ГАЗ-61 в одиночку рыскал по разбитым дорогам. В опустевшем Малоярославце, где, казалось, сбежали все, включая власти, у райисполкома увидели две шикарные машины. Жуков вышел, растолкал дрыхнувшего шофёра и узнал, что это машины маршала С. М. Будённого. Иномарки, конечно, на других пролетарский стратег не ездил. А его-то как раз и искал Георгий Константинович.

Примерно через полчаса Георгий Константинович вышел, подтянутый, с каким-то пронзительным выражением в глазах. А за ним вывалился обмякший Будённый, знаменитые усы обвисли, физиономия отёкшая. С

заискивающим видом он пытался забежать впереди Жукова и что-то лепетал самым подхалимским тоном. Георгий Константинович, не обращая внимания, буквально прыгнул в машину. Тронулись. В зеркале заднего вида запечатлелся замерший Будённый с разинутым ртом, протянутой рукой, которую Жуков не пожал. Маршал! За ним толпились выкатившиеся из двери охранники полководца.

В странствиях 6–8 октября Жуков неожиданно появлялся в войсках, что немедленно вселяло уверенность как в толпах отходивших красноармейцев, так и в высших штабах. В последних Жукову предлагали закусить. Отступление отступлением, а животы штабные не подводили. Георгий Константинович холодно отказывался. Наверное, не хотел сидеть за столом с “бездельниками”, допустившими разгром и окружение немцами большей части войск Западного и Резервного фронтов. Да и относился он безразлично к тому, что ел. Георгий Константинович, бывало, повторял: “Щи да каша — пища наша” Соблазнять его обильным застольем, да ещё с выпивкой было бесполезно.

Проезжали мы в этот пасмурный нехороший день поблизости от деревни Стрелковка, где родился Жуков. Он вспомнил детство, в нескольких словах рассказал о речке Протве, в которой мальчишкой рыбу ловил. Посетовал, что в Стрелковке остаётся мать да и родственники, а немцы подступают. Как-то глухо произнёс: “Видите, что они, сволочи, наделали в Медыни” В том городке, разбитом немецкой авиацией, мы попытались было расспросить старуху. Оказалось — безумная, под обломками дома у неё погибли внуки. Доехать до Стрелковки тогда было бы пустым делом, но Жукову было не до этого. Мать генерала армии удалось вывезти через несколько дней буквально под носом у немцев. Ездил Чучелов»^[121].

Племянник маршала Виктор Фокин, которому в ту пору исполнилось десять лет, хорошо запомнил некоторые детали той срочной эвакуации: «За нашей семьёй приехали две “эмки” Старший лейтенант Сёмочкин дал на сборы пятнадцать минут. Мать отвела корову на сохранение к соседке. Из деревни отправились в темноте. Нас доставили на подмосковную дачу Жуковых. Там мы пробыли два дня, а затем вместе с Александрой Дневной эвакуировались в город Куйбышев. Железнодорожный состав с зенитными пулемётами в пути подвергся нападению с воздуха. Вернулись из эвакуации в подмосковный посёлок Красково. Дом в Стрелковке, построенный дядей Георгием в 1936 году, немцы сожгли».

Когда немцев прогнали с родной Калужской земли, Фокины наведались в Стрелковку. Постояли возле угольев своей усадьбы.

Погоревали. Но была и радость: их корову соседка сберегла! В 1943 году её перегнали в подмосковное Красково, на дачу Жукова.

Маршал потом пил молоко от родной коровушки с особым удовольствием. Любил угощать своих гостей. Говорил, что его корова тоже фронтовичка, войну пережила под пулями и огнём.

На оккупированной территории у семей командиров Красной армии шансов выжить практически не было. К примеру, семья командующего 49-й армией Западного фронта генерала Гришина^[122], которая проживала на Смоленщине, была расстреляна. Вся — отец, мать, младший брат и его семья, дядя.

Возле Медыни кортеж представителя Ставки остановил патруль 17-й танковой бригады. Лейтенант проверил документы и сказал:

— Дальше ехать нельзя. Дальше — противник.

17-й танковой бригадой командовал майор Клыпин^[123]. Он доложил обстановку: Юхнов захвачен противником, немцы навели переправу через Угру в районе деревни Палатки и перебрасывают на левый восточный берег бронетехнику и артиллерию; в районе деревни Воронки усиленный артдивизион и рота курсантов подольских артиллерийского и пехотно-пулемётного училищ окопались на восточном берегу реки Извери и держат оборону; в стороне Калуги действует 5-я гвардейская стрелковая дивизия, но связи с ней нет.

Из беседы с майором Клыпиным и офицерами штаба 17-й танковой бригады Жуков понял, что части, которые находятся в районе Калуги, Медыни и Можайска, общего боевого порядка не имеют, слабоуправляемы, и, если не принять срочных мер, кратчайшие пути на Москву закрывать будет попросту некем и нечем.

17-я танковая бригада и её командир, боевой офицер, Герой Советского Союза, произвели на Жукова хорошее впечатление. Здесь не было того беспорядка и уныния, граничащего с паникой, которые он увидел в штабах, расположенных восточнее.

Жуков отдал распоряжения «сосредоточиться на восточном берегу реки Извери и, ведя сдерживающие бои, изматывать противника». Предупредил майора Клыпина, чтобы в затяжной бой не ввязывался, а действовал больше из засады короткими ударами. Указал на карте линию, дальше которой отходить нельзя. На прощание сказал:

— Берегите танки. И людей. Ваша бригада нам ещё понадобится.

Они снова встретятся в середине октября, в самые тяжёлые дни московского противостояния, и позже, зимой, когда начнётся

контрнаступление. Бригада майора Клыпина проведёт совместную атаку с курсантами подольских училищ и десанниками капитана Старчака. Только на Варшавском шоссе они уничтожат из засады 19 танков противника.

Пока Жуков колесил по калужским дорогам, пришла директива из Москвы.

«Директива Ставки ВГК № 002743 от 8 октября 1941 г. о назначении генерала армии Г. К. Жукова командующим войсками Резервного фронта.

ВОЕННОМУ СОВЕТУ РЕЗЕРВНОГО ФРОНТА.

ВОЕННОМУ СОВЕТУ ЗАПАДНОГО ФРОНТА.

БУДЁННОМУ, ЖУКОВУ.

8 октября 1941 г. 3 час. 00 минут.

Ставка Верховного Главнокомандования:

1. Освобождает командующего Резервным фронтом Маршала Советского Союза тов. БУДЁННОГО от обязанностей командующего Резервным фронтом и отзывает его в своё распоряжение.

2. Командующим Резервным фронтом назначает генерала армии тов. ЖУКОВА с освобождением его от обязанностей командующего Ленинградским фронтом».

Тем временем штаб Западного фронта переместился в Красновидово западнее Можайска. 10 октября на вновь обустроенный командный пункт из Ставки прибыли Ворошилов, Молотов, Василевский. Маршал Конев впоследствии вспоминал: «По поручению Сталина Молотов стал настойчиво требовать отвода войск, которые дерутся в окружении, на гжатский рубеж, а пять-шесть дивизий из этой группировки вывести и передать в резерв Ставки для развёртывания на можайской линии. Я доложил, что принял все меры к выводу войск ещё до прибытия Молотова в штаб фронта, отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й армий выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. Однако из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к можайской линии смогла выйти только одна. Мне было ясно, что Молотов не понимает всего, что случилось. Требование во что бы то ни стало быстро отводить войска 19-й и 20-й армий было, по меньшей мере, ошибкой. Но для Молотова характерно и в последующем непонимание обстановки, складывающейся на фронтах. Его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только осложняло и без того трудную ситуацию...

К 10 октября стало совершенно ясно, что необходимо объединить силы двух фронтов — Западного и Резервного — в один фронт под единым

командованием. Собравшиеся в Красновидове на командном пункте Западного фронта Молотов, Ворошилов, Василевский, я, член Военного совета Булганин (начальник штаба фронта Соколовский в это время был во Ржеве), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. На должность командующего фронтом мы рекомендовали генерала армии Жукова, назначенного 8 октября командующим Резервным фронтом. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

“Москва, товарищу Сталину. Просим Ставку принять следующее решение:

1. В целях объединения руководства войсками на Западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

3. Назначить тов. Коневу первым заместителем командующего Западным фронтом.

4. Назначить тт. Булганина, Хохлова и Круглова членами военного совета Западного фронта.

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский.

Принято по Бодо. 15.45.

10.10.41 года”».

Подписи Жукова на этом документе нет. Достоверность документа вне сомнений, цитируется по подлиннику.

Маршал Василевский в своих мемуарах подтвердил и версию Коневу, и суть вышеприведённого документа, также прояснил спорное место, касающееся присутствия Жукова на том совещании, а точнее, его отсутствия: «Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и генерал-полковник Конев, согласились с предложением Сталина назначить командующим объединённым фронтом генерала армии Жукова, который к тому времени находился в войсках Резервного фронта».

Как уже говорилось, назначение Жукова на Резервный фронт состоялось 8 октября. Недалеко от Калуги кортеж представителя Ставки догнал офицер связи и вручил пакет. В нём была телефонограмма с директивой Ставки об освобождении маршала Будённого от должности командующего Резервным фронтом и о назначении Жукова.

Одиннадцатого октября Жуков вступил в должность и к вечеру отправил в Ставку первое донесение.

«Донесение командования войсками Резервного фронта в Ставку ВГК от 11 октября 1941 г. об обстановке в районе г. Медынь и принятом решении.

По Бодо.

т. СТАЛИНУ, ШАПОШНИКОВУ.

1. Противник силою 50 танков, 2–3 пех. полков в течение 10.X наступал со стороны Юхнова и пытался захватить Медынь.

В результате упорного боя сводного пехотного отряда в 1000 человек и 17 танковой бригады противник остановлен западнее р. Шаня, что западнее Медынь.

К 16 часам 11.X в район Медынь подтягиваю 53 сд без одного стр. полка.

Западнее Калуги в 30 километрах обнаружено сосредоточение танков и 400 автомашин. Обе эти группировки с утра 11.X буду бить авиацией.

2. 31 кд, усиленная пехотным отрядом, ведёт наступление на Козельск.

3. Все попытки противника форсировать р. Угра на фронте Товарково, Плетенёвка (Калужский сектор) отбиты».

Двадцать шесть лет назад здесь, в гарнизоне при артиллерийских складах под Калугой, он надел первую свою армейскую шинель, ещё не подозревая, что она станет его судьбой. И теперь он — генерал армии — командовал фронтом, полем боя которого стала его родина. Эти поля и перелески в золоте уходящей осени, речные излучины и поймы, уставленные копнами сена, превратились из родного и милого до боли пейзажа в ландшафт, где ему предстояло расположить свои войска, чтобы остановить рвущегося к Москве врага.

Глава двадцать шестая

Расстреливал ли Жуков своих генералов и полковников?

«...и перед строем расстрелять!»

Когда немцы ворвались в Калугу, Жуков сразу же — 13 октября — телеграфировал командарму 49 генералу Захаркину:

«Копия т. Сталину.

1. Немедленно дать объяснение, на каком основании Вы бросили Калугу без разрешения Ставки и Военного Совета фронта и со штабом сами уехали в г. Таруса.

2. Переходом в контрнаступление восстановить положение: в противном случае за самовольный отход от г. Калуга не только командование частей, но и Вы будете расстреляны...».

Калугу Захаркин не вернул. Но Жуков, как известно, его не расстрелял. Даже от командования не отстранил. Хотя грозился и арестом, и расстрелом не раз.

Что и говорить, это стало своеобразным стилем нашего героя — когда дела на фронте складывались особенно скверно, он, как правило, «расстреливал» много и часто.

В тот же день, 13 октября, Жуков издал приказ: «Трусость и паника в этих условиях равносильны предательству и измене Родине. В связи с этим приказываю:

1. Трусов и паникёров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с занимаемых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте.

2. Военному трибуналу и прокурору фронта обеспечить выполнение настоящего приказа. Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, будьте мужественны и стойки.

НИ ШАГУ НАЗАД! ВПЕРЁД ЗА РОДИНУ!»

И там же: «Учитывая особо важное значение укрепл. рубежа, объявить всему командному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа военного совета фронта и армии подлежат расстрелу».

Недавно в одном серьёзном издании прочитал статью некоего

«военного историка» — статья подана как исследование, и вот что там говорится: в период битвы за Москву на Западном фронте «...были преданы суду военного трибунала: командующий 43-й армией генерал-майор Собенников П. П., зам. начальника оперативного отдела штаба Резервного фронта полковник Новиков И. А., командующий 31-й армией генерал-майор Долматов В. Н., а некоторые из них, такие, как командир 17-й стрелковой дивизии полковник Козлов П. С. и военком дивизии бригадный комиссар Яковлев С. И., были расстреляны перед строем личного состава».

Проверим же с документами в руках этот список, эту «скрытую правду войны», под которой явно просматривается зловещая тень «кровавого Жукова».

Жукову не раз приходилось выправлять чужие грехи, результаты чужой бездарности, слабоволия и откровенной трусости. В том числе и при помощи крайних мер...

Среди «расстрельных» особо известен приказ от 22 октября 1941 года: «43-я армия. Голубеву.

1. Отходить с занимаемого рубежа до 23.10 ещё раз категорически запрещаю.

2. На 17 сд немедленно послать Селезнёва. Командира 17 сд немедленно арестовать и перед строем расстрелять.

17 дивизию, 53 дивизию заставить вернуть утром 22.10 Тарутино во что бы то ни стало, включительно до самопожертвования.

Самому находиться (КП) в районе боевых действий...»^[124].

Нынешние читатели этого и подобных ему документов наверняка разделятся на две категории. Одни увидят в приказе жёсткие, на грани жестокости, но вполне соответствующие времени и обстоятельствам требования командира к своим подчинённым. Другие — разнузданную жестокость командира-тирана, приказывающего «арестовать и перед строем расстрелять», возможно, ни в чём не повинного «командира 17 сд».

Что же произошло на участке 17-й стрелковой дивизии и за что её командир был отдан под трибунал?

17-я стрелковая, бывшая Москворецкая дивизия народного ополчения, почти полностью погибла в самые первые дни прорыва под Рославлем 4-й танковой группы генерала Гёпнера. Командовал дивизией полковник П. С. Козлов, комиссаром был бригадный комиссар С. И. Яковлев. Однако часть дивизии всё же вырвалась из окружения. Остатки её вскоре сосредоточились в пункте сбора — в селе Белоусове, что в нескольких километрах от Угодского Завода. Здесь полки переформировали, пополнили

вышедшими из окружения бойцами, а также маршевыми ротами и таким образом восстановленную дивизию поставили в оборону на стыке 49-й и 43-й армий как раз в районе Стрелковки, со штабом в Угодском Заводе. При первом же незначительном нажиме немцев дивизия побежала. Затем её кое-как собрали по окрестным лесам и поставили в оборону на новом рубеже. Но и новый рубеж дивизия оставила сразу, как только противник совершил авианалёт. Бегущие оставили историческое Тарутино и оголили фланги соседних дивизий, которые стояли как вкопанные. На войне, как и в драке: бьют не того, кто сбежал, а того, кто стоит и обороняется. Того, кто сбежал, добивают потом.

Бегущих надо было останавливать. Приводить в чувство. Возвращать в окопы.

Так появился приказ комфронта от 22 октября: «...и перед строем расстрелять». И он, надо честно признать, остановил тогда, под Москвой, многих. Подобный приказ в сентябре остановил наши отступающие войска под Ленинградом. Теперь всё повторялось под Москвой.

Но был ли расстрелян полковник Козлов, который, судя по документам, явно заслуживал пули комендантского взвода?

Из донесения генерала Голубева Жукову 31 октября 1941 года: «... Докладываю о преступном факте. Сегодня на месте установил, что бывший командир 17 стрелковой дивизии Козлов не был расстрелян перед строем, а бежал от конвоя. Назначаю следствие».

Сюжет для военно-приключенческого романа, не так ли...

Но читатель скажет: мол, ладно, этот от расстрела бежал, а как же другие?

Заглянем в историю всё той же 43-й армии. В самый канун немецкого наступления на Москву за провал операции в районе Ельни с должности командующего армией был снят и отдан под суд с угрозой расстрела генерал-майор Селезнёв. Однако никакого суда не было. Как мы уже знаем, в октябре «расстрелянный» Жуковым Селезнёв его же приказом сменил полковника Козлова.

Следующим командующим 43-й армией стал генерал-майор П. П. Собенников.

В начале октября 43-ю армию генерала Собенникова буквально раскромсали танки 4-й танковой группы генерала Гёпнера. Три корпуса, каждый из которых по огневой мощи не уступал всей 43-й армии. Когда в штаб Собенникова поступил приказ контратаковать немцев, в его распоряжении уже не было ни одной боеспособной дивизии и даже полка.

Десятого октября генерала Собенникова, отстранённого от

командования армией, уже допрашивали следователи. Спустя некоторое время Президиум Верховного суда, рассмотрев все материалы дела, вынес постановление о его помиловании и возвращении в армию с понижением в звании до полковника. Войну Собенников закончил генерал-лейтенантом в должности заместителя командующего 3-й армией.

В те же октябрьские дни был отстранён от должности, отдан под суд и приговорён к расстрелу, но с отсрочкой приговора, командир 53-й стрелковой дивизии полковник Н. П. Краснорецкий. Остатки своей дивизии полковник Краснорецкий вывел из-под Спас-Деменска. 53-я занимала оборону севернее Варшавского шоссе и правее от 17-й стрелковой дивизии. Судьбы их оказались схожими. Вместе с остатками передового отряда курсантов подольских военных училищ дивизия вышла к Белоусову, здесь была пополнена и заняла оборону по восточному берегу реки Протвы. Не выдержала удара немецких моторизованных частей и попятилась, частично оставив свои позиции.

Двадцать первого октября телефонограммой из штаба Западного фронта в штаб 43-й армии ушёл следующий текст:

«ВОЕННОМУ СОВЕТУ 43 А.

В связи с неоднократным бегством с поля боя 17 и 53 сд
ПРИКАЗЫВАЮ:

В целях борьбы с дезертирством выделить к утру 22.10 отряд заграждения, отобрав в него надёжных бойцов за счёт ВДК^[125].

Заставить 17 и 53 сд упорно драться и в случае бегства выделенному отряду заграждения расстреливать на месте всех бросающих поле боя.

О сформировании отряда донести»^[126].

Полковник Краснорецкий погиб на следующий день в бою во время контратаки в районе деревни Чернишни неподалёку от родной деревни командующего Западным фронтом. Полковник получил возможность умереть в бою.

Не расстреляют и вышеупомянутого генерала Долматова. Его 31-я армия будет разгромлена тогда же, в октябре, в районе Ржева. Жуков отстранил Долматова от командования армией, отдал под трибунал. Но суд не найдёт его смертельной вины. Впоследствии генерал Долматов будет успешно командовать стрелковыми дивизиями и с одной из них дойдёт до Победы.

Но вернёмся к загадочной судьбе командира и комиссара 17-й

стрелковой дивизии.

Пётр Сергеевич Козлов. 1905 года рождения. В Красной армии с 1926 года. Член ВКП(б) с 1928 года. Участник советско-финляндской войны. Отличился в боях, за что награждён орденом Красного Знамени. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Был инструктором парашютного спорта. В короткий срок изучил немецкий язык, почти в совершенстве овладел разговорной речью.

Прекрасный послужной список! Молод, умён, физически крепок. Судя по тому, какую энергию он проявил в изучении немецкого языка и парашютного дела, обладал волевым характером. А если учесть, что он знал парашютное дело и владел немецким языком, то возникает совершенно логичный вопрос: для чего нужны командиру стрелкового полка именно эти знания и навыки? Притом что, как мы знаем, полк — хозяйство довольно большое и хлопотное, дел невпроворот.

Некоторое время среди исследователей битвы за Москву бродили версии о том, что таким образом (инсценировкой расстрела) разведотдел то ли 43-й армии, то ли Западного фронта провёл операцию глубокого внедрения своего агента в структуру немецкой разведки. И действительно, в одной из разведшкол абвера появился бывший советский полковник П. С. Козлов. По сведениям, которые удалось получить в архивах ФСБ, к тому времени он был человеком сильно пьющим, имел кличку «Быков», но с советской разведкой связан не был...

Судьба бригадного комиссара Яковлева такова: он был лишён наград, понижен в звании и направлен на Ленинградский фронт, служил в должности старшего инструктора политотдела 46-й стрелковой дивизии 52-й армии.

Конечно, были и расстрелянные. Потому что были и предатели, и трусы.

Правее позиций 17-й стрелковой дивизии в это время основные силы 43-й армии отчаянно дрались с немецкими танками и мотопехотой противника. И там тоже без крайних мер не обошлось.

«21 октября 1941 г.

К 11–00.

Генеральный штаб РККА, штаб Западного фронта.

Генералу армии Жукову.

Идёт бой в лесу восточнее Воробьи. Для наведения порядка расстреляно перед строем 20 человек. В одном случае пришлось применить массовый расстрел 10 человек. Противник ведёт сильный огонь по району Бухаловка.

Командующий 43 армией Голубев».

Шла война. И солдатами на ней были не ангелы. Не ангелами были и командиры. С той и с другой стороны.

Но суть Жукова — и под Ленинградом, и во время подмосковного противостояния — не в жестокости или милости к своим подчинённым, которые порой забывали об уставе и воинском долге. Таких, обладающих твёрдым характером и быстрым умом, профессионально состоятельных и умеющих брать на себя всю ответственность за возможные результаты своих решений, сейчас называют критическими менеджерами. Так вот Жуков был лучшим критическим менеджером Сталина. И Сталин переиграл своего главного противника, Гитлера, в том числе и потому, что у фюрера за всю войну не нашлось критического менеджера такого уровня ответственности в сочетании, разумеется, с высокими профессиональными, интеллектуальными и волевыми качествами. Был какое-то время Манштейн, очень талантливый и мудрый полководец, но Гитлер его оттолкнул. Был Роммель, но фюрер заподозрил его в участии в заговоре. И если Сталин по ходу войны всё глубже овладевал вопросами тактики, при этом предоставляя на поле боя всё больше инициативы военным, то его *vis-a-vis* всё сильнее наполнялся недоверием к своим генералам и фельдмаршалам. Гитлер не верил ни в их лояльность, ни в профессиональные способности, отстраняя от командования и отправляя в отставку, зачастую с позором, одного за другим: фон Клейста, Гёпнера, Гота... Сталин тоже убирал с фронта и отправлял во внутренние округа менее способных: Голубева, Пуркаева, Ротмистрова. Но смело выдвигал на должности командующих армиями и фронтами молодых, энергичных, честолюбивых: Рокоссовского, Черняховского, Рыбалко, Лелюшенко, Ватутина, Горбатова...

Глава двадцать седьмая

Битва за Москву

«Я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления...»

К середине октября положение к западу от Москвы настолько осложнилось, что из столицы в Куйбышев решили эвакуировать «часть центральных учреждений, весь дипломатический корпус, а также вывезти особо важные государственные ценности». 15, 16 и 17 октября Москву охватила паника. Руководители предприятий, высокопоставленные чиновники города, пользуясь своими возможностями, грузили на служебный транспорт ценные вещи, некоторые под шумок прихватывали заводские кассы, забивали мешки и контейнеры продуктами длительного хранения и бежали из города. Народ взбунтовался. Начались погромы. Только расстрелы остановили хаос.

В эти дни произошёл кризис в районе Варшавского шоссе на кратчайшей дороге на Москву. Части 43-й армии дрогнули и стали отходить. Немецкие танки и мотопехота в разных местах начали просачиваться через многочисленные бреши. Создавалась угроза распада центрального участка Западного фронта. Если бы это произошло, немецкие войска уже беспрепятственно хлынули бы на неприкрытый Подольск и далее до самой Москвы.

Жуков в эти дни постоянно находился то в штабе, то в войсках. Спал час-полтора. Осунулся, похудел. Штаб перебрався на новое место — в Перхушково. На самом же деле все ключевые службы находились во Власихе. А Перхушково — это условное название дислокации штаба Западного фронта.

И вот вести о московской панике дошли до штаба фронта. Жуков послал в Москву своего начальника охраны, чтобы тот лично разузнал, что там происходит.

Из рассказа Бучина историку Яковлеву: «Не знаю, что там доложил Николай Харлампьевич Жукову, а я убедился — Москва стоит и будет стоять. Что до испуганных людей, так это пена, которая схлынет. Да и пусть убираются, не болтаются под ногами. Со всей ответственностью должен сказать, такое настроение было в войсках, разумеется, в первую голову у

русских. Они стойко переносили всё...»

Двадцатого октября, на второй день после введения в Москве осадного положения, «Красная звезда» на первой странице опубликовала портрет генерала армии Г. К. Жукова. Фронтовики, вспоминая те дни, говорят, что на них в окопах публикация портрета командующего фронтом подействовала так, как если бы в газете был напечатан портрет Суворова и им сказали бы: ребята, Суворов с вами! Но сам Жуков этой публикации не обрадовался. Уже после войны в разговоре с писателем Давидом Ортенбергом^[127], который в октябре 1941 года был главным редактором «Красной звезды» и хорошо запомнил, как спешно, по звонку Сталина они готовили макет первой страницы с портретом Жукова, маршал сказал ему: «Сталин не раз звонил мне и всё спрашивал: удержим ли мы Москву? И хотя я его убеждал: не сдадим столицу, уверенности у него в этом всё же не было. Он и подумывал, на кого бы в случае поражения свалить вину. Вспомним историю с генералом Павловым...»

Звонил Верховный Жукову действительно довольно часто. Однажды прислал в Перхушково Молотова. Людмила Лактионова, друг семьи Жуковых, передала слова маршала: «В критический момент обороны Москвы ко мне в штаб фронта приехал В. М. Молотов, который потребовал от меня ни одного шагу назад не отступать. При этом Молотов, в случае моего отступления, грозился меня расстрелять. Я ему на это ответил: вначале вы лучше себя расстреляйте, а затем и меня. В дальнейшем Молотов у меня в штабе фронта не появлялся».

Можно себе представить, что они тогда наговорили друг другу, Жуков и Молотов, в каких выражениях произошла их словесная схватка.

Офицер для особых поручений штаба Западного фронта майор в отставке Н. Козьмин рассказал такую историю: «4 декабря 1941 года мы находились в бомбоубежище. Там Г. К. Жуков проводил совещание с командующими армиями фронта. В это время позвонил Сталин и начал с Жуковым говорить. Смотрим: у Жукова на щеках заходили желваки и появились красные пятна на лице. Тут в ответ Жуков произнёс Верховному: “Мне лучше знать, как поступить. Передо мной четыре армии противника и свой фронт” Сталин, видимо, что-то возразил. Тут Жуков взорвался: “Вы можете в Кремле расставлять оловянных солдатиков, а мне некогда этим заниматься”. Затем Жуков выпустил обойму брани и бросил телефонную трубку. Слышал ли Сталин брань Жукова в телефонную трубку, установить было трудно. Может, и слышал, но промолчал. Сталин позвонил 5 декабря в 24 часа и спросил: “Товарищ Жуков, как с Москвой?” Жуков: “Москву я не сдам” Сталин: “Тогда я пойду отдохну”. Жуков в те дни был молчалив,

неразговорчив. Ночами не спал. От дремы отбивался холодной водой, баней или гонял по кругу на коне».

Но был и такой момент, когда Жуков, похоже, дрогнул, и Верховный вовремя укрепил его силы жёстким окриком. Немцы подошли к деревне Крюково на Ленинградском шоссе, и штаб фронта оказался в полуокружении. Разведка доносила о приближении немецких колонн, небольших групп и отрядов пехоты. Уже охрана вступила в бой. Начался ропот среди офицеров штаба: в целях безопасности разумнее было бы отойти к Москве... И тогда Жуков позвонил Сталину и попросил разрешения перевести свой штаб из Перхушкова на Белорусский вокзал. Сталин после небольшой паузы ответил: «Если вы попятитесь... Если отойдёте до Белорусского вокзала... Тогда лучше я займу ваше место в Перхушкове».

А вот какой эпизод вспоминал генерал Румянцев^[128]: «Мы с полковником А. Головановым находились у Сталина в кабинете. В это время позвонил комиссар ВВС Западного фронта Степанов. Между ними состоялся такой разговор:

Степанов: “Товарищ Сталин, разрешите штаб ВВС Западного фронта перевести за восточную окраину Москвы?”.

Сталин: “Товарищ Степанов, а у вас есть лопаты?”.

Степанов: “Какие нужны лопаты?”.

Сталин: “Всё равно. Какие найдутся”.

Степанов: “Найдём штук сто”.

Сталин: “Вот что, товарищ Степанов. Дайте каждому вашему товарищу по лопате в руки и пусть они начинают копать себе братскую могилу. Вы пойдёте на Запад изгонять врага с нашей земли, а я останусь в Москве и буду руководить фронтами боевых действий”».

В эти дни и недели противостояние на всём протяжении Западного, Калининского и Брянского фронтов достигло такого напряжения, что, казалось, введи противник ещё один резервный батальон и наш фронт рухнет. Судьба Москвы решалась буквально везде, на участке обороны каждого взвода. Не удержишь этот истрёпанный, наполовину зарытый в кровавом снегу и мёрзлой глине, полуживой взвод, уступи врагу свою позицию, и через эту брешь, как вода через щель в плотине, попрёт вся сгрудившаяся по фронту мощь. Ответственность лежала на каждом солдате, на каждом лейтенанте и капитане, не говоря уже о полковниках и генералах.

Особенно сильное давление противник оказывал на флангах. Правое крыло прикрывала 16-я армия Рокоссовского. В нём Жуков был уверен как

в себе самом. Умрёт, а немецкие танки не пропустит. Но наступил момент, когда и надёжный Рокоссовский, как показалось Жукову, начал пятиться и оставлять позиции.

Двадцатого ноября Рокоссовский, войска которого немцы прижали к реке Истре в районе Истринского водохранилища, принял решение об отводе своих войск за водный рубеж.

Из воспоминаний Рокоссовского: «Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону, притом небольшими силами...

Всесторонне всё продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом Г. К. Жукову и просил его отвести войска на истринский рубеж...

Командующий фронтом (Г. К. Жуков) не принял во внимание моей просьбы и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

...Я считал вопрос об отходе на истринский рубеж чрезвычайно важным. Мой долг командира и коммуниста не позволил безропотно согласиться с решением командующего фронтом, и я обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б. М. Шапошникову. Спустя несколько часов получили ответ. В нём было сказано, что предложение наше правильное и что он как начальник Генштаба его санкционирует.

Настроение у нас повысилось. Теперь, думали мы, на истринском рубеже немцы поломают себе зубы. Их основная сила — танки — упрётся в непреодолимую преграду... Радость, однако, была недолгой. Не успели ещё все наши войска получить распоряжение об отходе, как последовала короткая, но грозная телеграмма от Жукова:

“Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков”».

Споры о том, кто больше прав в сложившейся ситуации, кипят давно и не утихают до сих пор. Менее всего желая подливать масла в огонь, всё же должен сказать, что отвод войск за Истринское водохранилище противоречил планам обороны, разработанным штабом Западного фронта. Убеждать командарма 16, при всех его талантах и положительных качествах, как командирских, так и человеческих, комфронта было некогда, и он просто отдал категоричный приказ — держаться во что бы то ни стало.

Спустя пять дней, когда кризис миновал, Жуков отдал приказ Рокоссовскому отвести войска на восточные линии Истринского водохранилища.

Штаб фронта в эти дни работал с особым напряжением. На самые трудные участки в помощь командармам постоянно перебрасывались резервы. А когда они оскудели, по приказу Жукова снимались с более или менее спокойных участков и направлялись на фланги вначале дивизии, потом полки, потом батальоны и отдельные роты. Во время работы над книгой о 33-й армии, которая в те дни сражалась под Наро-Фоминском, мне довелось читать архивные документы, в том числе приказы и распоряжения, подписанные начальником штаба Западного фронта генералом Соколовским. Среди них такие: выделить из состава такой-то дивизии стрелковый взвод, укомплектовать его лучшими бойцами, вооружить автоматическим оружием, выдать боекомплект и направить в распоряжение штаба 16-й армии, сформировать отделение броней бойцов, выдать новые противотанковые ружья и боекомплект...

Тем временем на левом крыле было не легче. Там сражалась 50-я армия генерала Ермакова^[129]. Действовала армия хорошо. Но у неё был опытный противник — 2-я танковая группа генерала Гудериана. Тем не менее Ермаков смог остановить танки Гудериана и успешно сдерживал их до середины ноября. При этом укрепил Тулу и отражал все атаки на флангах.

После перегруппировки Гудериан повёл новое наступление, ударил южнее Тулы и прорвал фронт у Сталиногорска^[130].

К исходу 18 ноября авангарды 2-й танковой группы захватили Дедилово, Узловую и угрожали глубоким прорывом в направлении Каширы и Зарайска. обороной Тулы занимался не только штаб 50-й армии, но и Тульский обком ВКП(б). Был создан городской комитет обороны. Тульские большевики сформировали ополчение. Рабочий полк сражался на окраинах родного города. На заводах ремонтировали оружие и боевую технику. Выпускали боеприпасы и снаряжение. Взаимоотношения первого секретаря Тульского обкома Жаворонкова и командарма 50-й Ермакова не сложились. В ночь на 21 ноября городской комитет обороны Тулы по инициативе Жаворонкова направил ГКО и лично Сталину телеграмму: «Командование 50-й армии не обеспечивает руководства разгромом немецко-фашистских людоедов на подступах к Москве и при обороне Тулы. Поведение военного командования может быть характеризовано как трусливое, по меньшей мере. Просим ГКО, Вас, товарищ Сталин, укрепить военное руководство 50-й армии. В. Г. Жаворонков, Н. И. Чмутов, В. Н. Суходольский».

Двадцать второго ноября генерал Ермаков был освобождён от

должности командующего 50-й армией «за невыполнение директивы ставки ВГК о переходе в наступление и за непринятие всех мер к приостановлению наступления немцев в районе г. Сталиногорска и его оставление».

Новым командармом Ставка назначила генерала Болдина. Жуков считал эту кандидатуру не лучшим вариантом. Но он терпел, потому что назначение командармов находилось не в компетенции комфронта. Ставке и Верховному — виднее. Тем более что ему предложить было некого, да и о письме секретаря обкома он узнал позже.

Однако войска южнее Тулы генерал Ермаков отвёл самовольно, без разрешения штаба фронта. И Жуков тотчас выслал в Тулу комиссию для расследования обоснованности приказа на отход. Комиссия пришла к выводу: оставленные частями 50-й армии позиции в районе Сталиногорска можно было удержать. На докладе комиссии Жуков собственноручно написал: «Командующего армией предать суду».

Генерала Ермакова судили. Приговорили к пяти годам исправительно-трудовых лагерей с разжалованием и лишением всех наград. Однако прямо на суде председательствующий предложил осуждённому написать прошение о помиловании. Прошение было рассмотрено, и спустя несколько месяцев — ещё гремела битва за Москву — Ермакову вернули генеральские звёзды, орден Ленина, полученный за Финскую кампанию, и направили в распоряжение Управления кадров РККА, а затем на фронт.

Офицера на войне, а тем более генерала, было не так-то просто расстрелять. Если это не был спонтанный выстрел в порыве гнева.

Но были на Западном фронте в период битвы за Москву и расстрелы. В ноябре перед строем командного состава за сдачу Рузы были расстреляны исполняющий обязанности командира 133-й стрелковой дивизии 5-й армии подполковник А. Г. Герасимов и бывший комиссар дивизии бригадный комиссар Г. Ф. Шабалов. В те же дни перед строем расстреляли командира 151-й мотострелковой бригады 33-й армии майора Ефимова, старшего батальонного комиссара Пегова, комиссара 455-го батальона той же бригады старшего политрука Ершова — «за то, что батальон, поддавшись панике, оставил занимаемый рубеж обороны и отошёл без приказа назад, увлекая за собой другие подразделения». «За сдачу врагу занимаемого рубежа и позорное бегство с поля боя» были расстреляны командир 601-го стрелкового полка 82-й дивизии 5-й армии майор П. А. Ширяев и политрук Р. Е. Колбасенко.

Расстрельные приказы подписывали командармы Говоров, Ефремов, Голубев. Подписывал и наш герой. И конечно, и им тоже, как и генералу

Хлудову из пьесы Михаила Булгакова «Бег», пришло время, снились кошмарными ночами безжалостные монологи-проклятия солдата Крапилина. Но это их страдания, их крест. И они его несли. Каждый — свой. В мемуары эти душевные муки, конечно же, не вошли.

«Тайфун» по замыслу его творцов и исполнителей должен был железными клещами танковых групп замкнуть кольцо вокруг Москвы и в гигантском «котле» покончить с последними дивизиями и боеспособными частями Красной армии. Поэтому такая яростная драка происходила именно на флангах.

Однако и на центральном направлении бои не утихали. Там наступала самая мощная в группе армий «Центр» армия — 4-я полевая, у которой танков было не меньше, чем у любой из трёх танковых групп^[131], действовавших в те дни на московском направлении. Не случайно именно здесь немцы предприняли последнее усилие с целью пробить оборону и организовать брешь для решающего прорыва на Москву.

Тридцатого октября Жуков прибыл в расположение 43-й армии. Вместе с ним были начальник штаба фронта генерал Соколовский и член Военного совета Булганин. Жуков приказал проводить его на позиции первого эшелона.

С КП первого батальона 120-го стрелкового полка 93-й стрелковой дивизии он долго осматривал предполье, воронки, брошенные окопы, наполовину сожжённую деревню на противоположной стороне. Это была его родина. Здесь он знал каждую тропинку, каждый изгиб реки. И то, что враг был остановлен войсками его фронта именно здесь, в окрестностях Угодского Завода и Малоярославца, волновало особенно.

Вечером Жуков собрал на совещание всех командиров, до командира полка включительно. Выслушал доклады и предложения. Поставил задачи. Главной задачей было — держаться там, где стоишь, ни шагу назад. Неустойчивые будут отданы под суд и расстреляны перед строем. Это он повторил несколько раз. Командиры смотрели на него молча. Многие из них расстрелы перед строем уже видели. А он в те минуты видел глаза людей, готовых на всё. Вот почему с такой твёрдой уверенностью спустя несколько часов во время очередных переговоров с Верховным он скажет ему, что враг не пройдёт, что Москвы немцам не видать.

Перед совещанием состоялся разговор с командармом Голубевым. Жуков всё ещё сомневался в том, что противник выдохся и остановлен здесь, на Стремилловском рубеже^[132], на подступах к Подольску.

— И всё же, — сказал он, — что произошло на вашем рубеже

обороны? Доложите более подробно. Сегодня я буду докладывать о положении на вашем участке Верховному.

— Войска противника остановились, — ответил Голубев.

— Чем это можно подтвердить?

— Сегодня в 7.00 артиллерийской подготовки по нашим позициям не было. В 8.00 противник в наступление не перешёл. Не появилась и его авиация. Наши наблюдатели отметили следующее: в 8.50 в центре и на левом фланге противник приступил к совершенствованию своей обороны. На правом фланге части 57-го моторизованного корпуса тоже приступили к строительству оборонительных укреплений.

— Что сообщает разведка?

— Войсковая, армейская и авиационная разведка, а также командиры переднего края на 19.00 ещё раз подтвердили, что войска 98-й и 34-й пехотных дивизий 12-го армейского корпуса в течение суток создали оборону на всю глубину своих боевых порядков. Танковые подразделения второго эшелона 57-го моторизованного корпуса от населённого пункта Воробьи повернули направо в направлении посёлка Балабаново и двигаются дальше. Сегодня утром в полосе обороны нашей 53-й стрелковой дивизии её разведкой был захвачен офицер 289-го пехотного полка 98-й пехотной дивизии. Он показал следующее: в пехотных ротах его полка осталось по 15–10 человек, всё обмундирование летнее, оборванное, питание плохое. Лошади почти все убиты и съедены. Людской состав переносит боеприпасы и другие грузы на себе, таким же способом перетаскивает орудия и миномёты. Настроение солдат да и младших офицеров подавленное. Ключе^[133] обещал, сказал он, что у русских нет сил для обороны, что через день-два мы будем в Москве, но мы, солдаты, этому не поверили. Ещё сказал следующее: такого мощного сопротивления они не испытывали с начала кампании на востоке.

— Какие вы делаете выводы из происходящего?

— На наш взгляд, противник измотан. Думаю, что немцы понимают, что дальнейшее наступление на Москву по Варшавскому шоссе через Подольск перспективы не имеет. Докладываю, что в районе Варшавского шоссе, включая Подольск и окрестности, создаётся Подольский боевой участок. Центральная ось боевого участка — шоссе и прилегающие населённые пункты. В настоящее время ведутся усиленные работы по совершенствованию обороны Подольского боевого участка и эшелонирования его в глубину — И командарм показал на карту, на которую штабными работниками была нанесена схема боевого участка и обозначены линии обороны стрелковых частей, ПВО, противотанковые

районы и ловушки, минные поля и проволочные заграждения.

В публикациях многих исследователей истории боёв 43-й армии период конца октября (после смены командующего армией и «расстрела» полковников) — начала ноября характеризуется как непродолжительная оперативная пауза, возникшая вследствие усталости наступавшей стороны и упорства оборонявшейся. Немцы проводили частичную перегруппировку для нового броска вперёд.

Действительно, под Малоярославцем и Тарутином наступило относительное затишье. Обе стороны готовились к новым боям.

Из отчёта, подготовленного офицерами Генштаба в ноябре 1941 года по итогам минувших боёв, которые уже тогда называли первым этапом московской битвы: «Начатое 2 октября немцами наступление на Москву к концу октября выдохлось, и ослабленные в результате октябрьских боёв немецкие дивизии вынуждены были прервать своё наступление...»

Второй удар, ноябрьский, Западный фронт выдержал уже увереннее. Подошли резервы. В районе Серпухова произошла проба сил — 49-я армия генерала Захаркина, усиленная 2-м кавалерийским корпусом и 112-й танковой дивизией, своим правым крылом атаковала из района Серпухова в направлении Кремёнок и Высокиничей. Ударная группировка была подчинена командиру кавкорпуса генералу Белову^[134].

Это был лихой конник, решительный командир и храбрый солдат. Его звезда ещё блеснёт в районе Юхнова и Вязьмы в 1942-м, под Жиздрой и Хотынцом во время битвы на Курской дуге в 1943-м, в операции по блокированию Курляндской группировки в 1944-м. Войска генерала Белова первыми из группировки 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова в 1945-м форсируют Одер и захватят плацдармы, необходимые для атаки на Берлин.

Но до Берлина, и даже до Одера, было ещё далеко.

Из мемуаров генерала Белова: «9 ноября 1941 года корпус был включён в состав войск Западного фронта. В тот же день я был вызван к командующему фронтом генералу армии Г. К. Жукову.

Беседа в штабе фронта длилась недолго. Командующий сообщил мне, что создаётся группа войск под моим командованием; основой её будет 2-й кавалерийский корпус, придаются 415-я стрелковая и 112-я танковая дивизии, две танковые бригады, 15-й полк гвардейских миномётов — «катюш» под командованием подполковника Дегтярёва и другие части.

Замысел предстоящей операции состоял в том, чтобы нанести контрудар по противнику в районе Серпухова в полосе 49-й армии совместно с ней, а потом прорваться в тыл немцев. Контрудар приходился

на то время, когда немцы ещё наступали и держали в своих руках инициативу действий на советско-германском фронте.

Командующий показал мне на карте район намечаемой операции. Моя конно-механизированная группа, взаимодействуя с 49-й армией, должна была нанести главный удар в полосе шесть километров по фронту. Местность лесистая, с редкими населёнными пунктами. По данным штаба фронта, этот участок слабо прикрыт гитлеровцами, у них выявлено здесь всего два или три пехотных батальона, в позициях противника есть свободные промежутки, что облегчает прорыв вражеской обороны и позволяет направить в тыл к немцам диверсионные отряды наших войск.

Я попросил разрешения выехать на рекогносцировку. Но командующий запретил, сославшись на нехватку времени. В целях сохранения тайны он приказал никого, даже штабных командиров, не посвящать в замысел операции. План приказал разработать мне лично. Срок — один день.

В разведывательном отделе фронта я получил справку о противнике. Согласно этой справке на интересующем меня участке сплошного фронта у противника нет, на двадцатикилометровом отрезке западнее Серпухова действует только 17-я пехотная дивизия немцев. Но у меня не было ни возможности, ни времени для уточнения этих данных.

Конечно, лучше было бы, если бы о готовящейся операции командование предупредило меня заранее, чтобы я мог выехать на местность, прежде чем разрабатывать план операции. Но пришлось работать лишь с помощью карты, имея скудные данные о противнике. Не знал я и состояния дивизий и бригад, придававшихся корпусу.

Как бы там ни было, а к вечеру план был готов. В общих чертах он сводился к следующему. Под прикрытием обороняющейся 49-й армии моя группа сосредоточивается на левом берегу реки Нары в районе Булычево, Клейменово, Лопасня. Войска передвигаются скрытно, по лесам, и только в ночное время. Второй этап операции — занятие исходного положения на правом берегу реки Протвы. В 12 часов 13 ноября начинается наступление хорошо знакомая с местностью ударная группировка 49-й армии. Она способствует вводу в бой главных сил корпуса. После прорыва обороны противника корпусом войска 49-й армии расширяют прорыв вправо и влево и прикрывают фланги конно-механизированной группы. На третьем этапе группа развивает успех, выходит в тыл противника, совместно с войсками 49-й армии окружает 13-й армейский корпус немцев и уничтожает его.

Составляя этот план, я исходил из того, что противник перед нами сравнительно слабый. Предполагалось, что пехота легко прорвёт его

оборону, а конно-механизированная группа разовьёт тактический успех пехоты в оперативный.

Жуков ознакомился с моим планом и утвердил его.

— Завтра едем в Москву, к товарищу Сталину. Будьте готовы, — предупредил он на прощание.

В 15 часов 45 минут я подъехал к условленному месту на улице Фрунзе. Пасмурный холодный день близился к концу, наступали ранние осенние сумерки. Вскоре появилась машина Жукова, и я пересел в неё.

Въехали в Кремль через Боровицкие ворота. Небольшой отрезок пути прошли пешком. Шагали молча и быстро. Только в одном месте командующий чуть задержался, показал рукой на круглую яму:

— Авиабомба.

Воронка была большая. Я прикинул на глаз — не иначе как от полутонной бомбы.

Неподалёку от воронки — вход в подземное помещение.

Мы спустились по ступенькам и очутились в длинном коридоре. Справа двери, как в купированном вагоне. Много охраны.

Жуков оставил меня в одном из “купе”, а сам ушёл. Я снял шинель и фуражку. Разумеется, перед встречей с Верховным Главнокомандующим испытывал некоторое волнение и беспокойство. Осмотрел себя. Вид у меня был не совсем подходящий для такого приёма: красноармейская гимнастёрка, охотничьи сапоги с отворотами. “Если спросят, почему не по форме одет, отвечу, что форма износилась, — успокаивал я себя. — Да и не очень-то повоюешь сейчас в хромовых сапогах...” Едва успел подумать об этом, как появился секретарь Сталина, поздоровался и повёл за собой.

В самом конце коридора — открытая дверь в просторную, ярко освещённую комнату. В дальнем левом углу её — большой письменный стол. Несколько телефонов. Жуков представил меня Сталину, стоявшему среди кабинета.

Сейчас, воспроизводя в памяти прошлое, я невольно припоминаю мелкие, на первый взгляд не очень значительные детали, удивившие тогда меня, вызвавшие недоумение.

В те годы много писали о Сталине в газетах, называли его твёрдым, прозорливым, гениальным — одним словом, на эпитеты не скупилась.

Я не видел его с 1933 года. С тех пор он сильно изменился: передо мной стоял человек невысокого роста с усталым, осунувшимся лицом. За восемь лет он постарел, казалось, лет на двадцать. В глазах его не было прежней твёрдости, в голосе не чувствовалось уверенности. Но ещё больше удивило меня поведение Жукова. Он говорил резко, в

повелительном тоне. Впечатление было такое, будто старший начальник здесь Жуков. И Сталин воспринимал это как должное. Иногда на лице его появлялась даже какая-то растерянность.

Верховный ознакомился с планом намечаемого контрудара, одобрил его. Выделил для участия в операции группу из трёх авиадивизий. Потом были уточнены сроки.

Верховный Главнокомандующий приказал отложить начало наступления на сутки. Оказывается, к контрудару готовилась также действовавшая значительно правее нас армия генерала К. К. Рокоссовского. Операция должна была начаться на обоих участках одновременно, чтобы помешать противнику маневрировать резервами.

Я попросил снабдить корпус автоматическим оружием, мотивируя это тем, что в бою немецкая пехота имеет явное огневое преимущество над спешенными кавалеристами. У немцев много автоматчиков, а у нас на вооружении винтовки. Пользуясь этим, фашисты старались навязать нам ближний бой, наносили чувствительные потери. Наши командиры и красноармейцы, оценив преимущество автоматов, охотились за ними. Трофейных автоматов в корпусе было теперь много, но не хватало трофейных патронов.

Верховный Главнокомандующий поинтересовался, кого мы намерены вооружить автоматами. Я ответил, что хорошо бы иметь в каждом кавалерийском полку эскадрон автоматчиков. А пока автоматов мало, вооружить ими хотя бы по одному взводу в пулемётных эскадронах кавалерийских полков. И добавил, что в конечном счёте нужно обеспечить автоматами всех кавалеристов, а из винтовок оставить на вооружении только снайперские.

Кончилось тем, что мне были обещаны полторы тысячи автоматов и две батареи новейших 76-миллиметровых пушек. Пушкам я тоже очень обрадовался, так как материальная часть имевшейся в корпусе артиллерии сильно изнашивалась: сказались стрельба на предельном режиме, отсутствие запасных частей, длительные переходы по плохим дорогам. Все орудия уже требовали войскового ремонта, часть из них — даже заводского...

Когда я вышел из подземного убежища, на улице стояла глухая тёмная ночь».

Наступление под Серпуховом не принесло успеха Западному фронту. Ударная группа, двигаясь по глубоким снегам и лесистой местности, пересечённой глубокими оврагами, к тому же плотно насыщенной войсками противника, которые успели хорошо укрепиться и насытить свою оборону огневыми средствами, быстро израсходовала свой наступательный

ресурс и вскоре выдохлась. Немцы серией коротких контрударов быстро выправили положение и отбросили и кавалеристов, и танкистов, и пехоту 49-й армии на исходные позиции.

Итак, донесения командармов и атака под Серпуховом показали, что противник ещё силён, укрепился на достигнутых рубежах основательно, но наступать уже не намерен. Стало понятно: немцы выдохлись, атаковать у них нет сил.

В эти дни Жуков, находясь на северном крыле в 16-й армии, заехал в расположение 78-й стрелковой дивизии, недавно прибывшей с Дальнего Востока. Дивизией командовал полковник Белобородов^[135]. В штаб армии пришло сообщение, что захвачен пленный. Жуков решил допросить его лично.

Вместе с Рокоссовским приехал на КП Белобородова. Афанасий Павлантьевич устроился с сибирской основательностью: просторная землянка, сухая, хорошо натопленная, на две половины; в первой — связисты, во второй — штаб. Пока генералы, сидя у железной печки, отогревались с дороги крепким горячим чаем, привели пленного. Увидев немца, Белобородов замахал руками и сказал с укоризной конвоирам:

— Эх вы... Ну ладно, он не понимает. Ну а вы-то? Хоть бы веником обмели...

Немец выглядел жалко — в летней шинели, в пилотке, нахлобученной на уши, плечи укутаны женской шалью; по пилотке и по плечам густыми ордами ползали вши.

Генералы переглянулись. Жуков засмеялся:

— Вшивая армия — факт знаменательный. Запишите его в журнал боевых действий. Опишите, какой он есть. Пригодится историкам.

По дороге в Перхушково, как рассказывал потом Бучин, Жуков несколько раз произнёс:

— Вшивая армия...

В те дни немецкие штабы получили любопытный документ:

«78-я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ.

Отдел разведки и контрразведки.

9.11.1941.

Генерал-армии Жуков, который в соответствии с английскими радиоотчётами заступил на место Тимошенко на центральном участке фронта, родился в 1896 г. Его отец был сапожником. Он рано вступил в ряды армии и к 1915 г. дослужился до чина фельдфебеля. 1919 г. — вступил в большевистскую партию. Участвовал в Гражданской войне и боролся

против Белой армии будучи унтер-офицером и младшим офицером. Затем дослужился до командира бригады на Кубани. 1939 г. — командующий армейским корпусом на восточной границе (против Японии). Потом стал главнокомандующим и генералом армии в Киеве. 28.7.40. — прибыл в Бессарабию и с февраля 1941 г. является начальником Генерального штаба Красной армии и исполняющим обязанности народного комиссара обороны. Жуков является авторитетным командиром и считается способным офицером и хорошим организатором».

Хотя сведения в этом документе грешат некоторыми неточностями, немцы уже тогда совершенно точно определили, кто из советского генералитета для них представляет наибольшую опасность.

Жуков продолжал действовать короткими контрударами, терроризируя противника, истощая его ресурсы, уничтожал в немецком солдате, сутками сидящем в мёрзлом окопе, веру в то, что хотя бы остаток зимы он проведёт в тёплых квартирах. Дикий холод в промёрзших на метровую глубину русских полях лишал германского солдата не только веры в победу, но и самообладания.

Из дневника фон Бока: «9/11/41. Положение Гудериана завидным никак не назовёшь. Противник подтянул свежие части и продолжает упорно атаковать южный фланг его танковой армии».

«18/11/41. Гальдер хочет, чтобы 4-я армия атаковала всеми своими силами. Я против этого. В секторе XIII корпуса сложилось такое серьёзное положение, что армия даже подумывает об отходе с Протвы. XII корпус тоже основательно потрепан атаками русских, а резерв, находившийся ранее во второй линии XX корпуса, передвинут в южном направлении, так что я не знаю, способен ли XX корпус атаковать при таких условиях. Атака силами всех остальных корпусов намечена на завтра. Гальдер сказал, что положение противника куда хуже нашего и мы должны это понимать. По его мнению, последние сражения в секторе 4-й армии стратегического значения не имеют и направлены скорее на изматывание противника. Нельзя, однако, забывать, что русские после Смоленска перебросили из Сибири 34 свежие дивизии; из них 21 дивизия противостоит сейчас войскам группы армий».

«20/11/41. Вечером пришло известие, что Гудериан хочет наступать главными силами через Михайлов в направлении Рязани. Я уже собрался было обсудить по телефону эту новость с Грейффенбергом, когда последний прервал мои рассуждения словами о том, что, согласно только что полученному рапорту от Гудериана, 2-я танковая армия выполнить

поставленную перед ней задачу не в состоянии! Я попросил Грейффенберга проверить эти сведения, чтобы знать, что докладывать Верховному командованию сухопутных сил о столь неожиданном повороте событий».

«21/11/41. Поехал из Гжатска в расположение XII корпуса. Командир корпуса явно находится под впечатлением от имевших место ожесточённых сражений и самыми мрачными красками описывает состояние своих дивизий, чьи возможности, по его словам, полностью исчерпаны.

Потери, в особенности в офицерском составе, дают о себе знать. Многие лейтенанты командуют батальонами, один обер-лейтенант возглавляет полк. Численность некоторых полков сократилась до 250 человек. Личный состав страдает от холода и неадекватных условий размещения. Короче говоря, корпус, по мнению его командира, как боевая единица больше функционировать не в состоянии».

«27/11/41. “Чёрный” день для 2-й танковой армии! Поначалу противник начал оказывать мягкое давление на её правый фланг. Потом он неожиданно нанёс удар большой силы с севера через Каширу против передовых частей танковой группы Эбербаха. Одновременно русские стали наступать из района Серпухова в южном направлении через Оку».

«3/12/41. Около полудня позвонил Клюге и сказал, что вынужден настаивать на отводе передовых частей LVII и XX корпусов за Нару из-за создавшегося тяжёлого положения на этом участке фронта. Я отложил решение по этому вопросу до 17.00, так как хотел дождаться дневного рапорта о результатах атаки северной группы. Но в 16.00 Клюге доложил, что атака с северного направления против левого крыла XX корпуса до такой степени усложнила обстановку, что он был вынужден дать приказ об отходе на свой страх и риск».

«7/12/41. Трудный день. В течение ночи правое крыло 3-й танковой группы начало отход. Дают о себе знать неприятные вклинивания противника на северном крыле танковой группы. Противник также значительно усилил давление на правом крыле 9-й армии. Я отослал всё, что мне удалось собрать на скорую руку, в распоряжение 3-й танковой группы; полк 255-й дивизии направлен на грузовиках — по батальону за один рейс — в сторону Клина, куда первый батальон прибыл этим утром. Единственный резерв, какой только удалось наскрести 4-й танковой группе, представляет собой усиленную роту. Моторизованный инженерный батальон, который ранее предполагалось отправить в Германию, был остановлен и также направлен в распоряжение 3-й танковой группы. 9-й армии придётся полагаться исключительно на свои собственные силы.

Противник увеличил активность на фронте 4-й армии, особенно в секторе 4-й танковой группы. С целью оказания помощи танковой группе остатки 255-й дивизии собраны в районе Рузы.

2-я танковая армия получила по носу у Михайлова, в результате чего передовой батальон 10-й моторизованной дивизии, лишившись большей части своего снаряжения, вынужден был оставить город. Если не считать этого, отход 2-й танковой армии осуществляется в соответствии с планом.

2-я армия, которая, несмотря на все предупреждения, продолжает продвигаться в Восточном направлении, ввязалась в кровопролитные бои с крупными силами противника. Холод тоже становится причиной многих человеческих бедствий и жертв: один полк докладывал, что лишился 318 человек из-за обморожений. К нынешнему серьёзному кризису привели три обстоятельства:

1. Осенняя грязь. Передвижения частей и подвоз припасов были фактически парализованы жидкой грязью, затопившей дороги.

2. Провал с железными дорогами. Неадекватное обслуживание, нехватка вагонов, локомотивов и квалифицированного технического персонала. Неспособность локомотивов, оборудования и наскоро отремонтированных станционных сооружений функционировать в условиях русской зимы.

3. Недооценка способности противника к сопротивлению, а также его резервов в плане личного состава и материальной части.

В результате воспользоваться плодами победы под Вязьмой нам не удалось».

Таким образом фон Бок признаёт, что удары советских войск практически свели на нет результаты всех предыдущих успехов, достигнутых в ходе операции «Тайфун».

Немцы ещё в ноябре, перед вторым ударом почувствовали твёрдость русской обороны и поняли, что, возможно, не смогут её пробить и на этот раз. Гальдер записал в своём дневнике: «Если развёрнутое сейчас на Москву наступление не будет иметь успеха... то Москва станет вторым Верденом, то есть сражение превратится в ожесточённую фронтальную бойню».

Так и произошло. И эта фронтальная бойня, этот подмосковный Верден заставил фон Бока израсходовать последний мизерный резерв. А потом начались мощные контрудары русских. И для немцев ситуация стала малоуправляемой, при которой некоторые командиры отказывались выполнять приказы и самовольно отводили свои войска на более выгодные позиции.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «29 ноября я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления.

И. В. Сталин слушал внимательно, а затем спросил:

— А вы уверены, что противник подошёл к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?

— Противник истощён. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счёт северной и южной группировок своих войск, и тогда положение может серьёзно осложниться.

И. В. Сталин сказал, что он посоветуется с Генштабом.

Я попросил начальника штаба фронта В. Д. Соколовского, который также считал, что пора вводить в действие наши резервные армии, связаться с Генштабом и поддержать наше предложение о целесообразности начала незамедлительного контрнаступления.

Поздно вечером 29 ноября нам сообщили, что Ставка приняла решение о начале контрнаступления и предлагает представить наш план контрнаступательной операции. Утром 30 ноября мы представили Ставке соображения Военного совета фронта по плану контрнаступления, исполненному графически на карте с самыми необходимыми пояснениями. Подробностей от нас не требовалось, поскольку всё основное было заранее оговорено лично с И. В. Сталиным, Б. М. Шапошниковым и А. М. Василевским. Я направил с планом только коротенькую записку Александру Михайловичу Василевскому: «Прошу срочно доложить народному комиссару обороны т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой».

Пятого декабря войска Калининского фронта генерала Конева, а 6 декабря резервные армии Западного генерала Жукова и правофланговые Юго-Западного маршала Тимошенко пошли в контрнаступление. Так началась грандиозная операция, продлившаяся до двадцатых чисел апреля 1942 года. О ней весьма точно сказал немецкий историк Блюментрит, в те дни генерал и начальник штаба группы армий «Центр»: «Это был поворотный пункт нашей восточной кампании — надежды вывести Россию из войны в 1941 г. провалились в самую последнюю минуту. Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам

когда-либо приходилось встречаться на поле боя».

О том, как начиналось контрнаступление и как оно задумывалось, маршал рассказал после войны в беседе с военными историками: «Контрнаступление под Москвой не было похоже на контрнаступление под Сталинградом или в другом районе. Под Москвой контрнаступление вылилось из контрударов. Его развитию, конечно, способствовал ввод новых соединений и удары авиацией по войскам противника. Были ли у нас в штабе фронта и в Ставке разговоры о контрнаступлении? Такие разговоры, конечно, велись. Например, заместитель начальника Генерального штаба Василевский вёл разговор с командующим войсками Калининского фронта И. С. Коневым о том, что этому фронту надо тоже включиться в контрнаступление. Этот разговор, как видите, носит чисто агитационный характер и свидетельствует о том, что заблаговременного разработанного плана не было ни в штабе Калининского фронта, ни в Ставке Верховного Главнокомандования. Насколько мне помнится, Калининскому фронту никаких средств усиления не передавалось.

В первой половине декабря контрнаступление на флангах фронта развивалось весьма успешно. Например, на левом крыле фронта перед войсками 10-й и 50-й армий и группы Белова противник временами просто бежал. По-иному складывалась обстановка на центральном участке фронта. Здесь мы его медленно выталкивали. И это объяснялось тем, что в армии, действовавшие в центре фронта, при переходе от контрударов в контрнаступление, мы не дали ни одного солдата, ни одного пулемёта, ни одной пушки. Всё, что нам поступало из резерва Ставки Верховного Главнокомандования, мы передавали во фланговые группировки. Мы стремились в максимальной степени ослабить и обескровить танковые армии противника и выйти на фланги и в тылы группы армий «Центр»».

Всякая затяжная война кормится молодыми телами, этот молох пьёт молодую кровь. Сталин вырастил молодое поколение здоровым, энергичным, жизнерадостным, дав молодёжи всё: школы, институты, спортивные площадки и стадионы, работу на заводах, фабриках, в МТС. Школа, пионерские организации и комсомол заложили такую основу патриотизма, такую силу, которую не смогли сломить ни лавины танков, укомплектованных опытными экипажами, ни эскадры самолётов, ни виселицы, ни концлагеря. Уже в 1941-м на фронт, в окопы пришло поколение родившихся при советской власти. Это были особые люди. Физически крепкие, умеющие метко стрелять из винтовки, ходить на лыжах. Многие прошли через аэроклубы и технические кружки различной направленности. Но все эти умения и навыки лишь дополняли главное —

они нанизывались на такой прочный и высокий стержень нравственности, сломить который не смогло ничто. Зоя Космодемьянская, Саша Чекалин, молодогвардейцы... А сколько безымянных! А подростки, точившие в заводских цехах корпуса для снарядов! Они не доставали до станков, и старики-мастера подставляли им под ноги ящики!..

Солдаты Гитлера были не хуже. Более того, в чём-то они даже превосходили русских солдат. Но их не хватило на Россию! Сталин это сразу понял и делал всё, чтобы втянуть германский рейх в долгие и изнурительные позиционные сражения, истощить его материальный и людской ресурс, а потом...

Размышляя над судьбами войны и предвоенного индустриального мира, тоже весьма напряжённого, маршал писал: «Думается мне, что дело обороны страны в своих основных, главных чертах и направлениях велось правильно. На протяжении многих лет в экономическом и социальном отношении делалось всё или почти всё, что было возможно. Что же касается периода с 1939-го до середины 1941 года, то в это время народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшие всех сил и средств.

Развитая индустрия, колхозный строй, всеобщая грамотность, единство и сплочённость наций, материально-духовная сила социалистического государства, высочайший патриотизм народа, руководство ленинской партии, готовой слить воедино фронт и тыл, — это была могучая основа обороноспособности гигантской страны, первопричина той грандиозной победы, которую мы одержали в борьбе с фашизмом.

То обстоятельство, что, несмотря на огромные трудности и потери, с 1 июля 1941 года по 1 сентября 1945 года советская промышленность произвела колоссальное количество вооружения — более 825 тысяч орудий и миномётов, около 103 тысяч танков и самоходных орудий, более 134 тысяч самолётов, говорит о том, что основы экономики страны с военной, оборонной точки зрения были заложены правильно, прочно и своевременно».

В интервью писателю Василию Пескову в 1970 году маршал сказал о молодёжи военного поколения: «Я считаю, что молодёжь принесла главную жертву войне. Сколько прекрасных молодых людей мы потеряли! Сколько матерей не дождалось с войны детей! С командного пункта я много раз видел, как молодые солдаты поднимались в атаку. Это страшная минута: подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. И они поднимались. Многие из них только-только узнали вкус жизни.

Девятнадцать-двадцать лет — лучший возраст в обычной человеческой жизни. Всё впереди... А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулемётный огонь...».

Когда под Москвой всё задвигалось, запылило и загромыхало, когда армии правого и левого крыла, а потом и центра начали докладывать об освобождённых городах и захваченных трофеях, Жуков, в эти дни почти не смыкавший глаз, лёг на свою походную солдатскую кровать, укрылся шинелью и уснул так, что его не могли добудиться несколько суток. Даже когда позвонил Верховный, его не смогли поднять на ноги. Через несколько часов Сталин позвонил снова. Но и в этот раз мертвецки спящего комфронта растолкать не удалось. Так и доложили. Тогда Сталин сказал: «Пусть спит, пока сам не проснётся».

В те дни в жизни нашего героя появилась женщина.

Почти у всех старших офицеров на войне были фронтовые подруги. А уж у генералов, командующих армиями и фронтами, — как правило. Некоторые на своих фронтовых любимых потом женились. И счастливо прожили жизнь, нарожали и вырастили детей, нянчили внуков. К примеру, маршал Конев. Другие своих подруг впоследствии устроили в жизни, позаботились о жилье и достатке, обеспечивали детей, если они рождались. Как, к примеру, маршал Рокоссовский.

У нашего героя всё вышло иначе.

Из воспоминаний Александра Бучина: «Лида Захарова появилась в нашей маленькой группе обслуживания Жукова в дни битвы под Москвой, осенью 41-го года. Георгий Константинович тогда расхворался, и к нему прикомандировали фельдшера — младшего лейтенанта медслужбы Захарову. Худенькая, стройная, она была для нас, как солнечный лучик. Более незлобивое существо трудно себе было представить. К ней быстро привязались мы все, в том числе и Жуков. Но она никогда не забывала, что прислана следить за здоровьем генерала армии. Поэтому не отходила от него ни на минуту. Застенчивая и стыдливая, она терпеть не могла грубостей и сильно терялась, когда занятый по горло Георгий Константинович отмахивался от её заботы. Иной раз уходила от него в слезах. Свой нрав Жуков не укорачивал даже с ней, хотя и любил Лиду, но как-то по-своему сурово. И тиранил её, бывало, и по-солдатски подсмеивался над ней, но от себя никуда не отпускал. Немало людей сменилось в группе обслуживания Жукова в те годы, но Лида оставалась. На людях Лида постоянно соблюдала дистанцию. В машине с нами не ездила. Только сзади, с охранниками. Жила, правда, в одном вагоне с Жуковым. Но там же жили и три генерал-лейтенанта. Однажды, в июле 43-

го, в нашей маленькой группе был праздник — мы поздравляли Георгия Константиновича с награждением второй медалью “Золотая Звезда” Героя Советского Союза. И Лиде поручили вручать Жукову громадный букет. Видели бы вы это вручение! От смущения она была просто пунцовой, не смела даже поднять глаз на своего кумира. Как в тот момент Лида была трогательна в своём отглаженном форменном платье с лейтенантскими погонами, орденом Красной Звезды и медалью “За отвагу”! Даже взгляд Жукова потеплел. Нам показалось, что в тот момент он был гораздо счастливее, чем когда-либо».

Лидия Захарова была рядом с Жуковым всю войну. Затем последовала за ним в Одессу, после Одессы в Свердловск. Это тихое, кроткое существо сопровождало маршала и в годы его славы и великого триумфа, и в период опалы. Человек величайшей внутренней культуры и такта, она не переступала ту грань, за который её кумир мог бы увидеть претензию на что-то большее, чем то, что между ними произошло. И тем была счастлива.

Была ли любовь? Была. Долгая и мучительная. В середине 1950-х годов, когда Жуков вернулся в Москву и занял пост министра обороны СССР, он разыскал Лидию и выхлопотал ей новую квартиру. Лидия работала по специальности — фельдшером в сельском медпункте в том самом подмосковном Перхушкове, неподалёку от которого когда-то находился штаб Западного фронта. У Жукова тогда уже была Галина. Лидия к тому времени вышла замуж. Жила вполне счастливо. За квартиру была благодарна. А он в какой-то мере успокоил свою совесть.

Когда врага от Москвы отогнали, из эвакуации вернулась семья — Александра Диевна с дочерьми, мать Устинья Артемьевна и сестра Маша с детьми. Как вспоминает Эра Георгиевна, в один из дней по приезде из Куйбышева они отправились к отцу в Перхушково. По всей вероятности, Жуков прислал за ними машину. Пробыли они в Перхушкове недолго, день или два, и вернулись в Москву.

Когда началось наступление, штаб фронта тоже вслед за войсками переместился на запад к станции Обнинская. Это уже была родина. Сюда Жуков ходил пешком из Стрелковки. Отсюда шли поезда в Москву. Сюда же он приезжал из Москвы, сходил с поезда и шёл домой, буквально летел, как на крыльях, тащил тяжёлый чемодан с городскими подарками...

Деревни в округе были сожжены. Местные жители ютились в наспех отрытых землянках. Еду готовили в чудом уцелевших печах прямо на улице. Смотреть на страдания земляков было больно.

Река Протва протекала недалеко от штаба. Иногда он спускался к ней, чтобы подышать влажным воздухом родины.

Начальник охраны старший лейтенант Бедов всегда в таких случаях находился рядом. Но Жуков делал молчаливый жест, чтобы тот оставил его одного. И Бедов садился поодаль с подветренной стороны, расстёгивал, на всякий случай, кобуру и закуривал.

Глава двадцать восьмая

Второе окружение под Вязьмой

«Шапка была набекрень у всех тогда...»

Контрнаступление под Москвой развивалось успешно. Тогда многим в Ставке и Генштабе казалось, что теперь сорванные с позиций немецкие дивизии и корпуса, танковые армии, потерявшие большое количество бронетехники, будут отступать до границы и дальше, что война с Германией может быть победоносно завершена, возможно, уже к лету.

Эти настроения порой охватывали и штаб Жукова. Но то, что реально происходило перед наступающими армиями Западного фронта, заставляло осторожнее оценивать свои возможности перед лицом по-прежнему сильного противника. Если бы Ставка усилила фронт хотя бы двумя общевойсковыми армиями, пополнила маршевыми ротами и батальонами поредевшие дивизии дерущихся армий, фронт смог бы в самое ближайшее время выйти на линию Витебск — Смоленск — Брянск.

Но Верховный и Ставка, не пополняя части фронта и никак не усиливая их огневыми средствами, требовали: вперёд! вперёд! пока, мол, враг не опомнился.

Враг пребывал в замешательстве недолго. Немецкие генералы убедили Гитлера: отвод войск на новый оборонительный рубеж неизбежен на любой войне. Гитлер определил рубеж, дальше которого отступать запретил, а пока — «удерживать фронт до последнего солдата».

Когда читаешь боевые донесения армий Западного фронта периода московского контрнаступления, приходишь к выводу, что немецкие войска приказ Гитлера выполнили в точности. Отходили медленно, в основном выводя из зоны боёв тяжёлую технику и транспорт. На дорогах оставляли заслоны, которые, контролируя основные направления, эффективно сдерживали продвижение наших наступающих колонн. Так было на фронте 50-й армии, 49, 43, 33, 5-й и др. Попытки окружить противника путём узких глубоких прорывов конно-механизированных соединений с последующим охватом сколько-нибудь существенного успеха не имели. Противник контратаковал, расчищал от снега свои колонные пути и уходил на запад, эвакуируя и живую силу, и ценные грузы. Так было и южнее Тулы, и в районе Калуги, и в Верее, и под Мятлевым и Юхновом. Как заметил маршал Рокоссовский, наши войска в тот период, наступая по

всему фронту, выталкивали противника. На большее не хватало ни сил, ни умения, ни опыта.

В январе на Западный фронт прибыла делегация из дружественной Монголии. Возглавлял её давний друг Жукова по Халхин-Голу маршал МНР Чойбалсан. Войскам были переданы тёплые полушубки и меховые шапки, продовольствие. Жукову Чойбалсан вручил монгольский орден Боевого Красного Знамени. Жуков отдал маршала трофеем — немецким автоматом МП-38/40.

Пятого января 1942 года Жуков прибыл в Кремль на заседание Ставки. С фронта ехал на поезде, от станции Обнинская. В Ставке обсуждался план дальнейших военных действий.

На заседании Жуков предложил продолжить наступление. Но и Западному, и Брянскому, и Калининскому фронтам, действовавшим по существу в одном направлении, необходимы были «хотя бы четыре армии на усиление». Без этого, считали Жуков да и другие командующие фронтов, «дальнейшее продвижение на запад невозможно».

Планы Верховного были грандиозными и мало соприкасались с реальной обстановкой. На заседании Ставки Сталин предложил повести наступление сразу на трёх стратегических направлениях: Северо-Западном, Западном и Юго-Западном. Цель: нанести поражение основным группировкам противника, истощить их резервы до наступления весны, когда фронты получат новые армии и усиление, которые позволят разгромить германские войска в 1942 году. При этом основной удар предполагалось нанести в полосе Западного фронта с целью уничтожения группы армий «Центр».

Жуков предложил все усилия сконцентрировать на Западном направлении и, пока противник не успел закрепиться на новых рубежах основательно, пополнить войска личным составом, оружием, боевой техникой, в первую очередь танками и реактивными установками залпового огня. Создать сильные резервы. Особое внимание уделить артиллерии. «Без наличия мощных артиллерийских средств, — подытожил он, — наши войска не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери».

Когда Жуков сказал о бесперспективности наступательных действий на других направлениях, ему резко возразили Ворошилов и Маленков. Началась дискуссия. Жукова неожиданно поддержал заместитель председателя СНК СССР Вознесенский. Как член ГКО он отвечал за производство вооружения и боеприпасов. Вознесенский сказал, что «в настоящее время мы ещё не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление

всех фронтов».

Впрочем, как вскоре узнал Жуков, его столкновение с Ворошиловым и Маленковым было более чем бессмысленным — директива на начало наступления уже распечатывалась и готовилась к отправке в штабы почти всех фронтов.

Свой пакет Жуков получил 7 января поздно вечером. Задача фронта — совместно с войсками Калининского фронта окружить и уничтожить ржевско-вяземскую группировку противника. Конев должен был ударить на Ржев и Вязьму. Ему же предстояло атаковать в направлении Юхнова и Вязьмы.

Десятого января 1942 года пошли вперёд. А 19 января поступил приказ: вывести из боя 1-ю ударную армию и передать её в управление Северо-Западного фронта.

Возмущённый Жуков позвонил Верховному, хотя ответ знал наперёд — Сталин никогда не отменял свои решения.

В эти же дни новый командующий группой армий «Центр» фон Клюге опасно контратаковал силами жиздринской группировки на Сухиничи. Группировка прикрывала Брянск и состояла из моторизованного корпуса, усиленного пехотными дивизиями, только что прибывшими из Франции и Бельгии. Противник ударил во фланг 10-й армии и потеснил её. Ставка приказала срочно перебросить в район Сухиничей 16-ю армию Рокоссовского.

На правом крыле и в центре вначале всё шло хотя и напряжённо, но так, как было задумано. 33-я армия генерала Ефремова^[136] освободила Верею. 5-я армия ворвалась в Можайск.

43-я армия взяла Медынь. 49-я овладела Кондровом и продвигалась к Юхнову.

В самый разгар боёв разведка доложила: на стыке 43-й и 33-й армий в результате поспешного отступления противника образовалась брешь шириной около 40 километров. В неё и погнал Жуков группировку, спешно сформированную из самых боеспособных дивизий 33-й армии. В спешке наделали много ошибок. «Расчёт с просчётом на войне по соседним тропинкам ходят...» Три дивизии во главе с командармом Ефремовым ушли в разрыв между немецкими группировками с задачей захватить важнейший коммуникационный узел группы армий «Центр» Вязьму.

Одновременно к Вязьме таким же узким прорывом с севера шёл 11-й кавкорпус Калининского фронта. В полосе действия 50-й армии через Варшавское шоссе в том же направлении и с той же задачей — на Вязьму! — прорвался 1-й гвардейский кавкорпус генерала Белова. В районе

Знаменки и Желанья были десантированы части 8-й воздушно-десантной бригады. Жуков усиливал группировку всем, чем мог.

В случае успеха группа армий «Центр» оказалась бы расколота на две изолированные части, потеряла бы управление и устойчивость. Казалось, вот оно, желанное окружение, достигнутое в результате глубокого прорыва с последующим широким охватом целой группировки противника.

Вначале всё шло хорошо. И Ефремов с востока, и Белов с юго-востока продвигались к Вязьме по глубоким снегам, уничтожая по пути мелкие немецкие гарнизоны, и вскоре подошли к Вязьме. С севера давили части Калининского фронта. Конники 11-го кавкорпуса перехватили Минское шоссе. Авангарды Западной группировки 33-й армии оседлали шоссе Вязьма — Юхнов и железнодорожные перегоны.

Но дальнейшие действия войск, прорвавшихся к Вязьме, развития не получили. Причин было несколько.

Операция по штурму Вязьмы не имела общего плана и единого командования. И Западная группировка 33-й армии, и 1-й гвардейский кавкорпус, и конники Калининского фронта, и десантники действовали разрозненно, каждый на своём участке. Повторялась схема действий Западного фронта в предыдущие дни, когда каждая армия наступала на своём участке, когда силы и средства не массировались на отдельных направлениях с целью глубоких прорывов и последующих охватов.

В Вязьме в это время оказались полевые управления и 4-й, и 9-й армий группы армий «Центр». 4-й армией командовал генерал Хейнрици^[137], 9-й — Модель^[138]. В вермахте именно эти два генерала считались лучшими оборонительными тактиками Восточного фронта. К тому же на вяземский участок обороны к этому времени вышли из окружения несколько довольно крупных группировок, сумевших вывезти даже тяжёлую артиллерию и бронетехнику. В их числе верейская и мятлевская. Это неожиданное пополнение значительно уплотнило оборону Вязьмы, насытило её огневыми средствами. Прибывали также свежие части из Германии, Франции и даже Африки.

Вначале немцы отбили 11-й кавкорпус Калининского фронта и начали теснить 39-ю армию. Впоследствии 39-я, части 29-й армии и 11-го кавалерийского корпуса будут сдавлены в «котле».

В таком же положении вскоре оказались войска Западного фронта, прорвавшиеся к Вязьме. В начале февраля коридор в районе Износок, по которому осуществлялись подвоз и связь с Восточной группировкой 33-й армии, был перехвачен танками и мотопехотой боевой группы «Тома»,

действовавшей в этом районе.

Командир диверсионной группы особого назначения майор Жабо в те дни сообщал Жукову: «Доношу, что 29.01.1942 получил от Вас лично задачу. Батальон в составе 294 человека 2 февраля 1942 года выступил из штаба 33-й армии к линии фронта на выполнение поставленной задачи. В 2.00 3 февраля 1942 года батальон достиг деревни Пинашино, где было сообщено, что противник (в каком составе — неизвестно) занял деревни Воскресенское и Савино, перерезав коммуникацию 33-й армии к наступающим её соединениям. Учитывая важность данной дороги, отсутствие войск от деревни Износки до деревни Пинашино, я решил отклониться от поставленной задачи и в 3.00 3 февраля 1942 года вступил в бой с противником, имея целью:

1. Очистить дорогу от противника и дать возможность движения по ней транспорта 33 А;
2. Не дать возможности противнику напасть на штаб 33-й армии;
3. Уничтожение противника, т. к. имел сведения, что в данном районе он немногочислен.

Бой длился в течение 17 часов, т. е. до 20.00 3 февраля 1942 года. Общее руководство я принял на себя, т. к. в Пинашино, кроме моего батальона, находился батальон 1134 сп 338 сд, состоящий из 60 человек и миномётного взвода 120-мм миномётов. В 12.00 на мой КП прибыл генерал-майор В. А. Ревякин, который возглавил ведение данной операции до конца боя. К исходу дня пришлось по приказу генерал-майора Ревякина отойти из деревни Пинашино в деревню Белый Камень.

Как я впоследствии выяснил в разведотделе 33-й армии, против нас действовал 4-й полк СС, усиленный пятью танками и мощной авиацией, т. е. в один полёт действовало до 17 самолётов штурмовой и бомбардировочной авиации, действовавшей в течение целого дня. Кроме того, против нас действовали отдельные группы финнов силою 20–30 человек каждая. Результаты боя: противник на рубеже Воскресенское, Савино был остановлен на 17 часов. Подбит один танк».

Владимир Владиславович Жабо — личность легендарная. Ему было в то время 32 года. В РККА — с 1929 года. С октября 1941-го по февраль 1942 года командовал отрядом особого назначения, который действовал на оккупированной территории. В ноябре 1941 года он со сводным отрядом красноармейцев и партизан совершил налёт на штаб 12-го армейского корпуса 4-й полевой армии немцев в Угодском Заводе, на родине Жукова. Отряд в тот период напрямую подчинялся Жукову и выполнял лично его приказы. В феврале 1942 года отряд особого назначения был развёрнут в

полк. Впоследствии Жабо командовал 4-й воздушно-десантной бригадой, затем 3-й гвардейской мотострелковой дивизией, 49-й механизированной бригадой. Погибнет он 8 августа 1943 года в бою за деревню Дуброво Хотынецкого района Орловской области в ходе Курской битвы.

Из оперативного отдела штаба 20-й танковой дивизии вермахта в штаб 20-го армейского корпуса в те дни ушла телеграмма:

«1. За период с 23.1 по 1.2.42 г. 20-я танковая дивизия приняла на себя защиту южного фланга 4-й танковой армии, при этом в ожесточённом бою она расширила предмостное укрепление и занимает положение: Истра до линии Мал. Ивановское — Букари-Тулизово, и захватила населённый пункт Буканово.

2. 2.2–3.2.42 г. 20-я танковая дивизия атакой на юг установила связь 4-й танковой армии с 4-й армией и отрезала части противника, пробившиеся на запад. В ожесточённых боях, с большими потерями, против русской 9-й гвардейской дивизии противник был отброшен с позиции Малое Ивановское, Пинашино и Савино.

3. За период с 4.2 по 26.2 20-я танковая дивизия в районе по обе стороны и севернее Пинашино отбила большое количество атак противника, проводимых превосходящими силами соединений русских 33-й и 43-й армий, и одновременно расширила плацдарм к 4-й армии в тяжёлых местных боях до реки Угра по обе стороны Прудки. Несмотря на ожесточённые атаки при поддержке танков, русским не удалось восстановить потерянную связь со своими отрезанными дивизиями.

4. После того как 20-я танковая дивизия 26.2.42 г. на своём западном участке заняла исходные позиции для атаки на запад, она повернула на восток для ликвидации русского прорыва в районе Гречищенки. Здесь также в упорных боях ей удалось отбить численно превосходящие атаки противника и помешать ему вновь объединиться с прорвавшимися дивизиями.

За этот период времени было получено пополнение лишь 1151 человек, из них 8 офицеров. Противник за этот же период времени понёс значительно большие потери».

Таким образом, операция по отсечению Западной группировки 33-й армии и расширению фронта блокады немцам тоже обошлась дорого. Но наши потери были всё же несоизмеримо большими.

Немцы начали сжимать кольцо окружения.

Начальник штаба 33-й армии (Восточная группировка) генерал Кондратьев, к сожалению, со своими обязанностями не справлялся, к тому же постоянно пил и в пьяном состоянии зачастую отдавал нелепые

приказы, которые солдаты оплачивали своей кровью.

Снова, как и под Спас-Деменском в 1941 году во время немецкого прорыва, не смог управлять ситуацией комбриг Онуприенко, в то время заместитель командующего 33-й армией. Ефремов их оставил в Износках: Кондратьева — чтобы командовал Восточной группировкой армии; Онуприенко — чтобы обеспечивал коридор.

Летом 1942 года, когда шло разбирательство по поводу причин гибели Западной группировки 33-й армии, комбриг Онуприенко в личном письме генералу Жукову признавался: «По прибытии в штаб 33-й армии бывший член Военного совета М. Д. Шляхтин мне передал: “Командарм приказал Вам лично заняться ликвидацией Северной группировки противника”. Эта задача мною была выполнена силами 222-й и 110-й стрелковых дивизий. Считаю своей ошибкой, что по прибытии в штаб я лично не проверил, как надёжно прикрыт стык и коммуникации со стороны 43-й армии, а поверил докладу и сводкам, что 43-я армия в двух местах перерезала дорогу Гжатск — Юхнов.

Правда, к этому времени основную опасность составляла Северная группировка противника, т. к. там он был на удалении 3-х и даже 2,5 км от коммуникации. В дальнейшем, когда противник захватил Захарово и Пинашино, необходимы были мои самые решительные и немедленные меры по его ликвидации.

Перед Вами и страной я в большом долгу за 33-ю армию; я этого никогда не забываю...»

В марте 1942 года положение окружённых стало невыносимым. Съели почти всех лошадей, варили ремни и гужи. Раненым и больным заваривали сосновую хвою. Катастрофически не хватало боеприпасов, медикаментов, перевязочных материалов. Когда закончилось горючее, были приведены в негодность и брошены все грузовики, танки вкопаны в землю. «Котёл» постоянно сжимался, и вскоре танки пришлось тоже бросить. Вдобавок ко всему в деревнях, где удерживала круговую оборону Западная группировка армии Ефремова, начался тиф.

Тем временем Жуков, всё ещё не теряя надежды выполнить приказ Ставки и взять Вязьму, буквально толкал в спину своих командармов вперёд. Потом, когда стало очевидным, что немцы укрепились основательно, задачу Болдину, Захаркину и Голубеву сузил до прорыва к окружённой Западной группировке 33-й армии и выводу её на восток. Но время было уже упущено.

Маршал впоследствии говорил, что напрасно Ефремов настоял на выходе к Юхнову по кратчайшему пути, что надо было выходить на юго-

запад, к Кирову, на позиции 10-й армии, что соответствующую директиву он направил Ефремову, но тот через голову штаба Западного фронта напрямую обратился к Сталину... Ефремов, чувствуя, что Жуков не владеет реальной обстановкой, сложившейся в окружённой группировке, и, возможно, не верит его докладам, действительно обратился напрямую в Ставку с просьбой разрешить выход. Но вот директиву Жукова на выход через Киров исследователям истории гибели 33-й армии обнаружить в архивах не удалось. Существовала ли она вообще? Или её для маршала сочинил в бессонные ночи солдат Крапилин?..

Бывший шифровальщик штаба Западной группировки 33-й армии лейтенант И. В. Якимов, переживший немецкий плен, вспоминал, как однажды после очередного нервного разговора с Жуковым генерал Ефремов в сердцах обронил: «Тебя бы сюда хотя бы на недельку...»

По свидетельству Александра Бучина, Жуков в те дни ходил мрачнее тучи, его всё раздражало, и иногда он срывался на тех, кто оказывался рядом. Такое с ним случалось редко. Гибель генерала Ефремова и Западной группировки 33-й армии останется для Жукова незаживающей раной. Хотя он всячески пытался гримировать её...

В какой-то момент в штабе фронта почувствовали, что соседи 33-й попросту не хотят лезть под Вязьму, имитируют атаки и сразу же откатываются на исходные позиции.

К концу марта положение в «котле» стало катастрофическим. Участились случаи самоубийств и перехода на сторону противника. Жуков начал предпринимать более энергичные меры для оказания помощи окружённым. В ночь на 2 апреля фронтовая авиация доставила на полевой аэродром 33-й армии довольно много грузов. Назад «дугласы» вывозили тяжелораненых. В те же дни Жуков телеграфировал генералу Голубеву: «Приказ тов. Сталина об очистке тылов Ефремова к 27.03.1942 года Вами не выполнен в срок, установленный к 30.03.1942 года. Сегодня 02.04, а у Вас абсолютно нет никаких успехов. Видимо, вместо энергичного и добросовестного выполнения приказа в армии крепко укоренилась система лживых заверений и невыполнений поставленных задач. Военный совет армии и командиры всех степеней в армии обязаны точно и беспрекословно выполнять поставленные задачи в назначенные сроки. Если это у Вас не делается, то это только свидетельствует об отсутствии элементарных основ дисциплины и полной потере чувства ответственности. Более какой-либо другой армии, фронт Вам оказывает помощь пополнением и боеприпасами, но Вы вместо разумного и бережного отношения к людям, боеприпасам подходите к этому исключительно легкомысленно и расточительно: для 5

гв. сд было дано 3500 человек пополнения. Вы умудрились за шесть дней боя потерять 2370 человек, не добившись никакого результата.

За невыполнение поставленной приказом тов. Сталина задачи объявляю Вам выговор и предупреждаю, что, если в течение ближайших трёх дней задача не будет выполнена, я поставлю перед тов. Сталиным вопрос об отстранении Вас от командования армией».

Третьего апреля 1942 года в окружённую группировку немцы сбросили ультиматум о капитуляции:

«Главнокомандующему 33-й армией генерал-лейтенанту Ефремову и командирам 113,160 и 338-й стрелковых дивизий.

Германский солдат и германское руководство питают уважение к мужеству окружённой 33-й Красной армии и подчинённым ей 113, 160 и 338-й стрелковым дивизиям.

Эта армия храбро сражается. Она была окружена с начала февраля благодаря тому, что Советское правительство не сумело оценить значение германской военной мощи. Все попытки вашей армии прорвать образовавшееся вокруг неё кольцо оказались безрезультатными. Они только вызвали огромные жертвы. Также и в будущем этим трём храбрым дивизиям не удастся прорвать германские линии. Эта армия ждёт своего избавления от 43-й армии и остатков 33-й армии, которые, придя с востока, должны прорвать немецкие линии у реки Угры и Вори.

Попытки к этому уже потерпели неудачу и принесли много лишних жертв.

Так и в будущем они потерпят неудачу. Три дивизии и один полк 9-й гвардейской дивизии окружены с начала февраля.

Скудное питание для себя эти дивизии могли брать только из деревни.

Германскому командованию известно, что в рядах вашей армии свирепствует голодный тиф, число заболевших тифом уже велико и оно увеличивается с каждым днём. Кроме того, и раненые имеют за собой плохой уход. Этим самым боевая сила армии с каждым днём слабеет.

329-я стрелковая дивизия, ранее принадлежавшая к 33-й армии, была окружена южнее Вязьмы и затем уничтожена.

Командир её, полковник Андрусенко, отклонил почётную капитуляцию. В благодарность за это руководство Красной армии отдало его под суд Военного трибунала.

Наверное, этот храбрый солдат, который до последней возможности боролся за безнадёжное дело, уже расстрелян.

Командиры Красной 33-й армии, это также будет и вашей участью,

потому что полное уничтожение истощённых и больных дивизий есть только вопрос времени.

Германский солдат считает недостойным солдата делом бороться с безоружным противником.

Генерал Ефремов!

Командиры!

Подумайте о своей судьбе. Опасная заразная болезнь свирепствует в армии. Голод опустошает ряды солдат изнутри. Эта ваша армия идёт навстречу своему уничтожению. Ничто, никакие ваши усилия не смогут предотвратить вас от неизбежной гибели.

В благодарность за вашу храбрость вам будет устроен Военный трибунал. Германское Верховное командование армии, которая держит вас в окружении, предлагает вам сдаться.

Жизнь всех командиров и красноармейцев будет гарантирована.

Германский солдат не убивает пленных. Это ложь.

Раненые и больные получают немедленную помощь.

До 18-ти часов 3-го апреля 1942 года мы будем ждать ваших посредников для переговоров.

Они должны идти по дороге от Горбы к Красной Татарке или к Лосьмино. Идти только днём, махая белым флагом».

Командарм немедленно шифром переслал его в штаб Западного фронта.

«1. Германское командование сбросило к нам письмо на моё имя с предложением о капитуляции войск со сроком переговоров 3.04.42 г.

2. Прошу крепче продолбить район с врагом: Лосьмино, Кр. Татарка, Стар. Греково, Кошелево, Ломовка, Ежевицы, Бесово, Мелихово».

В архиве сохранился этот документ с резолюцией Жукова:

«Тов. Худяков, 3.04.42 года.

3.04.42 года всю авиацию бросить на указанные пункты.

3.04.42 года на Болдина не работать».

49-я армия генерала Захаркина тем временем наступала вдоль Вяземского шоссе на Климов Завод и Слободку — расчищался коридор к группировке генерала Ефремова. Жукова раздражала медлительность Захаркина.

Из переговоров Жукова и Захаркина по прямому проводу 7 марта 1941 года:

«Жуков: Здравствуйте, доложите, как вы выполняете приказ Военного совета.

Захаркин: Здравствуйте. Докладываю. В течение вчерашней ночи и дня сегодня на всём фронте армии вёлся напряжённый бой. Противник, упорно обороняясь на реках Угра и Ресса, на отдельных участках переходил в контратаки. Особенно упорно обороняется противником и применяются контратаки на реке Ресса; на Вяземском большаке в течение дня против 133-й и 238-й дивизий предпринимал четыре контратаки. К данному времени части армии занимают следующее положение.

Жуков: Где у вас танки? Почему медленно продвигаетесь с армией, не выполняете приказ, кто за это наказан?

Захаркин: Танки ещё не прибыли.

Жуков: Где шесть танков, которые я вам послал? А у вас что, нет огня? Вам дано включительно до тяжёлой артиллерии.

Захаркин: Артиллерия применяется очень широко, включительно до тяжёлой, и противнику наносятся большие потери, но всё же у противника силы огневые большие, что задерживает и замедляет наше наступление. Кроме того, дивизии имеют весьма малочисленный состав. Вчера прибыло пополнение, которое сегодня вводится уже в строй.

Жуков: Напрасно вы думаете, что успехи достигаются человеческим мясом, успехи достигаются искусством ведения боя, воюют умением, а не жизнями людей. Вы даёте противнику всё время возможности останавливаться и готовиться к бою, а затем, когда противник организуется, вы начинаете наступать, а отсюда все качества ваших действий. Приказ Военного совета о немедленном выдвигении за реку Угра и занятии в течение 7 марта Климова Завода вы не выполнили. Я вынужден вас строжайше предупредить о том, что мы не можем терпеть таких дел, которые творятся, тем более не выполняются приказы. У меня создаётся впечатление, что до вас не дошло моё требование, если вы не уяснили до сих пор того, что нужно разбить противника во что бы то ни стало; неплохо было бы в этом случае вам лично доложить Военному совету. К сожалению, мы не можем оторваться, может быть, вы сможете приехать поговорить подробно или обойдёмся без разговоров, как ваше мнение?

Захаркин: Я просил бы сроку ещё два дня. Я полагаю и надеюсь, что удар двумя правофланговыми дивизиями даст мне возможность разбить сопротивляющуюся группу противника в районе Марьино. Кроме того, и на правом фланге есть надежда овладеть Русиново и Павлово, что позволит мне выйти на Вяземский большак. Докладываю, что дивизии ведут весьма напряжённый бой и действуют весьма энергично, но противник ещё крепко держится, главным образом применяя большое минирование и огонь миномётных батарей, и на этом рубеже дивизиям приходится наступать

целиной, по глубокому снегу, лесистой местности и тащить на руках артиллерию. Большие потери несём от минированных полей. На дорогах и вне дорог разбросаны сотни мин. Так, например, от Пречистого до Емельяновки, то есть на расстоянии двух километров, на этой дороге изъято 360 мин. Вот это замедляет темп нашего наступления. Хотелось бы тоже прибыть к вам и доложить лично, но сейчас прошу отсрочки, чтобы провести намеченные мной мероприятия на левом фланге, а также на правофланговой группе. Вопросов у меня много, чтобы доложить вам и получить ваши указания.

Жуков: Нажимайте быстрее вперёд, завтра во что бы то ни стало выйти на дорогу Юхнов — Вязьма».

А вот запись переговоров Жукова с командармом 49-й от 13 марта 1942 года:

«Жуков: Здравствуйте! Что же вы свои слова плохо держите. Обещали за два дня ликвидировать противника, а прошло четыре дня, вы ничего не делаете. Чем всё-таки это объясняется?

Захаркин: Здравствуйте! Докладываю: основное — уже не удастся применить танки, которые я имею к данному времени — 9 штук. Чрезвычайно трудно устроить переправу для танков незаметно для противника. На 11–12.3 всё как будто было подготовлено, однако противник обнаружил строительство переправы и в течение ночи начал обстрел, задерживая работу сапёров. А сегодня днём артиллерией противника переправа была разрушена. <...>. Считаю необходимым продолжать наступление на участке Бельдягино, перехватить Вяземское шоссе и с получением пополнения, пополнив 5-ю гвардейскую дивизию, продолжать развивать наступление с целью ликвидации противника в районе Крутое, Рыляки, Марьино. Всё.

Жуков: Я вас понял так, что вы настолько малочисленны, что можете развивать наступление, только пополнившись, а сейчас до переправы танков и укомплектования частей вы на наступление не способны и успеха не ожидаете. Так ли я вас понял?

Захаркин: Сейчас я имею более полнокровной 238-ю дивизию (до 700 штыков) и 34-ю бригаду (до 200 штыков), которыми я сумею овладеть...

Жуков: Как вы считаете штыки: по моему приказу или как вам нравится?

Захаркин: Отдельно от боевого состава».

Бедный Захаркин, стараясь предупредить гнев командующего войсками фронта, начал доклад с основного — с танков. Но Жуков на этот

раз вцепился в штыки. Причина, конечно, была в медленном продвижении 49-й армии к Климову Заводу. Не могли уже измотанные дивизии и бригады, от которых остались одни только названия да по несколько взводов бойцов, успешно атаковать. А Жуков, видимо, всё-таки надеялся проломиться своими армиями к Вязьме. В дело уже ввязались по уши, отступать и выводить части из боя было слишком поздно.

«Жуков: Не понимаю, по моему приказу в штыки входят все красноармейцы, вооружённые винтовкой, автоматчики, пулемётчики, разведчики, а вы как считаете?»

Захаркин: Как указывалось в вашем приказе. Штыками я считаю пехотинцев, разведчиков, кроме миномётчиков, пулемётчиков, артиллеристов, вооружённых винтовками. Автоматчики тоже штыки.

Жуков: Считаете, что у вас в 5-й дивизии автоматчиков, пехотинцев, разведчиков, ручных пулемётчиков — всего 80 человек? Так ли?

Захаркин: В 5-й гвардейской дивизии такое количество осталось.

Жуков: По вашему донесению на 10 марта в 5-й гвардейской дивизии было 7998 человек, с 10 марта 5-я дивизия почти боев не вела. Спрашивается, куда она растеряла 8 тысяч людей?

Захаркин: Эта цифра общая, включая сюда артиллеристов, связистов и другие спецчасти, включая обозы. На 10 марта дивизия имела не более 450 штыков.

Жуков: Это всё ясно. Я знаю, сколько кого положено по штату, и при 8 тысячах должно быть минимум полторы тысячи штыков. По-видимому, не совсем хорошо знаете штаты, а потом гадаете. Где люди? Доложите. По вашему донесению штыков было в дивизии не 450, а 1330 штыков, доложите: где люди?

Захаркин: Докладываю, что штыков в стрелковых полках осталось в дивизии не более 80, не считая штыков танковых, пулемётчиков, артиллеристов, миномётчиков и ручных пулемётчиков. Всё.

Жуков: Вы запутались, слушая на веру несерьёзных людей. Танки вы могли за это время переправить два раза. Наличие артиллерийского огня не есть основание для военного человека. Танки переправить немедленно, несмотря на наличие артиллерийского огня; в момент переправы артиллерию противника бомбить самолётами и взять под огонь своей артиллерии. Учёт дивизии по штыкам, только по штыкам, неправилен. За время войны штыковых ран почти не видим, а вы всё надеетесь на штык. Мы же воюем не с кремневым оружием. Сейчас решающую роль играет артиллерия, миномёты, пулемёты, танки, авиация. Поэтому как-то странно звучит скорбь о штыке. 5-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которую вы

считаете как потерявшую боеспособность, отвести в мой резерв в район Едрыши, Семёновское, где она будет приводиться в порядок и укомплектовываться. Какая у вас ещё имеется дивизия на левом фланге слабая, по вашему мнению?

Захаркин: Докладываю: 5-я гвардейская дивизия не потеряла боеспособности, а её нужно пополнить хотя бы двумя маршевыми ротами пехоты, и она будет действовать по-прежнему хорошо. Менее боеспособная — это 340-я дивизия, которая действительно нуждается в укомплектовании, которую и разрешите отправить в ваш резерв. Всё.

Жуков: Хорошо. Возьмём и 340-ю сд. Распоряжение о ней последует особо. Подумаем, кому передать её участок обороны, а за 80 штыков, которые вы оставили в 5-й дивизии, командира дивизии и вас надо судить, потому что истребляете кадры. 194-й дивизией, 238-й дивизией, 34-й бригадой, танковым батальоном в течение завтрашнего дня овладеть районом Грачёвка, Латыши, Русиново. Если успеха не будет, всю эту группу придётся поднимать выше, примерно в район Шеломцы, где её организовать в более мощную группу для удара. Вы докладывали вначале, что вы сломали оборону восточнее Грачёвки, но это пока, видимо, только для красного словца, так как после взлома обороны обычно следует развитие успеха, а у вас его нет. У меня всё. Какие у вас будут вопросы ко мне?»

Среди военных историков идёт спор о роли Жукова в гибели Ефремова. Одни считают, что Жуков недолюбливал Ефремова и, когда выпал случай, погубил его в окружении. Другие историки эту ересь смягчают до упрёка: Жуков недостаточно сделал для того, чтобы выручить Западную группировку 33-й армии и спасти её командующего. Вышеприведённые документы и факты свидетельствуют об обратном.

Другое дело, что Жуков в ходе боёв зимой-весной 1942 года почувствовал, что исполнительская дисциплина в штабах, особенно армейских, упала. Летний приказ 1941 года со временем потерял остроту, и воздействовать им на подчинённых было уже трудно. По всей вероятности, об этом он докладывал в те дни Верховному, пытаясь объяснить отсутствие успехов в том числе и общим падением исполнительской дисциплины штабов. Жестокие приказы уже не действовали.

В окружённой группировке 33-й армии в это время ждали разрешения на выход. Немцы же почувствовали, что Ефремов с остатками своих войск у них в кулаке, и усилили нажим.

Существует версия: командование группы армий «Центр» под

влиянием сторонников «нового порядка» из числа русских, в том числе и вернувшихся на родину эмигрантов, решило пополнять свои поредевшие дивизии и полки за счёт «наших Иванов» — русских, украинцев, белорусов, эстонцев, латышей и прочих, кто соглашался служить германской армии в её походе против большевиков; для этого нужен был генерал, желательно, выходец из низов, из той же социальной среды, к которой принадлежала основная масса солдат. Идеальный вариант — генерал вместе с полевым управлением. Исследователи утверждают, что абвер засылал своих агентов к генералу Белову и что с ним якобы даже велись переговоры, но Белов ответил резким отказом и приказал своей контрразведке тщательно зачистить расположение на предмет выявления шпионов. Возможно, подобные предложения получал и генерал Ефремов. Не случайно последние часы жизни и сама смерть командарма 33-й до сих пор покрыты тайной.

Почти за месяц до этого Ефремов, видя бесперспективность усилий 43-й армии по деблокаде его группировки, обратился в Москву к начальнику Главного политуправления Л. З. Мехлису. Вскоре получил от члена Военного совета Западного фронта Хохлова шифрограмму следующего содержания: «Вы жалуетесь в Москву на Голубева, на то, что он якобы плохо дерётся и до сих пор не открыл Вам коммуникации, просите Мехлиса воздействовать на Голубева. Первое: оценку Голубеву и 43-й армии может дать только Военный совет фронта, главком и Ставка, а не сосед. Второе: 43-я армия действовала и действует лучше 33-й армии, что касается Голубева, мы также его ценим очень высоко. Следствие показывает: не Голубев виноват в том, что противник вышел на тылы 33-й армии, а Военный совет и штаб 33-й армии, оставивший только 90 человек без артиллерии и миномётов на прикрытие своих тыловых путей, которые при появлении противника разбежались...

К сожалению, Вяземская группа 33-й армии до сих пор ни на один шаг не сдвинулась и это осложняет обстановку для Голубева на правом фланге.

Голубеву направлена категорическая задача в ближайшие 1–2 дня с Вами соединиться. Это, видимо, 43-й будет сделано, если только Вы не будете врагу сдавать своих тыловых путей. Боеприпасов по мере возможности Вам будем подбрасывать. Пошлите своих людей к Жабо и согласуйте с ним свои действия».

Ефремов ответил штабу Западного фронта примерно в том же духе: «Ни на кого я не жалуюсь, а по-большевистски сказал, что есть, и не кому-нибудь, а тов. Мехлису, что очень хочу скорейшей очистки коммуникаций 33-й армии.

Находясь под Вязмой по Вашему приказу, я тыл никак не мог прикрыть, что Вы прекрасно понимаете — состав дивизий Вам был до выхода под Вязму известен, как и растяжка коммуникаций 33-й армии.

Поймите, мы каждые сутки ведём бой вот уже полтора месяца почти без боеприпасов и уничтожили несколько тысяч немцев. Сами имеем три тысячи раненых. Воюем.

Не могу понять одного, как можно месяцами стоять перед какой-либо деревней, и терпеть не могу, когда свою вину сваливают на других. Эта система приносит огромный вред...

В последний раз Вам, как Военному совету, докладываю: положение дивизий армии тяжёлое, я сделал и делаю всё, чтобы врага бить и не допустить разгрома нас врагом.

Спешите дать боеприпасы, нет у нас боеприпасов».

Жуков на это отреагировал немедленно: «Вам не дано право вступать в полемику с Военным советом фронта и наводить критику на командарма-43». Ответ выдаёт крайнюю степень раздражения. В нём ни слова по существу. Ни о боеприпасах, ни о помощи раненым. Такую шифrogramму в окружённую группировку целесообразнее было бы не посылать вовсе.

Наступала весна. Вскрывались реки. Это тоже сильно затрудняло запоздалый выход окружённой группировки. Стали непригодными для посадки самолётов полевые аэродромы. Какое-то время транспорты ещё могли садиться и взлетать в ночное время, когда морозы подтягивали почву. Но потом и это стало невозможным. Когда прилетел последний борт, лётчик передал генералу Ефремову записку от Жукова. Некоторые исследователи говорят, что записка была от Сталина. В ней был приказ Ефремову вылететь последним бортом на Большую землю. Приказ этот генерал не выполнил. Сказал: «С солдатами сюда пришёл, с солдатами и уйду».

Возможно, лётчик передал эти слова Жукову и они взвинтили комфронта ещё сильнее. Но это уже домыслы.

В начале апреля Ефремов повёл свою группировку на прорыв. Немцы встретили колонны 33-й армии огнём и танковыми ударами. Колонны сразу же распались. Ефремов утратил связь с командирами дивизий и полков. Начался хаос. Из 11 500 человек на позиции 49-й, 43-й и Восточной группировки 33-й армии вышло всего 889 человек. Некоторые группы и одиночки ушли в леса и воевали потом в составе партизанских отрядов. Некоторые растворились в деревнях. Большинство погибли или попали в плен. Когда генерал Ефремов, к тому времени уже дважды раненый и

потерявший способность передвигаться, понял, что может попасть в плен, он застрелился.

Просчёт штаба Западного фронта, возможно, был в том, что армиям Болдина, Захаркина и Голубева ставились индивидуальные, автономные задачи, что не было сформировано единой ударной группы, которая могла бы более мощно и эффективно действовать на одном направлении, пробить коридор к 33-й армии и вывести её личный состав и обозы с тысячами раненых.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Развивая наступление из района Наро-Фоминска в общем направлении на Вязьму, 33-я армия в последний день января быстро вышла в район Шанского Завода и Доманова, где оказалась широкая, ничем не заполненная брешь в обороне противника. Отсутствие сплошного фронта дало нам основание считать, что у немцев нет на этом направлении достаточных сил, чтобы надёжно оборонять город. Поэтому и было принято решение: пока противник не подтянул сюда резервы, захватить с ходу Вязьму, с падением которой вся вяземская группировка противника окажется в исключительно тяжёлом положении.

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов решил сам встать во главе ударной группы армии и начал стремительно продвигаться на Вязьму.

3—4 февраля, когда главные силы этой группировки в составе трёх дивизий вышли на подступы к Вязьме, противник, ударив под основание прорыва, отсек группу и восстановил свою оборону по реке Угре. Второй эшелон армии в это время задержался в районе Шанского Завода, а левый её сосед — 43-я армия — в районе Медыни. Задачу, полученную от командования фронта об оказании помощи группе генерала М. Г. Ефремова, 43-я армия своевременно выполнить не смогла.

Введённый в сражение на вяземском направлении кавалерийский корпус П. А. Белова, выйдя в район Вязьмы и соединившись там с войсками М. Г. Ефремова, сам лишился тыловых путей.

К тому времени немецкое командование перебросило из Франции и с других фронтов в район Вязьмы крупные резервы и сумело стабилизировать там свою оборону, прорвать которую мы так и не смогли.

В результате пришлось всю эту группировку наших войск оставить в тылу противника в лесном районе к юго-западу от Вязьмы, где базировались многочисленные отряды партизан.

Находясь в тылу противника, корпус П. А. Белова, группа М. Г. Ефремова и воздушно-десантные части вместе с партизанами в течение двух месяцев наносили врагу чувствительные удары, истребляя его живую

силу и технику.

10 февраля 8-я воздушно-десантная бригада и отряды партизан заняли район Моршаново — Дягилево, где разгромили штаб 5-й немецкой танковой дивизии, захватив при этом многочисленные трофеи. В тот же день мы поставили об этом в известность генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова. Им было приказано увязать свои действия с командиром этой бригады, штаб которой находился в Дягилеве.

Командование фронта, установив с П. А. Беловым и М. Г. Ефремовым радиосвязь, в пределах возможного наладило снабжение их войск по воздуху боеприпасами, медикаментами и продовольствием. Воздушным путём было вывезено большое количество раненых. В группу неоднократно вылетал начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-майор В. С. Голушкевич, а также офицеры связи.

В начале апреля обстановка в районе Вязьмы серьёзно осложнилась. Противник, сосредоточив крупные силы, начал теснить группу, стремясь к весне ликвидировать эту опасную для него “занозу”. Наступившая в конце апреля оттепель до крайности сократила возможность манёвра и связь группы с партизанскими районами, откуда она также получала продовольствие и фураж.

По просьбе генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова командование фронта разрешило им выводить войска на соединение с нашими главными силами. При этом было строго указано выходить из района Вязьмы через партизанские районы, лесами, в общем направлении на Киров, где 10-й армией будет подготовлен прорыв обороны противника, так как там она была слабее.

Кавалерийский корпус генерала П. А. Белова и воздушно-десантные части в точности выполнили приказ и, совершив большой подковообразный путь, вышли на участок 10-й армии 18 июля 1942 года. Умело обходя крупные группировки противника и уничтожая на своём пути мелкие, большинство частей вышло через прорыв, образованный 10-й армией, в расположение фронта. За время действия в тылу врага была утрачена значительная часть тяжёлых орудий и боевой техники. Большинство частей всё же вышло к своим войскам. Какой радостной была встреча для тех, кто вырвался из тыла врага, и тех, кто с фронта обеспечивал их выход! Бойцы и командиры не стыдились своих слёз: это были слёзы радости и самой крепкой в жизни солдатской дружбы.

Однако выйти удалось, к сожалению, не всем. Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, считая, что путь на Киров слишком длинен для его утомлённой группы, обратился по радио непосредственно в Генштаб с просьбой

разрешить ему прорваться по кратчайшему пути — через реку Угру.

Мне тут же позвонил И. В. Сталин и спросил, согласен ли я с предложением Ефремова. Я ответил категорическим отказом. Но Верховный сказал, что Ефремов опытный командарм и что надо согласиться с ним. И. В. Сталин приказал организовать встречный удар силами фронта. Такой удар был подготовлен и осуществлён 43-й армией, однако действий со стороны группы генерала М. Г. Ефремова не последовало.

Как выяснилось позже, немцы обнаружили отряд при движении к реке Угре и разбили его. Командарм М. Г. Ефремов, дравшийся как настоящий герой, был тяжело ранен и, не желая попасть в руки врага, застрелился. Так закончилась жизнь талантливого и храбрейшего военачальника, вместе с которым погибла и значительная часть героических воинов его группы.

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов вступил в командование 33-й армией 25 октября 1941 года, когда немцы рвались к Москве. В битве за Москву войска армии под его командованием дрались мужественно и не пропустили через свои оборонительные рубежи противника. За боевую доблесть в битве под Москвой генерал М. Г. Ефремов был награждён орденом Красного Знамени.

Вместе с М. Г. Ефремовым погиб командующий артиллерией армии генерал-майор П. Н. Афросимов, способнейший артиллерист, большой души человек, и ряд других командиров и политработников, отличившихся в боях за Москву.

Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. «Орешек» там оказался более крепким, чем мы предполагали».

В этом отрывке воспоминаний маршала много неточностей. К примеру, недавно опубликован приказ Жукова о том, чтобы Ефремов сам возглавил Западную группировку, атаковую на Вязьму. Этот приказ последовал вслед за донесением командарма 33-й о том, что он занимается обеспечением коридора, чтобы обезопасить тылы группировки, втянувшейся глубоко на запад по узкому разрыву.

М. П. Сафир, в то время полковник, командующий бронетанковыми войсками 33-й армии, писал, что отношение Жукова к Ефремову «было негативным», что воспоминания Жукова, «касающиеся М. Г. Ефремова и прорыва 33-й армии к Вязьме, носят предвзятый и необъективный характер, порой просто искажают действительность».

После войны маршала частенько беспокоили вопросами о трагедии 33-

й армии.

Журнал «Коммунист» (№ 14) в 1988 году опубликовал ранее состоявшуюся беседу членов редколлегии «Военно-исторического журнала» и военных историков, авторов этого журнала, с маршалом. Кто-то попросил: «Расскажите о затухающих операциях Ефремова и Белова». И вот что ответил Жуков: «Там, собственно говоря, и операции никакой не было. Прорвались, Ефремова отсекли, Белова отсекли. Они остались в тылу... у Белова и Ефремова не было как такового затухания, потому что не было операции. Она началась против Вязьмы и прекратилась, Белов сам по себе вышел без тяжёлых средств артиллерийских, без танков; Ефремов — у него немного больше было — тоже потерял много боеприпасов. Они перешли, собственно говоря, на положение партизанских отрядов. Так что о затухании операции здесь не может быть и речи, они просто не имели возможности вести таковую.

Полоса действий войск фронта зимой 1942 года простиралась на 600 километров, и, конечно, очень трудно было уследить за вопросами тактического порядка... Ефремов с частью сил армии прошёл в свободную “дырку” Сзади у него остались главные силы армии. Я не мог уследить, что он для обеспечения флангов на Угре оставил, а он, к вашему сведению, оставил отряд в составе девяноста человек — без танков, без пушек, с легкими средствами. Разделяю ли я ответственность за Ефремова? Ну, конечно, я за все войска отвечаю, но не за такие действия, которые я не организую. Вопрос обеспечения — это вопрос не командующего фронтом, и я не считал нужным смотреть, что справа и слева. Что должен был сделать Ефремов? Он должен был за счёт главных сил армии, которые задержались у Шанского Завода, пару дивизий посадить, как распорки, для того, чтобы у него тыл был бы обеспечен. Он этого не сделал. Ну, шапка была набекрень у всех тогда — и я недооценил состояние вяземской группировки противника. Я, по-моему, там пишу о наших ошибках, что “орешек” оказался более твёрдым. Ну а большую взять на себя ответственность для того, чтобы показать здесь себя самокритичным, я думаю, надобности нет...»

Не в характере нашего героя было посыпать голову пеплом...

Глава двадцать девятая

1942-й

«Почему вы не учитесь и не учите командиров искусству тактики у врага?..»

В начале весны 1942 года на стол Верховного лёг очередной доклад Главного разведывательного управления: «Центр тяжести весеннего наступления будет перенесён на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы...

Для весеннего наступления Германия вместе с союзниками выставит до 65 новых дивизий...

Наиболее вероятный срок наступления — середина апреля или начало мая».

На Западном фронте продолжались активные действия, однако ничего существенного армии добиться не смогли. Лишь в начале марта 49-я выбила противника из Юхнова. Но юхновская группировка отошла западнее, за реки Рессу и Угру, и закрепилась там. В полосе 50-й армии противник осёдлывал Варшавское шоссе. При этом занял ряд артиллерийских высот в районе Зайцевой Горы и держал под своим контролем обширный район вокруг.

Жуков приказал генералу Болдину взять эти высоты — «внезапным ударом прорвать оборону противника на фронте Фомино 1-е, Каменка, овладеть Варшавским шоссе на участке Фомино 2-е, Кузёмки и, прочно обеспечивая фланги ударной группы, не позднее 27.3 ударом через Милятино соединиться с группой Белова, нанести главными силами удар в северо-восточном направлении вдоль Варшавского шоссе в тыл юхновской группировки противника^[139]. После её разгрома иметь в виду развивать стремительное наступление на фронт Дорогобуж, Ельня. Наступление армии с 24.3 будет поддержано ударной авиагруппой № 4. Для развития операции армия по ходу действий будет усилена четырьмя-пятью стрелковыми дивизиями и двумя танкбригадами из резерва Ставки».

Наступление провалилось.

Из переговоров Жукова и Болдина по прямому проводу 15 апреля 1942 года, когда судьба генерала Ефремова и его группировки была ещё неясна, а ударная группировка 50-й армии, взяв ключевую высоту, снова уступила её:

«Жуков: Сколько противника наступало на высоту 269,8 и сколько обороняло её? Где были ваши танки в это время, что делали артиллерия и миномёты?

Болдин: На высоте 269,8 вёл бой полк 298-й стрелковой дивизии. Противник, по докладу товарища Захарова^[140], из Фомино 2-е на высоту 269,8 наступал силой до двух батальонов пехоты и семи-восьми танков. Наши танки в это время находились на северной окраине Фомино 1-е. Наши артиллерия и миномёты вели огонь мало, ввиду ограниченного количества боеприпасов.

Жуков: Где же были 298-я и 290-я стрелковые дивизии, когда ваш полк сталкивали с высоты, или так же, как и танковая бригада, стояли, поджавши руки, и безучастно наблюдали? Непонятная тактика и больше чем странная. Отвечайте.

Болдин: 290-я стрелковая дивизия в это время вела бой в лесу юго-западнее отметки 223,3; 298-я стрелковая дивизия — один полк вёл бой на юго-востоке высоты 269,8, и второй полк вёл бой в районе отметки 223,3, то есть на юго-западных скатах высоты 269,8, и третий полк выдвигался во втором эшелоне в направлении высоты 269,8. По докладу командира 298-й стрелковой дивизии, полк, который занимал эту высоту, решением командира полка под сильным воздействием артиллерийско-миномётного огня был отведён на юго-западные скаты высоты 269,8.

Жуков: А вы? Вы где были?

Болдин: Я потребовал, когда узнал об этом, от командира дивизии и от товарища Захарова решительными действиями 198-й и 146-й стрелковых дивизий, 108-й и 11-й танковых бригад восстановить положение и продолжать выполнять задачу.

Жуков: Почему же у вас безнаказанно творятся такие преступления, и вы не привлекаете виновных к ответственности?

Болдин: Я приказал виновника оставления высоты 269,8 расстрелять.

Жуков: Когда приказали?

Болдин: Приказал тогда, когда мне стало известно о том факте. Приказ отдал товарищу Захарову.

Жуков: Пусть Захаров донесёт исполнение лично мне. А вас я лично очень внимательно инструктировал о тактике действий, о руководстве частями, о требовательности и быстроте расправы с паникёрами и не выполняющими боевых приказов. Видимо, не всё вами понято, так как я не вижу точного выполнения, в частности: из пятнадцати соединений, которые вы имеете, у вас на сегодняшний день и вчерашний день активно дрались только три дивизии, а десять действовали пассивно, оборонялись. Из

тринадцати стрелковых дерутся только пять, остальные стоят на месте. Танковые бригады сегодня бездействовали. Что же это за тактика, не понимаю.

Противник вас гонит с семью танками. Вы имеете сто танков, то есть в четырнадцать раз больше. Что же это за тактика такая? Вы, видимо, читали доклад командира 10-й мотодивизии, как он одним полком всё время отбивал наступление ваших семи дивизий. Такое поведение только дискредитирует Красную армию. Как же вы можете мириться с подобными фактами, дискредитирующими Красную армию? Вы всё время жаловались на отсутствие танков. Сейчас у вас в десятки раз их больше, чем у противника, но результаты всё те же: дискредитация Красной армии. Непонятно, почему вы узнаете об отходах тогда, когда это уже совершилось. Значит, вы не руководите боем. Не организовано у вас управление, нет у вас своих глаз на Передовых позициях, а это значит, армия действует без руля и ветрил. Я требую под вашу главную ответственность занятия: Зайцева Гора, Фомино 2-е, Тычѐк, Екатериновка, Вельская, Липовая Роща. Я требую заставить 116-ю и 385-ю стрелковые дивизии немедленно занять Малиновский и выйти в назначенные районы. Я требую для усиления удара завтра же ввести 58-ю стрелковую дивизию. Танковые бригады — 11-ю и 108-ю держать с пехотой на шоссе, 112-ю бросить на помощь левому флангу; к левому флангу подтягивать 69-ю. Устройство тыла немедленно перекантовать на Барятинскую, откуда и производить подачу войскам. В неподготовленности дорог виноваты только вы. Проблагодушествовали, а сейчас пожинаете свои плоды. Шесть тракторов, что мы могли найти и оторвать временно от других частей, вам послано, больше у меня помочь вам нечем. Устраивайте тыл на Барятинскую.

Прикажите 69-й, её правому крылу, приступить к энергичным, активным действиям, чтобы не дать противнику маневрировать своими резервами. Противник имеет четыре дивизии и ими маневрирует против ваших пятнадцати соединений так, как ему хочется. Он играет с вами как кошка с мышкой. Почему вы не учитесь и не учите командиров искусству тактики у врага? Имейте в виду, что это незазорно, наши предки всегда учились у врагов, а затем били их, своих учителей. А вы, видимо, не хотите перенимать у врага хорошие и полезные примеры. Вы обязаны впитывать в себя все новинки и учить своих подчинѐнных. Поэтому у вас ничего не получается. Короче говоря, вы должны строго помнить наш последний уговор, я о нём докладывал, считаю, что я мягковато поступил, но я уверил, что если ещё случится, то будет выдано в квадрате. Сейчас же передайте

мои требования всем кому следует и организовывайте исполнение указаний...».

Своей волей отстранить командующего армией от должности и назначить на его место другого Жуков не мог. Это было не в его власти. Тем более что Болдин был не простой генерал, а генерал, попавший в приказ Ставки № 270 от 16 августа 1941 года^[141] в качестве положительного примера стойкости и лучших командирских качеств, проявленных в критической ситуации. Приказ подписал Сталин. Верховный медленно избавлялся от собственных иллюзий, и Болдин был у него на хорошем счету. Счёт этот вскоре иссякнет. Но пока Жукову приходилось терпеливо читать командарму 50-й лекции по тактике, учить, как прорвать оборону четырёх дивизий противника пятнадцатью своими. Как член Ставки Жуков тоже подписал тот приказ. Но прекрасно знал, что в его преамбуле, где говорилось о подвиге заместителя командующего войсками Западного фронта, не всё правда. Болдина и его группу вывел из окружения Конев, в тот период командующий 19-й армией. Прорубил коридор и по нему вывел, буквально вынес всех, кто ждал помощи по ту сторону фронта.

Тот разговор по телефону стенографисты зафиксировали не полностью. Но офицеры штаба запомнили, что, когда командующий положил трубку, в сердцах пальнул одним привычным словцом, но значительно огрублённым, более соответствующим случаю.

Племянник Георгия Константиновича Виктор Фокин рассказывал: «“Мудачок” — любимое словцо Жукова. Но в этом словце не было жуковского гнева, скорее, редкие для Жукова снисхождение и ирония. Меня он тоже так называл».

Зимой 1945-го командующего 2-м Белорусским фронтом маршала Рокоссовского, человека, как известно, интеллигентного и выдержанного, приведёт в ярость бездеятельность командующего 50-й армией и он отстранит генерала Болдина от командования и потребует, чтобы духу его не было в расположении фронта. К тому времени приказ № 270 подзабудется, превратится в этакий анахронизм первого периода войны, командиры станут инициативнее, самостоятельнее. Точно так же с маршалом бронетанковых войск Ротмистровым поступит генерал армии Черняховский^[142]. Не возьмут его к себе ни командующий 1-м Белорусским маршал Жуков, ни командующий 1-м Украинским маршал Конев. Судьба же генерала Болдина сложится более благополучно: «герой» Зайцевой Горы встретит Победу на 3-м Украинском в должности

заместителя командующего.

Так что с теми, кто воевал спустя рукава, не с полной отдачей сил, у Жукова отношения не складывались. И свои эмоции он не всегда скрывал.

Двадцатого апреля 1941 года после очередной провальной атаки 50-й армии Жуков вновь позвонил Болдину.

«Жуков: 112-я бригада у вас дерётся на левом фланге, и есть сведения, что она ворвалась в Гореловский, а 108-я и 11-я второй день бой не ведут. Почему они не помогают ни 112-й бригаде, ни пехоте?»

Болдин ответил подробным докладом, суть которого заключалась в том, что «большая часть танков 108-й и 11-й танковых бригад бездействуют по технической неисправности», что атаки танков и пехоты на опорные пункты Гореловский и Малиновский закончились неудачей из-за сильного артиллерийского огня и налётов штурмовой авиации, «дело с дорогами очень плохо и с каждым днём ухудшается...».

«Жуков: Во-первых, первый раз слышу, что 11-я, 108-я танковые бригады растрёпаны. Это, кажется, будет по счёту пять или шесть растрёпанных бригад. Вы были обязаны, согласно приказу, производить тщательное расследование о каждом погибшем танке или выбывшем из строя и немедленно доносить факт, достойный сожаления, невыполнения приказа. Вынужден буду назначить следствие. Вы всё время доносили о том, что высота 268,8 находится в ваших руках, а сейчас докладываете — северо-восточные скаты в руках противника. Не пойму я вас, почему вам понадобилось вести танки на артиллерийский огонь. Непонятно, можно было танки подвести по юго-западным скатам. Но дело, видимо, не в том, где их вести, а, главное, вести нечего вам, всё растрепали. Если так легкомысленно будут бросаться танки, как до сих пор вы бросаете на нерасстроенную систему огня, ничего у вас не выйдет. Непонятно мне, для чего у вас врываются танки наподобие: ворвались в Гореловский, ворвались в Малиновский, а пехота, оказывается, отбита организованной системой огня. Азбучная истина обязывает: прежде, чем бросить танки, нужно подавить систему огня, а тогда только бросать танки. А у вас делается наоборот. Вам об этом неоднократно давалось указание, но, видимо, до сих пор эти элементарные истины не поняты, и танки продолжают гибнуть без всякой пользы. Бросание танков без подавления системы огня противника я считаю АВАНТЮРОЙ. Виновников гибели танков, танкистов, безусловно, надо судить. В отношении паники от авиации противника, могу только предложить одно, пресекать эту панику в корне. Никакой массовой гибели от бомбометания на протяжении всей войны не было и нет сейчас. Всё это выдумывается для оправдания невыполнения приказа, для оправдания

потерь, которые получились при панике в Фомине 1-е, о чём нас информировал Быстров, и массовых потерь от плохой организации боя, массовых потерь от той вакханалии и беспорядка, который существует и творится в армии. Ваша авиация сейчас бездействует, об этом вы пишете в донесениях, но не отчитываетесь в невыполнении приказа, о подготовке аэродрома. А ведь был приказ, обязывающий Военный совет подготовить армейский аэродром, но вы этого приказа не выполнили, авиация ваша не летает сейчас. Могу только предложить вам выполнить приказ о быстрейшем введении в строй аэродрома. Истребительной авиации фронтовой я больше 20–25 самолётов вылетов вам дать не могу, и то они над полем боя, как показал опыт, могут быть не более 20–25 минут. Значит, прежде всего, я обязываю вас организовать настоящую зенитную оборону, средствами самих войск, твёрдой рукой бороться с паникёрами и распространителями панических слухов, по существу агитирующими за немецкую авиацию, и навести в этой части полный порядок, чтобы войска стойко встречали авиацию и не разбежались бы, как об этом свидетельствует в донесении Быстров и о чём вы, к сожалению, до сих пор не донесли.

Вы сейчас докладываете, что противник подбрасывает резервы. Что же, об этом я вас предупреждал неоднократно и лично, и в документах. А вы как считали, противник будет мух ловить? Нет, ловить мух он не будет. Каждую вашу проволочку во времени он использует для манёвра и постарается вас обыграть, а обыграть вас ему труда не составит потому, что ваши войска стоят на месте, не маневрируют огнём сами, стоят на месте, не двигаются, а такого противника бить не трудно. Если вы в течение двух ближайших дней не разобьёте противника в районе действия ударной группы, противник вам подготовит большую неприятность, я бы сказал даже крупную неприятность, от которой и вам, и нам придётся краснеть, и отсюда делайте свои выводы и расчёты. Где сейчас находится Захаров, как он показывает свои способности?

Болдин: Товарищ Захаров находится на наблюдательном пункте в районе Зимницы. С моего НП, где находится товарищ Захаров, организовано непосредственное управление войсками и боем правого крыла ударной группировки армии. Вместе с товарищем Захаровым находится начальник артиллерии армии и товарищ Мартынов. Они все втроём мне помогают управлять войсками и боем правого крыла ударной группировки армии. Товарищ Захаров держит себя хорошо.

Жуков: Армией командовать может?

Болдин: На вопрос, может ли командовать армией, в данное время

ответ пока дать затрудняюсь, так как мало ещё его изучил».

Зато Жуков за эти месяцы изучил командарма 50-й хорошо. Болдин создал нечто вроде боевых участков, куда входили две-три дивизии и танковая бригада, перепоручил командирам этих участков всю работу и сидел в своём штабе, собирал донесения...

Жукову хотелось отстранить Болдина от командования армией и назначить Захарова. Но из Ставки не дали на эту замену добро.

Весной в 50-й армии начались перебои не только с боеприпасами, но и с продовольствием. Суточная норма на артиллерийский и миномётный ствол — один-два выстрела. Бойцы бродили по деревьям в поисках пищи. Случалось, солдаты первого эшелона умирали от голода. Личный состав обносился. Зима кончилась, но солдатам не выдавали летнего обмундирования. По воде ходили в валенках...

Но хуже всего было то, что атаки на цепь артиллерийских высот, которые тянулись вдоль Варшавского шоссе, не давали результата. И высоты, и дорогу контролировали немцы.

До сих пор в тех местах бойцы поисковых отрядов поднимают останки убитых советских солдат. Некоторые лежат в болотах прямо на поверхности. Каждый год хоронят в братской могиле на Зайцевой Горе сотнями.

Из воспоминаний бывшего разведчика 290-й стрелковой дивизии Олега Александровича Набатова: «Всюду убитые, убитые, убитые, куда ни кинешь взгляд. Тут же в грязи ворочаются раненые. Особенно мне запомнился один из них, мимо которого я пробежал, когда нас подняли в очередную атаку. Это был солдат лет пятидесяти, превратившийся в ком сплошной грязи, только покрасневшие глаза блестели да зубы белели на чёрном фоне...»

В 1973 году земляки из Угодского Завода приехали в гости к маршалу, привезли гостинцев из родной деревни — картошку, ягоды, а ещё альбом с фотографиями, местную газету. Сели за стол, разговорились. Жуков рассматривал снимки через лупу — раздел фотографий, свидетельствующих о том, как на Калужской земле чтут память героев Великой Отечественной войны. И вдруг нахмурился и спросил:

— Болдин тоже почётный гражданин города Калуги? — И не дожидаясь ответа, сказал: — Он же самый плохой командующий за всю войну! Он командовал ударной группой, бравшей Калугу. Она понесла большие потери и с опозданием на два дня взяла город. Напишу в ЦК партии о несправедливости.

— Георгий Константинович, — сказал кто-то из гостей, — в Калуге есть школа, которая носит имя Болдина...

— Да? — смягчился маршал. — Ну, раз школа носит имя... тогда писать не буду.

То ли маршал запомнил, то ли не хотел вспоминать грязь и ужас Зайцевой Горы, но в укор генералу Болдину он поставил не его вину. Калугу брала действительно 50-я армия, которой в то время уже командовал Болдин. Однако ударной группой, которая на узком участке прорвалась в Калугу и начала очищать улицу за улицей, квартал за кварталом, командовал заместитель командующего армией генерал Попов^[143]. И действовала эта группа решительно, храбро и умело.

В середине мая немцы нанесли сильнейший удар по правому крылу Южного фронта и вышли во фланг Юго-Западного фронта, угрожая его тылам. Наступление под Харьковом, на которое Ставка и Верховный главнокомандующий возлагали большие надежды весенне-летней кампании, обернулось новой катастрофой. Оказались в окружении войска 6-й и 57-й армий. Красная армия потеряла около 277 тысяч человек, большое количество вооружения и боеприпасов. Основные поставки бронетехники, артиллерии, в том числе реактивных систем, производимых промышленностью, шли на Южный и Юго-Западный фронты. Сталин был взбешён. Полетели генеральские головы. На этот раз пострадал и непотопляемый комиссар по особым поручениям Мехлис: он был смещён с поста заместителя наркома обороны и начальника Государственного политического управления Красной армии, понижен в звании до корпусного комиссара. Как представитель Ставки, он развернул в Крыму такую деятельность, так подмял под себя штаб и командующего Крымфронта, что даже мелкие вопросы решались только с его ведома.

Сталин, ошеломлённый новым поражением, 28 июля, уже как нарком обороны, подписал приказ № 227. Это был приказ, который во многом обеспечил победу под Сталинградом:

«Враг бросает на фронт всё новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперёд, рвётся вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и сёла, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону,

половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникёрами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьёзного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамёна позором. Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдаёт наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток. Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступить на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать своё позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства неограничены. Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жёны, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн. населения, более 80 млн. пудов хлеба в год и более 10 млн. тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской

земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжёлые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникёрам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает всё больше и больше самолётов, танков, артиллерии, миномётов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникёров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникёры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении

дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на ещё более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникёров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели своё действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:
 - а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;
 - б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;
 - в) сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.
2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:
 - а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;
 - б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооружённых заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае

паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны

И. СТАЛИН».

Через два дня после подписания приказа, который в войсках сразу же окрестили «Ни шагу назад!», началась Ржевско-Сычëвская наступательная операция. Замысел её был таков: согласованными ударами левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронтов по сходящимся направлениям — на Сычëвку — подсечь Ржевский выступ, окружить основные силы 9-й немецкой армии и уничтожить их. Основная нагрузка ложилась на армии Западного фронта.

Тридцатого июля пошла вперёд ударная группировка Конева, а 4 августа после полуторачасовой артиллерийской подготовки атаковали армии Жукова. Они форсировали реку Держа, смяли немецкие порядки и начали свёртывать фланги. К исходу второго дня наступления ширина прорыва составляла 30, глубина — 25 километров.

Гальдер в тот же день записал: «Противнику удалось добиться глубокого прорыва на фронте 9-й армии (кажется, наступают семь дивизий и одна танковая бригада при усиленной поддержке артиллерии) в направлении Зубцова. Против них брошены соединения 39-го корпуса в составе 5, 2, 1-й танковых и 102-й дивизий. На фронте 9-й армии у Ржева отбито несколько крупных атак».

А вот такая запись в тот день появилась в дневнике Гальдера по поводу обстановки под Сталинградом: «Группа армий “Б” Гот, используя свои успехи, быстро продвигается вперёд, преодолевая сопротивление на отдельных участках. На фронте западнее Дона незначительная боевая деятельность. Противник усиливается на участках 8-го и 14-го армейских корпусов. Интенсивное передвижение походных колонн и железнодорожных эшелонов северо-западнее Сталинграда. Под Воронежем затишье».

Не утихают споры о том, что собой представляла долгая и кровавая Ржевская битва — попытку устроить немцам второй Сталинград или всё же «затратный манёвр» на отвлечение немецких дивизий от южного участка фронта? Немцы вынуждены были держать здесь 42 дивизии. Когда генерал Модель проведёт операцию «Бюффель» — отвод войск с Ржевского выступа, — высвободится сразу 21 дивизия. Эти высвободившиеся войска перебрасывались южнее, под Орёл, где зрела операция «Цитадель». Но в 1942-м немцы упорно держались за Ржев и Вязьму, недооценивая наши силы, накопленные в сталинградской степи, и надеялись на стойкость своих союзников — румынские, итальянские и венгерские части.

Пятого августа войска Калининского фронта, атаковавшие на Ржев, были подчинены штабу Западного фронта.

Седьмого августа в районе Погорелого Городища на плацдарме, захваченном немцами на левом берегу Волги, разгорелось встречное танковое сражение. Исследователи Погорело-Городищенской операции утверждают, что с немецкой стороны в битве участвовало до 700 танков, с нашей — до 800 боевых машин.

Восьмого августа, наращивая удар, Жуков ввёл в бой 5-ю армию.

Из воспоминаний Александра Бучина: «Бои шли в лесистой, местами заболоченной местности, а лето в 1942 году выдалось на диво дождливое. На всю жизнь мне врезались в память названия речек: Держа, Вазуза, Гжать. Сумрачные кармановские леса (по названию села Карманово). Георгий Константинович выдвинул свой командный пункт чуть ли не в боевые порядки войск. Он был везде — с пехотинцами и сапёрами, артиллеристами и особенно танкистами. Лазил везде, возвращался, шатаясь от усталости, в сапогах, грязных до верха голенища. До сих пор жуть берёт, когда вспомнишь бешеную тряску на гатях, проложенных через топи, сумрак лесов, пропавших порохов и трупным смрадом, зловонную жижу, бившую фонтанами из-под колёс. Нередко вода в речках чернела от крови. Нам пришлось форсировать Держу, топкие берега которой были нашпигованы минами. Многие ли знают, что происходило на небольшом

участке на рубеже речек Вазузы и Гжати 9—10 августа 1942 года? В эти два дня тут гремело, ревело и лязгало встречное танковое сражение, до 1500 танков с обеих сторон. У Прохоровки бились в открытом поле, здесь — в лесу с густым подлеском вязли в болотах, продирались через кустарник. Под Прохоровкой гибли на виду, а на миру, как известно, и смерть красна; в этом сражении убивали безымянными. На моих глазах на страшный грохот битвы шли наши танки, колонна за колонной. Бледные, измученные лица моложе меня, 25-летнего. Для многих кармановские леса — последнее, что им удалось повидать в куцей жизни».

К 23 августа наши войска взяли Зубцово, Карманово и вплотную подошли к Ржеву. Но овладеть городом не смогли.

Генерал Типпельскирх, а впоследствии военный историк, исследуя сражение у Погорелого Городища, писал: «Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем и для контрудара».

Всего генерал Модель вынужден был перебросить сюда 12 дивизий.

Войскам Западного и Калининского фронтов удалось продвинуться вперёд на 35–40 километров. Был ликвидирован опасный плацдарм на левом берегу Волги в районе Ржева. Но конечной задачи проводимой операции выполнить не удалось. Немцы держались за Ржев с яростным упорством. И это настораживало. Тем более что некоторые разведданные свидетельствовали в пользу того, что группа армий «Центр» готовит новый удар на Москву. Удобнее и выгоднее плацдарма, чем Ржевский выступ, трудно было себе представить.

К концу августа в районе Ржева наступило затишье. Но Ржевская битва не закончилась. Она лишь сделала вынужденную паузу, чтобы пополнить дивизии противостоящих сторон, подвезти огнеприпасы, отремонтировать танки, которые ещё можно было послать в бой. Живые хоронили убитых. Над полем боя на десятки километров стоял чудовищный смрад.

По некоторым данным, только 20-я армия Западного фронта потеряла около 60 тысяч человек. Командовал армией генерал Рейтер^[144]. Воевал он примерно так же, как и Болдин.

Пережившие ту страшную битву рассказывали, что командиры зачастую гнали роты и батальоны на неподавленную оборону противника, что приказ № 227 освобождал от пули только мёртвых. Расстреливали не только трусов и паникёров, но попавших под горячую командирскую руку. Расстреливали для устрашения. Тогда это не считалось жестокостью.

Строили полк. Копали яму. Выводили «трусов» и «паникёров». Зачитывали приговор. Комендантский взвод, не мешкая, делал своё дело. И полк шёл в бой.

Буквально накануне наступления в газете «Красная звезда», которая в годы войны стала главной газетой сражающегося народа, было опубликовано стихотворение Константина Симонова «Если дорог тебе твой дом...»:

Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мёртвым стоял.
Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой...

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

А на следующий день политинформаторы взводов и рот, парторги батальонов и батарей разнесли по окопам свежий номер «Красной звезды» со статьёй Ильи Эренбурга, которая значительно усиливала главную тему дня и определяла её, как оказалось, на годы. Статья называлась «Убей!»: «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружьё. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьёт твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьёшь немца, немец убьёт тебя. Он возьмёт твоих <близких> и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждёшь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай вёрст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! — это просит

старуха-мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!»

И стихотворение Константина Симонова, и заметка Ильи Эренбурга, по жанру относящаяся, скорее, к листовке политрука, были своеобразным эмоциональным приложением к приказу «Ни шагу назад!».

Они западали глубоко в душу солдат и не выводились из крови на протяжении всей войны. Более того, чем ближе становилась Германия, тем сильнее в солдатской крови закипала ненависть.

Британский писатель Энтони Бивор в своей книге «Падение Берлина. 1945» упреknёт и авторов этих строк, и победителей в том, что «подобные лозунги спровоцировали на насилие, совершавшееся военнослужащими Красной армии в отношении гражданского населения на территории Германии в 1944–1945 годах».

Глава тридцатая

Сталинград

«Хорошо помню разговор 29 сентября в землянке, в балке севернее Сталинграда...»

Сталин позвонил 27 августа 1942 года и приказал Жукову: обязанности командующего войсками возложить на начальника штаба, а самому немедленно выехать в Москву.

Днём раньше Совет народных комиссаров СССР назначил генерала армии Г. К. Жукова первым заместителем наркома обороны, освободив от этой должности маршала С. М. Будённого.

Верховный встретил его словами:

— Плохо получилось у нас на юге. Может случиться так, что немцы захватят Сталинград. Не лучше дела обстоят и на Северном Кавказе. Очень плохо показал себя Тимошенко. Мне рассказал Хрущёв, что в самые тяжёлые моменты обстановки во время нахождения в Калаче Тимошенко бросал штаб и уезжал с адъютантом на Дон купаться. Мы его сняли. Вместо его поставили Ерёменко. Правда, это тоже не находка...

Сталин сделал паузу. Жуков молчал.

— Мы решили назначить вас заместителем Верховного главнокомандующего и послать в район Сталинграда для руководства войсками на месте. У вас накопился хороший опыт, и я думаю, что вам удастся взять в руки войска. Сейчас там Василевский и Маленков. Маленков пусть останется с вами, а Василевский сейчас же вылетает в Москву. Когда вы можете вылететь?

— Вылетать надо немедленно, — ответил Жуков.

— Ну, вот и хорошо. — И вдруг Сталин спохватился: — А вы не голодны?

— Подкрепиться не мешало бы.

Сталин позвонил в приёмную, и вскоре Поскрёбышев принёс горячий чай и тарелку с горкой бутербродов. Перекусив, Жуков сразу же отбыл на аэродром. И через четыре часа самолёт приземлился в Камышине.

На Сталинградский фронт прибыли не с пустыми руками. Сталин за чаем напутствовал: «В связи с прорывом немцев к Сталинграду мы приказали срочно перебросить 1-ю гвардейскую армию генерала Москаленко^[145] в район Лозное. Необходимо с утра 2 сентября нанести ею

удар по прорвавшейся к Волге группировке противника и соединиться с 62-й армией. Туда же перебрасываются 66-я армия генерала Малиновского^[146] и 24-я армия генерала Козлова^[147]. Вам следует принять необходимые меры, чтобы Москаленко 2 сентября нанёс контрудар, а под его прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-ю армии. Эти две армии вводите в бой незамедлительно, иначе мы потеряем Сталинград».

Штаб Сталинградского фронта размещался в Малой Ивановке близ Камышина. В штабе фронта Жукову доложили обстановку. Докладывали начальник штаба и старый знакомый по Халхин-Голу генерал Никишев и начальник оперативного отдела полковник Рухле. Как вспоминал потом маршал, их путаный доклад производил впечатление, что они «не совсем уверены в том, что в районе Сталинграда противника можно остановить».

Через несколько дней и штабом Сталинградского фронта, и оперативным отделом будут руководить другие люди.

Это был обычный стиль Жукова. Каждую операцию, любое ответственное дело, за которое и сам отвечал головой и честью, он начинал с подбора надёжных людей.

Доклад комфронта генерала Гордова^[148], напротив, ему понравился своей правдой и полнотой. Правда была тревожной. Но не безнадёжной. Переговорил с Москаленко. Его дивизии должны были первыми вступить в дело. Однако они опаздывали, находясь в пути.

Из донесения Жукова Сталину: «1-я гвардейская армия 2 сентября перейти в наступление не смогла, так как её части не сумели выйти в исходное положение, подвезти боеприпасы, горючее и организовать бой. Чтобы не допустить неорганизованного ввода войск в бой и не понести от этого напрасных потерь, после личной проверки на месте перенёс наступление на 5 часов 3 сентября. Наступление 24-й и 66-й армий назначаю на 5–6 сентября. Сейчас идёт детальная отработка задач всем командным составом, а также принимаем меры материального обеспечения операции...»

Очень характерное донесение. Жуков смело всю ответственность, в том числе и за перенесение операции на более поздние сроки, берёт на себя и приводит железные аргументы. Ни грамма намёка на то, что, мол, замешкался Москаленко и пр.

Армия Москаленко атаковала в направлении Сталинграда в назначенное время после артиллерийской подготовки. Но продвинулась недалеко. Противник тут же контратаковал с танками при поддержке штурмовой авиации.

Сталин телеграфировал: «Положение под Сталинградом ухудшается. Противник находится в трёх верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам.

Недопустимо никакое промедление. Промедление равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».

Жуков не дрогнул. Он видел, что положение почти безнадежное, что с каждым часом оно ухудшается. Но бросать прибывающие дивизии по частям... Он отдал приказ начальнику авиации бросить на врага все силы. И запросил разрешение Сталина на общую атаку 5 сентября. Сталин согласился.

На рассвете 5 сентября фронт на участке 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий рыкнул сотнями орудийных стволов. Артиллеристы выпустили ограниченное количество огнеприпасов и замолчали. Вперёд пошли танки и пехота. Продвижение оказалось незначительным. И Жуков понял: тех сил, которыми располагает фронт, немецкую оборону не сокрушить. 12 сентября он срочно вылетел в Москву.

Из воспоминаний Александра Бучина: «Георгий Константинович нас, московских водителей, туда (под Сталинград. — С. М.) не брал. Это не значит, что мы сидели без дела. На протяжении почти трёх месяцев — с конца августа до второй половины ноября 1942 года — он фактически делил время между Сталинградом и работой в Москве. Каждую неделю, а то и два раза в неделю Жуков прилетал и улетал из Москвы. Маршрут в городе у него был один и тот же — Центральный аэродром, Генштаб, Кремль и обратно. Где-то между этими пунктами назначения вклинивалась квартира, в которой он отдыхал несколько часов. Очень редко дача. После победы под Москвой правительство подарило ему пожизненно дачу в Сосновке. У меня впечатление, что в основном он отсыпался в полётах — в самолёте».

В этот раз у Сталина он застал начальника Генштаба генерала Василевского^[149]. Жуков доложил, прокомментировал неудачу проведённой операции и подытожил:

— Если ударную группировку срочно не усилить имеющимися силами, Сталинградский фронт прорвать оборону противника не сможет.

Сталин спросил:

— Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы, наконец,

ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом?

— Для успешных действий фронту нужны как минимум ещё одна полнокровная общевойсковая армия, танковый корпус, три танковые бригады и не менее четырёхсот гаубиц, — ответил Жуков. — Необходимо также не менее одной воздушной армии.

Сталин вытащил из стола свою карту с пометками и стал её рассматривать.

Тем временем Жуков и Василевский, стоя у другой карты, обсуждали конфигурацию фронта. Потом, чтобы не мешать Верховному, занятому изучением карты, отошли к окну. Разговаривали вполголоса. Жуков был недоволен и последними событиями на Сталинградском фронте, и только что состоявшимся разговором. Сказал Василевскому, что всё это полумеры и они вопроса Сталинграда не решат, что нужна сильная, сокрушительная группировка и, самое главное, вводить в дело её надо иначе.

— Да, — согласился Василевский, — всё это — полумеры. Нужно искать иное решение.

— Какое «иное» решение? — Верховный оторвался от карты и внимательно на них посмотрел.

Жуков и Василевский молча вернулись к столу.

— Вот что, — сказал Сталин, — поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что необходимо предпринять в районе Сталинграда. А заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра вечером жду ваши предложения.

6-я полевая и 4-я танковая армии противника всё больше втягивались в изнурительные бои. В районах Волги и Дона у немцев и их союзников могло быть не более пяти-шести резервных дивизий. Бои шли и на юге, и на севере. Гитлер уже не мог высвободить для усиления нажима на Сталинград ни одной дивизии. Конфигурация фронта склоняла к мысли, что немцы, сосредоточившись на прорыве к Сталинграду, опасно растянули свои фланги и образовавшийся выступ можно подсечь. Тем более что на флангах у 6-й армии стояли венгерские, румынские и итальянские дивизии.

Вот о чём вполголоса беседовали Жуков и Василевский в кабинете Сталина, когда тот внезапно их прервал.

Обсудив в Генштабе основной замысел операции, они перенесли его на чистую карту.

Докладывал Василевский. Верховный некоторое время молча рассматривал карту, потом спросил:

— А это что за группировка войск в районе Серафимовича?

— Новый фронт, — ответил Василевский. — Его надо создать, чтобы

нанести мощный удар по оперативному тылу группировки противника, действующей в районе Сталинграда.

— Хватит ли сейчас сил для такой большой операции? — усомнился Сталин.

— Сейчас, конечно, не хватит, — сказал Жуков. — Но, по нашим расчётам, через полтора месяца операцию можно будет обеспечить необходимыми силами и средствами и хорошо её подготовить.

Сталин усмехнулся и постучал трубкой по карте:

— Далеко замахнулись. А не лучше ли ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль Дона? Подумайте.

— Это полумера. — Жуков предполагал такую реакцию Верховного и заранее собрался с мыслями. — Мелкие контрудары не приведут к решительному изменению обстановки. В этом случае... — И Жуков сделал жест, повторяя направления предполагаемых сталинских контрударов. — Паулюс^[150] в этом случае может быстро развернуть из-под Сталинграда свои подвижные части и парирует наши удары. Удар же западнее Дона позволит нам глубоко охватить врага, не даст ему возможности из-за речной преграды быстро сманеврировать своими резервами и выйти навстречу нашим группировкам.

Операция делилась на два этапа: 1) прорыв обороны, окружение сталинградской группировки противника и создание прочного внешнего фронта с целью полной изоляции окружённых от воздействия внешних сил; 2) уничтожение «котла» и недопущение деблокады извне.

Верховному план операции понравился, но он не спешил давать на него согласие:

— Над планом надо ещё подумать и подсчитать наши ресурсы. А сейчас главная задача — удержать Сталинград и не допустить продвижения противника в сторону Камышина.

В это время позвонил новый командующий Сталинградским фронтом генерал Ерёмченко^[151]. Сталин взял трубку. После разговора с Ерёмченко сказал:

— Ерёмченко докладывает, что противник подтягивает к городу танковые части. Завтра надо ждать нового удара. — И, повернувшись к Василевскому: — Дайте сейчас же указание о немедленной переброске через Волгу 13-й гвардейской дивизии Родимцева из резерва Ставки. И посмотрите, что ещё можно направить туда завтра.

Уже через час Жуков был на аэродроме. Приказ Верховного: вылететь в расположение Сталинградского фронта, ввести в бой всю авиацию и

изучить обстановку в районе Клетской и Серафимовича. Прощаясь, Сталин сказал, что к начатому разговору необходимо вернуться, и добавил: «О том, что мы здесь обсуждали, кроме нас троих пока никто не должен знать».

Контрудары, которые Жуков вместе со штабом Сталинградского фронта в те дни организовывал на различных участках, дали положительные результаты. Они изматывали противника.

Из дневника немецкого офицера, который в те дни пытался со своими солдатами отеснить противостоящие им подразделения Сталинградского фронта: «...части нашего корпуса понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены; в ротах оставалось, как правило, по 30–40 солдат».

В конце ноября Сталин вновь вызвал к себе Жукова и Василевского.

Василевский только что вернулся из-под Сталинграда — изучал условия для контрнаступления армий левого крыла Юго-Восточного фронта.

Прежде чем идти к Верховному, они несколько часов совещались в Генштабе. Обменивались впечатлениями. Вносили поправки в первоначальный план.

Во время встречи в Кремле Сталин неожиданно предложил произвести реорганизацию фронтов и в связи с предстоящими планами масштабного наступления командующим войсками вновь образованного Донского фронта (бывшего Сталинградского) назначить Рокоссовского. А командующим создаваемым вновь Юго-Западным фронтом — Ватутина. Такие назначения всех вполне устраивали.

В конце совещания Сталин сказал:

— Вылетайте обратно на фронт. Принимайте все меры, чтобы ещё больше измотать и обессилить противника. Посмотрите ещё раз намеченные планом районы сосредоточения резервов и исходные районы для Юго-Западного фронта и правого крыла Сталинградского фронта, особенно в районе Серафимовича и Клетской. Товарищу Василевскому с этой же целью следует выехать ещё раз на левое крыло Юго-Восточного фронта и там изучить все вопросы, намеченные планом.

«После тщательного изучения на месте всех условий для подготовки контрнаступления, — пишет Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях», — мы с А. М. Василевским вернулись в Ставку, где ещё раз был обсуждён план контрнаступления и после этого утверждён». И далее: «Мне было приказано лично проинструктировать Военный совет Донского фронта о характере действий войск с целью всемерной помощи Сталинграду.

Хорошо помню разговор 29 сентября в землянке, в балке севернее Сталинграда, где размещался командный пункт командарма К. С. Москаленко.

На мои указания активных действий не прекращать, чтобы противник не перебрасывал с участка Донского фронта силы и средства для штурма Сталинграда, К. К. Рокоссовский сказал, что сил и средств у фронта очень мало и что ничего серьёзного мы здесь не добъёмся. Конечно, он был прав. Я тоже был такого мнения, но без активной помощи Юго-Восточному фронту (теперь Сталинградскому) удержать город было невозможно.

Первого октября я вернулся в Москву для дальнейшей работы над планом контрнаступления. От Сталинграда до Москвы летел в самолёте генерал-лейтенанта А. Е. Голованова^[152], которым он управлял лично. Я с удовольствием сел в кабину к такому опытному лётчику.

Не долетая до Москвы, почувствовал, что самолёт неожиданно делает разворот и снижается. Я решил, что мы, видимо, уклонились от курса. Однако спустя несколько минут А. Е. Голованов повёл машину на посадку на незнакомой мне местности. Приземлились благополучно.

— Почему посадили машину здесь? — спросил я Голованова.

— Скажите спасибо, что были рядом с аэродромом, а то могли бы свалиться.

— А в чём дело?

— Обледенение.

Во время разговора подрулил мой самолёт, который летел вслед за нами, и на нём уже я добрался до Центрального московского аэродрома. Естественно, что полёты в сложных условиях, спешка с вылетами не могли быть всегда удачными.

Хорошо помню ещё одну “самолётную” историю, едва не стоившую нам жизни. Это было также во время полёта из Сталинграда в Москву. Погода в тот день стояла нелётная, шёл дождь. Москва сообщала, что над городом туман, видимость ограничена. А лететь надо: вызывал Верховный.

До Москвы летели неплохо, но на подходе к Москве видимость не превышала ста метров. По радио лётчику была дана команда из отдела перелётов ВВС идти на запасной аэродром. В этом случае мы наверняка опаздывали в Кремль, где нас ждал Верховный.

Приняв всю ответственность на себя, я приказал лётчику Е. Смирнову садиться на Центральный аэродром и остался в его кабине. Пролетая над Москвой, мы неожиданно увидели в 10–15 метрах от левого крыла горловину фабричной трубы. Я взглянул на Смирнова, он, что называется,

не моргнув глазом, поднял самолёт чуть выше и через 2–3 минуты повёл его на посадку...»

В своей книге «Дальняя бомбардировочная» Главный маршал авиации Голованов тоже рассказал об их полёте с Жуковым. Прекрасная возможность проверить память мемуаристов: «На другой день после совещания мы собрались лететь в Москву. Погода на трассе была плохая, нелётная. Я предложил Жукову лететь со мной, чтобы наверняка попасть в Москву. На том и порешили. После взлёта к нам пристроились истребители сопровождения, но уже через десять-пятнадцать минут из-за сплошной и низкой облачности пришлось перейти на слепой полёт. Истребители же, естественно, повернули домой.

Слепой полёт продолжался довольно долго, лишь в районе Воронежа появился небольшой просвет, и мы опять перешли на полёт в облаках. Дело это привычное, настроение у всех было хорошее. Не долетев километров сто до Москвы, мы перешли на визуальный полёт под облаками на высоте триста метров. Скоро должен был появиться аэродром Раменское, где стоит приводная радиостанция, и рядом, можно сказать, Центральный аэродром. Вот мы скоро и дома! Уже вечерело. Немного времени осталось и до поднятия аэростатов заграждения.

Но, как говорят, иногда и близкое становится далёким. Самолёт начал терять высоту, добавление мощности моторам лишь на короткий срок остановило снижение. Добавил ещё мощности — повторилось то же самое: самолёт обледеневал. Включили антиобледенители — результата никакого. Пришлось опять добавить мощность двигателям.

В голове с удивительной быстротой мелькали всякие случаи, связанные с обледенением. Наконец появился подобный. В финскую кампанию, вылетев однажды из Ленинграда в сторону Ладожского озера и пройдя под облаками десять-двенадцать минут, я заметил, что самолёт стал терять высоту. Добавление мощности двигателям и включение антиобледенителей положения не изменили. На форсаже развернулся обратно и на бреющем еле дотянул до аэродрома. На самолёте оказалось бугристое обледенение, которое нарушало его обтекаемость или, как принято говорить, аэродинамику. Естественно, нормально лететь самолёт не мог, а попытка продолжать полёт привела бы к печальному исходу.

Вот и сейчас надо было думать не о Центральном аэродроме, а о том, как бы дотянуть до Раменского. И этот очень короткий участок пути, да ещё с таким “пассажиром”, уже не доставлял нам, то есть экипажу, мягко говоря, никакого удовольствия. Наконец показался аэродром, и мы на полном газу приземлились.

У каждого лётчика, достаточно полетавшего, не однажды в его лётной жизни бывали случаи, которые ставили его, если так можно выразиться, на грань бытия. Но несмотря на это он всё же продолжает летать, ибо лётное дело, подчеркну ещё раз, — это не ремесло, а искусство, которое является призванием и овладев которым — бросить уже невозможно.

Везёт в жизни нашему брату лётчику, как я уже говорил, не так уж редко, да к этому везению ещё добавляются иной раз и приятные неожиданности. Так получилось и на этот раз. Вызвав из штаба машину, я предоставил её в распоряжение Жукову, а сам остался на аэродроме. Машиной этой была выдавшая всякие виды “эмка” Жуков дорогой поинтересовался у шофёра, на чьей машине он едет. Шофёр ответил, что на машине командующего АДД (авиация дальнего действия. — С. М.). Георгий Константинович не поверил и переспросил. Шофёр повторил — да, на машине командующего. На этом разговор закончился.

Несколько дней спустя, работая в штабе, я подошёл к окну и увидел у подъезда новенький голубого цвета “ЗИС”. Позвал порученца и спросил, кто это приехал.

— Сейчас уточню!

Возвратившись, порученец доложил, что эту машину прислал мне Жуков. Вскоре в штаб позвонил генерал Минюк, который состоял при Жукове для особых поручений, и сообщил, что Георгий Константинович послал мне машину “на память о нашем полёте”.

Действительно, полёт был памятный. Не одну тысячу часов пришлось мне провести в воздухе и лишь дважды за всю свою лётную жизнь довелось встретиться с таким редчайшим видом обледенения, которое появляется стремительно и может быстро расправиться с тобой, если не будет немедленно принято решение».

Тринадцатого ноября Жуков и Василевский снова были у Сталина. Как вспоминал маршал, Верховный пребывал в хорошем расположении духа «и подробно расспрашивал о положении дел под Сталинградом в ходе подготовки контрнаступления».

На этот раз обсуждали уже конкретные проблемы: соотношение сил и их боеспособность на флангах, показания пленных, опасность того, что немцы могут заподозрить неладное и в самый последний момент перебросят на фланги свои резервы. Разведка у них работала хорошо. Но пока всё шло так, как было задумано. 6-я полевая армия Паулюса и основные силы 4-й танковой втянулись в затяжные бои с нашими Сталинградским и Донским фронтами. Рокоссовский и Ерёменко медленно их изматывали, морозили в донской степи. Наши резервные части,

предназначенные для удара, сосредоточились в исходных районах, и, похоже, немецкая разведка их манёвр пока не обнаружила.

Василевский докладывал:

— Задачи фронтов, армий и войсковых соединений отработаны. Взаимодействие всех родов оружия увязано непосредственно на местности. Предусмотренная планом встреча войск ударных группировок Юго-Западного и Сталинградского фронтов отработана с командующими, штабами фронтов армий и тех войск, которые будут выходить в район хутор Советский — Калач. В авиационных армиях подготовка, видимо, будет закончена не раньше 15 ноября. Варианты создания внутреннего фронта окружения сталинградской группировки противника и внешнего фронта для обеспечения ликвидации окружаемого врага можно считать отработанными. Подвоз боеприпасов, горючего и зимнего обмундирования несколько задерживается, но есть все основания рассчитывать, что к исходу 16–17 ноября материальные средства будут доставлены войскам. Контрнаступательную операцию можно начать войсками Юго-Западного и Донского фронтов 19 ноября, а Сталинградского фронта — на сутки позже.

Разница в сроках объясняется тем, что перед Юго-Западным фронтом были более сложные задачи. Он находился на большем удалении от района Калач — хутор Советский, и ему предстояло форсировать Дон.

Из «Воспоминаний и размышлений» Жукова: «Верховный слушал нас внимательно. По тому, как он не спеша раскуривал свою трубку, разглаживал усы и ни разу не перебил наш доклад, было видно, что он доволен. Само проведение такой крупной контрнаступательной операции означало, что инициатива переходит к советским войскам. Все мы верили в успех предстоящего контрнаступления, плоды которого могли быть значительными для освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Пока мы докладывали, в кабинете Верховного собрались члены Государственного Комитета Обороны и некоторые члены Политбюро. Нам пришлось повторить основные вопросы, которые были доложены в их отсутствие.

После краткого обсуждения плана контрнаступления он был полностью утверждён.

Мы с А. М. Василевским обратили внимание Верховного на то, что немецкое главное командование, как только наступит тяжёлое положение в районе Сталинграда и Северного Кавказа, вынуждено будет перебросить часть своих войск из других районов, в частности из района Вязьмы, на помощь южной группировке.

Чтобы этого не случилось, необходимо срочно подготовить и провести наступательную операцию в районе севернее Вязьмы и в первую очередь разгромить немцев в районе Ржевского выступа. Для этой операции мы предложили привлечь войска Калининского и Западного фронтов.

— Это было бы хорошо, — сказал И. В. Сталин. — Но кто из вас возьмётся за это дело?

Мы с Александром Михайловичем предварительно согласовали свои предложения на этот счёт, поэтому я сказал:

— Сталинградская операция во всех отношениях уже подготовлена. Василевский может взять на себя координацию действий войск в районе Сталинграда, я могу взять на себя подготовку наступления Калининского и Западного фронтов.

Согласившись с нашим предложением, Верховный сказал:

— Вылетайте завтра утром в Сталинград. Проверьте ещё раз готовность войск и командования к началу операции.

Лично для меня оборона Сталинграда, подготовка контрнаступления и участие в решении вопросов операций на юге страны имели особо важное значение. Здесь я получил гораздо большую практику в организации контрнаступления, чем в 1941 году в районе Москвы, где ограниченные силы не позволили осуществить контрнаступление с целью окружения вражеской группировки.

За успешное общее руководство контрнаступлением в районе Сталинграда и достигнутые при этом результаты крупного масштаба в числе других я был награждён орденом Суворова I степени.

Получить орден Суворова I степени № 1 означало для меня не только большую честь, но и требование Родины работать ещё лучше, чтобы быстрее приблизить час полного разгрома врага, час полной победы. Орденом Суворова I степени были награждены А. М. Василевский, Н. Н. Воронов, Н. Ф. Ватулин, А. И. Ерёменко, К. К. Рокоссовский. Большая группа генералов, офицеров, сержантов и солдат также была удостоена правительственных наград».

Как вспоминал Александр Бучин, 15–16 ноября водителям был отдан приказ: заправить под завязку «хорьх» и обе машины сопровождения. Из Москвы выехали по Ленинградскому шоссе.

Жуков коротко сказал:

— К Пуркаеву.

Бучин водил машину лихо. Бывший спортсмен-автогонщик, он знал и чувствовал машину, как бывалый кавалерист коня. Жуков ему доверял. Он сам любил быструю езду и порой, когда ему казалось, что водитель

недооценивает качество дороги, перекидывал через рычаг переключения скоростей ногу и давил на педаль газа или на ногу Бучина до предела. Бучин вспоминал, что часто, особенно когда опаздывали, они неслись со скоростью 140–150 километров в час. Охрана в «эмках» на «хвосте» безнадёжно отставала. Начальник охраны Бедов потом нервно выговаривал Бучину. А парень отворачивался и ухмылялся. Машина у него была куда сильнее, чем у эскорта.

Когда надо было снизить скорость, притормозить, Жуков подавал кавалерийскую команду: «Короче!»

В этот раз на Калининский фронт вместе с Жуковым поехал и командующий авиацией дальнего действия генерал Голованов. Бучин, поймав хороший участок шоссе, разогнал машину так, что Голованов, который привык к высоким скоростям, сказал:

— Потихе.

— Не лезь, — отмахнулся Жуков, — он знает, как ехать.

Но вскоре на обледенелом участке дороги — снова проклятый лёд! — их занесло. Бучин с трудом удержал «хорьх». Когда машина снова зацепила твёрдое покрытие и уверенно помчалась дальше, Голованов вздохнул. Жуков даже не шевельнулся.

Примерно в двадцатых числах декабря, как вспоминал Бучин, «в строжайшей тайне» Жуков выехал на Юго-Западный фронт к Ватутину.

Странное дело, об этой поездке маршал в своих довольно подробных мемуарах даже не упомянул. А Бучин запомнил ту поездку потому, что впервые им, водителям, пришлось грузить свои машины на платформы.

Специально оборудованный поезд, на котором с некоторых пор Жуков как член Ставки выезжал к фронту, на этот раз остановился в тупике на станции Анна. Машины скатили по помостам. Состав замаскировали.

Несколько дней колесили они на своём «хорьхе» по степным дорогам. Бучин всё время с опаской оглядывал незнакомую открытую местность, следил, чтобы не отстала машина охраны.

Из воспоминаний Александра Бучина: «Вот опять плутаем. Не знаю, куда ехать. Стали. Метёт. В салоне позади высказывает свои соображения генерал-майор Л. Ф. Минюк^[153], значившийся у нас под пышным титулом старший генерал-адъютант первого заместителя Верховного Главнокомандующего. Титул, кажется, придумал Жуков. Минюк, видимо, подбодрённый тишиной на переднем сиденье, увлёкся и пошёл объяснять, как нам выбраться на верный путь. Я уже собирался тронуть машину, как Георгий Константинович потребовал карту. Разложил на коленях, я подсвечивал фонариком. Жуков довольно быстро разобрался в паутине

степных дорог, отчеркнул нужное место ногтем и сказал, как ехать. Не поворачиваясь, он протянул карту через плечо назад в салон, Минюку, и от чистого сердца сказал:

— На, мудачок. Тебя в полковую школу отправить надо.

Генерал Минюк и сидевший рядом с ним Бедов притихли как мыши.

Какая-то мутная была поездка. По опустевшим дорогам. Фронт ушёл вперёд. Подолгу разыскивали нужные штабы и части. Снег милосердно покрыл шрамы войны, но не везде. Стояли сильные морозы, и трупы убитых и замёрзших красноармейцев и вражеских солдат иногда представляли в жутких застывших позах. Иные даже стояли в сугробах. Я старался не смотреть по сторонам. Однажды вижу: мы едем навстречу чёрной массе — идёт колонна. Через снежную пелену стараюсь разглядеть кто, и похолодел — шинели и головные уборы не наши. Деваться некуда, подъехали. Оказалось, по дороге, как стадо, движется громадная толпа пленных итальянцев. Сыны солнечной Италии явились убивать нас и угодили в зиму. Именно в этом районе только что была наголову разбита итальянская армия. Вид у итальянцев был самый жалкий. Они понуро брели между сугробами.

Бедов, наша охрана, тут же завертелся, забеспокоился, запричитал — где конвой? Георгий Константинович не проронил ни слова и безучастно смотрел вперёд. Неожиданно он сказал: “Стой!” — и вышел из машины. В хвосте колонны десяток пленных, взявшись за оглобли, тащили сани, в них сидел конвоир — раненый красноармеец с ППШ на коленях. Из-под бинта видны были только глаза и часть лица. Узнав по папахе генерала, он неловко отдал честь и попытался слезть с саней. Жуков жестом остановил его и подчёркнуто чётко отдал приветствие. “Вот и конвой”, — сказал Жуков, ни к кому особенно не обращаясь. Несколько минут мы постояли на дороге, пока стадо итальянцев под присмотром раненого конвоира не скрылось в снежной мгле».

Конец 1942 года. Район Среднего Дона. Разгром 8-й итальянской армии. Размашистый бросок корпуса генерала Баданова^[154] и уничтожение немецкой авиабазы и аэродрома вместе с самолётами в районе станции Тацинской, после чего сталинградская группировка немцев — 6-я армия — осталась без подвоза. На всём этом лежала тяжёлая печать жуковского стиля — стремительного, мощного, всегда неожиданного удара.

В ту же ночь, как вспоминал Бучин, они погрузили «хорьх» и машину охраны на платформу и уехали в Москву.

Жуков увидел результаты боёв, увидел плоды трудов штабов и мужества дивизий и полков. Увидел и главного творца этой победы, отдал

ему честь и со спокойным сердцем уехал на доклад к Верховному.

Глава тридцать первая

И снова — Ржев и Ленинград

«Это была воистину выстраданная радость!»

На юге, в районе Сталинграда, бушевала операция «Зимняя гроза» — командующий группой армий «Дон» фельдмаршал Манштейн пытался танковым ударом деблокировать 6-ю армию Паулюса, окружённую в волжской степи. А на севере, в районе действий Калининского фронта, готовилась операция «Марс». По своим масштабам и количеству войск, вовлечённых с обеих сторон, новая операция по ликвидации Ржевско-Вяземского выступа не уступала сталинградским «Урану» и «Малому Урану» вместе взятым.

Все действия армий Западного и Калининского фронтов должны были способствовать начавшемуся наступлению под Сталинградом.

Жуков в эти дни метался между Доном и Западной Двиной в районе Нелидова.

Немцы ждали атаки именно здесь и потому держали сильную группировку, опасаясь ослаблять её хотя бы дивизией для возможного латания дыр на юге. Вот почему бои в рамках операции «Марс» с самого начала носили упорный и кровопролитный характер. Ни одна из сторон не уступала. Жуков бросал в бой армии и танковые корпуса, Модель короткими и сокрушительными контратаками парировал эти удары.

Для Моделя Ржев стал местом, где он нашёл свою славу полководца. Именно за Ржев Гитлер вручил ему вначале Дубовые листья к Рыцарскому кресту, полученному в первые дни кампании на востоке за удачный прорыв в районе Бреста, а потом Мечи. За Ржев он удостоился и очередного воинского звания — генерал-полковник.

Противник вынужден был держать здесь, на сравнительно небольшом участке фронта, 30 дивизий, в том числе несколько танковых.

Наступил момент, когда атаки на Ржевско-Сычёвский плацдарм уже не имели смысла — дело под Сталинградом было сделано. Рокоссовский блестяще провёл операцию «Кольцо», заблокировал в «котле» 6-ю армию фельдмаршала Паулюса и методично её дожимал. И Жуков скомандовал отбой.

Цена «отвлекающих» ударов под Ржевом была велика.

В начале января Жуков был уже в районе Ленинграда.

В Москве удалось побыть всего несколько часов. Встретился и переговорил с Верховным и — в путь. Домой заехать не успел. Александре Диевне нарочным передал письмо:

«8 января 1943 года.

Милый Шурик!

Какая неудача! Хотел я к тебе заскочить на 30–40 минут, но, увы, ты оказалась в театре. Ты, конечно, скажешь, что виноват я — не предупредил тебя о своём намерении. Так получилось, что задержался с передачей поезда с одной дороги на другую. Но что делать? Разделим вину пополам.

Как твоё самочувствие? Я пока ничего. Здоров. Кроме проклятого сустава. Он всё-таки меня угнетает. По возможности стараюсь лечить соляными ваннами и тепловыми лучами.

Ну, вот пока и всё...

Твой Жорж».

Письмо весьма сдержанное. Никаких проявлений чувств.

«Проклятый сустав» Жукову в это время лечила младший лейтенант медицинской службы Лидия Захарова. А вот что за «тепловые лучи», непонятно. Солнце в январе холодное...

Верховный на этот раз послал Жукова под Ленинград, проводить операцию «Искра», целью которой было соединение войск Ленинградского и Волховского фронтов и создание сухопутного коридора между осаждённым Ленинградом и Большой землёй.

Спецпоезд, на котором Жуков отбыл на север, состоял из бронированного салон-вагона, нескольких вагонов охраны, связи и вагона, который занимали обслуга и водители. Кроме того, был вагон-гараж на две машины. Всего пять вагонов. Спереди и сзади были прицеплены платформы с бронеплощадками — 37-миллиметровыми зенитными орудиями и счетверёнными пулемётными установками. Весь состав был закамуфлирован под «зиму».

Прибыв к месту назначения, Жуков выслушал доклад штаба Волховского фронта. Остаток ночи просидел над картами и донесениями разведки. Утром 11 января позвонил Сталину и доложил: в дивизиях, которым предстоит наступать, слишком мало танков и артиллерии, кроме того, слабо отработано взаимодействие не только на стыках армий, но и дивизий, полков.

Наступление отменить было уже нельзя. Пошли вперёд так. Артиллерия не смогла как следует подавить огневые точки, не разрушила

оборону противника. Танки действовали в отрыве от пехоты. В итоге — провал.

Из донесения Жукова Сталину: «Основной недостаток в организации прорыва 2-й ударной армии — неправильно спланированная методика артиллерийской подготовки. Больше времени отводилось на всякого рода огневые налёты и меньше времени на методическую прицельную стрельбу по огневым точкам».

Вскоре атаку повторили. Готовили её уже по методике Жукова.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Не скрою, в то утро мы волновались. Но вот началась операция. И словно гора свалилась с плеч! Нам стало ясно, что враг не знает, какими силами мы располагаем, и что время нанесения нашего мощного удара оказалось для него неожиданным».

Главный маршал авиации Голованов подметил одну характерную черту полководческого дара Жукова: «Есть люди, которые по ходу развивающихся событий на поле боя почти безошибочно могут сказать, будет успех или не будет. К таким людям, по моим личным наблюдениям, относился и Жуков».

Восемнадцатого января 1943 года войска двух фронтов сомкнулись. «Я увидел, с какой радостью бросились навстречу друг другу бойцы фронтов, прорвавших блокаду, — писал маршал. — Не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника со стороны Синявинских высот, солдаты по-братски, крепко обнимали друг друга. Это была воистину выстраданная радость!»

В тот же день последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Г. К. Жукову воинского звания Маршала Советского Союза.

Примерно через месяц маршальское звание было присвоено начальнику Генерального штаба Василевскому.

Однажды Сталин, заведя разговор о том, кто из великих русских полководцев, Суворов или Кутузов, искуснее, а стало быть, более велик и значим для истории, вдруг сказал: «Если бы можно было распоряжаться личными качествами людей, я бы сложил качества Василевского и Жукова вместе и поделил бы между ними пополам».

Глава тридцать вторая

На огненной дуге

«Никто никогда не называл его добрым...»

Война есть война. И на ней, как любил повторять Жуков, расчёт с просчётом по соседним тропинкам ходят...

Немцы были сильно угнетены столь масштабной и почти непоправимой неудачей под Сталинградом. Им хотелось скорого реванша. И Манштейн добыл для фюрера, пусть ограниченную, но всё же победу, которая на какое-то время скрасила мрачную атмосферу, царившую на Восточном фронте после кошмарной сталинградской зимы. Группа армий «Юг» провела успешный контрудар и отбила у Красной армии Харьков. Потом Белгород. Но, как оказалось, ненадолго.

Основные события, в которых скрестят свои шпаги два талантливейших полководца Второй мировой войны — Жуков и Манштейн, были ещё впереди. Но прелюдия уже звучала рокотом моторов танков новых типов, которые подходили к районам сосредоточения, накапливаясь там в дивизии и корпуса, и которые, как предполагал Гитлер, наконец должны были «сокрушить оборону русских».

В оперативном приказе войскам Гитлер сгруппировал задачи и мероприятия по обеспечению новой операции: «...я решил: как только позволят погодные условия, провести в качестве наступательного удара этого года операцию “Цитадель” ...данному наступлению придаётся особое значение. Необходимо осуществить его быстро и с большой пробивной силой. Оно должно передать инициативу на эту весну и лето в наши руки.

В связи с этим все приготовления осуществлять с величайшей осмотрительностью и энергичностью. На всех главных направлениях использовать лучшие соединения, лучшее оружие, лучших командиров, большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой обязан проникнуться пониманием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна послужить факелом для всего мира.

...Цель наступления посредством массированного, беспощадно и быстро проведённого каждой из атакующих армий наступательного удара из района Белгорода и южнее Орла окружить находящиеся в районе Курска силы противника и концентрированным наступлением уничтожить их».

Советская разведка в годы войны работала хорошо. Уже 12 апреля Сталин читал переведённый с немецкого текст директивы № 6 «О плане операции “Цитадель” немецкого Верховного командования». Документ ещё не имел подписи Гитлера. Он в эти дни тоже внимательно изучал план своих генералов. Подпишет его через три дня.

Жуков отбыл в район Курска ещё 18 марта.

Генерал-адъютант Минюк вспоминал: «...для него (спецпоезда. — С. М.) не зажигался запретный красный свет даже перед крупными станциями городов — всё зелёный и зелёный. Мы чем-то напоминали пожарных, спешащих отвлечь случившуюся беду. И это было именно так...»

На одной из станций поезд замедлил ход и повернул на запасной путь. Кругом руины станционных построек после недавнего авианалёта. Машины быстро выгрузили. Состав начали маскировать.

Офицер, прибывший из штаба Воронежского фронта, передал Жукову карту с нанесёнными на ней позициями своих войск и войск противника:

— На последний час, товарищ Маршал Советского Союза.

Жуков сориентировался по карте, уточнил место расположения штаба фронта и сказал:

— В штаб — потом. А сейчас — к фронту. — И, натягивая фуражку на глаза, кивнул офицеру связи: — А почему руки дрожат?

— Штаб фронта в другой стороне, — ответил офицер. — А там... куда вы хотите ехать... Оттуда, по сведениям разведки, наступает танковый корпус СС.

— И что — страшно? — Жуков посмотрел в глаза офицеру.

Тот ничего не ответил.

Жуков сел на переднее сиденье «хорьха» и повторил:

— К фронту.

Дорога была разбита. Машину швыряло по раскисшим колеям. Жуков торопил водителя.

Из воспоминаний Александра Бучина: «...ожил полузабытая картина ближнего тыла отступающей армии. Жуков с окаменевшим лицом смотрел на мчавшиеся навстречу грузовики, набитые солдатами, ездовых, беспощадно нахлёстывавших лошадей, и тянувшиеся по обочинам группы солдат в грязи с головы до ног. Правда, почти все с оружием. Георгий Константинович бросил по поводу этого одобрительную реплику. И замолчал, следя за маршрутом по карте.

Нас не остановили даже попадавшие время от времени немецкие самолёты, обстреливавшие дорогу. Конец путешествия пришёл внезапно — раздались гулкие выстрелы танковых пушек. Просвистели болванки.

Задний ход, разворот — и назад, в Обоянь. Несколько снарядов подняли фонтаны грязи. Немецких танков мы так и не увидели, но они были близко — на расстоянии прямого выстрела. Если бы мы ехали по-прежнему, то через минуту-другую вкатились бы в боевые порядки авангарда танкового корпуса СС. Потом выяснилось, что на карте, вручённой маршалу, был неверно нанесён передний край — указан рубеж, с которого наши войска уже отступили.

В деревне под Обоянью Жуков прошёл в здание, где находился штаб Воронежского фронта. Мы, оставшиеся на улице, стали свидетелями того, как готовились драпать штабные. Для меня, прошедшего более полутора лет рядом с Жуковым, картина совершенно нереальная. Офицеры-штабисты поспешно кидали на машины какие-то ящики, связисты сматывали провода. Крики, шум, ругань».

Увидев суету сборов, сильно смахивавшую на начало паники, Жуков надвинул фуражку «на половину носа» и приготовился к разному, но заметил среди штабных Василевского, поморщился и потребовал от командующего войсками Воронежского фронта доложить обстановку. Голикова он знал и по предвоенной работе, и по московской кампании, когда тот неудачно командовал левофланговой 10-й армией Западного фронта, самой мощной. Тогда, под Москвой, во время наступления Голиков всё время опаздывал и пропускал контрудары отступающего врага. Ничего хорошего он не ждал и сейчас. Выслушал доклад и обратился к члену Военного совета Хрущёву. Тот и вовсе в конкретной обстановке «плавал».

— Эх вы, магнаты^[155]! — бросил Жуков и отвернулся.

«Докладчики» ему этого не простят. В 1957-м, когда маршала будут распинать на Президиуме ЦК, а потом и на пленуме ЦК КПСС за «подготовку захвата власти и попытку установления личной диктатуры», первый секретарь ЦК Никита Сергеевич Хрущёв и начальник Государственного политического управления Советской армии и Военно-морского флота генерал армии Филипп Иванович Голиков будут стараться особенно. Припомнят всё.

Ночью через Обоянь пошли танки, противотанковая и гаубичная артиллерия на механической тяге. Мощные трёхосные «студебеккеры», поставляемые американцами в рамках «ленд-лиза»^[156], с тяжёлыми пушками на прицепе. Шла пехота. Навстречу танковому корпусу СС Жуков выдвигал срочно переброшенную из-под Сталинграда 21-ю армию генерала Чистякова^[157].

Утром Жуков поехал посмотреть на работу противотанковых батарей.

Всё поле у дороги было заставлено сгоревшими танками и бронетранспортёрами. Привели пленных немецких танкистов. Он допросил их. Двоих приказал отпустить:

— Пусть идут в своё расположение и расскажут... Остальных — на сборный пункт.

И вернулся в штаб фронта. К тому времени штаб работал в спокойном режиме. Но время было всё же упущено. Танково-гренадерские дивизии 2-го танкового корпуса СС при поддержке армейского корпуса «Раус» захватили Белгород.

Можно полагать, что замена командующего войсками Воронежского фронта генерала Голикова генералом Ватутиным произошла не без участия Жукова как представителя Ставки. Тем более что Ватутина Жуков ценил очень высоко, и когда на очередном трудном участке требовался умный и ответственный командир, он называл Сталину имя Ватутина.

Воевал Николай Фёдорович Ватутин на родине. Его деревня Чепухино под Валуйками была уже освобождена.

Начальник охраны Бедов вспоминал: «В эти дни в разговоре по телефону со Ставкой Г. К. Жуков потребовал заменить командующего фронтом. Он сказал, что генерал Голиков не способен справиться в создавшейся обстановке. Помню, как маршал, по-видимому, на возражение твёрдо заявил по телефону, что Голиков повторяет старые ошибки. Под Сухиничами он плохо показал себя, командуя 10-й армией. А теперь допустил более серьёзный просчёт. Не можем мы губить войска. Ставка по настоянию Г. К. Жукова освободила Ф. И. Голикова от командования фронтом».

Ватутин прибыл в штаб Воронежского фронта 22 марта. В тот же день они вдвоём с Жуковым отправились в войска. В 21-й армии допросили свежих «языков», захваченных на разных участках. На следующий день поехали в расположение 4-й армии.

Двадцать четвёртого марта Жуков был уже в штабе Центрального фронта у Рокоссовского. За несколько дней вместе с комфронта побывал в 13, 70, 65 и 48-й армиях.

По воспоминаниям водителя Бучина, Жуков и Рокоссовский, когда покидали расположение частей, порой «вели беседы на ничего не значащие или отвлечённые темы». Их связывало прошлое, командирская юность, когда оба стремительно и трудолюбиво делали карьеру.

Информацию, полученную во время поездок, после консультации с Василевским по приезде в Курск Жуков обобщил в краткий, но обстоятельный доклад и направил Верховному.

«Товарищу Васильеву^[158].

5 ч. 30 мин. 8 апреля 1943 г.

Докладываю своё мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

1. Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернёт против этих трёх фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу манёвра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

2. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесёт удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока.

Вспомогательный удар с целью разрезания нашего фронта надо ожидать с запада из района Ворожбы, что между реками Сейм и Псёл, на Курск с юго-запада. Этим наступлением противник будет стремиться разгромить и окружить наши 13, 70, 65, 38, 40 и 21-ю армии. Конечной целью этого этапа может быть выход противника на рубеж река Короча — Короча — Тим — река Тим — Дросково.

3. На втором этапе противник будет стремиться выйти во фланг и тыл Юго-Западному фронту в общем направлении через Валуйки — Уразово.

Навстречу этому удару противник может нанести удар из района Лисичанска в северном направлении на Сватово — Уразово.

На остальных участках противник будет стремиться выйти на линию Ливны — Касторное — Старый и Новый Оскол.

4. На третьем этапе после соответствующей перегруппировки противник, возможно, будет стремиться выйти на фронт Лиски — Воронеж

— Елец и, прикрывшись в Юго-Восточном направлении, может организовать удар в обход Москвы с юго-востока через Раненбург — Рязск — Рязань.

5. Следует ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

В настоящее время перед Центральным и Воронежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков 3–4 танковые дивизии, может бросить против нашей курской группировки до 15–16 танковых дивизий общей численностью до 2500 танков.

6. Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению ПТО^[159] Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков ИПТАП^[160]; все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны — Касторное — Ст. Оскол. Часть полков желательнее сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника.

Я не знаком с окончательным расположением наших оперативных резервов, поэтому считаю целесообразным предложить расположить их в районе Ефремов — Ливны — Касторное — Новый Оскол — Валуйки — Россошь — Лиски — Воронеж — Елец. При этом главную массу резервов расположить в районе Елец — Воронеж. Более глубокие резервы расположить в районе Рязска, Раненбурга, Мичуринска, Тамбова.

В районе Тула — Сталиногорск необходимо иметь одну резервную армию.

Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника.

Константинов^[161]. № 256».

Как покажут дальнейшие события, Жуков не ошибся.

Дар предвидения, о котором говорят многие биографы полководца и

журналисты, — это, конечно же, не некие экстрасенсорные способности, которые порой открываются в человеке. Жуков свои прогнозы выстраивал на основе тщательного и всестороннего изучения обстановки, данных армейской, агентурной и авиационной разведок, разговоров с бойцами на передовой, с командирами рот и батальонов, с командующими армиями и фронтами. Не раз ползал под пулями, чтобы посмотреть через нейтральную полосу, как ведёт себя противник. И делал это не ради рисовки перед своими подчинёнными и не «на камеру», как говорят сейчас. Ему, как опытному зверю, необходимо было понюхать ветер с той стороны, чтобы почувствовать силу другого зверя, с которым предстояло схватиться...

Сталин долго колебался перед тем, как принять решение: преднамеренная оборона, на которой настаивал Жуков, или наступление, упреждающий удар, о чём, словно сговорившись, твердили все командующие фронтами...

Из «Воспоминаний и размышлений»: «В середине апреля Ставкой было принято предварительное решение о преднамеренной обороне. Правда, к этому вопросу мы возвращались неоднократно, а окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой в начале июня 1943 года. В то время фактически уже стало известно о намерении противника нанести по Воронежскому и Центральному фронтам мощный удар с привлечением для этого крупнейших танковых группировок и использованием новых танков “тигр” и “пантера” и самоходных орудий “фердинанд”.

Главными действующими фронтами на первом этапе летней кампании Ставка считала Воронежский, Центральный, Юго-Западный и Брянский. Здесь, по нашим расчётам, должны были разыгаться главные события. Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение, и в первую очередь разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить. Одновременно с планом преднамеренной обороны и контрнаступления решено было разработать также и план наступательных действий, не ожидая наступления противника, если оно будет затягиваться на длительный срок.

Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, а сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его».

Армии и фронты начали зарываться в землю. Как рассказывали фронтовики, участники битвы на Орловско-Курской дуге, перед дракой им

пришлось основательно, до кровавых мозолей, поработать — отрывали окопы, траншеи, строили блиндажи, пилили лес, укрепляли ходы сообщения и землянки, накатывали свежие настилы, меняли сваи на мостах, усиливали их, создавали ложные аэродромы, артиллерийские позиции, строили макеты танков.

Судя по документам, опубликованным в разное время исследователями Курской битвы, о предстоящей широкомасштабной операции знали обе стороны. И всё же и работы по строительству обороны, и передвижение, и концентрацию войск, боевой техники сохраняли в строжайшем секрете.

В эти дни произошёл такой эпизод. Жуков отправился в штаб Степного фронта, к Коневу. Александр Бучин вспоминал: «Когда мы подъехали на двух “виллисах” к шлагбауму, одуревший от жары и езды Минюк неожиданно гаркнул часовому: “Подымай! Маршал Жуков едет!” Красноармеец у шлагбаума, однако, потребовал предъявить удостоверение. На глазах группы встречающих Жуков молча протянул документ. Солдат не только прочитал его, но и отвернул ворот кожаной куртки Жукова. Увидев маршалский погон, пропустил. Жуков громко поблагодарил за службу и, сняв с руки часы, подарил часовому».

Чтобы обеспечить успех нового грандиозного наступления, немцы сосредоточили против Курского выступа группировку, насчитывавшую до 50 дивизий, из них 18 танковых и моторизованных, две танковые бригады, три отдельных танковых батальона и восемь дивизионов штурмовых орудий, общей численностью, согласно советским источникам, около 900 тысяч человек. Руководство войсками осуществляли командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Клюге и командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн.

Соотношение сил сторон, по подсчётам отечественных и западных историков, выглядит так: Красная армия выставила против 900 тысяч германских солдат и офицеров 1 миллион 337 тысяч человек; против 2700 немецких танков и САУ — наших 3306; против десяти тысяч орудий и миномётов наших — 20 220 стволов; против 2500 самолётов люфтваффе наших 2650.

Таким образом, даже на стадии подготовки к решающему летнему сражению 1943 года Сталин дал понять и Гитлеру, и всему миру, в том числе и союзникам, которые продолжали затягивать сроки открытия второго фронта в Европе, что позиционную войну Советский Союз в сущности выиграл. Победа же на поле боя — всего лишь вопрос времени.

В дни подготовки к наступательной операции на орловском направлении, которая должна была, по замыслу Ставки, вытекать из

оборонительной операции и которая получила кодовое название «Кутузов», Жуков побывал на северном участке Курской дуги. Там с ним произошла вот такая история.

Случилось это 11 июля 1943 года в разгар Курской битвы в полосе обороны Брянского фронта. Командующий фронтом генерал Попов^[162] и его оперативный отдел определяли участок для предполагаемого прорыва с последующим вводом в дело танкового корпуса. Жуков, прежде чем отдать приказ Ставке о наступлении, решил лично удостовериться в пригодности местности для танкового манёвра. Машину оставил в лесу в километре от передовой.

Из рассказа начальника охраны Бедова: «Уже у самой передовой сказал: “Теперь вы останьтесь, а я один...” Надо было ему убедиться, что местность для рывка танков выбрана без ошибки. Пополз. Я — за ним. У нейтральной полосы Жуков внимательно осмотрел местность. Вдруг начали рваться мины — видно, немцы заметили нас. Одна — впереди, другая — сзади. “Третья будет наша!” — крикнул Жуков. Я рванулся и накрыл маршала своим телом. Мина разорвалась в четырёх метрах, к счастью, на взгорке — осколки верхом пошли. Но взрывом нас здорово потрянуло — мы оба были контужены. Георгий Константинович потерял слух на одно ухо. Осмотревший его в Москве профессор сказал, что надо лечь в госпиталь. “Какой госпиталь! Будем лечиться на месте”, — ответил Жуков».

Именно на этом участке манёвренная группа Брянского фронта стремительным ударом разрежет немецкие порядки. Войска хлынут в брешь, углубятся в оборону противника до 200 километров, освободят Брянск, Бежицу, форсируют реки Сож и Десна.

Начало битвы Жуков, как известно, встретил в штабе Центрального фронта у Рокоссовского. И пробыл там до 9 июля. Впоследствии маршал Рокоссовский зачем-то исказит правду истории, написав в своих мемуарах, что Жуков отбыл из его штаба через несколько часов после артподготовки.

Именно здесь Жукова застал звонок Верховного: срочно ехать в штаб Брянского фронта и вводить в дело ударные силы на северном участке Курской дуги.

В апреле 1965 года Жуков прочитает мемуары своего боевого товарища и бывшего командующего войсками Центрального фронта Рокоссовского, обнаружит там неточности. Он сразу же поймёт природу этой забывчивости и напишет в письме Рокоссовскому: «Описывая подготовку войск Центрального фронта к Курской битве, Вы написали о выдающейся роли Хрущёва Н. С. в этой величайшей операции. Вы

написали, что он приезжал к Вам на фронт и якобы давал мудрые советы, “далеко выходящие за рамки фронтов”. Вы представили в печати его персону в таком виде, что Хрущёв вроде играл какую-то особо выдающуюся роль в войне. А этого-то, как известно, не было, и Вы это знали.

Как Вам известно, с Хрущёвым приезжал и я. Напомню, что было на самом деле: был хороший обед, за которым Хрущёв и Булганин крепко подвыпили. Было рассказано Хрущёвым и Булганиным много шуток, анекдотов, а затем Хрущёв уехал в штаб Воронежского фронта, а я остался во вверенном Вам фронте, где отрабатывались вопросы предстоящей операции с выездом в войска. Надеюсь, этого Вы ещё не забыли».

Да, партийцы выпили и закусили, побалагурили и — спать. А солдатам надо было воевать. Жуков напомнил своему сослуживцу, что в июле 1943-го приезжал в его штаб не на стерлядь, как партийцы, а работать.

Рокоссовский писал свои мемуары, конечно же, с оглядкой на те обстоятельства и те нравы, которые царили тогда. А главным обстоятельством был Никита Сергеевич Хрущёв. Чтобы мемуары увидели свет, надо было считаться с этим обстоятельством. И свет они, конечно же, увидели. Книга «Солдатский долг» вышла в Воениздате в 1968 году. Правда, в урезанном виде. Военная цензура работала, как муравей. Книга, в восстановленной редакции, считается одной из лучших в ряду маршальских мемуаров.

Следует заметить, что и наш герой сходит по воду с тем же ведром: он будет писать «Воспоминания и размышления» уже в эпоху Брежнева и, по примеру Рокоссовского, тоже будет нуждаться в «мудрых советах» партийного товарища. Правда, тот товарищ рангом оказался куда ниже, и поэтому эпизод будет выглядеть совсем нелепым. Так что, как говаривали в Стрелковке: что в людях ведётся, то и нас не минует...

Американский историк Майкл Кайдин написал о Курской битве и роли Жукова в этом грандиозном событии: «Философия человека, который будет командовать советскими силами в Курской битве, была совершенно ясна ещё до того, как немцы начали атаку. Присутствие Жукова кардинально повлияло на ход сражения. Именно поэтому Манштейн был твёрдо уверен в том, что операция “Цитадель” не должна была проводиться. Манштейн знал, что в присутствии Жукова, и особенно с учётом двухмесячной отсрочки операции, оборона Красной Армии будет настолько сильной, что сокрушить её будет невозможно. Но было уже слишком поздно, и Манштейн пошёл на роковой штурм.

...Никто никогда не называл его добрым. Он едва ли делал что-либо такое, что бы отдалённо напоминало это представление. Действительно, он казался даже больше машиной, чем человеком, полностью посвящавшей себя тому, что должно было, по его мнению, быть сделано. Он относился совершенно равнодушно к смерти, независимо от количества погибших и от того, умирали ли враги или его собственные люди. Только одно имело значение для маршала Георгия Жукова — цель.

Он признавал только одного бога — полную преданность своему долгу. Хуже его неудовольствия мог быть только расстрел. Он не принимал никаких извинений и сам не приносил их никому. Он был выше всего, за исключением тщательности и дотошности в своих действиях. Он не оставлял ничего на волю случая и наказывал, иногда с ужасными результатами, своих подчинённых, которые его подводили.

Тем не менее никто в той же степени, что и он, не был ответствен за неудачи Германии. Он побеждал немцев везде, где сталкивался с ними. Он никогда не требовал от своих подчинённых низкопоклонства, но он заслужил их непоколебимое уважение. Он был жёстким, талантливым, блистательным.

...В каждом бою Жуков командовал более чем миллионом людей, обычно двадцатью или более армиями каждый раз. Число танков под командованием Жукова было огромным. С начала Курской битвы у него в распоряжении имелись первые русские самоходные установки. Он не просто использовал массовые артиллерийские обстрелы, он верил в эффективность плотных, непрекращающихся обстрелов. Он широко использовал тактику дальнего боя везде, начиная от миномётных обстрелов и заканчивая массированными ракетными обстрелами.

В концентрацию огневой мощи он верил больше, чем каким-либо цифрам. Он собрал все самолёты, способные подняться в воздух и сражаться. На некоторых направлениях он использовал мины десятками тысяч. С людьми дело обстояло так же, как и с орудиями, которыми они сражались; просто они были другим оружием. Они должны были быть приготовлены к бою настолько хорошо, насколько можно, им было выдано лучшее снаряжение, и они отправлялись в самое сердце сражения. Для него они были всего лишь цифрами. Он не сожалел о погибших, если цель достигалась, враг был разбит, бой был выигран.

...Сложно спорить с таким рассуждением. Если бы Жуков не был бы тем, кем он был, если бы он не поступал так, как поступил, возможно, что решающие сражения в России не были бы выиграны — а тогда потери в России были бы сравнимы с потерями во всей Европе».

Потери немцев в операции «Цитадель», которую они даже не смогли довести до конца, были огромными. Потери наших фронтов оказались ещё больше. Но — удивительное дело! — после Курской битвы Красная армия окрепла, возрос её дух, солдаты получили новое оружие и технику и готовы были преследовать отступающего врага. Нечувствительность к потерям свидетельствовала о силе организма Красной армии и её тылов.

Гитлер уже не мог восстановить зияющие пустоты в своих шеренгах и пятился к тыловым позициям, к Днепру, к спасительным его водам и кручам западного берега, по которому пролегла спасительная «Линия Пантера — Вotan».

Глава тридцать третья

Днепр

«Больше тянет в поле, к войскам, там я как рыба в воде...»

В начале августа 1943 года в разгар наступательной операции «Полководец Румянцев» Жуков въехал на «хорьхе» в Белгород в сопровождении машины охраны. Они пробирались по улицам, ещё заполненным дымом и чадом недавнего боя, среди полуразрушенных домов вслед за танками 1-го механизированного корпуса генерала Соломатина^[163].

Тем временем севернее авангарды Брянского фронта захватили город Орёл.

В Москве по приказу Сталина был произведён первый салют в честь освобождения двух русских городов доблестными войсками наступающей Красной армии. Салюты в честь победителей теперь станут постоянными. Начиналась другая война.

Шестого августа Жуков и командующий войсками Степного фронта Конев, сгруппировав свои соображения по дальнейшему развитию операции «Полководец Румянцев», телеграфировали Верховному. Их план предусматривал дальнейшее наступление с целью окружения харьковской группировки противника и освобождения Харькова. Буквально через несколько часов они получили ответную директиву: «Представленный тов. Юрьевым^[164] план операции “Румянцев” Ставка Верховного Главнокомандования утверждает и одновременно указывает:

1. 57-ю армию Гагена с 24.00 8 августа передать из состава Юго-Западного фронта в состав войск Степного фронта с задачей ударом в обход Харькова с юга содействовать главной группировке Степного фронта в овладении Харьковом. Разгранлинией между Степным и Юго-Западным фронтами установить левую границу 57-й армии.

2. Основная задача Юго-Западного фронта нанести главный удар на юг в общем направлении Голая Долина, Красноармейское и во взаимодействии с Южным фронтом разгромить Донбасскую группировку противника и овладеть районом Горловка, Сталино.

3. Основная задача Южного фронта нанести главный удар в общем направлении Куйбышево, Сталино, где сомкнуться с ударной группой Юго-

Западного фронта.

Готовность к наступлению Юго-Западного и Южного фронтов 13–14.8.1943 г. Тов. Александрову^[165] план действий ЮЗФ и ЮФ представить 10.8 на утверждение Ставки.

4. Координацию действий возложить: между Воронежским и Степным фронтами на тов. Юрьева, между Юго-Западным и Южным фронтами на тов. Александрова.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ».

Наступление продолжало развиваться. К исходу 11 августа 1943 года авангарды Степного и Воронежского фронтов с боями прошли до 100 километров, овладели важнейшими узлами обороны противника Богодухов и Гайворон. Танки и десант 1-й танковой армии генерала Катукова^[166] охватили харьковскую группировку противника. Одновременно с подвижными частями Воронежского фронта войска Конева заперли немецкую группировку с северо-востока.

Двадцать третьего августа 1943 года войска Конева окончательно дожали харьковскую группировку противника и вошли в Харьков.

Конев доложил об этом Верховному, и тот, радостный, ответил:

— Поздравляю! Салютовать будем по первому разряду.

Это было второе и окончательное освобождение Харькова. Крупнейший после Москвы и Ленинграда индустриальный, научный и транспортный центр, бывшая столица Советской Украины^[167], принимал освободителей. Состоялся торжественный митинг.

На митинге выступали генерал Конев, маршал Жуков и генерал Хрущёв. Но произошёл казус. Коневу после его выступления жители Харькова аплодировали с радостной благодарностью, дружно и громко. Когда выступил Хрущёв, ему тоже аплодировали, но сдержанно, как аплодируют из вежливости. После слов Жукова площадь снова взорвалась восторгом и криками «ура!». Хрущёву стало обидно. Он долгие годы работал здесь, поднимал народное хозяйство, строил новую жизнь, с 1938 года руководил партией большевиков Украины, всегда покровительствовал Харькову, и — так встретили... Возможно, Никите Сергеевичу не прощали репрессий, когда он в предвоенные годы твёрдой партийной рукой выкорчёвывал здесь «врагов народа». Потом, когда Хрущёв войдёт в силу уже в Москве, он припомнит маршалам это унижение.

С взятием Харькова наступательная операция «Полководец Румянцев» была завершена. Закончилась и Курская битва.

Жуков был награждён вторым орденом Суворова 1-й степени. Эта награда ему льстила. Награды он любил. Полководцы, так же, впрочем, как и простые солдаты, должны любить и чтить награды Родины.

Генерал фон Меллентин впоследствии напишет: «Русское Верховное Главнокомандование руководило боевыми действиями в ходе Курской битвы с большим искусством, умело отводя свои войска и сводя на нет силу удара наших армий при помощи сложной системы минных полей и противотанковых заграждений. Не довольствуясь контрударами внутри Курского выступа, русские нанесли мощные удары на участке между Орлом и Брянском и добились значительного вклинения. В связи с решением Гитлера о переходе к оборонительным действиям положение на Восточном фронте стало критическим.

4-я танковая армия получила сообщение о немедленном отводе танкового корпуса СС для переброски его в Италию, а 48-му танковому корпусу было приказано направить дивизию “Великая Германия” для оказания поддержки группе армий “Центр” фельдмаршала фон Клюге. При таких обстоятельствах было невозможно удержать занятые рубежи внутри Курского выступа, и к 23 июля 4-я танковая армия была отброшена на свои исходные позиции.

Операция “Цитадель” закончилась полным провалом. Правда, потери русских были больше, чем немцев; надо также отметить, что с тактической точки зрения ни одной из сторон не удалось достигнуть решающего успеха. 4-я танковая армия взяла в плен 32 тыс. человек, захватила и уничтожила свыше 2 тыс. танков и около 2 тыс. орудий. Но наши танковые дивизии, находившиеся в таком прекрасном состоянии в начале битвы, были теперь обескровлены, а русские, имея помощь англичан и американцев, могли быстро восполнить свои огромные потери.

После провала этого наступления, потребовавшего от немецких войск высшего напряжения, стратегическая инициатива перешла к русским».

Вглядываясь в историю Курской битвы, следует учитывать, что определённую долю стойкости нашим солдатам придавал сравнительно недавний приказ № 270 «Ни шагу назад!». Кроме того, и на орловском, и на хотынецком, и на белгородском, и на харьковском направлениях действовали солдатские штрафные роты и офицерские штрафные батальоны. Свой вклад в успех на Курской дуге они внесли с лихвой. Не следует этого забывать.

Жуков видел усталость своих войск. Солдаты только вышли из боя,

почти непрерывного, который длился два месяца. Люди нуждались в отдыхе, полки и дивизии — в пополнении, войска — в перегруппировке.

Двадцать пятого августа 1943 года, на следующий день после взятия Харькова, Жуков срочно прибыл в Кремль. Верховный потребовал его присутствия на заседании Ставки по поводу дальнейших действий фронтов в ходе продолжающегося наступления.

Уловив общий тон выступающих, в том числе и Верховного, Жуков тем не менее высказал своё мнение: германские войска на востоке уже не в состоянии вести большое наступление, но обороняться способны жёстко, применяя мощные контратаки; целесообразно именно сейчас продолжить общее наступление силами всех фронтов Западного и Юго-Западного направлений с целью выхода в восточные районы Белоруссии и на линию Днепра; при этом необходимо исключить фронтовые лобовые удары, проводить операции по отсечению и охвату группировок противника; ближайшим районом проведения такой операции может стать Донбасс...

Сталин выслушал предложения Жукова, затем его сторонников и подытожил: для реализации идеи товарища Жукова понадобится слишком много времени, немцы успеют отойти к Днепру и организовать там сильную оборону, а поэтому, не теряя ни минуты, нужно продолжать фронтальное наступление, чтобы как можно скорее отбросить противника за пределы своей территории.

Возразить Сталину было некому.

Жукову это напомнило ситуацию января — февраля 1942 года на западе от Москвы.

В конце августа 1943 года Гитлер прибыл в Винницу в свою ставку «Werwolf». Говорят, здесь он проводил свои оккультные мистерии, пытаясь вовлечь в «свою победу» взвездные и иные силы. Известно, что именно с командного пункта в Виннице он отдавал приказы на штурм Сталинграда, а затем на проведение операции «Цитадель».

В Виннице немцам нравилось. Красивый ландшафт, мягкий климат, прекрасная природа, чем-то напоминавшая районы Северной Германии. В свободные минуты Гитлер любил прокатиться на катере по Южному Бугу. Его восхищали живописные берега и бесконечные просторы. Их он планировал заселить арийцами. Герман Геринг любил посещать Винницкий музыкально-драматический театр. После оперы «Кармен» зашёл за кулисы, расцеловал ручки всех театральных красавиц и пожелал увидеть на винницкой сцене почитаемого немцами Вагнера. Внешний вид балерин, однако, не вполне устроил рейхсмаршала. Он заметил, что за год оккупации

они «непозволительно похудели», и распорядился выписать артистам дополнительный паёк. Балерины теперь сверх пайка исправно получали жиры, масло, изюм, шоколад и мыло. После этого труппа начала репетировать одну из опер Рихарда Вагнера. Но постановка не состоялась. В марте 1944 года войска 1-го Украинского фронта под командованием Жукова ворвутся в Винницу. Немцы, уходя из города, взорвут всё, что можно, в том числе и командный пункт Гитлера, и здание театра.

Восьмого сентября Гитлер выехал из «Werwolf» в Запорожье в штаб группы армий «Юг» и провёл срочное совещание со своими генералами. В то время вермахт ещё контролировал обширные районы и ключевые плацдармы на левом берегу Днепра. Во время обмена мнениями высказался Манштейн. Именно на его группировку все эти недели русские оказывали самое мощное давление. Вспоминая о своём докладе на запорожском совещании, он писал в книге «Утерянные победы»: «Хотим мы или не хотим, но мы будем вынуждены отойти за Днепр, особенно принимая во внимание возможные последствия чрезвычайно напряжённой обстановки на северном фланге нашей группы. Чтобы получить необходимые силы для подкрепления этого фланга, я предложил немедленно отвести группу “Центр” на рубеж Днепра. В результате этого её фронт сократился бы на одну треть и мы сэкономили бы силы, которые позволили бы нам сосредоточить, наконец, достаточно крупные соединения войск на решающем участке Восточного фронта. Теперь Гитлер в принципе соглашался с необходимостью отхода северного фланга на рубеж Мелитополь — Днепр, хотя он всё ещё надеялся избежать этого путём подтягивания сюда новых дивизионов штурмовых орудий (САУ). Как всегда, он думал, что использование технических средств будет достаточным для стабилизации обстановки, которая могла быть достигнута на самом деле только введением в бой большого числа новых дивизий. Относительно высвобождения сил из района группы “Центр” путём отхода на верхний Днепр он заявил, однако, что быстрый отход на такое большое расстояние неосуществим. Такое большое передвижение частей затянется якобы вплоть до наступления распутицы. Кроме того, он считал, что будет потеряно много техники (как это произошло при отходе с Орловской дуги). Вообще отход на промежуточный рубеж дальше на восток был, по его мнению, возможен, но не дал бы нам необходимой компенсации в виде экономии сил».

Гитлер приказал оставить кубанский плацдарм и выделил из состава группы армий «Центр» один корпус: две танковые и две пехотные дивизии.

Как видим, в это время главной заботой Гитлера и его фельдмаршалов

были поиски резервов — откуда бы выкроить лишнюю дивизию. Манштейн, конечно же, смотрел в корень: «Стабилизация обстановки» «могла быть достигнута... только введением в бой большого числа новых дивизий».

К концу сентября 1943 года войска Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов, выполняя директиву Ставки, вышли к Днепру на 750-километровом участке от Лоева на севере до Запорожья на юге и с ходу приступили к форсированию реки.

На подступах к Днепру и Десне в те дни стояла довольно мощная наша группировка: пять фронтов — 2 миллиона 633 тысячи человек, более 51 200 орудий и миномётов, 2400 танков и самоходных установок, 2850 самолётов разных типов. Против двух групп армий: «Центр» и «Юг» — 1 миллион 240 тысяч человек, 12 тысяч орудий и миномётов, 2100 танков и штурмовых орудий, 2100 самолётов.

Более успешно в этом марше на запад действовали войска под командованием Центрального и Воронежского фронтов. Рокоссовский и Ватутин буквально гнали свои армии и корпуса вперёд, используя выгодные обстоятельства. Наши авангарды рассекали немецкую оборону на отдельные участки и группы. Изолированные, лишённые подвоза и возможности манёвра, они отходили к киевским переправам, чтобы не оказаться под ударом вторых эшелонов. Создались благоприятные условия для полного окружения этих групп восточнее Киева.

Рокоссовский в своих воспоминаниях сетовал на то, что Жуков, координировавший действия двух фронтов, не дал согласия на проведение этой операции. В итоге время было упущено, и противник смог выйти к днепровским переправам раньше, чем там появились передовые части армий первого эшелона. Избежавшие окружения на левом берегу благополучно перебрались на правый и уплотнили боевые порядки Восточного вала, изготовившегося к обороне.

Двадцать четвёртого сентября 1943 года на правом берегу на участке наступления Воронежского фронта в районе Великого и Малого Букрина был выброшен воздушный десант с целью «захватить плацдарм, перерезать основные пути сообщения, ведущие к Днепру, и не допустить подхода к западному берегу Днепра резервов противника. Тем самым обеспечить успешное ведение боя за расширение плацдармов на Днепре в районе Великого Букрина».

Однако операцию подготовили и проводили второпях, без предварительной разведки, десантирование производили в

неблагоприятную погоду, при сильном ветре. Лётчики путались в маршрутах. Несколько бортов выгрузили парашютистов прямо на позиции немецких войск, где их встретили зенитными автоматами и стрелковым оружием. Несколько самолётов произвели десантирование на левом берегу. Один — над Днепром; все парашютисты утонули. Другие — на высоких скоростях и на огромной высоте, так что десантники потом долго искали друг друга, чтобы собраться в подразделения. Не все после приземления смогли отыскать разбросанные на большие расстояния контейнеры с грузами, где находились оружие, боеприпасы, продукты, медикаменты и необходимое снаряжение. Из десяти тысяч бойцов на правый берег было переброшено всего 4575 человек. Без артиллерии и миномётов. Десантники сразу же попали под огонь противника. И только третья часть из них смогла объединиться и выстроить оборону, а впоследствии даже захватить плацдарм и обеспечить переправу нашим войскам.

Операцию готовил и координировал штаб Воронежского фронта. Утверждал план представитель Ставки Жуков.

Третьего октября 1943 года из Москвы пришла директива командующему войсками Воронежского фронта и представителям Ставки «О причинах неудачи воздушного десанта на Воронежском фронте и об изъятии воздушно-десантных бригад из подчинения командования фронта».

«3 октября 1943 г. 01 ч. 40 мин.

Констатирую, что первый воздушный десант, проведённый Воронежским фронтом 24 сентября, провалился, вызвав массовые ненужные жертвы. Произошло это не только по вине тов. Скрипко, но и по вине тов. Юрьева^[168] и тов. Ватутина, которые должны были контролировать подготовку и организацию выброски десанта.

Выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела, ибо, как показывает опыт, выброска массового ночного десанта даже на своей территории сопряжена с большими опасностями.

Приказываю оставшиеся полторы воздушно-десантные бригады изъять из подчинения Воронежского фронта и считать их резервом Ставки.

И. СТАЛИН».

Жуков получил от Верховного щелчок по носу.

А на правом берегу умирали, сражаясь в одиночку и мелкими группами, выброшенные в расположение противника, по существу на произвол судьбы, тысячи десантников. У многих из них и могил не

осталось. «Ни петлички, ни лычки с гимнастёрки моей...»

Двадцать восьмого сентября 1943 года Ставка возложила на Жукова координирование действий войск Центрального и Воронежского фронтов с целью овладения Киевом.

Двадцатого октября 1943 года фронты получили новые наименования: Центральный стал 1-м Белорусским и нацеливался на белорусское направление, а Воронежский — 1-м Украинским и сразу же получил приказ взять Киев.

Первые недели боёв показали, что Манштейн сдавать Киев не намерен. Войска Ватутина вели атаки с двух направлений: основное наступление шло с юга, с Букринского плацдарма, одновременно с севера, с Лютежского плацдарма проводились вспомогательные удары.

«Здравствуй, Шурик, — писал Жуков в эти дни жене, выкроив свободную минуту. — Шлю тебе привет и крепко целую. Обними и крепко поцелуй Элочку и Эллочку... Посылаю семечек. Делать вам всё равно нечего, хоть будете их грызть. Посылаю обратно тёплую кофточку, она очень кусачая и её носить совершенно невозможно, она колет, как колючая проволока. Пусть лучше получают мягкий свитер. Дела у нас по-прежнему неплохие. Сидим на Днестре. Немцы хотят во что бы то ни стало удержаться на Днестре. Но, видимо, им это не удастся. Я по-прежнему езжу по армиям, в вагоне не могу — характер, видимо, такой, больше тянет в поле, к войскам, там я как рыба в воде. Здоровье неплохое. Плохо слышу. Надо бы опять полечить ухо, да вот пока не могу организовать. Иногда немного побаливает голова и нога. Ну вот пока всё, что хотел тебе написать. Желаю тебе и ребятам здоровья. Крепко, крепко всех вас целую».

Двадцать пятого октября 1943 года Жуков приказал перебросить войска с Букринского плацдарма на Лютежский. Операция была проведена в кратчайшие сроки, скрытно. Войска сосредоточивались в новых районах и готовились к атаке, соблюдая при этом строжайшую секретность. Таким образом к северу от Киева была сконцентрирована мощнейшая группировка в составе общевойсковой, танковой армий и двух отдельных корпусов — танкового и артиллерийского корпуса прорыва.

Верховный торопил со сроками — взять Киев к 7 ноября, к 26-й годовщине Великого Октября. И дело было не в дате. «Решая эту задачу, — предписывала директива на наступление, — пойти на жертвы, имея в виду, что эти жертвы будут во много раз меньше тех, которые придётся затратить, если эта операция затянется...»

Жуков в эти дни метался между двумя плацдармами.

Из воспоминаний Александра Бучина: «Осень 1943 года запомнилась

как непрерывное сражение — фронты пробивались к Днепру. Сражение не стихало ни днём, ни ночью. Георгий Константинович по большей части в войсках Воронежского фронта много времени работал с Ватутиным. Мне кажется, что он как-то любовно опекал славного генерала. Фронт Ватутина и вышел к великой реке в том районе, где на другом, высоком берегу стоит красавец Киев. Тогда Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский, а Степной во 2-й Украинский. Не буду говорить о форсировании Днепра, как раз об этом, по-моему, написано много. Это был какой-то ужас. Георгий Константинович на катерах и паромах много раз переправлялся на тот берег и обратно. Сначала на Букринском — южнее, затем Лютежском — севернее города плацдармах. Мне пришлось много поехать с ним вдоль восточного берега Днепра. Сапёры соорудили там дорогу в двести с лишним километров, которая, понятно, была сделана наспех и постоянно разрушалась танками и тяжёлой техникой. По этой дороге прошла историческая перегруппировка с Букринского на Лютежский плацдарм, которую немцы прозевали. Не могли не прозевать, ибо Г. К. Жуков распорядился установить драконовские меры обеспечения скрытности передвижения транспорта.

Насколько я помню, операция по овладению Киевом готовилась так, что враг оказался в неведении, откуда последует решительный удар. Даже мы, находившиеся на расстоянии протянутой руки от маршала, поняли, кому брать Киев, только тогда, когда войска, выступившие с Лютежского плацдарма, завязали бои на окраинах города. Приказы Г. К. Жукова о строжайшем соблюдении военной тайны выполнялись до точки».

Жуков переиграл Манштейна и в боях за Киев. Демонстрируя наступление с Букринского плацдарма, основной удар наши части нанесли с севера, от Лютежа.

Жуков въехал в Киев вслед за танками, как сказал поэт, — «по дымящемуся следу отступающего врага». «Хорьх» пробрался сквозь завалы только что сдвинутой с дороги разбитой и брошенной техники, немецкой и своей, проехал через Дарницу по только что наведённому понтонному мосту. Жуков не узнавал тот прекрасный город, где служил до войны и где война его застала. Черты его поблёкли, постарели, тронутые тленом разрушений...

Хрущёв въезжал в Киев на другой машине. Видимо, учёл опыт Харькова.

Как вспоминал Александр Бучин, остановились на Крещатике. Жуков вышел из машины. И народ сразу же стал собираться вокруг маршала. Его узнавали по фотографиям в газетах, вполголоса передавали из уст в уста в

густеющей толпе: «Жуков! Жуков!» К маршалу обращались с вопросами, благодарили за освобождение, жаловались на пережитое во время немецкой оккупации. Начался разговор, который вскоре перерос в митинг.

Политработники и охрана металась как подстреленные. Одни боялись покушения на представителя Ставки, за жизнь которого они отвечали головой. Другие — что всё произошло не по рангу. Митинг — дело партийное. Замечу, что после Киева митингами в освобождённых городах будут распоряжаться исключительно политорганы — где, когда, кто выступит и т. д.

1943 год заканчивался так же напряжённо, как и начинался. Противник пытался контратаковать. Зверь был по-прежнему силен и при каждой попытке подойти к нему показывал мощные клыки и длинные когти, но нападать он уже не решался.

Глава тридцать четвёртая

1944-й

«...здесь завязалось ожесточённейшее сражение, такое, какого мы не видели со времени Курской дуги».

В начале 1944 года была проведена весьма удачная Корсунь-Шевченковская операция. Она принесла славу Коневу. Было захвачено 18 тысяч пленных, 41 самолёт, 167 танков и штурмовых орудий, 618 полевых орудий, 267 миномётов, 789 пулемётов, десять тысяч автомашин, семь паровозов, 415 вагонов и цистерн, 127 тягачей и другие трофеи. Во время попытки прорыва был убит командующий корсунь-шевченковской группировкой генерал Штеммерман. Над немецкой армией снова нависла зловещая тень Сталинграда. Разгромом крупнейшей корсунь-шевченковской группировки наши войска открывали для себя Заднепровье.

Успех 2-го Украинского фронта был сокрушительным. Сразу же вышел указ о присвоении Коневу звания «Маршал Советского Союза».

Звание Коневу присвоили, а маршальские погоны — работа штучная, и выполняли её золотошвейки в Москве, по индивидуальному заказу. Так что погон для нового маршала не оказалось. А у Жукова была запасная пара. И он её привёз в подарок Коневу. Вручил и поздравил от имени Ставки Верховного главнокомандования.

Правда, говорят, что это всего лишь легенда. Но Конев вспоминал, что Жуков к нему в те дни действительно приезжал. «Мы встретились с ним на командном пункте 27-й армии в Джурженцах», — писал впоследствии в «Записках командующего фронтом» маршал Конев.

Действиями командования 1-го Украинского фронта и представителя Ставки, в период проведения Корсунь-Шевченковской операции находившегося при штабе фронта, Верховный остался недоволен. Он винил Ватутина и Жукова в том, что по их допущению часть немецкой группировки всё же смогла вырваться из окружения.

Именно поэтому в указ о награждении генералов и офицеров по итогам проведённой операции ни один, ни другой не попали.

В 1946 году, когда арестовали главкома ВВС Главного маршала авиации Новикова, в протоколах допросов среди прочего появилось вот какое признание: «После окончания Корсунь-Шевченковской операции командующий... 2-м Украинским фронтом Конев получил звание маршала.

Этим решением правительства Жуков был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им — Жуковым, а награды и звания за неё даются другим людям... Жуков высказывал мне обиды, что он, являясь представителем Ставки, провёл большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами».

К теме послевоенных арестов людей из окружения маршала мы ещё подойдём. Но здесь стоит заметить, что показания из Новикова выбивали резиновыми палками и другими изощрёнными методами.

В самый разгар подготовки Уманско-Ботошанской операции 2-го Украинского фронта во время одной из поездок был тяжело ранен Ватутин. Кортёж комфронта обстреляла боёвка^[169] бандеровцев на дороге между населёнными пунктами Сиянцы и Милятын. Ватутин получил пулевое ранение в бедро со смещением кости. Вскоре в госпитале он скончался.

Первого марта Ставка назначила Жукова командующим войсками 1-го Украинского фронта. И он снова оказался в родной стихии.

Через три дня началась Проскурово-Черновицкая операция.

Из-за распутицы Жуков от штаба к штабу, от дивизии к дивизии обычно перебирался на танке.

Темпы наступления обоих фронтов оказались низкими. Но тем не менее Манштейн снова оказывался в сложнейшем положении. Чтобы не выпустить из рук важнейшую коммуникацию — железнодорожный перегон Львов — Одесса, Манштейн решил контратаковать. На рубеж Тернополь — Проскуров были спешно перегруппированы 14 дивизий, из них девять танковых. 7 марта 1944 года немцы контратаковали. Навстречу немецким танкам ринулись танковые и механизированные части наших армий, прикрывавших это направление. Маршал вспоминал, что в те дни «здесь завязалось ожесточённейшее сражение, такое, какого мы не видели со времени Курской дуги. Восемь суток враг пытался отбросить наши войска в исходное положение. Измотав и обескровив контрударные части противника, наши войска на участке главного удара, усиленные резервами фронта, в том числе 1-й танковой армией, 21 марта, сломив сопротивление врага, начали быстро продвигаться на юг. Особенно стремительно шли соединения 1-й танковой армии генерала М. Е. Катюкова. Одновременно успешно продвигались и остальные армии фронта, наступавшие с востока, северо-востока и севера. 1-я танковая армия, сбивая части противника, 24 марта захватила город Чертков, а 8-й гвардейский корпус армии под командованием генерала И. Ф. Дрёмова утром того же дня вышел к Днестру. В район Залещиков и к Днестру подошли 1-я гвардейская танковая бригада полковника В. М. Горелова и 20-я мотострелковая

бригада полковника А. Х. Бабаджаняна. К Днестру же вышли части 11-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Л. Гетмана».

Это была точно рассчитанная и блестяще проведённая операция на окружение. Вначале глубокий рассекающий прорыв танковой армии Катукова, с ходу форсировавшей Днестр, а затем Прут. Потом охватывающие удары двух других танковых армий, которыми командовали генералы Лелюшенко^[170] и Рыбалко^[171], и общевойсковой 1-й гвардейской армии генерала Гречко^[172]. В результате 1-я танковая армия немцев оказалась в окружении.

Это было то самое соединение, бывшая 1-я танковая группа, которую чаще называли армейской группой «Клейст» по имени её командующего и с которой Жуков столкнулся под Киевом летом 1941-го. Тогда она кромсала механизированные корпуса, его детище, а теперь он загнал своего заклятого врага в капкан.

Однако удержать зверя в западне Жуков не смог.

Было ясно, что противник вот-вот начнёт прорыв. К сожалению, разведка, остававшаяся почти всю войну нашим слабым местом, неверно определила направление главного прорыва. 1-я танковая армия Катукова ушла на юг. А немцы пошли на прорыв в западном направлении через Богучар. На пути колонн, идущих на прорыв, оказались части 4-й танковой армии генерала Лелюшенко. Произошла жесточайшая схватка. Одни вырывались из смертельного кольца и шли по телам своих товарищей, выполняя приказ Гитлера. Другие не хотели уступать и тоже стояли насмерть. На некоторых участках стороны сблизились настолько, что только рукопашные схватки разрешали дело.

Лелюшенко постоянно информировал Жукова об обстановке. Однажды во время переговоров офицер штаба сообщил, что противник атаковал расположение штаба. Лелюшенко сказал Жукову, что вынужден прервать доклад и взяться за автомат. «Иди, руководи отражением атаки, — ответил ему Жуков, — надеюсь, что в плен не попадёшь. Как только появится возможность, доложишь».

Манштейн в своих мемуарах утверждает, что к 9 апреля 1-я танковая армия вышла из окружения. При этом он ни словом не обмолвился о том, какие потери понесла армия в людях и технике во время своего марша на прорыв.

Жуков же в «Воспоминаниях и размышлениях» пишет: «Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения, ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Видимо, всё же

вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше».

Удар войск Жукова разрезал немецкую группировку, прижал её к Карпатам. Брешь зияла от Тернополя до Черновиц.

Десятого апреля вышел указ о награждении маршала Жукова высшим полководческим орденом «Победа». Орден ему вручили в Москве 31 мая 1944 года, в Кремле. В тот же день орденом «Победа» был награждён и маршал Василевский. Жукову вручили «Победу» за номером 1. Василевскому — за номером 2.

Награждение прошло без каких бы то ни было торжеств. Когда Жуков пришёл к Сталину на совещание, тот спросил, был ли он у Шверника^[173]. Жуков ответил, что не был. Сталин сказал: «Надо зайти и получить награду». Жуков вытянулся и поблагодарил Верховного. Сталин на это ничего не ответил, а сразу перешёл к делу: «Ну, с чего начнём?»

За две недели до этого, 15 мая, Верховный сделал кадровую перестановку: на 1-й Украинский назначил Конева, на 2-й Украинский — Малиновского, на 3-й Украинский — Толбухина. Жуков снова нужен был ему как представитель Ставки сразу на нескольких фронтах. Назревала крупномасштабная операция.

Кадровой перестановке предшествовала встреча Жукова и Сталина на совещании в Кремле, где обсуждалась летне-осенняя кампания 1944 года. Жуков прибыл в Москву 22 апреля и до конца месяца работал в Генеральном штабе и в Ставке. «В самолёте на пути в Москву, — вспоминал он, — изучая последние данные с фронтов, я ещё раз пришёл к убеждению в правильности решения Ставки от 12 апреля 1944 года, в котором одной из первоочередных задач на лето этого года ставился разгром группировки немецких войск в Белоруссии. Предварительно нужно было провести ряд крупных ударов на других направлениях, с тем чтобы оттянуть из района Белоруссии максимум стратегических резервов немецких войск».

По прибытии в Москву Жуков зашёл в Генеральный штаб. Обязанности начальника Генштаба в ту пору исполнял генерал А. И. Антонов^[174]. По мнению многих его сослуживцев, это был исключительный человек и офицер. «Его отличительными чертами являлись прежде всего высокая эрудиция, общая и особенно военная культура, которые проявлялись в широте и глубине подхода ко всем вопросам работы, в речи, поведении, отношении к людям».

Вместе с Антоновым Жуков работал над планом предстоящего

масштабного наступления в Белоруссии. Этому предшествовал коллективный мозговой штурм, организованный Сталиным. Верховный, как вспоминал маршал, обычно готовился к совещаниям такого рода основательно, изучал все данные и держал их в уме. Но всё же давал возможность выступить командующим родами войск. Вот и в тот раз после доклада Антонова он обратился вначале к командующему ВВС маршалу Новикову, а потом к командующему бронетанковыми войсками маршалу Федоренко^[175]. Те доложили о готовности авиации и танковых войск.

Затем Сталин взял из коробки две папиросы «Герцеговины флор», разорвал их и «не спеша» набил табаком трубку. Раскурил её. И сказал, указав чубуком на карту Генштаба, по которой докладывал Антонов:

— Ну а теперь послушаем Жукова.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Я, тоже не спеша, развернул свою карту, которая по размерам была, правда, несколько меньше карты Генштаба, но отработана не хуже. Верховный подошёл к моей карте и стал внимательно её рассматривать.

Свой доклад я начал с того, что согласился с основными соображениями А. И. Антонова о предполагаемых действиях немецких войск и о тех трудностях, которые они будут испытывать в 1944 году на советско-германском фронте.

Тут И. В. Сталин остановил меня и сказал:

— И не только это. В июне союзники собираются всё же осуществить высадку крупных сил во Франции. Спешат наши союзники! — усмехнулся И. В. Сталин. — Опасаются, как бы мы сами без их участия не завершили разгром фашистской Германии. Конечно, мы заинтересованы, чтобы немцы начали, наконец, воевать на два фронта. Это ещё больше ухудшит их положение, с которым они не в состоянии будут справиться.

Излагая свои соображения о плане летней кампании 1944 года, я обратил особое внимание Верховного на группировку противника в Белоруссии, с разгромом которой рухнет устойчивость обороны противника на всём его Западном стратегическом направлении.

— А как думает Генштаб? — обратился И. В. Сталин к А. И. Антонову.

— Согласен, — ответил тот».

Сталину план понравился. Но ему хотелось, чтобы с планом внимательно ознакомился Василевский. И он дал Жукову и Антонову три дня на доработку.

Через три дня Жуков и Антонов снова были у Верховного. «После обсуждения плана, — вспоминал маршал, — было решено: первую наступательную операцию провести в июне на Карельском перешейке и

петрозаводском направлении, а затем на белорусском стратегическом направлении».

Целью операции в Белоруссии являлся «охват двумя фланговыми ударами и уничтожение минской группировки противника Группы армий «Центр»». Наступление продолжалось два месяца, с 24 июня по 29 августа, и закончилось полным разгромом группы армий «Центр».

Жуков в период подготовки и проведения операции, получившей название «Багратион», координировал действия войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Василевский тем временем постоянно находился в штабах и частях 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Решением Ставки полномочия её представителей были расширены: им было дано право не только давать советы и рекомендовать, но и непосредственно управлять боевыми действиями, то есть командовать частями и соединениями.

Атака последовала 23 июня на рассвете. Более чем двухчасовую артподготовку завершили залпы «катюш». Потом в дело пошли штурмовики Ил-2. Пехота поднялась, когда огненный вал ещё не опал, батальоны шли вслед за этим валом, преодолев передовой участок в полтора-два километра, практически полностью разрушенный тяжёлой артиллерией и миномётами. Там, где немецкие командиры успели отвести свои войска в глубину за пределы зоны поражения, начались отчаянные схватки. На оршанском направлении прорвать немецкие линии и вовсе не удалось.

Жуков в то утро находился на КП командующего 3-й армией генерала Горбатова. 3-я армия 1-го Белорусского фронта наступала на рогачёвско-бобруйском направлении. Артиллерия не смогла в достаточной степени подавить немецкую оборону. В результате войска первого эшелона продвигались вперёд трудно. Захватили вначале первую траншею, потом вторую. Маршал артиллерии Яковлев^[176] вспоминал атмосферу, царившую в те часы на КП генерала Горбатова: «...командарм А. В. Горбатов, человек, прошедший уже немалый армейский путь и хорошо понимавший всю сложность ратного труда, вёл себя сдержанно, пожалуй, даже спокойно. И в этом спокойствии чувствовалась его твёрдая уверенность в том, что командиры корпусов, дивизий и полков его армии, несмотря ни на что, достойно выполнят свой воинский долг. Поэтому старался не особенно-то тревожить их телефонными звонками, а терпеливо ждал дальнейшего развития событий. Г. К. Жуков тоже ничем не выдавал своего волнения. Он даже не беспокоил командарма, а прогуливаясь по рожице, в которой располагался НП армии, лишь изредка интересовался сообщениями о

боевой обстановке в целом на фронте и у соседа — в войсках 2-го Белорусского фронта. Так же выдержанно вёл себя весь день, вечер и ночь, а потом даже и следующий день. Такому хладнокровию можно было только позавидовать».

Из воспоминаний Александра Бучина: «Я издали наблюдал за Жуковым. Видимо, маршал надеялся на быстрый прорыв и распорядился держать свой “виллис” под рукой, ехать вперёд буквально в боевые порядки пехоты. Не получилось. Георгий Константинович первый и часть второго дня провёл в лесочке у командного пункта армии. Набывчившись, неторопливо прогуливался, изредка подзывая генералов и офицеров, которые ему что-то докладывали. Громадный контраст с его поведением на других фронтах, когда он непосредственно вмешивался в руководство операциями. Он полностью доверял Горбатову и Рокоссовскому и не хотел мешать им. Ненужные споры были бы неизбежны. Тот и другой генералы говорили с Жуковым на равных, не заискивали и не смущались...»

К генералу Горбатову Жуков относился с особым уважением не только потому, что они были сослуживцами. Жуков видел, как умело, спокойно и сосредоточенно командарм 3 управляет своими дивизиями и корпусами. Он был уверен, что Горбатов сделал для обеспечения успеха всё. И успех будет. Впоследствии в мемуарах маршал будет часто упоминать имя своего надёжного боевого товарища. Но товарищи из Главпура почти везде вычеркнут имя опального генерала из рукописи. Только в посмертных изданиях имя Горбатова будет восстановлено.

Вскоре на левом фланге, где наступала 65-я армия генерала Батова^[177], наметился успех. Один из стрелковых корпусов прорвал немецкие линии и начал энергично расширять прорыв. В эту брешь сразу же хлынули танки. Батов сообщил Жукову, что танкисты с десантом на броне углубились на 12 километров и продолжают наступление. «Этого не может быть. У Романенко и Горбатова пройдено всего два километра», — ответил Жуков. Батов доложил более конкретно: стрелковые дивизии вышли на рубеж такой-то; танковый корпус ведёт бой впереди в районе таком-то...

Как вспоминал Батов, аппарат какое-то время молчал. Потом отстучал на ленте короткую фразу: «Приеду смотреть сам».

Через несколько часов на командный пункт Батова примчался кортеж. Недалеко от КП на открытом пространстве его, видимо, засекла немецкая артиллерийская разведка. Только машины успели скрыться в лесу, как участок дороги накрыла серия снарядов.

Жуков приказал доложить обстановку.

Вскоре пришли хорошие вести с других участков: прорыв, вводится

конно-механизированная группа, танки прорвались в направлении Минска...

Фронт группы армий «Центр», наконец, стал распадаться и рушиться.

Александр Бучин вспоминал: «К Минску! Танковые армии проходили по 50, общевойсковые по 20 километров в сутки. Между ними время от времени образовывался разрыв, но всё равно колонны со снабжением для танков шли, шли бесстрашно, не обращая внимания на разрозненные толпы бежавших немцев. Шло, как говорят военные, параллельное преследование. В до предела запутанной обстановке Жуков чувствовал себя как рыба в воде, мы немало поездили, объезжая различные штабы, командные пункты, а то просто двигаясь с войсками. Иногда за нами следовала машина сопровождения, в другой раз натужно пыхтел бронетранспортёр, а порой даже порывивал танк, но нередко наш “виллис” оказывался в одиночестве. Немцы были настолько деморализованы, что не решались применить оружие. Они разбегались или прятались, а иные отчаявшиеся не прятались и провожали нашу машину тоскливыми взглядами. Таких встреч было немало».

Жуков помнил эти тоскливые взгляды солдат, потерявших веру в оружие и своих командиров. В 1941-м такие же глаза смотрели из-под красноармейских пилотов. Теперь — из-под потных кепи немецких военнопленных.

Однажды под Луцком, когда уже освободили Минск и добивали зажатую в лесах немецкую группировку, произошёл такой эпизод.

Маршальский «виллис», как это часто случалось на дорогах, когда Жуков куда-то спешил, оторвался от машины и бронетранспортёра охраны. Дорога на Луцк оказалась неширокой. Водители знали, что на обочины лучше не съезжать — мины. Догнали «студебеккер». Бучин посигналил и пошёл на обгон. Но как только «виллис» поравнялся с задним мостом грузовика, тот начал прижимать легковушку к обочине. Бучин сбросил газ и притормозил. Снова посигналил и пошёл на обгон. И снова «студебеккер» начал прижимать их к обочине. И так несколько раз. Жуков приказал: «Обгоняй!» — и, когда Бучин замешкался, перекинул через рычаг переключения скоростей ногу и с силой надавил на ногу Бучина. Машина прыгнула вперёд и, едва не задев «студебеккер», наконец оказалась впереди. «Стой!» — приказал маршал. Фуражка его уже сидела «на носу». Он быстро выскочил из машины. За ним — все остальные, сидевшие в «виллисе». Как вспоминали очевидцы, «из кабины трёхосного грузовика вылез едва стоявший на ногах водитель, молодой, вдребезги пьяный...». Жуков жестом подозвал его и, когда тот подошёл, «без слов врезал в ухо».

Когда водителем заинтересовался начальник охраны, офицер НКВД, Жуков, понимая, что эта «пьяная» история может иметь неприятные последствия для пьяного водителя «студебеккера», приказал охраннику: «Пучков, добавь!» — и махнул вперёд: «Трогай».

Жуков был человеком не просто из народа, а человеком народа. Кто знает, как закончилась бы эта история для пьяного солдата, попадись ему на дороге маршал или генерал поинтеллигентнее. Штрафные роты тогда формировались почти в каждой дивизии.

В ходе операции «Багратион» наши армии достигли результатов, которые значительно превышали первоначальный замысел. Немецким войскам было нанесено максимальное поражение. Группа армий «Центр» так и не смогла восстановиться до конца войны. По подсчётам некоторых историков, германские войска потеряли убитыми 381 тысячу человек, пленными — 158 480 человек. 57 600 пленных колонной прогнали по Москве. Москвичи посмотрели в лица тем, кто смертельно угрожал им осенью и зимой 1941-го и убивал их сыновей, мужей и отцов. Сердца людей каменели и взывали к мщению.

Двадцать девятого июля 1944 года Жукову позвонил Сталин и поздравил с награждением второй медалью «Золотая Звезда» — за умелое руководство войсками в Белорусской операции.

Операция «Багратион» стала настоящим триумфом полководческого дара Рокоссовского. На армии его фронта легла основная тяжесть наступления. Именно штаб 1-го Белорусского фронта разработал, а войска затем блестяще осуществили идею удара по двум направлениям одновременно. Такого развития событий противник не ожидал. За успешное проведение операции «Багратион» Рокоссовскому были присвоены звание Маршала Советского Союза и звание Героя Советского Союза.

Но и проигрывая, немцы продолжали воевать хорошо. Вермахт до последнего часа был сильным и достойным противником на поле боя. В середине 1950-х годов в одной из бесед с Константином Симоновым маршал рассказывал: «В первый период войны мы привыкали к факту наступления немцев, к темпам их наступления, привыкали к неудачам и поражениям, привыкали искать выход из самых тяжёлых положений и принимать свои контрмеры. Немцы же, которые в начале войны так смело и рискованно шли вперёд, ломали нас, наступали, прорывались, эти же самые немцы во втором и третьем периодах войны никак не могли привыкнуть к тому, что теперь им приходится обороняться, отступать, терпеть поражения.

Если проследить историю войны в этом втором и третьем периодах, можно насчитать много в принципе повторяющихся ситуаций, в которых немцы вновь и вновь попадают впросак, в окружения, в “котлы” и, несмотря на повторяемость ситуаций, всё ещё не могут привыкнуть воевать в этой новой для них, непривычной обстановке поражений и отступлений.

Если взять, например, обстановку, сложившуюся перед нашим наступлением в Белоруссии летом 1944 года, то достаточно было посмотреть на карту, чтобы стало вполне очевидным: что мы должны были нанести удары именно с тех направлений, с которых мы их потом и нанесли, что мы в состоянии создать этот Белорусский “котел” и что в итоге это может закончиться прорывом шириной 300–400 километров, который немцам нечем будет заткнуть. Немцы могли это предвидеть.

Логика событий, элементарная военная грамотность подсказывали им необходимость вывести свои войска из будущего “котла”, сократить и уплотнить фронт, создать за своим фронтом оперативные резервы — словом, всё, что полагается в подобных случаях. Но немцы этого не сделали и в результате подверглись разгрому в Белорусской операции. Но в дальнейшем, оказавшись в тяжелейшем положении, когда им нечем было заткнуть прорыв в 400 километров, надо отдать им должное, они нашли смелый и верный выход из положения. Вместо того чтобы пытаться, растянувшись цепочкой, заткнуть всю эту огромную брешь, они начали с того, что сосредоточили ударную группировку и нанесли нам встречный удар в центре этого пустого пространства. Они приковали нас, заставили ввязаться в бои и приостановили таким образом наше наступление. А тем временем в тылу стали создавать новую линию обороны и благодаря этому неожиданному для нас и смелому удару в значительной мере успели это сделать. Принятое ими после разгрома в Белорусском “котле” решение следует признать смелым и умным».

Личная жизнь Жукова в этот период почти не выходила за пределы фронта. Жене и детям писал письма. Порой не было времени повидаться с ними даже в те дни, когда приезжал в Москву. Некоторые письма Александре Диевне написаны из Москвы в Москву.

Александра Диевна догадывалась, что у Георгия Константиновича кто-то есть. Но раньше жены об этом узнал вездесущий Мехлис. И не преминул доложить об этом Хозяину.

Сталин выслушал и спросил:

— Эта женщина, лейтенант медицинской службы, мешает ему в работе? Или не мешает?

— Мешать не мешает, но авторитет его подрывает, — ответил Мехлис.

— Не надо, товарищ Мехлис, лезть в отношения Жукова с военфельдшером. Эта женщина помогает Жукову, лечит его. Она помогает ему быть здоровым, а значит, и оставаться в строю. Жуков нам очень нужен здоровым.

На этом тема военно-полевой жены маршала Жукова для Верховного была закрыта.

Глава тридцать пятая

1-й Белорусский фронт

«Противник деморализован и не способен сейчас оказать серьёзное сопротивление...»

Приказ о назначении его командующим войсками 1-го Белорусского фронта Жуков получил в Люблине 15 ноября 1944 года.

Сталин провёл очередную рокировку.

Осень для Жукова началась в Болгарии. 5 сентября Советский Союз объявил войну этой ненадёжной союзнице Гитлера. На следующий день войска 3-го Украинского фронта согласно приказу Ставки должны были атаковать.

Жуков, прибывший накануне наступления на передовой наблюдательный пункт, долго смотрел в бинокль и не увидел на той стороне привычной картины войны — изготовившихся для отражения атаки войск противника на подготовленных позициях. Поэтому артподготовка была отменена. Наши авангарды вошли в пределы Болгарии без единого выстрела. Болгарские пограничники и приграничные гарнизоны попросту не вышли из казарм.

Жуков позвонил Верховному. Доложил: вошли по мирному варианту. Сталин отдал распоряжение:

— Всё оружие болгарских войск оставьте при них, пусть занимаются своими обычными делами и ждут приказа своего правительства.

«Война» в Болгарии закончилась быстро, без потерь с той и другой стороны. Жуков вернулся в Москву.

А в конце сентября он был уже в Польше. Сразу по приезде к месту назначения встретился и переговорил с командующими 1-м и 2-м Белорусскими фронтами. Позвонил Сталину и попросил разрешения прекратить наступление по причине «большой усталости войск и значительных потерь».

Сталин выслушал его и неожиданно сказал:

— Вылетайте завтра с Рокоссовским в Ставку, поговорим на месте. До свидания.

Чем ближе к Берлину продвигалась Красная армия, тем больше Жуков стал замечать за Верховным проявления недовольства действиями военных. Их предложения, которые он раньше выслушивал как

необходимую и важную информацию, Сталин теперь всё чаще рассматривал через лупу недоверия и сомнения, а порой и вовсе воспринимал в штыки.

Существует распространённое заблуждение о том, что Сталин всю войну возвышал, порой даже незаслуженно, своего главного маршала. И венцом этих почестей и наград стало назначение Жукова на 1-й Белорусский фронт, назначение, сделавшее нашего героя Маршалом Победы. На самом деле всё было не так.

Маршалы прибыли к Сталину во второй половине следующего дня. В его кабинете находились Антонов, Молотов и Маленков.

Сталин сразу спросил о деле:

— Ну, докладывайте!

«Я развернул карту и начал докладывать, — вспоминал Жуков. — Вижу, И. В. Сталин нервничает: то к карте подойдёт, то отойдёт, то опять подойдёт, пристально поглядывая то на меня, то на карту, то на К. К. Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что было всегда, когда он начинал терять хладнокровие и был чем-нибудь недоволен.

— Товарищ Жуков, — перебил меня В. М. Молотов, — вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

— Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, — возразил я. — Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несём ничем не оправданные потери.

— Вы поддерживаете мнение Жукова? — спросил Сталин, обращаясь к К. К. Рокоссовскому.

— Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

— Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, — сказал Верховный. — Ну а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить её танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — ответил К. К. Рокоссовский. — Противник также может усилить это направление.

— А вы как думаете? — обращаясь ко мне, спросил Верховный.

— Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв, — снова повторил я. — А с оперативной точки зрения нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город надо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь— Познань. Сил для этого сейчас на фронте нет, но их следует

сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты на берлинском направлении».

Жуков, конечно же, понимал, что успехи на фронте многое изменили и здесь, в кабинете Верховного. Другим стал и хозяин кабинета. Он снова приблизил к себе товарищей по партии и потихоньку стал отдалять военных. О положении на фронтах ежедневно, а иногда и два раза в день докладывал ему сдержанный и тактичный Антонов. Исполняющий обязанности начальника Генштаба был немногословен и предсказуем, вежлив и в любых обстоятельствах знал своё место. Время катастроф, когда распадались фронты и гибли армии, прошло. Сил и средств для недопущения новых — хватало. Постепенно утрачивала свою остроту и необходимость в специалистах, способных действовать в критических ситуациях.

Но и Жуков тоже менялся. Теперь он был тем, кто умел точно рассчитывать, а потом так же расчётливо проводить операции по уничтожению крупных группировок противника.

По ходу обсуждения явно назревал конфликт.

— Идите и ещё раз обдумайте ваши предложения, — сказал Сталин, прервав доклад Жукова.

Теперь ситуацию декабря 1941 года, когда Жуков в момент конфликта мог послать Верховного, чтобы нестеснённо заниматься делами, невозможно было даже представить. И жутковато вспоминать. Оставалось надеяться на то, что Верховный, опьянённый последними победами, всё это забыл.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Мы с К. К. Рокоссовским вышли в библиотечную комнату и опять разложили карту. Но не успели мы как следует расположиться, как нас снова вызвали в кабинет Верховного.

— Мы тут посоветовались и решили согласиться на переход к обороне наших войск, — сказал Верховный. — Что касается дальнейших планов, мы их обсудим позже. Можете идти.

С К. К. Рокоссовским мы расстались молча, каждый занятый своими мыслями. Я отправился в Наркомат обороны, а К. К. Рокоссовский — готовиться к отлёту в войска фронта.

На другой день Верховный позвонил мне:

— Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки?

Я понял, что он имеет в виду упразднить представителей Ставки для координирования фронтами.

— Да, количество фронтов уменьшилось, — ответил я. —

Протяжённость общего фронта также сократилась, руководство фронтами упростилось, и имеется полная возможность управлять фронтами непосредственно из Ставки.

— Вы это без обиды говорите?

— А на что же обижаться? Думаю, что мы с Василевским не останемся безработными, — пошутил я.

В тот же день вечером Верховный вызвал меня к себе и сказал:

— Первый Белорусский фронт находится на берлинском направлении. Мы думаем поставить вас на это направление.

Я ответил, что готов командовать любым фронтом.

— Вы и впредь останетесь моим заместителем, — сказал И. В. Сталин. — Я сейчас переговорю с Рокоссовским».

Почему Сталин спросил, не обижен ли маршал? Ведь в запасе у него было предложение — возглавить фронт, нацеленный на Берлин. Предложение, которое, казалось бы, должно было погасить все возможные обиды. Дело в том, что Жуков мечтал о большем — войти победителем не только в поверженный Берлин, а и в поверженную Германию. Как заметил историк Святослав Рыбас, «убрав Жукова с поста координатора всех фронтов и оставив эту роль только себе, Верховный лишил маршала политической составляющей триумфа». Триумфатор у победы должен быть один — он, Сталин. А лучшего своего маршала он поставил на один из фронтов. Пусть на главный. Но этим неожиданным назначением он уравнил его со всеми остальными командующими фронтами. Тогда, в конце 1944-го, ситуация выглядела именно такой. Всё, что произошло потом, сделал народ — своей любовью, уважением, памятью. Маршал Победы. Народный Маршал. Георгий Победоносец.

Рокоссовский, как известно, этой перестановкой перед решающими событиями был чрезвычайно уязвлён. Возможно, считал это интригой Жукова. Во всяком случае, после этих назначений дружба их разладилась. Потом, в середине 1950-х, когда к десятилетию Победы газеты и журналы начнут публиковать интервью и воспоминания, вспыхнет их полемика. Об одних и тех же событиях маршалы будут рассказывать по-разному. И кое-что из этих споров переключает в мемуары.

Жуков разлад с Рокоссовским сильно переживал. В мемуарах потом напишет, что после той истории «между Константином Константиновичем и мною не стало тех товарищеских тёплых отношений, которые были между нами долгие годы».

Рокоссовский свой перевод на 2-й Белорусский фронт описал немного иначе: «У меня был крупный разговор со Сталиным, когда меня переводили

с 1-го Белорусского фронта на 2-й Белорусский фронт, а командующим 1-м Белорусским фронтом назначили Жукова. Я выразил своё неудовольствие в связи с новым моим назначением. Сталин спросил: “А что, Жуков менее вас грамотен?” — “Нет, — говорю, — он ваш заместитель” — “Ну, то-то!” — сказал Сталин.

Сталин далее пояснил: “Создаётся три фронта, на которые возложена задача закончить войну. Эта тройка должна действовать вместе. Если Жуков задержится, вы ему поможете с севера. Ваше направление тоже очень важное. 3-й Белорусский фронт нацелил свой удар вдоль моря, он связался с Восточно-Прусской группировкой и не может помочь наступлению на Берлин” Но и я не помог Жукову. Ведя тяжёлые бои, наш фронт слишком растянулся. Разрыв между 1-м и 2-м Белорусскими фронтами достиг 70 км. Немцы имели возможность ударить в этот разрыв. Я сам поставил вопрос перед Ставкой о том, чтобы рассечь Померанскую группировку с помощью Жукова. Ставка согласилась усилить нас. Во взаимодействии с правым крылом 1-го Белорусского фронта мы рассекли и уничтожили Померанскую группировку противника. В той обстановке иного решения не могло быть».

Этот фрагмент из «Солдатского долга» и признание Рокоссовского свидетельствуют о том, как выросли сталинские маршалы, как окреп в битвах их полководческий дар и дух. Рокоссовский, видя необходимость более энергичных наступательных действий на своём левом фланге, мыслил, конечно же, масштабами не одного фронта.

Жуков мечтал командовать всей «тройкой».

Сталин тоже видел их возвышение. До времени наблюдал за этим спокойно.

Водитель Александр Бучин вспоминал, что Жуков впервые за всю войну напился допьяна именно по поводу размолвки с Рокоссовским. «Всё началось, проявилось и закончилось в один день — 19 ноября 1944 года в только что введённый праздник — День артиллерии. Когда в середине ноября пришёл приказ о назначении Жукова комфронта, он не поторопился в штаб, а отправился в армию Чуйкова. Рокоссовский, в свою очередь, не дожидаясь преемника, немедленно выехал к месту назначения в штаб 2-го Белорусского. Через несколько дней маршалы остыли и, видимо, поняли, что для пресечения нежелательных толков им нужно встретиться хотя бы для формальной передачи дел. Тут и подвернулся День артиллерии.

Утром Георгий Константинович закончил дела у Чуйкова^[178]...

В штабе фронта уже ждали Рокоссовский, много генералов. Рассказывали, что на вечере выступали они оба, делились воспоминаниями

о службе в кавалерии в молодости. Вышли оживлённые, обнялись, простились. А когда мы тронулись, Георгий Константинович, вопреки привычке усевшийся сзади, затих, помрачнел. Был туман, слабый гололёд. Регулировщица с карабином сделала жест, останавливая машину. Бедов, сидевший рядом, говорит: “Давай, жми!” Вдруг с заднего сиденья голос Жукова: “Стой! Сейчас ударит по колёсам” Остановились. Бедов рысью помчался объясняться с бдительной девчонкой. Вернулся запыхавшись. Поехали. Тут Жуков сказал совершенно трезвым голосом: “Бучин, теперь ты в ответе за всё” — и заснул мёртвым сном. Проспал до самого Седльце^[179]».

Похоже, это была последняя дружеская пирушка товарищей по оружию.

Восьмого декабря вышел приказ Сталина, которым он отменял приказы Жукова как заместителя наркома обороны об утверждении и введении в действие Боевого устава артиллерии и Боевого устава зенитной артиллерии. Жуков допустил ошибку — утверждение уставов провёл «без представления и без доклада Ставке Верховного Главнокомандования». По сути дела, пометка небольшая, процедурная. Но Сталин углядел за ней большее и ещё раз щёлкнул своего первого полководца по носу, указав «впредь не допускать торопливости при решении серьёзных вопросов».

Конечно, Верховный мог бы отменить «неправильный» приказ не столь шумно, в рабочем, так сказать, порядке — вернуть на доработку. Но ему нужна была гласная порка. Пока щадящая.

В конце 1944 года боевые действия шли уже на германской территории. Два фронта, 1-й Белорусский и 1-й Украинский, свои мощнейшие группировки располагали в предместьях Варшавы, Праги, Ясло и на завислинских плацдармах.

Конец 1944 года для Жукова прошёл в работе над завершающими операциями. Работал, как всегда, то на передовой, объезжая командные пункты армий, корпусов и дивизий, то в Москве в Генеральном штабе. В конце ноября план Варшавско-Познанской операции был утверждён Ставкой с ориентировочными сроками готовности к 15–20 января 1945 года. Эта фронтовая операция должна была перерасти в Висло-Одерскую стратегическую наступательную операцию, к которой готовились также войска 1-го Украинского, 2-го Белорусского и правофланговые армии 4-го Украинского фронтов.

Общий замысел Ставки: атакой 1-го Белорусского фронта в направлении на Познань, 1-го Украинского — на Бреслау прорвать оборону группы армий «А» на всю её глубину, рассеять на части и уничтожить.

Впереди лежали Померанский вал и так называемый Одерский четырёхугольник — оперативно-тактические узлы с городами-крепостями — центрами этих узлов.

На участке прорыва Жуков сосредоточил больше половины живой силы и артиллерии, а также почти все танки и самоходные орудия. Риск такого массирования сил в зоне прорыва за счёт ослабления других участков, конечно же, существовал. Его обещал с лихвой оправдать сокрушительный удар с последующим глубоким прорывом и выходом на коммуникации немецких войск.

В целях дезинформации противника на левом фланге демонстрировалась усиленная перегруппировка войск.

Ранним утром 14 января Жуков прибыл на наблюдательный пункт 5-й ударной армии генерала Берзарина^[180]. В 7.30 началась артподготовка. Немецкие позиции потонули в море огня. Прошло 25 минут. Жуков ещё раз посмотрел в стереотрубу и приказал прекратить огонь. Через несколько минут вперёд пошли штурмовые батальоны. Наступление развивалось успешно.

На второй день, когда 33-я армия расширила прорыв, в образовавшуюся брешь Жуков ввёл 9-й танковый корпус, а на участке 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова — 1-ю гвардейскую танковую армию Катюкова.

К исходу дня Катюков сообщил, что продвинулся в глубину до 50 километров и овладел переправами через реку Пилицу в районе Сокул, что в девяти километрах восточнее Нове Място.

Шестнадцатого января севернее Варшавы атаковала 47-я армия генерала Перхоровича^[181], с ходу форсировала Вислу и начала развивать наступление в глубину. В прорыв, сделанный 5-й ударной армией, вошли танки генерала Богданова и конники 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Крюкова.

В эти дни в составе 2-го гвардейского кавкорпуса на запад продвигалась и концертная бригада со своей блистательной солисткой исполнительницей русских народных песен Лидией Руслановой. Русланова к тому времени уже стала женой генерала Крюкова. Жуков был рад за друга: наконец-то обрёл подругу и, похоже, по-настоящему счастлив.

Под мощнейшим нажимом наших войск немецкая оборона начала распадаться.

Семнадцатого января войска 1-го Белорусского фронта вошли в Варшаву.

Девятнадцатого января танки передовых соединений ворвались в Лодзь. Были захвачены Кутно, Томашув. К 22 января авангарды подошли к познанскому оборонительному рубежу, с ходу атаковали его и глубоко вклинились в немецкие линии.

Двадцать пятого января, когда задачи Варшавско-Познанской операции в основном были уже выполнены, в очередной раз позвонил Верховный:

— Как идут дела?

— Противник деморализован, — доложил Жуков, — и не способен сейчас оказать серьёзное сопротивление. Мы решили продолжать наступление для выхода войск фронта на Одер. Основное направление наступления — на Кюстрин, где попытаемся захватить плацдарм.

Верховный предостерёг:

— С выходом на Одер вы оторвётесь от Рокоссовского больше чем на 150 километров. Этого сейчас делать нельзя.

— Мы предусмотрели и этот вариант. Правое крыло фронта уже разворачивается в Северном и Северо-Западном направлении против восточно-померанской группировки, которая пока не представляет непосредственной угрозы.

— Мы полагаем, — сказал Сталин, — надо всё же подождать, пока 2-й Белорусский фронт закончит операцию в Восточной Пруссии и перегруппирует свои силы на Вислу.

Рокоссовский в это время столкнулся с мощной обороной в Восточной Пруссии и немного застрял, опаздывая с выходом на намеченные рубежи. Тем временем 1-й Белорусский продолжал успешно ломить вперёд и, чтобы не оказаться под фланговым ударом, начал загибать своё правое крыло, прикрывая коммуникации и тылы ушедших вперёд ударных групп. Отставание и топтание на месте 2-го Белорусского фронта, конечно же, раздражало Жукова. Впоследствии эта задержка тоже станет предметом полемики и взаимных упрёков маршалов.

— Сколько времени это займёт? — спросил Жуков.

— Примерно дней десять, — сказал Верховный. — Учтите, Конев сейчас не сможет продвигаться дальше и прикрывать ваш левый фланг, пока не ликвидирует врага в районе Оппельн — Катовице.

Час от часу не легче. Значит, и левый фланг придётся прикрывать самим.

— Я прошу не останавливать наступление войск фронта, так как потом нам будет труднее преодолеть Мезерицкий укрепленный рубеж. По нашим данным, он пока не занят войсками противника. — Жуков просчитал уже все варианты и сказал: — Для обеспечения нашего правого фланга

достаточно передать нам ещё одну армию.

— Хорошо, мы подумаем.

К сожалению, времени для размышлений Жукову и его штабу обстоятельства не давали.

Начальник штаба генерал Малинин^[182] доложил, что, по последним данным разведки и донесениям передовых частей, а также по расчётам оперативного отдела, противник не успевал с перегруппировкой и контрударом из Померании, которого так опасался Жуков.

— В случае же нарастания угрозы, — сказал начштаба, — мы успеем перегруппировать часть наших сил на север и парировать возможную контратаку из Померании.

Гудериан, в тот период начальник немецкого Генерального штаба сухопутных войск, впоследствии напишет в своих мемуарах: «Видя нашу слабость, маршал Жуков начал действовать ещё решительнее. Удар по одерским оборонительным рубежам был нанесён 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями, 8-й гвардейской, 5-й ударной и 61-й армиями. Кроме того, у противника оставались ещё достаточные силы для наступления из районов Накель (Накло), Бромберг (Быдгощ) в северном направлении, в тыл нашим частям, оборонявшимся на рубеже Вислы».

К исходу дня 22 января 1945 года танкисты действовали в 120 километрах впереди главных сил. Жуков постоянно торопил своих танковых генералов Катукова и Богданова: вперёд, вперёд, не дать противнику возможности занять укрепрайон по северному берегу реки Нетце и западному берегу реки Одер. «Упреждение противника в занятии этих позиций обеспечит успешное и быстрое проведение Берлинской операции. Если резервы противника успеют занять указанные мною позиции, Берлинская операция может затянуться».

Вскоре пришло донесение: 2-я гвардейская армия вынуждена остановиться из-за нехватки горючего. Жуков приказал передать все остатки топлива одному из корпусов и тем же темпом двигаться вперёд!

Танкисты потом вспоминали: выскакиваем на всём ходу к железобетонным огромным, как дома, дотам, ждём, что вот-вот из них полыхнёт огнём, но доты молчат — там никого, что означает — мы успели...

Когда вышли к реке Нетце, Жуков телеграфировал: ни в коем случае не останавливаться, где угодно форсировать реку и прорваться через укрепрайон.

Авиаразведка сообщала: противник на некоторых участках занял укрепрайон, ведёт огонь. Но танки уже переправлялись на немецкий берег.

Вскоре из танкового корпуса пришло донесение: «Померанский вал преодолён! Мы в Германии!»

Из донесения Жукова и Телегина^[183] Сталину 29 января 1945 года: «Ваш приказ — мощным ударом разгромить противостоящую войскам группировку противника и стремительно выйти к линии польско-германской границы^[184] — выполнен.

За 17 дней наступательных боев войсками фронта пройдено до 400 км. Вся западная часть Польши в полосе 1-го Белорусского фронта очищена от противника, а польское население, пять с половиной лет угнетавшееся фашистами, — освобождено.

Стремительное продвижение войск воспрепятствовало гитлеровцам разрушить города и промышленные предприятия, железные и шоссейные дороги, не дало им возможности ужать и истребить польское население... В сельском хозяйстве сохранён конский состав, инвентарь, посевной материал и запасы продовольствия. На железных и шоссейных дорогах повреждения незначительные. Захвачен большой паровозо-вагонный парк, обеспечивающий обслуживание военных и народно-хозяйственных нужд польского государства...»

Да, дорогой читатель, что бы сейчас на Западе наши заклятые друзья о Красной армии ни говорили, каких бы «документов» и «фактов» о злодеяниях наших войск ни сочиняли задним числом, а поход в Европу 1944–1945 годов был действительно освободительным. При том, что почти вся Европа тотально работала на германский вермахт и СС, что в атаку на наши армии шли не только танки и штурмовые орудия, изготовленные в Чехии и отремонтированные в Польше и Франции, но и солдаты, уроженцы всех, без исключения, европейских стран. Они шли завоёвывать восточные земли и покорять народы, населяющие просторы СССР. Испанцы, итальянцы, поляки, чехи, румыны, болгары, словаки, шведы, норвежцы, французы... Все промелькнули перед нами, все побывали тут...

С заодерских плацдармов до Берлина оставалось 60–80 километров — всего лишь один танковый переход, один хороший бросок.

В войсках царило приподнятое настроение. Повсюду играли солдатские гармонии и трофейные аккордеоны, бойцы плясали, пели частушки, в которых уже прорывалась берлинская тема:

Скоро Гитлеру могила!
Скоро фюреру капут!
Танки жуковского фронта
По Берлину побегут!

Глава тридцать шестая

Зееловские высоты

«Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды...»

В начале 1945 года Геббельс записал в своём дневнике: «Генштаб представляет мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги нетрудно почерпнуть различные сведения о том, какие ошибки мы совершили в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической деятельности, являются убеждёнными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску.

Я сообщаю фюреру о представленной мне для просмотра книге генштаба о советских маршалах и генералах, добавляя, что у меня сложилось впечатление, будто мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Фюрер полностью разделяет моё мнение. Наш генералитет слишком стар, изжил себя».

Сталин же в этот период был уже больше обеспокоен послевоенным устройством страны. Военным в том скором будущем отводилась весьма скромная роль. Та власть, которую он им постепенно отдал и которую маршалы сами забирали в свои руки так же постепенно, от битвы к битве, всё больше и больше, тем не менее имела очень чётко обозначенный предел, и Сталин постоянно следил, чтобы никто не посмел его нарушить. Победа была близка, и она положит конец чрезмерной, как казалось Сталину и его окружению, власти военных. Войска Жукова стояли на расстоянии одного броска от финала великой трагедии XX века. Сценарий финальных сцен лежал на кремлёвском столе у Верховного.

Двадцать девятого марта Жукова вызвали в Ставку. Полетел самолётом. Но погода была такой, что пилот дальше Минска лететь не осмелился. Из Минска в Москву Жуков ехал поездом.

Вечером ему позвонил Сталин и попросил зайти.

В кабинете Верховный был один. Усталый после только что закончившегося совещания ГКО, он молча подал руку и сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо,

гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите, последние данные о немецких войсках.

Жуков понял, что Сталин снова разговаривает с ним не как с комфронта. Он хочет знать его видение общей картины, всего поля боя, в том числе и на фронтах союзников.

Сталин слушал внимательно, не перебивал, не переспрашивал. Казалось, доклад маршала подтверждал некие его собственные размышления и планы. Он разорвал две папиросы «Герцеговины флор», набил трубку и раскурил. Когда Жуков закончил доклад, сказал:

— Думаю, что драка предстоит серьёзная...

Жуков молчал.

— А как вы расцениваете своего противника? — И Верховный, сужая тему и уточняя задачу своего собеседника, ткнул чубуком трубки в сектор Берлина. — Того, который находится на берлинском направлении?

Жуков разложил свою фронтовую карту с нанесёнными последними разведанными, с построением порядков оперативно-стратегической группировки немецких войск перед линиями 1-го Белорусского фронта и соседями справа и слева. Пояснил, что, по данным разведки, противник здесь, непосредственно в районе Берлина, имеет четыре армии, в составе около девяноста дивизий, 14 из которых танковые и моторизованные, а также 37 отдельных полков и 98 отдельных батальонов.

Последние исследования и публикация ранее неизвестных документов свидетельствуют о том, что Берлин на самом деле прикрывала группировка несколько иного состава и довольно малочисленная. Но достаточно сильная. Гитлер поставил перед ней задачу устроить русским здесь, у стен последней германской крепости второй Ржев. «Я требую, чтобы вся группа армий, — приказывал Гитлер 30 марта 1945 года, на следующий день после разговора Жукова со Сталиным, — от командующего до последнего солдата, понимала, что успех в грядущей битве может быть обеспечен духом энергичной обороны и фанатичным упорством. Сражение за Берлин обязано и будет решающей победой в обороне». Ассоциации с неприступным Ржевом усиливало то обстоятельство, что на пути русских войск перед Берлином на Зееловских высотах стояла 9-я армия. Как впоследствии оказалось, эти ассоциации были призрачными. Ни той 9-й полевой армии, которая стояла в 1942–1943 годах в русских полях подо Ржевом и которой в то время командовал «гений обороны» генерал Модель, ни тех возможностей и резервов, ни широты манёвра, — ничего этого

Гитлер уже не имел. Да и 9-я армия была уже другой, сформированной из остатков великого похода, обернувшегося для германского рейха катастрофой.

Перед защитниками Берлина стояла тоже другая армия, и остановить её могло только немыслимое.

— Когда наши войска могут начать наступление? — спросил Сталин, выслушав доклад Жукова.

— 1-й Белорусский фронт может начать наступление не позже чем через две недели. 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

— Ну что ж, — сказал Сталин, — придётся начать операцию, не дожидаясь действий фронта Рокоссовского. Если он запоздает на несколько дней — не беда.

Сталин подошёл к письменному столу и из стопки бумаг достал письмо:

— Вот, прочтите.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Письмо было от одного из иностранных доброжелателей. В нём сообщалось о закулисных переговорах гитлеровских агентов с официальными представителями союзников, из которых становилось ясно, что немцы предлагали союзникам прекратить борьбу против них, если они согласятся на сепаратный мир на любых условиях. В этом сообщении говорилось также, что союзники якобы отклонили домогательства немцев. Но всё же не исключалась возможность открытия немцами путей союзным войскам на Берлин.

— Ну что вы об этом скажете? — спросил И. В. Сталин. И, не дожидаясь ответа, тут же заметил: — Думаю, Рузвельт не нарушит ялтинской договорённости, но вот Черчилль, этот может пойти на всё».

После Ялтинской конференции в феврале 1945 года, где Сталин, Черчилль и Рузвельт обсуждали проблемы завершающего этапа войны и послевоенного раздела мира и Германии, усилились сепаратные переговоры между Германией и Англией. Известно, что Гиммлер действовал через руководителя шведского Красного Креста графа Бернадота. А тот переправлял послания через пролив. Черчилль до последнего не оставлял мысли ударить по Красной армии объединёнными силами союзников.

В эти дни британский фельдмаршал Монтгомери, командующий 21-й группой армий союзников, телеграфировал командующему союзническими войсками американскому генералу Эйзенхауэру, прося выделить ему десять дивизий для рывка на Берлин. Осторожный американец написал письмо Сталину. Делясь впечатлениями о ходе успешных действий его войск в Рурском бассейне, Эйзенхауэр сообщал: «Я рассчитываю, что эта фаза операции завершится в конце апреля, а может быть, и раньше, и моя следующая задача будет состоять в рассеении войск противника посредством соединения с Вашими армиями». Сталин тотчас же ответил американцу: «Ваш план рассеения немецких сил путём соединения советских войск с вашими войсками вполне совпадает с планом Советского Главнокомандования». В письме Сталина была и такая фраза: «Берлин потерял своё прежнее стратегическое значение. Поэтому Советское Главнокомандование думает выделить в сторону Берлина второстепенные силы».

Как бы не так! Именно на берлинском направлении Ставка сконцентрировала свою ударную группировку в виде трёх фронтов. И этими фронтами командовали самые лучшие маршалы Сталина.

Тридцатого марта был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР: за умелое выполнение заданий Верховного главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Г. К. Жуков награждается вторым орденом «Победа». Орден Жукову вручат почти через два месяца, уже после Победы, 25 мая 1945 года в Кремле.

Первого апреля 1945 года в Ставке обсуждали план Берлинской операции.

На заседание был вызван и Конев. Рокоссовского, чей фронт основательно увяз в упорных боях в Восточной и Западной Пруссии у Данцига, Сталин решил не беспокоить.

У Конева появился шанс тоже ударить по Берлину. После февральских боёв на дрезденском направлении правый фланг 1-го Украинского фронта близко придвинулся к Берлину и был развёрнут на северо-запад. Правда, для рывка к южным пригородам Берлина Коневу необходимо было перегруппировать свои ударные силы — две танковые армии — с силезского направления на берлинское. Предстоял большой изнурительный марш. Но Конев знал возможности своих танковых командиров и, как покажут дальнейшие события, в ходе битвы довольно успешно воспользуется ими.

Во время заседания Конев, докладывавший первым, неожиданно

заявил:

— Товарищ Сталин, наши войска тоже хотят участвовать в штурме Берлина, а разграничительная линия между нами и фронтом Жукова не позволяет сделать этого.

Сталин, выдержав паузу, отреагировал тоже совершенно неожиданно:

— Хорошо. В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдёт, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин.

Вторым докладывал Жуков. В Москву он прибыл с двумя вариантами плана удара по Берлину.

В марте 1945 года совместными ударами в Верхней и Нижней Силезии фронты Жукова и Конева нанесли поражение главным силам группы армий «Висла». Группой армий командовал давний соперник Жукова генерал Хейдрици. Это он, в ту пору командующий 4-й полевой армией группы армий «Центр», искусно притормаживал наступление армий Западного фронта зимой 1942 года под Медынью, Юхновом и на Варшавском шоссе. Из его рук Жуков так и не смог выхватить Западную группировку 33-й армии и части десантных бригад. Весной 1945 года левое крыло фронта маршала Жукова и правое крыло фронта маршала Конева нанесли серьёзное поражение 3-й и 2-й танковым армиям группы армий «Висла». Восточная Померания была очищена от противника.

Тем временем армии, стоявшие на Одере, энергично расширяли захваченные плацдармы. Главным из них был Кюстринский. Его ширина позволяла сосредоточить на западном берегу крупную группировку. Именно с него в середине апреля на Берлин хлынут четыре полевые армии и 11-й танковый корпус — ударные силы первого эшелона фронта.

На юге в районе Франкфурта-на-Одере части 33-й и 69-й армий захватили небольшие плацдармы и надёжно удерживали их. На 3 апреля Жуков планировал проведение частной операции по объединению и расширению плацдармов и ликвидации франкфуртской группировки противника. Именно там, на южном плацдарме, он планировал разместить основную ударную группировку: 8-ю гвардейскую, 33-ю и 69-ю общевойсковые армии, а за ними во втором эшелоне — 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Таким образом, главный удар намечался с юга на северо-запад и запад, в обход Зееловских высот и каналов, которые закрывали путь на Берлин группировке, расположенной на Кюстринском плацдарме. Этот вариант удара значился как план «Б».

Но на совещании, когда определилась угроза опережающей атаки

союзников, была поставлена задача покончить с берлинской группировкой и захватить Берлин как можно скорее, план «Б» не годился. Оставался план «А». Жуков знал, что его реализация потребует огромных усилий и жертв.

О плане «Б» Жуков во время встречи с Верховным и на заседании Ставки попросту промолчал.

Второго апреля 1945 года план наступления 1-го Белорусского фронта был окончательно одобрен с доработками и корректировками. Жуков позвонил генералу Малинину:

— Всё утверждено без особых изменений. Времени у нас мало. Принимайте меры. Вылетаю завтра.

Фраза: «Времени у нас мало» — по всей вероятности, была контрольной и означала, что работать надо по варианту «А».

На Кюстринском плацдарме сразу закипела работа.

Что касается разграничительной линии, то стоит заглянуть в воспоминания генерала Штеменко^[185], в ту пору начальника оперативного отдела Генштаба: «Сталин пошёл на компромисс: он не отказался полностью от своей идеи, но и не отверг начисто соображений И. С. Конева, поддержанных Генштабом. На карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разгранлинии, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довёл её до населённого пункта Люббен (в 60 километрах к юго-востоку от столицы) и оборвал.

— Кто первый ворвётся, тот пусть и берёт Берлин, — заявил он нам потом».

Эта история не лишена драматизма.

Шестнадцатого апреля 1945 года к 5.25 артиллерийская подготовка на участке прорыва достигла наивысшей мощи. Огонь вёлся по заранее разведанным целям. «Внакладку» на огонь ствольной артиллерии работали дивизионы «катюш». Они били по опорным пунктам и узлам сопротивления первой и второй линий немецкой обороны. Артподготовка длилась около получаса. Затем огненный вал стал медленно перемещаться в глубину немецкой обороны. Пленные немцы потом говорили, что артподготовка длилась несколько часов.

Прожекторы, о которых часто пишут журналисты, в ту ночь во время первой атаки действительно применялись, но того эффекта, который от них ожидали, не произвели.

Самым трудным препятствием в начале боя ещё до подхода к Зееловским высотам стали многочисленные каналы. Их пришлось преодолевать 5-й ударной армии генерала Берзарина.

Это была мощная армия — четыре корпуса: два стрелковых, один

гвардейский стрелковый и один танковый. Корпуса полные, трёхсоставные.

Военный историк Алексей Исаев в книге «Битва за Берлин» приводит данные о потерях 5-й ударной армии за первый день атаки Зееловских высот: «Только на одном мосту через канал Гаупт Грабен (1 км западнее Лечина) при восстановлении переправы было потеряно убитыми и ранеными 80 человек»; потери бронетехники — «4 Т-34, 1 ИС-2, 1 СУ-76 сгоревшими, 8 Т-34 и 16 ИС-2 подбитыми».

Уже в первый день наступления Жуков почувствовал, что артподготовка и налёты бомбардировочной авиации лишь повредили немецкую оборону, существенно не нарушив её. Небольшие вклинения не обещали необходимого прорыва. На плацдарме сосредоточились для рывка вперёд обе танковые армии. Но прорыва пока не намечалось, армии прогрызали оборону противника, насыщенную огневыми средствами, в том числе противотанковыми орудиями. И тогда Жуков, не дожидаясь прорыва, бросил в бой танковые армии. Они-то и прорвали немецкие порядки, начали кромсать и свёртывать фланги.

Советские штурмовые и бомбардировочные полки, действуя большими группами, в первые же дни нарушили коммуникации противника. Взлетели на воздух составы с боеприпасами и склады с горючим, с которых питались артиллерия оборонявшихся, танковые подразделения, пехота. Активность немецкой истребительной авиации, вопреки утверждениям некоторых исследователей, в первые дни битвы за Берлин была довольно высокой. В бой вступили новейшие истребители-бомбардировщики FW-190d-9 и реактивные «мессершмитты». Это было действительно новое оружие Гитлера, но переломить ход событий эти сверхновые самолёты уже не могли.

На земле противник тоже контратаковал. Из донесения штаба группы армий «Висла» в ОКХ^[186]: «На направлении главного удара противника по обеим сторонам от шоссе Кюстрин — Мюнхеберг сильные вражеские части, поддержанные двумя группами танков, смогли оттеснить наши войска на несколько километров и закрепиться у Зееловских высот. Контрудар танковой дивизии “Курмарк” пока не принёс успеха. <...> На северном участке главного удара противника к востоку от Врицена враг сумел добиться вклинения глубиной 5 км. Из района вклинения его крупные подразделения, поддержанные танками, начали наступление в Северном и Южном направлениях с целью охвата оставшихся на линии фронта по обеим сторонам прорыва частей. Положение в этом районе в данный момент неясно».

Вечером 16 апреля Жуков докладывал Верховному: сказал о

затруднениях, возникших в ходе наступления, и о том, что рубеж Зееловских высот раньше завтрашнего дня взять не удастся. Сталин ответил раздражённо:

— Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии, а не там, где требовала Ставка. — И, выдержав тяжёлую паузу, спросил: — Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмёте зееловский рубеж?

— Завтра, 17 апреля, к исходу дня оборона на зееловском рубеже будет прорвана, — ответил Жуков. — Считаю, что чем больше противник будет бросать своих войск навстречу нашим войскам здесь, тем легче и быстрее мы возьмём затем Берлин, так как войска противника легче разбить в открытом поле, чем в укреплённом городе.

Будто не слыша Жукова, Верховный сказал:

— Мы думаем приказать Коневу двинуть танковые армии Рыбалко и Лелюшенко на Берлин с юга, а Рокоссовскому ускорить форсирование и тоже ударить в обход Берлина с севера.

Жуков чувствовал, что разговор будет непростым. Выдержав паузу, он сказал:

— Танковые армии Конева имеют полную возможность быстро продвигаться, и их следует направить на Берлин, а Рокоссовский не сможет начать наступление ранее 23 апреля, так как задержится с форсированием Одера.

Возможно, именно в те минуты Жуков особенно пожалел, что не представил Ставке план «Б». На Зееловских высотах немцы выстроили мощнейшую оборону. Теперь приходится прогрызать её массивным огнём артиллерии большой мощности и танками. И всё это оплачивать кровью пехотинцев, танкистов и самоходчиков.

— До свидания, — сухо ответил Сталин, никак не отреагировав на слова Жукова.

Семнадцатого апреля над Зееловскими высотами поднялся смерч огня и железа и не опадая целые сутки. Это было грандиозное и яростное сражение. Одни одолевали, но никак не могли прикончить врага. А другим уже нечего было терять, и они мужественно умирали в своих последних окопах.

Восемнадцатого утром рубеж кровавых Зееловских высот был, наконец, преодолен.

На военно-научной конференции в Группе советских войск в Германии, где подробно разбирались успехи и просчёты битвы за Берлин, командующий 1-й гвардейской танковой армией генерал Катюков сказал: «У

меня под Зееловом обход обозначился на правом фланге, и я принял на себя тяжёлую ответственность: снял 11-й гвардейский танковый корпус и 8-й гвардейский механизированный корпус, прикрылся истребительной артиллерией, оставил две бригады у товарища Чуйкова, а ему сказал: «Я пошёл, если удачно — за мной»».

За 17 апреля танковые корпуса Катуква потеряли 19 единиц бронетехники сгоревшими и 27 подбитыми. В основном это были танки Т-34.

В одном из поздних интервью Катуква признавался: «Все, кто высунулся вперёд, моментально сгорели, потому что на высотах стоял целый артиллерийский корпус противника, а оборона немцев на Зееловских высотах сломлена не была».

Семнадцатого апреля Конев получил разрешение Ставки повернуть танки своих армий на север и атаковать южный обвод обороны Берлина.

Так началась гонка авангардов двух фронтов. «Кто первый ворвётся, тот пусть и берёт Берлин...» Эта фраза теперь набатом гудела в ушах и Жукова, и Конева.

Тем временем 61-я армия 1-го Белорусского фронта форсировала Одер. Армией с 1942 года командовал генерал Белов. Тот самый кавалерист Павел Алексеевич Белов, который постоянно выручал Западный фронт под Москвой, а потом завяз в окружении под Вязьмой, но успешно вышел оттуда, прорвав немецкие линии на Варшавском шоссе. Теперь дивизии генерала Белова энергично расширяли плацдарм на западном берегу Одера. Какой мучительно долгой оказалась дорога этой армии к Победе!

Двадцатого апреля Жуков телеграфировал командующему 2-й гвардейской танковой армией генералу Богданову: «2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично Вам поручаю исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля 1945 г. любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе».

Командармы зачастую значительно корректировали приказы комфронта. Им на месте было виднее, что и как делать. Откорректировал приказ Жукова и генерал Богданов. 20 апреля его танки при поддержке пехоты 3-й ударной и 47-й армий двигались к пригородам Берлина. Армейская артиллерия уже начала деморализующий обстрел городских кварталов. Но бросать бригады вперёд без предварительной разведки и зачистки от противотанковых засад и фаустников Богданов не решился.

«Ворваться» и «водрузить» — это было пока нереально и чревато лишними и неоправданными потерями. Он с этими экипажами воевал с сентября 1943-го, с Днепра, и бросать под огонь своих гвардейцев за день до окончания войны не хотел.

Жукову часто ставят в вину лобовой штурм Зееловских высот. К сожалению, в историографии это стало общим местом, которое почти не оспаривается даже приверженцами Маршала Победы.

Исследователь битвы за Берлин военный историк Алексей Исаев пишет, что под удар во время штурма высот попала в основном 8-я гвардейская армия Чуйкова. «С учётом корпусных частей и средств усиления потери 8-й гв. армии в прорыве одерского рубежа можно оценить в 12–13 тыс. человек. Некоторые дивизии “просели” до численности немногим более 3 тыс. человек». По подсчётам того же исследователя, 8-я гвардейская армия на высотах и обводных каналах потеряла сгоревшими и подбитыми 153 танка и самоходных артиллерийских установки. Общие потери бронетехники в войсках маршала Жукова с 16 по 22 апреля выглядят так: 531 танк и САУ — сгорело; столько же — 531 танк и САУ — было подбито; 94 танка и САУ вышло из строя по техническим причинам.

Именно на этом направлении немцы бросали навстречу огненному валу 1-го Белорусского фронта новые и новые резервные подразделения в надежде сбить темп атаки, погасить надвигающийся вал русских. В бой последовательно были введены танковая гренадерская дивизия «Курмарк», танковая дивизия «Мюнхеберг», 18-я и 25-я танковые гренадерские дивизии и дивизии СС «Нордланд» и «Недерланд». Всё это попало под русский смерч и было частично перемолото во время столкновения, а частично отхлынуло и растеклось по городским кварталам.

Глава тридцать седьмая

Берлин

«Уравнение со многими неизвестными...»

Спустя годы маршал, размышляя о Берлинской операции, твёрдо стоял на своём: «Ошибок не было. Однако следует признать, что нами была допущена оплошность, которая затянула сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня.

При подготовке операции мы несколько недооценивали сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10–12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации. Правда, на подготовку Берлинской операции мы имели крайне ограниченное время, но и это не может служить оправданием.

Вину за недоработку вопроса прежде всего я должен взять на себя.

Думаю, что если не публично, то в размышлениях наедине с самим собой ответственность за недостаточную готовность к взятию Зееловских высот в армейском масштабе возьмут на себя и соответствующие командующие армиями. При планировании артиллерийского наступления следовало бы предусмотреть трудности уничтожения обороны противника в этом районе.

Сейчас, спустя много времени, размышляя о плане Берлинской операции, я пришёл к выводу, что разгром берлинской группировки противника и взятие самого Берлина были сделаны правильно, но можно было бы эту операцию осуществить и несколько иначе.

Слов нет, теперь, когда с исчерпывающей полнотой всё ясно, куда легче мысленно строить наступательный план, чем тогда, когда надо было практически решать уравнение со многими неизвестными. И всё же хочу поделиться своими соображениями по этому поводу.

Взятие Берлина следовало бы сразу, и в обязательном порядке, поручить двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому, а разграничительную линию между ними провести так: Франкфурт-на-Одере — Фюрстенвальде — центр Берлина. При этом варианте главная группировка 1-го Белорусского фронта могла нанести удар на более узком

участке в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада. 1-й Украинский фронт нанёс бы удар своей главной группировкой по Берлину на кратчайшем направлении, охватывая его с юга, юго-запада и запада.

Мог быть, конечно, и иной вариант: взятие Берлина поручить одному 1-му Белорусскому фронту, усилив его левое крыло не менее чем двумя общевойсковыми и двумя танковыми армиями, одной авиационной армией и соответствующими артиллерийскими и авиационными частями.

При этом варианте несколько усложнились бы подготовка операции и управление ею, но значительно упростилось бы общее взаимодействие сил и средств по разгрому берлинской группировки противника, особенно при взятии самого города. Меньше было бы всяких трений и неясностей».

Солдат Крапилин и тут стоял перед ним, в воспоминаниях и размышлениях, в бессильной и бесплотной попытке ещё раз переоформить Берлинскую операцию уже более правильно, рациональнее, с наименьшими затратами и потерями. Маршал смотрел своему солдату в глаза, но нам, читателям и потомкам, так и не признался в своих сомнениях, сразу отрезав: «Ошибок не было». Но достаточно пространные рассуждения о вариантах проведённой операции, вылившейся в пять дней и пять ночей непрерывного кровопролития, и есть признание ошибки. Большого от такого характера, как Жуков, требовать невозможно. Это место в его книге написано чернилами бессонных ночей и мучительных раздумий. Маршал надеялся, что «соответствующие командующие армиями» тоже «возьмут на себя» «ответственность за недостаточную готовность к взятию Зееловских высот». Но — увы. Никто из генералов не пожелал этого сделать ради правды истории, видимо, опасаясь бросить тень на свои ордена. Всем известно: на войне генеральские и маршальские ошибки вынуждены исправлять в окопах солдаты и офицеры от взводного до комбата включительно. И в этом смысле надо признать, что при всей субъективности воспоминания маршала Жукова о Берлинской операции являются самыми правдивыми и глубокими.

Конев, получив добро Верховного на поворот своих танковых армий в северном направлении, всюду гнал Рыбалко и Лелюшенко к Берлину. И вскоре, почти одновременно с войсками 1-го Белорусского фронта, его авангарды прорвали немецкие порядки на внешнем обводе и стали занимать квартал за кварталом. Началась гонка фронтов — кто первый доберётся до центра Берлина.

После смерти маршала Конева вышли его «Записки командующего фронтом», с главами, ранее никогда не публиковавшимися. В них он, рассказывая о Берлинской операции, затрагивает тему непростых

отношений с героем нашей книги: «Известно, что Жуков не хотел и слышать, чтобы кто-либо, кроме войск 1-го Белорусского фронта, участвовал во взятии Берлина. К сожалению, надо прямо сказать, что даже тогда, когда войска 1-го Украинского фронта — 3-я и 4-я танковые армии и 28-я армия — вели бои в Берлине, — это вызвало ярость и негодование Жукова. Жуков был крайне раздражён, что воины 1-го Украинского фронта 22 апреля появились в Берлине. Он приказал генералу Чуйкову следить, куда продвигаются наши войска. По ВЧ Жуков связался с командармом 3-й танковой армии Рыбалко и ругал его за появление со своими войсками в Берлине, рассматривая это как незаконную форму действий, проявленную со стороны 1-го Украинского фронта.

Когда войска 3-й танковой армии и корпус Батицкого 27-й армии подошли на расстояние трёхсот метров к рейхстагу, Жуков кричал на Рыбалко: “Зачем вы тут появились?”

Вспоминая это время, должен сказать, что наши отношения с Георгием Константиновичем Жуковым в то время из-за Берлина были крайне обострены. Обострены до предела, и Сталину не раз приходилось нас мирить. Об этом свидетельствует и то, что Ставка неоднократно изменяла разграничительную линию между нашими фронтами в битве за Берлин, с тем чтобы большая часть Берлина вошла в зону действия 1-го Белорусского фронта».

Пилихинская натура — не мог Жуков допустить, чтобы победу, наполовину уже урезанную Верховным, отнял сосед слева, который всю войну был его подчинённым.

И всё же первое донесение о прорыве в Берлин ушло в Москву из штаба 1-го Украинского фронта:

«Москва, тов. Сталину, лично.

1. 3 гв. ТА Рыбалко передовыми бригадами ворвалась в южную часть Берлина и к 17.30 ведёт бой за Тельтов и в центре Ланквиц.

2. 4 гв. ТА Лелюшенко — 10 тк ведёт бой в районе Зармут (10 км юго-вост. Потсдам).

22.00 22.4.45.

Конев».

Но неожиданный удар Конева на самом деле выручил войска 1-го Белорусского фронта, во многом облегчил их последующие действия и при прорыве внешнего оборонительного обвода Берлина, и во время боёв непосредственно в городе. 12-я армия генерала Венка, предназначавшаяся для контрудара по нашим частям, прорвавшим зееловский укрепрайон, была брошена против войск Конева, наступавших с южного фланга и

угрожавших полным окружением берлинской группировки.

Несмотря на полную обречённость, немцы продолжали ожесточённо сопротивляться. 23 апреля Геббельс выступил по берлинскому радио с заявлением: обороной Берлина с этой минуты руководит сам фюрер, «и это придаёт битве за столицу европейское значение». Геббельс сказал, что на защиту города встало всё население «и члены партии, вооружённые панцерфаустами, автоматами и карабинами, заняли посты на перекрёстках улиц».

А наступающие, чувствуя жестокий азарт, проламывались сквозь очередные линии пошатнувшейся обороны.

Двадцать пятого апреля передовые части 1-го Украинского фронта вышли к Эльбе и встретились с подошедшими с западной стороны войсками 1-й американской армии.

Танкисты Рыбалко с ходу форсировали Шпрее и продвигались к центру Берлина. Вскоре выяснилось, что они идут по тылам 1-й гвардейской танковой армии Катукова и 8-й гвардейской армии Чуйкова, которые, вопреки разграничительной линии, продвигались к центру города по «чужим» кварталам.

Чтобы избежать неразберихи и удара по своим, Конев 28 апреля обратился к Жукову: «Прошу распоряжения изменить направление наступления армий т. Чуйкова и т. Катукова». Жуков эту просьбу оставил без ответа, а спустя несколько часов телеграфировал Сталину:

«Докладываю:

1. Войска 1-го Белорусского фронта, продолжая уличные бои в центре г. Берлина, к 19.00 28 апреля 1945 г. ведут бой на линии. <...>

2. Я решил встречным ударом 2 гв. ТА и правого фланга 3 уд. А в юго-восточном направлении, всеми силами 5 уд. А, 1 гв. ТА и 8 гв. ТА в северо-западном направлении расколоть окружённую группировку в Берлине на две части, после чего оставшиеся очаги обороны уничтожить по частям.

По состоянию на 19.00 28 апреля 1945 г. эти наступающие навстречу друг другу группы войск фронта находятся на удалении полтора километра одна от другой и в ближайшее время соединятся.

3. Две стрелковые дивизии 28-й армии и одна мсбр 3 гв. ТА 1-го Украинского фронта, имея от Конева задачу наступать из района ст. Палештрассе (полтора километра западнее аэропорта Темпельхоф) на север вдоль железной дороги, 28 апреля 1945 г. вышли в тыл боевых порядков 8 гв. А и 1 гв. ТА.

Наступление частей Конева по тылам 8 гв. А и 1 гв. ТА создало путаницу и перемешивание частей, что крайне осложнило управление

боем. Дальнейшее их продвижение в этом направлении может привести к ещё большему перемешиванию и к затруднению в управлении.

Докладывая изложенное, прошу установить разграничительную линию между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов или разрешить мне сменить части 1-го Украинского фронта в г. Берлине».

Да, непрост был Жуков. Непрост.

Сталин приказал Коневу отвести свои войска за новую линию разграничения.

Жуков всё же настоял на своём.

Тридцатого апреля подразделения 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта ворвались в рейхстаг.

Из донесения Жукова Сталину 30 апреля в 16.30: «Противник оказывает упорное сопротивление нашим войскам, наступающим в Берлине. Каждая улица, квартал, отдельный дом, квартира, комната, подвал упорно обороняются противником и превращены в опорные пункты и очаги обороны.

Особенно упорное сопротивление противник оказывал в районе рейхстага. На лестницах и в помещениях главного здания рейхстага борьба переходила в неоднократные рукопашные схватки.

Район рейхстага обороняли отборные части СС. Для усиления обороны этого района противник в ночь на 28 апреля 1945 г. выбросил на парашютах батальон морской пехоты. Продолжая наступление и ломая сопротивление противника, части 3-й ударной армии заняли главное здание рейхстага и в 14.25 30 апреля 1945 г. подняли на нём советский флаг.

В боях за район рейхстага и его главное здание отличились войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова, командира 79 ск генерал-майора Перевёрткина, командира 171 сд полковника Негоды и командира 150 сд генерал-майора Шатилова. Наступление в Берлине продолжается, войска фронта продолжают выполнять поставленную Вами задачу».

Жуков приказал командующему 3-й ударной армией генералу Кузнецову представить всех отличившихся при взятии рейхстага к правительственным наградам.

Ранним утром 1 мая Жукову сообщили с командного пункта 8-й гвардейской армии: на КП прибыла группа парламентаров во главе с начальником штаба сухопутных сил генералом Кребсом. Жуков попросил Чуйкова доложить подробно. Выслушал и приказал:

— Никакого перемирия. Никаких переговоров. Только полная и безоговорочная капитуляция. Что ещё говорит Кребс?

— Говорит, что Гитлер покончил с собой.

Жуков послал в штаб Чуйкова генерала Соколовского, а сам позвонил в Москву. Ему сообщили, что Сталин только что лёг спать и просил не будить.

— Разбудите, — потребовал он. — Очень важно.

Вскоре Верховный взял трубку. Жуков доложил.

— Доигрался, подлец! — сказал Сталин. — Жаль, что не удалось взять его живым.

Так завершилась схватка двух диктаторов, двух систем, двух народов. Но сокрушением немецкой группировки в Берлине и окрестностях военные действия не окончились. Конев повернул свои танковые армии на Прагу. Ему ещё предстояло уничтожить крупную группировку генерала Шёрнера в Чехословакии. Ленинградский фронт маршала Говорова сдавливал окружённую и прижатую к морю курляндскую группировку. Рокоссовский дожимал остатки 3-й танковой армии и добивал последние немецкие гарнизоны на изолированных плацдармах у Балтийского моря и на островах Борнхольм, Воллин, Рюген. Но Берлин, дымясь развалинами и смердя непогребёнными, уже лежал у ног победителей.

Говорят, когда Жуков въехал в разбитый город и остановился на Кёнигплац напротив дымящегося рейхстага, он сказал: «Развалинами Берлина удовлетворён». Потом эта легенда перекочевала на экран. С экрана — в народ. Слова эти он вряд ли произносил. Скорее всего, это была чья-то надпись на рейхстаге: «Развалинами рейхстага удовлетворён!» Точно так же Жукову приписали другую фразу — когда ему доложили о потерях, понесённых армиями и частями фронта в Берлинской операции, он якобы сказал: ничего, русские бабы ещё нарожают...

Проходит время, победные литавры, изношенные и старомодные, сдаются в утиль, и человечество задумывается о своей истории уже в тишине, взыскательно и строго. Наступает время задуматься и о цене победы.

По подсчётам историка Алексея Исаева, в Берлинской операции с 11 апреля по 1 мая 1945 года включительно армии 1-го Белорусского фронта потеряли убитыми 27 649 человек, ранеными — 108 611 человек, пропали без вести — 1388 человек. С 1 мая по 9 мая 1945 года: убитыми — 6268 человек, ранеными — 20 783 человека, без вести пропавшими — 340 человек. Цена большая.

О том, как Жуков въезжал в Берлин, рассказывал Александр Бучин: «Утром 3 мая приказ — подать “мерседес”, едем в Берлин.

Болячки мои поджили, и я сел за руль. За нами машина сопровождения

с охраной. Следом ехали генералы К. Ф. Телегин и Ф. Е. Боков, оба политработники. С торжественными и торжествующими физиономиями. Сущие “жрецы”, как как-то назвал в сердцах эту породу людей генерал Горбатов в разговоре с Жуковым в машине. Для пояснений они привели с собой сына Вильгельма Пика Артура. Политическое просвещение маршала, внутренне усмехнулся я, обеспечено, ему суждено смотреть их глазами и из их рук. Не ошибся. Тогда я был не бог весть каким знатоком в области общественных знаний, но даже Сашу Бучина, радовавшегося солнцу и победе, покоробил грубый “классовый” анализ, дарованный сыном почитавшегося у нас вождём немецкого народа Вильгельма Пика. Оба — папа (я смутно помнил его по работе с коминтерновцами в 1941 году) и сыночек прибыли в Берлин в обозе Красной армии.

В тот день Жуков в кольце “жрецов”, объяснявших ему виденное, побывал в разбитой имперской канцелярии. Проклятое место крепко не понравилось Георгию Константиновичу. Он громко сказал, выходя из дверей: “Здание плохое, тёмное, а планы, замышлявшиеся здесь, и того хуже” Наверное, он имел в виду оба здания — старое и новое.

Затем — в район Тиргартена, к зданию рейхстага. Георгия Константиновича окружили наши. Наверное, с полчаса маршал беседовал с бойцами и командирами, и невыразимо приятно раздавалась в центре Берлина мягкая русская речь. Жуков зашёл в разбитое здание рейхстага и, как каждый победитель, побывавший там в эти дни, расписался на стене. Увы, не время стёрло десятки тысяч подписей наших воинов — от красноармейца до маршала — на стенах цитадели прусского милитаризма.

От рейхстага — к колонне Победы по соседству. Мы поднялись на её первую площадку. Колонну немцы соорудили в 1871 году в ознаменование победы над Францией. Вокруг неё ярусами закрепили захваченные французские пушки. Сообщение Артура Пика о том, что с этой площадки Гитлер в 1940 году принимал парад немецких войск, возвратившихся из Франции, очень развеселило всех нас. Мы только что видели длинные колонны шаркавших ногами сдавшихся фрицев. А всего пять лет назад эти отбивали дробь гусиным шагом, по площади. Научили их ходить по-другому. Научили под водительством Г. К. Жукова.

На обратном пути в штаб Телегин и Боков, перебивая друг друга, выкладывали свои познания о Германии. Георгий Константинович не перебивал их, молчал, внимательно разглядывая дорогу. Встречавшиеся немцы пугливо сторонились, многие кланялись. Из окон по всем улицам Берлина висели белые простыни — флаги капитуляции.

В предвидении официального конца войны в Берлин из Москвы

потянулись различные чины. Досыта тогда насмотрелись на сталинских посланцев. Георгий Константинович проявил неожиданные дипломатические качества, различая, наверное, гостей по степени опасности. Он приказал адъютанту и мне “достойно” (как именно, не объяснил) встретить зам. министра иностранных дел А. Я. Вышинского, пресловутого прокурора кровавых процессов тридцатых. Он прилетел рано утром 8 мая, нагруженный надлежащей документацией о капитуляции Германии. На аэродроме Дальтов уже издалека, по надменной спине вылезавшего из самолёта задом мы опознали высокого гостя. Лицо оказалось не лучше — безразличное, высокомерное. На плечах — перхоть.

Не поздоровавшись, Андрей Януарьевич влез в машину. Подобающим образом держался и его спутник — старик Степан Казимирович Гиль, в своё время шофёр В. И. Ленина. Когда Вышинский ушёл к себе в отведённый ему дом, Степан, симпатичнейший и добрый человек, которого я знал в Москве по ГОНу, немедленно стал самим собой. Он по-доброму поговорил со мной и откровенно открыл цель своего приезда с дипломатом — помочь подобрать среди трофейных автомашин “самую лучшую” На меньшее Андрей Ягуарович (Гиль подмигнул) не согласен».

Вот так, от темы ратной и победной наша история постепенно и совершенно, как видите, естественно откочёвывает к теме «трофейной». Но с ней мы немного повременим.

Второго мая Верховный подписал приказ:

«Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных боёв завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая полностью овладели столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Берлинский гарнизон, оборонявший город во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом, сегодня, в 15 часов, прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен.

2 мая к 21 часу нашими войсками взято в плен в городе Берлин более 70 000 немецких солдат и офицеров.

...В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение Берлином, представить к присвоению наименования “Берлинских” и к награждению орденами.

Сегодня, 2 мая, в 23 часа 30 минут в честь исторического события —

взятия Берлина советскими войсками — столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует своим доблестным войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трёхсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, участвовавших в боях за овладение Берлином.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза

И. Сталин.

2 мая 1945 года».

Жуков за эти бои был в третий раз удостоен звания Героя Советского Союза.

Седьмого мая в штаб фронта из Москвы поступила телеграмма:

«Заместителю Верховного Главнокомандующего Маршалу Советского Союза Жукову Г. К.

Ставка Верховного Главнокомандования уполномочивает Вас ратифицировать протокол о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил».

На следующий день, 8 мая в Карлсхорсте, в восточном секторе Берлина состоялась церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции германских войск перед союзными войсками. Но у этой истории была предыстория, довольно неприятная для советской стороны. И теперь Жукову, как не раз это случалось, предстояло исправить ошибку.

Дело в том, что 5 мая в штаб Эйзенхауэра прибыл полномочный представитель нового президента Германии и верховного главнокомандующего гросс-адмирала Дёница^[187] для переговоров о капитуляции германских войск. Эйзенхауэр связался с Москвой и проконсультировался по поводу того, приемлемы ли предложения Дёница для советской стороны. Сталин через генерала Антонова дал согласие на подписание капитуляции немецких войск на Западном и Восточном фронтах. В Реймсе, в ставке Эйзенхауэра капитуляцию подписали Эйзенхауэр, генерал Йодль и начальник советской военной миссии в Реймсе генерал Сулопаров. Однако Сталин вдруг спохватился, усомнившись в верности своего первоначального решения, и потребовал повторного подписания акта в Берлине. Генерал Сулопаров показался ему

фигурой слишком легковесной. Да и Красная армия заплатила несопоставимо большую цену, чтобы документ подписывали во французском городе, оккупированном американскими войсками.

Во время телефонных переговоров Сталин сказал Жукову:

— Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин придут представители немецкого главнокомандования и представители Верховного командования союзников. Представителем Верховного главнокомандования советских войск назначаетесь вы. К вам вылетел Вышинский. После подписания акта он останется в Берлине в качестве помощника главноначальствующего по политической части.

Главнокомандующим по Германии назначаетесь вы, одновременно будете главнокомандующим советскими оккупационными войсками в Германии.

Кем становился для Сталина Жуков, когда война была закончена Победой, когда верный маршал сделал своё главное дело, можно понять только по одному факту — какого человека «по политической части» «в качестве помощника главноначальствующего» он прислал в Берлин. Правда, бывший прокурор зловещих 1930-х в то время занимал более мирный пост — заместителя наркома иностранных дел СССР.

О том дне в Карлсхорсте маршал рассказал довольно подробно в «Воспоминаниях и размышлениях»: «Как мы условились заранее, в 23 часа 45 минут Теддер, Спаатс и Латр де Тассиньи, представители от союзного командования, А. Я. Вышинский, К. Ф. Телегин, В. Д. Соколовский и другие собрались у меня в кабинете, находившемся рядом с залом, где должно было состояться подписание немцами акта безоговорочной капитуляции.

Ровно в 24 часа мы вошли в зал.

Начиналось 9 мая 1945 года...

Все сели за стол. Он стоял у стены, на которой были прикреплены государственные флаги Советского Союза, США, Англии, Франции.

В зале за длинными столами, покрытыми зелёным сукном, расположились генералы Красной Армии, войска которых в самый короткий срок разгромили оборону Берлина и вынудили противника сложить оружие. Здесь же присутствовали многочисленные советские и иностранные журналисты, фоторепортёры.

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооружённых Сил и Верховного командования союзных войск, — заявил я, открывая заседание, — уполномочены правительствами стран

антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. Пригласите в зал представителей немецкого главного командования.

Все присутствовавшие повернули головы к двери, откуда сейчас должны были появиться те, кто хвастливо заявлял на весь мир о своей способности молниеносно разгромить Францию, Англию и не позже как в полтора-два месяца раздавить Советский Союз.

Первым, не спеша и стараясь сохранить видимое спокойствие, переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель, ближайший сподвижник Гитлера. Выше среднего роста, в парадной форме, подтянут. Он поднял руку со своим фельдмаршальским жезлом вверх, приветствуя представителей Верховного командования советских и союзных войск.

За Кейтелем появился генерал-полковник Штумпф. Невысокий, глаза полны злобы и бессилия. Одновременно вошёл адмирал флота фон Фридебург, казавшийся преждевременно состарившимся.

Немцам было предложено сесть за отдельный стол, который специально для них был поставлен недалеко от входа.

Генерал-фельдмаршал не спеша сел и поднял голову, обратив свой взгляд на нас, сидевших за столом президиума. Рядом с Кейтелем сели Штумпф и Фридебург. Сопровождавшие их офицеры встали за ними.

Я обратился к немецкой делегации:

— Имеете ли вы на руках акт безоговорочной капитуляции Германии, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Вопрос мой на английском языке повторил главный маршал авиации Теддер.

— Да, изучили и готовы подписать его, — приглушённым голосом ответил генерал-фельдмаршал Кейтель, передавая нам документ, подписанный гросс-адмиралом Дёницем. В документе значилось, что Кейтель, фон Фридебург и Штумпф уполномочены подписать акт безоговорочной капитуляции.

Это был далеко не тот надменный Кейтель, который принимал капитуляцию от побеждённой Франции. Теперь он выглядел побитым, хотя и пытался сохранить какую-то позу.

Встав, я сказал:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт безоговорочной капитуляции Германии.

Кейтель быстро поднялся, устремив на нас недобрый взгляд, а затем опустил глаза и, медленно взяв со столика фельдмаршальский жезл, неуверенным шагом направился к нашему столу. Монокль его упал и повис

на шнурке. Лицо покрылось красными пятнами. Вместе с ним подошли к столу генерал-полковник Штумпф, адмирал флота фон Фридебург и немецкие офицеры, сопровождавшие их. Поправив монокль, Кейтель сел на край стула и слегка дрожавшей рукой подписал пять экземпляров акта. Тут же поставили подписи Штумпф и Фридебург.

После подписания акта Кейтель встал из-за стола, надел правую перчатку и вновь попытался блеснуть военной выправкой, но это у него не получилось, и он тихо отошёл за свой стол.

В 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года подписание акта безоговорочной капитуляции Германии было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал.

Кейтель, Фридебург, Штумпф, поднявшись со стульев, поклонились и, склонив головы, вышли из зала. За ними вышли их штабные офицеры.

От имени советского Верховного Главнокомандования я сердечно поздравил всех присутствовавших с долгожданной победой. В зале поднялся невообразимый шум. Все друг друга поздравляли, жали руки. У многих на глазах были слёзы радости. Меня окружили боевые друзья — В. Д. Соколовский, М. С. Калинин, К. Ф. Телегин, Н. А. Антипенко, В. Я. Колпакчи, В. И. Кузнецов, С. И. Богданов, Н. Э. Берзарин, Ф. Е. Боков, П. А. Белов, А. В. Горбатов и другие.

— Дорогие друзья, — сказал я товарищам по оружию, — нам с вами выпала великая честь. В заключительном сражении нам было оказано доверие народа, партии и правительства вести доблестные советские войска на штурм Берлина. Это доверие советские войска, в том числе и вы, возглавлявшие войска в сражениях за Берлин, с честью оправдали. Жаль, что многих нет среди нас. Как бы они порадовались долгожданной победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь.

Вспомнив близких друзей и боевых товарищей, которым не довелось дожить до этого радостного дня, эти люди, привыкшие без малейшего страха смотреть смерти в лицо, как ни крепились, не смогли сдержать слёз.

В 0 часов 50 минут 9 мая 1945 года заседание, на котором была принята безоговорочная капитуляция немецких вооружённых сил, закрылось.

Потом состоялся приём, который прошёл с большим подъёмом. Обед удался на славу! Наши хозяйственники во главе с начальником тыла генерал-лейтенантом Н. А. Антипенко и шеф-поваром В. М. Петровым приготовили отличный стол, который имел большой успех у наших гостей. Открыв банкет, я предложил тост за победу стран антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. Затем выступил маршал А. Теддер,

за ним Ж. Латр де Тассиньи и генерал К. Спаатс. После них выступали советские генералы. Каждый говорил о том, что наболело на душе за все эти тяжёлые годы. Помню, говорилось много, душевно и выражалось большое желание укрепить навсегда дружеские отношения между странами антифашистской коалиции. Говорили об этом советские генералы, говорили американцы, французы, англичане, и всем нам хотелось верить, что так оно и будет.

Праздничный ужин закончился утром песнями и плясками. Вне конкуренции плясали советские генералы. Я тоже не удержался и, вспомнив свою юность, сплясал “русскую”. Расходились и разъезжались под звуки канонады, которая производилась из всех видов оружия по случаю победы. Стрельба шла во всех районах Берлина и его пригородах. Стреляли вверх, но осколки мин, снарядов и пуль падали на землю, и ходить утром 9 мая было не совсем безопасно. Но как отличалась эта опасность от той, с которой все мы сжились за долгие годы войны.

Подписанный акт безоговорочной капитуляции утром того же дня был доставлен в Ставку Верховного Главнокомандования.

Первый пункт акта гласил:

“1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооружённых сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию союзных экспедиционных сил”.

Днем 9 мая мне позвонили из Москвы и сообщили, что вся документация о капитуляции немецко-фашистской Германии получена и вручена Верховному Главнокомандующему.

Итак, закончилась кровопролитная война. Фашистская Германия и её союзники были окончательно разгромлены».

Кейтель тоже оставил свидетельства о Карлсхорсте. Изложил их на бумаге в нюрнбергской тюрьме, когда ему уже ладили петлю для казни: «Незадолго до 24 часов — часа вступления капитуляции в силу — я был вместе с сопровождающими меня лицами препровождён в офицерскую столовую (казино) казармы. В тот самый момент, когда часы пробили полночь, мы вошли в большой зал через широкую боковую дверь. Нас сразу же провели к стоявшему поперёк длинному столу с тремя стульями... Зал был заполнен до самого последнего уголка и ярко освещён многочисленными “юпитерами” Поперечный и три продольных ряда стульев были плотно заняты сидящими. На председательском месте за

торцовым столом сидел генерал Жуков, справа и слева от него — уполномоченные Англии и Америки. Когда начальник штаба Жукова положил передо мною Акт на трёх языках, я потребовал разъяснения, почему в его текст не внесено требуемое мною ограничение репрессивных. Он вернулся к Жукову, а потом, после краткого совещания с ним, которое я мог наблюдать, снова подошёл ко мне и сказал: “Жуков категорически обещает мне неприменение этих мер с продлением срока на 12 часов”.

Торжественный церемониал начался несколькими вступительными словами. Затем Жуков спросил меня, прочёл ли я Акт о капитуляции. Я ответил: “Да” Второй вопрос гласил: готов ли я признать его, поставив свою подпись? Я снова ответил громким “да”. Сразу же началась процедура подписания... По завершении её я вместе с сопровождавшими меня лицами покинул зал через заднюю дверь.

Нас опять привели в нашу небольшую виллу; здесь... стол устали закусками и различными винами, а в остальных комнатах устроили спальни — для каждого отдельная постель с чистым бельём. Офицер-переводчик сообщил о предстоящем приходе русского генерала, стол снова сервировали. Через полчаса явился обер-квартирмейстер Жукова и пригласил нас к столу, но сам просил извинить его, так как он должен удалиться. Блюда были гораздо скромнее, чем те, к которым мы привыкли, но пришлось довольствоваться этим. Тем не менее я не преминул заметить, что мы к такой роскоши и к такому богатому столу непривычны. Он явно почувствовал себя польщённым этой репликой. Мы полагали, что заставленный закусками стол означает конец этого пиршества в гостях у палачей. Но когда мы уже достаточно насытились, вдруг подали горячие блюда, жаркое и т. п. А на десерт — свежзамороженную клубнику, которую я ел первый раз в жизни. Этот десерт явно был из берлинского ресторана Шлеммера, да и вина были того же происхождения».

Лидия Захарова, которая, как и другие девушки-военнослужащие, на праздничном ужине выполняла роль официантки, после войны рассказывала писателю Андрею Жарикову, что, «когда на банкете было уже шумно, слышались радостные голоса и звучала музыка», Жуков её «поманил к себе» и сказал: «Возьми бутылку водки и хорошей закуски, отнеси Кейтелю...»

— Я знала, — рассказывала Лидия Владимировна, — Жуков не допускал подобных шуток, но сначала подумала, что он пошутил. Но когда ответила: «Есть!» — и он не остановил меня, я поняла: это приказ. Охраняли немцев англичане и наши пограничники, ребята пропустили меня с подносом. Кейтель был в комнате вместе со своим адъютантом. Он

сидел за столом, подперев ладонью лоб. Мне показалось, что он плакал...

Но поразил всех на том банкете танец маршала.

Уже все главные и обязательные тосты были произнесены, уже хорошенько выпили, и пошли вольные разговоры, когда заиграл вдруг баян. И не просто заиграл, а с ходу рванул «русского». В середине зала стали расступаться. Русские все затихли в ожидании: кто же выйдет в круг? Иностранцы замерли, вообще не понимая, что происходит.

И вдруг в образовавшийся круг к баянисту выскочил маршал Жуков! Он жваво^[188], легко «прошёлся» и, как это ярко и точно выразил Твардовский в «Василии Тёркине», «пошёл, пошёл работать, наступая и грозя...». Всё тут в нём всколыхнулось — и трудная война, и горечь потерь, и родная калужская Стрелковщина, научившая его этим лихим коленцам и движениям, и торжество жизни, преодолевшее весь смрад и ужас только что отгремевшей войны. И всем, наблюдавшим этот танец, выплеснувшийся из самой глубины русской души маршала, вдруг с ослепительной очевидностью открылось: это и есть венец их торжества — воин из воинов, лучший из них, танцует свой ликующий танец победителя.

ЧАСТЬ III
ПРЕТЕРПЕВШИЙ ДО КОНЦА

Глава тридцать восьмая

На белом коне

«Вот он, долгожданный и незабываемый день!..»

Двадцать четвёртого июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы — ещё одно историческое событие, ставшее символом нашего Отечества.

Жуков вспоминал: «...каждый из нас считал, что Парад Победы будет принимать Верховный Главнокомандующий». Интрига, однако, закрутилась и вокруг этой истории.

Впоследствии, когда многие из окружения Сталина, в том числе и охранники, начали давать интервью и рассказывать о некоторых подробностях его жизни, была опровергнута версия о том, что он якобы сам собирался принимать Парад Победы, да лошадь попала с норовом и во время тренировки сбросила его. Сталин с Гражданской войны не садился на коня. Да и в молодости не был хорошим наездником. К тому же к концу Великой Отечественной войны у него развилась гипертония, и профессор Бакулев, регулярно осматривавший вождя, предостерегал его от каких бы то ни было перегрузок. Левая рука не позволяла Сталину управлять поводьями. Один из его охранников по поводу версии о норовистом коне сказал: «Берия при падении Сталина с лошади всех бы нас арестовал, а затем расстрелял. А после этого поставил бы к Сталину в охрану своих людей».

Людмила Лактионова, долгие годы общавшаяся с семьёй Жукова, рассказывала: «За 20 дней до начала Парада Победы Сталин уведомил Жукова, что именно он будет принимать парад. Вначале Жукову дали цирковую лошадь Ладу. Жуков не знал цирковых команд. Выехал из Спасских ворот на репетицию. Лада у Лобного места встала на дыбы — свечой. Жуков её пришпорил. Лада упала на передние колени, как вкопанная. Жуков с неё соскочил. Репетиция оказалась законченной. Потом Жукову дали коня Вихрь. На нём он репетировал и принимал парад».

Но для полного церемониала нужен был второй маршал. И тоже на коне.

Сталин вначале предложил командовать парадом Коневу. Но маршал отказался, сославшись на то, что он не кавалерист. Сталин неожиданно вспылал, сказав, что Конев зазнался... Видимо, тогда у него и созрело

окончательное решение: командовать парадом должны кавалеристы с выправкой.

В «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков писал: «Точно не помню, кажется, 18–19 июня меня вызвал к себе на дачу Верховный.

Он спросил, не разучился ли я ездить на коне.

— Нет, не разучился, да и сейчас продолжаю упражняться в езде.

— Вот что, — сказал И. В. Сталин, — вам придётся принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Я ответил:

— Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности парад следует принимать вам.

И. В. Сталин сказал:

— Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе.

Прощаясь, он заметил, как мне показалось, не без намёка:

— Советую принимать парад на белом коне, которого вам покажет Будённый...»

По всей вероятности, Будённый и порекомендовал Жукову Ладу. Она была красива, статна, но слишком норовиста, и Жуков её заменил на более спокойного и надёжного Вихря.

Около 9.00 24 июня 1945 года Жуков на белом коне стоял у Спасских ворот. Одетый в новый парадный мундир, при всех орденах, с саблей на боку, он сидел в кавалерийском седле как влитой.

Пошёл дождь. От волнения у маршала вспотел лоб. Он снял фуражку и платком вытер лоб, а потом тщательно протёр кожаный подтулейник^[189]. Позже этот его жест, попавший в кадр кинооператора, многие комментировали как молитву украдкой. Действительно, маршал снял фуражку и потом надел её таким выразительным жестом, что это было похоже на то, как кавалеристы крестятся перед сабельной атакой.

«Вот он, долгожданный и незабываемый день! — напишет Жуков спустя годы. — Советский народ твёрдо верил, что он настанет».

Полки на площади замерли в ожидании.

Ровно в 10.00 на мавзолей поднялись руководители партии и правительства.

Жуков пустил Вихря рысью. Конь шёл ровно, как в манеже. Следом на таком же ослепительно-белом коне скакал генерал-адъютант Зелинский. От Исторического музея навстречу на гнедых конях мчались маршал Рокоссовский с адъютантом. Оркестр исполнял торжественное «Славься» Михаила Глинки.

Дождь усилился, и через несколько минут мундир Жукова промок насквозь.

После объезда и приветствия войск маршал спешил к мавзолею, поднялся на трибуну и обратился с речью к присутствующим.

В тот момент его слушали все, собравшиеся на Красной площади. Все. Живые и мёртвые. Это был последний день, когда погибшие стояли в колоннах рядом с живыми. Вместе с живыми они ликовали Победе и швыряли штандарты поверженных дивизий и полков на московскую брусчатку. Среди них и пилот сбитого под Ельней И-16, и отважная разведчица Зоя Космодемьянская, и генерал Ефремов, и танкисты, сгоревшие в боевых машинах на Зееловских высотах. Здесь были все. Живые это чувствовали.

Тёплый летний дождь струйками стекал по глянцевым козырькам офицерских и солдатских фуражек, каплями дрожал на орденах и медалях, на сияющей меди оркестра. Шли сводные полки. Знаменосцы проносили знамёна и штандарты победивших фронтов и соединений.

После Парада Победы состоялся торжественный правительственный приём. Сталин произнёс тост, смысл которого потряс многих: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и прежде всего русского народа.

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне всеобщее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».

Тогда это никого не оскорбило. Ни один народ. Потому что все знали, что именно русские выполнили основную и самую тяжкую работу войны.

Через несколько дней Сталину было присвоено звание генералиссимуса. Вождь отнёсся к этому сдержанно. Он хорошо понимал, что наступило иное время, которое будет мерить успехи и определять победы далеко не золотым шитьём на погонах отдельных личностей, не количеством орденов и даже не качеством их. В глазах вождя всё это было мишурой.

Война закончилась Победой. Но Победа не положила конец нечеловеческому напряжению. В состоянии постоянного перенапряжения

народ вынужден был жить несколько лет подряд, а теперь ему предстояло терпеть тяготы и дальше. Кое-что для народа всё же попытались сделать. Одиннадцатичасовой рабочий день отменили, вернули восьмичасовой. Но при этом снизилась зарплата. Военные заводы простаивали из-за того, что не стало заказов. Хуже всего, как всегда, было в деревне. По-прежнему действовал указ 1942 года «о повышении обязательной выработки трудодней» и уголовном наказании за невыполнение трудодней. Женщины, оставшиеся без мужей, не вернувшихся с войны, тянули колхозное подневолье из последних сил. Зачастую, чтобы выработать трудодни, приходилось заставлять работать в поле детей и стариков. После короткой радости Победы колхозная деревня снова погружалась в беспросветный мрак нужды и непосильного труда.

Демографические потери были вообще невосстановимы.

Сталин всё это понимал как никто другой. Вот почему мундир генералиссимуса он так и не надел. А вскоре появилось раздражение по поводу непомерно раздутого прессой и народной молвой, как ему казалось, величия его маршалов. В особенности одного.

Жуков в те дни командовал Группой советских оккупационных войск в Германии, одновременно исполнял обязанности представителя Верховного главнокомандования в Контрольном совете по оккупации Германии.

Парад отвлёк от берлинских забот, и несколько дней Жуков провёл в Москве в кругу семьи, родственников, друзей и боевых товарищей.

Вскоре после парада и торжественного приёма в Кремле Жуков устроил семейную вечеринку у себя на даче в Сосновке. Было много друзей. Повеселились на славу. Произносили тосты, пели, танцевали. Среди гостей был генерал Крюков с женой Лидией Руслановой.

Жуков был рад за друга: Крюков наконец-то обрёл семейное счастье и не сводил глаз со своей избранницы. Русланова с нескрываемым удовольствием наслаждалась положением генеральши. Это был её четвёртый брак и, как оказалось, по-настоящему счастливый. Поздняя любовь, которая бывает самой крепкой и верной.

Русланову попросили спеть. Она спела, а потом сказала, что устала, что без аккомпанемента тяжело. И тут Жуков взял баян и лихо растянул мехи. Певица встрепенулась. Запела. Он ей стал подпевать. Так, дуэтом, и довели песню до конца. Русланова дружески похлопала его по плечу и сказала:

— Для маршала очень даже неплохо.

«Запомнилась мне эта вечеринка ещё и потому, — вспоминала Элла Георгиевна Жукова, — что на ней произошёл эпизод, который потом

злонамеренно использовали недруги отца. Во время застолья, после того как были произнесены главные тосты за Победу, за отца и его боевых соратников, встала Русланова. Я очень любила эту совершенно уникальную женщину с её широкой натурой, весёлую, остроумную, по-особому величественную. Она как бы над всеми возвышалась. Я слушала её с особым вниманием. Лидия Андреевна сказала, что государство по заслугам оценило полководцев, защитивших нашу родину и разгромивших врага, но очень жаль, продолжала она, что никто не додумался учредить орден, которым бы награждали жён полководцев за их терпение и мужество, с которым они ещё с молодых лет делили с мужьями тяготы походной жизни, за страдания, которые они испытывали, переживая за мужей, подвергавшихся ежеминутной опасности на полях сражений. Но я считаю, сказала в заключение Лидия Андреевна, что имею право наградить жену первого полководца — Александру Диевну, с честью вышедшую из всех испытаний. С этими словами она извлекла не то из кармана, не то из маленькой сумочки брошь в форме звезды и приколола её маме на грудь. Потом объяснила, что брошь эта имеет не столько материальную, сколько историческую ценность: в своё время она принадлежала Наталье Николаевне Пушкиной. Лидии Андреевне удалось уговорить владельцев, передававших звезду из поколения в поколение, расстаться с нею, назвав, кому она предназначена её в подарок. Помню, как засмущалась мама, принимая бесценный дар, как бережно хранила его, хотя и давала мне в руки всякий раз, когда я просила полюбоваться.

Но реликвия недолго хранилась в нашей семье. Когда начались унижительные гонения на отца, в ходе одного из обысков она была конфискована как “незаконно приобретённая”. После этого следы броши теряются. Насколько мне известно, она не значилась в описи конфискованного имущества, которую отцу показали, когда он уже был министром обороны. Ему тогда советовали поднять вопрос о возвращении незаконно изъятого, но он отказался. “Не хочу ворошить прошлое”, — сказал он тогда дома.

Теперь, когда опубликованы многие архивные материалы о незаконных репрессиях, стало известно, что факт дарения броши жене Жукова инкриминировали арестованному генералу В. В. Крюкову с искажением мотивов и обстоятельств поступка. <...> Между тем интересно было бы узнать: где же всё-таки звезда Натальи Николаевны Пушкиной? В чьём кармане она оказалась и кто носит её без зазрения совести?»

Вот так мы постепенно входим в очередную непростую тему, в «трофейную» историю, а точнее, в «трофейное дело». Но, уступая

хронологии, пока с трофеями повременим.

Комендантом Берлина Жуков назначил командующего 5-й ударной армией генерала Берзарина. Он хорошо знал личные качества одного из лучших своих генералов и в своей директиве, напоминая Берзарину о его долге, писал уже не военным языком: «Мы ожидаем, что в каждом работнике нашей берлинской комендатуры сплетутся в тугой узел все высокие нравственные понятия: долг, порядочность, воля, доброта».

У победившей армии появились новые задачи: удержать войска от мародёрства и насилия по отношению к германскому населению, наладить жизнь города, накормить жителей, и прежде всего детей.

Ещё до отъезда в Москву, 31 мая Жуков подписал распоряжение, в котором говорилось:

«1. Организовать снабжение молоком детей до 8-летнего возраста за счёт:

а) использования молочных ресурсов пригородов БЕРЛИНА в количестве ежедневно 70 000 литров молока;

б) передачи из трофейного скота 5000 голов дойных молочных коров для размещения на молочных пунктах в районах гор. БЕРЛИНА.

2. Обязать зам. командующего по гражд. Администрации тов. СЕРОВА:

а) закрепить для поставок гор. БЕРЛИНУ свежего молока следующие пригородные районы: ШПАНДАУ — 3000 литров ежедневно, НАУКЕН — 7000 литров ежедневно, НОЙРУПИН — 30 000 литров ежедневно, ГАТЕНОВ — 15 000 литров ежедневно, ВЕСТХОВЛЬДЛАНД — 15 000 литров ежедневно.

Итого: 70 000 литров ежедневно;

б) обязать военных комендантов указанных районов немедленно через местные органы власти организовать максимальный сбор молока от населения, восстановить сеть молочных заводов и сливных пунктов, учесть всех специалистов, ранее работавших на молочных заводах, обеспечить их документами и направить в село для организации сбора молока и для транспортировки его на молзаводы.

За счёт транспорта местного населения организовать транспортировку молока с населённых пунктов и сливных точек на молзаводы, из которых молоко будет транспортироваться в гор. БЕРЛИН.

3. Обязать генерал-майора тов. ЖИЖИНА:

а) выделить в распоряжение Берлинского центрального молочного завода 25 автомашин ЗИС-5 для транспортировки молока из районов в

БЕРЛИН;

б) через бургомистра гор. БЕРЛИНА наладить в 5-дневный срок торгующую молочными продуктами сеть.

4. Обязать интенданта фронта полковника тов. ТКАЧЁВА до 15 июля с.г. доставить и сдать городскому самоуправлению гор. БЕРЛИНА 5000 голов дойных коров, в том числе из: 33 армии — 1000, 47 армии — 200, 61 армии — 1000, 69 армии — 1000, 7 гв. кк — 500, фронтовых гуртов — 1300.

Итого: 5000 голов.

5. Обязать начальников тыла армий организовать прогон коров в район гор. БЕРЛИНА, выделив для этого необходимое количество охраны, погонщиков. Обеспечить на пути следования кормами. Перегон закончить к 15 июня 1945 года.

6. Обязать начальника ветеринарной службы фронта генерал-майора тов. ШПАЙЕР до момента сдачи властям гор. БЕРЛИНА перегоняемого скота проверить его на предмет благополучия по эпизоотии».

Как видим, именно советские методы продразвёрстки, отработанные в период «военного коммунизма» у себя на родине, помогли Красной армии справиться с голодом среди мирного населения Берлина в первые месяцы после войны.

Глава тридцать девятая

Война окончена — готовься к войне

«Железный занавес опускается над их фронтом...»

Главным партнёром и соперником по работе в Контрольном совете по оккупации Германии у Жукова был Эйзенхауэр. Первое заседание Контрольный совет провёл 5 июня 1945 года. Перед началом заседания Эйзенхауэр вручил Жукову высшую воинскую правительственную награду США — орден «Легиона Почёта».

Эйзенхауэр высоко ценил полководческий дар Жукова и ставил его первым среди военачальников Второй мировой войны. По его мнению, именно Жуков «имел самый большой опыт руководителя величайшими сражениями, чем кто-либо другой в наше время». «Совершенно очевидно, — впоследствии написал Эйзенхауэр о Жукове, — что он был величайшим полководцем».

У этой явно дипломатической дружбы, конечно же, не лишённой уважения солдата к солдату, была и подоплёка. Уже тогда среди близких ему людей будущий президент США говорил: «...мой друг Жуков будет преемником Сталина, и это откроет эру добрых отношений».

В «Воспоминаниях и размышлениях» маршал писал: «Вначале беседа шла вокруг минувших событий. Д. Эйзенхауэр рассказал о больших трудностях при проведении десантной операции через Ла-Манш в Нормандию, сложностях по устройству коммуникаций, в управлении войсками и особенно при неожиданном контрнаступлении немецких войск в Арденнах.

Переходя к делу, он сказал:

— Нам придётся договориться по целому ряду вопросов, связанных с организацией Контрольного совета и обеспечением наземных коммуникаций через советскую зону в Берлин для персонала США, Англии и Франции.

— Видимо, нужно будет договориться не только о наземных коммуникациях, — ответил я Д. Эйзенхауэру, — придётся решить вопросы о порядке полётов в Берлин американской и английской авиации через советскую зону.

На это генерал Спаатс, откинувшись на спинку стула, небрежно бросил:

— Американская авиация всюду летала и летает без всяких ограничений.

— Через советскую зону ваша авиация летать без ограничений не будет, — ответил я Спаатсу. — Будете летать только в установленных воздушных коридорах.

Тут быстро вмешался Д. Эйзенхауэр и сказал Спаатсу:

— Я не поручал вам так ставить вопрос о полётах авиации.

А затем, обратившись ко мне, заметил:

— Сейчас я приехал к вам, господин маршал, только с тем, чтобы лично познакомиться, а деловые вопросы решим тогда, когда организуем Контрольный совет.

— Думаю, что мы с вами, как старые солдаты, найдём общий язык и будем дружно работать, — ответил я. — А сейчас я хотел бы просить вас только об одном: быстрее вывести американские войска из Тюрингии, которая, согласно договорённости на Крымской конференции между главами правительств союзников, должна оккупироваться только советскими войсками».

Солдатская дипломатия проста и более конкретна. Она чем-то напоминает перегруппировку сил перед предстоящей битвой, управлять которой предстоит уже не военным. Военные в какой-то момент запоздало осознают это, и дипломатическая работа начинает тяготить их своей бесперспективностью.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «В процессе дальнейшей работы в Контрольном совете нам стало труднее договариваться с американцами и англичанами. Наши предложения об осуществлении тех или иных пунктов Декларации о поражении Германии, подписанной и согласованной на конференции глав правительств, вызывали сопротивление со стороны наших коллег по Контрольному совету.

Вскоре мы получили достоверные сведения о том, что ещё в ходе заключительной кампании Черчилль направил фельдмаршалу Монтгомери секретную телеграмму с предписанием:

“Тщательно собирать германское оружие и боевую технику и складывать её, чтобы легко можно было бы снова раздать это вооружение германским частям, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось” На очередном заседании Контрольного совета нам пришлось сделать резкое заявление по этому поводу, подчеркнув, что история знает мало примеров подобного вероломства и измены союзническим обязательствам и долгу.

Советский Союз, указали мы, строго выполняет свои союзнические

обязательства, которые были приняты всеми союзниками в этой войне. Мы считаем, что английское командование и его правительство заслуживают серьёзного осуждения.

Монтгомери пытался отвести советское обвинение. Его коллега американский генерал Клей молчал. Очевидно, он знал об этой директиве премьер-министра Англии.

Впоследствии Черчилль, выступая перед избирателями округа Вуддфорд, открыто заявил, что, когда немцы сдавались сотнями тысяч в плен, он действительно направил подобный секретный приказ фельдмаршалу Монтгомери. Некоторое время спустя и сам Монтгомери подтвердил получение этой телеграммы от Черчилля».

Союзники, временно объединённые общей опасностью и общими целями — разгромить германский и итальянский фашизм, — снова становились самими собой.

В один из майских дней, когда советские войска праздновали Победу, остановив свои войска на широком фронте от моря до моря, Черчилль писал новому американскому президенту Гарри Трумэну:

«1. Я глубоко обеспокоен положением в Европе. Мне стало известно, что половина американских военно-воздушных сил в Европе уже начала переброску на Тихоокеанский театр военных действий. Газеты полны сообщений о крупных перебросках американских армий из Европы. Согласно прежним решениям наши армии, по-видимому, также заметно сократятся. Канадская армия наверняка будет отозвана. Французы слабы, и с ними трудно иметь дело. Каждый может понять, что через очень короткий промежуток времени наша вооружённая мощь на континенте исчезнет, не считая умеренных сил, необходимых для сдерживания Германии.

2. А тем временем как насчёт России? Я всегда стремился к дружбе с Россией, но так же, как и у Вас, у меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, а самое главное — их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии. Каково будет положение через год или два, когда английские и американские армии растают и исчезнут, а французская ещё не будет сформирована в сколько-нибудь крупных масштабах, когда у нас, возможно, будет лишь горстка дивизий, в основном французских, тогда как Россия, возможно, решит сохранить на действительной службе 200–300 дивизий?

3. Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него. Можно почти не сомневаться в том, что весь район восточнее линии Любек, Триест, Корфу будет в скором времени полностью в их руках. К этому нужно добавить простирающийся дальше огромный район, завоёванный американскими армиями между Эйзенахом и Эльбой, который, как я полагаю, будет через несколько недель — когда американцы отступят — оккупирован русскими силами. Генералу Эйзенхауэру придётся принять все возможные меры для того, чтобы предотвратить новое бегство огромных масс германского населения на Запад при этом гигантском продвижении москвитов в центр Европы. И тогда занавес снова опустится очень намного, если не целиком. И, таким образом, широкая полоса оккупированной русскими территории протяжением во много сот миль отрежет нас от Польши.

4. Тем временем внимание наших народов будет отвлечено навязыванием сурового обращения с Германией, которая разорена и повержена, и в весьма скором времени перед русскими откроется дорога для продвижения, если им это будет угодно, к водам Северного моря и Атлантического океана.

5. Безусловно, сейчас жизненно важно прийти к соглашению с Россией или выяснить наши с ней отношения, прежде чем мы смертельно ослабим свои армии или уйдём в свои зоны оккупации. Это может быть сделано только путём личной встречи. Я буду чрезвычайно благодарен Вам за высказанное Вами мнение и совет. Конечно, мы можем прийти к мнению, что Россия будет вести себя безупречно, и это, несомненно, наиболее удобный выход. Короче говоря, с моей точки зрения, проблема урегулирования с Россией прежде, чем наша сила исчезнет, затмевает все остальные проблемы».

В те же дни штабы союзников разработали окончательный вариант плана «Немыслимое»: удар по советским войскам, сосредоточенным в Европе. Атаку должны были осуществить 47 американских и английских дивизий, а также десять германских. Выводы, сделанные Комитетом по стратегическим вопросам при Объединённом комитете начальников штабов Великобритании и США, были для «атакующей» стороны весьма неутешительными: преимущество Красной армии в Европе настолько мощно, что возможная атака союзников в лучшем случае приведёт к тотальной войне с Россией с непредсказуемыми последствиями...

К тому же американцам предстояло покончить с Японией. Война на островах и в океане ещё продолжалась. И лучшим союзником в этой войне мог быть только Советский Союз.

Семнадцатого июля 1945 года в Потсдаме состоялась конференция глав стран-победительниц. Это была третья и, как показала история, заключительная встреча руководителей «Большой тройки». Тегеран (1943), Ялта (1945) и, наконец, пригород Берлина.

С ними уже не было Рузвельта. А через девять дней Черчилля сменит новый премьер Англии Эттли. Только Сталин оставался завидным долгожителем на этом Олимпе, предгорья которого были завалены искорёженным металлом Второй мировой войны. Войну ещё предстояло завершить, а завалы разобрать. В Европе это уже произошло, и настало время делить трофеи.

«Большая тройка» приняла решение о полной демилитаризации Германии. Упразднились все сухопутные, морские и воздушные вооружённые силы, войска СС, СА, СД, службы гестапо, учебные заведения и команды, а также все военные и полувоенные организации. Оружие, амуниция и прочее воинское снаряжение подлежали уничтожению или передаче союзникам. Отменялись все нацистские законы, запрещалась пропаганда. Виновные в преступлениях, совершённых в годы войны, подлежали аресту и суду. Подлежала ликвидации вся военная промышленность, вводился запрет на производство любых видов вооружения и воинского снаряжения.

Однако по поводу некоторых пунктов соглашения сразу же возникли разногласия, и они чаще всего заканчивались не в пользу советской стороны. Так, СССР было отказано в осуществлении совместного контроля над Рурским промышленным районом.

В Потсдаме было подписано специальное соглашение о репарациях и праве народов, пострадавших от германской оккупации, на компенсацию уничтоженного и утраченного. Решили, что все стороны, включая Францию, «получат репарации из своих зон оккупации и за счёт германских вложений за границей». СССР как страна, наиболее сильно пострадавшая от германской агрессии, получала дополнительно четвертую часть промышленного оборудования, изымаемого в западной промышленной зоне. Сталин — кавказец во всём — умел и драться, и торговаться.

Торговаться в те дни Сталину было тяжело. За день до начала переговоров американцы взорвали атомную бомбу. Её взрывная волна в одно мгновение смела представления о будущих войнах, их тактике и стратегии, нарушила баланс сил и, как следствие, увеличила амбиции Запада. Сталин был потрясён, когда Трумэн как бы между прочим, в разговоре вне конференц-зала сообщил ему о том, что США владеют

бомбой «исключительной силы». Это означало, что, вместо восстановления народного хозяйства и послаблений, ожидаемых советскими людьми, необходимо — другого варианта нет! — снова запрягать свой народ в тяжёлые оглобли... «Иначе нас сомнут». Пока же он по-прежнему располагал главным козырем — двадцатимиллионной армией. И этим козырем бил и американские бомбы «исключительной силы», и претензии Англии, граничащие с наглостью.

Во время переговоров произошёл диалог, который характеризует и напряжение, не покидавшее стороны, и твёрдость Сталина, и его гибкий ум.

«СТАЛИН: Из печати, например, известно, что господин Иден, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашёл? (Смех.) Это очень интересный вопрос.

ЧЕРЧИЛЛЬ: Я могу на это ответить. Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами британская армия одна завоевала эти колонии.

ТРУМЭН: Все?

СТАЛИН: А Берлин взяла Красная армия. (Смех.)».

Смех, как говорят, самый изысканный способ показать зубы противнику.

Бомбы у Сталина к тому времени не было. Но были его молодые маршалы во главе огромных группировок в самом центре Европы. И это позволяло генералиссимусу чувствовать себя более раскованно, чем, к примеру, Черчиллю, чьи дни в большой политике истекали.

Но Сталин чувствовал, как его оттирают от трофеев, которые принесла Победа. От выхода к южным морям. От «бесхозного» золота, среди которого находились сокровища рухнувших монархий Европы, а также «нацистское» и русское «царское золото». От иранской нефти. От датских островов, где в это время ещё стояли советские войска. От Триполитании^[190], которую Сталин хотел иметь в качестве колонии в Северной Африке.

Диктатор, обладавший сверхрациональным мышлением, прекрасно понимал, что в новой войне его молодые и талантливые полководцы победы не принесут. В новой войне — а она, возможно, уже у дверей — победу принесёт бомба. Или несколько бомб. И средства их доставки — хорошие самолёты, способные преодолевать большие расстояния на большой высоте.

То, что война возможна в самое ближайшее время, Сталин

почувствовал в дни победы над Японией.

Шестого и девятого августа 1945 года американские бомбардировщики сбросили на японские города Хиросиму и Нагасаки две атомные бомбы. 8 августа Советский Союз объявил войну Японии и атаковал позиции Квантунской армии на материке. Когда Молотов сказал американскому послу Гарриману, что у союзников в этой войне должны быть два командующих, и предложил генерала Макартура и маршала Василевского, Гарриман ответил твёрдо, как о давно решённом: США воюют с Японией четыре года, а СССР всего два дня, а потому Верховным главнокомандующим союзнических войск будет только американец и никто другой. Затем был отменён десант советских войск на остров Хоккайдо. Стало очевидным, что союзники попросту не желают пускать Красную армию на Японские острова.

Игра получила неожиданный поворот 11 августа. На этот день планировалась очередная встреча Молотова и Гарримана. До капитуляции Японии оставалось трое суток. Американцы спешили занять ключевые объекты и территории. Трумэн отдал распоряжение Макартуру «сразу же после капитуляции Японии занять порт Дальний». Приказ должно было выполнить специальное подразделение морской пехоты.

Когда американские морские пехотинцы подошли к Дальнему, все подступы к порту уже контролировались советскими войсками.

Тогда Трумэн «в категорической форме потребовал» уступить США часть Курильских островов для развёртывания там базы и строительства аэродрома для своих ВВС. На что Сталин ответил, что «так разговаривают с побеждённой страной, но Советский Союз не побеждён», и требование американского президента отверг в том же решительном тоне.

Четвёртого сентября 1945 года штаб ВВС США получил задачу: «Отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории». В список для новой Хиросимы попали Москва, Горький, Куйбышев, Саратов, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Грозный, Ярославль и другие крупные города Советского Союза. Этот план совершенствовался, обрастал новыми расчётами и выкладками. Но наступил день, когда американцы вынуждены были положить его в архив как неперспективный. Этим днём стало 25 сентября 1949 года, когда Советский Союз на атомном полигоне взорвал свою бомбу «исключительной силы» и заявил об этом всему миру.

Ещё в июне 1945-го, когда Жуков прибыл в штаб Эйзенхауэра, чтобы вручить своему «американскому другу» орден «Победа» и раздать ордена и

медали ещё двум десяткам офицеров и солдат армий союзных войск, ему, его адъютантам и журналистам принимающая сторона продемонстрировала внушительную силу своих военно-воздушных сил. Перед торжественным обедом 1700 американских и британских самолётов, соблюдая почти парадный строй, пролетели над Венденшлоссе. Зрелище было грандиозное, и в нём явно просматривался второй, более важный план церемониального сюжета.

По воспоминаниям Монтгомери, «во время обеда американцы показали красочное кабаре-шоу с плавной музыкой и сложным танцем, исполняемым негритянками, обнажёнными выше пояса. Русские никогда не видели и не слышали ни о чём подобном, и у них глаза на лоб полезли. Тем не менее им это очень понравилось, и они всё время вызывали артисток на “бис”. Весь распорядок дня был тщательно разработан, и русские испытали щедрое гостеприимство американцев. Это был день демонстрации американского богатства и мощи».

В тот же день Монтгомери выполнил поручение правительства Великобритании — вручил Жукову Большой крест рыцарского ордена Бани. Тот же орден, но второй степени — субординация! — был вручён маршалу Рокоссовскому.

Как уже было замечено, угощали на том обеде щедро. Пили много. Русские, как и в бою, на ногах держались крепко.

Эйзенхауэр вспоминал: «В соответствии с русским обычаем провозглашались тосты. Жуков был мастером произносить тосты, судя по тому, что нам переводил переводчик. Он воздавал должное союзникам и выражал надежду на наше успешное сотрудничество в будущем».

В Потсдаме на приёме, устроенном Черчиллем по случаю своего провала на парламентских выборах, произошёл курьёз.

После торжественных тостов, поднятых за здоровье Сталина и Черчилля, последний, встав, неожиданно «провозгласил здравицу Жукову». Черчилль, можно предположить, на этот раз был совершенно искренним: мудрый и искушённый политик, он хорошо понимал, насколько мощно Жуков обеспечил фронт действий своего патрона.

О том банкете маршал написал в «Воспоминаниях и размышлениях»: «Мне ничего не оставалось, как предложить свой ответный тост. Благодаря Черчилля за проявленную ко мне любезность, я машинально назвал его “товарищем” Тут же заметил недоумённые взгляды Сталина и Молотова, у меня получилась пауза, которая, как мне показалось, длилась больше, чем следует. Импровизируя, я предложил тост за “товарищей по оружию”, наших союзников в этой войне — солдат, офицеров и генералов армий

антифашистской коалиции, которые так блестяще закончили разгром фашистской Германии. Тут уж я не ошибся. На другой день, когда я был у Сталина, он и все присутствовавшие смеялись над тем, как быстро я приобрёл “товарища” в лице Черчилля».

Сталин посмеялся. Но принял к сведению: вторым после него Черчилль назвал Жукова. В Москву ему регулярно доставляли западную прессу. Газеты и журналы пестрели фотографиями Маршала Победы. Жуков охотно раздавал интервью. Судя по публикациям, маршал наслаждался триумфом, и эта его игра затягивалась и явно выходила из берегов.

На том же банкете произошла забавная пикировка Жукова с английским фельдмаршалом Александером. Александер командовал союзными войсками на Средиземном море, 2 мая 1945 года принимал капитуляцию немецких войск в Италии. На банкете они сидели рядом. Желая поговорить с Жуковым, Александер спросил:

— На каком языке вы, мистер Жуков, кроме русского, предпочитаете говорить?

Жуков, зная, что англичанин неплохо знает русский, как и ещё 11 языков — он был полиглот, — тут же отреагировал:

— На украинском или белорусском.

— К сожалению, я с этими языками не знаком, — усмехнулся Александер и продолжил свою игру: — Кажется, вы хорошо знаете французский?

— Нет, — усмехнулся Жуков. — Я его основательно подзабыл.

Мол, бивали мы, русские, и французов, но это было очень давно. И спросил:

— Вы монгольский знаете? — И запустил длинную фразу по-монгольски.

— Нет, — пожал плечами фельдмаршал, поняв, что на этот раз его конёк его не вывезет.

— А жаль. Надо изучать языки восточных народов.

В эти дни в Берлин к Жукову прилетела из Москвы семья. Александру Диевну и дочерей он встретил на аэродроме Темпельхоф. Город и окрестности постепенно восстанавливались, и Жуков старался занять детей, организовывал для них интересные поездки. В том числе в Дрезден. Старая часть города, знаменитый Цвингер, где находился художественный музей и выставочные залы, был наполовину разрушен. Коллекции картин и художественных ценностей, вывезенных и спрятанных нацистами в шахтах, советские солдаты возвращали назад. Эре и Элле Жуковым

повезло, они успели увидеть знаменитый шедевр Цвингера — «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля.

«После окончания Потсдамской конференции, — вспоминала Элла Георгиевна Жукова, — мы переехали на новое место жительства — в пригород Потсдама Бабельсберг. Это была большая красивая белоснежная вилла, в которой, как рассказал отец, во время конференции останавливался Сталин, а раньше она принадлежала немецкому генералу Людендорфу. Вилла была обставлена с большим вкусом и размещалась в небольшом, тщательно ухоженном парке на склоне, ведущем к берегу реки. Наше перемещение отец объяснил тем, что по долгу службы он должен устраивать многолюдные приёмы, что в прежнем доме было невозможно. Одному из таких приёмов я была свидетелем, правда, по собственной инициативе. К гостям я не была допущена в силу возраста, поэтому удобно устроилась у перил лестницы, ведущей на второй этаж, и с интересом наблюдала за происходящим в главном зале, благо двери были открыты. Приглашённых действительно было множество. Было шумно, звучала музыка. Несколько русских песен исполнила Русланова. А в разгар веселья отец пошёл плясать вприсядку на пару с французским генералом де Латтром де Тассиньи. У отца, конечно же, получалось гораздо лучше».

Сохранилось довольно много фотографий берлинского периода, где Жуков запечатлён рядом с Эйзенхауэром, Монтгомери, де Тассиньи, а также с советскими маршалами и генералами. Он выглядит помолодевшим, по-спортивному подтянутым, коренастым. В осанке и во всей фигуре чувствуется здоровая крестьянская основа, мужская сила.

Довольно точно описал его внешний вид того периода офицер охраны Николай Пучков: «Георгий Константинович был красивым человеком: от лица с правильными чертами, высоким лбом мыслителя и волевым подбородком веяло мужеством и решительностью. Особенно впечатляли серые с голубизной глаза, отражавшие большую работу мысли. Его внимательный проникающий взгляд выдержать было очень трудно, особенно тем, кто провинился. Георгий Константинович был невысокого роста, но низким не казался. Я объясняю это его внушительным видом и могучим телосложением. Жуков обладал прекрасно развитой мускулатурой, и, несмотря на большой вес, его походка была лёгкой, спортивной. Сказывалась многолетняя тренировка спортсмена-конника, охотника. Физическая сила Жукова была настолько велика, что однажды, испытывая её на специальном игровом приборе в парке, он вывел из строя этот прибор: измеритель не выдержал, “зашкалил”».

В дни Потсдамской конференции Сталин, наблюдая подчёркнуто

уважительное отношение Эйзенхауэра к Жукову и всей советской делегации, приказал маршалу пригласить американца в Советский Союз.

Поездка эта состоялась. Эйзенхауэр находился под сильным впечатлением. Позднее в мемуарах писал: «Сталин, босс, железной рукой правивший Советским Союзом, был начисто лишён чувства юмора. Вечером в кинозале мы смотрели советскую картину о взятии Берлина, где был показан и мой старый друг маршал Жуков с множеством орденов и медалей на парадном мундире. Во время демонстрации фильма Сталин сидел между мной и Жуковым. В какой-то момент я повернулся и сказал нашему переводчику, сидевшему позади Сталина: “Скажите маршалу Жукову, что, если он когда-либо потеряет свою работу в Советском Союзе, он сможет, как доказывает эта картина, наверняка найти работу в Голливуде” Сталин молча выслушал переводчика. “Маршал Жуков, — сообщил он мне ровным тоном, — никогда не останется без работы в Советском Союзе”».

На самом деле чувство юмора у Сталина было развито очень хорошо. Но даже завзятый юморист порой теряется, когда его вдруг задевают за живое. Кадры берлинской кинохроники, помноженные на газетные публикации, героем которых был Жуков, не просто задевали, а буквально разрывали кавказское самолюбие генералиссимуса.

Восхищённый поездкой по Советскому Союзу, в которой его сопровождал «старый друг», Эйзенхауэр пригласил Жукова в США. Поначалу Сталин счёл, что этот визит может быть весьма полезным.

«Однажды после заседания Контрольного совета, — пишет Жуков, — ко мне подошёл генерал Д. Эйзенхауэр.

— Очень рад, что вы, господин маршал, посетите Штаты, — сказал он. — К сожалению, обстоятельства складываются так, что я не смогу лететь сейчас с вами в Вашингтон. Если не возражаете, вас будут сопровождать мой сын Джон, генерал Клей и другие лица штаба Верховного главнокомандования США.

Я согласился.

— Так как ваши лётчики не знают условий полёта через океан и в Штатах, — продолжал Эйзенхауэр, — предлагаю вам свой личный самолёт “Крепость”.

Я поблагодарил Эйзенхауэра и доложил обо всём лично И. В. Сталину.

И. В. Сталин сказал:

— Ну что ж, готовьтесь.

К сожалению, перед полётом я заболел. Пришлось ещё раз звонить И. В. Сталину:

— В таком состоянии лететь нельзя. Соединитесь с американским послом Смитом и скажите ему, что полёт по состоянию здоровья не состоится.

Вернувшись в Берлин, я снова с головой ушёл в работу Контрольного совета».

Болезнь Жукова оказалась неопасной для его здоровья — дипломатической. Можно предположить, «переболев» ею, он на какое-то время приобрёл иммунитет от осложнений...

Элла Георгиевна Жукова вспоминала: «Отец был глубоко огорчён, когда не смог по приглашению Эйзенхауэра посетить с ответным визитом США. Сталин сначала поддерживал идею визита, но потом по причинам, о которых можно только догадываться, изменил своё решение. “К сожалению, перед полётом я заболел”, — пишет отец в своих мемуарах. И я понимаю, почему он изложил такую версию. Но мы-то знали... что его, по сути дела, вынудили отказаться от желанной поездки. Не исключая, что таким образом ему указали на место...»

Они были солдатами в той жесточайшей войне XX века — Жуков и Эйзенхауэр. И сохранили тёплые дружеские отношения до конца жизни.

Глава сороковая

Дело авиаторов

«Если Сталин такой умный человек, то почему он верит наветам?..»

Офицер службы безопасности Сергей Марков вспоминал, что, когда Жуков в июне 1946 года приехал на похороны председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина, произошло нечто, что стало сигналом — отношение к Жукову со стороны Сталина изменилось решительно. «Жуков прибыл в Колонный зал Дома союзов, чтобы проститься с покойным, — рассказывал Марков. — И вот при выносе гроба и установке на артиллерийский лафет, за которым медленно двигалась похоронная процессия на Красную площадь, мы заметили, что Жукова потеснили с его привычного места — раньше он находился вместе с членами Политбюро, а теперь был вдали».

В марте 1946 года маршал выезжал из Берлина в Москву — на сессию Верховного Совета СССР, чтобы исполнить свои депутатские обязанности. Виделся со Сталиным. Докладывал обстановку. И вот, как только вернулся в Берлин и переступил порог штаба, раздался звонок.

— Правительство США, — как всегда, без предисловий сказал Сталин, — отозвало из Германии Эйзенхауэра, оставив вместо него генерала Клея. Английское правительство отозвало Монтгомери. Не следует ли вам также вернуться в Москву?

На такие вопросы отвечают немедленным согласием. Именно так ответил и Жуков, и голос его не дрогнул.

Жуков назначил своим преемником в Контрольном совете генерала Соколовского и отбыл в Москву.

Отзыв из Берлина не был простой кадровой перестановкой. Жуков в эти берлинские дни совершил одну непростительную ошибку. Свидетелем этого стал Эйзенхауэр, о чём впоследствии написал в мемуарах: «Жуков резко обошёлся со своим политическим советником Андреем Вышинским, предложив ему выйти из комнаты, чтобы мы могли конфиденциально переговорить». Такое Сталин прощал Жукову только на фронте, и то не всегда.

Жуков возвращался в Москву, уже зная, что его должность — первого заместителя наркома обороны — упразднена, что вместо неё введена

должность заместителя по общим вопросам и на неё назначается Булганин. Начальником Генерального штаба — Василевский. А ему предстоит занять должность главнокомандующего Сухопутными войсками.

Когда Жуков приступил к исполнению обязанностей главкома Сухопутных войск, он сразу же почувствовал к себе настороженное отношение многих влиятельных лиц, в особенности из числа высокопоставленных партийцев.

Элла Георгиевна вспоминала, что семья заметила «перемену в настроении отца». «Казалось, что-то его постоянно угнетает и тревожит, он был задумчив и молчалив. Из услышанных разговоров мне запомнилась неоднократно повторённая им фраза: “Если Сталин такой умный человек, то почему он верит наветам?”».

В один из дней Потсдамской конференции Василий Сталин, в то время полковник, командир 286-й истребительной авиадивизии 16-й воздушной армии, встретился с отцом и в откровенном разговоре рассказал ему, почему в авиационных строевых частях «бьётся много лётчиков». После разговора изложил причины большой аварийности письменно: «Командование ВВС принимает от авиапромышленности дефектные истребители Як-9...» Сигнал полковника Василия Сталина подтвердил авиаконструктор А. С. Яковлев. Яковлеву вождь благоволил, всячески его поддерживал и поощрял, и потому его мнение стало решающим. 6 сентября 1945 года Яковлев направил на имя Сталина служебную записку, в ней выражал «серьёзную тревогу» по поводу отставания Советского Союза от США «в развитии реактивной и дальней авиации». Виновником отставания Яковлев назвал наркома авиационной промышленности А. И. Шахурин.

Возможно, полковник Сталин не опустился бы до кляузы. Дело с браком самолётов удалось бы решить, как говорят, «в рабочем порядке». Но тут произошёл случай, который взвинтил самолюбивого Василия. Жуков пригласил его и Серова на охоту. Появилось свободное время, и Жуков предался любимой с юности забаве. На охоте Василий хорошенько выпил и начал стрелять по бутылкам. Старые охотники знают, как отличить дилетанта, случайно взявшего в руки ружьё, от настоящего охотника. Первое: охотник в лесу никогда не напьётся; второе: не будет палить впустую. Жуков прекратил развлечение Василия грубым окриком: «Прекратить!» Василий не боялся никого. Мог наругать даже Берии. Но боялся двух человек: отца и Жукова.

Василий покорно прекратил стрельбу. Но злобу затаил. И доложил отцу о бракованных самолётах вскоре после той охоты.

Сталин поручил разобраться в этом деле начальника Смерша В. С.

Абакумова. Ведомство генерала Абакумова работало оперативно. Начались аресты, допросы с пристрастием. Среди арестованных оказались: нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин, командующий ВВС Главный маршал авиации А. А. Новиков, заместитель командующего и главный инженер ВВС А. К. Репин, член Военного совета ВВС Н. С. Шиманов, начальник ГУ заказов ВВС Н. П. Селезнёв и др.

Маршал Новиков впоследствии рассказывал: «Арестовали по делу ВВС, а допрашивают о другом... Я был орудием в их руках для того, чтобы скомпрометировать некоторых видных деятелей Советского государства путём создания ложных показаний. Это мне стало ясно гораздо позднее. Вопросы о состоянии ВВС были только ширмой... С первого дня ареста мне систематически не давали спать. Днём и ночью я находился на допросах и возвращался в камеру в 6 часов утра, когда в камерах был подъём... После 2–3 дней такого режима я засыпал стоя и сидя, но меня тотчас же будили. Лишённый сна, я через несколько дней был доведён до такого состояния, что был готов на какие угодно показания, лишь бы кончились мучения».

Следствие дало нужный результат в кратчайшие сроки — не прошло и месяца. Уже в апреле 1946 года Абакумов направил в Совет министров СССР на имя Сталина документ, который диктатор давно ждал.

Из заявления Главного маршала авиации А. А. Новикова на имя И. В. Сталина, написанного в апреле 1946 года в заключении:

МИНИСТРУ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ СССР
И. В. СТАЛИНУ

От бывшего главнокомандующего ВВС,
Ныне арестованного НОВИКОВА

Лично перед Вами виновен в преступлениях, которые совершались в Военно-воздушных силах, больше чем кто-либо другой.

Помимо того, что я являюсь непосредственным виновником приёма на вооружение авиационных частей недоброкачественных самолётов и моторов, выпускавшихся авиационной промышленностью, я, как командующий Военно-воздушных сил, должен был обо всём этом доложить Вам, но этого я не делал, скрывая от Вас антигосударственную практику в работе ВВС и НКАП.

Я скрывал от Вас безделье и разболтанность ряда ответственных работников ВВС, что многие занимались своим личным благополучием больше, чем государственным делом, что некоторые руководящие работники безответственно относились к работе. Я покрывал такого

проходимца, как Жаров, который, пользуясь моей опекой, тащил направо и налево. Я сам культивировал угодничество и подхалимство в аппарате ВВС.

Всё это происходило потому, что я сам попал в болото преступлений, связанных с приёмом на вооружение ВВС бракованной авиационной техники. Мне стыдно говорить, но я также чересчур много занимался приобретением различного имущества с фронта и устройством своего личного благополучия...

Только теперь, находясь в тюрьме, я опомнился и призадумался над тем, что я натворил. Вместо того чтобы с благодарностью отнестись к Верховному Главнокомандующему, который для меня за время войны сделал всё, чтобы я хорошо и достойно работал, который буквально тянул меня за уши, — я вместо этого поступил как подлец, всячески ворчал, проявлял недовольство, а своим близким даже высказывал вражеские выпады против Министра Вооружённых Сил.

Настоящим заявлением я хочу Вам честно и до конца рассказать, что, кроме нанесённого мною большого вреда в бытность мою командующим ВВС, о чём я уже дал показания, я также виновен в ещё более важных преступлениях.

Я счёл теперь необходимым в своём заявлении на Ваше имя рассказать о своей связи с Жуковым, взаимоотношениях и политически вредных разговорах с ним, которые мы вели в период войны и до последнего времени.

Хотя я теперь арестован и не моё дело давать какие-либо советы, в чём и как поступать, но всё же, обращаясь к Вам, я хочу рассказать о своих связях с Жуковым потому, что мне кажется, пора положить конец такому вредному поведению Жукова, ибо если дело так далее пойдёт, то это может привести к пагубным последствиям.

За время войны, бывая на фронтах вместе с Жуковым, между нами установились близкие отношения, которые продолжались до дня моего ареста.

Касаясь Жукова, я прежде всего хочу сказать, что он человек исключительно властолюбивый, очень любит славу, почёт и угодничество перед ним и не может терпеть возражений.

Зная Жукова, я понимал, что он не столько в интересах государства, а больше в своих личных целях стремится чаще бывать в войсках, чтобы, таким образом, завоевать себе ещё больший авторитет.

Вместо того чтобы мы как высшие командиры спланировали командный состав вокруг Верховного Главнокомандующего, Жуков ведёт вредную,

обособленную линию, т. е. сколачивает людей вокруг себя, приближает их к себе и делает вид, что для них он является “добрым дядей” Таким человеком у Жукова был и я, а также Серов.

Жуков был ко мне очень хорошо расположен, и я в свою очередь угодничал перед ним. Жуков очень любил все новости, что делается в верхах, и по его просьбе, когда Жуков находился на фронте, я по мере того что мне удавалось узнать, — снабжал его соответствующей информацией о том, что делалось в Ставке. В этой подлости перед Вами я признаю свою тяжёлую вину...

Жуков очень хитро, тонко и в осторожной форме в беседе со мной, а также и среди других лиц пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандующего, и в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им. Так, во многих беседах, имевших место на протяжении последних полутора лет, Жуков заявлял мне, что операции по разгрому немцев под Ленинградом, Сталинградом и на Курской дуге разработаны по его идее и им, Жуковым, подготовлены и проведены. То же самое говорил мне Жуков по разгрому немцев под Москвой.

Как-то в феврале 1946 года, находясь у Жукова в кабинете или на даче, точно не помню, Жуков рассказал мне, что ему в Берлин звонил Сталин и спрашивал, какое бы он хотел получить назначение. На это, по словам Жукова, он якобы ответил, что хочет пойти Главнокомандующим Сухопутными силами.

Это своё мнение Жуков мне мотивировал, как я его понял, не государственными интересами, а тем, что, находясь в этой должности, он, по существу, будет руководить почти всем Наркоматом обороны, всегда будет поддерживать связь с войсками и тем самым не потеряет свою известность...

Тогда же Жуков мне ещё рассказывал о том, что в разговоре по “ВЧ” в связи с реорганизацией Наркомата обороны Сталин спрашивал его, кого и на какие должности он считает лучше назначить.

Жуков, как он мне об этом говорил, высказал Сталину свои соображения, и он с ним согласился, но, тем не менее, якобы сказал: “Я подожду вашего приезда в Москву, и тогда вопрос о назначениях решим вместе”.

Я этот разговор привожу потому, что, рассказывая мне об этом, Жуков дал понять, что как он предлагал Сталину, так Сталин и сделал.

Ко всему этому надо ещё сказать, что Жуков хитрит и лукавит душой.

Внешне это, конечно, незаметно, но мне, находящемуся с ним в близкой связи, было хорошо видно. Говоря об этом, я должен привести Вам в качестве примера такой факт: Жуков на глазах всячески приближает Василия Сталина, якобы по-отечески относится к нему и заботится.

Но дело обстоит иначе. Когда недавно, уже перед моим арестом, я был у Жукова в кабинете на службе, и в беседе он мне сказал, что, по-видимому, Василий Сталин будет инспектором ВВС, я выразил при этом своё неудовольствие таким назначением и всячески оскорблял Василия. Тут же Жуков в беседе со мной один на один высказался по адресу Василия Сталина ещё резче, чем я, и в похабной и омерзительной форме наносил ему оскорбления.

В начале 1943 года я находился на Северо-Западном фронте, где в то время подготавливалась операция по ликвидации так называемого “Демянского котла”, и встречался там с Жуковым.

Как-то во время обеда я спросил Жукова, кому я должен писать донесения о боевых действиях авиации. Жуков ответил, что нужно писать на имя Сталина, и тогда же рассказал мне, что перед выездом из Москвы он якобы поссорился с Верховным Главнокомандующим из-за разработки какой-то операции и поэтому, как заявил Жуков, решил не звонить ему, несмотря на то, что обязан делать это. Если, говорил Жуков, Сталин позвонит ему сам, то тогда и он будет звонить ему.

Рассказывал этот факт мне Жуков в таком высокомерном тоне, что я сам был удивлён, как можно так говорить о Сталине.

В моём присутствии Жуков критиковал некоторые мероприятия Верховного Главнокомандующего и Советского правительства...

После снятия меня с должности главнокомандующего ВВС я, будучи в кабинете у Жукова, высказал ему свои обиды, что Сталин неправильно поступил, сняв меня с работы и начав аресты людей из ВВС.

Жуков поддержал мои высказывания и сказал: “Надо же на кого-то свалить”. Больше того, Жуков мне говорил: “Смотри, никто за тебя и слова не промолвил, да и как замолвить, когда такое решение принято Сталиным” Хотя Жуков прямо и не говорил, но из разговоров я понял, что он не согласен с решением правительства о снятии меня с должности командующего ВВС...

Припоминаю и другие факты недовольства Жукова решениями правительства. После окончания Корсунь-Шевченковской операции командующий бывшим 2-м Украинским фронтом Конев получил звание маршала. Этим решением правительства Жуков был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им —

Жуковым, а награды и звания за неё даются другим людям.

Тогда же Жуков отрицательно отзывался о Ватутине. Он говорил, что Ватутин неспособный человек как командующий войсками, что он штабист, и если бы не он, Жуков, то Ватутин не провёл бы ни одной операции...

В тот же период времени Жуков в ряде бесед со мной говорил и о том, что правительство его не награждает за разработку и проведение операций под Сталинградом, Ленинградом и на Курской дуге...

Жуков везде стремился протаскивать своё мнение. Когда то или иное предложение Жукова в правительстве не проходило, он всегда в таких случаях очень обижался.

Как-то в 1944 году, находясь вместе с Жуковым на 1-м Украинском фронте, он рассказал мне о том, что в 1943 году он и Конев докладывали Сталину план какой-то операции, с которым Сталин не согласился. Жуков, по его словам, настоятельно пытался доказать Сталину правильность этого плана, но Сталин, дав соответствующее указание, предложил план переделать. Этим Жуков был очень недоволен. Обижался на Сталина и говорил, что такое отношение к нему очень ему не нравится.

Наряду с этим Жуков высказывал мне недовольство решением правительства о присвоении генеральских званий руководящим работникам оборонной промышленности...

Осенью 1944 года под Варшавой Жуков также рассказал мне, что он возбудил ходатайство перед Сталиным о том, чтобы Кулика наградили орденом Суворова, но Сталин не согласился с этим, что он, Жуков, стал просить о возвращении Кулику орденов, которых он был лишён по суду, с чем Сталин также не согласился...

Хочу также сказать Вам и о том, что ещё в более близкой связи с Жуковым, чем я, находился Серов, который также угождает, преклоняется и лебезит перед ним. Их близость тянется ещё по совместной работе в Киеве. Обычно они бывали вместе, а также посещали друг друга...

Когда я был снят Сталиным... Серов говорил мне о том, чтобы я пошёл к Маленкову и просил у него защиты. Во время моего пребывания в Германии Серов содействовал мне в приобретении вещей...

Когда мне стало известно об аресте Шахурина, Репина и других, я был возмущён этим и заявлял в кругу своих родственников, что поскольку аресты этих лиц произведены с ведома Сталина, то просить защиты не у кого.

Вражеские разговоры я в апреле 1946 года вёл со своей бывшей женой

Веледеевой М. М., которая проездом останавливалась в Москве...

В разговорах с моей теперешней женой Елизаветой Фёдоровной и с Веледеевой я обвинял правительство и лично Сталина в том, что они не оценивают заслуг людей и, несмотря ни на что, изгоняют их и даже сажают в тюрьму...

Повторяю, что, несмотря на высокое положение, которое я занимал, и авторитет, созданный мне Верховным Главнокомандующим, я всё же всегда чувствовал себя пришибленным. Это длится у меня ещё с давних времён.

Я являюсь сыном полицейского, что всегда довлело надо мной, и до 1932 года я всё это скрывал от партии и командования...

Признаюсь Вам, что я оказался в полном смысле трусом, хотя и занимал большое положение и был главным маршалом.

У меня никогда не хватало мужества рассказать Вам о всех безобразиях, которые по моей вине творились в ВВС, и о всём том, что я изложил в настоящем заявлении.

Новиков.

30 апреля 1946 года».

Заявление, а по сути своей покаянное письмо маршала Новикова Сталину, похоже, писалось коллективно. В нём уже был заложен сценарий дальнейших событий. Система отторгала Жукова и как полководца, и как действующее лицо политики Советского государства, и как военного специалиста.

Анализировать частности заявления Новикова нет смысла. Оно наполнено страхом униженного, сломленного человека, и дрожащий голос его время от времени слышится сквозь стандартные фразы следователей. Чего только стоит вот такой пассаж: «Зная Жукова, я понимал, что он не столько в интересах государства, а больше в своих личных целях стремится чаще бывать в войсках, чтобы, таким образом, завоевать себе ещё больший авторитет».

И всё-таки несмотря на изъяны и «пришибленность» письма Новикова, характер Жукова проступает и сквозь эти подневольные строки и вынужденные признания. Жуков был живым человеком, из плоти и крови. Человеком, выбившимся на самую вершину социальной и иерархической пирамиды того времени благодаря не только полководческому дару, но и другим талантам, которые он использовал на полную катушку. Умел предъявить свои успехи. Умел приглушить неудачи. Умел оказаться первым там, где назревала победа. Грубость и жестокость по отношению к подчинённым из числа генералов и офицеров тоже постепенно стали

частью его рабочего стиля. Хотя свидетельства «пострадавших» от его крутого характера противоречивы. Порой, исследуя историю попавшего под руку маршала, приходишь к выводу — и поделом тебе!..

Говорят, после освобождения Новикова — а к нему Жуков приложил много усилий — они, бывшие друзья-товарищи, больше не встречались. Жуков — человек категоричный и излишне прямолинейный, когда дело касалось чести, особенно его, — не мог преодолеть себя и подать руку тому, кто, как ему казалось, предал его. При этом хорошо был осведомлён о том, какие методы применялись к подследственным и как люди Абакумова добывали нужные показания, когда им ставилась конкретная задача.

На этот раз, и в «деле авиаторов», и в «трофейном деле», была поставлена задача найти компромат на Жукова, свалить маршала, измазать в грязи, сорвать с него звёзды и погоны.

Письмо Новикова и протокол допроса с его «откровениями» на заседании Высшего военного совета, состоявшемся 1 июня 1946 года, зачитывал начальник Главного оперативного управления генерал Штеменко.

Из «Воспоминаний и размышлений» Жукова: «...Генерал Штеменко раскрыл положенную Сталиным папку и начал громко читать. То были показания бывшего командующего ВВС Советской Армии Главного маршала авиации А. А. Новикова, находящегося в застенках Берии. Нет нужды пересказывать эти показания, но суть их была однозначна: маршал Жуков возглавляет заговор с целью осуществления в стране военного переворота... После прочтения показаний генерала Телегина и маршала Новикова в зале воцарилась гнетущая тишина, длившаяся минуты две. Наконец первым заговорил Сталин. Обращаясь к сидящим в зале, он предложил выступать и высказывать мнение по существу выдвинутых обвинений в мой адрес. Выступили поочередно члены Политбюро ЦК партии Г. М. Маленков и В. М. Молотов. Оба они стремились убедить присутствующих в моей вине. Однако для доказательства не привели каких-либо новых фактов, повторив лишь то, что указывалось в показаниях Телегина и Новикова... После Маленкова и Молотова выступили Маршалы Советского Союза И. С. Конев, А. М. Василевский и К. К. Рокоссовский. Они говорили о некоторых недостатках моего характера и допущенных ошибках в работе. В то же время в их словах прозвучало убеждение в том, что я не могу быть заговорщиком... Особенно ярко и аргументированно выступил маршал бронетанковых войск П. С. Рыбалко, который закончил свою речь так: “Товарищ Сталин! Товарищи члены Политбюро! Я не верю, что маршал Жуков — заговорщик. У него есть недостатки, как у всякого

другого человека, но он патриот Родины, и он убедительно доказал это в сражениях Великой Отечественной войны...»».

В роли обвинителя на совете выступил Голиков. Судя по его речи и тому, как генерал вёл себя, можно предположить, что Голиков располагал некой информацией, суть которой заключалась в следующем: Жукова с заседания совета выведут под конвоем... Он был смел и беспощаден, чего ему так не хватало на фронте, в боевой обстановке, когда он, к примеру, командовал под Москвой 10-й армией. В запале он не удержался от искушения пнуть «мёртвого» льва: обвинил Жукова в вопиющей несправедливости за то, что в 1943 году маршал освободил его, Голикова, от командования войсками Воронежского фронта. Голиков чувствовал себя обойдённым орденом Суворова 1-й степени, а возможно, и званием героя за Сталинградскую битву. Но Сталин вдруг перебил своего верного политрука, напомнив тому, что лев ещё жив:

— Жуков в данном случае не превышал власти, но выполнил моё указание.

Члены Политбюро Молотов, Маленков, Берия, как и следовало ожидать, высказались в едином порыве — резко: заносчив, лично себе приписывает победы, которые принадлежат всей Красной армии, политически незрелый, более того, непартийный, а именно — «суть характера Жукова не только в том, что он тяжёлый и неуживчивый, но, скорее, опасный, ибо у него есть бонапартистские замашки».

«Бонапартистские замашки» в переводе на простой язык — стремление не только к военной, но и к политической власти. Известно, что Наполеон Бонапарт был не только великим полководцем, но и императором Франции.

Сталин на заседании совета старался выдержать роль стоящего над схваткой. И это ему удавалось. Но не всегда.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Сталин никого не перебивал. Предложил прекратить обсуждения по этому вопросу. Затем он подошёл ко мне, спросил: “А что вы, товарищ Жуков, можете нам сказать?” Я посмотрел удивлённо и твёрдым голосом ответил: “Мне, товарищ Сталин, не в чем оправдываться, я всегда честно служил партии и нашей Родине. Ни к какому заговору не причастен. Очень прошу вас разобраться в том, при каких обстоятельствах были получены показания от Телегина и Новикова. Я хорошо знаю этих людей, мне приходилось с ними работать в суровых условиях войны, а поэтому глубоко убеждён в том, что кто-то их принудил написать неправду...”

Сталин спокойно выслушал, внимательно посмотрел мне в глаза и

затем сказал:

— А всё-таки вам, товарищ Жуков, придётся на некоторое время покинуть Москву...

Я ответил, что готов выполнить свой солдатский долг там, где прикажут партия и правительство...»

Маршал Конев о том совете тоже оставил воспоминания: «Обвинения были тяжёлые. Жуков сидел повесив голову и очень тяжело переживал: то бледнел, то заливался краской. Наконец, ему предоставили слово. Жуков сказал, что совершенно отвергает заявление А. А. Новикова, что характер у него не ангельский, это правильно, но он категорически не согласен с обвинениями в нечестности и непартийности, он коммунист, который ответственно выполнял всё порученное ему партией; что он действительно признаёт себя виноватым только в том, что преувеличил свою роль в организации победы над врагом...»

После обсуждения и после выступления Г. К. Жукова Сталин, вновь обводя зал глазами, задал вопрос:

— Что же будем делать с Жуковым?..

Из зала со стороны нескольких членов Главного Военного Совета последовало предложение снять Жукова с должности Главнокомандующего сухопутными войсками. Мнение было единодушное. Жукова надо освободить от должности Главкома сухопутных войск...»

Партийцы затаились и молчали: что скажут военные, чтобы потом проголосовать правильно. А военные дали понять, что просто так своего боевого товарища они не отдадут.

Сталин не ожидал такой твёрдости от своих маршалов и генералов. Видимо, рассчитывал, что они дрогнут. Не дрогнули. И он уступил.

Писателю Василию Пескову Жуков однажды «сдержанно признался»: «Сталин вовсе не был человеком, с которым нельзя было спорить или даже твёрдо стоять на своём».

На совете маршалы продемонстрировали стояние на своём, а диктатор показал, что он умеет слушать не только послушных. По этому поводу Конев писал: «...у Сталина, по всей видимости, возникли соображения, что так решать вопрос с Жуковым — просто полностью отстранить, а тем более репрессировать — нельзя, это будет встречено неодобрительно и не только руководящими кругами армии, но и в стране, потому что авторитет Г. К. Жукова среди широких слоёв народа и армии был, бесспорно, высок. Поэтому кто-то из членов Политбюро и сам Сталин предложили назначить его командующим войсками небольшого военного округа. И тут же назвали — Одесский».

Девятого июня 1946 года Сталин подписал приказ, который вышел под грифом «Совершенно секретно».

«Совет Министров Союза ССР постановлением от 3 июня с. г. утвердил предложение Высшего военного совета от 1 июня об освобождении маршала Советского Союза Жукова от должности главнокомандующего сухопутными войсками и этим же постановлением освободил маршала Жукова от обязанностей заместителя министра Вооружённых Сил.

Обстоятельства дела сводятся к следующему.

Бывший командующий Военно-Воздушными Силами Новиков направил недавно в правительство заявление на маршала Жукова, в котором сообщал о фактах недостойного и вредного поведения со стороны маршала Жукова по отношению к правительству и Верховному Главнокомандованию.

Высший военный совет на своем заседании 1 июня с.г. рассмотрел указанное заявление Новикова и установил, что маршал Жуков, несмотря на созданное ему правительством и Верховным Главнокомандованием высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями правительства и враждебно отзывался о нём среди подчинённых лиц.

Маршал Жуков, утратив всякую скромность и будучи увлечён чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая при этом себе, в разговорах с подчинёнными, разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая и те операции, к которым он не имел никакого отношения.

Более того, маршал Жуков, будучи сам озлоблен, пытался группировать вокруг себя недовольных, провалившихся и отстранённых от работы начальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя тем самым правительству и Верховному Главнокомандованию.

Будучи назначен главнокомандующим сухопутными войсками, маршал Жуков продолжал высказывать своё несогласие с решениями правительства в кругу близких ему людей, а некоторые мероприятия правительства, направленные на укрепление боеспособности сухопутных войск, расценивал не с точки зрения интересов обороны Родины, а как мероприятия, направленные на ущемление его, Жукова, личности.

Вопреки изложенным выше заявлениям маршала Жукова на заседании Высшего военного совета было установлено, что все планы всех без исключения значительных операций Отечественной войны, равно как планы их обеспечения, обсуждались и принимались на совместных

заседаниях Государственного Комитета Обороны и членов Ставки в присутствии соответствующих командующих фронтами и главных сотрудников Генштаба, причём нередко привлекались к делу начальники родов войск.

Было установлено, далее, что к плану ликвидации сталинградской группы немецких войск и к проведению этого плана, которые приписывает себе маршал Жуков, он не имел отношения: как известно, план ликвидации немецких войск был выработан и сама ликвидация была начата зимой 1942 года, когда маршал Жуков находился на другом фронте, вдали от Сталинграда.

Было установлено, дальше, что маршал Жуков не имел также отношения к плану ликвидации крымской группы немецких войск, равно как к проведению этого плана, хотя он и приписывает их себе в разговорах с подчинёнными.

Было установлено, далее, что ликвидация корсунь-шевченковской группы немецких войск была спланирована и проведена не маршалом Жуковым, как он заявлял об этом, а маршалом Коневым, а Киев был освобождён не ударом с юга, с Букринского плацдарма, как предлагал маршал Жуков, а ударом с севера, ибо Ставка считала Букринский плацдарм непригодным для такой большой операции.

Было, наконец, установлено, что, признавая заслуги маршала Жукова при взятии Берлина, нельзя отрицать, как это делает маршал Жуков, что без удара с юга войск маршала Конева и удара с севера войск маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружён и взят в тот срок, в какой он был взят.

Под конец маршал Жуков заявил на заседании Высшего военного совета, что он действительно допустил серьёзные ошибки, что у него появилось зазнайство, что он, конечно, не может оставаться на посту главнокомандующего сухопутных войск и что он постарается ликвидировать свои ошибки на другом месте работы.

Высший военный совет, рассмотрев вопрос о поведении маршала Жукова, единодушно признал это поведение вредным и несовместимым с занимаемым им положением и, исходя из этого, решил просить Совет Министров Союза ССР об освобождении маршала Жукова от должности главнокомандующего сухопутными войсками.

Совет Министров Союза ССР на основании изложенного принял указанное выше решение об освобождении маршала Жукова от занимаемых им постов и назначил его командующим войсками Одесского военного округа.

Настоящий приказ объявить главнокомандующим, членам военных советов и начальникам штабов групп войск, командующим, членам военных советов, начальникам штабов военных округов и флотов».

Сталин, прежде чем подписать, несколько раз правил текст приказа.

Члены Политбюро по сути дела выдавливали Жукова из государственной элиты. К сожалению, формальных поводов расправиться с ним в один миг, и достаточно легко, маршал давал своим врагам сам, и довольно много. «Непартийному» пусть и семи пядей во лбу, как дали ему понять, на высших командных должностях в Москве места нет. Отправили в Одессу.

А там такой человек был крайне необходим. Обком партии, МГБ и местная милиция не могла справиться с послевоенной анархией и разгулом преступности. Требовалась твёрдая рука. Руки, твёрже жуковской, среди ближайшего окружения не видел даже Берия. Конечно, отправили его туда не с бандитами бороться. Просто выслали из Москвы. Но, оказалось, нет худа без добра.

Тем временем Абакумов, по приказу Хозяина взявший Жукова «в разработку», продолжал рыть землю.

Глава сорок первая

«Трофейное дело»

«Он человек был, человек во всём...

Из «дела авиаторов» вытекло «трофейное дело». Уже 23 августа 1946 года за подписью первого заместителя министра Вооружённых сил СССР генерала армии Булганина на стол диктатору легло донесение.

«Товарищу СТАЛИНУ

В Ягодинской таможне (вблизи г. Ковеля) задержано 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью.

При проверке документации выяснилось, что мебель принадлежит Маршалу Жукову.

Установлено, что И. О. Начальника Тыла Группы Советских Оккупационных Войск в Германии для провоза мебели была выдана такая справка: “Выдана Маршалу Советского Союза тов. ЖУКОВУ Г. К. в том, что нижепоименованная мебель, им лично заказанная на мебельной фабрике в Германии "Альбин Май", приобретена за личный расчёт и Военным Советом Группы СОВ в Германии разрешён вывоз в Советский Союз. Указанная мебель направлена в одесский Военный округ с сопровождающим капитаном тов. ЯГЕЛЬСКИМ. Транспорт № 152/8431”.

Вагоны с мебелью 19 августа из Ягодино отправлены в Одессу.

Одесской таможне дано указание этой мебели не выдавать до получения специального указания.

Опись мебели, находящейся в осмотренных вагонах, прилагается».

Это было не то, чего ждал Сталин от верного Абакумова. Но более существенного компромата на Жукова пока собрать не удалось.

В январе 1948 года на стол Сталину лёг новый документ:

«Совершенно секретно
Совет Министров СССР
Товарищу Сталину И. В.

В соответствии с Вашим указанием 5 января с. г. на квартире Жукова в Москве был произведён негласный обыск. Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом,

бриллиантами и другими ценностями.

В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальном комнате.

В шкатулке находилось:

— часов — 24 штуки, в том числе золотых — 17 и с камнями — 3;
— золотых кулонов и колец — 15 штук, из них 8 с драгоценными камнями;

— золотой брелок с большим количеством драгоценных камней;

— другие золотые изделия (портсигар, цепочки и браслеты, серьги с драгоценными камнями и пр.).

В связи с тем, что чемодана в квартире не оказалось, было решено все ценности, находящиеся в сейфе, сфотографировать, уложить обратно так, как было раньше, и произведённому обыску на квартире не придавать гласности.

По заключению работников, проводивших обыск, квартира Жукова производит впечатление, что оттуда изъято всё то, что может его скомпрометировать. Нет не только чемодана с ценностями, но отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записки и т. д. По-видимому, квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было.

В ночь с 8 на 9 января с. г. был произведён негласный обыск на даче Жукова, находящейся в посёлке Рублёво под Москвой.

В результате обыска обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Например:

— шерстяных тканей, шёлка, парчи, панбархата и других материалов — всего свыше 4000 метров;

— мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчëвых, каракулевых — всего 323 шкуры; шевро высшего качества — 35 кож;

— дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и других дворцов и домов Германии, — всего 44 штуки, часть из которых разложена и развешана по комнатам, а остальные лежат на складе;

— особенно обращает на себя внимание больших размеров ковёр, разложенный в одной из комнат дачи;

— ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках — всего 55 штук, развешанных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе;

— дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с

художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков;

— серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 ящика;

— аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук;

— уникальных охотничьих ружей фирмы “Голанд-Голанд” и других — всего 20 штук.

Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также лежит навалом.

Кроме того, во всех комнатах дачи, на окнах, этажерках, столиках и тумбочках расставлены в большом количестве бронзовые и фарфоровые вазы и статуэтки художественной работы, а также всякого рода безделушки иностранного происхождения.

Заслуживает внимания заявление работников, проводивших обыск, о том, что дача Жукова представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причём их так много, что четыре картины висят даже на кухне. Дело дошло до того, что в спальне Жукова над кроватью висит огромная картина с изображением двух обнажённых женщин.

Есть настолько ценные картины, которые никак не подходят к квартире, а должны быть переданы в государственный фонд и находиться в музее.

Свыше двух десятков больших ковров покрывают полы почти всех комнат.

Вся обстановка, начиная с мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе на дачу.

На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплётах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке.

Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии.

По окончании обыска обнаруженные меха, ткани, ковры, гобелены, кожи и остальные вещи сложены в одной комнате, закрыты на ключ и у двери выставлена стража.

В Одессу направлена группа оперативных работников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире Жукова. О результатах этой операции доложу Вам дополнительно.

Что касается необнаруженного на московской квартире Жукова

чемодана с драгоценностями, о чем показал арестованный Сёмочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан всё время держит при себе жена Жукова и при поездках берёт его с собой.

Сегодня, когда Жуков вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время.

Видимо, следует напрямик потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями.

Абакумов. 10 января 1948 года».

Не бог весть что, у других маршалов и генералов рангом куда ниже по дачам и квартирам запрятано было побольше всякого добра, вывезенного из Германии, Австрии и Восточной Пруссии.

«Чемодан с драгоценностями» Жукова не давал в те дни покоя многим. Теперь-то можно смело предположить, что его и вовсе не существовало. Ну вы представьте себе Александру Диевну, таскающую некий чемодан... Точно такой же чемодан искали у певицы Лидии Руслановой и её мужа генерала Крюкова. Драгоценности у Руслановой имелись. Целая шкатулка. Хранила ту шкатулку домработница. И когда Русланову арестовали и начали спрашивать о её бриллиантах, шантажируя оставшейся на свободе дочерью генерала Крюкова, которую она полюбила как родную, певица написала записку домработнице, чтобы та отдала следователям шкатулку. Там оказалось 208 бриллиантов и изумрудов, а также крупный жемчуг.

Начались допросы по каждому «вещдоку». Ожидания подчинённых генерала Абакумова не оправдались: по каждому камушку певица дала исчерпывающие показания — они сразу же проверялись, иногда на очных ставках, — и ни одна из историй не привела к Жукову или его семье.

Впоследствии, в 1953 году, когда Жуков поможет своим друзьям генералу Крюкову и его жене, великой русской певице, выйти из заключения и добиться полной реабилитации, оборотистая Русланова потребует возврата всего незаконно изъятого у неё во время ареста и следствия. Вернёт почти всю свою коллекцию картин русских художников конца XIX — начала XX века (Поленова, Нестерова, Малявина, Кустодиева, Левитана, Васнецова...), но её бриллианты, изумруды, жемчуга, среди которых были и подарки поклонников, так и исчезнут в недрах МГБ. Руслановой предложат компенсацию за утерянные во время следствия «вещдоки», но она откажется.

Примечательно, что среди сактированного во время обысков на квартире Жукова в Москве и на даче в Рублёве звезды Натальи Гончаровой

не оказалось. Либо Александра Диевна действительно не выпускала из рук дорогой подарок, либо бриллиантовая звезда Натальи Гончаровой, о которой упоминает Элла Георгиевна Жукова, была всё же изъята, но в окончательный реестр не вписана.

Генерала Абакумова, большого любителя западных танцев, имевшего кличку «Фокстротчик», арестуют в 1951 году. В 1953-м, когда Русланова потребует вернуть незаконно изъятое, ему устроят очную ставку с певицей. Результаты очной ставки покоятся где-то в архивах спецслужб. Но известно главное: бриллианты Руслановой очная ставка не вернула. Во время ареста у «Фокстротчика» тоже нашли мешочек с камушками. Неизвестно, показывали ли их Руслановой с целью опознания. Так что бриллиантовая звезда Натальи Гончаровой, по всей вероятности, исчезла во время проведения «процедур».

Когда Жуков попал в опалу, Сталин начал возвышать Булганина, почти всю войну бывшего при Жукове членом Военного совета фронтов, человека в военном отношении совершенно ничтожного. Однако этот бывший член Военного совета обладал одним качеством, весьма ценным в тот период для диктатора, который одновременно продолжал возглавлять Министерство Вооружённых сил СССР, — он был послушен. Послушен необыкновенно, почти карикатурно. Весной 1947 года ему присвоят звание маршала и сделают министром Вооружённых сил СССР. Говорят, когда Жуков узнал о том, что поступает в непосредственное подчинение Булганину, без обиняков сказал тому: занимался бы ты, Николай Александрович, московской канализацией и мусорными ящиками, а военное дело оставил бы тем, кто командовал фронтами и армиями. В прошлом Булганин был председателем Моссовета. Там он с его партийностью и хозяйственной деловитостью действительно приносил пользу.

Александр Бучин вспоминал: «На Георгия Константиновича и смотреть было страшно. Но держался. Спокойно, уверенно дал чёткие указания о сборах. Провели по-фронтовому. Как будто вернулись золотые военные дни. Из тупика подали дорогой спецпоезд. Тот самый, боевой. Погрузили в наскоро протёртый вагон-гараж машины — бронированный “мерседес” и “бьюик” В салон-вагон поднялся маршал, охрана в свой. В сумерках с каких-то запасных путей тронулись. Без провожающих. В прозрачном сумраке летней ночи поблизости маячили знакомые фигуры, топтуны из “наружки” Что-то высматривали, вынюхивали».

Должно быть, ждали, не принесут ли Жукову в последний момент чемодан с бриллиантами...

«13 июня 1946 года приехали в Одессу. Спецпоезд, как в былые

военные годы, приняли не на главном пути, а на задворках станции. В войну — понятно — опасались врага, удара с воздуха. А теперь от кого прятались? Одинокая группа встречающих генералов, офицеров. Растерянных, явно не в своей тарелке. Георгий Константинович не подал виду, что заметил их состояние. Тепло, не по-уставному поздоровался, завязался разговор. Мы тем временем мигом выгрузили “мерседес” и “бьюик” Жуков и охрана заняли свои места, и две огромные, по масштабам одесских улиц, чёрные машины покатали к штабу округа, куда прежде всего направился новый командующий».

Одесским военным округом командовал генерал-полковник Юшкевич, бывший командующий 31-й армией подо Ржевом и 3-й ударной в Прибалтике. Боевой генерал, фронтовик, он приказал повесить в своём рабочем кабинете портрет маршала Жукова. Юшкевича перевели в Приволжский военный округ, и он уехал в Куйбышев, не дождавшись маршала. После его отъезда кабинет основательно подчистили политработники. Первым делом убрали фотографию Жукова, висевшую в небольшой рамке над рабочим столом командующего, и вместо неё водрузили огромный, в полстены, портрет Сталина.

Во время войны Одесса и окрестности три года были оккупированы румынскими войсками. Почти всё ценное они вывезли в Румынию. Вдобавок ко всему Одесса, с давних времён известная своим вольным нравом, буквально кишела бандитами и ворами. Случались нападения на военнослужащих и семьи офицеров, грабежи, налёты на военные склады, поэтому Жуков разрешил офицерам постоянно носить личное оружие. Но когда на офицеров стали нападать с целью завладения оружием, Жуков отдал приказ стрелять в нападающих на поражение. Город был разбит на секторы и в секторах проведена тщательная зачистка с проверкой документов и ликвидацией притонов и воровских «малин». Во время операции среди задержанных, переданных в отделы милиции, оказались и граждане, не причастные к преступному миру или имеющие твёрдое алиби. Пошли жалобы в органы власти. Обком партии почувствовал себя неудобно: в мирное время по приказу командующего войсками округа в Одессе введено по существу военное положение и власть, таким образом, перешла к военным... У Жукова начался затяжной конфликт с первым секретарём Одесского обкома ВКП(б) А. И. Кириченко.

Но Жуков оставался самим собой. Сразу же занялся делами округа. Побывал во всех воинских частях. Солдаты и в особенности офицеры сразу почувствовали его командный стиль: дисциплина, ответственность, полная самоотдача, жёсткий контроль за исполнением приказов и поручений.

Офицеры охраны отмечали, что темп его работы в Одессе всегда был высоким. Ни минуты свободного времени. Лишь изредка выбирался на охоту.

Офицер охраны Сергей Марков вспоминал: «Он только на охоте и отдыхал. Сидим на утренней зорьке, вдруг — начинается лёт! Садятся тетёрка и тетерев. И он возле неё танцует. Вижу, Георгий Константинович целится. А выстрела нет. Я говорю, что — осечка? А мы ведь патроны-то готовили вместе с ним, на аптечных весах. Осечка? Он ружьё опускает: “Хорош больно тетерев! Пусть живёт, ему и так досталось, смотри — на загровке шерсти нет. В боях за свою тетёрку потерял”».

Зато уток в плавнях стрелял мастерски. Шофёр Александр Бучин в машину носил целыми связками. Он тоже отмечал, что это было «единственным развлечением Георгия Константиновича»: «...на охоту выезжали на “бьюике” охраны, машину так и прозвали “охотничьей”».

В степи охотились на зайцев. За одну охоту Жуков мог взять шесть-семь зайцев. Когда возвращались домой, в Одессу, давал распоряжение одному из охранников поровну поделить трофеи. Себе брал одну часть. Порой, не самую завидную. Знал, что в гарнизоне паёк был отнюдь не фронтовым.

По мнению Александра Бучина, Георгий Константинович старался избегать разговоров о политике. «Он сумел не войти в бюро обкома партии, что полагалось по положению командующего округом. Маршал уклонился от контактов с первым секретарём Одесского обкома партии, вельможным, разжиревшим партийным бонзой А. И. Кириченко. К политике, в обыденном понимании, маршал, по всей видимости, не хотел иметь никакого касательства». Но Жуков был слишком крупной и заметной фигурой, чтобы оставаться незаметным в политике.

Время от времени из Москвы в Одессу приезжал человек, иногда не просто человек, а генерал из Главного политуправления. Наводил справки. Расспрашивал. Интересовался. Писал отчёт и уезжал в Москву. Так пополнялось досье на Жукова.

В феврале 1947 года Жукова вызвали в Москву на пленум ЦК ВКП(б). На этом пленуме, во время вечернего заседания решался вопрос о выводе маршала из состава ЦК. Выступил секретарь ЦК по идеологии Андрей Жданов: «Я вношу предложение вывести из состава кандидатов в члены Центрального комитета Жукова. Он, по моему мнению, рано попал в Центральный комитет партии, мало подготовлен в партийном отношении. Я считаю, что в кандидатах ЦК Жукову не место. Ряд данных показывает, что Жуков проявлял антипартийное отношение. Об этом известно членам

ЦК, и я думаю, что будет целесообразно его не иметь в числе кандидатов в члены ЦК.

МОЛОТОВ: Кто желает высказаться по данному поводу? Нет желающих. Голосую. Кто за принятие предложения товарища Жданова об исключении из состава кандидатов в члены ЦК Жукова — прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Таковых нет. Кто воздержался? Таковых тоже нет. Предложение об исключении Жукова из состава кандидатов в члены ЦК утверждено единогласно».

Из «Воспоминаний и размышлений» Жукова: «Семь человек, выведенных из состава ЦК, один за другим покинули зал заседаний. И тут я услышал свою фамилию. Каких-то новых фактов, доказывающих мою вину, не было приведено. Поэтому, когда мне было предложено выступить, я отказался от слова. Оправдываться мне было не в чем. Как только руки голосовавших опустились, я поднялся со своего места и строевым шагом вышел из зала...»

Жуков опасался, что на заседании, в присутствии уже гораздо большего числа людей, его начнут распинать по полной программе... Слава богу, судьбу решили наскоро.

Надо было каяться перед диктатором. Иначе: в лучшем случае — лагерь, в худшем — стенка.

«Исключение меня из кандидатов ЦК ВКП(б) убило меня, — в тот же день, 27 февраля, написал он Сталину. — Я не карьерист и мне было легче перенести снятие меня с должности главкома сухопутных войск. Я 9 месяцев упорно работал в должности командующего войсками округа, хотя заявление, послужившее основанием для снятия меня с должности, было клеветническим^[191].

Я Вам лично дал слово в том, что все допущенные ошибки будут устранены.

За 9 месяцев я не получил ни одного замечания, мне говорили, что округ стоит на хорошем счету.

Я считал, что я сейчас работаю хорошо, но, видимо, начатая клеветническая работа против меня продолжается до сих пор.

Прошу Вас, т. Сталин, выслушать меня лично, и я уверен, что Вас обманывают недобросовестные люди, чтобы очернить меня.

ЖУКОВ».

Двадцать седьмым февраля 1947 года датировано и ещё одно письмо Жукова Сталину. Его он передал через Булганина. Копия ушла Жданову.

«Товарищ Сталин, я ещё раз со всей чистосердечностью докладываю

Вам о своих ошибках.

1. Во-первых, моя вина прежде всего заключается в том, что я во время войны переоценивал свою роль в операциях и потерял чувство большевистской скромности.

Во-вторых, моя вина заключается в том, что при докладах Вам и Ставке Верховного Главнокомандования своих соображений я иногда проявлял нетактичность и в грубой форме отстаивал своё мнение.

В-третьих, я виноват в том, что в разговорах с Василевским, Новиковым и Вороновым делился с ними о том, какие мне делались замечания Вами по моим докладам. Все эти разговоры никогда не носили характера обид, точно так же, как я, высказывались Василевский, Новиков и Воронов. Я сейчас со всей ответственностью понял, что такая обывательская болтовня, безусловно, является грубой ошибкой, и её я больше не допущу.

В-четвёртых, я виноват в том, что проявлял мягкотелость и докладывал Вам просьбы о командирах, которые несли заслуженное наказание. Я ошибочно считал, что во время войны для пользы дела лучше их быстрее простить и восстановить в прежних правах. Я сейчас осознал, что моё мнение было ошибочным.

2. Одновременно, товарищ Сталин, я чистосердечно заверяю Вас в том, что заявление Новикова о моём враждебном настроении к правительству является клеветой.

Вы, товарищ Сталин, знаете, что я, не щадя своей жизни, без колебаний лез в самую опасную обстановку и всегда старался как можно лучше выполнить Ваше указание.

Товарищ Сталин, я также заверяю Вас в том, что я никогда не приписывал себе операцию в Крыму. Если где-либо и шла речь, то это относилось к операции под станицей Крымской, которую я проводил по Вашему поручению.

3. Все допущенные ошибки я глубоко осознал, товарищ Сталин, и даю Вам твёрдое слово большевика, что ошибки у меня больше не повторятся. На заседании Высшего военного совета я дал Вам слово в кратчайший срок устранить допущенные мною ошибки, и я своё слово выполняю. Работаю в округе много и с большим желанием. Прошу Вас, товарищ Сталин, оказать мне полное доверие, я Ваше доверие оправдаю.

ЖУКОВ».

Никакого ответа на эти письма не последовало. Должно быть, Жуков и не ждал от них улучшения своего положения. Его обращения к Сталину

носили ритуальный характер. Да и Сталин, по всей вероятности, относился к ним так же. При том, что окружение энергично науськивало его на Маршала Победы, он понимал: Жуков, при всей сложности его характера, нужен ему, и именно такой, порой своевольный до дерзости, порой трудноуправляемый, рубака и хват, но надёжный и в общем-то послушный, по-солдатски дисциплинированный. Бомба бомбой, но если проводить крупные войсковые операции, то не Булганину же фронтами командовать. Но строптивца, почувствовавшего волю и наслушавшегося лестных речей Эйзенхауэра, надо держать в узде и на расстоянии. Одесса для этого вполне подходила.

В июне того же 1947 года появилось постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О незаконном награждении тт. Жуковым и Телегиным артистки Руслановой и других орденами и медалями Советского Союза».

«ЦК ВКП(б) установил, — говорилось в постановлении, — что тт. Жуков и Телегин, будучи первый Главнокомандующим группы советских оккупационных войск в Германии, а второй — членом Военного совета этой же группы войск, своим приказом от 24 августа 1945 года № 109/н наградили орденом Отечественной войны первой степени артистку Русланову и приказом от 10 сентября 1945 г. № 94/н разными орденами и медалями группу артистов в количестве 27 чел. Как Русланова, так и другие награждённые артисты не имеют никакого отношения к армии. Тем самым тт. Жуков и Телегин допустили преступное нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. “Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР”, караемое, согласно Указу, тюремным заключением сроком от 6 месяцев до 2 лет.

Для того чтобы скрыть противозаконное награждение Руслановой, в приказе от 24 августа были придуманы мотивы награждения Руслановой якобы “за активную личную помощь в деле вооружения Красной армии новейшими техническими средствами”, что представляет из себя явную фальсификацию, свидетельствует о низком моральном уровне Жукова и Телегина и наносит ущерб авторитету командования».

Никто из фронтовиков так не думал. Фронтовики были благодарны Руслановой за то, что все четыре с лишним года войны она, великая русская певица, была рядом с ними — и в окопах, и в землянках, и в госпиталях, и в ближнем тылу. А орден Отечественной войны 1-й степени был ей вручён по заслугам. На свои средства Русланова построила четыре, а по некоторым сведениям, шесть пусковых реактивных установок БМ-13 на базе ЗИС-6 и один тяжёлый танк КВ-1. В статуте ордена определено, кто может быть им награждён. Среди прочего есть и такой пункт: «Кто лично

организовал материально-техническое обеспечение операции наших войск, способствовавшее разгрому противника».

За годы Великой Отечественной войны Лидия Русланова дала на фронте 1120 концертов. Больше, чем кто-либо из артистов. С 1942 года, когда она вышла замуж за генерала Крюкова, часто бывала во 2-м гвардейском кавалерийском корпусе. Именно гвардейцам-миномётчикам 2-го кавкорпуса она передала свои «катюши». Дивизион, вооружённый её установками, дошёл до Берлина. И сама певица шла к своему победному концерту на ступеньках рейхстага вместе с конниками генерала Крюкова. Как вспоминал один из баянистов, 2 мая 1945 года их концертная группа пробиралась к рейхстагу под огнём. В одном из переулков на них неожиданно вышла группа немцев, прорывавшихся на западную окраину Берлина, чтобы уйти к союзникам. Музыканты и казаки положили инструменты и взялись за оружие, чтобы отбить противника. Русланова первую песню спела в самом рейхстаге после только что отгремевшего боя. Потом ей предложили выйти на улицу. Концерт продолжился на ступеньках рейхстага. Баянисты всех фронтов и армий аккомпанировали ей. И это был воистину грандиозный ансамбль, который возвестил миру об окончании войны, о Победе. Затем был второй концерт — у Бранденбургских ворот. На нём-то и вручил Жуков орден «гвардии певице» Руслановой. Так повествует одна из легенд. Никто её не опроверг.

Всё произошло в тот день по законам высшей правды. Той правды и тех законов, которые пишутся в солдатской душе под пулями. Выжившие радовались Победе. Они слушали концерт своей любимой певицы, которой давно, ещё в 1943-м, присвоили гвардейское звание. И когда она исполнила свою знаменитую песню «Валенки», толпа расступилась, вышел маршал и вручил ей орден. Победители ликовали!

Если судить по высшей, по той самой солдатской правде, то Русланова заслуживала ордена «Победа». Потому что в той войне победили не только солдаты и генералы, маршалы и их штабы, но и русский дух, дух советского человека, русская культура. А душой этого духа и культуры стала конкретная песня — «Валенки». Песня, в которой нет ни слова о войне, нет вообще никакого пафоса.

«ЦК ВКП(б) считает, — говорилось далее в постановлении, — что т. Телегин, как член Военного Совета группы войск, несёт особую ответственность за это дело, и та политическая беспринципность, которую он при этом проявил, характеризует его как плохого члена партии».

Всё, что говорилось здесь о Телегине, относилось и к нему — Жукову. Причём к нему — вдвойне.

«Учитывая вышеизложенное и выслушав личные объяснения тт. Жукова и Телегина, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Тов. Жукову Г. К. объявить выговор».

Этим постановлением Жукова в буквальном смысле слова подвесили на партийный крючок. Подвесили прочно, так что не сорвёшься. Старые коммунисты помнят, что такое выговор по партийной линии. Его могли снять спустя год в райкоме партии. Вначале провинившегося заслушивала партийная комиссия, состоявшая из старых большевиков. Она решала, достоин тот снятия выговора или нет, а уже потом вопрос рассматривался на заседании бюро райкома. Процесс этот был долгий и унижительный.

«2. Тов. Телегина К. Ф. перевести из членов ВКП(б) в кандидаты.

3. Принять предложение т. Булганина об освобождении т. Телегина от политической работы в армии и увольнении из Вооружённых Сил.

4. Войти в Президиум Верховного Совета СССР с предложением об отмене награждения артистки Руслановой...»

«Вошли» и «отменили». А потом ещё и арестовали по «трофейному делу». И четыре года продержали во Владимирском центре — самой жестокой тюрьме, где в то время сидели военные преступники, немецкие генералы, воевавшие на Восточном фронте, повинные в гибели сотен тысяч советских людей и расстрелах пленных красноармейцев. В лагере Русланову держать боялись. Она и там покоряла сердца своим пением, да и остра была на язык.

Ведомство генерала Абакумова вовсю раскручивало маховик «трофейного дела».

В 1945-м, когда закончилась война, трофеи везли из поверженной Германии, Восточной Пруссии, Венгрии и Австрии все от солдата до маршала. Солдаты — в своих фронтовых «сидорах» и в чемоданах. Немного могли увезти на родину и младшие офицеры-окопники — лейтенанты, старшие лейтенанты и капитаны, кому пришлось командовать взводами, ротами и батальонами. Старшие офицеры, пользуясь своим положением и связями с тыловыми службами, собирали багаж посolidнее. Некоторые обзаводились бричками и даже трофейными грузовиками, которые двигались в обозах. Генералитет, конечно же, имел более широкие возможности.

Жалованье, которое получали генералы оккупационных войск, позволяло совершенно законно скупать большое количество самого разнообразного добра и забивать им вагоны. Вскоре эти вагоны поехали в Советский Союз.

Что касается списка вещей, составленного сотрудниками МГБ после

осмотра московской квартиры и дачи Жукова, то это, разумеется, не похоже на перечень наград и трофеев, взятых «на копьё», как говорили в старину. Трудно представить на месте победителей 1945-го Суворова или Кутузова и его генералов.

Слаб человек.

В 1948 году начались аресты по «трофейному делу», его чаще называют «делом Жукова», и это исторически более точно. Потому что кому суждено было дожить до суда, пошли в лагеря и тюрьмы не как мародёры, а как «враги народа». Порой случались и совершенно курьёзные приговоры. К примеру, генерал Крюков, арестованный в том же 1948 году вместе со своей женой Руслановой, пошёл в лагерь по статье 58–10 УК РСФСР — «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений...». Крюков долго упорствовал, не давал нужных показаний. Его терзали допросами три года. Суд состоялся только в ноябре 1951 года. Генералу Крюкову, как особо близкому другу Жукова, дали по полной: 25 лет лагерей. Обычно «трофейщики» и прочие, попавшиеся на присвоении и мародёрстве, квалифицировались по статье 193-17 УК РСФСР. Но в случае с Крюковым ни у следователей, ни у суда концы с концами не сходились. И тогда применили закон от 7 августа 1932 года, известный в народе как указ «О трёх колосках». По этому указу любое хищение приравнивалось к контрреволюционному преступлению.

«Трофейное дело» у следователей МГБ не заладилось с самого начала. Абакумов нервничал. Хозяин требовал результата, а результата не получалось. Арестовали около ста человек — всех, кто в последние месяцы находился рядом с Жуковым. В том числе генералов — Телегина, Терентьева, Крюкова, Филатова, Минюка, Бажанова, Сиднева... Допросы вели самые лучшие и надёжные следователи, опытные «колуны».

Маршал Новиков рассказывал, как следователь Лихачёв проводил обычный допрос: «Какой ты маршал — подлец, мерзавец! Никогда отсюда больше не выйдешь. Расстреляем к такой-то матери... Всю семью переарестуем... Рассказывай, как маршалу Жукову в жилетку плакался, он такая же сволочь, как ты...»

Генерала Телегина били так, что он забывал имена своих детей и жены.

Генерал Крюков в 1953 году из лагеря написал Жукову письмо. Это была не только просьба друга выручить его из беды, но и покаяние, рассказ о том, как из него выбивали нужные показания. Письмо большое, на одиннадцати страницах. Вот некоторые его фрагменты: «Я не отказываюсь

давать показания, но я не знаю, что показывать, я ничего не знаю о заговоре и сам никакого участия в нём не принимал, давать же ложные показания я категорически отказываюсь». «Следователь задаёт вопрос: “Бывал на банкетах у Жукова и Будённого?” — “Да, бывал” — “Какие вопросы решались там?” — “О каких вопросах вы говорите? Были банкеты, как и каждый банкет: пили, ели, веселились, вот и всё”. — “Врёшь, перестань упорствовать, нам всё известно”. — “Если вам всё известно, что же вы от меня хотите? Уличайте меня тогда фактами”. — “Я буду тебя уличать не фактами, а резиновой палкой. Восхвалял Жукова? Какие тосты говорил за него?” — “В чём же заключается моё восхваление Жукова? Я не знаю, где бы воспрещалось участие на банкетах, причём официальных” — “Все ваши банкеты это только фикция одна, это не что иное, как собрание заговорщиков. Будешь говорить или нет? Даю 10 минут на размышление, после чего эта резиновая палка ‘походит’ по тебе”.

Я сидел у столика и ждал своей участи, следователь разгуливал по кабинету с резиновой палкой в руке. “Ну, — говорит следователь, — будешь давать показания?” — “Никаких ложных показаний я давать не буду”. Следователь позвонил по телефону, на его звонок пришёл какой-то майор, как видно, тоже следователь. Капитан Самарин схватил меня за плечи, ударил по ногам и повалил на пол. И началось зверское избивание резиновой палкой, причём били по очереди, один отдыхает, другой бьёт, при этом сыпались различные оскорбления и сплошной мат. Я не знаю, сколько времени они избивали меня. В полусознательном состоянии меня унесли в “бокс”. На следующий день часов в 11–12 меня снова повели к следователю. Когда ввели в кабинет, меня снова капитан Самарин и тот же самый майор начали избивать резиновой палкой. И так меня избивали в течение четырёх дней и днём и ночью. На пятый день меня вызвал зам. н.ка следственной части полковник Лихачёв в присутствии следователя кап. Самарина. Первый вопрос, который задал мне Лихачёв, был: “Ну и после этого ты будешь упорствовать?” Я заявил: “Я ложных показаний давать не буду” — “Ну, что же, начнём опять избивать. Почему ты боишься давать показания? Всем известно, что Жуков предатель, ты должен давать показания и этим самым ты облегчишь свою участь, ведь ты только ‘пешка’ во всей этой игре. Подумай о своей участи и начинай давать показания”».

«Избитый, голодный, принижённый, — писал в своём покаянном письме зэка Крюков своему боевому товарищу, — бессонные ночи тоже давали себя знать. Я не выдержал и подписал. До сих пор я себе простить не могу. Но у меня теплилась надежда, что придёт время и я смогу сказать правду, почему я подписал».

Крюков решил сказать правду о пытках и вынужденных «признаниях» на суде. Но следователи почувствовали неладное — столько времени упорствовал и вдруг подписал «признания». Следователь капитан Самарин предупредил Крюкова: «...если откажетесь от ранее данных показаний и скажете об избиениях — сгноим в тюрьме. А у вас перспектива поехать в лагерь, а там жить можно. Помните одно — ваша участь решена безвозвратно и ничего вам не поможет. Всем вашим заявлениям никто не поверит. И ещё советую вам, когда попадёте в лагерь, не подумайте писать жалобы. Помните одно, куда бы вы ни писали, всё попадёт ко мне и дальше моего стола никуда не попадёт, а вас мы за это запрячем в такой лагерь, откуда никакой связи с миром нет, где вы закончите своё существование».

Жуков не забыл боевого товарища и друга командирской юности. После смерти Сталина он вернулся в Москву и был назначен на пост министра обороны СССР. Получив письмо из ГУЛАГа, он в тот же день показал его Хрущёву. Тот посоветовал обратиться к нему письменно, пустить запрос по официальному каналу.

«ЦК КПСС

товарищу ХРУЩЁВУ Н. С.

Ко мне поступило заявление бывшего командира кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Крюкова В. В., арестованного в 1948 году, с просьбой передать его в ЦК КПСС.

Крюкова В. В. знаю с 1931 года как одного из добросовестнейших командиров, храброго в боях против гитлеровских захватчиков.

Прошу Вас, Никита Сергеевич, по заявлению Крюкова дать указание.

Г. Жуков.

2 июня 1953 года № 83-н».

В тот год он вытащил из лагерей и тюрем многих невинно осуждённых на страдания и гибель.

Итак, генералы и офицеры, арестованные по «трофейному делу», давали показания. Кто молчал, к тому применяли спецсредства.

Абакумову во что бы то ни стало необходимо было найти чемодан с драгоценностями. Все эти пыльные гобелены и обезьяньи шкуры не стоили ровным счётом ничего. Хорошего дела, достойного первого маршала страны, из них не скроишь. Тем более что на всё это барахло у Жукова имелись чеки, накладные, дарственные расписки и другие документы, свидетельствовавшие о добросовестности приобретённого. А вот драгоценности, чемодан с золотом и камушками решили бы всё одним

махом.

Вскоре на допросах всплыло имя генерала Серова, в 1945-м работавшего в штабе Жукова его заместителем по делам гражданской администрации, а в ту пору первого заместителя министра внутренних дел СССР. «Колуны» Абакумова умело развязали язык генералу Сидневу: «Наряду с тем, что основная часть изъятого золота, бриллиантов и других ценностей сдавалась в государственный банк, Серов приказал мне все лучшие золотые вещи передавать ему непосредственно... Серов мне говорил, что все эти ценности он отправляет в Москву, однако я знаю, что свыше десяти наиболее дорогостоящих золотых изделий Серов взял себе... Много времени проводил в компании маршала Жукова, с которым он был тесно связан. Оба они были одинаково нечистоплотны и покрывали друг друга... Серов очень хорошо видел все недостатки в работе и поведении Жукова, но из-за установившихся близких отношений всё покрывал. Бывая в кабинете Серова, я видел у него на столе портрет Жукова с надписью на обороте: “Лучшему боевому другу и товарищу на память”. Другой портрет Жукова висел в том же кабинете Серова на стене. Серов и Жуков часто бывали друг у друга, ездили на охоту и оказывали взаимные услуги. В частности, мне пришлось по поручению Серова <отдать> в подчинённые мне авторемонтные мастерские присланные мне Жуковым для переделки три кинжала, принадлежавшие в прошлом каким-то немецким баронам. Несколько позже ко мне была прислана от Жукова корона, принадлежавшая по всем признакам супруге немецкого кайзера. С этой короны было снято золото для отделки стека, который Жуков хотел преподнести своей дочери в день её рождения».

Серова ознакомили с откровениями генерала Сиднева. Опытный чекист мгновенно оценил ситуацию: конкретного нет ничего, никаких улик и доказательств, но общий фон неблагоприятный. И Серов, понимая всю шаткость своего положения и считая, что дни Жукова сочтены, пишет 8 февраля 1948 года Сталину письмо: «Сейчас для того, чтобы очернить меня, Абакумов всеми силами старается приплести меня к Жукову. Я этих стараний не боюсь, так как кроме Абакумова есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако Абакумов о себе молчит, как он расхваливал Жукова и выслуживался перед ним как мальчик... Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжёлое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий Абакумов распространял слухи, что “Жданов в Ленинграде растерялся, боится там остаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и всё дело повернул, теперь Ленинград не сдадут”».

Далее в письме Серов, имевший полное досье на своего недоброжелателя, доносит Сталину и о трофеях Абакумова, о чартерных рейсах его «Дугласа» в Крым, только что освобождённый от немцев и румын, о «девушках лёгкого поведения», которых «Фокстротчик» возил в гостиницу «Москва», о других его крупных и мелких грехах.

О чемодане с драгоценностями заговорил адъютант Жукова подполковник Сёмочкин, арестованный вместе с генералами. По этому поводу Абакумов докладывал Хозяину: «В Одессу направлена группа оперативных работников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире Жукова. О результатах этой операции доложу Вам дополнительно.

Что касается не обнаруженного на московской квартире Жукова чемодана с драгоценностями, о чём показал арестованный Сёмочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан всё время держит при себе жена Жукова и при поездках берёт его с собой. Сегодня, когда Жуков вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время. Видимо, следует напрямую потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями».

Судя по всему, никаких драгоценностей у Жукова в таком количестве, чемоданном, не было. Хотя некий чемоданчик он действительно возил с собой всегда. Ещё со времён службы в Белорусском военном округе. В нём лежали пара белья и всё самое необходимое на случай ареста.

Жукову пришлось писать оправдательные письма на «трофейную» тему, когда Жданов показал ему протокол допроса подполковника Сёмочкина: «Я признаю серьёзной ошибкой то, что много накопил для семьи и своих родственников материала, за который платил деньги, полученные мною как зарплату. Я купил в Лейпциге за наличный расчёт: 1) на пальто норки 160 штук, 2) на пальто обезьяны 40–50 штук, 3) на пальто котика (искусственного) 50–60 штук, и ещё что-то, не помню, для детей. За всё это я заплатил 30 тысяч марок. Метров 500–600 было куплено фланели и обойного шёлку для обивки мебели и различных штор, так как дача, которую я получил во временное пользование от госбезопасности, не имела оборудования. Кроме того, т. Власик^[192] просил меня купить для какого-то особого объекта метров 500. Но так как Власик был снят с работы, этот материал остался лежать на даче».

Странное впечатление производит это письмо. Будто приказчик Жуков отчитывается перед строгим дядей Михаилом Артемьевичем после провальной ярмарки...

«Мне сказали, что на даче и в других местах обнаружено более 4-х тысяч метров различной мануфактуры, я такой цифры не знаю. Прошу

разрешить составить акт фактического состояния. Я считаю это неверным. Картины и ковры, а также люстры, действительно были изъяты в брошенных особняках и замках и отправлены для оборудования дачи МГБ, которой я пользовался... 3 люстры даны на оборудование кабинета Главкома... Я считал, что всё это поступает в фонд МГБ, так как дача и квартира являются в ведении МГБ. Всё это перевозилось и использовалось командой МГБ, которая меня обслуживает 6 лет. Я не знаю, бралось ли всё это в расчёт, так как я полтора года отсутствую, и моя вина, что я не поинтересовался, где что состоит на учёте.

Относительно золотых вещей и часов заявляю, что главное — это подарки от различных организаций, а различные кольца и другие дамские безделушки приобретены семьёй за длительный период и являются подарками подруг в день рождения и другие праздники, в том числе несколько ценностей, подаренных моей дочери дочерью Молотова — Светланой. Остальные вещи в большинстве из искусственного золота и не имеют никакой ценности...

Сервизы я купил за 9200 марок, каждой дочери по сервизу. На покупку я могу предъявить документы, и может подтвердить т. Серов, через которого и покупались сервизы, так как он ведал всеми экономическими вопросами.

О 50 тысячах, полученных от Серова и якобы израсходованных на личные нужды. Это клевета. Деньги, взятые на случай представительских расходов, были полностью в сумме 50 тысяч возвращены начальником охраны МГБ Бедовым. Если б я был корыстен, я бы мог их себе присвоить, так как никто за них отчёта не должен был спросить. Больше того, Серов мне предлагал 500 тысяч на расходы по моему усмотрению. Я таких денег не взял, хотя он и указывал, что т. Берия разрешил ему, если нужно, дать денег, сколько мне требуется.

Серебряные ложки, ножи и вилки присланы были поляками в честь освобождения Варшавы, и на ящиках имеется надпись, свидетельствующая о подарке. Часть тарелок и ещё что-то было прислано как подарок от солдат армии Горбатова. Всё это валялось в кладовой, и я не думал на этом строить себе какое-то накопление. Я признаю себя очень виноватым в том, что не сдал всё это ненужное мне барахло на склад, надеясь на то, что оно никому не нужно.

О гобеленах я давал указание т. Агееву из МГБ сдать их куда-либо в музей, но он ушёл из команды, не сдав их...

Обвинение меня в том, что соревновался в барахольстве с Телегиным, является клеветой. Я ничего сказать о Телегине не могу. Я считаю, что он

неправильно приобрёл обстановку в Лейпциге. Об этом я ему лично говорил. Куда он её дел, я не знаю.

Охотничьи ружья. 6–7 штук у меня были до войны, 5–6 штук я купил в Германии, остальные были присланы как подарки. Из всех ружей охотилась команда, часть штуцеров, присланных в подарок, я собирался передать куда-либо. Признаю вину в том, что зря я держал такое количество ружей. Допустил я ошибку потому, что, как охотнику, было жаль передавать хорошие ружья».

Письмо Жукова было проверено по всем пунктам. Сталин лично поинтересовался у Молотова: правда ли, что его дочь Светлана подарила дочери Жукова дорогое кольцо с бриллиантом? Молотов подарок дочери подтвердил письменно.

Когда спустя время следователи составили более точные описи, цифры в них оказались другие, ниже первых. Новые документы составлялись по факту, а первые, составленные тайно, наспех, рассчитаны были, по всей вероятности, на эмоциональную реакцию Сталина.

Что касается «оборудования» дачи МГБ, то действительно, когда после смерти маршала семью — дочь Марию и тещу Клавдию Евгеньевну — выселяли из казённой дачи в Сосновке, ничего им оттуда забрать не дали.

Судьба генералов, арестованных по делу Жукова, складывалась по-разному. Некоторые годами сидели в тюремных камерах, их водили на бесконечные изнурительные допросы, применяли спецсредства. Другие вскоре пошли в лагерь, получив от 10 до 25 лет. Гордова, Кулика и Рыбальченко расстреляли в августе 1950 года, когда Жуков уже служил в Уральском военном округе. Через год, получив от Военной коллегии Верховного суда СССР свои «десятки» и «четвертаки», по этапу пошли Минюк, Терентьев, Крюков, Телегин.

Но Жукова не трогали.

Когда арестовали Абакумова и следователь, интересуясь делом Жукова, спросил, почему многие дела в МГБ так затягивались, тот ответил: «...есть такие дела, групповые и одиночные, которые затягивались. Делалось это по специальному указанию... или же диктовалось оперативными соображениями... Имеется дело генерала Телегина и других — восемь человек. Дело это весьма важное, и его впредь тоже следует держать и не заканчивать. Оно связано с маршалом Жуковым, который является очень опасным человеком...»

Он это чувствовал. Александр Бучин рассказывал, что осенью 1947 года он, наконец, получил отпуск и поехал из Одессы домой, в Москву. Там участвовал в соревнованиях — в первенстве вооружённых сил по

мотогонкам. Мотоциклист он был великолепный — победил. И вскоре ему позвонил Василий Сталин, в ту пору генерал-лейтенант, помощник командующего ВВС Московского военного округа. Заехал к нему на квартиру, привёз на дачу, где совсем недавно жил командующий ВВС страны Главный маршал авиации Новиков с семьёй. Кинул по этому поводу небрежно:

— Теперь сидит.

Усадил Бучина за стол, выставил хорошие закуски, налил водки. Выпили. Бучин думал, что сын вождя, страстно увлечённый спортом, заинтересован в нём как в талантливом спортсмене и готов предложить что-то, связанное с мотогонками. Но Василий вдруг заговорил о чёрном «паккарде», стоявшем в кремлёвском гараже особого назначения. В Одессу Жуков «паккард» не взял. А Василию, освоившемуся на даче арестованного по его навету командующего ВВС страны, машина маршала Жукова давно не давала покоя.

«Убедившись, что Василий говорил всерьёз, — вспоминал Александр Бучин, — я сначала даже растерялся, потом оправился и пообещал поговорить о “паккарде” с Г. К. Жуковым. Про себя твёрдо решил — ни слова маршалу, хватит у него и без этого огорчений. Удовлетворённый Василий, порядочно набравшийся, приказал какому-то грузину отвезти меня домой на Старопанский. Тот отвёз на “мерседесе”».

В Одессу вернулся из отпуска, стараясь не подать и виду маршалу, что буквально давило меня. Василий никогда бы не осмелился нагличать, если бы Георгия Константиновича не прижимали со всех сторон. Вполголоса среди нас, близких к маршалу, пошли разговоры о том, что Жукова, наверное, арестуют, ибо по непонятным и необъяснимым причинам бросили в тюрьму десятки генералов и офицеров, непосредственно работавших с ним. Перечислять их и называть опасались даже в разговорах без посторонних. Атмосфера была гнетущая, тяжёлая... В последние месяцы моего пребывания в Одессе в машине царило погребальное настроение. Маршал во время поездок почти не разговаривал. Я также не открывал рта, боясь, что не выдержу и расскажу Георгию Константиновичу о домогательствах Василия».

Наступил 1948 год. Год был високосный. После Нового года маршал пригласил Бучина однажды в гости и сказал:

— Убирают тебя от меня, Александр Николаевич. Пришёл приказ: отзываешься в распоряжение Управления кадров МГБ СССР. Выезжать надо немедленно. Я приготовил письмо Власику, передай ему. В письме просьба — оставить тебя у меня. Письмо постарайся передать лично

Власику.

В Москве на Лубянке генерал Власик встретил Бучина матюгами и оскорблениями. Тут же на руки выдали трудовую книжку: уволен из МГБ СССР с 19 января 1948 года «за невозможность дальнейшего использования». В МГБ, оказывается, были и такие формулировки. Письмо маршала Власик даже не стал читать.

В конце января Жуков неожиданно разыскал Бучина в Москве. В то время он уже получил направление в другой, глухой и отдалённый от центра Уральский военный округ. Хотел забрать с собой «паккард», но машину почему-то не подавали.

Из воспоминаний Александра Бучина: «Осведомившись о моём здоровье, Георгий Константинович попросил меня об одолжении — выяснить, почему ему не подают... “паккард” Пропуск в Кремль у меня отобрали, и с большим трудом мне удалось связаться по телефону с Удаловым^[193]. Тот сухо ответил, что есть распоряжение Косыгина. Что это означает, непонятно. Когда Георгий Константинович позвонил и справился о моих “успехах”, я честно пересказал слова Удалова. Последовала тягостная пауза, потом Георгий Константинович поблагодарил за труды и повесил трубку. Довольно скоро я узнал — “паккард” забрал В. И. Сталин».

Бучина арестовали весной 1950 года. Во время ареста сотрудники МГБ тщательно обыскивали комнату. При обыске нашли комсомольский билет. В билет была вложена фронтовая фотокарточка Жукова. Старший группы швырнул карточку на пол, заорал:

— Что ты эту дрянь держишь! Что он тебе, отец?!

Через несколько часов Бучина уже допрашивали во внутренней тюрьме на Лубянке.

Из воспоминаний Александра Бучина: «Первые месяцы во внутренней тюрьме — кошмар. Прежде всего, психологически. Хотя я, работая у Г. К. Жукова, нагляделся на чекистов и не был восторге от них, всё же, как у каждого советского человека, у меня было представление о них как о борцах с “врагами”, людях, занятых опасным делом, идеалистах. Впервые мне пришлось столкнуться с ними в их логовище — на Лубянке, и я пришёл в неопишуемый ужас. Вместо романтиков я увидел обыкновенных тупых мерзавцев.

Я проходил по следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Следователи полковник Герасимов, затем подполковник Мотавкин взялись за меня всерьёз и, конечно, поставили на “конвейер” Практически мне очень долго не давали спать. На допрос вызывали вскоре после 22.30, то есть после отбоя. Только лёг, как надзиратели, или лучше именовать их

уместным словечком вертухаи, поднимали и вели на допрос. Нередко по дороге запирали в бокс на несколько часов, глубокой ночью вводили в кабинет зевающего следователя, который, чтобы разогнать сон, орал, грозился и вёл безумные речи. Иной раз казалось, что ты в доме умалишённых. В камеру отводили около 6 утра, а в 6 подъём, и уж спать днём не дадут...

Довольно быстро с пугающей отчётливостью вырисовывалось — шпионаж и прочее^[194], предъявленное мне, по всей вероятности, разминка, разгон следствия перед выполнением основной задачи, поставленной перед этими негодяями, — заставить меня очернить Георгия Константиновича Жукова. Соразмерно величине задачи постепенно претерпели изменение методы следствия. Подполковник Мотавкин популярно объяснил, что режим внутренней тюрьмы, уже доведший меня до умопомрачения, — санаторий. Упорствующим, закоренелым преступникам, к которым отношусь я, отправляют в тюрьму в Лефортово и там с ними “говорят как следует” Хочешь жить, признавайся, пока в “санатории”, в противном случае...

Мотавкин заключил: незачем защищать Жукова, у МГБ о нём своё нелестное мнение. “Твой Жуков, — распаляясь, внушал мне подполковник, — моська, а Сталин слон” Поможешь следствию изобличить Жукова, тебе будет хорошо, испортишь с нами отношения, пеняй на себя. Все эти светлые мысли, конечно, оформлялись в иных выражениях. Шла сплошная матерщина, висел густой, отвратительный мат. Как последний аргумент — если будешь упорствовать, раздавят как “козьявку”».

Стоит обратить внимание на реплику подполковника Мотавкина по поводу моськи и слона. Значит, в напряжённой атмосфере тех лет существовали мысли-опасения о противостоянии на уровне Сталин — Жуков. Хотя, конечно же, фигуры несопоставимые. Однако что-то же напугало Сталина, что он открыл охоту на маршала. И затягивали это дело не случайно — из «оперативных соображений», по «специальному указанию», «держат и не заканчивать». Чтобы человек постоянно висел на крючке и чувствовал это каждый час, каждый миг, затылком, кожей спины...

Глава сорок вторая

Далеко от столицы

«Здесь почти ничто не напоминало о той тягостной атмосфере, которая окружала его в Москве...»

Показания адъютанта Сёмочкина ударили Жукову в самое сердце. В январе 1948 года у маршала случился первый инфаркт. Его уложили в кремлёвскую больницу. К счастью, всё обошлось без осложнений. Организм был ещё крепкий. Через три недели Жукова из «кремлёвки» спешно выписали на службу. В таких случаях говорят: «выпихнули». Так и было.

В первых числах февраля Жукова, ещё не вполне оправившегося от болезни, вызвал к себе министр Вооружённых сил СССР, к тому времени уже Маршал Советского Союза, Булганин и вручил приказ о назначении на новую должность. Снова — на округ, на Урал.

Вопреки существовавшим правилам назначение было произведено не Советом министров, как высшим исполнительным органом государства, а приказом министра. Так назначались на должности командующие армиями.

Вручив приказ, Булганин довольно сухо напутствовал:

— Прошу в Москве не задерживаться. Даю вам на сборы два-три дня. Долечитесь на месте прохождения своей дальнейшей службы.

Но Сталин не мог отпустить Жукова, не повидавшись с ним. Должно быть, он, постаревший и тоже недавно переживший инфаркт, почувствовал, что, отпуская маршала на этот раз далеко, может больше не увидеть его никогда.

Жуков вошёл в кабинет Сталина. Тот усадил его напротив и молча пододвинул к нему пухлую папку. Это было досье на маршала.

Маршал начал читать. А Сталин сел в кресло и раскурил трубку.

— Что скажете, товарищ Жуков? — наконец спросил он и кивнул на папку.

— Здесь есть правда, полуправда, но в целом — это ложь! — ответил маршал.

— Я вам верю, товарищ Жуков. А сейчас отправляйтесь к новому месту службы.

В Свердловск, где располагался штаб Уральского военного округа, Жуков прибыл вместе с женой Александрой Диевной, охраной и группой

обслуживания, в которой, кстати, по-прежнему состояла кроткая и исполнительная Лида Захарова. Она была рядом с маршалом и в Москве, и в Одессе, везде.

Уральский военный округ Жуков принимал от генерала Кузнецова. Фёдор Исидорович болел, и его отправляли в отставку. Генерал Жадов, прибывший из Москвы тем же спецпоездом в качестве члена «приёмо-передаточной комиссии», впоследствии вспоминал: «Положение в ряде частей было не на высоте, и, строго говоря, мы обязаны были все недостатки отразить в специальном акте. Фёдор Исидорович уходил в отставку, и мне очень не хотелось этого делать. Выручил Георгий Константинович.

— Ничего не надо писать, — сказал он, — тут дело ясное, разберусь сам. Он сдаёт, а я принимаю.

Этим самым он взял всю ответственность за имевшиеся недостатки в округе на себя».

А между тем накануне прибытия спецпоезда в Свердловск генерал Кузнецов получил шифровку с предписанием: «...не устраивать никаких официальных встреч». И в Свердловске Жукова встретили так же тихо, как и в Одессе.

Стоял сильный мороз — под минус тридцать, да ещё с ветром. И это обстоятельство, вопреки всему, подняло Жукову настроение. Он прибыл в ссылку, и всё этому соответствовало. Перед отъездом из Москвы, как вспоминает Эра Георгиевна, на вопросы близких и родни, почему посылают так далеко, Жуков с усмешкой говорил: «Боятся, что по морю в Турцию сбегу».

Суровый край встретил маршала сердечным теплом уральцев. С ними он сразу нашёл общий язык. Многие знакомства впоследствии переросли в дружбу.

На следующее утро по прибытии Жуков назначил совещание в штабе округа. Первые же поездки по воинским частям произвели угнетающее впечатление. В войсках, подчинённых ему прежде, так не служили.

Округ большой, полки и дивизии разбросаны по Курганской, Свердловской, Пермской, Челябинской, Кировской областям.

Однажды приехал в полк, где должны были проводиться плановые стрельбы. Командира части о своём визите не предупредил.

На стрельбище — тишина. Оказалось, комполка находится в командировке. И в полку о проведении занятий никто и не думает. Жуков собрал командиров батальонов и отдал приказ: приступить к плановым стрельбам. Спросил: «Где заместитель?» — «В штабе». — «Ведите к

нему». Пришли. И вот какая картина: сидит солдат и рисует «Боевой листок», рядом заместитель командира полка. Жуков спросил: «Чем вы заняты?» — «Руководжу».

На учениях близ Чебаркуля под Челябинском произошёл такой случай. Дивизия с ходу форсировала реку и развивала наступление в глубину. Начальник химчасти — капитан — должен был выполнить следующую задачу: «при подходе войск к реке последовательно выпустить две ракеты» — зелёного цвета (сигнал для начала артподготовки) и дымовую (создать завесу для скрытного преодоления частями водной преграды). Командир дивизии сказал начхиму: выполнишь задание — пишу представление на майора. Капитан в армии служил долго, о майорских погонах буквально грезил. Когда наступила решительная минута, он так разволновался, что перепутал ракеты и вначале запустил дымовую. Артиллерия стреляла наугад.

Жуков, наблюдавший за ходом форсирования реки в бинокль, спросил командира дивизии:

— В чём дело?

Тот вкратце пояснил.

— Доставить сюда этого капитана.

Тот вскоре явился. Старому солдату достаточно было одного взгляда, чтобы понять — не воин.

— Вы хоть понимаете, что вы сделали? — спросил Жуков.

Тот молчал.

— Ваша дурацкая дымовая завеса сыграла на руку противнику!

Артиллеристы тем временем отстрелялись, как смогли. Когда на НП доложили результаты огневого налёта артиллеристов, Жуков кивнул на капитана и скомандовал:

— Расстрелять.

Бедного капитана тут же подхватили под руки и куда-то повели. Немного успокоившись, Жуков подозвал адъютанта:

— Вот что... Догони-ка их. Да поживее! А то ещё сдуру на самом деле расстреляют.

Капитана из армии уволили.

Ещё один случай. Шли зимние учения. Несколько суток бушевала пурга. Войсковые колонны вышли к рубежу развёртывания и вскоре, завязнув в снегу, встали. Грузовики с мотострелками, артиллерийские тягачи, танки — всё остановилось. Жуков наблюдал с НП это оцепенение и ворчал:

— Суворов не имел ни танков, ни авиации, ни грузовиков, но Альпы

одолеет. Кутузов безо всякой механической тяги Наполеона разгромил. А у нас такая мощная техника, и — нате вам! Случись такое на войне — колонна погибла!

Оглянулся на своих офицеров и, заметив растерянность в их глазах, скомандовал:

— Быстро собрать всех водителей и механиков-водителей из числа фронтовиков, пусть сядут за баранки, в застрявшие танки и покажут нашим командирам, как следует готовить молодых специалистов для действий в сложной обстановке!

Закипела работа. Колонна шевельнулась и пошла...

Но больше всего Жукова выводили из равновесия лживые донесения и приписки. Очковтирательство. В таких случаях в нём поднималась буря:

— Если пообещал, дал слово — пересоли, но выхлебай!..

Как известно, строгий командир врагов наживает быстро и немало, но верных друзей и соратников у него — полки.

Попадались под тяжёлую маршальскую руку и генералы.

Однажды прибыл из Москвы для дальнейшего прохождения службы при штабе округа генерал. Известный. Фронтовик. Встретили его со всей душой. Генерал представился маршалу. А вечером в офицерской столовой штабные офицеры организовали ужин по случаю прибытия боевого, так сказать, товарища. Загуляли. Да так, что генерала пришлось грузить в машину и везти на квартиру. Но увезли бедолагу в одном кителе, шинель забыли на вешалке. Утром пришли официантки, видят: на вешалке генеральская шинель... Пошли разговоры, шутки. Дошло до командующего. Жуков вызвал протрезвевшего генерала и сказал:

— Можете получить в отделе кадров предписание на обратный билет до Москвы. Вашу дальнейшую судьбу пусть решает Главное управление кадров. — И по «вертушке» соединился с Булганиным: — Николай Александрович, я тут отстранил от должности генерала такого-то. Прошу утвердить моё решение и прислать более надёжного. Спасибо. До свидания.

Но и Жукову тоже порой доставалось. Коммунисты на партсобраниях указывали на его несдержанность и грубость. Однажды на окружной партконференции выступил фронтовик старшина Демьян Кузьменко:

— Зараз хочу сказать, что все мы гордимся тем, что служим под командованием такого прославленного героя войны, как маршал Жуков, и высоко ценим его фронтовые заслуги и начатые в нашем округе дела. Но скажите, Георгий Константинович, положи руку на сердце: почему это, когда вы приезжаете куда-нибудь в полк или в батальон, все офицеры

прытко разбегаются и прячутся, стараясь не попадаться вам на глаза? Вы не примечали таких картин?

В августе 1948 года старшая дочь Жукова Эра вышла замуж за сына маршала Василевского Юрия. Александр Михайлович Василевский в то время занимал пост начальника Генштаба и заместителя министра Вооружённых сил СССР.

Из воспоминаний Юрия Александровича Василевского: «В 1948 году я женился на Эре Жуковой. Отец, честно говоря, был не в восторге. В это время Сталин всячески пытался не допустить дружбы между главными полководцами войны. А уж семейные связи вообще были крайне нежелательны. Мы стали меньше общаться. Жили мы с Эрой у Жуковых на улице Грановского. Георгий Константинович в это время был в Свердловске, оставил меня за старшего. Я шёл своим путём, после военной академии служил в Германии, окончил в шестьдесят пятом году Академию Генштаба, после этого меня направили в Тбилиси, потом в Ташкент. Отец всегда расспрашивал меня о службе. Он гордился тем, что я служу так далеко от Москвы, в очень тяжёлых условиях. Когда из Ташкента меня перевели в Алма-Ату, у нас не было даже квартиры. Отец напутствовал: “Сначала думай о людях, а потом о себе”».

Жуков не просто любил зятя, он уважал его как человека и офицера.

Эра училась на юридическом факультете в МГИМО. На каникулы приезжала в Свердловск.

Из воспоминаний Эры Георгиевны Жуковой: «Дача, выделенная отцу, находилась в совершенно потрясающем по красоте месте. В густом лесу на берегу озера Балтым стоял забавный довольно большой дом, абсолютно несимметричный, похожий на терем. Он состоял как бы из нескольких ярусов, в каждом были разнообразные башенки и балкончики. Точно не помню, кому принадлежало авторство проекта этой дачи, но жить там было интересно».

Эра Георгиевна вспоминала, как во время каникул она приехала к родителям в Свердловск на берег Балтыма вместе с мужем Юрием Василевским, как они купались, рыбачили, катались на лошадях и ходили на охоту. Жуков с удовольствием проводил свободное время с молодёжью. Зять был страстный рыбак.

Из воспоминаний Юрия Александровича Василевского: «Георгий Константинович Жуков — заядлый охотник — говорил мне: “Ты занимаешься несерьёзным делом”. А потом сам втянулся, да так, что его от этого занятия невозможно было оторвать. Я научил его делать блёсны, и у него это стало получаться даже лучше, чем у меня».

Жуков любил людей самобытных, цельных. Когда служил в Одессе, заехал однажды в глазной госпиталь, которым руководил профессор В. П. Филатов. В госпитале лежали на излечении фронтовики — танкисты, лётчики, моряки, — имевшие тяжёлые ранения глаз. Проведал их, поговорил. Среди раненых было много безнадежных. Жукова удивило, что всем им профессор Филатов продолжал делать сложнейшие операции. И некоторым действительно возвращал зрение.

С Владимиром Петровичем Филатовым они подружились. Бывали друг у друга в гостях. Подолгу разговаривали. Филатов — офтальмолог мирового уровня. Его пациентом был Сталин — лечился от глаукомы. Филатов обследовал и Жукова. И с удовлетворением констатировал, что зрение у него в пределах нормы. Когда Жуков бывал у него дома, не раз замечал в кабинете на рабочем столе раскрытое Евангелие. Под киотом с иконами всегда горела лампадка. В Одессе все знали, что храм Святителя Дмитрия Ростовского на Втором христианском кладбище не закрыт только потому, что о продолжении богослужений в нём профессор просил самого Сталина. Книголюб, стихотворец, живописец, агроном... Однажды Филатов произнёс фразу, которую Жуков запомнил на всю жизнь: «Путь человечества лежит в добротворчестве». Маршалу профессор напоминал его сельского учителя Сергея Николаевича Ремизова. Оба деревенские, Филатов Пензенской, Жуков Калужской губернии, они быстро находили общее, какую бы тему ни обсуждали.

На Урале Жуков познакомился и так же близко сошёлся с писателем Павлом Петровичем Бажовым. Ему нравились добрые и мудрые сказки и сказы, хранящие тепло русской народной души. Сказка — ложь, да в ней намёк...

Бажов в то время был уже почтенным старцем. Любил копаться в своём огороде. Жуков приказал порученцу разыскать «Малахитовую шкатулку» 1939 года издания, перечитал книгу и полюбил старика ещё крепче. Порой заезжал к нему прямо с учений, с поля. У Павла Петровича всегда горячий чаёк на травах, и им было о чём поговорить. Бажов дважды сидел в тюрьме у белых, дважды его исключали из партии красные. Оба раза восстанавливали. Его творчество было отмечено Сталинской премией 2-й степени и орденом Ленина. Только после того, как вручили орден Ленина, писатель разобрал чемоданчик с бельём, стоявший рядом с письменным столом в рабочем кабинете, — каждую ночь ждал приезда «чёрного воронка».

Порядок в округе новый командующий навёл за несколько месяцев, уровень боевой подготовки заметно повысился. Особое внимание Жуков

уделял занятиям спортом. В частях были созданы хоккейные и футбольные команды. Вскоре они принесли победы на республиканских соревнованиях.

Однажды командующий обратил внимание на то, что офицеры располнели, животы не вмещаются в гимнастёрки, висят через портупеи. И приказал всем командирам и политработникам ежедневно заниматься физподготовкой.

Сам в это время делал физические упражнения два раза в день. И не терял кавалерийской формы. Ездил верхом, летом плавал на Балтыме. На даче под навесом лежали две двухпудовые гири, отшлифованные до блеска. Сильный характер, умение владеть собой и держать удар, свежий воздух и дух Урала, физические упражнения и любимая работа в войсках помогли Жукову в короткое время полностью восстановить здоровье.

Урал Жукову нравился. И природа, и люди.

На досуге охотился. В лесах близ Шадринска — на косуль. В Огневском охотхозяйстве, что севернее Челябинска, на озёрах Шугуняк и Кабанье, — на уток: крякву, чирка, лысуху. На пролёте стрелял свизья, синьгу, турпана, каменушку, крохаля, савку...

Но особенно пристрастился к охоте с русскими гончими. Собак порой собирали по всему округу. Председатель окружного Совета военных охотников и рыболовов подполковник Мухачёв рассказывал, как однажды он с егерем Василием Банных привёз на охоту четырёх русских гончих. Все четыре — победители различных конкурсов. Жуков залюбовался ими и сказал:

— Собаки хороши. Лучше иметь хорошую рабочую собаку и дешёвое ружьё, чем плохую собаку и дорогое ружьё.

Однажды близ Двуреченска егерь выследил матёрую волчицу. Пустили гончих. И они вскоре взяли след, погнались и выставили на верный лаз. На номере стоял маршал Жуков. Дуплет — и волчица сунулась в траву.

В 1950 году из Суворовского училища в Пермское пехотное училище прибыл племянник маршала Виктор Фокин, сын сестры Марии. Жуков родной душе обрадовался. В 1944-м он сам устроил Виктора в Горьковское суворовское училище.

В 1951 году Жуков прибыл с инспекцией в Пермскую мотострелковую дивизию. Когда выпала свободная минута, послал в училище порученца за курсантом Фокиным.

И вот перед маршалом стоял стройный подтянутый юноша. Хорошо подогнанная шинель. Тщательно начищенные сапоги. Опрятен, вежлив. Жуков обнял племянника. Он был им доволен.

— Меня смущает вот что, — сказал Жуков Виктору, когда тот

рассказал ему о своей учёбе и будущей специальности, — узкая специальность миномётчика. Надо тебе получить общевойсковую специальность, в вашем же училище. Я поговорю с начальником училища. Только, смотри, старайся. Изо всех сил ляжку тяни. Матери часто пишешь?

— Пишу, не забываю.

— Скоро с ней увидишься. — Жуков улыбнулся. — Она вместе с Александрой Диевной на днях приедет в Свердловск.

Когда племянник заканчивал училище, Жуков узнал, что тот хотел бы в дальнейшем служить за границей.

— Даже не думай об этом, — сказал ему маршал. — Во-первых, большие деньги тебя испортят. Во-вторых, с тобой там могут случиться неприятности. Готовься служить в Союзе.

В 1952 году Виктор Фокин окончил Пермское пехотное училище, получил лейтенантские погоны и прибыл в 4-ю отдельную стрелковую бригаду, дислоцированную в Свердловске. Понятно, что такое распределение молодой лейтенант получил не случайно.

Жуков поселил племянника у себя. Так и сказал:

— Жить будешь у нас.

Из воспоминаний Виктора Фокина: «Лыжи в вестибюле и охотничье ружьё сразу выдавали характер отдыха полководца. Мебель в доме была казённая с прибитыми на ней железными табличками. Библиотека большая и в ней много книг на военную тему. Маршал часто заглядывал в работы Клаузевица. Эта книга у него было вроде настольной. Видел у него в руках и “Сида” Корнеля. Жуков мне сказал: “Бери и читай всё, что тебя интересует”. Я увлёкся художественной литературой. Про кухню говорить не стану — там хозяйничала Александра Диевна. Обедали в 13 часов 30 минут. Маршал приезжал на автомашине “ЗИС”, оснащённой фарой с жёлтым светом. Мне из расположения роты до дома требовалось на дорогу не более 10 минут при спокойной ходьбе. Иногда я обедал в техникуме советской торговли, за что вечером Александра Диевна отчитывала меня за ужином: “Почему не приходил обедать? Я ждала, ждала тебя... Прибор стоит накрытым до сих пор...” Жена маршала присматривала за мной, а моя мать знала, что я в хороших руках и не разболтаюсь. Бывало, Александра Диевна выговаривает мне: “Где ты там ходишь допоздна?” А немного погодя слышу: “Ты извини меня за то, что нашумела на тебя” Она быстро отходила, и я не успевал на неё обидеться. Александра Диевна была полной, любила поесть в кресле, откинувшись или положив ногу на ногу. Сердечная, добрая, внимательная, она относилась ко мне хорошо. Мы с женой поддерживали с ней хорошие отношения, вплоть до её кончины.

Навещали её. Жена мыла окна в её квартире в Новоконюшенном переулке в Москве».

Родственные узы для Жукова были святы. Однажды, заметив, что племянник стал по-лейтенантски проводить неслужебное время, спросил его:

— Ты матери помогаешь?

— Конечно, — ответил Виктор. — У меня все квитанции денежных переводов для неё целы.

— Правильно. Помогай. Потом будешь этим гордиться.

А однажды в канун праздника 1 Мая Жуков спросил Виктора:

— У тебя девушка есть?

— Да, — признался тот.

— Ну, вот и приведи её, покажи мне. Я хоть посмотрю, с кем ты встречаешься.

Человек обстоятельный, Жуков и в семейных, и в родственных делах ничего не пускал на самотёк. Виктор Фокин так описал те смотрины: «На торжественном собрании в театре имени Луначарского маршал с Александрой Диевной сидели во втором ряду партера, по центру, а мы с Брониславой — в шестом ряду, ближе к проходу. Дядя Георгий дважды оборачивался и бросал быстрый взгляд на Броню. Дома за ужином Георгий Константинович обратился ко мне: “Выпьем чего-нибудь?” Я стал отговариваться и ссылаться на спортивный режим. Жуков убеждал меня: “То, что ты не пьёшь — хорошо, но рюмочка коньячку не испортит и даже повысит аппетит” Он стал расхваливать имевшийся у него французский коньяк. По 50 граммов мы с ним выпили. Разрумянившийся дядя помолчал и спросил: “Понравилось ли торжественное собрание?” Пока мы обсуждали эту тему, Александра Диевна пригласила нас закусывать. Стоило ей выйти на кухню, дядя посмотрел на меня своими голубыми глазами и произнёс: “Видел твою знакомую. Молодец, вкус у тебя есть...”».

Жуков советовал племяннику придерживать язык за зубами, и Виктор Фокин следовал этому совету самым добросовестным образом. Бронислава почти до самой свадьбы не знала, чей он племянник.

Жуков любил бывать в компании молодёжи. Должно быть, жалел, что не было у него сыновей, и потому с таким отеческим теплом относился к племяннику. Радовался, когда приезжал зять.

Из воспоминаний Виктора Фокина: «Приезжал их зять майор Юрий Александрович Василевский. Впечатление от него у меня осталось самое хорошее. Он культурный, мягкий, воспитанный и обходительный человек. Жуков с зятем собирались на охоту. Я упросил Георгия Константиновича

взять меня на первую мою охоту. Он поинтересовался: “Из ружья когда-нибудь стрелял?” Я стрелял лишь из автомата и карабина. Мне маршал дал своё запасное ружьё, сделанное в Туле. Перед охотой он меня наставлял: “Вперёд не лезь”. На водопой к озеру, вскрывшемуся ото льда, шло около 30 кабанов. Один из них почему-то заметно отставал от стада. Я его не заметил. И вышел из засады в кустах в мелколесье на просеку. Посмотрев в сторону уходивших кабанов, я повернулся назад и в нескольких десятках метрах от себя обнаружил крупного отставшего зверя. С перепугу шарахнул в него и конечно промахнулся. Георгий Константинович не выдержал и, выскочив из своей засады, закричал: “Я же говорил тебе, не лезь раньше нас...” Опытные охотники, они подпускали последнего кабана поближе к себе, чтобы поразить его наверняка. Я оправдывался, уверял старших, что не видел кабана. “А зачем ты шёл охотиться? — отбрил меня Жуков. — Надо было смотреть”».

Жуков всегда интересовался службой зятя и племянника. Виктора Фокина постоянно наставлял: «Учись. Не останавливайся на училище. Больше читай. Не жди должности, пока кто-нибудь помрёт. Лёгких путей в жизни нет. Дорогу надо пробивать своим лбом». И шлёпал ладонью по высокому лбу.

В Свердловске у Жукова была большая коллекция охотничьих ружей. При случае хорошие экземпляры с удовольствием приобретал. За ценой не стоял. Мог, под настроение, подарить ружьё из своей коллекции. Однажды после удачной кабаньей охоты в Покровском районе Свердловской области подарил великолепное ружьё редкого двадцатого калибра местному охотнику Егору Ивановичу Аввакумову. Егор Иванович — фронтовик, искусный плотник. Когда Жуков после охоты увидел баню, срубленную Егором Ивановичем, тут же вытащил из машины ружьё и вручил его старому охотнику и солдату.

В день рождения дочери задумал подарить ей лёгкое дамское ружьё. Подходящее вскоре нашлось — у чемпиона округа и вооружённых сил по стендовой стрельбе старшины срочной службы Николая Бурденко. Двадцать восьмой калибр, лёгкое, изящное. То что надо. Маршал осмотрел его. Понравилось. Спросил:

— Сколько просите?

— Отдаю вам так!

— Спасибо, старшина. Но за добро — добром, как говорили у нас в Стрелковке.

Он открыл сейф-пирамиду, где стояли в ряд ружья его коллекции, и сказал:

— Выбирайте любое.

Ружьё, подаренное маршалом уральскому спортсмену, хранится теперь как дорогая реликвия в музее Центрального военного округа в Екатеринбурге.

Когда подводили итоги соревнований «лаечников» Свердловского городского общества охотников и рыболовов, маршал вручил победителю лично от себя приз — охотничий рог. Многие годы этот рог был переходящим призом, его получал лучший заводчик охотничьих собак Свердловска. Теперь и эта реликвия стала музейным экспонатом.

Уже многие годы в Екатеринбурге проводятся «ежегодные соревнования по стендовому многоборью, посвящённые памяти выдающегося полководца XX века Маршала Советского Союза Г. К. Жукова».

Элла Георгиевна рассказывала, что отец хотел, чтобы они, дети, ознакомились со всеми здешними достопримечательностями. Особенно запомнилась ей экскурсия в печально знаменитый Ипатьевский дом: «... дом, куда нас провели по особому разрешению. Тема расстрела царской семьи в те годы была под строжайшим запретом, и я впервые узнала об этой трагедии. В доме при входе была устроена небольшая экспозиция с копиями каких-то документов, на стенах висели красные лозунги и портреты вождей, а внизу — страшный подвал, куда мне не захотелось спускаться. Пояснения давал довольно высокий худощавый мужчина, который, как мне показалось, был немного не в себе. Во всяком случае, он слишком быстро говорил и глаза его неестественно блестели. Атмосфера в доме была гнетущей, и единственное, что мне хотелось, так это поскорее оттуда уйти и обо всём забыть. С отцом на эту тему я заговаривать не стала».

Дочерей Жуков тоже иногда брал с собой на охоту. «Однажды отец взял нас с Эрой охотиться на боровую дичь, заранее проинструктировав, как надо себя вести, — рассказывала Элла Георгиевна. — Это довольно сложный вид охоты. Впереди бегут специально натренированные собаки, за ними — охотники. В какой-то момент собаки, почуяв дичь, делают стойку и замирают. В этот же момент должны замереть и охотники, неважно, в какой позе. Нельзя ни пошевелиться, ни даже громко вздохнуть, иначе спугнёшь дичь — и всё насмарку. Так мы с Эрой и бежали, наверное, несколько километров, задыхаясь и выбиваясь из сил, потные, красные. И только дивились на отца, который наращивал темп, явно ничуть не уставший и полностью поглощённый происходящим. Он как бы помолодел на глазах. Я поняла, что такое охотничий азарт, хотя сама его никогда не испытала. Для

меня любой вид охоты был и остаётся делом довольно-таки жестоким.

На Урале отец жил полнокровной жизнью и, думаю, был счастлив. Он много и напряжённо работал, что всегда приносило ему удовлетворение. Отдыхал он на охоте или на даче на озере Балтым, где рыбачил или сам водил катер. Он бывал почти на всех спектаклях городских театров, питая особое пристрастие к театру музкомедии, посещал концерты в окружном Доме офицеров. Пестовал он и свою любимую команду по русскому хоккею, выбившуюся в число лучших, присутствовал на спортивных соревнованиях. И, что я считаю главным, он приобрёл в Свердловске истинных друзей, с которыми любил встретиться в свободное время, посидеть за праздничным столом. Здесь почти ничто не напоминало о той тягостной атмосфере, которая окружала его в Москве».

Однажды на выпускном вечере в спецшколе ВВС юный лейтенант Борис Штоколов исполнил «Матросские ночи» Соловьёва-Седого. Маршал Жуков после концерта пожал певцу руку и сказал:

— Вот что, лейтенант... Авиация без тебя не пропадёт. Петь тебе надо.

И, как рассказывал потом сам певец, «приказал направить лейтенанта Штоколова в консерваторию».

Так что Жукову мы обязаны не только победами в Великой Отечественной войне.

Он не томился в своей дальней ссылке. Урал не угнетал маршала, не уничтожал в нём ни воина, ни человека.

Дружил с агрономом Терентием Семёновичем Мальцевым. Впоследствии Мальцев станет академиком ВАСХНИЛ, дважды Героем Социалистического Труда. Они познакомились ещё в апреле 1946 года в Москве на сессии Верховного Совета СССР.

Дружба продолжилась в годы службы Жукова на Урале. Есть фотография, сохранённая Эллой Георгиевной, на которой запечатлены маршал и агроном. На обороте пространная надпись: «Вам, Георгий Константинович, моё простое крестьянское спасибо! Моя русская душа преисполнена гордостью и радостью, что из среды нашего русского народа выходят непревзойдённые полководцы. Ваше имя будет, как имена Суворова и Кутузова, вечно прославляться нашими потомками, и оно никогда не изгладится из народной души. Живите и здравствуйте долгие годы, Георгий Константинович. Охраняйте нашу Родину, а на нас, уральцев и сибиряков, всегда надейтесь. Т. Мальцев».

Служебный телефон Жукова прослушивался. «Жучки» стояли и в квартире, и на даче. Так что уединиться маршал мог только на прогулках, на рыбалке да на охоте. Впрочем, даже во время охоты охранники МГБ

находились поблизости. Они, конечно, раздражали маршала и неумением вести себя в лесу, да и самим своим присутствием. Уральцы это понимали. И однажды во время утинового пролёта самую удобную позицию устроили в камышах на мелководье — на сваях установили бочку, замаскировали её камышом. Когда егерь, щурясь в улыбке, спросил Жукова, где он решил расположиться, на косе или в бочке, маршал, мгновенно поняв его замысел, указал на одинокую бочку. Тот вечер для стрелка был особенно удачливым. Лодка приплыла за ним уже затемно, когда Жуков расстрелял весь патронташ.

Служба за маршалом окончилась в начале 1952 года. По всей вероятности, последовало высочайшее повеление, и охрана МГБ была заменена охраной Министерства обороны. Жуков подыскал себе надёжного младшего лейтенанта — Алексея Гриднева, выпускника окружных курсов усовершенствования офицерского состава. Сказал ему:

— Команду себе наберёшь сам. Около меня должен быть максимум один человек охраны. А так как ты единственный офицер и лично отвечаешь за мою безопасность, то этим человеком будешь ты. С этого времени будешь сопровождать меня и в командировках, и на учениях, и в неофициальных поездках.

С того дня Жуков вздохнул свободно.

Но потепление началось раньше. В начале 1950 года совершенно неожиданно его выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В те годы процедура выдвижения кандидатом в депутаты была равнозначна избранию. Выдвигали трудовые коллективы, как правило, крупные, где были большие парторганизации. Кандидатура, конечно же, предварительно согласовывалась с Москвой, с ЦК.

Впрочем, выдвижению кандидатуры Жукова помог случай. По одному из избирательных участков кандидатом согласовали молодую доярку. Но неожиданно против неё выступил старейший коммунист, фронтовик, влиятельный человек. Доводы для отвода оказались вескими. Газета «Уральский рабочий» вышла с неполным списком кандидатов — Ирбитский избирательный округ № 290 пустовал. Обком лихорадочно искал подходящую замену. И вот первый секретарь Свердловского обкома партии В. И. Недосекин предложил на обсуждение кандидатуру «уже успевшего зарекомендовать себя с самой лучшей стороны коммуниста Жукова». Члены бюро обкома встретили предложение Недосекина напряжённым молчанием. И тогда первый секретарь пояснил, что накануне разговаривал по телефону с товарищем Сталиным и согласовал с ним кандидатуру командующего округом.

О нюансах Недосекин докладывать не стал. Нюансы были. Когда он назвал Сталину фамилию Жукова, наступила долгая пауза. Завершиться она могла чем угодно. И вдруг Недосекин услышал: «Ну что ж, Жуков, так Жуков!»

И вот в феврале 1950 года в газете «Уральский рабочий» впервые за два года пребывания Жукова в округе появилась статья, в которой упоминалось имя маршала — сообщалось, что «труженики колхоза имени Чапаева Галактионовского сельсовета Туринского района назвали своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР командующего войсками Уральского военного округа маршала Жукова».

Совершенно очевидно, что в сознании Сталина в эти годы что-то произошло. Либо он был целиком удовлетворён наказанием своего верного и непокорного маршала, либо пришёл к мысли, что Жуков не враг, что партийные подхалимы больше наговаривают на него. Наверняка диктатор читал отчёты сотрудников МГБ, которые фиксировали каждый шаг командующего Уральским военным округом, каждое его слово, каждый контакт. К тому же в это время на Дальнем Востоке назревал конфликт, который мог привести к началу третьей мировой войны. Руководитель Северной Кореи Ким Ир Сен уговаривал Сталина двинуть объединённые силы на Южную Корею. Весной 1950 года во время визита Ким Ир Сена в Москву Сталин, до этого колебавшийся, дал, наконец, согласие на проведение военной операции. Северокорейская армия строилась по типу Советской армии и была оснащена советской техникой и вооружением.

План наступательной операции на юг разрабатывал главный военный советник в КНДР генерал-лейтенант Васильев. Сталин и Ким Ир Сен опрометчиво посчитали, что он справится с задачей. Лучшие генералы и маршалы, побеждавшие на фронтах Великой Отечественной и советско-японской войн — Конев, Мерецков, Василевский, Малиновский, Говоров, — к разработке и проведению корейской операции не привлекались. Сталин их держал во втором эшелоне. Возможно, и Жукова из Одесского округа в Уральский переместил намеренно, чтобы тот со своей вымуштрованной группировкой на всякий случай находился ближе к театру военных действий.

В июле 1951 года было принято постановление ЦК «О неблагоприятном положении дел в МГБ», а буквально через месяц генерал Абакумов был арестован. Его обвинили «в государственной измене, сионистском заговоре в МГБ, в попытках воспрепятствовать разработке дела врачей».

Таким образом, «дело Жукова» оказалось на дальней полке

всемогущего ведомства. К тому же новый руководитель МГБ Игнатъев не испытывал к Жукову личной неприязни и был по уши загружен «делом врачей» и чисткой авгиевых конюшен в своём министерстве.

Сталин — величайший режиссёр — подбирал действующих лиц к очередной мировой драме. К счастью, у великих держав — СССР и США — хватило выдержки и мудрости сыграть её в значительно сокращённом виде и на локальной сцене. Корейская война длилась три года, но за границы Корейского полуострова не выплеснулась. Воздушные бои между советскими и американскими лётчиками показали преимущество первых. Американцы встретились в воздухе с новыми советскими истребителями-перехватчиками МиГ-15 и МиГ-15бис, оснащёнными новейшими радиолокационными станциями, и признали полное превосходство «корейских сюрпризов». До ядерного оружия дело не дошло.

Летом 1951 года Жукова включили в состав правительственной делегации для поездки в Польшу по случаю национального праздника — Дня возрождения Польши. Торжественное заседание проходило в Варшавском оперном театре. Жуков выступал. Его встретили овациями. Поляки помнили, что именно войска 1-го Белорусского фронта, в который входила 1-я армия Войска польского бригадного генерала Поплавского, освобождала Варшаву и польские города.

Но самый яркий эмоциональный всплеск Жукову подарила встреча с министром национальной обороны Польской Народной Республики маршалом Рокоссовским. Война ещё крепче сдружила бывших кавалеристов, но одновременно и развела. Правда, в 1946-м они с семьями вместе отдыхали в Сочи. Казалось, что дружеские отношения не исчезли. Но многое в их беседах оставалось запретным.

В Варшаве они обнялись как старые боевые товарищи. Тут же вспомнили командирскую юность. Рассказывали друг другу о своих семейных делах. О службе говорили сдержанно.

Осенью 1952 года Жукова избрали делегатом XIX съезда КПСС от Свердловской областной партийной организации. А на съезде делегаты избрали его кандидатом в члены ЦК.

Как будто всё возвращалось.

Константин Симонов в книге «Глазами человека моего поколения» сделал очень точный набросок состояния Жукова в дни съезда. Они встретились на ужине: «Я почувствовал через не изменившую ему сдержанность, что он в тот вечер был в очень хорошем настроении. Думаю, что избрание в ЦК было для него неожиданностью, тем сильнее, наверное, было впечатление, которое это произвело на него. Однако чувство

собственного достоинства не позволило ему ни разу ни словом коснуться этой несомненно больше всего волновавшей его темы».

В новогоднюю ночь наступающего 1953 года произошло событие, тайна которого до сих пор не разгадана.

Новый год верхушка Свердловского обкома партии встречала на одной из загородных дач на берегу озера Балтым. Часа за полтора до полуночи прибыл с дочерью Эллой маршал Жуков. Детям накрыли стол на соседней даче, принадлежавшей председателю Свердловского облисполкома Константину Кузьмичу Николаеву. Приблизительно в 23 часа на даче раздался телефонный звонок. Трубку по праву хозяина снял сын Николаева Эдик.

— Это говорит Поскрёбышев. Маршала Жукова срочно к аппарату!

Эдик мигом метнулся на соседнюю дачу:

— Георгий Константинович, вам звонит какой-то Поскрёбышев!

Сидевшие за праздничным столом сразу умолкли и посмотрели на Жукова. Маршал встал, извинился и быстро пошёл на дачу Николаева.

Взял трубку:

— Жуков у аппарата.

Выслушав Поскрёбышева, ответил:

— Да. Есть. Слушаюсь, вылетаю.

Он положил трубку и сказал дочери:

— Меня вызывает Сталин. Я сейчас срочно вылетаю в Москву. А ты, Эллочка, пока останешься в Свердловске.

Затем позвонил дежурному по штабу округа и приказал срочно подготовить самолёт.

Вскоре Жуков вылетел в Москву. Что за разговор состоялся между стареющим диктатором и тем, кто был рядом с ним в самые тяжкие дни, когда враг стоял у ворот и дозаправлял свои танки в нескольких десятках километров от Кремля, чтобы сделать последний, решающий рывок? О чём таком, столь важном, что невозможно было ждать до утра, беседовали они в ту новогоднюю ночь? Та встреча так и осталась тайной.

Глава сорок третья

Любовь последняя

«Галина стала его самой сильной в жизни любовью, хотя и поздней...»

Когда они встретили друг друга, ему было 54, а ей 24 года.

Жуков заболел и угодил в окружной госпиталь. Для постоянного надзора лечащий врач приставил к больному коллегу Семёнову.

Младший лейтенант медицинской службы Галина Александровна Семёнова прибыла в Уральский военный округ после окончания Казанского медицинского института по специальности терапевт-инфекционист. Она была красива той русской красотой, которой невозможно было не залюбоваться.

Какое-то время он метался между любовью и семьёй. Но чувство оказалось сильнее.

Спустя некоторое время, когда командующий округом выздоровел и формировал штабную группу для предстоящих полевых учений, на должность военного врача была назначена зеленоглазый доктор Семёнова. В Еланские лагеря они поехали вместе.

Позже, когда они уже жили одной семьёй, Жуков однажды спросил её:

— За что ты меня полюбила?

— Да очень уж мне понравились твои блестящие сапоги! — ответила она.

Что и говорить, в одежде он всегда был опрятен и аккуратен. Вещи имел штучные. Даже ружья заказывал под своё плечо. Одежда подгонялась строго по фигуре. Женщины в мужчине обычно отмечают это сразу. Так что в шутке Галины Александровны доля шутки, по всей вероятности, была небольшой.

Таким же аккуратным он был и в служебных делах. Полковник в отставке Трофим Андроникович Гладков, исполнявший обязанности начальника оперативного отдела в штабе Одесского военного округа, вспоминал, как перед учениями командующий просматривал топографические карты с нанесённым на них планом развёртывания войск и, обнаружив несуразность, громко, чтобы слышали все, сказал: «Полковник, переделайте после генерала». «При этом демонстративно перечёркивал красным карандашом неверно нанесённый на карту план».

Не любил безграмотных выдвигенцев и проныр, делавших карьеру не умом и ревностным служением, а иными способами.

Александра Диевна в это время подолгу жила в Москве. Эра родила дочь, и бабушка всё своё женское тепло перенесла на внучку Танечку. Когда же приехала в Свердловск, сразу почувствовала, что сердце Георгия Константиновича занято другой.

Начался мучительный период, когда надо было выбирать.

Кроткая Лида Захарова тоже была рядом.

В Свердловске между тем произошло нечто, что впоследствии многие толковали как знак. В цепи непонятных обстоятельств эта короткая история имела долгое продолжение.

После войны установилась традиция: 1 Мая и 7 Ноября перед демонстрацией трудящихся торжественным маршем проходили войска местных гарнизонов. Командующий парадом и принимающий парад выезжали на красивых лошадях. Каждый военный округ и даже каждый крупный гарнизон проводил свой местный парад Победы. В 1950 году из Москвы из министерских конюшен в Свердловск специально для парадов были доставлены чистокровные скакуны. Одного из них на первомайский парад оседлали для командующего войсками округа. Парад начался. Жуков рысью объезжал построения войск, приветствовал части. Когда остановился возле шеренг суворовцев, конь под ним заволновался и неожиданно встал на дыбы. Всадник, опытный наездник, сдержал его. Но конь снова сделал почти вертикальную «свечу» и начал заваливаться на левый бок вместе с седоком. К счастью, маршал высвободил ноги из стремян, и при падении конь его не придавил. Но всё же Жуков упал на брусчатку. Тут же встал и, не подавая виду, проследовал на трибуну. Выступление его было выдержано в сдержанно-строгих тонах. Голос не дрогнул. Стоявшие в отдалении и вовсе ничего не заметили.

Жуков был одет в парадный мундир при всех орденах, с шашкой в серебряных ножнах. После парада порученец осмотрел одежду и награды и обнаружил, что в одном из орденов «Победа» не хватает нескольких бриллиантов. Когда праздничная церемония закончилась, взвод солдат ползал по брусчатке на четвереньках, пока выпавшие камушки не были найдены.

Но этим история не закончилась. О произошедшем доложили Сталину. Тот отреагировал совершенно неожиданно:

«Хватит скакать на площадях! Так и без головы можно остаться!» И приказал запретить впредь военачальникам выезжать на парады и смотры на лошадях. С той поры, именно с падения Жукова перед строем

свердловских суворовцев, командующие парадом начали выезжать к войскам в автомобилях с открытым верхом. После 1948 года День Победы как праздник и выходной день был упразднён. И только в 1965 году его возобновили.

Реакция Сталина на падение маршала (год или два назад он на это наверняка отреагировал бы иначе) и их загадочный разговор в новогоднюю ночь наводят на размышления. Сталин, уже чувствуя, что его дни на земле подходят к концу, наверняка задумывался о преемнике. В разное время он склонен был видеть в этой роли то Николая Вознесенского, то Андрея Жданова, то Георгия Маленкова. Но Жданов скоропостижно скончался в 1948 году. Вознесенского расстреляют в 1950-м по «ленинградскому делу». Маленков, хоть и приближённый, вызывал сомнения.

Но вернёмся же к начатой теме.

Дочь Жукова и Галины Александровны Мария Георгиевна вспоминала: «Отец писал в своём дневнике, что при первой встрече не обратил на маму никакого внимания (он болел, и мама лечила его на дому). Когда ему стало лучше, он заинтересовался её жизнью, семьёй, увлечениями. Ему понравилась её скромность, но особенно, как он сам признавался, красивые, тёплые, зелёные глаза. В них всегда таилась какая-то неповторимая грусть...

Мама была хороша собой, в ней всё было гармонично: богатый внутренний мир, необыкновенная доброта, красивое лицо, стройная фигура, лёгкая походка, особая манера говорить. Отец всегда выглядел молодо, лицо свежее, живое, блестящие глаза, статность.

Поначалу маму смутило его внимание. Она, как могла, избегала встреч, но отец был настойчив. Галина стала его самой сильной в жизни любовью, хотя и поздней».

В 1952 году из Гурзуфа, где находился на отдыхе, Жуков писал своей любимой в Свердловск: «До сих пор нахожусь под очарованием последней встречи с тобой, моя Галюсенька!.. Родная моя, как жаль, что нет здесь тебя. Мне не хватает тебя, без тебя я скучаю... Пусть тебя хранит моя любовь, моя мечта о тебе...»

Нам, наблюдающим эту любовь с расстояния лет, вряд ли стоит комментировать её, имея в виду обстоятельства семейного положения Жукова, его несвободы и прочего.

Глава сорок четвёртая

Арест Берии

«Конечно, я не спец по арестам, мне этим не довелось заниматься, но у меня не дрогнет рука...»

Когда диктатор лежал при смерти, его соратники по партии уже делили должности... Маленков был назначен председателем Совета министров СССР, Ворошилов — председателем Президиума Верховного Совета СССР, Булганин — министром обороны СССР.

В день смерти Сталина — 5 марта 1953 года — ссылка маршала на Урал прервалась.

Тело вождя бальзамировалось, в мавзолее на Красной площади рядом с телом Ленина готовили саркофаг. С 6 по 9 марта в Колонном зале Дома союзов народ прощался с тем, кого десятилетия боготворили и проклинали. А 14 марта состоялся внеочередной пленум ЦК партии и открылась внеочередная сессия Верховного Совета СССР. Свердловская делегация была одна из самых многочисленных.

Жуков, которого 15 марта вновь назначили главкомом Сухопутных войск, оставил любопытные наблюдения об этом пленуме: «Всматриваясь в лица членов Президиума ЦК, я сделал следующие выводы о их теперешнем отношении к Сталину. Молотов был серьёзен и задумчив и, видно, с тревогой переживал события. Ворошилов выглядел явно растерянным... Маленков, Хрущёв, Берия и Булганин были в приподнятом настроении...»

Берия сидел рядом с Булганиным и заметно старался придать своему лицу доброжелательное выражение. При внимательном наблюдении, хотя его глаза и были прикрыты пенсне, всё же в них можно было рассмотреть хищность, холодность и жестокость, всем своим видом и развязностью он старался подчеркнуть и дать понять — хватит, мол, сталинских порядков, натерпелись при Сталине, теперь у нас всё будет по-иному. Я хорошо знал Берию, видел его хитрое угодничество Сталину и готовность убрать в любую минуту всех тех, кто был негоден Сталину, а теперь он корчил из себя настоящего большевика-ленинца, противно было смотреть на этот маскарад. Булганин, как всегда, был на высоте подхалимства и приспособленчества, то он подойдёт к одному, то к другому, одному слащаво улыбается, другому крепко руку пожмёт, Хрущёву он то и дело бросал реплики: “Правильно, Никита Сергеевич”, “Правильно, это давно

следовало провести в жизнь”.

В эти дни особую деловитость, распорядительность и сноровку в дворцовых интригах продемонстрировал в расчёте на будущее Хрущёв. И рассчитал верно, не хуже опытного артиллериста. Ещё 5 марта он председательствовал на экстренном совместном заседании пленума ЦК КПСС, Совмина и Президиума ВС СССР, результатом которого стало решение сосредоточить всю работу в ЦК партии. Так Хрущёв смог поймать основные нити власти. И только одна из них не давалась — Берия. Более того, Берия развил ничуть не меньшую активность и с той же энергией пытался собрать вокруг себя сторонников, которые в нужный момент смогли бы действовать вполне решительно.

Маленков предложил объединить два силовых ведомства — МВД и МГБ — в одно. Берия должен был возглавить эту структуру. Хрущёв и его единомышленники сразу поняли, что такое объединение затевается не для работы. Ещё весной, во время сессии, Хрущёв сказал в узком кругу: “Если Берия возьмёт в свои руки этот пост — это будет началом нашего конца. Он возьмёт его только для того, чтобы уничтожить нас всех. И он это сделает! Этого никак нельзя допустить”».

Начали формироваться две враждебные группы. Это была жестокая и непримиримая схватка за власть. И разрешилась она, как и большинство дворцовых переворотов, кровью.

Двадцать пятого июня 1953 года Маленков вызвал к себе Жукова. В кабинете находились Молотов, Хрущёв и Булганин. Маленков сказал:

— Мы вас вызвали для того, чтобы поручить одно важное дело. За последнее время Берия проводит подозрительную работу среди своих людей, направленную против группы членов Президиума ЦК. Считая, что Берия стал опасным человеком для партии и государства, мы решили его арестовать и обезвредить всю систему НКВД. Арест Берии мы решили поручить лично вам.

Хрущёв добавил:

— Мы не сомневаемся, что вы сумеете это выполнить, тем более что Берия вам лично много сделал неприятностей! Как, у вас нет сомнений на этот счёт?

— Вопрос очень серьёзный, — снова заговорил Маленков. — Надо будет взять с собой надёжных людей, таких, например, как генералы Батицкий, Москаленко, и двух адъютантов, которых ты знаешь и которым доверяешь. Надо захватить с собой оружие.

Возможно, Жуков понимал, что напряжение, возникшее весной — летом в высших эшелонах власти страны, разрешится чем-то подобным. Но

не предполагал, что главную роль в устранении лидера одной из противоборствующих сторон придётся играть ему.

В Подмоскowie перемещались ближе к столице воинские части, танки, бронетехника. Приказы об их передислокации поступали как из Минобороны, так и из МГБ. Схватка могла быть очень серьёзной. Позже выяснилось, что Берия планировал переворот и аресты на 26 июня.

Элла Георгиевна Жукова вспоминала: «Однажды поздно вечером я услышала звук торопливых шагов отца, спускавшегося вниз по лестнице. Выйдя на балкон, увидела, как он садится в машину и уезжает. В этот момент в мою комнату вбежала взволнованная мама и, заломив руки, воскликнула: “Уехал! Взял пистолет и уехал, не сказал куда!”

На дачу отец вернулся только на следующий день, ближе к вечеру. Чувствовалось, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Он выглядел усталым и в то же время оживлённым. Усевшись за обеденным столом, мы молча ждали, что он скажет. Но никак не предполагали услышать: “Берия арестован” Это нас поразило. Его положение казалось незыблемым. Некоторые считали, что он может стать преемником. Берия был нашим соседом, дачи имели общий забор. Мне приходилось его видеть прогуливающимся в окружении охраны по дороге за пределами дачной территории, чаще с женой, реже с сыном и невесткой. Он здоровался с отцом, поблёскивая стёклами пенсне, казалось бы, вполне дружелюбно. Но ни для кого не было секретом, что их отношения отличаются крайней неприязнью, если не сказать больше. Отец считал Берия инициатором “дела о заговоре военных” и не мог простить ему жестоких расправ над своими друзьями и сослуживцами. И его арест он расценивал как вполне справедливую акцию... <...> отец уже на склоне лет не раз возвращался к этой истории, многим её рассказывал. Но тогда, по свежим следам, его изложение было более эмоциональным и живым. Отец волновался, вскакивал, показывал, как он оттолкнул от Берии лежавшую перед ним папку, думая, что там оружие, показывал, как папка пролетела через весь стол и упала на пол».

Элла Георгиевна сетовала на то, что «с приходом гласности картину ареста Берии стали живописать многие, кстати, далеко не всегда очевидцы».

В последнее время действительно появилось множество версий ареста Берии. И что операцией руководил генерал Москаленко, а Жуков при этом был лишь исполнителем, не посвящённым в тонкости операции. И что Берия был убит группой захвата на даче во время попытки его арестовать. И что Жуков предложил Маленкову, с которым у него были дружеские

отношения, арестовать заодно Хрущёва и Булганина.

После смерти маршала спецслужбы изъяли из квартиры и на даче некоторые рукописи. Теперь они хранятся в особом архиве. Архив этот носит обобщающее название «Квартира Сталина». Туда попали и записки об аресте Берии. Они несколько отличаются от того, что опубликовано в «Воспоминаниях и размышлениях» Жукова.

«Я ответил:

— Какие же могут быть сомнения? Поручение будет выполнено.

Хрущёв:

— Имейте в виду, что Берия ловкий и довольно сильный человек, к тому же он, видимо, вооружён.

— Конечно, я не спец по арестам, мне этим не довелось заниматься, но у меня не дрогнет рука. Скажите только: где и когда его надо арестовать?

— После двух звонков вам нужно войти в кабинет и арестовать Берию. Всё ли ясно?

Я сказал:

— Вполне.

Мы ушли в комнату, где должны ждать звонков. Пришёл Берия. Началось заседание. Идёт заседание час, другой, а условных звонков всё нет и нет.

Я уже начал беспокоиться: уж не арестовал ли Берия тех, кто хотел арестовать его?

В это время раздался условный звонок. Оставив двух вооружённых офицеров у наружной двери кабинета Маленкова, мы вошли в кабинет. Как было условлено, генералы взяли за пистолеты, а я быстро подошёл к Берии и громко ему сказал:

— Берия, встать! Вы арестованы!

Одновременно взяв его за руки, приподнял его со стула и обыскал все его карманы, оружия не оказалось. Его портфель был тут же отброшен на середину стола. Берия страшно побледнел и что-то начал лепетать. Два генерала взяли его за руки и вывели в заднюю комнату кабинета Маленкова, где был произведён тщательный обыск и изъятие неположенных вещей. В 11 часов ночи Берия был скрытно переведён из Кремля в военную тюрьму (гауптвахту), а через сутки переведён в помещение командного пункта МВО и поручен охране той же группе генералов, которая его арестовала.

В дальнейшем я не принимал участия ни в охране, ни в следствии, ни на судебном процессе. После суда Берия был расстрелян теми же, кто его охранял. При расстреле Берия держал себя очень плохо, как самый

последний трус, истерично плакал, становился на колени и, наконец, весь обмарался. Словом, гадко жил и более гадко умер».

Помощник военного коменданта Москвы полковник Гаврилов рассказывал Владимиру Карпову: «25 июня на гарнизонную гауптвахту неожиданно, без предварительного телефонного звонка, приехал маршал Жуков. Он обошёл помещение гауптвахты. Приказал мне открыть все камеры и выйти арестованным в коридор. Когда наказанные вышли, маршал громко объявил: “Вам амнистия!” Громкое “Ура”, наверное, впервые в истории прогремело на гауптвахте.

Маршал мне приказал: “Всех отправить в свои части” Я недоумевал: что происходит? Освободив помещение от людей, Жуков в моём сопровождении обошёл и осмотрел все камеры. В одной задержался, оглядел её и, увидев под потолком выступающую трубу парового отопления, сказал как бы про себя: “Не подойдёт, может повеситься...” Перешли в другую камеру. Осмотрел её внимательно. Потрогал решётку. “Эту за ночь побелить и прибрать. На гауптвахту арестованных не принимать. Чтоб вся была свободна. Вам никуда не отлучаться до особого разрешения”.

И уехал, оставив меня в полном недоумении. А на следующий день поздно вечером примчались несколько машин. Из первой вышел генерал Москаленко и ещё несколько генералов. Между ними стоял ссутулившийся человек в гражданской одежде. Его провели в ту камеру, которую приказал подготовить Жуков.

Я гадал: кто же этот важный арестованный? Сначала не узнал его, может быть, потому, что на глазах не было обычного пенсне.

Москаленко мне сказал: “Вы свободны, охранять внутри мы будем сами. Наружную охрану обеспечите вы. Скоро подъедет и наша дополнительная охрана”.

Тут я понял — это же Берию привезли! На следующий день Берию перевели в бомбоубежище штаба Московского округа, где в течение дня и ночи оборудовали для его содержания специальную камеру и запоры в ней».

Из «Воспоминаний и размышлений» Жукова: «Я уже не вернулся в Свердловск и немедленно приступил к исполнению своих обязанностей. Перед вступлением в должность у меня состоялся большой разговор с Булганиным. Он начал с того, что в прошлом у нас не всё было гладко, но в этом он лично якобы не был виноват. На прошлом надо поставить крест и начать работать на хороших дружеских началах, этого требуют интересы обороны страны и что якобы он первый предложил мою кандидатуру. Я

сказал Булганину: “Вы, Николай Александрович, сделали много неприятностей для меня, подставляя под удары Сталина, но я в интересах дела хочу всё это предать забвению, и если вы хотите искренне, дружно работать, давайте забудем о прошлых неприятностях...”».

Оказавшись в Москве, Жуков принялся хлопотать о своих боевых товарищах, которые томились в лагерях. Вскоре в Москву вернулись генерал Крюков и его жена певица Лидия Русланова. Он снял для них номер в гостинице «Москва», где они жили до получения квартиры.

Когда дела Крюкова и Руслановой решились положительно, Жуков начал настаивать перед Хрущёвым и Булганиным о пересмотре дел других генералов и офицеров, арестованных МГБ в 1947 и 1948 годах. Главному военному прокурору генералу Е. И. Ворскому сделал запрос:

«Почему не говорят правду о Кулике? Я прошу Вас срочно подготовить и дать ответ его жене. Мне кажется, что Кулик осуждён невинно.

17.5.55 г.

Жуков».

Возможности Жукова были ограничены тем, что любое действие, каждое обращение в официальные органы он, замминистра, должен был согласовывать с маршалом и министром обороны СССР Булганиным. Булганин же, в своё время приложивший руку и усилия к раскручиванию кровавого колеса репрессий, всячески гасил пыл своего заместителя. И тем не менее вскоре появился документ, подготовленный Жуковым и подписанный Булганиным, который за три года до XX съезда фактически начинал реабилитацию невинно осуждённых.

«Совершенно секретно

В ПРЕЗИДИУМ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.

Произведённой тщательной проверкой дел на арестованных генералов и адмиралов Советской Армии и Флота и осуждённых в период с 1941 по 1952 год установлено, что многие из них были арестованы и осуждены необоснованно.

Аресты их производились органами МГБ по непроверенным и необоснованным материалам, а расследование предъявленных им обвинений в антисоветской и иной вражеской деятельности проводилось необъективно, при этом многолетние положительные аттестации по службе в расчёт не принимались.

Несмотря на то, что арестованные находились под следствием до 10 и

более лет, фактов, оправдывающих или смягчающих их вину, не собиралось.

К отдельным арестованным применялись незаконные методы следствия с целью понудить их признать вину в “преступлении” или добиться от них клеветнических показаний на других лиц.

Так, например, по указанию АБАКУМОВА при отсутствии каких-либо компрометирующих и других материалов, без санкции прокурора 10 апреля 1948 года был арестован крупный учёный, Лауреат Сталинской премии, доктор технических наук, профессор, начальник кафедры военно-морской академии кораблестроения и вооружения, вице-адмирал ГОНЧАРОВ Леонид Георгиевич, 1885 года рождения.

После ареста АБАКУМОВ дал указание быв. сотруднику МГБ КОМАРОВУ добиться от арестованного ГОНЧАРОВА признаний в шпионаже в пользу английской разведки.

Несмотря на применение физического воздействия, ГОНЧАРОВ признательных показаний не дал и на 17 день после ареста умер. В постановлении о прекращении дела от 29.V. 1948 года указано, что ГОНЧАРОВ якобы умер от приступа грудной жабы, тогда как из материалов дела видно, что смерть его наступила в результате избиений.

При проверке также выявлено, что из общего числа арестованных в течение 1941–1942 гг. умерли до суда 12 генералов и адмиралов, большинство из которых было арестовано и содержалось много лет под следствием необоснованно.

Установлено также, что при судебном рассмотрении дел на генералов и адмиралов Военная Коллегия в ряде случаев подходила к установлению их виновности в предъявленном обвинении без учёта прошлой положительной их службы в Советской Армии, вынося обвинительные приговоры за разговоры, которые по существу не носили антисоветского характера, или за проступки по службе, которые не должны были повлечь уголовной ответственности.

Всего в период с 1941 по 1952 год было арестовано генералов и адмиралов 101 чел. Из них: осуждено Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР — 76 генералов и адмиралов и 5 человек — Особым Совещанием при быв. МГБ СССР, 8 генералов были освобождены из-под стражи за отсутствием состава преступления и 12 генералов умерли, находясь под следствием.

В связи с изложенным вносим следующие предложения:

1. Обязать Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР пересмотреть дела на осуждённых генералов и адмиралов, имея в виду:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов и адмиралов: РОМАНОВА Ф. Н., ЦИРУЛЬНИКОВА П. Г., ЧИЧКАНОВА А. С., ГАЛИЧА Н. И., ГЕЛВИХА П. А., МОШЕНИНА С. А., ЛЯСКИНА Г. О., ГОЛУТШКЕВИЧА В. С., ЖУКОВА И. И., ТИМОШКОВА С. П., САМОХИНА А. Г., МИНЮКА Л. Ф., ТУРЖАНСКОГО А... А., ВАСИЛЬЕВА А. Ф.,

ЖАРОВА Ф. И., ИЛЬИНЫХ П. Ф., ЭЛЬСНИЦА А. Г., ТОКАРЕВА С. Ф., МРОЧКОВСКОГО С. И., БУРИЧЕНКОВА Г. А., ПОПОВА Д. Ф., ШИРМАХЕРА А. Г., БЫЧКОВСКОГО А. Ф., УХОВА В. П., ТЕЛЕГИНА К. Ф., ВОРОЖЕЙКИНА Г. А., ТЕРЕНТЬЕВА В. Г., ФИЛАТОВА А. А., КУЗЬМИНА Ф. К., ИВАНОВА И. И., КРЮКОВА В. В., ВЛАСОВА В. Е., ПЕТРОВА Е. С., БЕЖАНОВА Г. А., ЛАПУШКИНА Я. Я., ВЕЙСА А. А., КЛЕПОВА С. А.;

б) снизить наказание до фактически отбытого ими срока и освободить из-под стражи осуждённых бывших генералов: КАЛИНИНА С. А., ГЕРАСИМОВА И. М., РОТБЕРГА Т. Ю.

2. Обязать МВД СССР:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов: ЖУКОВА Г. В., ГУСЬКОВА Н. Ф., ДАШИЧЕВА И. Ф., ВАРЕННИКОВА И. С., СИДНЕВА А. М., ИЛЬИНА В. Н., ГЛАЗКОВА А. А., МЕЛИКОВА В. А., ПОТАТУРЧЕВА А. Г., ГОНЧАРОВА Л. Г., НАУМОВА И. А., ПАУКА И. Х., ТАМРУЧИ В. С., СОКОЛОВА Г. И.;

б) прекратить дела и освободить из-под стражи членов семей осуждённых генералов, подлежащих полной реабилитации.

3. Обязать Министерство обороны СССР обеспечить назначение положенных пенсий семьям полностью реабилитированных генералов и адмиралов, умерших в заключении: ГЛАЗКОВА А. А., МЕЛИКОВА В. А., ПОТАТУРЧЕВА А. Г., ГОНЧАРОВА Л. Г., НАУМОВА И. А., ПАУКА И. Х., ТАМРУЧИ В. С., СОКОЛОВА Г. И., ШИРМАХЕРА А. Г.

Н. БУЛГАНИН

Р. РУДЕНКО

А. ЧЕПЦОВ

11 июля 1953 г.».

Ещё до начала массовой реабилитации незаконно осуждённых Жуков помог выйти из-за колючей проволоки, выбраться из шахт и с лесоповалов многим своим сослуживцам, в том числе маршалу Ворожейкину, генералам Телегину, Терентьеву, Минюку и многим другим. Впоследствии, став министром обороны, Жуков по сути дела реабилитировал бывших

военнослужащих, во время войны попавших в плен, но не уронивших чести сотрудничеством с врагом. Это были люди, претерпевшие самые жестокие муки в нацистских лагерях, зачастую прямо оттуда этапированные в лагеря советские. Для генерала и своего земляка Михаила Потапова, только что освобождённого из концлагеря Моозбур, он сделал всё, чтобы ему вернули звание и награды. В 1954 году не без участия главкома Сухопутных войск Потапов вновь вступил в должность командующего 5-й армией.

К сожалению, вскоре последовавшая отставка не позволила Жукову завершить начатый процесс полной реабилитации бывших военнопленных. До 1990-х годов узники немецких концлагерей будут носить поставленное Мехлисом клеймо предателей.

Хрущёв, ловко перехвативший бразды власти, на первых порах нуждался в такой сильной личности, как Жуков, и потому всячески укреплял позиции и авторитет маршала. Пока не почувствовал опасность.

Глава сорок пятая

Рядом с Хрущёвым

«Откровенно говоря, мы боимся Жукова...»

Был в биографии Жукова эпизод, который теперь не могут простить ему многие. Тоцкий полигон.

С 9 по 14 сентября 1954 года в пустынной местности под Оренбургом проводились войсковые учения «в условиях, максимально приближенных к боевым».

Четырнадцатого сентября в 9.30 в полосе действия войск на высоте 350 метров была взорвана атомная бомба мощностью 20 килотонн, сброшенная с самолёта. Войска и командный состав во время вспышки находились в простейших укрытиях на расстоянии от 5 до 11 километров от эпицентра. Жуков в момент взрыва находился там же, на командном пункте, максимально — 11 километров — удалённом от взрыва.

Из «Воспоминаний и размышлений»: «Когда я увидел атомный взрыв, осмотрел местность и технику после взрыва, посмотрел несколько раз киноленту, запечатлевшую до мельчайших подробностей всё, что произошло в результате взрыва атомной бомбы, я пришёл к убеждению, что войну с применением атомного оружия ни при каких обстоятельствах вести не следует... Но мне было ясно и другое: навязанная нам гонка вооружений требовала от нас принять все меры к тому, чтобы срочно ликвидировать отставание наших Вооружённых сил в оснащении ядерным оружием. В условиях постоянного атомного шантажа наша страна не могла чувствовать себя в безопасности».

До сих пор не опубликованы результаты медицинских исследований тех десятков тысяч военнослужащих, подвергшихся воздействию радиации во время тоцких учений в сентябре 1954 года.

Но несостоятельны и упрёки, которые критики Жукова постоянно выбрасывают из рукава во время споров вокруг маршала. Подобные учения с участием живой силы проводились и в США. Буквально год спустя на ядерном полигоне в Неваде американцы взорвали бомбу в подобных же обстоятельствах и с той же целью, что и мы: «Ознакомить войска с возможностями нового оружия и ведением боевых действий в условиях ядерной войны».

В феврале 1955 года Жуков был назначен на пост министра обороны

СССР.

Адмирал флота Н. Г. Кузнецов, у которого не сложились отношения с Жуковым, вспоминал о нём с явной антипатией: «Вся накопившаяся к Сталину неприязнь, как распрямившаяся пружина, чувствовалась в эти дни во всём поведении Жукова. Он как бы стремился наверстать потерянное время и славу».

При всей субъективности адмирала во многом он всё же прав. Довольно часто мемуаристы отмечают эту, можно сказать, характерную черту маршала — грубость. Война давно закончилась, ушло время, когда победы и результаты достигались «во что бы то ни стало». А он всё воевал.

Конечно, и в своё время Сталину, и потом Хрущёву хотелось иметь под рукой в войсках такую универсальную заводную машину, способную решать задачи любой сложности при минимальных потерях и затратах, выполнять самые дерзкие приказы, ошеломляя противника и изумляя союзников и весь мир, но при этом — и иметь возможность выключить эту машину в любой момент, когда необходимость в ней отпадёт.

Жуков решал, ошеломлял и изумлял, но отключить его было невозможно. Даже Сталин поступить с ним так же, как поступил с маршалом Новиковым и многими генералами, не осмелился. Обвинял в бонапартизме, понижал в должностях, ссылал, изымал трофеи, позорил, унижал требованием объяснений по поводу показаний его адъютантов, зачастую абсурдных, но в руки следователей МГБ так и не отдал.

Хрущёву Жуков был нужен для того, чтобы утвердиться на высшей ступени иерархической пирамиды власти Советского государства. Но Никита Сергеевич не учёл главного: личность такого масштаба, как Жуков, обладающая огромной волей и твёрдым характером, не могла играть роль слуги. Любопытное наблюдение оставил в своих мемуарах член американской делегации на советско-американских переговорах в Женеве в июле 1955 года Чарлз Болен: «Советы захватили с собой старого солдата Жукова, очевидно, в качестве дружеского жеста по отношению к Эйзенхауэру. Жуков был большевик, неуклонно следующий партийной линии, но в первую очередь он был русским патриотом. Он верил в независимость армии, и одной из причин его конечного падения стала попытка упразднить систему политических комиссаров. Свойственная ему чистота помыслов резко контрастировала с неискренностью других большевистских вождей. Он проявлял толерантность и даже уважение по отношению к Соединённым Штатам, и я не сомневался, что его привязанность к генералу Эйзенхауэру искренняя, а не вызванная преходящими обстоятельствами».

К тому времени Эйзенхауэр стал президентом США ^[195]. В один из дней женевских переговоров он устроил в честь своего боевого товарища обед. Встреча состоялась на тихой вилле в живописном месте в окрестностях Женевы.

Два солдата вспоминали последние дни великой войны. Постепенно разговор перешёл на темы, которые беспокоили правительства и народы великих держав СССР и США.

В конце встречи Эйзенхауэр спросил Жукова, как он собирается провести свой ближайший отпуск. Маршал ответил, что поедет на юго-запад России на рыбалку. Эйзенхауэр обрадовался. Оказалось, что он тоже любит рыбачить. И они принялись обсуждать различные насадки и снасти, способы подсечки и выуживания рыбы. Эйзенхауэр расхваливал новые американские спиннинги и пообещал первой же оказией прислать Жукову в подарок спиннинг.

Через месяц в американское посольство в Москве по дипломатической почте пришла посылка — великолепный спиннинг и письмо Эйзенхауэра Жукову.

Но политика, диктуемая ролью и положением двух великих ядерных держав, всё дальше разводила их. Больше они никогда не встретятся. Великая война, которая свела их, уходила в прошлое. Угроза новой всё явственнее проступала в пелене современного мира.

Подарком своего старого боевого товарища маршал гордился. Спиннинг действительно оказался выше всяких похвал. Он выбран был человеком, знающим толк в серьёзной рыбалке.

Эйзенхауэр в мемуарах вспоминал о своей последней встрече с русским маршалом с нотками грусти и разочарования: «Как только мы затронули серьёзные вопросы, стало совершенно очевидно, что Жуков не тот, каким был в 45-м году. Во время наших встреч тогда он был независимым, уверенным в себе человеком, который, несомненно, принимал коммунистическую доктрину, но всегда был готов с радостью встретиться, чтобы обсудить любую текущую проблему и вместе искать её разумное решение. Он делал это по своей собственной инициативе и однажды даже резко поставил на место своего политического советника Андрея Вышинского, приказав ему покинуть комнату, чтобы мы могли конфиденциально побеседовать вдвоём. По многим признакам было очевидно тогда, что Жуков был как раз тем, кем он хотел казаться, — в высшей степени важным человеком в советском правительстве, возможно, вторым после самого Сталина. Во время моего визита в Москву в 45-м такая оценка его положения и влияния многократно подтверждалась.

Теперь в Женеве, десять лет спустя, он выглядел встревоженным и явно подчинённым по своему положению. Он монотонно повторял мне аргументы главы советской делегации... Он был безжизненным, не шутил и не улыбался, как раньше. Мой старый друг выполнял приказ начальства. От этого личного разговора у меня не осталось ничего, кроме чувства горечи».

После опалы и ссылок Жуков старался быть осторожным. Он знал, что стенограмму его беседы с президентом США будут читать в Кремле в несколько рук и через лупу...

Положение Жукова в иерархии страны было как никогда высоким: министр обороны, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС. Фактически же его уже не воспринимали вторым человеком в руководстве страны, как это было в 1945-м.

В те дни ему приснился сон, который оказался вещим. Жуков пересказал его в письме Галине Александровне: «Сегодня ночью видел угнетающий сон, в который, к сожалению, я верю, как в предзнаменование чего-то неприятного. А эта вера основана на горьком опыте, о чём я тебе в прошлом рассказывал... Я стоял и любовался закатом на берегу моря, всматривался в знакомые предметы на побережье Гагры. Закатилось яркое солнце, и я увидел плавающих рыбок. Двух из них я поймал, а одна как-то плавала в некотором удалении. Поймав её, я бросил её в лодку к остальным рыбкам, но что я вижу? Хвост у неё рыбий, а голова змеи. Через пару минут, пока я размышлял, она выползла из лодки и бросилась мне на грудь. Извиваясь, эта гадюка вытягивала свою голову, а жало вилоось около моей шеи. Все мои попытки схватить её оканчивались неудачами. Проснувшись, я хорошо запомнил её зелёные глаза, золотисто-коричневую кожу... Вопрос: кто эта гадюка? Что значат её попытки укусить меня?

Я не верю в сны, но когда вижу гадюку, я верю в то, что мне делают какую-то гадость. Ну, хватит, поживём — увидим. Мне не привыкать сталкиваться с гадостями гадких людишек».

Вскоре в результате кремлёвских интриг созрел заговор против Хрущёва, и в его предотвращении Жукову предстояло сыграть едва ли не главную роль.

Жуков был занят ведомственными делами. Выработка новой военной доктрины. Перевооружение. Укрепление дисциплины в войсках и усиление командной вертикали. Попытка осадить начальника Главного политуправления генерала Желтова, который всячески протаскивал идею тотального контроля политорганов «служебной деятельности командиров» и ослаблял важнейший принцип армии — единоначалие. Борьба с

пьянством в гарнизонах и военных городках. 29 октября 1955 года на Черноморском флоте произошла трагедия: в Северной бухте Севастополя затонул флагман черноморской эскадры линкор «Новороссийск»^[196]. Погибло более шестисот моряков. В июне 1956 года вспыхнули волнения в польском городе Познани. Поляки, стеснённые несвободами, потребовали от властей социализма «с человеческим лицом». Маршал Рокоссовский, занимавший пост министра национальной обороны и заместителя председателя Совета министров ПНР, предложил двинуть на Познань танковый корпус. Но после некоторых перестановок в руководстве страны конфликт удалось погасить. Однако Рокоссовскому пришлось вернуться в Советский Союз. В Польше его, мягко говоря, недолюбливали, считая русским, «оккупантом», «наследником Сталина». В ноябре 1956 года Рокоссовский был назначен на пост заместителя министра обороны СССР. И в те же ноябрьские дни Жуков, руководивший операцией по усмирению венгерского восстания, докладывал в ЦК:

«4 ноября 1956 г.
ОСОБАЯ ПАПКА

Совершенно секретно

В 6 часов 15 мин. 4 ноября с. г. советские войска приступили к проведению операции по наведению порядка и восстановлению народно-демократической власти в Венгрии.

Действуя по заранее намеченному плану, наши части овладели основными опорными пунктами реакции в провинции, какими являлись Дьер, Мишкольц, Дьендьеш, Дебрецен, а также другими областными центрами Венгрии.

В ходе операции советскими войсками заняты важнейшие узлы связи, в том числе мощная широкоэвещательная радиостанция в Сольнок, склады боеприпасов и оружия и другие важные военные объекты.

Советские войска, действующие в г. Будапешт, сломив сопротивление мятежников, заняли здания Парламента, ЦК ВПТ, а также радиостанцию в районе парламента. Захвачены три моста через р. Дунай, связывающие восточную и западную части города и арсенал с оружием и боеприпасами.

Весь состав контрреволюционного правительства Имре Надя скрылся. Ведутся розыски.

В г. Будапешт остался один крупный очаг сопротивления мятежников в районе кинотеатра “Корвин” (юго-восточная часть города). Мятежникам, обороняющим этот опорный пункт, был предъявлен ультиматум о капитуляции. В связи с отказом мятежников сдаться, войска начали штурм.

Основные гарнизоны венгерских войск блокированы. Многие из них сложили оружие без серьёзного сопротивления. Нашим войскам дано указание возвратиться к командованию венгерских офицеров, снятых мятежниками, а офицеров, назначенных взамен снятых, арестовывать.

С целью недопущения проникновения в Венгрию вражеской агентуры и бегства главарей мятежников из Венгрии нашими войсками заняты венгерские аэродромы и прочно перекрыты все дороги на австро-венгерской границе.

Войска, продолжая выполнять поставленные задачи, очищают от мятежников территорию Венгрии».

По поводу венгерского восстания существуют две диаметрально противоположные версии: одна — что войска маршала Конева задушили свободу и демократию венгерского народа; другая — танки и десантные части маршала Конева предотвратили в Венгрии гражданскую войну и остановили начавшуюся резню «врагов демократии».

Коневу понадобились одна неделя и 200 тысяч войск, чтобы силой прекратить беспорядки.

Первого декабря 1956 года Жуков отметил своё шестидесятилетие. Указом Президиума Верховного Совета маршал в четвёртый раз был удостоен звания Героя Советского Союза. Такого количества золотых звёзд в то время в стране не имел никто. Только он.

Через две с половиной недели Жуков подал в Президиум ЦК служебную записку с требованием освободить от занимаемых должностей председателя Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенанта юстиции А. А. Чепцова и главного военного прокурора и заместителя генпрокурора СССР генерал-майора юстиции Е. И. Барского — «за фальсификацию дел и приговоров в 1946–1951 годах, в том числе авиационного дела на Главного маршала авиации А. А. Новикова, наркома авиационной промышленности А. Н. Шахурин и других, а также за фальсификацию дел на генералов В. Г. Терентьева, И. С. Варенникова, Л. Ф. Минюка, В. В. Крюкова, А. А. Филатова».

Записке был дан ход. Генералов от должностей освободили.

Весной 1957 года Жуков подготовил в ЦК предложения о создании комиссии по пересмотру дел «контрреволюционеров» из числа военных, отбывших сроки в лагерях, расстрелянных по приговору суда и умерших в местах лишения свободы. Но новые инициативы министра обороны поддержки в Президиуме ЦК не получили. Это был своего рода щелчок по носу. Мол, хватит, партия знает, что делать и когда, — всяк сверчок знай

свой шесток...

Девятнадцатого июня 1957 года в верхах разразился кризис. Президиум ЦК принял решение о смещении Хрущёва с поста первого секретаря. Однако Никита Сергеевич оказался крепким орешком, так что в итоге заговорщики сломали на нём зубы. Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, Булганин, Первухин и ещё несколько высокопоставленных партийцев образовали своего рода ГКЧП. Вскоре их назвали «антипартийной группой», низвергли с высоких должностей и отправили кого на пенсию, кого на хозяйственную работу. Но в начале схватки судьба Хрущёва повисла на волоске.

В начале 1960-х годов Жуков продиктовал воспоминания, которые впоследствии были опубликованы. В «Воспоминания и размышления» вошла лишь малая толика этих страниц, да и то в значительно отредактированном виде.

«После расстрела Берия, — рассказывал маршал, — некоторое время Президиум ЦК работал дружно, а затем постепенно начались серьёзные размолвки, споры, доходившие до личных оскорблений. Особенно между Хрущёвым, Кагановичем и Молотовым. Надо сказать, что между Кагановичем и Хрущёвым шли старые счёты и давали себя знать старые неприязненные взаимоотношения, возникшие ещё по совместной работе в Московском Комитете партии и на Украине, где Каганович был партийным руководителем, а Хрущёв им руководимым. Каганович считал себя более грамотным марксистом-ленинцем, а Хрущёв не признавал за ним этого качества и считал Кагановича неисправимым догматистом-сталинцем.

Готовился XX-й съезд партии. Хрущёв поставил вопрос о необходимости выступить на съезде по вопросу о культе личности Сталина. Против постановления вопроса о культе личности Сталина выступили Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков. Остальные, и прежде всего молодые члены Президиума, поддержали Хрущёва.

Особенно ожесточённо спорили и были яркими противниками постановления вопроса о культе Сталина — Молотов, Каганович, Ворошилов, те, кто вместе со Сталиным без разбора уничтожали партийных, советских, военных работников в мрачные 1937—38 годы.

Они были против потому, что боялись того, что вместе со Сталиным будут разоблачены и их имена и чего другого, съезд может потребовать привлечения их к суровой ответственности.

После XX-го съезда партии и освобождения Маленкова от должности Председателя Совета Министров взаимоотношения в Президиуме ещё больше обострились.

Маленков отошёл от Хрущёва и стал ближе к Кагановичу и Молотову. Здесь сказалась, конечно, личная обида Маленкова, а не какая-либо принципиальная точка зрения.

Булганин был назначен вместо Маленкова Председателем Совета Министров, а я министром обороны.

Я не помню ни одного заседания Президиума ЦК, на котором не было бы схватки и ругани между Хрущёвым и Кагановичем, между Хрущёвым и Молотовым.

Нам, молодым членам Президиума, казалось странным такое недружелюбное взаимоотношение между старыми членами Президиума, часть которых долгое время работала вместе со Сталиным и даже с Лениным.

Такое нелояльное их отношение друг к другу не могло не сказаться на деле. Шли беспринципные споры, а вопросы, вокруг которых шли эти споры, оставались нерешёнными.

Мы пытались было посоветовать им прекратить ругань, но где там, разве наш голос был для них авторитетным?

Лично я считал линию Хрущёва более правильной, чем линию Кагановича и Молотова, которые цепко держались за старые догмы и не хотели перестраиваться в духе веления времени.

Мне казалось, что Хрущёв всё время думает и ищет более прогрессивные методы, способы и формы в деле строительства социализма, в области развития экономики и всей жизни страны.

Хрущёва я хорошо узнал на Украине в 1940 году, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Я его считал хорошим человеком, постоянно доброжелательным и, безусловно, оптимистом.

Сталин хорошо относился к Хрущёву, но я видел, что он иногда был несправедлив к нему, отдавая во всём пальму первенства Молотову, Берия, Маленкову и Кагановичу.

Учитывая всё это, я твёрдо поддерживал Хрущёва в спорах между ним, Кагановичем и Молотовым.

В 1955 году Хрущёв был в отъезде. В Президиуме ЦК кем-то, не то Фурцевой, не то Кириченко, был поднят вопрос о награждении Хрущёва второй медалью Героя Социалистического Труда за крупные достижения в сельском хозяйстве. Разгорелись серьёзные споры. Тут я окончательно понял, какая глубокая и непреодолимая пропасть существует между Молотовым, Кагановичем и Хрущёвым.

Молотов и Каганович считали, что достижений у нас в области сельского хозяйства пока особых нет, а личных заслуг Хрущёва в этом деле

тем более нет.

К ним присоединился Маленков. Все они считали, что Хрущёв проводит неправильную линию в области сельского хозяйства, игнорирует Президиум ЦК и без согласования выдвигает на зональных совещаниях по сельскому хозяйству пока что неосуществимый лозунг “догнать и перегнать Америку в 2–3 года”.

Молотов сказал, что это авантюра, надо Хрущёва призвать к порядку.

Однако большинство решило наградить Хрущёва 2-й золотой медалью Героя Социалистического Труда.

Будучи в Горьком, Хрущёв выступил с заявлением о целесообразности сдачи в государство облигаций всех займов, общей суммой 260 миллиардов рублей (в старых деньгах).

Хрущёву вновь поставили в вину, что он выступил с таким важным заявлением, предварительно не посоветовавшись с Президиумом ЦК.

По возвращении Хрущёва в Москву состоялся вновь неприятный разговор.

Тогда же было принято решение не сдавать облигации, а отсрочить на 25 лет выплату по ним. Учитывая необходимость децентрализации управления промышленностью и представления Союзным Республикам больше прав, Хрущёв внёс предложение на Президиуме ЦК о ликвидации многих промышленных министерств.

Это предложение Каганович отверг, как преждевременное и плохо продуманное.

Молотов поддержал Кагановича и сказал, что в Москве для общего руководства всё же придётся что-то иметь, возможно, вместо министерств — отраслевые комитеты.

В последующем большинство членов Президиума ЦК поддержало идею Хрущёва.

Булганин вначале безропотно и во всех начинаниях поддерживал Хрущёва, но постепенно он стал всё больше и больше склоняться на сторону Молотова и Кагановича.

Плохо зная народное хозяйство страны, особенно сельское хозяйство, Булганин ни одного раза по линии Совета Министров не поставил какого-либо вопроса на Президиуме ЦК.

Булганин, понимая, что он плохо выполняет роль Председателя Совета Министров, что везде и во всём его опережает Хрущёв, он видимо внутренне вполне созрел для присоединения к антихрущёвской группировке и как только пронюхал, что против Хрущёва сколотилась группировка большинства членов Президиума ЦК, он немедленно

присоединился к ней.

Весной 1957 года сын Хрущёва Сергей женился. По этому случаю на даче Хрущёва была устроена свадьба. На свадьбе, как полагается, крепко выпили, а выпив, произносили речи.

С речью выступил Хрущёв. Говорил он, как всегда, хорошо. Рассказал о своей родословной биографии. Тепло вспомнил свою маму, которая, по его словам, очень любила много говорить, а затем как-то вскользь уколол Булганина. В другое время Булганин промолчал бы, а тут он неузнаваемо вскипел и попросил Хрущёва подбирать выражения.

Мы все поняли, что Булганин тоже озлоблен против Хрущёва. Догадки подтвердились. Как только кончился обед, Молотов, Маленков, Каганович, Булганин демонстративно покинули свадьбу и уехали к Маленкову на дачу. Хрущёв понял, что отныне Булганин переметнулся в стан его противников, и он был явно озабочен усилением группы его противников.

После того как с дачи Хрущёва демонстративно ушли Булганин, Маленков, Молотов и Каганович, ко мне подошёл Кириченко и завёл такой разговор: “Георгий Константинович! Ты понимаешь, куда дело клонится, а? Эта компания неслучайно демонстративно ушла со свадьбы. Я думаю, что нам нужно держать ухо востро, а в случае чего надо ко всему быть готовым. Мы на тебя надеемся. Ты в армии пользуешься громадным авторитетом, одно твоё слово и армия сделает всё, что нужно”.

Я видел, что Кириченко пьян, но сразу же насторожился: “О чём ты, Алексей Илларионович, болтаешь? Я тебя не понимаю. Куда ты клонишь свою речь? Почему ты заговорил о моём авторитете в армии и о том, что стоит только мне сказать своё слово, и она сделает всё, что нужно”.

Кириченко: “А ты что не видишь, как злобно они сегодня разговаривали с Хрущёвым. Булганин, Молотов, Каганович и Маленков решительные и озлобленные люди. Я думаю, что дело может дойти до серьёзного”.

Мне показалось, что Кириченко завёл такой разговор не случайно, не от своего ума. И это предположение тут же подтвердилось следующими его словами: “В случае чего — мы не дадим в обиду Никиту Сергеевича”.

О Кириченко А. И. у меня всегда было плохое мнение. Я считал его “одесситом” в худшем смысле этого слова. Вот один из штрихов, характеризующих его далеко не принципиальным коммунистом:

В 1946 году я прибыл в Одессу командовать войсками округа, где Кириченко был первым секретарём Обкома ВКП(б).

Прошло пару недель, мне позвонил в штаб Одесского округа Кириченко: “Слушай, Георгий Константинович, у меня лично плохо

обстоит дело с легковой машиной, а в округе имеется много хороших трофейных машин. Я прошу, дай, пожалуйста, мне одну-две машины”.

Я ответил, что машина в округе есть, но передачу надо оформить документально через ОФИ Министерства обороны.

“Ты давай машины, — сказал Кириченко, — а насчёт документов не беспокойся, у нас в Одессе любые документы сделают и не только на машину, а если нужно и на звёзды Героя” Откровенно говоря, меня поразила подобная психология Кириченко, который стоял во главе партийной организации области. Ну, конечно, машину я ему не дал, хотя он неоднократно об этом мне напоминал.

С точки зрения общей культуры Кириченко был примитивным. Я поражался и недоумевал, чем он мог заслужить у Хрущёва столь дружеское к себе отношение.

После ухода Хрущёва с Украины в Москву он и рекомендовал его первым секретарём ЦК Украины, а после смерти Сталина Кириченко был переведён в ЦК КПСС секретарём ЦК, а вскоре он стал членом Президиума ЦК, где и показал себя с самой худшей стороны.

В тот день, когда группа Маленкова — Молотова решила поставить на Президиуме ЦК вопрос о снятии Хрущёва с поста 1-го секретаря ЦК, утром мне позвонил Маленков и просил заехать к нему по неотложному делу.

Считая, что Маленков выполняет какую-то работу по заданию Президиума, я немедленно поехал к Маленкову. Маленков встретил меня очень любезно и сказал, что давно собирался поговорить со мной по душам о Хрущёве.

Он коротко изложил своё мнение о якобы неправильной практике руководства со стороны первого секретаря ЦК Хрущёва, указав при этом, что Хрущёв перестал считаться с Президиумом ЦК, выступает на местах без предварительного рассмотрения вопросов на Президиуме. Хрущёв стал крайне груб в обращении со старейшими членами Президиума, в частности с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Булганиным и другими.

В заключение он спросил, как лично я расцениваю создавшееся положение в Президиуме ЦК. Я спросил Маленкова: “Маленков, вы от своего имени со мной говорите или вам кем-то поручено со мной переговорить?” Маленков сказал: “Я говорю с тобой, как со старым членом партии, которого я ценю и уважаю. Твоё мнение для меня очень ценно”.

Я понял, что за спиной Маленкова действуют более опытные и сильные личности, Маленков явно фальшивит и не раскрывает настоящей цели разговора со мной.

Я сказал Маленкову: “Поскольку у вас возникли претензии к Хрущёву, я советую вам пойти к Хрущёву и переговорить с ним по-товарищески. Я уверен — он вас поймёт”.

Маленков: “Ты ошибаешься. Не таков Хрущёв, чтобы признать свои действия неправильными и, тем более, исправить их”.

Я ему ответил, что думаю, что вопрос постепенно утрясётся. На этом мы и распрощались.

Через несколько часов меня срочно вызвали на заседание Президиума ЦК.

В коридоре Президиума я встретил А. И. Микояна и Е. А. Фурцеву. Они были в возбуждённом состоянии. Микоян сказал: “В Президиуме образовалась группа недовольных Хрущёвым, и она потребовала сегодня же рассмотреть вопрос о Хрущёве на Президиуме. В эту группу входят Молотов, Каганович, Ворошилов, Булганин, Маленков и Первухин”.

Я ему сказал о состоявшемся 2 часа тому назад разговоре с Маленковым.

Микоян сказал, что они час тому назад и с ним разговаривали.

Хрущёв в этот день с утра был занят приёмом венгерских товарищей и только что освободился. Но он уже знал, что большая группа членов Президиума потребовала немедленного созыва Президиума ЦК.

Когда началось заседание Президиума ЦК, Хрущёв спросил: “О чём будем говорить?”

Слово взял Маленков: “Я выступаю по поручению группы товарищей членов Президиума. Мы хотим обсудить вопрос о Хрущёве, но поскольку речь будет идти лично о Хрущёве, я предлагаю, чтобы на этом заседании Президиума председательствовал не Хрущёв, а Булганин”.

Молотов, Каганович, Булганин, Ворошилов, Первухин громко заявили: “Правильно!” Так как группа оказалась в большинстве, Хрущёв молча освободил место председателя, и на его место сел Булганин.

Булганин: “Слово имеет Маленков”.

Маленков подробно изложил все претензии к Хрущёву и внёс предложение освободить Хрущёва от обязанностей первого секретаря ЦК.

После Маленкова слово взял Каганович.

Речь его была явно злобная. Он сказал: “Ну какой это первый секретарь ЦК? В прошлом он троцкист, боролся против Ленина. Политически он мало грамотен, запутал дело сельского хозяйства и не знает дело промышленности, вносит путаницу в его организацию”.

Обвинив Хрущёва в тщеславии, Каганович предложил принять предложение Маленкова об освобождении Хрущёва от обязанностей

первого секретаря и назначить его на другую работу.

Молотов присоединился к тому, что было сказано Маленковым и Кагановичем, и внёс предложение, чтобы вообще у нас в ЦК не было первых секретарей, чтобы вместо первых секретарей были секретари по общим вопросам для того, чтобы не возрождать нового культа личности. К этим всем предложениям присоединился Булганин, Ворошилов, Первухин и Шепилов.

Дело приняло серьёзный оборот. Группа Молотова — Маленкова была в большинстве, и она могла сегодня же освободить Хрущёва от обязанностей первого секретаря.

Против принятия решения об освобождении Хрущёва выступила группа в составе Микояна, Суслова, Жукова, Фурцевой, Шверника, но мы были в меньшинстве. Товарищей Аристова, Кириченко, Сабурова в Москве не было. Чтобы оттянуть время для вызова отсутствовавших членов Президиума и других мероприятий, мы внесли предложение: ввиду важности вопроса сделать до завтра перерыв и срочно вызвать всех членов Президиума ЦК. Мы надеялись на то, что с прибытием отсутствующих соотношение сил будет в пользу нашей группы. Но Сабуров оказался на другой стороне и по прибытии в Москву выступил против Хрущёва.

Видя, что дело приняло серьёзный оборот, Хрущёв внёс предложение срочно созвать Пленум ЦК. Группа отклонила это предложение, указав на то, что вначале снимем Хрущёва, а потом можно будет собирать Пленум ЦК.

Я видел выход из создавшегося положения только в решительных действиях.

Я заявил: “Я категорически настаиваю на срочном созыве Пленума ЦК. Вопрос стоит гораздо шире, чем предполагает группа. Я хочу на Пленуме поставить вопрос о Молотове, Кагановиче, Ворошилове, Маленкове. Я имею в руках материалы об их кровавых злодеяниях вместе со Сталиным в 1937—38 годах и им не место в Президиуме ЦК и даже в ЦК КПСС. Если же сегодня антипартийной группой будет принято решение о смещении Хрущёва с должности первого секретаря, я не подчинюсь этому решению и обращусь немедленно к партии через парторганизации вооружённых сил”.

Это, конечно, было необычное и вынужденное заявление.

Откровенно говоря, я хотел произвести решительную психологическую атаку на антипартийную группу и оттянуть время до прибытия членов ЦК, которые уже перебрасывались в Москву военными самолётами.

После этого моего заявления было принято решение перенести заседание Президиума на третий день, и этим самым группа Маленкова — Молотова проиграла затеянное ими дело против Хрущёва.

Но должен оговориться, если мне говорили тогда спасибо за столь решительное выступление против антипартийной группы, то через четыре месяца я очень сожалел об этом своём решительном заявлении, так как моё заявление в защиту Хрущёва обернуло в октябре 1957 года лично против меня, о чём будет сказано особо.

Заседание Президиума шло трое суток с утра до вечера. Во время перерывов между заседаниями стороны готовились к схваткам следующего дня, и об этом стоит тоже коротко сказать.

Группа Маленкова — Молотова чаще всего вела между собою разговоры подгруппами по два-три человека и один только раз собирались у Булганина почти всей группой.

Начиная с конца второго дня заседания был заметен некоторый упадок боевитости их членов, так как активность сторонников Хрущёва всё больше и больше возрастала, да и контробвинения стали для них более угрожающими.

В середине второго дня в Президиум пришла группа членов ЦК в количестве 10 человек и потребовала, чтобы их принял Президиум ЦК в связи с их обеспокоенностью за судьбу единства Президиума. Эта группа заранее была проинформирована о сложившейся ситуации в Президиуме ЦК. Группа Маленкова — Молотова до конца заседания не хотела принимать в Президиуме группу членов ЦК, но затем под давлением сторонников Хрущёва было решено послать Ворошилова, Булганина, Хрущёва и Шверника на переговоры. Встреча состоялась в приёмной Президиума ЦК.

Группа членов от имени ЦК потребовала созыва Пленума ЦК. Группа членов Президиума ЦК — сторонников Хрущёва с первого же дня заседания энергично взялась за то, чтобы организационно и идейно держать всю инициативу в своих руках.

Для выработки единства действий мы собирались вечерами в ЦК для того, чтобы договориться о завтрашнем дне.

В первый день было решено: срочно собрать членов ЦК в Москву для того, чтобы провести Пленум ЦК. Мы считали, что Пленум осудит действия группы Маленкова — Молотова и поддержит Хрущёва.

Для быстрейшего сбора членов Пленума ЦК было решено переброску их с периферии в Москву осуществить самолётами военно-воздушных сил. Организация этого дела была возложена на Министерство обороны. Кроме

всего я взял на себя ответственность лично переговорить с Ворошиловым, чтобы отколоть его от группы Маленкова — Молотова. Взялся я за этот разговор по той причине, что мы с ним всё же в какой-то степени были родственники и никогда по-родственному не встречались (его внук был тогда женат на моей дочери). Но из переговоров ничего не получилось. Ворошилов был на стороне Молотова — Маленкова и против Хрущёва.

Первый и второй день Н. С. Хрущёв был как-то деморализован и держался растерянно. Видя, что я решительно встал на его защиту и то, что многие члены Президиума ЦК и члены ЦК сразу же потянулись ко мне, сделав этим меня как бы центральной фигурой событий, Хрущёв растроганно сказал мне: “Георгий, спасай положение, ты это можешь сделать. Я тебя никогда не забуду”.

Я его успокоил и сказал: “Никита, будь твёрд и спокоен. Нас поддержит Пленум ЦК, а если группа Маленкова — Молотова рискнёт прибегнуть к насилию — мы и к этому будем готовы” Хрущёв: “Делай всё, что считаешь нужным в интересах партии, ЦК и Президиума”.

В ходе заседания Президиума ЦК, на второй день резко выступая против Хрущёва, Сабуров (видимо что-то пронюхав) сказал: “Вы что же, Хрущёв, делаете, уж не решили ли вы арестовать нас за то, что мы выступаем против вашей персоны?” Хрущёв спросил: “Из чего это вы видите?”

Сабуров: “Из того, что под Москвой появились танки”.

Я сказал: “Какие танки? Что вы, товарищ Сабуров, болтаете? Танки не могут подойти к Москве без приказа министра, а такого приказа с моей стороны не было”.

Эта моя “контратака” тогда очень понравилась всей группе Хрущёва, и Хрущёв неоднократно её приводил на Пленумах и других речах.

Но прошло некоторое время, и эта контратака была истолкована совсем по-иному, ей дали иную политическую окраску, возводя в ранг бонапартистского курса.

Для Хрущёва и других членов Президиума образование такой большой группы противников Хрущёва было неожиданностью. Кагановича, Молотова и Ворошилова мы, конечно, считали противниками Хрущёва, но чтобы Сабуров, Шепилов и Первухин восстали против Хрущёва, это было полной неожиданностью для всех нас.

Брежнев на второй же день заседания Президиума ЦК оказался больным и явился только на Пленум ЦК, когда уже обстановка вполне выяснилась и определилась.

Микоян, Сулов, Шверник, Фурцева, Аристов, я и Кириченко твёрдо

стояли на стороне Хрущёва.

В процессе третьего дня нами было решено на вечернее заседание Президиума не ходить, а идти прямо на Пленум ЦК, который уже был собран в Свердловском зале.

Я не знаю, на что надеялась группа Маленкова — Молотова, но они считали, что Пленум ЦК их поддержит. Видимо, их сторонники были в числе членов ЦК, но они на Пленуме ничем себя не проявили.

У всех нас — сторонников Хрущёва были опасения, что группа Молотова — Маленкова может пойти на авантюру и всех нас арестовать, а к этому были и некоторые основания. Так, например, количество офицеров охраны у Булганина, Молотова, Маленкова и Кагановича в первый же день резко увеличилось. Возникали вопросы: а для чего это делалось?

У Булганина и Маленкова было много друзей в КГБ, МВД и войсках МВД, в случае необходимости группа могла прибегнуть к их помощи.

Н. С. Хрущёв, получив крепкую поддержку и заверения некоторых членов ЦК, прибывших в Москву, о желании серьёзно расправиться с группой Молотова — Маленкова, вновь почувствовал прилив энергии и стал прежним Хрущёвым-оптимистом. И он не ошибся. Пленум единодушно его поддержал.

Состоявшийся июньский пленум ЦК резко обвинил группу Маленкова — Молотова в антипартийных действиях.

Я не буду излагать постановление Пленума ЦК, оно общеизвестно. Но, надо сказать, что если на Президиуме ЦК шла речь только вокруг деятельности Хрущёва, с тем чтобы снять его с поста первого секретаря ЦК, то на Пленуме вопросы были значительно расширены и группе Маленкова — Молотова были предъявлены тяжёлые обвинения по ряду принципиальных вопросов, в том числе было предъявлено документальное обвинение Молотову, Кагановичу, Ворошилову в истреблении, вместе со Сталиным, многих и многих честных партийных, военных и советских деятелей.

Как же вела себя группа противников Хрущёва? С первых же часов заседания Пленума ЦК в антипартийной группе начались разброд и шатания.

Первухин, Сабуров и Шепилов начали каяться в своих заблуждениях и просили учесть их раскаяние. Булганин растерялся, петляя как трусливый заяц, плёл всякие невразумительные оправдания. Выглядел он крайне неавторитетно. Молотов и Маленков с начала и до конца держали себя твёрдо и отстаивали свои убеждения. Каганович, как всегда, был очень многословен, но его многословие плохо воспринималось членами ЦК

КПСС. Ворошилов вначале пытался солидаризироваться с Молотовым, а затем растерялся, стал оправдываться тем, что он не понял истинных целей и намерений группы Маленкова — Молотова. В этом сказался весь Ворошилов, каким он был при Сталине.

После Пленума ЦК был избран новый состав Президиума ЦК КПСС. Я был избран членом Президиума ЦК. Работа постепенно вошла в нормальную колею».

Жуков был простодушно уверен в том, что одержал очередную победу, которая гарантирует ему устойчивое будущее и поможет в работе военного ведомства.

В «бархатный» сезон «победители» из Москвы поехали в Крым. Вся компания часто собиралась на даче у Хрущёва. По воспоминаниям Жукова, «приятно и полезно проводили время, часто обсуждали общеполитические вопросы и практические дела нашей Родины».

Офицер охраны Николай Пучков вспоминал: «На следующий день купались кучей. Хрущёв со своей Ниной Петровной в том числе. Жуков по обыкновению отмахал в море 200 метров туда и обратно. Никита Сергеевич плавать не умел и барахтался со своим пузом в спасательном поясе у берега, пытаясь плавать по-собачьи. Отдыхая на лежаках, компания вела разговоры о разном. Жена Хрущёва распространялась о воспитании детей. Сетовала, что они выросли избалованными. Неожиданно Н. С. Хрущёв обмолвился о том, что Жукову предстоит до окончания его отпуска срочный визит в Югославию и в Албанию. “Поплывёшь на крейсере из Севастополя, а потом мы дадим тебе время отдохнуть”, — примерно так закончил свою речь глава партии и правительства».

Жуков подвоха не почувствовал. Он пребывал в благодушном настроении. Только что из Москвы позвонила старшая, Эра, радостным голосом сообщила, что родила дочь. Это была её вторая дочь. Он ответил: «Ничего, и девочка тоже хорошо». Знал, что дочь ждала сына. 1957 год стал для него урожайным. Весной Элла родила сына. А в июне Галина родила ему дочь Марию.

Брак с Александрой Диевной постепенно превратился в декорацию. Александра Диевна, видя серьёзные намерения мужа уйти к другой, написала письмо в ЦК. Хрущёв «серьёзно», по-партийному разговаривал с маршалом, корил, воспитывал. Жуков отвечал, что с кем жить и кого любить — это его личное дело, которое к обороноспособности страны и его партийности никакого отношения не имеет. Но Хрущёв настоял на своём и принудил Жукова официально зарегистрировать брак с Александрой Диевной. Документы о первой регистрации, как объясняют

дочери Эра Георгиевна и Элла Георгиевна, потерялись. Но возможно, что их и не было вовсе.

Маршал готовился к поездке в Югославию и Албанию.

«Время моего пребывания в Крыму подходило к концу, — вспоминал Жуков, — и тут произошли для меня неприятные обстоятельства. Прогуливаясь как-то с Хрущёвым и Брежневым по территории дачи Хрущёва, между нами состоялся такой разговор:

БРЕЖНЕВ: “Никита Сергеевич, мне звонил из Будапешта Кадар и просил оставить в Венгрии во главе советских войск генерала Казакова, которого товарищ Жуков намерен перевести на Дальний Восток. К Казакову венгерские товарищи привыкли, и я считаю, что надо считаться с мнением Кадара. Для Дальнего Востока маршал Жуков найдёт другого командующего”.

Я сказал: “В интересах обороны страны генерала Казакова надо направить на должность командующего Дальневосточным округом, а для Венгрии мы найдём другого хорошего командующего”.

БРЕЖНЕВ (*нервно*): “Надо же считаться с мнением товарища Кадара”.

Я ответил: “Надо считаться и с моим мнением. И вы не горячитесь, я такой же член Президиума ЦК, как и вы, товарищ Брежнев”. Хрущёв молчал, но я понял, что он недоволен моим резким ответом. Через пару минут Брежнев, взяв под руку Хрущёва, отошёл с ним в сторону и стал что-то ему горячо доказывать. Я догадался, что между ними идёт речь обо мне. После разговора с Хрущёвым Брежнев ушёл к себе на дачу, даже не простившись со мной.

Вслед за этой первой размолвкой состоялась вторая, более значительная.

Через пару дней всех нас пригласил к себе на дачу т. Кириленко по случаю дня рождения его жены.

Во время ужина состоялись выступления, тосты и опять выступления. Во всех выступлениях преобладало всемерное восхваление Хрущёва. Все восхваления он принимал как должное и, будучи в ударе, прерывал выступающих и произносил внеочередные речи.

Мне это не понравилось, и я, по простоте своей, сказал: “Никита Сергеевич, следующее слово в порядке заявки имеет Аверкий Борисович Аристов”. Хрущёв обиженно: “Ну, что ж, я могу совсем ничего не говорить, если вам нежелательно меня слушать”.

После чего у Хрущёва испортилось настроение, и он молчал. Я пытался отшутиться, но из этого ничего не получилось. Этим тут же воспользовались подхалимы и шептуны, и мы с Хрущёвым расстались в

этот вечер весьма холодно.

Откровенно говоря, я потом ругал себя за свой язык, зная, что Хрущёв, будучи злопамятным, такие выпады против его персоны никому не прощает».

Да, не обладал наш герой тем особым даром, который в мирное время ценится дороже военных талантов. Не умел ни льстить, ни хвостом мести. Да и обстоятельств порой не чувствовал, стараясь держаться равным среди равных. А завистники этого не прощали. Чувствовали его силу. Понимали, что она управляется лишь внутренним уставом этого человека-скалы. А это по меньшей мере опасно.

Перед отъездом в Югославию Жуков переговорил с Хрущёвым по телефону. Во время разговора ничего особенного не почувствовал. Все консультации о его дальнейшей судьбе, по всей вероятности, к тому времени были уже проведены. Сердце ёкнуло через два дня, когда маршал позвонил из Москвы в Крым перед самым отлётом в Белград и ему ответили, что Хрущёва на месте нет, что он с группой членов Президиума ЦК вылетел в Киев, где главком Сухопутных сил Малиновский проводит сбор высшего состава Сухопутных войск. Туда же, как сообщили ему, вылетел и Брежнев.

Чувствуя неладное, Жуков по «ВЧ» позвонил в Киев. К телефону подошёл командующий войсками Киевского военного округа Чуйков. Он доложил о ходе сборов и сказал:

— Вам бы надо самому быть на нашем сборе. Дела-то здесь у нас очень важные.

— По решению руководства я завтра утром должен вылететь в Югославию, а у вас, Василий Иванович, я надеюсь, будет всё хорошо.

По всей вероятности, рядом с Чуйковым кто-то находился, при ком он не мог говорить свободно, напрямую.

— Так-то оно так, товарищ маршал, но всё же вам лучше было бы быть здесь самому, — намекнул Чуйков.

И Жуков, уже догадываясь о том, что там идут какие-то консультации, касающиеся его судьбы, попросил к телефону Хрущёва. Хрущёв взял трубку.

— Не следует ли мне дня на три отложить свою поездку в Югославию и прибыть в Киев на сбор? Мне доложили, что там на сборе возникло много важных вопросов.

— Откладывать вашу поездку в Югославию не следует, — как ни в чём не бывало ответил Хрущёв. — Я думаю, что мы здесь сообщаем как-нибудь справимся. А когда вернётесь из Югославии, я расскажу всё, что

было здесь интересного.

Разговор был странным, но тон Хрущёва успокоил Жукова.

«Успокоенный таким дружеским разговором, — вспоминал маршал, — в утро следующего дня я с группой генералов и офицеров вылетел в Севастополь, откуда на крейсере “Куйбышев” отбыл через Босфорский пролив в Югославию.

К Босфорскому проливу мы подплыли на утро следующего дня. Здесь мне не приходилось бывать, и я с интересом рассматривал такой важный, с оперативной точки зрения, пролив, соединяющий Чёрное и Средиземное моря.

Ранним утром к крейсеру демонстративно подошёл катер, на котором находились американские офицеры, которые со всех сторон сфотографировали наш крейсер “Куйбышев”. На берегах пролива, за исключением американских военнослужащих, не было видно ни одной турецкой души. Так было на всём протяжении Босфорского пролива. Греческие острова, которых в Средиземном море была масса, а также прибрежная полоса греческой территории выглядели голо, мрачно и бедно.

Обогнув греческие и албанские берега, мы вошли в воды Адриатического моря. Вдали виднелась Италия. Югославские товарищи нас встретили на своих кораблях в море на подходах к порту. В порту нас встретили торжественно почётным караулом, и было много югославского народа.

В Белграде мы имели встречу с маршалом Тито, Ранковичем, Карделем, Поповичем, государственным секретарём по делам обороны и многими другими.

Через пару дней товарищ Тито пригласил нас в горы на охоту на горных козлов. Для меня охота была очень удачной. Я убил четырёх козлов. Тито убил только одного, и мне показалось, что он не особенно доволен своими результатами, а стрелял он не менее шести раз.

После охоты нам была предоставлена возможность поездки в Хорватию, Сербию, Долмацию и другие места. Везде и всюду мы встречали бурные восторги и радость в адрес советских людей, которые так много сделали для освобождения югославского народа от немецкой фашистской оккупации.

Нам приходилось вести многочисленные беседы с военными, партийными и государственными работниками, с рабочими, с интеллигенцией. Я был тронут той любовью и симпатией, которую все они выражали в адрес Советского Союза.

Перед отлётом в Албанию я послал Хрущёву шифртелеграмму, в

которой сказал, что югославский народ и его руководство с большой симпатией относятся к Советскому Союзу, что наши люди, которые здесь побывали, видимо, тенденциозно освещали недружелюбие югославских руководителей. Я предлагал пересмотреть наши взаимоотношения в сторону их улучшения.

Оказывается, в Президиуме ЦК моё предложение было истолковано так, как будто я пытаюсь диктовать свою линию Президиуму, как будто не отвечающую марксистско-ленинской линии ЦК по югославскому вопросу.

Однако несколько лет спустя, после поездки Хрущёва в Югославию, Югославия была признана действительно социалистической страной и, безусловно, дружественной нашему народу, а тогда, в 1957 г., меня за такую точку зрения выругали по возвращении в Москву из Югославии, хотя за эти минувшие годы ничего в Югославии и не изменилось.

Из Югославии мы вылетели на Ту-104 в Албанию, где нас очень гостеприимно встретил албанский народ, его армия и руководство партии.

Находясь в Албании, я получил сведения о том, что Президиумом ЦК созван партактив военных работников и что до моего возвращения в Москву мне из Москвы не могут передать, по каким вопросам проходит партактив, на котором присутствует весь руководящий состав армии и флота и в полном составе Президиум ЦК партии.

Вполне естественно, меня не могло не насторожить и не взволновать то обстоятельство, что актив собран почему-то в моём отсутствии. Я запросил своего первого заместителя Конева. Он ответил через мой секретариат в том же духе. Настроение было испорчено. Через пару дней мы вылетели из Албании в Москву.

Приземлились мы в аэропорту Внуково.

В окно самолёта я увидел встречающих меня всех маршалов Советского Союза и главнокомандующих всеми видами вооружённых сил, среди которых был Чернуха — технический работник при Президиуме ЦК.

После того как мы все перездоровались, ко мне подошёл Чернуха и сказал, что меня сейчас же приглашают на Президиум ЦК. Там, говорит Чернуха, все в сборе.

Я сказал, что заеду домой, переоденусь и сейчас же приеду. Явившись в Президиум, я увидел за общим столом всех членов и кандидатов Президиума, а также всех тех маршалов, кто встречал меня на аэродроме. Мне предложили коротко доложить о поездке в Югославию и Албанию. Я доложил основное.

Хрущёв предложил утвердить отчёт, за исключением моего мнения о Югославии, руководство которой якобы проводит явно не

коммунистическую линию в строительстве Югославии и во взаимоотношении с Советским Союзом. Затем Хрущёв сказал: “За время вашего отсутствия Президиум ЦК провёл партполитактив Министерства обороны. По этому вопросу доложит Суслов”.

Суслов начал с того, что “на партактиве установлено, что министр обороны маршал Жуков в своей деятельности проводит неправильную политическую линию, игнорируя политических работников, игнорируя Главное Политическое Управление, а политработников считает бездельниками. Маршал Жуков груб во взаимоотношениях с подчинёнными и поощряет тех, кто прославляет его как выдающегося полководца” Взял слово Микоян: “Мне непонятна и до сих пор волнует одна фраза, сказанная Жуковым на Президиуме ЦК во время борьбы с антипартийной группой Маленкова — Молотова” Жуков сказал: “Если будет принято решение, предложенное Маленковым, то он — Жуков не подчинится этому решению и обратится к армии. Как это понимать?” Я тут же ответил, что: “Да, это было сказано, но я говорил, что обращусь через парторганизации армии к партии, а не к армии”. — “Значит, вы сознательно об этом говорили? — сказал Микоян. — А я думал, что вы тогда оговорились”. — “Вы что, забыли ту обстановку, которая тогда сложилась?” — ответил я Микояну.

Затем выступил Брежнев. Он наговорил, что было и чего никогда не было. Что я зазнался, что я игнорирую Хрущёва и Президиум, что я пытаюсь навязывать свою линию ЦК, что я недооцениваю роль Военных Советов и пр.

Затем выступил Хрущёв. Он сказал: “Есть мнение освободить товарища Жукова от должности министра обороны и вместо него назначить маршала Малиновского. Есть также предложение послезавтра провести Пленум ЦК, где рассмотреть деятельность товарища Жукова”.

Предложение было, конечно, принято единогласно.

Вся эта история против меня, подготовленная как-то по-воровски, для меня была полной неожиданностью. Обстановка осложнилась тем, что в это время я болел гриппом. Я не мог быстро собраться с мыслями, хотя и не в первый раз мне пришлось столкнуться с подобными подвохами. Однако я почувствовал, что Хрущёв, Брежнев, Микоян, Суслов и Кириченко решили удалить меня из Президиума, как слишком непокорного и опасного политического конкурента, освободиться от того, у кого Хрущёв остался в долгу в период борьбы с антипартийной группой Маленкова — Молотова.

Эта мысль была подтверждена речью Микояна на Пленуме. Он сказал: “Откровенно говоря, мы боимся Жукова”.

Вот, оказалось, где зарыта собака. Вот почему надо было меня отослать в Югославию и организовать против меня людей на то, что было трудно сделать при мне.

Возвратившись на квартиру с Президиума ЦК, я решил позвонить Хрущёву, чтобы выяснить лично у него истинные причины, вызвавшие столь срочное освобождение меня от должности и постановку обо мне вопроса на созванном Пленуме ЦК КПСС. Я спросил: “Никита Сергеевич! Я не понимаю, что произошло за моё отсутствие, если так срочно меня освободили от должности министра и тут же ставится вопрос обо мне на специально созванном Пленуме ЦК?” Хрущёв молчал. Я продолжал: “Перед моим отъездом в Югославию и Албанию со стороны Президиума ЦК ко мне не было никаких претензий и вдруг целая куча претензий. В чём дело? Я не понимаю, почему так со мною решено поступить?”

Хрущёв ответил сухо: “Ну, вот будешь на Пленуме, там всё и узнаешь”.

Я сказал: “Я считаю, что наши прежние дружеские отношения дают мне право спросить лично у вас о причинах столь недружелюбного ко мне отношения”.

Хрущёв: “Не волнуйся, мы ещё с тобой поработаем”.

На этом, собственно говоря, и закончился наш разговор.

Я ничего не узнал от Хрущёва, но понял, что Хрущёв лично держит в своих руках вопросы о моей дальнейшей судьбе, перспективы которой были в тумане.

На Пленуме первыми выступили Сулов, Брежнев, Кириченко, Фурцева и Микоян. В их речах сквозила какая-то недоговорённость, но я понимал, что всё дело клонится к тому, чтобы избавиться от меня, удалить меня из ЦК.

Брежнев и Микоян сказали, что я игнорирую Хрущёва, как первого секретаря ЦК. В качестве примера они ссылались на два факта.

Первый факт. Лето 1957 г. Хрущёв по приглашению ЦК СЕПГ посетил ГДР. Накануне прибытия Хрущёва в Берлин мне позвонил К. К. Рокоссовский, который проверял боевую готовность советских войск в ГДР. Рокоссовский сказал: “Завтра в Берлин прилетает Хрущёв, а мы вывели войска в поле, учение закончится не раньше как через пару дней. Что нам делать с А. А. Гречко?” Я ответил: “Хрущёв прилетает в Берлин по приглашению ЦК СЕПГ. Вам надлежит проводить начатое учение. Когда оно будет закончено, тогда вы и Гречко представитесь товарищу Хрущёву”. Когда Хрущёв прилетел в Берлин, среди встречающих не оказалось командования группы советских войск и маршала Рокоссовского, не

оказалось и почётного караула от наших войск. Второй факт. В то же лето Хрущёв был в Эстонии и собирался проехать на машине в город Ленинград. Из Ленинграда мне позвонил командующий Ленинградским округом генерал Захаров и сказал, что ленинградцы собираются ехать встречать Хрущёва на границе Эстонии и Ленинградской области. Ехать ли и ему с областными руководителями? Я дал указание Захарову встретить Хрущёва в Ленинграде. Генерал Захаров доложил Хрущёву, что я якобы запретил ему встречать его вместе с областным руководством на границе области. Эти два факта, видимо, серьёзно задели самолюбие и всё возрастающее тщеславие Хрущёва. Мне он тогда ничего не сказал, но, видимо, излил свою обиду на меня перед Брежневым и Микояном. Я считал и считаю, что я тогда правильно поступал, так как Уставами Советской Армии не предусмотрена особая встреча Секретаря ЦК КПСС, а перед законом у нас должны быть все равны. Я считал, что возрождать культ личности никто не имеет права и, тем более, культивировать идолопоклонство.

Из партийных и советских работников на Пленуме почти никто не выступал, но зато выступили единым фронтом большинство маршалов, которые при мне занимали должности заместителей министра обороны, и начальник Главного Политического управления Желтов.

Чувствовалось, что они были заранее подготовлены к тому, чтобы всячески принизить и очернить мою деятельность. Особенно в этом направлении старались Малиновский, Соколовский, Ерёмченко, Бирюзов, Конев и Горшков. После их выступления сговор был налицо.

Выступавшие сводили дело к тому, что я якобы игнорирую партполитработу в армии, пытаюсь оторвать армию от ЦК и прочее...

Но это, собственно говоря, была дымовая завеса, а истинная цель состояла в том, чтобы немедля избавиться от меня, чтобы я не стоял на дороге тех, кто всеми способами рвался к славе и не хотел делить её с кем-либо другим. Было ясно и то, что по мне решили ударить главным образом руками военных, которые были заранее подготовлены и в своих выступлениях старались наперебой дискредитировать мою деятельность, всячески принижая мои заслуги в годы Великой Отечественной войны, договариваясь при этом до явного абсурда и фальсификации. Даже Хрущёв и тот вынужден был одёрнуть маршала А. И. Ерёмченко, который в пылу своей крикливой подхалимской речи сказал: “А что Жуков, говорят, он осуществлял личное руководство Сталинградской битвой, а его там и не было”.

Хрущёв: “Ну, Андрей Иванович, ты это зря. Жукова как полководца мы

знаем хорошо. У кого не выходило на фронте, у Жукова всегда выходило и выходило хорошо”.

На Пленуме ЦК была выставлена картина художника Яковлева, который задолго до Пленума умер.

О существовании этой картины я узнал только за два месяца до Пленума ЦК. Как-то ко мне пришёл начальник Главного Политического управления Желтов и сказал, что у него есть картина Яковлева, где художник очень хорошо написал меня на фоне поверженного Берлина.

Я попросил показать эту картину. Картина мне лично понравилась и, конечно, не потому, что на ней изображён я на вздыбленном коне, а потому, что в ней я почувствовал любовь художника к Советской Армии, разгромившей самый чёрный оплот империализма — фашистскую Германию.

Желтов спросил меня, что делать с этой картиной. Я ответил ему: “Сдай в музей Советской Армии, может быть, когда-нибудь пригодится” Мне казалось, что на этом дело с картиной было закончено. Когда же фабриковалось дело против меня, Желтов доложил в ЦК об этой картине в извращённом виде, представив вопрос так, как будто я приказал ему вывесить картину в доме офицеров Советской Армии. Чтобы ошельмовать и осмеять меня, картина была выставлена на Пленуме ЦК для обозрения, а затем её возили на проходившие партактивы по Москве. Демонстрация картины сопровождалась соответствующими компрометирующими меня комментариями. “Смотрите, мол, как Жуков изобразил себя в подобию Георгия Победоносца». Особенно в этом направлении старались те, кто не сумел прославиться в делах Великой Отечественной войны.

Хрущёв выступил на Пленуме последний. Он сказал: “Когда мы были с Булганиным на Дальнем Востоке, после посещения войск нас пригласил к себе на обед командующий дальневосточными войсками маршал Малиновский. За обедом Малиновский сказал: “Остерегайтесь Жукова, это растущий Наполеон. Если надо — он не остановится ни перед чем”.

Я тогда не обратил внимания на слова Малиновского, но мне потом об этих словах и их смысле много раз напоминал Н. А. Булганин”.

Вот, оказывается, с каких пор Малиновский занялся провокацией и подкопом против меня, а я и не подозревал этого за Малиновским.

Между прочим, мне показалось странным такое заявление Малиновского, сделанное Хрущёву в 1955 году, так как буквально таким же заявлением обо мне Берия пугал Сталина начиная с 1945 года. Возникал вопрос — уж не из одного ли источника исходили подобные провокационные заявления? Ничего нет удивительного: если Малиновский

в 1955 году сделал такое провокационное заявление, то почему он не мог сделать то же самое в 1945 году?

В ходе Пленума ЦК я понял, что вопрос обо мне уже решён в Президиуме окончательно, а потому я не счёл нужным как-то оправдываться, зная, что из этого ничего не выйдет.

Я доложил Пленуму о том, что вооружённые силы находятся в полной боевой готовности. Проводя некоторое сокращение штатных политработников, я преследовал, прежде всего, цель повысить роль и активность партийных организаций, повысить роль единоначальников и сократить расходы на платные политорганы. Мне непонятно, почему вдруг так остро поставлен обо мне вопрос. Если я допустил ошибки — их я могу поправить. Для чего же принимать крайние меры? То, что здесь говорилось, в основном в какой-то степени имело место, но здесь всем фактам дана иная, тенденциозная политическая окраска.

На Пленуме меня вывели из состава Президиума и членов ЦК партии.

Постановление Пленума обо мне объявили через неделю, приурочив к сообщению о запуске ракеты на орбиту вокруг Земли.

В отличие от существующего порядка, в моём присутствии Пленумом ЦК было принято решение только по организационному вопросу, т. е. о выводе меня из членов ЦК. Что же касается политического постановления, то оно при мне не обсуждалось, не принималось, и я был лишён возможности защищаться в обвинениях, которые были в нём изложены.

Я, безусловно, не могу согласиться с принятым постановлением, ибо оно в своей основе не соответствует действительности и изложено явно тенденциозно, с целью очернить меня перед народом и партией.

Хуже всего то, что, как и прежде, в период господства культа личности мне бездоказательно приклеивали всевозможные антипартийные ярлыки, обвиняя бездоказательно в том, что я пытался оторвать вооружённые силы от партии, от народа. Я считаю, что подобное постановление не выдерживает никакой критики. Возникает вопрос: как это можно в наших условиях оторвать многомиллионную армию от народа и партии при нахождении в ней более 90 % коммунистов и комсомольцев, ежегодного миллионного призыва молодняка в ряды армии, увольнения из её рядов отслуживших срок своей службы, а также повседневного общения армии с многогранной жизнью партии и народа?

Я уверен, что ни народ, ни партия не поверили в столь странное в наших условиях обвинение.

Одновременно с сообщением постановления Пленума ЦК в печати была помещена обо мне статья маршала Конева, полная досужих выдумок

и клеветнических выпадов. Конев поразил меня своей беспринципностью.

Как известно, Конев был моим первым заместителем. Ему минимум три месяца в году приходилось замещать меня по должности министра обороны, следовательно, очень часто приходилось проводить в жизнь все основные задачи, которые стояли перед Министерством обороны, повседневно контактируя с ЦК и Правительством. И я не знаю случая, когда он имел бы особую от меня точку зрения по всем принципиальным вопросам. Он часто хвалился тем, что у нас в течение долгих лет совместной работы выработалась общая точка зрения по всем основным вопросам строительства и подготовки вооружённых сил. Как старого политработника, я ценил Конева и прислушивался к его советам по вопросам воспитания личного состава и практическим вопросам партийно-политической работы. Конев часто уверял меня в своей неизменной дружбе.

И каково же было моё удивление, когда он на Пленуме заявил, что он — Конев никогда не был мне другом, что он всегда считал, что я явно недооценивал его работу, что я его игнорировал и что он, Конев, по ряду вопросов не был согласен со мной, но что он опасался ставить вопросы о разногласии перед Президиумом ЦК, считая, что Жуков проводит вопросы, согласовав с Президиумом.

Примерно через полгода после Пленума я случайно встретил Конева на Грановской улице. Я не хотел встречи и разговора с Коневым, но он, заметив меня, остановился около своей машины и ждал меня. Между нами состоялся такой разговор. Конев: “Добрый день! Ты что же не заходишь? Совсем от нас оторвался, забыл старых друзей”.

Ответив на приветствие, я сказал: “Иван Степанович! О каких ты друзьях говоришь? Если говоришь о себе, так ты же заявил на Пленуме ЦК, что никогда не был другом Жукова”.

Конев: “Ты, конечно, всего того не знаешь, что предшествовало Пленуму ЦК, тогда вопрос стоял очень серьёзно. Заходи, поговорим”.

Я ему ответил: “Ты что же, Иван Степанович, перепугался и стал отрешиваться от дружбы со мной? А вообще-то я тебя не понимаю. Ты же Маршал Советского Союза, член ЦК, знал хорошо всё то, что говорилось обо мне, что является фальшью, сфабрикованной против меня с определённой целью. Как же ты не возражал против всей этой затеи? Что касается твоего приглашения заходить в Министерство обороны, думаю, что мне там делать нечего”.

Ввиду того, что прохожие, узнавая нас, стали останавливаться, мы распрощались. Конев сел в машину, я пошёл пешком проветриться после

такого неприятного разговора.

После исключения из Президиума всей группы Молотова-Маленкова из Президиума ЦК были выведены Кириченко, Аристов, Игнатов, Фурцева, Поспелов.

Из старой гвардии в Президиуме остался один Микоян. Ну, он старый дипломат... Никто так не умеет ориентироваться в обстановке и приспосабливаться к ней, как А. И. Микоян.

В постановлении Пленума ЦК было сказано о предоставлении мне другой работы, но это постановление не было выполнено, и я, вполне работоспособный, был уволен в отставку.

После моего увольнения в отставку длительное время на страницах печати, в выступлениях, лекциях и пр. мою деятельность стараются изобразить в искажённом виде, приписывая ряд не существовавших в жизни отрицательных моментов.

Но я могу сказать большое спасибо партии и народу за то, что ко мне по-прежнему, с должным уважением, относятся большинство советских людей и коммунистов».

Офицеры охраны рассказывали, что, когда Жуков вышел к машине, на лице его были красные пятна, «каких они не видели на фронте». Он посмотрел на своих верных сослуживцев и махнул рукой: домой. Но на машине не поехал. Вышел из Кремля и пошёл домой пешком.

Офицер охраны Николай Пучков рассказывал: «В Кремле вчерашние друзья-подхалимы в золотых погонах ушли за Царь-пушку, дабы избежать встречи с разжалованным министром обороны. Дома, на улице Грановского (Романов переулок), Георгий Константинович принял снотворное, а проснувшись через четыре часа, покушал и сказал мне: “Николай Иванович, давай поедем на дачу”. Как обычно, Жуков сел рядом с шофёром. На Рублёвском шоссе при повороте направо Георгий Константинович спросил: “Что это за машина едет за нами по пятам?” Отмечу, маршал ни разу не оборачивался на протяжении всей дороги. Сидел он прямо, как на Пленуме, где не перевёл взгляда на клеймивших его позором выступавших товарищей. Шедший у нас на хвосте семиместный старый “ЗиС” остановился неподалёку от жуковской дачи в Сосновке. Проводив Жукова, я вышел узнать, кто нас сопровождал в пути, и обратился к сидевшим в автомобиле: “Ребята, вы зачем ехали за маршалом?” — “Мы его охраняем”, — пробасил один из молодцов. Я продолжал: “Прошу вас доложить начальству, что Жуков не просил дополнительной охраны и никуда отсюда не поедет ни завтра, ни послезавтра. Так он велел передать вам”. Со двора дачи через щёлку в

высоком заборе я наблюдал за сотрудниками органов госбезопасности. Один из них отлучался минут на двадцать, видимо, ходил звонить. Когда он вернулся, машина развернулась и уехала».

Не смогла существовавшая система выдержать на своих плечах такой глыбы, как Жуков. Военным, преуспевшим после Победы в карьере, званиях и должностях, бельмом на глазу сияла его слава первого маршала. Хрущёв побаивался, что неуправляемый Жуков рано или поздно обнародует факты его непосредственного участия в репрессиях 1930-х и 1940-х годов. На пленуме, разоблачая Молотова, Маленкова, Кагановича, он привёл убийственные факты, которые буквально взорвали заседание. После того как Жуков обнародовал документы из архива Военной коллегии трибунала и архива ЦК, свидетельствующие о том, что с 27 февраля 1937 года по 12 ноября 1938 года НКВД получил от Сталина, Молотова и Кагановича санкции на расстрел 38 679 человек, — после этой бомбы судьба «антипартийной группы» была решена. Маршал выступал эмоционально, резко, по-солдатски прямо называя вещи своими именами. В адрес Кагановича бросил такую реплику: «Ему за решёткой сидеть, а не в ЦК!»

Но Хрущёв-то прекрасно знал, что рядом с визами Сталина, Молотова и Кагановича стояла и его подпись. Просто Жуков по известным причинам умолчал об этом. Пока...

Молчание такого человека, как Жуков, — мина замедленного действия. Чтобы она не рванула и не снесла окружающим головы, Хрущёв обезвредил её самым вероломным образом — отправил Жукова в отставку. Теперь у маршала не было того жала, которого Хрущёв так опасался. Но кто его знает...

Слежка за маршалом продолжалась постоянно. Глубокой осенью 1957 года маршал вместе с зятем Юрием Василевским и офицером охраны выбрался в Москву. Одеты они были в штатское и ничем не выделялись среди прохожих. Прошлись по Тверскому бульвару. Жуков рассказывал своим спутникам о Москве своей юности. И испытывал то внезапно нахлынувшее ощущение свободы, какое доступно разве что внезапно освобождённому узнику. Возле памятника Тимирязеву они облюбовали пустынный уголок и сели на лавочку. Не прошло и пяти минут, как к ним на край лавочки присел «пьяный» прохожий и принялся костерить на чём свет стоит Хрущёва: такой, мол, сякой, негодяй и кровопийца, так несправедливо расправился с министром обороны Жуковым...

Жуков некоторое время слушал «пьяного» и вдруг спросил:

— А ты Жукова видел?

— А как же! Я с ним на войне был!

Как вспоминал Николай Пучков, «эти слова были сказаны уже не пьяным, а трезвым голосом».

Маршал добродушно улыбнулся, похлопал мужика по плечу и сказал:

— Ну, тогда передай ему привет!

Главной причиной стремительной отставки Жукова были вовсе не «малопартийность» и грубость по отношению к подчинённым и даже не независимость, которая, надо признать, всё же имела определённые пределы и их маршал придерживался. Жуков создал Особую школу диверсантов, спрятал её в Тамбове и пока никому о её существовании и назначении не докладывал. 17 рот, ранее разбросанных по округам, — 2100 человек, — были сосредоточены в одном учебном центре. О нём знали всего трое: начальник Главного разведуправления Генштаба генерал-полковник Штеменко, начальник Центра особого назначения и первый заместитель начальника ГРУ Генштаба генерал Х.-У. Д. Мамсуров.

На пленуме об Особой школе заговорил командующий Киевским военным округом маршал Чуйков: «Правильно товарищ Игнатов говорил в отношении школ диверсантов, они спрятаны, но в военных округах хорошо знают такую тайну. А вы выбрали трёх человек и сказали: я, ты, он...» Реплику подал Хрущёв: «Об этих школах знали трое — Жуков, Штеменко и Мамсуров, но Мамсуров оказался не Штеменко, он пришёл в ЦК и сказал нам...» И ещё: «...у Берия тоже была диверсионная группа головорезов. Перед арестом Берия они были в Москве и неизвестно, чьи головы полетели бы...»

Первой, можно предположить наверно, полетела бы голова Никиты Сергеевича. Но именно маршал Жуков предотвратил возможную резню.

На пост министра обороны назначили послушного и предсказуемого Малиновского.

За Жуковым была установлена плотная слежка. Контролировался каждый его шаг, фиксировался каждый разговор.

В квартире и на даче велась «прослушка». Хрущёв регулярно получал доклады о частной жизни Жукова. Зачем Хрущёв подсматривал в замочную скважину за опальным маршалом? Хотел знать его мнение о своей политике? Сомневался в правильности своего решения по отстранению маршала от дел?

Совсем недавно из секретных архивов в печать попала служебная записка в ЦК КПСС тогдашнего шефа КГБ генерала В. Е. Семичастного, датированная 17 июля 1963 года. Семичастный докладывает Хрущёву о разговоре Жукова с женой, в котором маршал рассказывает ей содержание

беседы с ним «товарищей Брежнева Л. И. и Сердюка З. Т.»:

«Мы вызвали вас для того, чтобы поговорить с вами и предупредить вас о некоторых вещах. У вас бывают всякие друзья, и вы бываете у друзей. Мы, конечно, не против того, что вы с кем-то встречаетесь, но вот при встречах у вас ведутся непартийные разговоры. Вы рассказывали, как готовился пленум в 57-м году, и при этом давали весьма нелестные характеристики Хрущёву, Брежневу и другим членам ЦК. Значит, у вас до сих пор нет согласия с решением ЦК и вы где-то нелегально пытаетесь вести борьбу с линией Центрального Комитета? Если это так, то это дело довольно серьёзное.

Второй вопрос, что ведутся непартийные разговоры в отношении космоса. Что правительство ведёт неразумную политику в отношении чрезмерных затрат на ракеты, чтобы Гагарин полетел, эта ракета стоила 4 миллиарда рублей. Что вообще у нас нет бережливости, руководство с купеческим размахом разбрасывает средства на помощь слаборазвитым странам. Что устраивают всякие приёмы, по несколько тысяч людей созывают, всякие подарки дорогие раздают и прочее. Что, мол, при Сталине было по-другому. Все осудили Сталина, его оторванность от народа и прочее. В то время как весь народ, вся партия радуются нашим достижениям в отношении космоса, у вас получается несогласие с линией партии в этом вопросе.

Третье. Вы продолжаете разговор о Малиновском, что это весьма подходящая и послушная личность для руководства, что он угодник, подхалим и всякая такая штука. Малиновский пользуется доверием ЦК. Он член ЦК, министр, пользуется доверием Н. С. Хрущёва и что такие непартийные разговоры подрывают авторитет ЦК.

Четвёртый вопрос. Что у нас неправильно пишется история Великой Отечественной войны, что она лакируется, что пишется она в интересах определённых людей, что умалчиваются заслуги одних и выпирают заслуги тех, кто не заслужил их. Особенно подчёркиваете, кто привёл немцев на Волгу. Кто неудачно руководил операцией. И что немецкие генералы пишут историю гораздо правдивее, чем пишут наши, комиссия ЦК. Затем, что я не согласен с оценкой помощи, которую оказывали американцы. В отношении, дескать, транспортных средств, металла и прочего. В то время, мол, каждому ясно, какие жертвы понесли мы и какие американцы.

Пятый вопрос. Что мы вас вызвали поговорить по-товарищески, что эти вещи недопустимы и что если они будут продолжаться, то мы вынуждены будем поставить вопрос на Президиуме ЦК о суровой партийной ответственности.

ЖУКОВ: Я сказал, что постановление 1957 года я принял как коммунист и считал для себя законом это решение. И не было случая, чтобы я его где-то в какой-то степени критиковал. Я хорошо знаю Устав партии и нигде никогда не говорю за исключением того, что я лично до сих пор считаю, и это тяжёлым камнем лежит у меня на сердце. Я не могу смириться с той формулировкой, которая была в постановлении. Постановление было принято без меня, и я не имел возможности доказать обратное, это вопрос об авантюризме. Где же и когда был авантюристом? В каких делах я был авантюристом? Я с 43-го года находясь в партии, отвоевав четыре войны, потерял всё здоровье ради Родины, я где-нибудь позволял какие-нибудь авантюрные вещи? Где факты? Фактов таких нет. И, откровенно говоря, эта неправдивая оценка до сих пор лежит тяжёлым камнем у меня на сердце. Я вам прямо об этом и заявляю.

Относительно оценки, критики Пленума сказал, что я никаких разговоров не вёл. Пусть придёт этот человек и заявит здесь в моём присутствии. Я даю голову на отсечение, что я таких разговоров не вёл, я вообще никуда не хожу, ни с кем не встречаюсь. Мало ли меня приглашали люди зайти побеседовать, но я чувствую, что моей особой интересуются, видимо, хотят что-то узнать, послушать, поэтому я избегаю всяких встреч и нигде не бываю, за исключением Карманова — соседа по даче, ещё там пара человек, полковник один с женой, человека четыре у меня знакомых и больше никого нет. Я нигде не бываю, вообще ушёл от мира сего и живу в одиночестве, так как чувствую, что меня на каждом шагу могут спровоцировать... Месяца три спустя после Пленума я встретил Конева. Он спросил, почему я не захожу? Я ответил: “Чего мне заходить, я нахожусь в отставке”. Он поговорил — как, что, а потом заявил: “Ты всё-таки наш старый товарищ, почему не зайдёшь поговорить?” Я говорю: “Какой же старый товарищ, когда ты всенародно там сказал, что я никакой тебе не товарищ и не друг”. — “Ну тогда мало ли что было, знаешь, какая обстановка была. Тогда нам всем казалось, что дело пахнет серьёзным...”

Относительно истории Отечественной войны. Это, говорю, разговор в пользу бедных, я по этому вопросу ни с кем не разговаривал. Может быть, в какой-то степени разговор был, но его переиначили. И преподнесли именно так, как говорится здесь. Относительно того, кто привёл немцев на Волгу. Персонально никто не может привести, вы же сами понимаете.

Что касается немецких генералов, как они пишут, правдиво или нет. Вы можете посмотреть мои заметки на книгах, которые я прочитал, а их очень много. Я считаю, что более неправдивой истории, чем написали немецкие генералы, я никогда не встречал, не читал. У меня такие заметки,

правда, имеются. Так что это, говорю, вещь, безусловно, натянутая. Видимо, человек, который об этом говорил или сообщал, он передаёт своё собственное мнение и приписывает мне. Насчёт американской помощи то же самое. Я, говорю, много выступал, много писал статей, в своё время выступал публично и давал соответствующую оценку американской помощи и жертв во Второй мировой войне. Так что это то же самое, натянутая откуда-то вещь.

Относительно Малиновского я вам прямо скажу, я эту личность не уважаю. Как человека я его не уважаю. Это моё личное дело. Мне никто не может навязать, чтобы я его уважал, чтобы я ему симпатизировал. Что касается вот этих разговоров относительно Малиновского. В своё время, как известно, его старая жена написала весьма такое тревожное письмо, и мне было поручено вести следствие, я его вызвал с Дальнего Востока и расследовал. Этот материал был передан министру обороны Булганину. Где эти материалы, не знаю. О чём там сообщалось? О том, что Малиновский вопреки тому, чтобы вернуться на Родину, задержался во Франции в Марокканских частях, якобы поступил туда добровольно служить до 20-го года. И тогда, когда уже разгромили Колчака, он почему-то через Дальний Восток, через линию фронта Колчака поступил добровольцем в Красную Армию.

Эти вещи достаточно известны были в Главном Управлении кадров. Щаденко об этом говорил. И Сталин не доверял Малиновскому. Он в своё время был у меня начальником штаба. Я его просил на Халхин-Гол к себе, но мне было отказано по политическим соображениям, что он не может быть назначен. Какой же это человек? Пользуясь присутствием Хрущёва на Дальнем Востоке, он позволил в отношении меня провокационные вещи. Говорил: “Вы смотрите там за Жуковым. Он вас всех там за горло возьмёт”. Разве я могу уважать этого человека, который так провокационно такую вещь позволил по отношению ко мне? А потом выступает с трибуны съезда и ему вторит Голиков, что это, мол, Бонапарт, это Наполеон, который стремился к захвату власти сначала в армии, потом в стране. Если я стремился, если у меня были какие-то акты в этом отношении, какие-то акции, тогда почему же меня не арестовали? Если действительно какие-то организационные начала в этом деле были заложены. Ясно, что я не только его не уважаю, я ему не доверяю. Это моё личное дело.

На всё это ему якобы было сказано: “...Мы же не сами выдумали. Может быть, что-то прибавлено лишнее, но какие-то разговоры были, значит, что-то такое есть. Мы вас обвиняем в том, что вы как коммунист должны были пресечь, резко оборвать этих людей и не допускать

разговоров. Тогда обошлось так, вас оставили в партии, создали вам соответствующие условия, и сейчас видите, мы с вами разговариваем не в порядке какого-нибудь такого, а в порядке предупреждения”.

На это, по его словам, он ответил: “Я говорю, что не боюсь, пожалуйста. Понимаю, что моей личностью многие интересуются, знают, что я много знаю, поэтому каждый старается где-то слово какое-то услышать. Я это совершенно отчётливо понимаю, поэтому я больше всего боюсь провокаций и всяких сочинительств. Можете, говорю, в партийной организации завода справиться. Никогда там никаких разговоров не велось, несмотря на то, что со мной пытались многие заговорить. Я уклонялся от ответа или давал такие ответы, какие полагается. Но вот что касается вашего вызова, вашего разговора, то я считаю, что он, безусловно, полезен. Во всяком случае, он заставляет меня присмотреться к людям, к моим товарищам, которые меня окружают. Я вам весьма благодарен за то, что вы меня пригласили. У меня спросили: “Значит, вы довольны, что мы вас вызвали?” Я говорю: “У меня нет оснований быть недовольным”. Они добивались признания, доволен я или нет, как я реагирую. Я сказал, что я весьма признателен”.

Якобы беседовавшие заявили: “Вот видите, мы достаточно чутко и уважительно к вам относимся”.

“Я говорю: “Спасибо за такую чуткость и за такое уважение”. Но потом я говорю: “Вот я пять-шесть лет по существу ничего не делаю, но ведь я ещё работоспособный человек”. Это я в порядке разведки. “Я физически, слава богу, чувствую себя хорошо и умственно до сих пор чувствую, что ещё не рехнулся, и память у меня хорошая, навыки и знания хорошие, меня можно было бы использовать. Используйте. Я готов за Родину служить на любом посту”.

Мне было сказано: “Да, но это будет зависеть от вашего дальнейшего поведения”. Я говорю: “Поведение у меня всегда партийное, но вот видите, тут не совсем хорошо получается.

А потом, почему меня, собственно, отбросили, я не понимаю. Я Родине отдал почти всю жизнь. Меня даже лишили возможности работать в этой группе”.

“Я читаю и пишу. Я могу показать то, что я пишу. Ничего плохого я не пишу. Передайте, говорю, привет Никите Сергеевичу, поблагодарите его за внимание”.

На вопрос жены: “Но они дружелюбно к тебе относились? Как ты понял?” — Жуков заявил: “Нет, ничего. А Сердюк особенно хорошо. Я бы сказал, разговор вёлся правильно. К ним поступили материалы, они

обязаны были разобраться, в чём дело, почему вдруг такие разговоры с моей стороны. Им надо было выяснить лично у меня”».

Спустя годы в разговоре с историками на вопрос: «Как вы, Георгий Константинович, оцениваете личность и деятельность Хрущёва?» — маршал сказал: «Да что там говорить... Жаль только, что из-за такого дурака столько лет моей жизни пропало!»

Глава сорок шестая

В отставке

«Он оказался политически несостоятельным деятелем, склонным к авантюризму...»

Он был единственным Маршалом Советского Союза, уволенным в отставку. Первое время жил надеждой, что успокоятся, призовут. Готов был принять любую, самую скромную должность, лишь бы снова вернуться в армию. Постановление октябрьского пленума теплило в нём надежду: «Секретариату ЦК КПСС предоставить т. Жукову другую работу».

Из воспоминаний Эллы Георгиевны: «Первое время отец надеялся, что не останется не у дел. Ведь ему было чуть за шестьдесят, он сохранил силы и здоровье, стремление использовать свой колоссальный опыт для военного строительства. Однажды, вернувшись домой из института, я увидела отца в столовой. Он сидел в кресле у окна, держа в руках какой-то листок бумаги, и был явно удручён. На мой вопрос: “Пап, что случилось?” — он ответил, что уже не первый раз пишет на имя Хрущёва просьбу предоставить любую работу. Готов командовать округом, готов возглавить военную академию, стать, наконец, рядовым преподавателем. И вот получил очередной отказ: “В настоящее время предоставить вам работу представляется нецелесообразным”».

Жукову оставили порученца Ивана Прядухина, двоих охранников — Николая Пучкова, Сергея Маркова и солдата, который занимался хозяйством. Чистил снег на дорожках, убирал листву.

Зимой маршал порой выходил в сад и сам брался за лопату. Осенью вместе со всеми окапывал яблони. Любил собирать грибы.

Однажды, это случилось вскоре после злополучного пленума, вместе с Николаем Пучковым он бродил по лесу в окрестностях Сосновки. Набрали полные корзины грибов. Возвращаться на дачу не хотелось. Он остановился на опушке и сказал охраннику:

— Посмотри-ка, Николай Иванович, какой красивый дубок растёт... — И погладил кору молоденького дуба. — Знаешь что... Сходи-ка за лопатой, а я тут посижу.

Вскоре Пучков вернулся с лопатой. Корень оказался довольно глубоким, и им пришлось основательно поработать, чтобы не загубить саженец. Копали по очереди. Выбрасывали из довольно глубокой ямы

серую лесную землю, добрались до глины, а корень всё уходил в глубину. Это восхищало Жукова.

— Николай Иванович, копай глубже, — передавая лопату, сказал он Пучкову. — Корень не потревожь.

Дубок посадили под окнами напротив столовой. На следующий день Жуков оградил саженец колышками и первое время заботливо поливал.

В следующем году на Поклонной горе закладывали первый камень будущего монумента Победы. Устроители торжества позвонили маршалу накануне и пригласили на закладку. По воспоминаниям Николая Пучкова, он, по распоряжению Жукова, вызвал из гаража к 10.00 автомобиль. Машина прибыла, и хозяин дачи, стоя в прихожей перед зеркалом, уже застёгивал маршальскую шинель, когда раздался телефонный звонок. Звонили из Министерства обороны. Порученец Малиновского коротко известил: приезжать на Поклонную гору не надо. Николай Пучков, принимавший это распоряжение, мгновенно отреагировал:

— Пусть с маршалом свяжется тот, кто его приглашал на мероприятие. И хотя бы извинится.

Спустя несколько минут расстроенный Жуков вышел из кабинета и сказал Пучкову:

— Николай Иванович, отпустите машину.

В 1960 году отключили телефон.

Потом начались перебои с подачей воды. Зимой водопровод перемерзал.

Комендантом дачи в Сосновке был подполковник Иван Александрович Прядухин. Он ездил в Москву, договаривался со старыми сослуживцами маршала, и те, тайком от начальства, производили некоторые работы, чтобы облегчить семье Жукова жизнь в Сосновке. Военные связисты отремонтировали телефонную линию, курсанты Военно-инженерной академии им. Д. М. Карбышева пробурили артезианскую скважину и обеспечили жильцов госдачи питьевой водой.

Между тем в прессе шла травля.

Жукова сняли с партийного учёта в Министерстве обороны. Учётную карточку направили в Краснопресненский район, в одну из заводских парторганизаций. Теперь на партийные собрания он должен был ездить на завод. Видимо, расчёт делался на то, чтобы как можно плотнее блокировать общение опального маршала с бывшими сослуживцами и вообще с военными. Его возможное влияние на сотрудников аппарата Минобороны считали нежелательным и даже опасным.

Однако на пресненском машиностроительном заводе новоприбывшего

члена партии сразу полюбили. Правда, выступать на партсобраниях ему было категорически запрещено.

В это время Жуков был окружён родней. Захаживали и бывшие сослуживцы — из самых верных. Генерал Крюков с Руслановой. Баграмяны. Генералы А. П. Белобородов и И. А. Плиев. Но чаще всех бывал генерал Н. А. Антипенко. С Николаем Александровичем, бывшим своим заместителем по тылу, он мог говорить откровенно. Знал: не выдаст, не предаст. Несколько раз Антипенко писал в Президиум ЦК и Брежневу. Писал смело. Не просил, а требовал реабилитации боевого товарища и друга: «Приближается 20-я годовщина победы над фашистской Германией. У миллионов людей естественно возникает вопрос — долго ли будет продолжаться состояние дискриминации одного из прославленных советских полководцев Маршала Советского Союза тов. ЖУКОВА Г. К., заслуги которого перед народом в минувшей войне трудно переоценить?»

Имя Жукова произносилось и поныне произносится советскими людьми с большой любовью, несмотря на самую “сгущённую” и порой надуманную ситуацию.

Иностранная печать и радио явно перебарщивают в прославлении своих, часто незадачливых военачальников периода минувшей войны, но даже и там имя Жукова занимает подобающее место. Советская же печать и радио как бы предали забвению имя этого заслуженного человека, что вызывает ещё большее недоумение и возмущение.

Политическая реабилитация Маршала Советского Союза Жукова Г. К., которой ждут миллионы людей, прозвучала бы на весь мир как долгожданное восстановление справедливости».

На даче в Сосновке к тому времени полноправной хозяйкой стала Галина Александровна. В Москву Жуков по-прежнему отправлял порученца Ивана Прядухина. Тот вспоминал: «Мне приходилось возить продукты из жуковской дачи в Сосновке в Москву к первой жене Георгия Константиновича Александре Диевне. Она спрашивала: “Как там живёт Георгий Константинович?” В свою очередь Галина Александровна тоже выводывала: “Как там?” Моя дежурная фраза: “Не знаю” вызывала женские упрёки: “Всё не знаешь и не знаешь...”».

Хозяин дачи стал много возиться с землёй. Всколыхнулось родовое, мужицкое. Пересаживал, делил кустарники, сажал клубнику. Во всём знал толк. Когда Иван Прядухин привёз саженцы молодой клубники, с восхищением посмотрел на них и спросил:

— Где такой хороший сорт достал?

— На выставке.

Яблонеый сад занимал два гектара — 200 деревьев различных сортов. За садом присматривали специальные работники, знавшие толк в садовом деле. Но хозяин во всё вникал сам. Порой торопил то с обрезкой, то с побелкой штамбов, то с опрыскиванием от вредителей: «Зимой сани не готовят...»

С некоторых пор Жуков стал ценить тишину и немногословие домашних. Даже Галине Александровне мог сказать: «В двух словах можно изъясниться, а ты тарактишь...» И Прядухину: «Короче, Иван Александрович. Мог бы в дороге в машине обдумать, что говорить».

Похоже, Жуков наслаждался тем, что наступила пора в его жизни, когда можно спокойно подумать, что никакой порученец не окликнет тебя срочно подойти к телефону на звонок Верховного, министра, Генерального секретаря...

Галина Александровна после декретного отпуска вышла на работу. Жуков, ещё будучи министром обороны, устроил её в госпиталь им. Бурденко. Выхлопотал квартиру на улице Горького. Галина перевезла к себе мать Клавдию Евгеньевну. Теперь Клавдия Евгеньевна нянчила внучку Машу.

Жуков пытался привести в порядок, так сказать, юридическую часть своих семейных отношений. Надо было зарегистрировать брак с Галиной Александровной. Но Александра Диевна не давала развод. По-женски, видимо, ещё надеялась, что муж одумается и вернётся к ней.

Маршальскую квартиру в доме на улице Грановского Александра Диевна разменяла. Летом жила на даче в Лесном городке. Её Жуков купил для Галины Александровны. Но потом решил остаться в Сосновке. А дом в Лесном городке отдал первой семье. Кроме того, выплачивал Александре Диевне ежемесячно 200 рублей и передал кремлёвскую продовольственную карточку. Продовольственную карточку отоваривал Иван Прядухин и сразу же пакеты с продуктами увозил Александре Диевне.

Откровенничать Жуков мог только с самыми близкими — с женой, Крюковым и Руслановой. И то — во время прогулок по саду и в лесу. Дача была нашпигована «жучками», и он об этом знал. Это, конечно, раздражало. Заметил: в доме даже думать было тесно, неудобно — как будто что-то давило, угнетало. С одной стороны — жил затворником («Я нигде не бываю, вообще ушёл от мира сего и живу в одиночестве...»), с другой — как в прозрачном аквариуме...

Время от времени звонили из газет и журналов, просили о встрече для интервью. В том числе иностранные журналисты. Жуков отказывал.

Не заживала рана от публикаций, которые посыпались сразу после

пленума. Секретное постановление ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте» от 29 октября 1957 года как закрытое письмо ЦК зачитывали на партийных собраниях во всех армейских и флотских партийных организациях, на предприятиях, во всех учреждениях, колхозах и совхозах.

Партийцы есть партийцы. Сразу по прочтении закрытого письма в газеты пошли их отзывы. Негодовали. Поддерживали линию партии: «...т. Жуков Г. К. не оправдал оказанного ему партией доверия. Он оказался политически несостоятельным деятелем, склонным к авантюризму как в понимании важнейших задач внешней политики Советского Союза, так и в руководстве Министерством обороны». Через строки партийного документа, спущенного в низовые партийные организации, проглядывал этакий батяня Махно с троцкистским уклоном...

«Правда», «Известия», «Красная звезда», областные, краевые и республиканские газеты — все старались не отстать и пнуть побольнее. Даже на родине.

Газеты Жуков в руки не брал долгое время.

Отмашку к началу травли дала флагманская «Правда». В секретариате ЦК быстро заготовили текст статьи под названием «Сила Советской армии и Флота — в руководстве партии, в неразрывной связи с народом». Основная суть: Жуков — зарвавшийся бонапартист, наделавший много ошибок в руководстве вооружёнными силами Советского Союза, и главной его ошибкой стала недооценка роли партии в победах армии. Хрущёв нашел подходящую кандидатуру на авторство — Конев! Вот кто подпишет статью! Хоть Иван Степанович и заверяет, что он не друг Жукову, но в Министерстве обороны маршалы заправляли дружной парой. И было время, когда Жуков предлагал на должность министра МВД Конева. Вдвоём бы эти покорители Берлина дел наворотили... Хрущёв потирал руки — сюжетец он придумал классический.

Статью нарочным послали маршалу Коневу. Тот сперва заартачился. Потом, когда припёрли, попросил время, чтобы прочитать и внести некоторые правки.

Говорят, Конев просидел над статьёй всю ночь.

Хрущёву постоянно докладывали: сидит, правит. «Старайся, не старайся, всё равно статья завтра выйдет за твоей подписью», — злорадствовал Никита Сергеевич.

Когда подписанный Коневым текст привезли в Кремль, Хрущёв позвонил «автору» и сказал:

— Завтра в «Правде» читай свою статью. И без фокусов. Понял?

Говорят, что в печать пошёл не тот вариант, над которым работал Конев, а тот, который был заготовлен в секретариате ЦК.

Вскоре после публикации Жуков и Конев встретились на улице. Конев, чувствуя вину, извинился.

— Ну раз так, Иван Степанович, напиши опровержение! — предложил Жуков.

— Георгий Константинович, ты же понимаешь, что это невозможно. Не напечатают. Это ведь решение партии, в нашей стране это закон.

Вскоре Хрущёв уберёт и Конева. Для него он был человеком Жукова.

Когда победители делили лавры, Хрущёв, довольный исходом схватки и в порыве благодарности маршалу за спасение, высказал слова благодарности за наведение должного порядка и дисциплины в Министерстве обороны.

— Вот бы нам ещё и в МВД порядок навести, — сказал Никита Сергеевич, — да нет подходящего человека.

— Есть такой человек! — простодушно и по-солдатски мгновенноотреагировал Жуков.

— Кто? — спросил Хрущёв.

— Мой заместитель — Конев.

Ещё тогда Хрущёв призадумался: танки, обращение к армии и народу, а тут ещё и, похоже, заранее подготовленная кандидатура на пост второго силового ведомства, значит, и об этом он думает...

Трудно теперь сказать, кого из маршалов больше угнетала та статья в «Правде», которую можно было расценивать как предательство. Конев до конца жизни мучился от своего малодушия. Жуков негодовал. Предательство! И кто предал?

Но всё же они помирились.

В декабре 1968 года Конев праздновал своё семидесятилетие. Был приглашён и Жуков. Свои дни рождения Иван Степанович отмечал каждый год и всегда приглашал своих боевых товарищей. Но Жуков приглашения с некоторых пор не принимал. А тут — приехал! Маршалы обнялись. Слезы стояли в их глазах.

Константин Симонов вспоминал: «Среди приглашённых и пришедших на эту встречу был Жуков. И его приглашение в этот день, в этот дом, и его приход туда имели особое значение. Судьба сложилась так, что Жукова и хозяина дома на долгие годы отдалили друг от друга обстоятельства, носившие драматический характер для них обоих, для каждого по-своему. А если заглянуть ещё дальше, в войну, то и там жизнь, случалось, сталкивала их в достаточно драматической обстановке. Однако при всём

том в народной памяти о войне их два имени чаще, чем чьи-нибудь другие, стояли рядом, и в этом всё-таки и состояло самое главное, а всё остальное было второстепенным.

И когда на вечере, о котором я вспоминаю, после обращённой к хозяину дома короткой и полной глубокого уважения речи Жукова оба эти человека обнялись, должно быть, впервые за многие годы, то на наших глазах главное снова стало главным, а второстепенное — второстепенным с такой очевидностью, которой нельзя было не порадоваться.

А потом на этом же вечере один из присутствующих^[197], считая, что он исполняет при этом свою, как видно, непосильно высокую для него должность, вдруг произнёс длиннейшую речь поучительного характера.

Стремясь подчеркнуть свою причастность к военной профессии, он стал разъяснять, что такое военачальник, в чём состоит его роль на войне и, в частности, что должны и чего не должны делать на войне командующие фронтами. В общей форме его мысль сводилась к тому, что доблесть командующего фронтом состоит в управлении войсками, а не в том, чтобы рисковать жизнью и ползать по передовой на животе, чего он не должен и не имеет права делать.

Оратор повторял эту любимую ему и, в общем-то, в основе здравую мысль долго, на разные лады, но всякий раз в категорической форме. С высоты своего служебного положения он поучал сидевших за столом бывших командующих фронтами тому, как они должны были себя вести тогда, на войне.

Стол был праздничным, а оратор был гостем за этим столом. В бесконечно отодвигавшемся конце своей речи он, очевидно, намерен был сказать тост за хозяина. Поэтому его не прерывали и, как это водится в таких неловких случаях, молчали, глядя в тарелки. Но где-то уже почти в конце речи при очередном упоминании о ползании на животе Жуков всё-таки не выдержал.

— А я вот, будучи командующим фронтом, — медленно и громко сказал он, — неоднократно ползал на животе, когда этого требовала обстановка и особенно когда перед наступлением своего фронта в интересах дела желал составить себе личное представление о переднем крае противника на участке будущего прорыва. Так что вот, признаюсь, было дело — ползал! — повторил он и развёл руками, словно иронически извиняясь перед оратором в том, что он, Жуков, увы, действовал тогда вопреки этим застольным инструкциям. Сказал и уткнулся в свою тарелку среди общего молчания, впрочем, прерванного всё тем же оратором, теперь перескочившим на другую тему.

Даже сам не знаю почему, мне так запомнился этот мелкий штрих в поведении Жукова в тот вечер. Скорее всего потому, что в его сердитой иронии было что-то глубоко солдатское, практическое, неискоренимо враждебное всякому суесловию о войне, и особенно суесловию людей, неосновательно считающих себя военными».

Жуков и на склоне своих лет оставался Жуковым. Хотя тот довольно резкий выпад в сторону генерала Епишева, начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота, мог дорого стоить ему. Его мемуары и без того чрезвычайно тяжело, с потерями, с многочисленными претензиями к автору, проходили через минное поле Главпура. «Кому нужна ваша правда?..»

Глава сорок седьмая

Мемуары

«Один из величайших документов нашей эпохи...»

В Сосновку к Жукову частенько стал наведываться Константин Симонов. Разговаривали о войне. Вспоминали. У них было много общего, хотя в жизни, как известно, занимались разным делом.

В мае 1956 года у них состоялась долгая беседа. Встретились они по случаю трагическому. Застрелился секретарь правления Союза писателей СССР Александр Фадеев, «писательский министр», как его называли. В годы войны он был редактором «Литературной газеты», военным корреспондентом. Ходили слухи, что перед смертью Фадеев написал письмо, адресованное ЦК, но письмо было изъято сотрудниками КГБ...

Письмо действительно существовало. Его опубликовали лишь в 1990 году: «...Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из жизни. Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять. Прошу похоронить меня рядом с матерью моей».

Последняя просьба Фадеева выполнена не была.

Из воспоминаний Константина Симонова: «...я встретил Жукова в Колонном зале, в комнате президиума, где собрались все, кому предстояло стоять в почётном карауле у гроба Фадеева. Жуков приехал немного раньше того времени, когда ему предстояло стоять в почётном карауле, и вышло так, что мы полчаса проговорили с ним, сидя в уголке этой комнаты.

Тема разговора была неожиданной и для меня, и для обстоятельств, в которых происходил этот разговор. Жуков говорил о том, что его волновало и воодушевляло тогда, вскоре после XX съезда. Речь шла о восстановлении доброго имени людей, оказавшихся в плену главным образом в первый период войны, во время наших длительных отступлений и огромных по масштабу окружений.

Насколько я понял, вопрос этот был уже обговорён в Президиуме ЦК, и Жукову как министру обороны предстояло внести соответствующие предложения для вынесения по ним окончательного решения. Он был воодушевлён предварительно полученной им принципиальной поддержкой

и говорил об этом с горячностью, даже входившей в некоторый контраст с его обычной сдержанностью и немногословием... Видимо, этот вопрос касался каких-то самых сильных и глубоких струн его души. Наверное (по крайней мере, мне так показалось), он давно думал об этом и много лет не мог внутренне примириться с тем несправедливым и огульным решением, которое находил этот вопрос раньше. Он с горечью говорил: “Мехлис додумался до того, что выдвинул формулу: каждый, кто попал в плен, — “предатель родины” и обосновывал её тем, что каждый советский человек, оказавшийся перед угрозой плена, обязан был покончить жизнь самоубийством, то есть в сущности требовал, чтобы ко всем миллионам погибших на войне прибавилось ещё несколько миллионов самоубийц. Больше половины этих людей были замучены немцами в плену, умерли от голода и болезней, но, исходя из теории Мехлиса, выходило, что даже вернувшиеся, пройдя через этот ад, должны были дома встретить такое отношение к себе, чтобы они раскаялись в том, что тогда, в 41-м или 42-м, не лишили себя жизни”.

Не помню уже в точности всех слов Жукова, но смысл их сводился к тому, что позорность формулы Мехлиса — в том недоверии к солдатам и офицерам, которая лежит в её основе, в несправедливом предположении, что все они попали в плен из-за собственной трусости.

“Труссы, конечно, были, но как можно думать так о нескольких миллионах попавших в плен солдат и офицеров той армии, которая всё-таки остановила и разбила немцев. Что же, они были другими людьми, чем те, которые потом вошли в Берлин? Были из другого теста, хуже, трусливее? Как можно требовать огульного презрения ко всем, кто попал в плен в результате всех постигавших нас в начале войны катастроф?..” Снова повторив то, с чего он начал разговор, что отношение к этой трагической проблеме будет пересмотрено и что в ЦК единодушное мнение на этот счёт, Жуков сказал, что он считает своим долгом военного человека сделать сейчас всё, чтобы предусмотреть наиболее полное восстановление справедливости по отношению ко всем, кто заслуживает этого, ничего не забыть и не упустить и восстановить поправное достоинство всех честно воевавших и перенёсших потом трагедию плена солдат и офицеров. “Все эти дни думаю об этом и занят этим”, сказал он...»

Реабилитация пленных была для него не служебным, а скорее, нравственным долгом. Кое-что сделать он успел. Но потом, с уходом от дел, с отставкой, всё приостановилось.

Симонов появился снова. И снова Жукову вспомнился недавний разговор.

Маршалы и генералы писали мемуары. Жуков читал и покачивал головой. Порой взрывался — враньё!

На предложение самому засесть за мемуары он вначале махал рукой. Но всё чаще думал о погибших, о претерпевших муки плена и, убеждая себя в том, что именно через книгу, через печатное слово, он сможет привлечь внимание и общества, и правительства, и партии к тому делу, которое оставил незавершённым, наконец, решился. В предисловии к западногерманскому изданию «Воспоминаний и размышлений» он напишет: «Я должен был это сделать в память о тех, кто отдал свою жизнь за Родину...».

Осенью 1957-го Жуков приказал адъютанту съездить в Министерство обороны и привезти ему из машбюро пачку писчей бумаги.

Весной 1958 года, как вспоминал Анатолий Пилихин, «на рыбалке, в самый разгар клёва, Жуков что-то вспомнил и, бросив удочку, направился к моей машине. Записав пришедшее ему на ум, он вернулся и сказал: “Надо быстро написать книгу”. Жуков частенько трудился над своими “Воспоминаниями и размышлениями” в уголке столовой за низким столиком, пользовался диктофоном».

Прежде чем засесть за рукопись, маршал перечитал горы литературы. Искал нужные статьи по интересовавшим его темам в различных журналах, в том числе в военных. Делал пометки на полях. Записывал. С особым интересом читал немцев — фельдмаршалов, генералов. Многих из них он встречал на поле боя. Знал цену их словам. Различал, где солдатская правда, а где политика.

На даче в Сосновке ему и жилось спокойно, и работалось хорошо. Ничто не отвлекало.

Работа над книгой настолько увлекла, что он не замечал хода времени. Изредка выходил в сад. Завидев дворничиху Валю, спрашивал: «Валя, какой лист огурец пустил?» — «Да по четвёртому и пятому уже», — отвечала Валя. Жукову нравилось разговаривать с ней, слушать её ярославский говорок. В другой раз начинал расспрашивать о деревне. Она пускалась в рассказы. И вдруг он ей: «А у нас на Протве...» Потом прибежал приبلудный пёс Стёпка, улыбался, ласково и просительно тёрся о ногу хозяина дачи. «Валя, принеси ему колбаски», — уступал он просьбе Стёпки и трепал его за холку. Немного подышав лесным воздухом, снова уходил к столу.

В 1965 году шестым заключительным томом Воениздат завершил публикацию фундаментального труда — «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.». Сейчас это издание называют

«зелёной историей» войны. Жуков после ознакомления с ней сказал в одной из частных бесед: «...Лакированная эта история. Я считаю, что в этом отношении описание истории, хотя тоже извращённое, но всё-таки более честное у немецких генералов, они правдивее пишут. А вот “История Великой Отечественной войны” абсолютно неправдивая. <...> Это не история, которая была, а которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо, прославить, о ком надо, умолчать...»

Авторы статей и составители «зелёной истории» о Жукове попросту умолчали. В этом смысле издание действительно вполне отвечало «духу времени».

Постепенно режим запретов и тотальной слежки слабел. В 1964 году, на октябрьском пленуме Хрущёва сместили более молодые и энергичные партийцы. Страну возглавил Л. И. Брежнев. Внешне он старался демонстрировать своё уважение к Жукову, но, по большому счёту, в жизни маршала мало что изменилось. Правда, ему разрешили появляться на публике. В 1965 году в Кремлёвском дворце на торжественном заседании, посвящённом двадцатилетию Великой Победы, публика встретила Жукова овациями. В тот же вечер его пригласили писатели в Центральный дом литераторов. Когда он вошёл в переполненный зал ЦДЛ, люди встали и аплодировали с возгласами «Жукову — ура!». После выступления на торжественном банкете он сидел за столом с Константином Симоновым, Сергеем Михалковым, Сергеем Смирновым и Борисом Полевым.

Вскоре Жукова начали публиковать в периодике — статьи о битве за Москву и Курской дуге. И тут поступило предложение от агентства печати «Новости» (АПН) издать его воспоминания отдельной книгой.

Возможно, АПН и не сделало бы такое предложение Маршалу Победы, поскольку его руководство тоже прекрасно понимало полузапретное положение своего будущего автора. Но дело в том, что Международное агентство печати «Орега mundi» (Франция, Париж) подготовило глобальный издательский проект — публикацию двадцати книг крупнейших советских политических и военных деятелей периода Второй мировой войны. В список имён, одной из основных позиций, вошло имя маршала Георгия Жукова. В то время в Советском Союзе только АПН обладало правом «публиковать советских авторов за рубежом».

Издательство АПН назначило Жукову редактора — журналиста Анну Миркину. По этому поводу недоброжелатели потом прохаживались не раз: мол, мемуары маршала написала баба...

В августе 1965 года Анна Миркина, предварительно созвонившись, приехала в Сосновку с экземплярами издательского договора. Жуков

внимательно изучил его и внёс одно, но существенное изменение: книга вначале должна выйти в СССР, а потом уже за рубежом. Поправка была принята, и договор он подписал.

Издательство выполнило этот пункт договора: книга вышла в Советском Союзе в марте 1969 года. Потом — по всему миру.

Восемнадцатого августа 1965 года Анна Миркина записала в своём дневнике: «Только что вернулась из Сосновки. Сегодня подписан с маршалом договор (за № 381) на издание книги. Уже есть рабочее название — “Воспоминания и размышления”. Галина Александровна была дома. Встретила очень приветливо — милая, очень русская женщина, под стать Жукову, обаятельная, открытая».

Когда слухи о работе над мемуарами «под договор» расползлись по Москве, свои услуги в качестве литературных редакторов и в какой-то мере соавторов маршалу предложили и Константин Симонов, и Сергей Смирнов. Анна Миркина, чтобы ускорить процесс, тактично предложила Жукову надиктовывать текст на диктофон, а потом расшифровывать. Дочь Элла, тоже журналист, в то время работавшая на Всесоюзном радио, вызвалась заниматься «расшифровкой» диктофонных записей. Жуков выслушал все эти предложения и сказал:

— Нет, писать буду сам, а там посмотрим.

Анна Миркина вспоминала: «В тот первый год, когда он работал над рукописью, я всего несколько раз приезжала в Сосновку. Георгий Константинович был полностью погружён в работу: собирал архивные материалы, встречался со своими боевыми соратниками — бывшими командующими фронтами, членами Военных советов, просматривал выходящие в свет новинки военно-исторической и военно-мемуарной литературы. Писал увлечённо, страстно, азартно, обычно вечерами и далеко за полночь, а в последний период, перед сдачей рукописи в издательство, по 15–16 часов в сутки. Не любил диктовать, писал от руки — “так лучше формулируется мысль, уходит всё лишнее”».

Ему помогали записные книжки, которые он вёл всю войну и которые, к счастью, сохранил. А вот дневники 1940–1942 годов уничтожил во время первой, сталинской опалы.

Привлечённый материал был очень обширным и богатым. По тем временам — сенсационно-новым. Многие документы публиковались и пускались в исторический и научный оборот впервые. «Анна Давыдовна! — писал он редактору в июле 1971 года, когда готовилось к выпуску второе, исправленное и значительно дополненное издание. — Посмотрите мои вставки и поправки. Архивные документы пометьте обязательно без

сокращений и правки...»

В эти дни у него на даче в Сосновке частенько собирались бывшие сослуживцы: заместитель по тылу 1-го Белорусского фронта генерал Н. А. Антипенко, член Военного совета фронта генерал Ф. Е. Боков, маршал И. Х. Баграмян.

Когда писал первые главы — о родителях, детстве, школе, юности, земляках, — ездил на родину. Побывал в Стрелковке, в Угодском Заводе, Чёрной Грязи, Огуби и окрестных деревнях. Походил по берегам Протвы. Смотрел на степенное течение реки. От истока к устьям...

Его книга композиционно так и выстроена: от малой родины — к великой Родине, от Стрелковки — к России, от Протвы — к двенадцати морям, омывающим СССР.

В марте 1966 года, точно в означенный договором срок, маршал передал в редакцию АПН машинописную рукопись объёмом 1430 страниц. Это — 65 авторских листов.

Но дальше началось самое главное и, как оказалось, трудное.

Рукопись должна была визироваться в Главлите, а потом в ЦК.

Для работы с рукописью маршала Жукова в Военном отделе ЦК КПСС была в срочном порядке создана специальная комиссия в составе ответственных товарищей из Военно-научного управления, Генерального штаба Вооружённых сил СССР, Института военной истории. Рукопись размножили и отдали рецензентам.

Первая рецензия была по сути дела смертным приговором для «Воспоминаний и размышлений»: «Издание книги Г. К. Жукова признать нецелесообразным. Маршал Жуков преувеличивает свою роль в истории Великой Отечественной войны, недостаточно показывает роль партии, книга сможет принести вред советскому народу». Эту убийственную рецензию подписали маршалы А. Гречко, М. Захаров, К. Москаленко, генерал армии А. Епишев.

Такого рода резюме можно было написать и не читая рукописи, а исходя из прежних «заслуг» маршала перед ЦК. Но рукопись всё же читали с большим интересом. Среди экспертов и членов специальной комиссии начались разногласия. В конце концов разум возобладал, и в адрес издательства из ЦК пошло письмо: «Работайте над ошибками и исправлениями, а там посмотрим». К письму был приложен список «ошибок» и рекомендаций — на пятидесяти страницах.

Жуков негодовал. Прочитав «рекомендации» специальной комиссии и рецензии научных экспертов и консультантов, он несколько дней не находил себе места. Анна Миркина вспоминала: «То, что предлагалось

сделать, в некоторых случаях было прямым искажением истории».

Издательство тоже пребывало в панике. Уже подписаны договоры с зарубежными издателями, определены сроки... Директор АПН и талантливый журналист Вадим Комолов переговорил с Жуковым и, видя, что маршал не хочет уступать некоторых позиций, которые и для него, и для ЦК были принципиальными, взял инициативу на себя. Некоторые абзацы он просто-напросто переписал, сделал их более *партийными*. Подключил и других «доводчиков». И вскоре *доведённую* таким образом рукопись повторно представили на суд комиссии.

Это был второй круг ада...

Некоторые авторские варианты дочери маршала Марии Георгиевны удалось восстановить по рукописям отца только при подготовке 12-го и последующих изданий «Воспоминаний и размышлений».

«Практически работа строилась так, — вспоминала Анна Миркина, — замечания рецензентов сообщались автору, он делал свои заключения, они направлялись В. Г. Комолову, шёл совместный поиск приемлемых решений».

«Уважаемый Вадим Герасимович!

Посылаю отработанные главы XI–XV, XIII, XIX. Всего 7 глав, которые были просмотрены т. Жилиным (в то время начальник Института военной истории. — С. М.). Все его замечания мною в основном приняты, за исключением для меня непонятных (глава XI) и необоснованных. В этих его замечаниях он должен, прежде всего, сам разобраться... 14 октября 1967 года. Г. Жуков».

Постепенно правка рукописи Жукова увлекла. Он увидел возможности усилить книгу новыми фактами и документами.

Анна Миркина ездила по архивам и библиотекам, добывала нужные книги и документы. Летом 1966 года поехала на родину маршала. Надо было найти некоторые документы, касающиеся Стрелковки и её обитателей, кое-что уточнить. В книге «Вторая победа маршала Жукова» она рассказывала о той поездке: «День выдался неудачный, пошёл дождь, и в Стрелковку из Угодского Завода мы с сопровождающим товарищем из исполкома приехали насквозь промокшими. Хлюпали по ужасающей грязи — ни мощёных дорог, ни асфальта, разумеется, не было. И, в общем, не было и самой деревни, той большой, густо населённой Стрелковки, которая, соединяясь через овраг с соседней Огубью, образовывала как бы одну большую деревню, как отложилось в моей памяти.

Немцы сожгли обе деревни, и остались отдельные разрозненные оветшалые избы, поломанные изгороди, поваленный колодец...

Так больно стало на душе!

— Что же вы не отстраиваете деревню? — спросила у спутника.

— Да куда её отстраивать? Средств нет, да и зачем? Снесём и эти дома и построим свиноферму.

— Почему же именно свиноферму? А история вас не волнует? Здесь же родина маршала Жукова!

— Свиноферму потому, что земля у нас неважная, урожайность зерновых слабая. А история? Вы же знаете, как обстоит вопрос с Жуковым... Никто его не реабилитировал и вряд ли это будет...

— Обязательно будет!

Всё во мне клокотало! Такое равнодушие у земляка! Просто не хотелось в это верить.

О своём визите в Стрелковку и разговоре с местным руководителем я Георгию Константиновичу не рассказала».

Но Жуков и сам знал многое. И всё прощал землякам. Забитым, затурканным властью и нищетой... Когда приезжал на родину, кабинеты местных партийных и советских руководителей словно вымирали. Правда, когда книга вышла, всё изменилось. Она всколыхнула любовь и интерес к Маршалу Победы не только в стране, но и во всём мире. Власть не могла не считаться с этим. Опала, все запреты и ограничения, которыми власть опутывала самого славного из своих полководцев, исчезли, как нелепый морок.

Книга шла к читателю долго — три года. Полосу заграждения для неё выстроили довольно искусную. Одним из непременных условий специальной комиссии было обязательное редактирование рукописи военным историком. Это называлось спецредактированием. Долго не могли найти такого человека. Все, к кому обращалось издательство, отказывались сразу, как только узнавали, на чью рукопись их приглашают. Боялись за свои генеральские, полковничьи и подполковничьи погоны, за кандидатские и докторские звания. Жуков, видя, что сроки необъяснимо затягиваются, злился. Здоровье уходило. Летом 1967 года он перенёс повторный инфаркт. Как и первый, он прошёл без осложнений. Сильный организм и воля помогли быстро вернуться к полноценной жизни.

На пути к типографии рукопись потеряла более ста страниц. Купюры, конечно же, компенсировались новыми вставками и «доводками». Но количество не всегда переходит в качество. Жуков вынужден был что-то уступать, идти на компромисс. Иначе свою книгу он так и не увидел бы изданной при жизни.

Анна Миркина вспоминала, что иногда ему привозили какие-то

возражения или предложения по изменениям в тексте. Жуков внимательно вчитывался в поправки и говорил: «Хорошо, я подумаю». Когда на следующий день она приезжала на дачу, Жуков встречал её в кабинете с вчерашним листом в руках и, не здороваясь, издали бросал: «Нет!»

В январе 1968 года он перенёс тяжелейший инсульт с поражением органов движения, речи, воспалением тройничного нерва. Последний недуг, воспаление, мучил его до конца жизни. Речь вернулась скоро. Память тоже. Но ходить самостоятельно долго не мог.

Лечил Жукова академик Е. И. Чазов. Из Японии был приглашён крупный специалист по иглоукалыванию. Теперь дни и ночи были подчинены спасению жизни. А он продолжал думать о рукописи, всё ещё незавершённой.

Летом Жуков поправлял здоровье и отдыхал в «Барвихе». А издательству необходимо было срочно завизировать в ЦК несколько глав. Изувеченные цензорами главы принесли маршалу. Он внёс правку и передал редактору.

Мемуары Жукова теперь читал Л. И. Брежнев. Они ему понравились. Брежнев мгновенно понял, что это будет книга колоссальной популярности.

В издательство позвонили, сообщили, что всё хорошо, но необходим ещё один, последний штрих, который решит всё: автор должен упомянуть в книге начальника политотдела 18-й армии полковника Л. И. Брежнева...

«Доводчики» тоже были в ужасе. Как? С какой стати здесь Брежнев? Они и не встречались на фронте... Но кто-то из редакторов среди копий архивных документов нашёл упоминание о том, что 18 апреля 1943 года маршал Жуков вместе с наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым, командующим ВВС А. А. Новиковым и представителем Генштаба генералом С. М. Штеменко прибыл в штаб 18-й армии генерала К. Н. Леселидзе, «чтобы на месте изучить обстановку перед готовящейся операцией». Тут же подготовили вариант правки. Дописали всего три строки — о том, мол, маршал приехал посоветоваться с начальником политотдела 18-й армии...

«Поправку» повёз Жукову исполнительный и безотказный Иван Прядухин. Анна Миркина ехать к Жукову и согласовывать новую поправку вначале наотрез отказалась. Ночью ей позвонил Вадим Комолов и приказал немедленно отправиться в Сосновку и привезти согласованную поправку, так как «завтра утром САМ будет лично смотреть рукопись...». Бедная Миркина не знала, что ей делать. Машина за ней уже была выслана. Делать нечего, позвонила в Сосновку. Трубку сняла Галина Александровна.

«Вхожу в дом, — вспоминала Анна Миркина. — Георгий

Константинович, как обычно, сидит в своём кресле в синем домашнем сюртуке, застёгнутом на все пуговицы, перед ним — рукопись, открытая на пресловутой странице с приколотой скрепками вставкой.

Длительное молчание.

— Георгий Константинович! Нет выхода. Они ни за что не пропустят книгу без этой вставки!

Галина Александровна горячо меня поддерживает:

— Георгий, ты подумай, такой труд затрачен! Всё это для истории, для будущих поколений, чтобы знали правду о войне!

Маршал ничего не отвечает. Долго молчит. Потом молча берёт фломастер.

— Умный поймёт! — с раздражением произносит он и подписывает вёрстку.

Стараясь не смотреть ему в глаза, низко опустив голову, забираю рукопись и вместе с Галиной Александровной выхожу в прихожую».

В 12.00 следующего дня в кабинете директора издательства АПН раздался звонок. Звонили из ЦК: Леонид Ильич прочитал рукопись, она ему понравилась, можете запускать в производство, советским людям, особенно ветеранам войны и молодёжи, книга эта очень нужна...

Первый тираж — 100 тысяч экземпляров — отпечатала типография «Правда».

Сигнальный экземпляр в Сосновку привезла Анна Миркина. Там уже были Элла Георгиевна с мужем Виктором Александровичем Ерохиным, Комолов, фотокорреспонденты некоторых центральных газет.

Жуков взял книгу в руки, поставил её на стол, долго молча смотрел на неё...

Буквально через несколько дней книга вышла в Югославии.

В книжные магазины страны «Воспоминания и размышления» поступили в апреле 1969 года. К Дому книги на Новом Арбате очередь занимали от кинотеатра «Октябрь». В магазине «Книжный мир», где теперь «Библио-Глобус», толпа поднажала на двери так, что посыпались витрины и пришлось вызывать конную милицию для наведения порядка.

Письма, хлынувшие в адрес издательства от благодарных читателей, в Сосновку возили в больших крафтовых мешках. Среди них были такие, которые стали прекрасным материалом для будущих переизданий и дополнений.

В издательстве тем временем трудились как пчёлки переводчики. Переводы на английский, немецкий, французский, испанский и арабский языки были осуществлены в АПН. Поскольку школа перевода в стране

тогда была высочайшего уровня, иностранные издатели и читатели получили весьма качественные тексты.

За рубежом книга сразу вошла в каталог бестселлеров и имела устойчивый коммерческий успех.

На суперобложке западногерманского издательства DFA (Штутгарт) крупным красным шрифтом было набрано: «ОДИН ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ДОКУМЕНТОВ НАШЕЙ ЭПОХИ».

Во всех крупнейших газетах и журналах появились рецензии. На выход мемуаров одного из величайших полководцев Второй мировой войны откликнулись известные историки, военные публицисты, политики, читатели, люди, пережившие фашизм. Многие из них с благодарностью вспоминали русского солдата, принёсшего им освобождение.

В Советском Союзе несколько месяцев стояла гробовая тишина. И только осенью в журнале «Коммунист» появилась обширная рецензия маршала Василевского.

Самый верный и глубокий по смыслу отзыв на «Воспоминания и размышления» дал Михаил Шолохов. Назвав Жукова великим полководцем суворовской школы, Шолохов заметил: «Он понимал, что на плечи солдата легла самая нелёгкая часть ратного подвига. Думаю, поэтому его воспоминания и пользуются такой любовью. Писателям-профессионалам иной раз нелегко тягаться с такой литературой. Это — свидетельство очевидцев и участников событий».

Глава сорок восьмая

Последние дни

«Это был уже взгляд за ту черту; которая живых отделяет от мёртвых».

Когда Марию Георгиевну однажды спросили о том, как она относится к той возне вокруг имени её отца и упрёкам, что, мол, Жуков и не так воевал, и солдат не жалел, и к славе по трупам шёл, она задумалась и вдруг ответила словами Иоанна Восторгова, проповедника и миссионера, расстрелянного в 1918 году: «Клевета норовит прилепиться чаще всего к той области, где человек наиболее безукоризненно себя проявляет».

Пожалуй, что так. Совсем недавно, перечитывая подаренную Марией Георгиевной книгу об отце, я нашёл это место и снова внутренне согласился с точностью определения.

«Его не стало, когда мне было семнадцать лет, — написала в своей книге «Маршал Жуков — мой отец» Мария Георгиевна Жукова. — Когда он был рядом, трудно было представить себе, что он может умереть. Он уже долго болел — с декабря месяца 1973 года, сразу после 40-го дня по смерти мамы попал в кремлёвскую больницу. Я регулярно бывала у него, состояние его было всё это время примерно одинаковым, довольно тяжёлым. Свидания наши были короткими: отцу трудно было говорить».

«Вспоминаю слова бабушки: “Папа с такой тоской смотрел на тебя”».

Его подкосила ранняя смерть любимой жены — Галины Александровны, Галюши, как он её называл.

Порученец Иван Прядухин, долгие годы наблюдавший их взаимоотношения, говорил: «Такой любви можно только позавидовать».

И им, конечно же, завидовали. Особенно ему. Всё у него в жизни получалось. Наследник здоровых народных кровей, лихой кавалерист, он всегда умел схватить жизнь под уздцы. Вскоре после знакомства Жукова с Галиной Александровной, когда пошли слухи и разговоры и молва донеслась до Кремля, в штаб округа позвонил Сталин: «Зачем я вас, товарищ Жуков, послал на Урал?» — «Командовать округом, товарищ Сталин». — «Вот и командуйте! А вы чёрт знает чем занимаетесь!..» — И бросил трубку.

Позже бедная Александра Диевна, терзаемая изменой мужа, через свою подругу Нину Петровну Хрущёву обратилась к первому секретарю

ЦК КПСС с жалобой на семейные неурядицы. «А ты живи, как все, — сказал Хрущёв Жукову. — Живи с семьёй и люби, кого хочешь, на стороне». — «Нет, — сказал Жуков. — Двойной жизнью жить не буду. Я отдал своей прежней семье всё, что мог. Мои дети имеют своих детей. А у меня родилась дочь, и я обязан поставить её на ноги». — «Ну, смотри, — сказал Хрущёв, — ты рискуешь партбилетом».

Галина Александровна была ровесницей его старшей дочери Эры. Они и подружились потом. Добрая и сердечная Эра часто приходила к ней в госпиталь, когда была сделана операция и обнаружены раковые метастазы. Поддерживала Галину Александровну как могла, утешала, часами беседовала с больной.

Когда жены не стало, Жуков осиротел. Подолгу стоял у её портрета. Всмотривался в любимые черты. Это был уже взгляд за ту черту, которая живых отделяет от мёртвых.

Жалел дочь. За жизнь он цеплялся только ради неё. Как-то в разговоре о детях сказал:

— Хочу, чтобы Машенька выросла такой же образованной и скромной, как Эра и Элла.

Он уже не хотел ни славы, ни почестей. Земное отдалялось.

Для Кремля, похоже, он до самых последних дней был проблемой, обузой. Этаким скалообразным камнем преткновения. Пока он был жив, Брежневу не осмеливались повесить на грудь орден «Победа».

Когда здоровье позволяло работать, Жуков сразу брался за рукопись, которую редакторы усиленно готовили для второго издания.

В новое издание Жуков ввёл несколько новых глав, выправил и значительно дополнил старые. Но двухтомник автор в руках подержать не успел. Второе издание «Воспоминаний и размышлений» вышло уже после его смерти.

Во время работы над вторым изданием в редакционном коллективе появился историк-консультант, кандидат исторических наук — полковник Е. Н. Цветаев. С выходом книги Маршала Победы рухнула стена запрета на Жукова. Власти вынуждены были считаться с обстоятельствами.

В октябре 1972 года Жуков передал в издательство выправленный вариант нового издания. Полковник Цветаев прочитал рукопись и предложил проект её улучшения — усиления её научной составляющей. В основу были положены 14 вопросов-пунктов.

Жуков, в свою очередь, прочитал их и ответил принципиальным письмом:

«Ознакомившись с предложениями, считаю уместным сделать некоторые замечания.

1. Моя книга “Воспоминания и размышления” написана в плане личных воспоминаний и размышлений над ними. Рассчитана она на широкого читателя. В проекте главы “Ставка ВГК” я также придерживался этой же цели.

Раскрывать работу Ставки ВГК в большом объёме считаю нецелесообразным. Предложение собрать из других глав материал об отдельных элементах работы Ставки ВГК, безусловно, заманчиво, и оно обогатит главу, но в то же время серьёзно обеднит остальные главы. Поэтому делать этого не следует.

2. В пункте втором: предлагается шире раскрыть вопросы работы Ставки в их исторической последовательности. Этого делать в моей книге не следует. Как работала Ставка в начале войны, когда председателем её был С. К. Тимошенко, вполне достаточно рассказано в главе “Начало войны”. Критика принятых и непринятых решений также дана в этой главе. Специального решения Ставки на стратегическую оборону не было. Она сложилась в результате неблагоприятной для нас обстановки на всех оперативно-стратегических направлениях. Процесс принятия решений Ставки одинаковым не был. Каждое её решение вытекало из сложившейся обстановки и наших возможностей.

Я не возражаю, если это будет дано дополнительно, с приведением интересных исторических документов.

В третьем пункте предлагается разработать вопрос о предвидении.

Я лично по состоянию здоровья разработать более детально, чем дано в книге, сейчас не могу.

21.11.73.

Жуков».

На остальные вопросы он ответил своими пометками на полях рукописи.

К примеру, на предложение в пункте 4-м «шире осветить проблему научного предвидения» кратко и недвусмысленно отреагировал ремаркой: «Я не пишу научный трактат».

Однако предложения научного консультанта заставили Жукова вновь перечитать текст и внести существенную редактуру и дополнения в те главы, которые полковник Цветаев трогать не хотел.

Размышляя о просчётах немецкого командования, он написал: «Если рассматривать гитлеровский план “Барбаросса” с военной точки зрения,

надо сказать, что он построен на шаблоне, без учёта трудностей, с которыми пришлось столкнуться немецко-фашистским войскам, вследствие чего с первых дней война пошла иначе, чем рассчитывало германское командование. В результате в 1941 году, понеся трудновосполнимые потери, немецко-фашистские войска не достигли ни одной стратегической цели, а в 1942 году гитлеровское командование по своим силам не могло уже вести крупные операции на всех стратегически важных направлениях. Пришлось ограничиться наступлением на юге нашей страны, с целью выйти на Волгу и отрезать от страны Кавказ и Закавказье».

Из этого письма можно сделать несколько выводов.

Первый: автор не хотел впускать в свои мемуары излишнюю научную чопорность, чтобы обилием архивных сведений не погубить теплоты человеческого документа.

Второй: отмёл принцип — разложить всё по полочкам. Что тоже придало бы книге пресноватый привкус казёнщины.

Третий, самый главный: автор не хотел разрушать жанра действительных воспоминаний и размышлений.

Двадцать третьего апреля 1974 года Жуков подписал вёрстку и макет второго издания.

Восемнадцатого июня того же 1974 года его не стало.

Он пережил свою жену всего на полгода.

Последние полтора года он сильно страдал. Галина Александровна сокрушалась по поводу резкого ухудшения его здоровья после инсульта. Но ушла раньше.

На консилиум в Сосновку приехали лучшие врачи мира. Проводил консилиум академик Е. И. Чазов. Были известные специалисты из Франции. Уже ничего сделать они не могли. Свеча догорела...

Из воспоминаний Марии Георгиевны: «Потом наступили долгие дни неизвестности — отец был уже без сознания. Могучий организм боролся со смертью. Один раз меня пустили в его палату, и мне стало страшно. Только бегущая светлая точка на экране показывала, что он ещё жив... Через некоторое время я вышла в тёмный коридор, сняла белый халат. Ничего не видя вокруг, спустилась на лифте и вышла на улицу Грановского. Тогда я ещё не представляла, что всего несколько часов отделяют меня от звонка медсестры по телефону: “Георгий Константинович умер” 18 июня 1974 года, в 14 часов 35 минут остановилось его сердце. В свидетельстве о смерти написали вместо “сердечная недостаточность” “недостаточность сердца”...»

По воспоминаниям Эллы Георгиевны, на лице отца в момент, когда подняли простыню, они увидели печать страданий. «Кажется, что он ещё чувствует боль», — написала она потом в своих воспоминаниях.

Лишь на третий день в газетах появилось сообщение о смерти Жукова.

Дети ждали решения власти о похоронах. Жуков просил похоронить его на родине, рядом с отцом. Но в ЦК решили иначе — кремировать.

Прощание с телом проходило в Центральном доме Советской армии. Люди шли со всей Москвы, ехали из других городов и областей. Фронтовики пришли в форме времён войны.

На второй день прощания семнадцатилетнюю Марию Георгиевну и её бабушку Клавдию Евгеньевну неожиданно вызвали в Сосновку — поступило распоряжение срочно освободить дачу. Так и не дали младшей дочери проститься с отцом перед тем, как тело его увезли в крематорий.

Анна Миркина вспоминала: «Двери зала внезапно закрылись, доступ народа прекратился, и в зал вошли члены Политбюро во главе с Л. И. Брежневым. Подойдя к первому ряду, Леонид Ильич каждому лично пожал руку, выразил глубокое соболезнование и... прослезился».

Через полчаса, вместе со всеми, дочери маршала узнали от распорядителя, что тело отца будет кремировано.

Москвичи, заполнившие тротуары вдоль улиц, по которым двигался траурный кортеж, запомнили одинокую фигуру безногого инвалида в матросской форме. Он выехал на своей убогой самодельной тачке на подшипниках за линию оцепления и плакал, мотая головой и вытирая лицо бескозыркой.

Глава сорок девятая

Был ли Жуков верующим

«Отец был по рождению и воспитанию, по самому своему мировосприятию православным человеком, как православны были его солдаты...»

Вопрос о том, был ли Жуков верующим, возникает время от времени. Видимо, он важен, если сторонники и хулители маршала возвращаются к этой теме снова и снова.

Не утверждая в начале нашего исследования ни веры, ни безверия Жукова, соберём вместе факты и фрагменты его жизни, чтобы из суммы собранного попытаться увидеть то существенное, но незаметное в частностях, порой кажущихся малозначительными, что трудно собрать в общее.

Родился Егор Жуков в православной семье. В воскресные дни вместе с родителями ходил в приходскую церковь в Угодку.

Образование получил в сельской церковно-приходской школе и сохранил и о ней, и об учителях, и об одноклассниках самые тёплые и добрые воспоминания. В том числе и классном законоучителе заштатном священнике отце Николае Ремизове.

Всю жизнь, вспоминая родину, хранил светлое чувство памяти и уважения, сыновней благодарности своему первому учителю — Сергею Николаевичу Ремизову, сыну приходского батюшки. Уже в поздние годы, чувствуя долг перед учителем, искал его могилу. Хотел поставить памятник.

Учась в школе, пел в церковном хоре.

Брал книги из библиотеки учителя Сергея Николаевича, а также у отца Николая. Среди книг были и духовные.

Живя в Москве, вместе с двоюродными братьями и сёстрами ходил на службы и в приходскую церковь, и в храм Христа Спасителя. Набожный дядя Михаил Артемьевич водил их и в другие храмы Москвы, где хорошо пели.

Таким образом, с самого раннего детства, через отрочество и юность образ веры Христовой и православной церкви сплетался в нём с образами родины, родной природы Стрелковщины, с образами лучших людей, земляков. Встречи с земляками всегда были для него желанны. Приезды на

родину становились праздниками души.

Полюбил девушку, о которой ходили слухи, что она поповна. Она стала его женой, матерью его детей.

При том, что отношение к священнослужителям в 1920-е и 1930-е годы со стороны власти было жестоким, ни документы, ни свидетельства современников не донесли до нас ни единого факта участия Жукова в расправах над священниками и монахами.

В 1939 году после короткой, но кровопролитной войны на реке Халхин-Гол в Монголии, командуя группировкой, он разрешил японцам похоронить своих убитых согласно религиозному обряду. Чувствительные к подобным проявлениям человеческой души японцы с восхищением приняли жест великодушия победителя.

Испытывал особое уважение к своему земляку генералу Потапову, зная его тайную религиозность.

В 1956 году Жуков вместе с женой Александрой Диевной отдыхая в Чехословакии в Карловых Варах. Когда курортная лень наскучила, он принялся исследовать окрестности. Однажды узнал, что вблизи есть православная церковь, заложенная ещё Петром Первым. Взял с собой офицера охраны и пустился в путь. Вскоре они поднялись на гору, где стоял храм. Когда они подошли к нему, Жуков обратил внимание на пожилую старушку, стоявшую на крыльце. Она оказалась графиней из русских эмигрантов. Жуков стал с почтением её о чём-то расспрашивать. Историю этой нечаянной встречи двух русских людей в чужих краях рассказал тот самый офицер охраны. Но в момент разговора Жуков дал понять ему, чтобы тот не мешал им, и офицер отошёл в сторону. «Потом мы услышали, — рассказал офицер охраны, — от казака из бывших русских эмигрантов: “Смотрите, вон батюшка бежит сюда!” Священник жил в домике при церкви. В Чехословакию он был прислан из... Одессы. В церкви Жуков и я поставили свечи».

В другой раз охранник Николай Пучков вспоминал ещё одну странную встречу. Это случилось в Ялте и тоже во время отдыха. К маршалу подошла женщина и представилась внучкой поэта Тютчева. Жуков заинтересовался. Разговорились. Жуков заметил у неё крестик. Она жаловалась, что тяжело живётся, не хватает средств к существованию. «У тебя есть деньги?» — спросил Жуков охранника. Тот всегда носил с собой несколько крупных банкнот. Пучков начал отсчитывать. Но Жуков взял всю пачку и протянул внучке Тютчева. Впоследствии охранник, вспоминая опрометчивую щедрость маршала, сомневался, что встретившаяся на ялтинской улице женщина действительно была внучкой великого русского поэта.

Дочь Мария Георгиевна в книге об отце написала: «Отец был по рождению и воспитанию, по самому своему мировосприятию православным человеком, как православны были его солдаты, вместе с ним перед боем говорившие: “Ну, с Богом!”».

Во время войны ходили слухи, что в 1941-м, когда немцы подошли к Москве, Жуков личным распоряжением и на своей машине прислал в деревню под Наро-Фоминском священника из Москвы — чтобы окрестить всех детей.

А в 1945 году, когда Берлин взяли, Пасха совпала с Днём святого Георгия Победоносца, сокрушителя змия.

Из книги Марии Георгиевны Жуковой: «В Белоруссии, в Каменецком районе Брестской области, в селе Омеленец находится Свято-Крестовоздвиженская церковь. В годы войны фашисты сняли с неё все колокола и отправили на переплавку в Германию. В период освобождения Белоруссии на звоннице находился наблюдательный пункт советских войск. Кругом рвались снаряды, но церковь осталась нетронутой. Настоятель храма отец Евгений Мисюк с церковного амвона призывал верующих молиться за спасение Отечества, был инициатором сбора и отправки посылок для бойцов, за что получил благодарственное письмо от маршала Жукова. В День Победы 9 Мая 1945 года в Омеленецкой церкви был отслужен благодарственный молебен. Отец Евгений в письме к Жукову написал о молебне, поздравляя его с победой, пожаловался, что все колокола с церкви были увезены оккупантами. Письмо дошло до адресата, и маршал, несмотря на занятость, поручил найти колокола. В районе Познани удалось обнаружить колокола, которые фашисты не успели переплавить — они были не омеленецкие, но всё равно отлитые русскими мастерами. Вскоре от маршала пришёл ответ и посылка... весом в тонну — три колокола! Колокола повесили при помощи прихожан и воинов соседней части. Но тут случилась неувязка: колокола повесили, а звонить местное начальство не разрешило. Тогда отец Евгений с прихожанами написали письмо в Минск, дескать, как же так — колокола подарил Жуков, а звонить в них не разрешают! Высокому начальству ничего не оставалось, как дать “добро” Такого благовеста ещё не слышала округа! По сей день во время богослужений над селом и окрестностями раздаётся призывный и умиротворяющий колокольный звон».

В июле 1945 года Жуков, осмотрев православный храм-памятник русской воинской славы в Лейпциге, приказал срочно перебросить сюда сапёрную бригаду для восстановления разрушений и отделки церкви. Церковь была построена в 1913 году в год столетия Битвы народов под

Лейпцигом и сокрушения армии Наполеона русскими, прусскими и австрийскими войсками. Работу, как пишут историки, Жуков принимал лично, «приехал на открытие храма и возжёг в нём лампаду».

Домашние рассказывали, что в православные праздники — на Пасху, Троицу, Рождество Христово, на Благовещение — он всегда надевал чистую рубаху и пребывал в эти дни в особом расположении духа.

А когда освободили Киев, Жуков разрешил не только в Киево-Печерской лавре, но и во всех уцелевших приходских храмах отслужить благодарственный молебен. В одном из путеводителей я прочитал: «В столице Украины есть чудотворная Гербовецкая икона Божией Матери, которую маршал Жуков отбил у фашистов».

В Одессе Жуков дружил с офтальмологом профессором Владимиром Петровичем Филатовым, который, как известно, был человеком набожным. Когда над храмом, прихожанином которого был Филатов, нависла угроза закрытия, Жуков сделал всё от него зависящее, чтобы этого не произошло.

Уральцы с благодарностью вспоминают такой факт. Когда маршал узнал, что исправительно-трудовая колония занимает здание Спасо-Преображенского собора, приказал перевести заключённых в другое место.

Когда Жуков уже болел и никуда из Сосновки не выезжал, к нему однажды приехал его бывший фронтовой водитель Бучин. «Здравствуй, Александр Николаевич!» — радостно встретил его маршал. Посидели, поговорили. Вспомнили фронтовые будни. Бучин потом рассказывал: «... незлобивость, которая была в характере Жукова, начинает прорываться с годами как чуть ли не христианское смирение. Чудно это было мне. Что особенно удручало — всенарастающее смирение». Бучину, отсидевшему в лагере за здорово живёшь, конечно же, хотелось отмщения. Или хотя бы побранить власть. А Жуков пребывал уже в другом состоянии.

Когда его спрашивали, какие качества в первую очередь помогли Красной армии, советскому солдату выстоять и победить, он отвечал: «Терпение, мужество, величайшая стойкость, любовь к Родине». Но прежде всех других — терпение. Он говорил это, когда понял всю глубину этого человеческого качества, которое постепенно преображается в добродетель.

Родственники вспоминают случай: когда уже похоронили Галину Александровну, Жуков, больной, постоянно чувствуя своё одиночество, однажды в раннюю Пасху включил в столовой радио — «Голос Америки». Там транслировали концерт Нью-Йоркского симфонического оркестра — звучала «Всенощная» Сергея Рахманинова. За окнами ослепительный снег. Лучи солнца пронизывали сад и всю окрестность, проникали в столовую, скользили по полу и мебели. Он стоял, словно озарённый внезапной

догадкой о смысле не только своей жизни, но и бытия вообще. Вспоминал ли он детство? Родителей? Учителей? Дядю и братьев? Своих любимых? Или молился о своих дочерях?

Глава пятидесятая

Легенды, истории и байки о маршале Жукове

«Спасибо тебе, солдат! Ты сделал меня маршалом...»

Вячеслав Молотов, будучи уже в отставке и не у дел, любил рассказывать такую историю: «Мы с Жуковым практически в одно и то же время выполнили одну и ту же задачу, отодвигая войну: я подписал Пакт о ненападении с Германией, а Жуков на Дальнем Востоке дал отпор японским самураям. Как появился Жуков на Халхин-Голе? Сталин сказал Тимошенко: “Мне нужен такой командир, чтоб он не просто разгромил японцев, а свирепо порвал их на куски, чтоб у них вообще отпала охота идти на север. Пусть устремятся в Океанию! Есть такой командир?” — “Есть”, — ответил Тимошенко и назвал имя Жукова».

Многие из очевидцев вспоминали, что перед сражением Жуков выбирался куда-нибудь на передовую и за несколько часов до артподготовки брал горсть земли и нюхал её. Словно пытался понять, принесёт битва победу или нет. По этому поводу высказался даже Хрущёв. На пленуме ЦК в октябре 1957 года, после которого Жуков был отправлен в отставку, Никита Сергеевич сказал: «Когда Жуков был в опале, мне Сталин говорил: “Вы хвалите Жукова, а вот Жуков, говорят, землю нюхает...” Сталин, похоже, видел в этом нечто религиозное».

Военный историк Михаил Попов из Твери рассказывал, что, работая над диссертацией, поехал в Архив Министерства обороны в Подольск и там на одном из приказов 1939 года штаба Первой армейской фронтовой группы обнаружил написанное рукой комдива Жукова: «Всем командирам частей — до начала наступления накормить людей горячими щами и галетами. Жуков».

В 1945 году, сразу после Победы, писатель Константин Федин разыскал Жукова, и у них состоялась обстоятельная беседа. Вот фрагмент, который, кажется, не вошёл ни в один из тогдашних очерков Федина: «... ещё маленькая пауза, нахмуренные и потом вдруг разжатые и поднятые брови, и — нечаянное признание: “Знаете, я недавно подошёл к карте, повёл по ней глазами и думаю — а ведь вряд ли найдётся место, где я не

был! Шофер мой — хороший гонщик, мотоциклист Бучин — насчитал, что я с ним 175 000 километров наездил за войну. Это, выходит, сколько раз вокруг света? А я ведь не с ним одним ездил... Да сотни часов налетал на самолётах. Три самолёта износились. Как башмаки... Это — не считая Монголии».

Конечно, это байка, не больше. Но кто её знает... История помнит случаи, когда из нескольких вариантов правдой оказывался самый невероятный. 1945 год. Ставка. Сталин склонился над разложенной картой, тычет чубуком погасшей трубки: «Ну что ж, Польша и Украина теперь наши, советские. Только как между ними границу провести? Если отталкиваться от истории, то там сам чёрт ногу сломает. — Задумался, повернулся к своему главному маршалу: — А что по этому поводу думает товарищ Жуков?» Жуков подошёл к карте, бегло окинул спорный район. Места знакомые. И в 1940-м там был, и в 1944-м. «Я думаю вот так, товарищ Сталин». — И, вспомнив, как стояли его боевые порядки, решительно провёл красным карандашом. Вот так, с лёгкой руки маршала и была определена западная граница Украины.

В Одессе был Военторг. Когда Жукова сослали в Одессу командовать войсками округа, он время от времени его посещал. Что-нибудь покупал для жены, дочерей или родственников. Он любил делать подарки. Когда он входил в магазин, персонал пребывал в некотором напряжении. Все вскакивали со своих мест и изображали полное внимание и готовность услужить. Но был в магазине один человек, который не обращал на командующего ровным счётом никакого внимания. И это Жукову нравилось. Маршал буквально любовался его независимым видом, в котором чувствовались и достоинство, и культура. А ведь, казалось бы, всего лишь старик-швейцар. Для него даже стул выставляли у входа, чтобы не утруждал свои усталые ноги. Тем швейцаром был бывший личный конюх его императорского величества Николая Второго. Его знала вся Одесса.

Когда из Одессы Сталин отправил Жукова на Урал, в Свердловск, кто-то из близких друзей маршала, прощаясь, сказал ему: «В Сибирь». Но «Сибирь» Жукову так понравилась, так хорошо встретили его там уральцы, что он потом будет вспоминать годы, проведённые в Уральском военном округе, как лучшие годы в своей послевоенной службе.

На Урале любят рассказывать такую историю. Во время празднования 7 Ноября на трибуну, где стоял весь партийный актив Свердловска, протиснулся подвыпивший старичок и представился знаменитым большевиком Ермаковым, расстрельщиком царской семьи, и протянул Жукову руку. Маршал не только руку ему не подал, но сурово бросил: «Палачам руки не подаю», — отвернулся и всё время, пока шла демонстрация и менялись выступающие, стоял к нему спиной. Даже смотреть на него не мог.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР 1939 года лицам, дважды удостоенным звания Героя Советского Союза, на родине устанавливали бюст. Жуков получил вторую золотую звезду в 1944 году. Шла война, и заниматься этим было некогда. После Победы скульптор Евгений Вучетич приехал в Берлин и уговорил маршала позировать ему. Вскоре бюст был готов, отлит в бронзе. Его привезли в Угодский Завод. Но тут начались гонения на маршала. Местное начальство приказало бюст убрать с глаз подальше. Наступил 1953 год. Жуков начал подниматься. Зашевелились и в Калужском обкоме партии: где бюст Жукова? Срочно установить и отрапортовать перед Москвой! Кинулись искать. «Старые рабочие крахмального завода, — пишет в своей книге Мария Георгиевна Жукова, — показали место, где он валялся, — на одном из складов без крыши, забитом горбылём, в куче голубинового помёта...» Специалисты, конечно же, вскоре привели скульптуру в порядок. Постамент изготовили из красного гранита, того самого, который по приказу Гитлера был привезён из Норвегии в Россию специально для сооружения монумента победы Германии над Россией. Когда из Угодского Завода пришло приглашение, Жуков ехать на родину отказался. Сослался на занятость. «Как это я буду присутствовать на открытии собственного бюста? Мне кажется, это будет выглядеть как-то странно и нескромно». Послал на родину дочерей Эру и Эллу. Бюст свой он увидел через несколько лет, когда приехал на могилу отца.

Возможно, Жуков не приехал в тот раз на родину вот по какой причине. Когда в 1957-м его терзали на октябрьском пленуме в Москве, пленумы с подобной повесткой дня состоялись и на родине. В Калуге — областной. В Угодском Заводе — районный. Приказано было осуждать — и осуждали. Говорят, на пленуме райкома партии в Угодском Заводе кто-то из особо неистовых партийцев предложил убрать бюст «бонапартиста». Но здравый рассудок возобладал, памятник не тронули. Однако снег вокруг

постаменты расчищать перестали. И вот однажды 1 декабря в день рождения Маршала Победы в сквер пришла бригада плотников, молодых угодских мужиков. Где-то неподалёку в райцентре они рубили дом, «шабашили».

Сквер в центре села, прямо под окнами райкома партии. Кто-то из секретарей случайно подошёл к окну. И вот он наблюдает такую картину: плотники обошли памятник, обтоптали снег, сняли шапки, постояли и принялись своими шапками смахивать снег с бюста и постамента. Вскоре весь райком стоял у окон и наблюдал за тем, как надо любить свою историю и уважать тех, кто принёс нам Победу. На следующий же день сквер начали расчищать.

Местные рассказывают, что после того пленума из Москвы в Угодский Завод и Стрелковку приезжали какие-то «начальники и начальницы», ходили по дворам и спрашивали: а нужен ли им этот памятник? Местные отвечали, что Жукова они хорошо знают, что он рос тут, у них на глазах, часто приезжал, относился к землякам по-доброму, отдал под библиотеку и клуб свой дом в Стрелковке, что это же он, напоминали они москвичам, привёл наши войска в Берлин... «Мы его знаем и любим. Он — наш. А что у вас в Москве делается, разбирайтесь сами».

В 1957 году маршал отбыл с официальным визитом в Югославию и Албанию. Из Севастополя крейсер «Куйбышев» вышел 3 октября. Его сопровождали эскадренные миноносцы «Бывалый» и «Блестящий». При подходе к проливу Босфор крейсер «Куйбышев» в соответствии с нормами морского устава обменялся позывными сигналами с турецким пограничным постом на мысе Шиле. Маршал наблюдал за всем этим с капитанского мостика. Сигнальщик советского крейсера принял от турецкого поста семафор: «Великому Маршалу Советского Союза, высокочтимому полководцу Второй мировой войны. Приветствуем и поздравляем вас с заходом в турецкие воды...» Жуков был изумлён и спросил у стоявшего рядом адмирала Михайлина: «Что, всех так встречают?» — «Так встречают только Маршала Победы Жукова», — был ответ командира крейсера. В проливе Босфор их встретили американцы. Их корабли стояли в ряд: авианосец, крейсер, несколько фрегатов и эсминцев. Экипажи в белой парадной форме были выстроены на верхних палубах по большому сбору. Оркестр играл «Захождение». Семафор — приветственный, длинный. Ответ с крейсера был коротким — «Благодарю». Маршал впервые наблюдал торжественную встречу кораблей

двух флотов. Он был в восторге.

Англичане, высоко оценивая военный дар Жукова и его вклад в общую Победу, вручили ему британский рыцарский орден — Почтеннейший орден Бани, основанный королём Георгом I в 1725 году. Награда высокая. Жуков получил самую высокую из трёх существующих степеней — почётный Рыцарь Большого Креста. Такую же степень имел русский генерал командующий 1-й Западной армией в 1812 году Михаил Богданович Барклай де Толли. Англичане вручили орден Бани ещё двоим нашим маршалам — Коневу и Рокоссовскому, но степенью ниже — Рыцарь-командор. К степени Рыцаря Большого Креста нарезался земельный надел из островной земли. Но Жуков, разумеется, от английской земли отказался. Потому что к ней на родине можно было в два счёта получить статью как «английскому шпиону». Когда Хрущёв отправил его на пенсию, английская королева прослышала о том, что советский маршал и Рыцарь Большого Креста получает слишком скромный для человека, внёсшего такой огромный вклад в дело всеобщего мира, пенсион. И правда, Жуков получал 415 рублей в месяц, из которых 24 рубля 87 копеек платил в партком Пресненского машиностроительного завода, где он состоял на партийном учёте, в качестве ежемесячного партвзноса. И вот английская королева пишет Хрущёву письмо: так, мол, и так, поскольку маршал Жуков и почётный Рыцарь Большого Креста отказался от земельного надела на нашем острове и ввиду его скромного пенсионера, желаю выплачивать ему такую же сумму в рублях, каковую он получает в настоящее время, — 415 рублей. Хрущёв внимательно изучил заморское письмо, покрутил его в руках, поморщился и распорядился увеличить пенсию маршалу в два раза.

Из США, что ли, пришло письмо из Литературного общества Марка Твена: «Уважаемый мистер Жуков! Вы окажете нам большую честь, если примете наше предложение вступить в члены нашего общества, почётными членами которого являются Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль и другие видные политические деятели различных стран мира». Жуков подумал: что делать? И отдал письмо Молотову. «Рассмотрим», — сказал Молотов. Прошло несколько месяцев. Жуков молчит, Молотов тоже молчит. Когда они вместе поехали в Польшу, Жуков и спрашивает Молотова: «А как насчёт Общества Марка Твена?» — «А мы им отказали». — «Да?» — «Отказали! Написали, что Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел ваше приглашение маршала Жукова о вступлении его в члены Общества Марка Твена. Так как маршал Жуков является государственным деятелем, а

государственные деятели в СССР не являются членами литературных обществ, то он не может принять ваше предложение. Вот так...».

Первая жена Жукова Александра Диевна дружила с женой Хрущёва Ниной Петровной. Та была баба досужая и всё сочувствовала Александре Диевне и бранила маршала распоследними словами за то, что тот влюбился в молодую и оставил Александру Диевну. Однажды поинтересовалась: а сколько же Георгий Константинович даёт ей в качестве алиментов? «Двести рублей в месяц». — «Мало!» — вспыхнула Нина Петровна. Самой Александре Диевне эта сумма казалась достаточной. Дети выросли. А внуков ведь дед содержать не обязан. Но подруга так горячо убеждала её, так ей сочувствовала, что Александре Диевне вскоре стало казаться, что действительно — мало. И вот они вдвоём пришли на приём к первому секретарю Краснопресненского райкома партии товарищу Колчину. Так, мол, и так, бывший муж мало платит. Колчин потом рассказывал: «Я всё же убедил Александру Диевну Жукову в том, что получаемые ею от маршала 200 рублей в месяц вполне достаточны для жизни, ибо все простые советские пенсионеры получают от государства 120–132 рубля в месяц. Но труднее было убедить в этом Нину Петровну...».

Известно, что маршал был весьма неравнодушен к прекрасному полу. Женщин у него было несколько. Всех любил. Всех так или иначе обеспечил. Заботился о детях. Не допуская разнузданности, мог залюбоваться какой-нибудь особой. Одним словом, на женщину он смотрел как на создание природы. В штабе 1-го Белорусского фронта работала телеграфисткой Надя. За ней ухаживал начальник секретной части штаба старший лейтенант Иван Безверхий. Они потом поженились. Надя была хороша собой. Особенно красивыми были руки. Так вот Жуков, диктуя ей шифровки, глаз не отрывал от её рук. Любовался, как она работает, её движениями. Впоследствии Надежда Александровна признавалась, что очень смущалась, когда Жуков наблюдал за её работой на телеграфном аппарате «Бодо». Женщина ведь мгновенно улавливает, кто на неё смотрит, начальник или мужчина.

Другую историю рассказывал начальник охраны майор Николай Харлампович Бедов: «На пути жуковского автомобиля оказался низкий прогнувшийся мостик через речку глубиной по колено. Георгий Константинович вышел из машины и стал наблюдать с бугристого бережка, как форсируется водное препятствие. По мостику, подпираемому десятью

молодцами охраны, машина медленно катилась от одного конца к другому. В это время метрах в двадцати от переправы женщина переходила речку вброд. В одной руке она держала подол юбки. Подняв глаза вверх, она неожиданно встретилась взглядом с наблюдавшим за её перемещением Георгием Константиновичем и в испуге, смешанном со стыдом, бросила подол в воду, чтобы закрыть оголённые выше колен ноги. Не отводя взгляда от лица сидевшего на травке военного, женщина громко прокричала: «Кобель! Настоящий кобель!» Женщина была, правда, очень красивая».

Василий Песков брал интервью для «Комсомольской правды». Спросил маршала: «Георгий Константинович, вопрос невоенного характера. Какие из человеческих чувств, по-вашему, сильнее всего пробудила в людях война?» Жуков: «Ни одно из человеческих чувств на войне не затухало». В том же интервью маршал сказал: «Я счастлив, что родился русским человеком».

После Победы в Группе советских оккупационных войск в Германии произошёл такой случай. Солдат-срочник за отличную службу получил отпуск домой. Поехал. А когда возвращался из России, у него на вокзале украли бумажник. В бумажнике — документы, деньги, проездные требования и прочее. И вот этот самый солдат, не имея никаких документов, свидетельствовавших о том, что он проходит службу в ГСОВГ, тем не менее вовремя является в расположение своей части и докладывает командиру о прибытии. При этом докладывает и о потере документов. Командир части в недоумении: что делать, надо ведь как-то наказывать растяпу... Дело дошло до командующего. Жуков, услышав историю о том, как молодой солдат «зайцем» преодолел тысячу километров на поезде, при этом миновал парные пограничные посты трёх государств Варшавского договора, сказал: «Где этот солдат? Доставьте его сюда! Хочу поблагодарить его за службу и находчивость!» Солдат прибыл. Bravo доложил. Маршал обошёл его вокруг. Форма сидит хорошо, постирана, опрятна. Подворотничок свежий. Сапоги начищены так, что отражается паркет. «Откуда родом?» Солдат назвал область. «Молодец! Объявляю благодарность!» — И пожал солдату руку.

Однажды кто-то из журналистов спросил Жукова: «Знали ли вы чувство зависти?» — «Да! — с жаром ответил он. — Всегда завидовал Будённому — очень виртуозно на баяне играл, мне до таких высот было не подняться!..» Офицеры охраны рассказывали, что иногда перед крупными

сражениями, когда не спалось, Жуков брал баян и потихоньку, сидя где-нибудь на брёвнах в саду, играл мелодии русских народных песен. Получалось у него не очень складно, но задумчиво. К концу войны играл уже хорошо.

После октябрьского пленума, когда маршала всячески распинали, отправляя в отставку, везде проходили партийные собрания и партактивы — обсуждалось постановление пленума и осуждался «бонапартист» Жуков. Его обвиняли «в попытках вывода Вооружённых сил из-под партийного контроля и сосредоточении в своих руках необъятной власти с целью установления диктатуры, в авантюризме во внешней политике, создании в армии своего культа личности». Жуков тогда ещё состоял на партучёте в Министерстве обороны. И вот идёт собрание коммунистов. Выступает секретарь партбюро контр-адмирал Фёдоров. Он смело осудил «бонапартизм» бывшего министра обороны и передал слово доктору военных наук генералу Каменскому. Тот должен был как учёный научно, так сказать, развенчать в глазах коммунистов аппарата Минобороны «культ» «бонапартиста»: «...Всё Жуков да Жуков. Жуков — полководец!.. Какой же он полководец? Вот Македонский, тот был полководец! А Жуков... Какой он полководец? Он даже ни разу не присутствовал на партийном собрании...» И вдруг встаёт коммунист капитан Прозоря: «Разрешите, товарищ профессор, спросить?» — «Да, пожалуйста». — «У меня такой вопрос: а маршал Конев член партии или нет?» — «Да, маршал Конев — коммунист. Член нашей партии с восемнадцатого года». — «А он — полководец?» — «Конечно. Под его руководством наши войска провели ряд крупнейших успешных операций». — «Так он тоже ни разу не был у нас на партсобрании...». Вскоре дотошного капитана Прозорю отправили служить в войска. И вообще аппарат, созданный Жуковым, начали помаленьку разгонять.

Хрущёв боялся Жукова. И его независимости, и авторитета в войсках и народе. Похоже, он действительно опасался переворота. И спустя многие годы после октябрьского пленума, словно оправдываясь в том, что по Жукову в своё время было принято всё же правильное решение, сказал: «Когда в 1957 году обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу лиц, когда Москаленко со страстью обвинил Жукова за поползновение к захвату

власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с его солдатской прямоотой (а я верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: “Что ты меня обвиняешь? Ты же сам мне не раз говорил: чего ты смотришь? Бери власть в свои руки, бери!..”».

Хрущёв, став главой государства, загорелся желанием стать маршалом. Для этого прежде всего необходимо было согласие маршалитета — маршалов Советского Союза и главных маршалов родов войск. Один из маршалов, близких к Никите Сергеевичу, видимо, из подхалимских побуждений начал объезжать маршалов с подписным листом. Лист не подписали ни Рокоссовский, ни Конев. Главный маршал авиации Голованов так и вовсе обругал визитёра. И вот хрущёвский маршал прибыл к Жукову. Маршал в то время жил на подмосковной даче. «Доложите Георгию Константиновичу, — приказал он офицеру, встретившему машину у ворот, — что прибыл маршал такой-то». Офицер кинулся исполнять приказ. Вскоре вернулся, браво вскинул к фуражке руку и доложил: «Четырежды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков приказал передать, что он не знает маршала *такого-то!*». Тот опешил. Маршал-то был послевоенный, хрущёвский, «списочный», как их называли тогда настоящие, боевые маршалы. Историю эту рассказал Главный маршал авиации А. Е. Голованов писателю Феликсу Чуеву. Заканчивается она так: «Да, были люди... Так и не стал первый секретарь ЦК партии и глава правительства Н. С. Хрущёв Маршалом Советского Союза. Граждане с хорошей памятью и неравнодушные, жившие в 60-е годы, помнят снимок в центральных газетах: Н. С. Хрущёв в форме генерал-лейтенанта сидит в президиуме среди маршалов...» А тем «списочным» был, по всей вероятности, Булганин.

А вот уже и не байки, а доподлинные документы.

«ОСОБАЯ ПАПКА.

СОВ. СЕКРЕТНО.

СССР.

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР.

7 сентября 1959 г.

№ 2668-ш.

гор. Москва.

Товарищу Хрущёву Н. С.

19 августа сего года по случаю смерти генерал-лейтенанта КРЮКОВА жена последнего, известная певица Русланова, устроила поминки, на которых в числе других были Маршалы Советского Союза т. т. Будённый С. М. и Жуков Г. К. В процессе беседы среди присутствующих был поднят вопрос и о принятом Постановлении Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям. Тов. Жуков по этому вопросу заявил, что если он был бы Министром обороны, он не допустил бы принятие Правительством нового Постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям. Далее он сказал, что тов. Малиновский предоставил свободу действий начальнику Главного Политического Управления генералу армии Голикову, а последний разваливает армию. «В газете ‘Красная Звезда’, — продолжал Жуков, — изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена» Высказывания Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Будённым. По имеющимся в КГБ при Совете Министров СССР данным, большинство офицерского состава Советской Армии правильно восприняло Постановление Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям. Председатель Комитета Госбезопасности А. Шелепин». Эта докладная председателя КГБ была обсуждена 11 сентября 1959 года на заседании Президиума ЦК КПСС. Было принято следующее решение: «Поручить Секретариату ЦК в соответствии с обменом мнениями на заседании Президиума ЦК принять необходимые меры в связи с фактами, изложенными в записке КГБ (т. Шелепина) от 7 сентября 1959 г.».

Да, большое значение партия придавала личности Жукова. Бросил на поминках словечко, и уже Президиум ЦК этим занимается... Старика маршала Будённого, трижды Героя Советского Союза, члена ЦК и т. д. и т. п. заставили дать ЦК письменное объяснение: «В ЦК КПСС. На поставленные мне т.т. Л. И. Брежневым и А. И. Кириченко вопросы о том, что был ли я 19 августа на похоронах и на поминках генерала Крюкова вместе с маршалом Жуковым, где он якобы в моём присутствии говорил о развале армии, о необоснованном возвышении тов. Голикова Ф. И. и принижении тов. Малиновского Р. Я., а также по пенсиям военнослужащих? Отвечаю: 1. На похоронах генерала Крюкова не был (был занят на заседании Президиума ЦК ДОСААФ). 2. Жукова я видел всего минут 5—10, во дворе дачи Руслановой, когда я вечером (около 7 часов) с женой пошёл к Руслановой, чтобы оказать человеку внимание в

тяжёлую минуту. В это время присутствующие на поминках разъезжались. Среди них был и маршал Жуков. При этой встрече маршал Жуков ни о чём подобном не говорил. 18.9.59 г. С. Будённый». Идите, мол, к чёрту!..

Константину Симонову Жуков, размышляя и о своей отставке, и не только о ней, говорил: «Есть в жизни вещи, которые невозможно забывать. Человек просто-напросто не в состоянии их забыть, но помнить их можно по-разному. Есть три разных памяти. Можно не забывать зла. Это одно. Можно не забывать опыта. Это другое. Можно не забывать прошлого, думая о будущем. Это третье. Мне пришлось пережить в своей жизни три тяжёлых момента. Если говорить о третьем из них, то тут в чём-то, очевидно, виноват и я — нет дыма без огня. Но пережить это было нелегко...».

В 1956 году, когда Жуков занимал пост министра обороны, генерал Серов дал ему почитать его досье. Пять увесистых папок. Предшественник Серова генерал Абакумов потрудился... Офицер охраны Сергей Марков потом вспоминал: «Когда Жуков ознакомился с досье, последовала команда Серову об увольнении из органов КГБ бывшего начальника охраны в годы войны Н. Х. Бедова, его заместителя М. М. Агеева, бывшего коменданта дачи Б. С. Ермишина и некоторых других офицеров, которые, как оказалось, были причастны к фальсифицированным доносам на Жукова».

Приехал маршал в Гурзуф. С женой Галиной Александровной и маленькой дочкой Машенькой. В то время он уже был в опале. Приехал поездом, без телеграммы. Поезд пришёл рано утром или ночью, так что ворота в военный санаторий оказались запертыми. А сторож куда-то пропал. К воротам подошёл кто-то из отдыхающих, посмотрел на стоящих по ту сторону ворот и тут же убежал. И вдруг из дверей санатория выбежала толпа молодых офицеров. Целая рота! «Ребята! Да это же наш маршал Жуков!» Кинулись искать сторожа. Где там! Не нашли. «А ну, ребята, поднажми!» И ребята вытащили из земли железные кованые ворота и поставили к дереву. «Проходите, товарищ Маршал Советского Союза!».

Всё и всех Жуков мерил войной. Как-то в одном споре, где произносилось имя некоего генерала, в последнее время благодаря различным обстоятельствам получившего большое положение в Министерстве обороны, Жуков сказал: «А кем он был во время войны? Знаете? Он был капитаном и носил мой портфель».

Книгочей он был страстный. Собрал большую библиотеку. Иван Прядухин вспоминал так: «Военная литература на даче находилась в шеренгах казённых книжных шкафов». Но в этих шеренгах были, разумеется, не только военные книги. Много было русской и зарубежной классики. Любил и современных писателей. Со многими из них был знаком. Обладал хорошей памятью. И часто, как это бывает у людей начитанных, реальную жизнь совершенно естественно смешивал с литературой. Когда на даче в Сосновке появилась редактор Анна Миркина, узнав о её образованности и услышав её игру на рояле, воскликнул: «Галюша! Нам с редактором моей книги повезло! По-французски говорит, на фортепьянах играет! И — фигура!..» Когда он читал рассказ И. С. Тургенева «Однодворец Овсянников», неизвестно. Но сцену, где смоленский помещик, выкупив у своих крестьян за целковый французского барабанщика, которого те собирались топить в проруби, запомнил хорошо: «Вот дети, учитель вам сыскан... и француз, и на фортепьянах играет...».

[198]

Был чрезвычайно чуток к языку. Мария Георгиевна рассказывала: «Однажды я сказала: “Пойдёмте кушать” Отец ответил довольно строго: «Нет такого слова в русском языке, надо говорить “есть”».

О страсти к танцу. Монголы любили маршала, называли его «Великий Монгол» (такого титула в Монголии был удостоен только один человек — Чингисхан) и, зная его юношеское увлечение, подарили ему миниатюрную скульптуру — танцующие монгольские парень и девушка. Жуков осмотрел миниатюру с интересом и, улыбаясь, сказал: «Она танцует, а он возле неё кружит, кружок выписывает...»

Однажды директор АПН Владимир Ларин, заранее договорившись с маршалом о встрече в определённый час, задержался минут на десять — не мог открыть задвижку на калитке жуковской дачи. Человек деликатный и скромный, он счёл неуместным просто покричать, позвать кого-нибудь из obsługi маршальской дачи. И вот, наконец, кое-как справившись с замком, явился к Жукову. Тот даже не поздоровался, посмотрел на напольные часы и произнёс: «Человек, который опаздывает более чем на пять минут, не соответствует занимаемой должности».

Некто из военных консультантов Института военной истории при

подготовке «Воспоминаний и размышлений» к изданию начал энергично настаивать на том, чтобы изменить название главы «Сталинградская битва» на «Битву на Волге». Мотивировал свою настойчивость тем, что теперь, мол, так принято, что во всех изданиях, посвящённых истории войны, пишут не «г. Сталинград», а «г. Волгоград». Имя Сталина снова попало под запрет и вымарывалось везде, где только можно. Жуков сурово посмотрел на учёного с генеральскими погонами и твёрдо сказал: «Волгоград, говорите? Я такого города во время войны не знал». Вопрос был снят.

Разговор с редактором мемуаров журналистом АНН Анной Миркиной:

— Георгий Константинович, как могло получиться, что после всего, что вы сделали, Сталин отправил вас в Одессу, а затем в Свердловск?

— Зависть к моей славе. А Берия всячески это чувство подогревал. Припомнили мою способность возражать Сталину.

— А теперь вы простили Сталину то, что так несправедливо с вами поступил?

— Я просто вычеркнул это из своей памяти в отношении к Сталину. Он сделал некоторые шаги для примирения: восстановил кандидатом в члены ЦК, послал меня с Молотовым в Польшу. Думаю, что он хотел сделать меня министром обороны, но не успел, смерть помешала. Сталин был талантливым организатором. Благодаря и его усилиям мы смогли в войну организовать нашу государственную машину, направив всё на победу. И потому в моём сознании его плюсы перевешивают его минусы, за исключением массовых репрессий — этого простить нельзя.

— Ну а Хрущёв, почему он вас отстранил от обязанностей министра обороны?

— А этот просто боялся конкуренции. Был момент, когда он зашатался, а я обеспечил ему поддержку армии. Он тогда меня искренне благодарил, но выводы сделал: а вдруг я пожелаю сесть на его место. Тогда Эйзенхауэр был уже президентом США; Хрущёв думал, наверное, что и я мечтаю стать главой государства. Напрасно! Я никогда не хотел государственной власти — я военный, и армия — моё прямое дело.

Работа над «Воспоминаниями и размышлениями» настолько увлекла маршала, что какое-то время он забывал даже побриться. И вот однажды приехал с дачи в Москву в свою квартиру на Спиридоновке. Вахтёрша не признала его и говорит: «А вы к кому?» Он бегло осмотрел себя: в дачном плаще, с кошелкой в руках, да ещё и небритый. Скромно доложил: «К себе. Я — Жуков». Вахтёрша всплеснула руками.

Чтобы отвлечься от напряжённой работы над рукописью «Воспоминаний и размышлений», Жуков пригласил своего редактора побродить по саду. Зашёл разговор о музыке. Жуков вспомнил, как лихо играл на гармошке его друг из Стрелковки, когда они с ним на пару покоряли сердца окрестных девчат. Потом заговорил о Лидии Руслановой. Потом вдруг замолчал. «Знаете, я тут читал недавно интервью с одним известным военачальником. На вопрос корреспондента, какого композитора он предпочитает, тот ответил: “Берлиоза” М-да, Берлиоза... Я его хорошо знаю и совершенно уверен, что он не только не знаком с произведениями этого композитора, но и произнести правильно, без запинки, его имя вряд ли сможет. А всё вы, журналисты, сочиняете!» Снова замолчал. «Нет уж! Когда меня не станет, напишите, что больше всего любил русскую народную песню с её широким раздольем, задумчивой напевностью и задушевностью, что за сердце берёт! Для меня “Степь да степь...”, “По диким степям Забайкалья...” или “Валенки” значат больше, чем какая-нибудь рапсодия, представляющая несомненную ценность в истории музыки. Но я русский, деревенский человек, и для меня русская народная песня всегда олицетворяла Отечество и была напоминанием о родной деревне и родительском доме в Стрелковке».

Земляки из Угодского Завода приезжали к нему довольно часто. Это были самые желанные гости. Привозили картошку, грибы... Тёща Клавдия Евгеньевна, бывало, скажет: «И зачем было мешок картошки в такую даль тащить. Вон она, в магазине, десять рублей — мешок!..» — «Ничего вы не понимаете», — отмахивался Жуков.

Когда стал уже плох, своим землякам из Калужской области, приехавшим в очередной раз в гости с деревенскими гостинцами, сказал: «Теперь трудно вилку держать, а прежде Берию с креслом поднимал». Разговор этот состоялся 4 декабря 1971 года. Земляки спрашивали про арест Берии.

Главный маршал авиации А. Е. Голованов рассказывал Феликсу Чуеву: «Жуков в последнее время заметно переменялся. Стал человечнее. Сейчас он очень болен. Узнал, что у жены рак, и его тут же, в больнице, хватил инсульт. Разговаривает с трудом, возят его в коляске. А когда был здоров, говорил: “Мы с Галиной Александровной думали, что у нас много денег, а оказалось, ничего нет. Пенсия 400 рублей, из них первой жене посылаю 200

— ей-то какое дело, что я уже не министр? Попросил солдата сдать мой баян в комиссионку, принёс 500 рублей. Я бы мог, конечно, ездить на трамвае, но я ведь одиозная фигура, меня будут снимать для иностранных журналов!”».

Как известно, маршал завещал похоронить его в земле, на родине в Угодском Заводе, рядом с отцом. Сожгли. Анатолий Пилихин ехал на похороны на Красную площадь в такси. И таксист в сердцах стискивал зубы: «Я воевал на Курской дуге. На войне имя Жукова нам придавало храбрости и сил. Сожгли нашу гордость и славу... И ведь похоронят рядом с Мехлисом...».

Маршал авиации С. И. Руденко вспоминал: «Мне Жуков больше всего понравился при подписании им Акта капитуляции германских вооружённых сил. Он достойно представлял нашу страну. В Карлсхорсте ощущалось, что Жуков характером сильнее, чем союзные генералы. По залу пошёл шёпот: “Жюкоф! Жюкоф!” — когда появился наш маршал. Он шёл твёрдой военной походкой. Кейтель по-русски спросил о полномочиях. “Подпись здесь”, — отрезал Жуков (записанная стенографистками фраза). После принятия капитуляции Германии к Георгию Константиновичу Жукову началось паломничество. В лице Жукова выражалось величие и почтение к советскому народу. Вслед за деловыми переговорами произносились тосты. По завершении одного из приёмов в своих суконных костюмах все запарились. Сняли кители. Жуков скомандовал: “По стакану!.. Кофе или чай?”».

Военный историк Н. А. Светлишин вспоминал: «Однажды мне показали солдата-артиллериста, с которым маршал Жуков ел из одного котелка кашу. “Неужели правда?” — не удержался, спросил я бойца. “Обычное дело, — заверил меня пожилой солдат. — Подошёл, присел рядом на станину орудия, расспросил о доме. Ну-ка, говорит, попробую, чем моих орлов кормят! Адъютант подал ему ложку...”».

Однажды во время какого-то торжества, посвящённого нашей светлой Победе, к маршалу подошёл солдат. Он был в гимнастёрке, которую бережно сохранил с военной поры. На груди золотая звезда героя. И сказал: «Спасибо вам, товарищ маршал, вы сделали меня героем!» Жуков пожал герою руку и ответил: «Спасибо тебе, солдат! Ты сделал меня маршалом!».

Основные даты жизни и деятельности Г. К. Жукова

1896, 1 декабря (19 ноября ст. ст.) — в деревне Стрелковке Калужской губернии в семье крестьян Константина и Устиньи Жуковых родился сын, который был окрещён в приходской церкви под именем Георгий.

1906 — окончил полный курс трёхклассной церковно-приходской школы в соседней деревне Величково.

1908 — поехал в Москву в учение скорняжному делу к дяде Михаилу Артемьевичу Пилихину.

1912 — окончил городское училище.

1915 — призван на военную службу и зачислен в кавалерию.

1916 — окончил учебную команду, вицеунтер-офицер. Направлен на фронт — разведчик 10-го Новгородского драгунского полка 10-й кавалерийской дивизии. Награждён двумя георгиевскими крестами.

1917 — председатель солдатского эскадронного комитета. Унтер-офицер.

1918 — вступает в Красную армию — зачислен в 4-й Московский кавполк 1-й Московской кавдивизии.

1919 — участвует в боях Гражданской войны. Вступает в РКП(б). Знакомство с Марией Николаевной Волоховой.

1920 — курсант Первых рязанских кавалерийских курсов. Знакомство с будущей женой Александрой Диевной Зуйковой.

1921 — командир эскадрона. Участвует в подавлении восстания на Тамбовщине и в Воронежской губернии.

1922 — награждён орденом Красного Знамени.

1923 — помощник командира 40-го Бузулукского кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии, а затем командир полка.

1924 — учёба в Высшей кавалерийской школе в г. Ленинграде.

1928 — рождение дочери Эры.

1929 — учёба на курсах усовершенствования высшего начсостава при военной академии им. М. В. Фрунзе. Рождение дочери Маргариты от Марии Николаевны Волоховой.

1930 — командир 2-й бригады 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

1931 — помощник инспектора кавалерии РККА.

1933 — командир 4-й кавалерийской Ленинградской Краснознамённой дивизии им. К. Е. Ворошилова.

1936 — награждён орденом Ленина.

1937 — командир 3-го КК. Рождение дочери Эллы.

1938 — командир 6-го КК.

С июня — заместитель командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии.

1939 — командир 57-го особого СК, а затем командующий 1-й армейской группой на Халхин-Голе, комкор, Герой Советского Союза.

1940 — генерал армии. Командующий войсками КОВО. Командующий войсками Южного фронта во втором Прутском походе.

1941 — начальник Генерального штаба. Член Ставки Верховного главнокомандования. Командующий войсками Резервного, Ленинградского, Западного фронтов. Начало отношений с Лидией Владимировной Захаровой.

1942 — главнокомандующий войсками Западного направления. Заместитель Верховного главнокомандующего. Руководит операциями в районе Сталинграда, Ржева, на Дону.

1943 — координатор действий ряда фронтов в ходе крупнейших стратегических операций, в том числе Курской битвы.

18 января — присвоено звание Маршала Советского Союза.

1944 — координирует действия 1 — го и 2-го Украинских фронтов. Командующий войсками 1-го Украинского фронта. Вторая золотая звезда Героя Советского Союза. Назначен командующим 1-м Белорусским фронтом. Награждён орденом «Победа».

1945 — награждён вторым орденом «Победа». Руководит штурмом Берлина. Принимает капитуляцию Германии. Третья золотая звезда Героя Советского Союза. Принимает Парад Победы на Красной площади в Москве.

1946 — главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель министра Вооружённых сил СССР. Командующий войсками Одесского военного округа.

1948 — командующий войсками Уральского военного округа.

1950 — знакомство с Галиной Александровной Семёновой.

1953 — первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Сухопутными войсками. Арест Берии.

1954 — руководит учениями на Тоцком полигоне — взрыв атомной бомбы.

1955 — министр обороны СССР.

1956 — удостоен звания Героя Советского Союза в четвёртый раз. Визит в Югославию и Албанию. Отставка.

1957 — опала. Начало работы над мемуарами. Рождение дочери Марии.

1958 — работа над «Воспоминаниями и размышлениями».

1965 — регистрация брака с Галиной Александровной Семёновой.

1969 — выход в свет книги мемуаров «Воспоминания и размышления».

1973 — смерть жены Галины Александровны Жуковой.

1974, 18 июня — Жуков скончался. Тело кремировано, урна с прахом захоронена в Кремлёвской стене.

Библиография

- Барнетт К.* Военная элита рейха. Смоленск: Русич, 1999.
- Безыменский Л. А.* О «Плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // Новая и Новейшая история. 2000. № 3.
- Безыменский Л. А.* Укрощение «Тайфуна». Смоленск: Русич, 2001.
- Бунин А. Н.* 170 000 километров с Г. К. Жуковым. М.: Молодая гвардия, 1994.
- Войтенко А. А., Левченко А. В.* 20 лет с Маршалом Победы. Екатеринбург, 2012.
- Великанов Н. Т.* Мерецков. М.: Молодая гвардия, 2013 (серия «ЖЗЛ»).
- Воротников М. Ф.* Г. К. Жуков на Халхин-Голе. Омск, 1989.
- Гальдер Фр.* Военный дневник. М.: АСТ, 2003.
- Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь: РИФ-ЛТД, 1995.
- Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 378.
- Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 2003.
- Гущин С. Н.* Повесть о маршале Жукове. Екатеринбург: Издательский дом «ПАКРУС», 2000.
- Дайнес В. О.* Жуков. М.: Молодая гвардия, 2010 (серия «ЖЗЛ»).
- Жукова М. Г.* Маршал Жуков — мой отец. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009.
- Зенкин В. Н.* Возвращение маршала. М.: Воскресенье, 1999.
- Зенькович Н. А.* Маршалы и генсеки. Смоленск: Русич, 1997.
- Исаев А. В.* Жуков без лжи. Мифы и правда о Маршале Победы. М.: «Яуза»-Эксмо, 2013.
- Кайдин М.* Тигры горят! М.: Эксмо, 2012.
- Карпов В. В.* Маршал Жуков. М.: Вече, 1994.
- Керсновский А. А.* История Русской армии. В 4 т. М.: Голос, 1992.
- Козинкин О. Ю.* Почему не расстреляли Жукова? В защиту Маршала Победы. М.: «Яуза»-Эксмо, 2013.
- Комаров Д. Е.* Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Смядынь, 2004.
- Краснов В. Г.* Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-Пресс, 2000.
- Маршал Победы. Сборник. К 100-летию Г. К. Жукова. М.: Воениздат, 1996.

- Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. М.: АСТ, 2003.
- Миркина А. Д., Яровиков В. С.* Маршал Жуков: полководец и человек. М.: Изд-во АПН, 1988. Т. 1, 2.
- Миркина А. Д.* Вторая победа маршала Жукова. Обнинск, 2001.
- Михеенков С. Е.* Конев. Солдатский маршал. М.: Молодая гвардия, 2013 (серия «ЖЗЛ»).
- Пилихин А. А.* Маршал Жуков. Фрагменты прошлого. Калуга: Золотая аллея, 2011.
- Рыбас С. Ю.* Сталин. М.: Молодая гвардия, 2012 (серия «ЖЗЛ»).
- Симонов К. М.* Далеко на востоке. Халхин-гольские записки. М.: Художественная литература, 1985.
- Соколов Б. В.* Георгий Жуков: Победитель. Деспот. Личность. М.: Зебра, 2013.
- Стаднюк И. Ф.* Исповедь сталиниста. М.: Патриот, 1993.
- Ульянов А. И.* Детство полководца. Малоярославец, 1996.
- Федюнинский И. И.* На Востоке. Воениздат, 1985.
- Язов Д. Т. и др.* Выдающийся полководец Второй мировой. М.: Мегамир, 2009.
- 1941 год. Документы. В 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.
- Документы личных архивов, музея маршала Г. К. Жукова в г. Жукове Калужской области, ЦАМО РФ в г. Подольске.

Иллюстрации

S. Kryko

Устинья Артемьевна Жукова — мать полководца.

Вицеунтер-офицер Георгий Жуков.

Село Угодский Завод, ныне Жуково.

Кавалерийские курсы командного состава. Во втором ряду первый справа — Г. К. Жуков.

Георгий Константинович с женой Александрой Диевной. 1920-е гг.

Г. К. Жуков — помощник инспектора кавалерии Управления боевой подготовки РККА. 1931 г.

М. В. Фрунзе.

В. К. Блюхер.

Г. Д. Гай.

М. Н. Тухачевский.

Комдив Г. К. Жуков и комкор М. П. Ковалёв.

Г. К. Жуков среди командиров на Халхин-Голе.

Комкор Г. К. Жуков.

Г. К. Жуков среди бойцов Халхин-Гола.

Командарм 2-го ранга Г. М. Штерн, маршал Х. Чойбалсан и комкор Г. К. Жуков.

Г. К. Жуков на учениях Киевского военного округа. 1939 г.

Броня крепка...

Семья Г. К. Жукова. 1940 г.

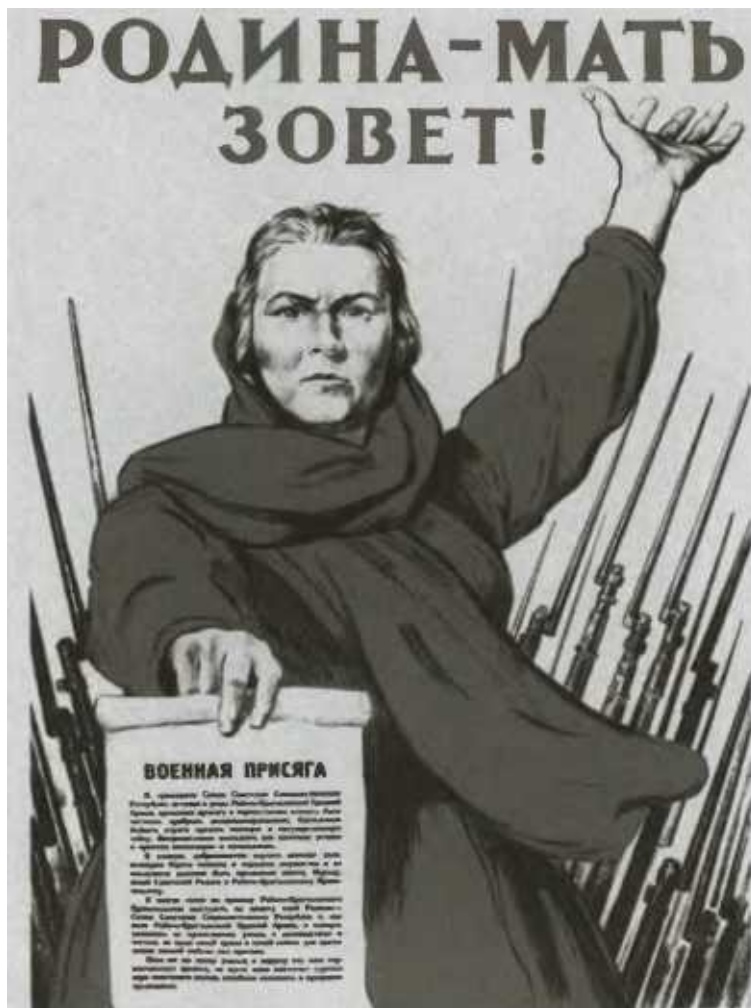
В небе Советского Союза самолёты фашистской Германии. 22 июня 1941 г.

Вторжение.

Москва. 22 июня 1941 г.

Плакат первых дней Великой Отечественной войны

*Строительство оборонительных рубежей на подступах к Москве.
Сентябрь 1941 г.*

На улицах Ленинграда.

Контратака.

Г. К. Жуков под Ельней.

Парад войск 7 ноября 1941 года, уходящих с Красной площади на защиту Москвы.

Западный фронт. Г. К. Жуков с Н. А. Булганиным и В. Д. Соколовским.

Они шли на Москву.

Бои в Сталинграде.

Генерал армии Г. К. Жуков в дни Сталинградской битвы.

Советская пехота на улицах Сталинграда.

Пленённый в ходе Сталинградской битвы фельдмаршал Ф. Паулюс.

Пленные немцы на улицах Москвы.

И. В. Сталин — руководитель государства, ВКП(б), Верховный главнокомандующий.

А. М. Василевский — начальник Генерального штаба. 1943 г.

Центральный фронт. Слева направо: генерал-полковник войск связи И. Т. Пересыпкин, генерал-лейтенант К. Ф. Телегин, генерал-полковник К. К. Рокоссовский, Маршал Советского Союза А. М. Василевский и генерал-

полковник А. И. Антонов. Март 1943 г.

3-й Белорусский фронт. В. Е. Макаров, А. М. Василевский и И. Д. Черняховский (трое слева) допрашивают захваченных в плен в ходе операции «Багратион» генерала пехоты Гольвйтцера и генерал-лейтенанта Хиттера. Район Витебска, 1944 г.

Г. К. Жуков на руинах рейхстага. 1945 г.

Подписание акта о капитуляции фашистской Германии. 9 мая 1945 г.

Встреча маршала К. К. Рокоссовского с британским фельдмаршалом Б. Монтгомери

Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский принимают Парад Победы. 24 июня 1945 г.

Маршал Советского Союза И. С. Конев на Параде Победы.

И. В. Сталин и маршалы Советского Союза на трибуне мавзолея.

Парад Победы. Советские воины складывают знамёна и штандарты поверженных германских армий к подножию мавзолея.

*И. С. Конев, Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский на аэродроме в Варшаве.
1955 г.*

Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский. 1956 г.

Г. К. Жуков и А. М. Василевский.

Г. К. Жуков, М. Ф. Лукин, К. К. Рокоссовский и И. С. Конев на премьере фильма о московской битве. Конец 1960-х гг.

Жуков в кругу семьи.

Дочери Георгия Константиновича: Мария, Эра и Элла.

Воспоминания.

Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

notes

Примечания

Ульянов А. И. Детство полководца. Малоярославец, 1996. С. 26.

А. И. Фёдорова 1907 года рождения.

Ульянов А. И. Детство полководца. Малоярославец, 1996. С. 69–70.

4

Производное, местное, калужское от «шурин». Шурин — брат жены.

Имеются в виду книги шотландского и английского писателя Артура Конан Дойля (1859–1930), которыми тогда зачитывались молодёжь и взрослые.

В США писатели создали своего, американского Шерлока Холмса по имени Ник Картер. Это был коллективный псевдоним множества авторов детективного и приключенческого жанра. Для библиотеки Ника Картера писали такие мастера американского детектива, как Фредерик Ван Дей (1861–1922), Ормонд Дж. Смит (1848–1924) и др. В России серия книг выходила под названием «Ник Картер. Американский детектив». Каждую неделю в книжных лавках появлялась новая книжка в яркой мягкой обложке, на дешёвой бумаге — издание для народа.

Ковырок — дубовая палка для упаковки, слегка изогнутая на конце для того, чтобы потуже стягивать шнур или верёвку.

У дороги, ведущей из Калуги в Тарусу, установлен памятник, свидетельствующий о том, что именно здесь в 1915 году начинал свою военную службу Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Михаил Константинович Дитерихс (1874–1937) — русский военачальник, генерал-лейтенант (1919). Родился в семье офицера-артиллериста. Окончил Пажеский корпус. Служил в артиллерийской бригаде. В 1900 году окончил Николаевскую академию Генштаба. Служил на штабных должностях. Участник Русско-японской войны. В 1903 году — полковник. В начале Первой мировой войны на штабных должностях. В штабе генерала А. А. Брусилова разрабатывал операцию наступления войск Юго-Западного фронта летом 1916 года — Брусиловский прорыв. Направлен во главе 2-й Особой бригады под Салоники на помощь союзникам. После февраля 1917 года отозван в Россию. До ноября 1917 года — начальник штаба генерала Духонина. В 1918 году — начальник штаба Чехословацкого корпуса. Поддержал Колчака. Возглавил комиссию по расследованию убийства царской семьи. Активный и убеждённый монархист и противник большевизма. В 1919 году командовал Сибирской армией. Затем был начальником штаба Колчака. Один из создателей добровольческих формирований для защиты православной веры и святынь — «Дружин Святого Креста» и «Дружин Зелёного Знамени». В 1919 году эмигрировал в Харбин. В 1922 году — командующий Земской ратью — правитель Дальнего Востока и земский воевода. После поражения Земской рати в Приамурье эмигрировал в Китай. Жил в Шанхае. С 1930 года — председатель Дальневосточного отдела Русского общевойскового союза. Автор книги «Убийство Царской семьи и Членов Дома Романовых на Урале». Награждён девятью орденами, среди которых ордена Святого Владимира трёх степеней, орден Почётного легиона — офицерский крест (Франция). Похоронен в Шанхае. В годы «культурной революции» кладбище было уничтожено.

Алексей Алексеевич Брусилов (1853–1926) — русский и советский военачальник и военный педагог, генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915), главный инспектор кавалерии (1923). Родился в Тифлисе в семье генерала А. Н. Брусилова. Окончил Пажеский корпус. Служил в 16-м драгунском Тверском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Отличился при взятии крепостей Ардаган и Карс. Командовал 2-й гвардейской кавалерийской дивизией, затем 14-м и 12-м армейскими корпусами. Серьёзно занимался оккультизмом, при этом оставаясь глубоко верующим православным человеком. В Первую мировую войну командовал 8-й армией. С марта 1916 года — Юго-Западным фронтом. В июне 1916 года провёл успешное наступление в Карпатах и Трансильвании. Во время Февральской революции 1917 года поддержал смещение Николая II. С 1920 года — в Красной армии, возглавлял Особое совещание при главнокомандующем всеми вооружёнными силами Советской республики, затем занимался допризывной кавалерийской подготовкой, с 1923 года — при Реввоенсовете для особо важных поручений, в последнее время — инспектор кавалерии РККА. Оставил два тома мемуаров «Мои воспоминания». Второй том завещал опубликовать после своей смерти. Этот том воспоминаний носит явный антибольшевистский характер. Награждён десятью орденами, в том числе орденами Святого Станислава трёх степеней, двумя — Святого Георгия, а также Георгиевским оружием с бриллиантами. Имел прозвище «Лиса».

К этому времени Румыния под впечатлением побед русской армии объявила войну Германии и выступила на стороне Антанты.

Фёдор Артурович Келлер (1857–1918) — военачальник русской императорской армии, генерал от кавалерии. Родился в Курске в семье военного. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Поступил в 1-й лейб-гвардии драгунский Московский полк, с которым отправился на Русско-турецкую войну. За храбрость награждён двумя солдатскими георгиевскими крестами. В 1878 году — прапорщик. Командовал эскадронам, дивизионом. Окончил Офицерскую кавалерийскую школу. Командовал драгунскими полками. В 1901 году — полковник. В 1905 году исполнял обязанности калишского генерал-губернатора во время усмирения Польши. Был ранен террористом. В 1907 году — генерал-майор. Зачислен в Свиту Его Императорского Высочества. В 1912 году назначен командиром 10-й кавалерийской дивизии. В 1913 году — генерал-лейтенант. В 1914-м дивизия вступила в бой в составе 3-й армии генерала Н. В. Рузского, билась успешно в конном и пешем строю. С апреля 1915 года Келлер — командир 3-го конного корпуса. Когда в 1917 году пришло известие об отречении Николая II, послал в Ставку телеграмму: «Не верю, чтобы Государь Император в такой момент мог добровольно бросить армию и Россию». Сколько мог, удерживал корпус от разложения. От присяги Временному правительству отказался. Отказался и от предложения монархистов возглавить Южную армию с помощью германских военных и денег: «Здесь часть интеллигенции держится союзнической ориентации, другая, большая часть — держится немецкой ориентации, но те и другие забыли о своей русской ориентации». Короткое время возглавлял войска гетмана Скоропадского на Украине. В ноябре 1918 года дал согласие возглавить Северную армию белых, но выехать в Псков не успел: был арестован петлюровцами и подло убит вместе со своими адъютантами во время конвоирования ночью 8 декабря 1918 года у стены Софийского собора выстрелами в спину. Награждён девятью орденами, среди которых два солдатских георгиевских креста и два офицерских креста Святого Георгия.

Василий Евгеньевич Марков (1864–1935) — русский военачальник, генерал-лейтенант. Окончил Второй московский кадетский корпус, затем Николаевское кавалерийское училище. В 1888 году — поручик. В 1901-м — полковник, командир 30-го драгунского Ингерманландского полка. В 1910 году — генерал-майор, командир 1-й бригады 10-й кавказской кавалерийской дивизии. В 1915-м назначен начальником 10-й кавалерийской дивизии. Участник Гражданской войны: с января 1918 года в Добровольческой армии Вооружённых сил Юга России (Русская армия Врангеля). После поражения белых эмигрировал. Жил и скончался в Париже. Награждён четырьмя орденами и золотым оружием «За храбрость».

Пришёл в себя (диалектное слово калужан и жителей Смоленской губернии).

15

Солдатское название георгиевских крестов.

Поэму «Возмездие» Александр Блок в общих чертах набросал в 1909 году, возвращался к работе над ней в 1910-м, 1914-м и позже, но так и не завершил. Литературоведы называют её поэмой-пророчеством, потому что в ней А. Блок предугадал многие события, которые вскоре до оснований потрясли Россию.

Владимир Сергеевич Толстов (1884–1956) — русский военачальник, генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1905). Хорунжий 2-го Уральского казачьего полка. Участник Первой мировой войны — командир 6-го Уральского казачьего полка. Полковник (1917). В 1918 году участвовал в восстании астраханского казачества против большевиков. Командир Гурьевской группы уральских казачьих войск. В 1919 году избран войсковым атаманом Уральского казачьего войска, а затем Уральской отдельной армии. После поражения с остатками войска ушёл в форт Александровский («Марш смерти»). В 1920 году с отрядом в 214 человек ушёл в Персию. Помещён в лагерь русских беженцев в городе Басра (Ирак). Там написал книгу «От красных лап в неизвестную даль». В конце лета 1921 года отправлен с казаками во Владивосток. После падения Владивостока ушёл с остатками своего отряда в Китай. В 1923 году вместе с группой казаков перебрался в Австралию. Смог увезти с собой жену и пятерых детей. Умер в Брисбене (Австралия). Внуки атамана до сих пор живут в Австралии. Награждён семью орденами.

Сергей Георгиевич Улагай (1875–1944) — генерал из кубанских казаков. Родился в семье русского офицера черкесского происхождения, крещённого в православие. Окончил Воронежский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, откуда был выпущен в чине хорунжего. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1917 году — полковник, командир 2-го Запорожского казачьего полка. В сентябре 1917-го арестован Временным правительством. Бежал на Дон. Организовал отряд кубанских казаков. Участник первого Кубанского (Ледяного) похода Добровольческой армии. В 1918 году принял 2-ю Кубанскую дивизию. С ноября 1918 года — генерал-майор. С марта 1919-го — командир 2-го Кубанского корпуса, с которым севернее Маныча разгромил конный корпус красных (Думенко). Летом 1919-го — командир конной группы, которая первой ворвалась в Царицын — «Красный Верден». После отступления белых эмигрировал в Турцию, затем во Францию. Жил в Марселе. Создал казачью цирковую труппу, с которой успешно гастролировал в Европе и Америке. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. Один из прототипов генерала Чарноты из пьесы «Бег» Михаила Булгакова. Современники отзывались о нём как о доблестном воине, чуждом всякой политики. С. М. Будённый, служивший вместе с Улагаем в 18-м Северском драгунском полку в годы Первой мировой войны, вспоминал о своём командире взвода как о трусе, страдавшем «медвежьей» болезнью.

Иван Сергеевич Колесников (1894–1921) — командующий 3-й повстанческой армией, действовавшей в 1920–1921 годах в Воронежской и Тамбовской губерниях. Накануне Первой мировой войны окончил полковую школу и был направлен на фронт в чине вахмистра. Воевал в кавалерии. После Октябрьской революции вступил в Красную армию. Член РКП(б). Летом 1920 года дезертировал из РККА. В августе возглавил штаб восстания, а затем повстанческую дивизию. По официальной версии был убит выстрелом в спину (кем-то из своих) в 1921 году, когда восстание под ударами частей Красной армии пошло на спад. По другой — ему удалось уйти, и впоследствии он стал красным командиром, генералом.

Владимир Васильевич Карпов (1922–2010) — писатель, публицист. Герой Советского Союза (1944). Лауреат Государственной премии СССР (1986). Родился в Оренбурге. Учился в Ташкентском пехотном училище. Спортсмен — боксёр. В 1941 году был арестован по доносу. Воевал в штрафной роте на Калининском фронте. Будучи штрафником, награждён медалью «За отвагу». После снятия судимости служил в разведке. Старший лейтенант. Участвовал во взятии 79 «языков». В июне 1944 года удостоен звания Героя Советского Союза. Окончил Высшую разведшколу Генштаба, затем Академию им. М. В. Фрунзе и Литературный институт им. М. Горького. Командовал полком, служил начштаба стрелковой дивизии, работал в Генштабе. После выхода в отставку работал в журналах «Октябрь» и «Новый мир», возглавлял Союз писателей СССР. Награждён двумя орденами Ленина, двумя — Красной Звезды, орденом Октябрьской Революции, орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Термин принадлежит «демону революции» Л. Д. Троцкому.

ЧОН (части особого назначения) — «коммунистические дружины», «военно-партийные отряды», создававшиеся при заводских партийных ячейках, губернских, городских, уездных, районных партийных комитетах на основании постановления ЦК РКП от 17 апреля 1919 года.

Александр Львович Кроник (1901–1976) — военачальник, историк, журналист. Окончил реальное училище. В Красную армию вступил во время Гражданской войны. Служил в войсках ОГПУ-НКВД. В 1935 году окончил Высшую пограничную школу НКВД. В 1939 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. Участник советско-финляндской и Великой Отечественной войн. Командовал стрелковыми дивизиями. После войны преподавал. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу».

Николай Дмитриевич Каширин (1888–1938) — советский военачальник, командарм 2-го ранга. Родился в семье станичного атамана в Оренбургской губернии. Работал учителем. В русской армии с 1906 года. В 1909 году окончил Оренбургское казачье юнкерское училище. Служил в казачьем полку. Участник Первой мировой войны — сотник, начальник полковой разведки. Подъесаул. После Октябрьской революции организовал отряд Красной гвардии. В 1918 году — командующий Уральской партизанской армией. Будучи тяжело ранен, командование армией передал В. Блюхеру. После Гражданской войны командовал дивизией, корпусом. В 1935 году присвоено звание командарма 2-го ранга. В 1937 году — член Специального судебного присутствия Верховного суда по делу Тухачевского. В 1937 году арестован. В 1938-м приговорён к высшей мере и в тот же день расстрелян. В те же годы расстреляны два его брата, участники Гражданской войны, крупные руководители. В 1956 году реабилитирован. Награждён двумя орденами Красного Знамени, Почётным революционным оружием со знаком ордена Красного Знамени, двумя боевыми орденами за отличия в Первой мировой войне.

Гая Димитриевич Гай (Гайк Бжишкянц) (1887–1937) — советский военачальник. Армянин. Родился в семье народного учителя. Окончил духовную семинарию. Во время Первой мировой войны — штабс-капитан. Награждён тремя георгиевскими крестами за храбрость. Участник Гражданской войны. Командир 1-й Симбирской пехотной дивизии. Затем командующий 1-й армией и 1-й Кавказской Дикой дивизией. Участник Польского похода — командовал 3-м кавкорпусом. Был интернирован в Восточной Пруссии. По возвращении командовал военным гарнизоном Минска. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Начальник кафедры истории Военно-воздушной академии им. Жуковского. В 1935 году был арестован по обвинению в «создании военно-фашистской организации в РККА» и приговорён к пяти годам лагерей. На пересылке бежал, но был пойман. В 1937 году расстрелян. Впоследствии реабилитирован.

Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава
конницы РККА.

Виталий Маркович Примаков (1897–1937) — советский военачальник. Сын учителя. Воспитывался в семье украинского писателя Юрия Коцюбинского, на дочери которого впоследствии был женат первым браком. В 1914 году вступил в РСДРП. Во время Октябрьской революции командовал красногвардейским отрядом в Петрограде. В Харькове сформировал 1-й полк Червоного казачества, впоследствии развёрнутый в дивизию, а затем в корпус. Воевал против Центральной рады и деникинцев на Украине и под Курском и Орлом. Награждён тремя орденами Красного Знамени. Окончил Высшие академические курсы высшего состава РККА (1923). До 1925 года — начальник Высшей кавалерийской школы в Ленинграде. Впоследствии был военным советником в Китае, военным атташе в Афганистане и Японии. По возвращении командовал корпусом, военным округом. В 1935 году — комкор. В 1936 году был арестован и обвинён в «военно-фашистском заговоре». В 1937-м расстрелян вместе с Тухачевским, Якиром, Уборевичем и др. Третьим браком женат на Лиле Брик (после смерти поэта В. Маяковского).

Михаил Александрович Баторский (1890–1938) — военный деятель, специалист по кавалерии, педагог. Родился в Санкт-Петербурге. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Поручик лейб-гвардии Кирасирского Её Величества полка. Окончил Николаевскую военную академию. Участник Первой мировой войны. Служил в Генштабе. Капитан. Штаб-офицер при штабе корпуса в действующей армии. Полковник. Последняя должность в старой армии — помощник начальника отделения Главного управления Генштаба. В 1918 году вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны. На штабной работе в дивизиях и армиях. Начальник штаба Западного фронта. Награждён орденом Красного Знамени. Комкор (1935). Арестован в 1937 году по делу «Москва-центр». В 1938-м расстрелян. В 1957-м реабилитирован посмертно.

Полевой устав РККА 1929 года, по которому в то время строилась и жила Красная армия.

Подчёркнуто в документе.

В ранних изданиях было: «в жёсткой требовательности», что, на наш взгляд, наиболее соответствует характеру героя этой книги.

Василий Николаевич Гордов, в то время командующий войсками Сталинградского фронта, генерал-лейтенант, вскоре был отстранён от командования. Его сменил генерал-полковник Андрей Иванович Ерёмченко.

Ульянов А. И. Детство полководца. Малоярославец, 1996. С. 93.

Украинский военный округ.

4-я кавалерийская Ленинградская Краснознамённая дивизия им. К. Е. Ворошилова.

Командир 4-й кавдивизии Г. П. Клеткин, впоследствии комбриг (1936), генерал-майор (1940), командир казачьей бригады.

Фёдор Яковлевич Костенко (1896–1942) — генерал РККА. Родился в крестьянской семье на Украине. С 1915 года в царской армии. Участник Первой мировой войны — унтер-офицер. В Красной армии с 1918 года. Воевал в Первой конной армии — помощником комэска. В 1924 году окончил Ленинградские курсы среднего состава. Затем КУКС (1928 и 1934). В 1941 году — КУВНАС при Академии Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова. Командир 7-й кавдивизии (1937), затем 2-го кавкорпуса (1939), армейской кавгруппы в КОВО (1940). В начале войны командовал 26-й армией, которая дралась западнее Киева. Командовал конно-механизированной группой под Ливнами и Ельцом осенью 1941 года. В 1942-м — заместитель командующего Юго-Западным фронтом. Погиб в окружении под Харьковом весной 1942 года. Награждён орденом Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды.

Владимир Викторович Крюков (1897–1959) — генерал-лейтенант. Родился в Воронежской губернии. Окончил реальное училище, затем Московскую школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны — помощник командира роты. Последнее звание в старой армии — поручик. В Красной армии с 1918 года. В 1924 году окончил отделение старшего комсостава при Высшей военной академии им. М. В. Фрунзе. Находился на штабной работе. Затем комполка. Преподавал тактику на кавалерийских курсах. Участник советско-финляндской войны — командир стрелкового полка, бригады. В годы Великой Отечественной войны командовал 10-м и 2-м гвардейским кавкорпусами, конно-механизированной группой. После войны заместитель командира 36-го стрелкового корпуса. В 1948-м арестован по «трофейному делу». С 1942-го женат на певице Л. Руслановой. В 1953 году освобождён и полностью реабилитирован. В 1954 году окончил Высшие академические курсы. С 1955-го — заместитель начальника Военно-юридической академии. С 1957-го в отставке. Герой Советского Союза. Награждён тремя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Суворова 1-й и 2-й степени, орденом Кутузова 1-й степени.

Иван Николаевич Музыченко (1901–1970) — генерал-лейтенант. Родился в Ростове-на-Дону. Окончил начальную школу и Учительскую семинарию. Участник Первой мировой войны — рядовой. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны, получил пять ранений. Участник Польского похода и подавления восстания в Воронежской губернии и на Тамбовщине. В 1927 году окончил Кавалерийские курсы усовершенствования комсостава. В РККА прошёл путь от командира эскадрона до командира дивизии. Участник советско-финляндской войны — командир бригады. В 1940 году — генерал-лейтенант, командующий 6-й армией. В августе 1941-го 6-я армия попала в окружение под Уманью. Был тяжело ранен, попал в плен. Содержался в лагере Хаммельсбург. Все предложения служить германской армии отверг. В апреле 1945 года освобождён американскими войсками. Передан советской стороне. Прошёл фильтрацию в органах НКВД. В декабре 1945-го восстановлен в кадрах Советской армии. В 1947 году окончил Курсы при Академии Генштаба, но служить дальше не мог из-за слабого здоровья. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени.

Василий Васильевич Новиков (1898–1965) — Герой Советского Союза. Родился в деревне Щёлково Тверской губернии. Окончил духовное училище, затем Тверскую духовную семинарию. В 1916 году призван в русскую императорскую армию. Участник Первой мировой войны — юнкер. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны — командир взвода, эскадрона, военный следователь полевого суда дивизии. В 1919-м окончил командные курсы. Служил и воевал в Первой конной армии. Участвовал в подавлении восстаний на Северном Кавказе и на Тамбовщине. В 1926 году окончил Курсы усовершенствования комсостава в Новочеркасске. В 1930-м — курсы в Москве. В 1932-м — бронетанковые курсы. Командовал механизированной и танковой бригадами. В 1936 году окончил академические курсы при Военной академии механизации и моторизации РККА им. И. В. Сталина. Участник советско-финляндской войны — командовал Особой армейской группой. В 1940 году — генерал-майор. Командир дивизии, затем мехкорпуса. В начале войны командовал 47-й армией, затем 45-й армией на границе с Турцией. Далее на штабной работе на Калининском, Западном и Сталинградском фронтах как специалист по организации транспортной службы. С апреля 1944-го — командир 6-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии. С апреля 1945-го — командир 7-го гвардейского танкового корпуса. Отличился во многих наступательных операциях, в том числе Берлинской. После войны командовал танковыми частями. Имел прозвище — «русская душа». Награждён медалью «Золотая Звезда», двумя орденами Ленина, пятью — Красного Знамени, двумя — Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени.

Слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского. Песня написана к кинофильму «Дети капитана Гранта».

Слова Бориса Корнилова (расстрелянного в 1938 году), музыка Дмитрия Шостаковича. Песня написана к кинофильму «Встречный» — режиссёры Ф. Эрмлер и С. Юткевич.

Песня из кинофильма «Юность Максима» (1934), исполненная актёром Борисом Чирковым. Мелодия известна с середины XIX века. Слова писали Ф. Садовский, В. Лебедев-Кумач, М. Исаковский и др.

Слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского. Написана первоначально к кинофильму «Дети капитана Гранта», но вошла в кинофильм «Цирк» (1936). В те годы в ней был такой куплет, посвящённый только что принятой Сталинской конституции: «За столом никто у нас не лишней, *По заслугам каждый награждён*, Золотыми буквами мы пишем / Всенародный Сталинский закон». Песня получила огромную популярность не только в СССР, но и за рубежом. Когда началась Великая Отечественная война (СССР вступил во Вторую мировую войну), премьер-министр Великобритании У. Черчилль выступил с заявлением о поддержке Советского Союза. Транслировавшая речь премьера Би-би-си, не желая исполнять гимн СССР (тогда это был «Интернационал»), выпустила в эфир песню «Широка страна моя родная...».

Кинофильм «Чапаев» снят в 1934 году по одноимённой повести Д. Фурманова режиссёрами Г. и С. Васильевыми. Фильм сразу получил признание публики. Первая премия Московского международного кинофестиваля (1935), Гран-при на Всемирной выставке в Париже (1937). Бронзовая медаль в Венеции (1946). Эта кинолента вошла в список ста лучших фильмов мирового кино (1978).

Фильм режиссёра В. Вайнштока по одноимённому роману Жюль Верна (1936).

Александр Игнатъевич Седякин (1893–1938) — советский военный деятель, командарм 2-го ранга. В 1914 году был призван в русскую армию. В 1915 году окончил Иркутское военное училище. В старой армии дослужился до штабс-капитана. С 1917 года в Красной гвардии. Участник Гражданской войны — комиссар стрелковой дивизии, командир бронепоезда, стрелкового полка, бригады, комиссар штаба Южного фронта, командир 31-й и 15-й стрелковых дивизий. После войны инспектор пехоты Петроградского военного округа. Во время подавления Кронштадтского мятежа командовал южной группой 7-й армии. Командовал армиями. Окончил Высшие военно-академические курсы. Командовал войсками округа. Руководил Военно-технической академией им. Дзержинского. Работал в Наркомате обороны. В 1937 году арестован по делу троцкистского военно-фашистского заговора. Дал признательные показания на большую группу военных (около ста человек). В 1938 году расстрелян. Реабилитирован в 1956 году. Награждён двумя орденами Красного Знамени.

Рыбас С. Сталин. М., 2012. С. 465.

Имеется в виду 1937 год.

Иван Панфилович Белов (1893–1938) — советский военный деятель, командарм 1-го ранга (1935), член Военного совета при наркомате обороны СССР. Родился в деревне Колиничево Череповецкого уезда Новгородской губернии. В 1913 году был призван в русскую армию. Участник Первой мировой войны — унтер-офицер. С февраля 1917 года — левый эсер. Во время Октябрьской революции командовал стрелковым полком. В 1918 году — начальник военного гарнизона Ташкента. С 1919 года — в партии большевиков. Командующий Бухарской группой войск РККА. В 1923 году окончил Высшие академические курсы. Командовал стрелковыми дивизиями, корпусами, военными округами, в том числе Ленинградским и Московским. В 1937 году — член Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по делу Тухачевского. В 1938-м был арестован и вскоре расстрелян. В 1955 году реабилитирован. Награждён двумя орденами Красного Знамени.

Журнал «Родина» (2000. № 4).

Эта фраза принадлежит тогдашнему главному редактору лондонской газеты «Таймс» Джеффри Доусону.

По всей вероятности, Г. К. Жуков ошибся в датах. К месту назначения он вместе с комбригом Денисовым и полковым комиссаром Чернышёвым прибыл значительно раньше. В архивах сохранились документы, свидетельствующие о том, что уже 30 мая 1939 года они направили в Москву в Наркомат обороны первое донесение, в котором, в частности, говорилось: «В течение 28 мая шёл исключительно неорганизованный бой, управляемый только командирами подразделений...»

Михаил Семёнович Никишев, будучи дивизионным комиссаром, членом Военного совета 5-й армии, погиб в окружении при попытке пробиться к своим 20 сентября 1941 года вместе со многими командирами и работниками штаба Юго-Западного фронта и штаба 5-й армии. Последний его бой произошёл в урочище Шумейково близ Лохвицы.

Яков Владимирович Смушкевич (Вольфович) (1902–1941) — генерал-лейтенант авиации. Родился в местечке Ракишки Ковенской губернии. Еврей. Участник Гражданской войны. В 1931 году окончил Качинскую военную школу лётчиков и был направлен на должность комиссара бригады в Витебске. В 1936–1937 годах под псевдонимом «Дуглас» воевал в Испании — старший военный советник по авиации. Герой Советского Союза (1937). По возвращении из Испании окончил курсы начсостава при Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1938 году член Военного совета при наркомате обороны. В 1939-м во время боёв в районе Халхин-Гола командовал авиацией 1-й армейской группы. За успешные действия авиации получил вторую золотую звезду героя. С 1939 года — начальник ВВС РККА. В 1940-м — генерал-лейтенант авиации. В том же году переведён на должность генерал-инспектора ВВС РККА, затем — помощника начальника Генштаба РККА по авиации. 8 июня 1941 года был арестован и обвинён в участии в военной заговорщической организации. Расстрелян 28 октября 1941 года под Куйбышевом. В 1941-м лишён звания Героя Советского Союза и наград. В 1954-м посмертно реабилитирован. Награды: два ордена Ленина, орден Красного Знамени МНР, медаль «XX лет РККА».

И-153.

Моноплан с неубирающимися шасси, по типу и техническим характеристикам схожий с советским И-16.

Григорий Михайлович Штерн (1900–1941) — советский военачальник. Родился в местечке Смела Киевской губернии в еврейской семье. Окончил Миусскую гимназию. В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны — на комиссарских должностях. Участник борьбы с басмачеством. В 1926 году окончил КУКС при Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1929 году — восточный факультет той же академии. После курсов на различных руководящих должностях в Наркомате по военным и морским делам СССР. С 1936 года — командир и военком 7-й Самарской кавалерийской дивизии в Белорусском ВО. В 1937–1938 годах воевал в Испании. В 1938-м — комкор, начальник штаба Отдельной Дальневосточной армии. Затем командир корпуса и командующий 1-й Отдельной Краснознамённой армией на Дальнем Востоке. В 1939-м — командарм 2-го ранга. Командующий Фронтальной группой во время боёв на реке Халхин-Гол. Герой Советского Союза. Во время советско-финляндской войны командовал 8-й армией. В 1940 году — войсками Дальневосточного фронта. Генерал-полковник. Затем начальник Управления ПВО РККА. 15 мая 1941 года немецкий транспортный самолёт, минуя посты ПВО, пролетел по маршруту Белосток — Минск — Смоленск — Москва, где и приземлился. Последовали аресты среди комсостава ПВО страны. Был арестован и Штерн. Расстрелян под Куйбышевом 28 октября 1941 года. В 1954 году реабилитирован.

Григорий Иванович Кулик (1880–1950) — советский военачальник, Маршал Советского Союза. Родился на хуторе Дудниково Полтавской губернии. Окончил четырёхклассную школу. В русской армии с 1912 года. Участник Первой мировой войны — фейерверкер в артиллерии. Во время Гражданской войны — командир артиллерии 4, 10 и 14-й армий. В 1920 году — начальник артиллерии Первой конной армии. Получил пять ранений. В 1924 году окончил Высшие академические курсы высшего состава РККА. Помощник начальника артиллерии РККА. С 1926 года — начальник Главного артиллерийского управления РККА. В 1932 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командир и комиссар 3-го стрелкового корпуса. С 1936 года воевал в Испании. В 1938 году вместе с другими военачальниками обратился с письмом к Сталину о прекращении репрессий в РККА. С 1939 года — заместитель наркома обороны СССР — командарм 1-го ранга. В 1940-м — Маршал Советского Союза. В начале Великой Отечественной войны попал в окружение под Белостоком. Командовал 54-й и 56-й армиями. Был представителем Ставки на керченском направлении. За провал под Керчью разжалован до генерал-майора, лишён наград. В 1943 году благодаря ходатайствам Г. К. Жукова повышен в звании до генерал-лейтенанта и назначен командующим 4-й гвардейской армией (Степной фронт). С 1943 года — в Главном управлении кадров. В 1945-м снова понижен в звании. В 1947-м арестован. В 1950-м вместе с генералами В. Н. Горловым и Ф. Т. Рыбальченко приговорён к расстрелу по обвинению в заговоре против советской власти. В 1957 году реабилитирован, восстановлен в звании Маршала Советского Союза. Награждён четырьмя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени.

Михаил Павлович Яковлев (1903–1939) — командир лёгкой танковой бригады 1-й армейской группы. Комбриг. Родился в деревне Горушке Новгородской губернии. Работал подручным литейщика на заводе в Санкт-Петербурге. В Красной армии с 1921 года — в хоззвезде пулемётных курсов. Участник подавления антоновского мятежа на Тамбовщине. Окончил Пехотную школу с отличием. Командир взвода, роты, батальона в 32-м полку 11-й Ленинградской стрелковой дивизии. В 1931 году — командир учебного батальона. С 1935 года — командир стрелково-пулемётного батальона 9-й отдельной мехбригады. В 1937 году окончил Ленинградские бронетанковые курсы им. А. С. Бубнова. С 1938 года — командир 11-й лёгкой танковой бригады. Отличился в боях в районе высоты Баин-Цаган с 3 по 12 июля 1939 года. Погиб в бою 12 июля 1939-го. Похоронен в Чите. Посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. На горе Баин-Цаган (Монголия) был установлен танк с надписью на броне: «Танкистам РККА-яковлевцам, победителям над японцами в Баин-Цаганском сражении 3–5 июля 1939 года».

Буси-до — «путь воина» — кодекс самурая, свод правил, рекомендаций и норм поведения истинного воина в обществе, в бою и наедине с собой, воинская мужская философия и мораль, уходящая корнями в глубокую древность.

Михаил Андреевич Богданов (1898–1969) — советский военачальник. Родился в Санкт-Петербурге в семье рабочего. Участник Первой мировой и Гражданской войн — командир отделения, взвода. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. После окончания учёбы — начальник оперативного отдела стрелковой дивизии, затем начальник штаба стрелковой дивизии и начальник оперативного отдела стрелкового корпуса. Командовал стрелковой дивизией в Белорусском ВО. В 1938 году — военный советник в Испании — награждён орденом Ленина. В 1939-м — командир 37-й стрелковой дивизии, комбриг. В 1939 году — член Военного совета 1-й армейской группы и начальник штаба во время войны на Халхин-Голе. Награждён орденом Красного Знамени и орденом Боевого Красного Знамени МНР. В 1940 году был осуждён на четыре года за «грубейшую ошибку, нанёсшую ущерб престижу СССР» — просчёт во время определения границы между МНР и Маньчжурией по результатам войны. В августе 1941 года амнистирован, восстановлен в армии. Командовал стрелковыми дивизиями, полком. Войну закончил в должности командира стрелковой дивизии, в звании генерал-майора. После войны продолжал службу в Советской армии. Награждён двумя орденами Ленина, четырьмя — Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени.

Звание Героя Советского Союза было установлено Постановлением ЦИК СССР в апреле 1934 года. Дополнительный знак отличия для героев Советского Союза — медаль «Золотая Звезда» — учреждён Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1934 года. Герои Халхин-Гола, таким образом, получили золотые звёзды вместе со званием.

Джамбул Джамбаев (1846–1945) — казахский советский поэт, певец-акын. Имеется в виду, по всей вероятности, стихотворение «Закон счастья».

В то время М. М. Пилихин работал на автобазе НКВД в Москве.

Марина Михайловна Раскова (в девичестве Малинина) (1912–1943) — лётчица-штурман, майор. Отец — оперный певец, баритон. Училась в Московской консерватории. Но стала лётчицей. В Красной армии с 1938 года. Одновременно в штате НКВД — старший лейтенант госбезопасности. На самолёте «Родина» АНТ-37 вместе с В. С. Гризодубовой и П. Д. Осипенко совершила беспосадочный полёт Москва — Дальний Восток. Во время Великой Отечественной войны добилась разрешения Сталина сформировать женские авиационные полки. Погибла в 1943 году в авиакатастрофе под Саратовом. Герой Советского Союза. Награждена двумя орденами Ленина, орденом Отечественной войны 1-й степени.

Кирилл Афанасьевич Мерецков (1897–1968) — Маршал Советского Союза (1944). Родился в деревне Назарьево Рязанской губернии в крестьянской семье. Окончил четырёхклассную земскую школу, затем рабочие курсы. В 12 лет перебрался в Москву на заработки. В 1917 году вступил в Красную гвардию. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. Получил три тяжёлых ранения. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Служил на штабных должностях. В 1936–1937 годах воевал в Испании. По возвращении командовал военными округами. 23 июня 1941 года был арестован НКВД. Во время следствия к нему применялись «меры физического воздействия». В сентябре 1941 года освобождён. Архивно-следственное дело уничтожено в 1955 году. Во время Великой Отечественной войны командовал армиями, фронтами. С июля 1945 года командовал 1-м Дальневосточным фронтом. После войны командовал рядом военных округов. Начальник курсов «Выстрел». Герой Советского Союза (1940). Награждён орденом «Победа», семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени.

Иван Владимирович Тюленев (1892–1978) — генерал армии, Герой Советского Союза (1978). Родился в селе Шатрашаны под Симбирском в крестьянской семье. В 1917 году окончил Чистопольскую школу прапорщиков. В 1922-м окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1929 году — КУВНАС. В 1930-м — курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачёва. Участник Первой мировой (четыре георгиевских креста и Георгиевская медаль) и Гражданской (от командира взвода до командира кавалерийской бригады) войн, похода в Западную Украину (командующий 12-й армией), Великой Отечественной войны (комфронта). После войны командовал Харьковским ВО, заместитель командующего Сухопутными войсками, командующий кавалерией Советской армии. Награды — четыре ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, пять орденов Красного Знамени, орден Кутузова 1-й степени.

Даниил Ефимович Петров (1893–1949) — генерал-майор. Родился в деревне Манькино под Смоленском. Участник Первой мировой войны — старший унтер-офицер. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны — комвзвода, помощник командира стрелкового полка. В 1922 году окончил Высшую тактико-стрелковую школу РККА им. Коминтерна. С 1928 года — командир 1-го отдельного штрафного батальона. В 1930 году окончил курсы «Выстрел». Командовал полком, стрелково-пулемётной, а потом воздушно-десантной бригадой. В 1938 году — комбриг. С июня 1939 года — командир 36-й Забайкальской мотострелковой дивизии. В 1940-м — генерал-майор. Командир корпуса. Заместитель командующего 17-й армией Забайкальского ВО. Участник советско-японской войны 1945 года. Награды — орден Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Иван Васильевич Галанин (1899–1946) — генерал-лейтенант (1943). Родился в деревне Покровке Нижегородской губернии. В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны — командир стрелковой роты. В 1936 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. По окончании академии служил на штабных должностях. В 1939 году командовал 59-й стрелковой дивизией на Халхин-Голе. С 1940 года — стрелковым корпусом. В начале Великой Отечественной войны — 12-й армией. В 1942 году — 59-й армией. Заместитель командующего Воронежским фронтом. В 1943 году — командующий 70-й армией. Затем — 53-й армией и 4-й гвардейской армией. После войны — заместитель командира стрелкового корпуса. Награды — два ордена Ленина, два — Красной Звезды, два — Кутузова 1-й степени (в том числе № 1), орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Боевого Красного Знамени МНР.

Имеется в виду Пакт о ненападении, вошедший в историю под названием «пакт Молотова — Риббентропа», который был заключён между СССР и Германией 23 августа 1939 года.

Иван Васильевич Болдин (1892–1956) — генерал-полковник (1944). Родился в деревне Высокое в Бессарабии в крестьянской семье. В армии с 1914 года. Участник Первой мировой войны. Окончил полковую школу — старший унтер-офицер. В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны — командир стрелковой роты, батальона. С августа 1920 года командовал полком. В 1923 году окончил курсы «Выстрел», затем курсы при Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1926 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе — Особую группу. После учёбы находился на командных должностях и на преподавательской работе. В 1937 году — командир стрелковой дивизии. В 1938-м — командир стрелкового корпуса, а вскоре командующий войсками Калининского ВО. С 1938 года — член Военного совета при наркомате обороны СССР. В 1939 году во время Польского похода командовал конно-механизированной группой. После похода командовал войсками Одесского ВО. Командующий 9-й армией во время Прутского похода. С января 1941 года — первый заместитель командующего войсками ЗапВО. В начале войны попал в окружение под Белостоком, вышел. Отмечен в приказе Сталина. Командующий 19-й армией, затем 50-й. В 1945 году комфронта К. К. Рокоссовский снял его с должности командарма. С апреля 1945 года — заместитель командующего 3-м Украинским фронтом. После войны командовал армией, округом. Награды — два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, два ордена Красной Звезды.

Из аттестации командира 7-й Самарской кавалерийской дивизии им. Английского пролетариата К. К. Рокоссовского.

Филипп Иванович Голиков (1900–1980) — Маршал Советского Союза (1961). Родился в крестьянской семье в деревне Борисово (ныне Курганской области). Окончил сельскую школу, затем уездную гимназию. В 1918 году добровольцем вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны. Занимался политработой. С 1931 года — на командных должностях. В 1933 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командовал стрелковым полком, механизированной бригадой, механизированным корпусом, группой войск. Участник Польского похода. В 1940 году — начальник Главного разведуправления Генштаба РККА. В начале войны руководил советскими военными миссиями в Великобритании и США. Осенью 1941 года был отозван и назначен командующим 10-й армией. В 1942 году сменил много должностей: командовал 4-й ударной армией, Брянским, Воронежским фронтами, 1-й гвардейской армией, был заместителем командующего Сталинградским фронтом, командующим Северо-Западным фронтом, начальником Разведуправления Генштаба, командующим Воронежским фронтом. В марте 1943 года после очередного провала под Харьковом был отозван в Москву и больше на фронт никогда не направлялся. Заместитель наркома обороны по кадрам, затем начальник Управления по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. Филтрационные лагеря, потоки переменного состава в штрафные роты и батальоны, а также в ГУЛАГ — это работа управления, возглавляемого генералом Голиковым. После войны командовал армией, был начальником Военной академии бронетанковых войск, затем возглавил Главное политуправление Советской армии и Военно-морского флота, став второй фигурой в Минобороны СССР. Награждён четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды. Оставил мемуары.

Владимир Николаевич Борисов (1901—?) — комиссар, политработник. Родился в семье священника под Бузулуком. Окончил реальное училище. Служил в армии Колчака. В 1919 году дезертировал в Красную армию. Служил на комиссарских должностях. В 1939 году — корпусной комиссар. В 1940-м — армейский комиссар 2-го ранга. Член Военного совета КОВО, затем фронта. В 1941 году был арестован. Освобождён в 1944-м. Воевал. Награждён двумя орденами Красного Знамени. После войны был комендантом города Лейпцига. В 1948 году был снова арестован за «антисоветскую агитацию» и осуждён на пять лет лагерей. Освобождён в 1953 году. Впоследствии полностью реабилитирован.

Оперетта американских композиторов Р. Фримля и Г. Стотгарта, поставленная Государственным академическим театром «Московская оперетта». Спектакли шли в зимнем театре «Аквариум» на Садовой, куда оперетта перебралась ещё в конце 1920-х годов.

Номер газеты «Фёлькишер беобахтер» от 13 июня 1941 года был изъят за несколько часов до распространения. Сделано это было намеренно, в рамках всё того же сочинения «песни о вторжении» в Англию. Дело в том, что в этом номере была опубликована статья Геббельса под названием «Крит как пример», в которой содержался явный намёк на то, что захват немецкими парашютистами острова Крит — это всего лишь генеральная репетиция перед высадкой на Британские острова.

Безыменский Л. А. О «Плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // Новая и Новейшая история. 2000. № 3. С. 58–67.

Максим Алексеевич Пуркаев (1894–1953) — генерал армии. Родился в Мордовии в селе Налитове в семье плотника-отходника. В 1916 году окончил школу прапорщиков. В 1923 году — курсы «Выстрел». В 1930-м — КУВНАС при Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1936 году — особый факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. Командир стрелковой роты, полка. Во время первого Польского похода был трижды ранен. Командовал полком. После излечения перешёл на штабную работу. В 1939 году — военный атташе при полпредстве СССР в Германии. Участник второго Польского похода (1939). В начале войны — начальник штаба Юго-Западного фронта. Командовал 3-й ударной армией. Затем Калининским фронтом. С 1943 года командовал Дальневосточным фронтом. После войны командовал войсками Дальневосточного ВО. Награды — два ордена Ленина, четыре — Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени.

Перебежчиков было несколько. С 18 по 21 июня 1941 года несколько солдат и младших чинов, перебежав границу, сообщили, что ночью 22 июня немецкие войска атакуют. В своё время вспыхнула полемика среди исследователей: сколько же было перебежчиков в действительности? Одна из сторон даже обвиняла Г. К. Жукова в неточности, которую якобы автор «Воспоминаний и размышлений» допустил в главе «Начало войны».

Фраза о «немецких генералах» возвращает нас к истории «Письма Гитлера», в котором тот писал Сталину, что «оппозиция моему решению осуществить вторжение на острова охватила многие слои немецкого общества, включая и отдельных представителей высших уровней государственного и военного руководства», что «подобные настроения охватили и некоторых генералов моей армии...».

Филипп Сергеевич Октябрьский (Иванов) (1899–1969) — адмирал. Родился в деревне Лушино Тверской губернии в крестьянской семье. Подростком уехал на заработки в Шлиссельбург. Работал кочегаром, помощником машиниста на пароходе. В 1918 году добровольно вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны — матрос. В 1922 году окончил Курсы при Петроградском коммунистическом университете. В 1928 году окончил курсы при Военно-морском училище им. М. В. Фрунзе. Командовал торпедным катером, дивизионом, отрядом, бригадой торпедных катеров. В 1938 году командовал Амурской речной флотилией. В 1939-м — Черноморским флотом. Во время Великой Отечественной войны участвовал в главнейших операциях в Крыму. После войны продолжал командовать Черноморским флотом. Герой Советского Союза (1958). Награды — три ордена Ленина, три ордена Красной Звезды, два ордена Ушакова 1-й степени, орден Нахимова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени.

Гейнц Вильгельм Гудериан (1888–1954) — генерал-полковник вермахта, военный теоретик, генерал бундесвера. Родоначальник танкостроения в Германии. Родился в Пруссии (ныне Польша) в семье офицера. Военную службу начал в 1907 году — фенрих. В 1908 году — лейтенант. Окончил Военную академию в Берлине. Участник Первой мировой войны. Служил в связи, в разведке, в оперативном отделе штаба, квартирмейстером, в рейхсвере. В 1938 году — командующий танковыми войсками. Участник вторжения в Польшу (1939), во Францию (1940) — командовал танковым корпусом. Во время вторжения в СССР командовал 2-й танковой группой. С декабря 1941 года — в резерве Главного командования. С 1942 года — командир 3-го армейского корпуса. С 1943 года — главный инспектор танковых войск. С 1944-го — начальник штаба сухопутных войск. Вскоре после очередного конфликта с Гитлером был снят с должности и отправлен в отпуск. Взят в плен американцами. На Нюрнбергском процессе выступал в качестве свидетеля. Советская сторона настаивала на привлечении Гудериана к ответственности в качестве обвиняемого — за расстрелы пленных красноармейцев. Но союзники отклонили ходатайство. С 1946 по 1948 год находился в тюрьме. Затем был освобождён. Награды за две войны — четыре Железных креста, два Рыцарских креста и Дубовые листья к Рыцарскому кресту. Автор книг «Танки, вперёд!» и «Воспоминания солдата».

Гудериан в этом месте преувеличивает. Как русский солдат или даже офицер рангом до командира полка, который оказался на месте разгрузки стрелковой части, мог знать генерала вермахта? Немногие и немецкие солдаты знали в лицо своего «быстроходного Гейнца». Да и находился Гудериан, судя по его же тексту, не на броне танка, а рядом с механиком-водителем, то есть за бронёй.

Курт фон Туппельскирх (1891–1957) — генерал пехоты вермахта, военный историк. На военной службе с 1910 года. С 1911 года — лейтенант в гренадерском полку. В 1914 году попал в плен к французам, был освобождён в 1919-м. Служил в рейхсвере. В 1938 году — генерал-майор. Служил при Генштабе — начальник разведуправления штаба сухопутных сил. В 1940-м — генерал-лейтенант. Зимой 1941 года после неудачи под Москвой был направлен на Восточный фронт с понижением в должности — командовал 30-й пехотной дивизией. С 1942 года — советник при командовании 8-й итальянской армии. С 1943 по 1944 год командовал 12-м армейским корпусом. Затем — 21-й армией. 22 мая 1945 года сдался в плен англичанам. Награды — Рыцарский крест, Дубовые листья к Рыцарскому кресту. Автор книг «История Второй мировой войны» и «Итоги Второй мировой войны».

Михаил Иванович Потанов (1902–1965) — генерал-полковник (1961). Родился в селе Мочалове Юхновского уезда Калужской губернии. Окончил духовную семинарию. Служил в сельском приходе дьяконом. В Красной армии с 1920 года. Участник Гражданской войны. В 1925 году окончил Военно-химические курсы усовершенствования начсостава. В 1936 году — Военную академию механизации и моторизации РККА. Участник боёв на Халхин-Голе в 1939 году — заместитель командующего 1-й армейской группой. До начала войны командовал 4-м мехкорпусом, затем 5-й армией. Генерал-майор. В июне 1941 года 5-я армия участвовала в сражении при Дубно — Луцк — Броды. В сентябре 1941 года попал в плен. До апреля 1945-го содержался в лагерях Хаммельсбург, Гогельштейн, Вайсенбург, Моозбур. После освобождения из плена был восстановлен в звании и продолжил службу в Советской армии. В 1947 году окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. В 1958–1965 годы — первый заместитель командующего Одесским военным округом. Награды — два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды.

Павел Григорьевич Понеделин (1893–1950) — генерал-майор (1940). В армии с 1914 года. В 1915 году окончил Московскую школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. Командир полка. Участник Польского похода. В 1926 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Затем на преподавательской работе. Участник советско-финляндской войны. В марте 1941 года — командующий 12-й армией. В ходе боёв под Уманью в августе 1941 года попал в плен. Как «трус и дезертир» был отмечен в приказе Ставки ВГК № 270. Заочно приговорён к расстрелу. Жена и отец репрессированы как «члены семьи изменника Родины». В апреле 1945 года был освобождён американцами, после чего заключён в Лефортовскую тюрьму. В 1950 году осуждён и расстрелян. В 1956 году посмертно реабилитирован. Награды — два ордена Красного Знамени за Польский поход.

Михаил Петрович Кирпонос (1892–1941) — генерал-полковник. Родился в деревне Вертиевке под Черниговом. Окончил земскую школу. В армии с 1915 года. В 1917 году окончил военно-фельдъегерскую школу. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Командир батальона в дивизии Н. Щорса. Затем на штабной работе. В 1927 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Снова на штабной работе. В 1935 году — комбриг. В 1939 году — комдив. Участник советско-финляндской войны — командир стрелковой дивизии. Удостоен звания Героя Советского Союза. С 1940 года — командир стрелкового корпуса, затем командующий войсками Ленинградского ВО. В 1940 году — генерал-лейтенант. С февраля 1941-го — командующий КОВО. В 1941 году — генерал-полковник, командующий Юго-Западным фронтом. В сентябре 1941 года четыре армии ЮЗФ попали в окружение, в том числе и штаб фронта. Кирпонос погиб при выходе из окружения. Награды — медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, орден Ленина, орден Отечественной войны 1-й степени (посмертно), медаль «XX лет РККА».

Андрей Андреевич Власов (1901–1946) — генерал-лейтенант РККА, главнокомандующий РОА (1945). Родился в многодетной крестьянской семье в Нижегородской губернии. В 1915 году учился в духовной семинарии, затем в Нижегородском университете. Участник Гражданской войны. В 1929 году окончил курсы «Выстрел». В 1935 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командовал стрелковым полком и стрелковой дивизией. В 1939 году — советник в Китае. По возвращении — командир стрелковой дивизии в КОВО. С января 1941 года — командир 4-го мехкорпуса. В августе 1941 года — командующий 37-й армией. Затем — 20-й армией и 2-й ударной армией. В июле 1942 года сдался в плен. В плену согласился сотрудничать с германской армией. Гитлер пренебрежительно относился к Власову: «Перебежавшая свинья и дурак». Власов несколько раз пытался встретиться с Гитлером, но тот его так и не принял. Власов организовал Русскую освободительную армию (РОА) на базе «русских батальонов». Подразделения РОА зверствовали на территории Могилёвской, Минской, Смоленской и Сумской областей, а также в Белоруссии и Польше. Власов встречался с находившимися в немецком плену советскими генералами Понеделиным, Снеговым, Лукиным. Но те наотрез отказались служить немцам. Власова захватили в плен танкисты 25-го танкового корпуса 13-й армии 1-го Украинского фронта в районе города Пльзень в Чехословакии при попытке перейти в западную зону оккупации. В 1946 году по приговору суда он был лишён наград, звания и повешен как изменник родины. Награды, полученные в РККА: орден Ленина, два ордена Красной Звезды, медаль «XX лет РККА». В реабилитации после неоднократных ходатайств и рассмотрений дела по существу было отказано.

Эвальд фон Клейст (1881–1954) — фельдмаршал (1943) германской армии. Выходец из аристократического прусского рода. Военную службу начал в 1900 году. В 1913-м окончил Военную академию. Участник Первой мировой войны. Находился на штабной работе. Служил в рейхсвере. В 1929 году — полковник. В 1931-м — командир пехотного полка. В 1933 году — генерал-лейтенант. Командовал корпусом. Участник вторжения в Польшу Францию, Югославию, Грецию. Командовал 1-й танковой группой во время вторжения в СССР. Провёл ряд удачных операций на Восточном фронте. Командующий 1-й танковой армией, затем группой армий «А». После покушения на Гитлера в 1944 году был арестован, но затем отпущен. Ушёл в отставку. В апреле 1945 года был арестован американцами. В 1949-м передан советским властям и содержался во внутренней тюрьме МГБ, в том числе и во Владимирской. В 1952 году приговорён к 25 годам лагерей. Умер в лагере в 1954 году. Награды — два Железных креста, два Рыцарских креста, Дубовые листья к Рыцарскому кресту, Мечи к Рыцарскому кресту и др.

Дмитрий Иванович Рябышев (1894–1985) — генерал-лейтенант (1940). Родился на хуторе Колотовка области Войска Донского. В армии с 1915 года. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Воевал в Первой конной армии. В 1923 году окончил курсы при Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1925 году — курсы усовершенствования высшего состава. В 1935-м — Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командир кавдивизии и кавкорпуса. Командовал танковыми бригадами, 8-м мехкорпусом, с которым встретил войну. Затем — 38-й армией, сформированной на базе 8-го мехкорпуса. В 1943 году окончил трёхмесячные курсы Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. Назначен командующим 3-й резервной армией, дислоцированной в Калуге. С 1944 года — командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса, затем 3-го гвардейского стрелкового корпуса и 114-го стрелкового корпуса, с которым дошёл до Победы. После войны командовал стрелковым корпусом и был заместителем командующего Восточно-Сибирским ВО. Награды — три ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, пять орденов Красного Знамени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 2-й степени, орден Красной Звезды. Оставил несколько книг мемуаров.

Герман Гот (1885–1971) — генерал-полковник германской армии. Военную службу начал в 1904 году. В 1913 году окончил Военную академию. Служил в Генштабе. Участник Первой мировой войны — командир пехотного батальона, затем на штабной работе. Служил в рейхсвере. Командир пехотного полка. В 1932 году — полковник. В 1934-м — генерал-майор. Командир пехотной дивизии. В 1936-м — генерал-лейтенант. В 1938 году — генерал пехоты. Во время Польской кампании командовал 15-м армейским корпусом. Во время Французской кампании — танковой группой «Гот». В 1940 году — генерал-полковник. Командир 3-й танковой группы группы армий «Центр». В 1942 году — командующий 2-й танковой армией. С 1943 года в отставке. В 1945 году был взят в плен американцами. В 1954 году отпущен на свободу. Автор мемуаров. Награды — два Железных креста, Рыцарский крест с Дубовыми листьями и Мечами, другие ордена.

Первую жену Жукова звали Александрой Диевной.

Николай Николаевич Вашугин (1900–1941) — корпусной комиссар. Родился в селе Заручье Ярославской губернии. В Красной армии с 1919 года. В 1937 году окончил курсы «Выстрел». В 1939 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. Находился на различных партийно-политических должностях в войсках от комиссара полковой школы до члена Военного совета ВО. Участник советско-финляндской войны. В 1940 году — корпусной комиссар. Покончил с собой 28 июня 1941 года. Награждён орденом Ленина.

19 июля Сталин стал наркомом обороны, а 8 августа — Верховным главнокомандующим.

Владимир Ефимович Климовских (1885–1941) — генерал-майор (1940). На военной службе с 1913 года. Окончил Алексеевское военное училище и в чине офицера отбыл на фронт Первой мировой войны. Капитан. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны — на штабной работе. С 1932 по 1936 год преподавал в Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1935 году — комбриг. В 1938-м — старший преподаватель Военной академии Генштаба. С 1940 года — начальник штаба Западного Особого ВО. 8 июля 1941 года был арестован, обвинён в трусости, преднамеренном развале управления и сдаче позиций противнику без боя. 22 июля 1941 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение в тот же день. В 1957 году посмертно реабилитирован. Награждён орденом Красного Знамени (1938).

Александр Андреевич Коробков (1897–1941) — генерал-майор. В армии с 1915 года. В 1916 году окончил Оренбургскую школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны — командир взвода. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1922 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С 1924 года — командир полка. С 1931 года — начштаба 95-й стрелковой дивизии. С 1936-го — командир 100-й стрелковой дивизии. С 1939 года — командир стрелкового корпуса. С января 1941-го — командующий 4-й армией. В начале войны армия находилась в районе Бреста. Понесла большие потери, и остатки её были переданы в подчинение 21-й армии. 8 июля был арестован. 22 июля расстрелян вместе с генералами Климовских, Павловым и др. В 1957 году реабилитирован. Награждён орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА».

Иван Никитич Руссиянов (1900–1984) — генерал-лейтенант. Родился в деревне Щуплы Смоленской губернии в крестьянской семье. В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны. Окончил пехотную школу в Смоленске. В 1931 году — курсы «Выстрел». В мае 1941 года — КУВНАС при Академии Генштаба. Служил командиром взвода, роты, батальона, полка, дивизии. С июня 1941 года — в боях. Командовал 100-й стрелковой дивизией. Дивизия отличилась в боях под Минском и Ельней. Преобразована в 1-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В 1942 году на её базе сформирован 1-й гвардейский мехкорпус. После Великой Отечественной войны командовал войсками. В 1949 году окончил Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова. Служил до 1953 года. Герой Советского Союза (1978). Награды — медаль «Золотая Звезда», три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Кутузова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени.

Леонид Григорьевич Петровский (1897–1941) — генерал-лейтенант (1941). В армии с 1917 года. Окончил школу прапорщиков. Командир роты. С 1917 года в Красной гвардии. Участник Гражданской войны — командир полка, бригады, начальник штаба дивизии. Во время первого Польского похода 1920 года попал в плен к полякам. В 1921 году вернулся по обмену пленными. Восстановлен в РККА. В 1922 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командовал батальоном, полком, был начальником штаба дивизии. В 1928 году окончил КУВНАС. В 1934 году — командир дивизии. В 1937-м — командир стрелкового корпуса. В 1940 году находился под следствием органов НКВД, арестован не был. Вскоре по ходатайству наркома Тимошенко был восстановлен в РККА и назначен командиром 63-го стрелкового корпуса, дислоцированного в Поволжье. В июне — июле 1941 года корпус активно действовал в составе 21-й армии Западного фронта. В июле во время контрнаступления на Бобруйск попал в окружение. Погиб при попытке вырваться из окружения. Обстоятельства гибели неясны. Похоронен немцами со всеми воинскими почестями. На могиле был установлен крест с надписью: «Генерал-лейтенант Петровский, командир Чёрного корпуса». Награждён орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени.

Фон Бок имеет в виду реку Десну.

Фейерверкер — буквально: «работник огня» — унтер-офицерское воинское звание и должность в артиллерийских частях старой армии.

Пётр Иванович Ляпин (1894–1954) — генерал-лейтенант (1944). Родился в деревне Ромоданово Пензенской губернии в крестьянской семье. В армии с 1916 года. Участник Первой мировой войны — старший унтер-офицер. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны — командир батальона. В 1931 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Затем был на штабной и преподавательской работе. В 1940 году — генерал-майор. С июня 1940 года — начштаба 10-й армии. В июне 1941-го попал в окружение. Вышел из окружения, вывел группу бойцов и командиров. В июле 1941 года назначен начштаба Резервного фронта. С августа 1941-го — начштаба 52-й, затем 4-й армии. В 1942 году, будучи командующим 4-й армией, был снят с должности «за исключительную беспечность и недобросовестное отношение к своим обязанностям». Командовал воздушно-десантным корпусом, затем дивизией. И снова был снят с должности за ложные доклады и халатность. В 1943 году назначен на должность начштаба 63-й армии, затем 70-й армии войск НКВД и, наконец, 19-й армии. После войны руководил штабами ряда ВО. Награды — орден Ленина, орден Красного Знамени, орден Кутузова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Кутузова 2-й степени.

Леонид Александрович Говоров (1897–1955) — Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. Родился в Вятской губернии в крестьянской семье. Студент Петроградского политехнического института, юнкер Константиновского артиллерийского училища, офицер в армии адмирала Колчака. В 1919 году вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны. В 1933 году окончил Академию им. М. В. Фрунзе, а затем (1948) Академию Генштаба. Участвовал в войне с Финляндией 1939–1940 годов. Во время Великой Отечественной войны командовал 5-й армией. Весной 1942 года по заданию Сталина выехал в осаждённый Ленинград и возглавил войска фронта. Один из организаторов прорыва блокады и сокрушения «Северного вала» немцев, а затем (1944) линии Маннергейма. Осенью 1944 года войска фронта прорвали линию «Пантера» и освободили Эстонию. В мае 1945 года его войска пленили группу армий «Курляндия». В послевоенные годы — первый командующий ПВО страны. Награждён пятью орденами Ленина, орденом «Победа», тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды.

Константин Иванович Ракутин (1902–1941) — генерал-майор. Родился в деревне Новинки Нижегородской губернии. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1920 году окончил Тамбовские курсы красных командиров, направлен в пограничные войска. Прошёл путь от командира роты до начальника Прибалтийского пограничного округа. Участник советско-финляндской войны. В 1940 году — генерал-майор НКВД. В конце июня 1941 года назначен командующим 31-й армией, с июля — командующий 24-й армией. В октябре 1941 года попал в окружение и погиб при попытке прорыва. В 1990 году посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Награды — орден Ленина (посмертно), орден Отечественной войны 1-й степени (посмертно), орден Красной Звезды.

Фридрих Матерна (1885–1946) — генерал от инфантерии. Был офицером австрийской федеральной армии и вермахта. В 1904 году — прапорщик. В 1905 году — лейтенант. В 1921-м — подполковник. В 1929-м — полковник. В 1935 году — генерал-майор. С 1938 года — командир 45-й пехотной дивизии. С 1940 по 1942 год командовал 20-м армейским корпусом на Восточном фронте. С 1942 по 1944 год находился в резерве. В 1944 году ушёл в отставку. Награды: Рыцарский крест, Немецкий крест в золоте.

Реактивный снаряд.

Сражение германских и итальянских войск Африканского корпуса генерала Роммеля с группировкой союзников (Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, Британская Индия) под командованием генерала Клода Окинлека.

Высадка войск союзников 6 июня 1944 года в Нормандии (Франция) и открытие второго фронта.

Сергей Никифорович Круглов (1907–1977) — нарком (министр) внутренних дел СССР с 1945 по 1956 год, генерал-полковник (1945). Родился в деревне Устье Тверской губернии в крестьянской семье. Заведовал избой-читальней. Работал слесарем. В 1929 году был призван в РККА. В 1931 году поступил в Московский индустриально-педагогический институт им. К. Либкнехта. В 1934 году переведён слушателем в Московский институт востоковедения. С 1937 года в штате ЦК ВКП(б). В 1938 году направлен в НКВД — старший майор госбезопасности. В 1941 году — первый заместитель наркома внутренних дел, член Военного совета Резервного фронта. Во время войны — заместитель и первый заместитель наркома внутренних дел. С 1945 года — нарком НКВД. С 1953 года, когда НКВД и МВД были объединены, первый заместитель министра внутренних дел СССР. Создатель КГБ. В 1956 году переведён на должность заместителя министра строительства электростанций. В 1958 году отправлен на пенсию. В 1959 году был лишён генеральского звания и выселен из элитной квартиры. В 1960 году исключён из партии «за причастность к репрессиям». В 1977 году погиб, попав под поезд. Награды — два ордена Ленина, орден Красной Звезды, орден Суворова 1-й степени, ордена Кутузова 1-й и 2-й степени.

Дмитрий Платонович Онуприенко (1906–1977) — генерал-лейтенант (1945). Родился в селе Шулики под Киевом. Окончил семилетнюю школу. Работал на лесоразработках. В 1925 году был призван в РККА. В 1928 году окончил Киевское пехотное училище и направлен в пограничные войска ОГПУ СССР. В 1938 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Служил в Главном управлении пограничных и внутренних войск НКВД. С 1939 года — заместитель начальника Главного управления конвойных войск НКВД. Во время советско-финляндской войны командовал Особым отрядом НКВД Северо-Западного фронта. В 1941 году — заместитель начальника Управления оперативных войск НКВД, а затем начштаба МВО. В июле 1941 года формировал 33-ю армию из подразделений НКВД и ДНО. Из-за ошибок в управлении в октябре 1941 года 33-я армия была разгромлена, и Онуприенко понизили в должности до заместителя командующего армией. В 1942 году окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. В 1942 году — генерал-майор. Некоторое время находился на штабных должностях. С 1943 года — командир 6-й гвардейской стрелковой дивизии. За успешное форсирование Днепра получил звание Героя Советского Союза. С 1944 года — командир стрелкового корпуса. После войны командовал механизированной дивизией и стрелковыми корпусами. В 1952 году повторно окончил Высшие академические курсы. Награды — два ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени, ордена Кутузова 1-й и 2-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Красной Звезды.

Иван Иванович Масленников (1900–1954) — в Красной армии с 1918 года. Командовал кавалерийской группой, полком, бригадой Второй конной армии. В начале 1930-х годов командовал 11-м Хорезмийским кавалерийским полком в борьбе против басмачей. С 1936 года — на штабной работе в войсках НКВД. С 1937 по 1939 год — начальник войск НКВД в Белоруссии, затем первый замнаркома внутренних дел Белоруссии. В 1939 году его приблизил к себе нарком Берия. Активно участвовал в «чистке» Красной армии от «ежовщины». Один из создателей специальной структуры НКВД для контроля за войсками. С июля 1941 года — командующий 29-й армией, продолжая оставаться замнаркома НКВД. Неудачи 29-й армии подо Ржевом были списаны на Военный совет соседней 31-й армии и её командующего генерала В. Н. Долматова. По предложению Масленникова Долматов и его офицеры были арестованы и отданы под суд. С декабря командовал 39-й армией Калининского фронта. Участвовал в Ржевско-Вяземской наступательной операции 1942 года. Попал в окружение. Из окружения вылетел на самолёте, поручив командовать войсками, шедшими на прорыв, своему заместителю генералу И. А. Богданову. При выходе из окружения Богданов погиб. С января 1943 года — командующий Северо-Кавказским фронтом в звании генерал-полковника, оставаясь заместителем наркома НКВД. В мае 1943 года понижен в должности — до декабря того же года служит попеременно заместителем командующего войсками Волжского, Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов. В декабре 1943 года — командующий 42-й армией. Затем заместитель командующего войсками Ленинградского фронта. В апреле 1944 года — командующий войсками 3-го Прибалтийского фронта. Присвоено звание генерала армии. Герой Советского Союза. После войны командовал войсками Бакинского и Закавказского военных округов, а 10 июня 1948 года Берия возвратил его в МВД на должность заместителя министра по войскам. После ареста Берии 11 марта 1953 года уволен из МВД. 16 марта 1954 года застрелился.

Иван Александрович Богданов (1897–1942) — генерал-лейтенант. Родился в деревне Яблоновке Тамбовской губернии в крестьянской семье. На военной службе с 1916 года. Участник Первой мировой войны. Младший унтер-офицер гренадерского полка Юго-Западного фронта. С 1918 года — доброволец в отряде при Тамбовской губчека. Командир роты, батальона. Участник Гражданской войны. В 1920-е годы — военком 7-го отделения дивизиона войск ОГПУ в Твери, затем в Вятке. В 1927 году окончил Московские стрелково-тактические курсы. Начальник штаба полка, затем Высшей пограничной школы войск ОГПУ в Москве. С 1935 года — в структуре Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД СССР. С 1939 года — начальник пограничных войск НКВД БССР. После присоединения Западной Белоруссии занимался развёртыванием пограничных войск и частей на новых рубежах. В 1940 году выполнял такую же работу в Литве. В июне 1941 года — командующий резервными армиями (впоследствии Резервный фронт). Заместитель командующего войсками Резервного фронта. В ноябре 1941 года формировал 39-ю армию. В декабре 1941 года — заместитель командующего 39-й армией, участник прорыва линии Штрауса. В начале 1942 года попал в полуокружение, а затем в окружение северо-западнее Вязьмы. В июле 1942 года после вылета из окружения командующего армией генерала Масленникова на самолёте принял командование войсками, 19 июля 1942 года был тяжело ранен во время прорыва из окружения. Через три дня скончался. Похоронен в городе Калинин в братской могиле. Награждён орденом Ленина (посмертно), орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Иван Иванович Федюнинский (1900–1977) — генерал армии (1955). Родился в деревне Гилёво Тобольской губернии в крестьянской семье. Окончил сельскую начальную школу. Работал подмастерьем маляра. В 1919 году добровольно вступил в РККА. Участник Гражданской войны. В 1924 году окончил Владивостокскую пехотную школу. Участник боёв на КВЖД в 1929 году — командир роты. В 1930 году окончил курсы «Выстрел». Командир батальона. В 1939 году воевал на Халхин-Голе командиром полка. Удостоен звания Героя Советского Союза. В 1940 году — командир стрелковой дивизии в городе Баян-Тумен (Монголия). В 1941 году — генерал-майор. Командир 15-го стрелкового корпуса. Во время боёв был ранен и вывезен в Москву на самолёте. В сентябре 1941 года — командующий 42-й армией и одновременно заместитель командующего Ленинградским фронтом. Затем командовал 54-й и 5-й армиями, заместитель командующего Волховским фронтом. С 1943 года — командующий 2-й ударной армией. После войны командовал армией и рядом военных округов. Награды — четыре ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Михаил Семёнович Хозин (1896–1979) — генерал-полковник. Родился в селе Скачиха Тамбовской губернии. Окончил церковно-приходскую школу и трёхклассное училище. Учился в Саратовском техническом железнодорожном училище. В 1915 году был призван в армию. Окончил школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны — начальник пулемётной команды. Участник Гражданской войны — комполка. В 1925 году окончил академические курсы. Командовал дивизиями. В 1930 году окончил курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии. Командовал стрелковым корпусом. С 1939 года — начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1941 году — начальник штаба Ленинградского фронта. Командующий 54-й армией. Командовал войсками Ленинградского фронта и Волховской группой войск. В 1942 году был снят с должности комфронта и с понижением назначен командующим 33-й армией. Затем заместитель командующего Западным фронтом. И снова был снят с должности «за бездеятельность». Командующий 20-й армией. В 1943 году командовал особой группой войск Северо-Западного фронта. С декабря 1943 года участия в боевых действиях не принимал. С 1944 года — командующий войсками Приволжского ВО. В 1945 году был отстранён от должности «по служебному несоответствию». С 1946 года возглавлял ряд военно-учебных заведений. Награды — два ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, ордена Суворова 1-й и 2-й степени, орден Красной Звезды.

Александр Петрович Силантьев (1918–1976) — маршал авиации (1976), Герой Советского Союза (1941). Родился в Екатеринбурге. Окончил семь классов школы. Работал слесарем. Занимался авиаспортом на планерной станции. В 1938 году был призван в РККА. Окончил Сталинградскую школу лётчиков. Во время Великой Отечественной войны летал на И-153 и ЛАГГ-3. Сбил восемь самолётов противника и 16 сжёг на земле во время штурмовки. В апреле 1942 года был сбит, получил тяжёлое ранение. После выздоровления летал лишь как инструктор. После войны окончил Военно-воздушную академию и Военную академию Генштаба. Занимал командные и штабные должности в ВВС и Генштабе. Награды — два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны 1-й степени, орден Отечественной войны 2-й степени, два ордена Красной Звезды.

Трёхорудийные башенные установки.

Вильгельм Йозеф Франц Риттер фон Лееб (1876–1956) — генерал-фельдмаршал (1940). Родился в Баварии в семье военного. В армии с 1895 года. В 1897 году — лейтенант. Воевал в 1900-м в Китае. В 1909 году окончил Баварскую военную академию. Участник Первой мировой войны. Служил в рейхсвере на командных и штабных должностях. В 1934 году — генерал артиллерии. В 1938-м — командующий 12-й армией, которая вторглась в Чехословакию. Участник Польской и Французской кампаний, за которые получил Рыцарский крест и звание фельдмаршала. На момент вторжения в СССР командовал группой армий «Север». В январе 1942 года из-за неудач под Ленинградом был отправлен в резерв. В мае 1945 года взят в плен американцами. Приговорён к трём годам заключения. Награды: Железный крест обеих классов, Рыцарский крест, орден Дома Гогенцоллернов, орден «За военные заслуги».

Невский пяточок.

Эрих Гёпнер (1886–1944) — генерал-полковник вермахта (1940). Военную службу начал в 1905 году. В 1906 году — лейтенант. Участник Первой мировой войны. Находился на штабных должностях. Служил в рейхсвере. В 1930 году — командир полка. В 1933-м — полковник. В 1936-м — генерал-майор. Командовал моторизованным корпусом. С 1935 года поддерживал связь с военными, находившимися в скрытой оппозиции к Гитлеру. В 1939 году — генерал кавалерии. За Польскую кампанию награждён Рыцарским крестом. За Французскую произведён в генерал-полковники. С февраля 1941 года командовал 4-й танковой группой в составе группы армий «Север» и «Центр». В декабре 1941 года не подчинился приказу Гитлера держаться до последнего и совершил тактический отвод передовых частей, за что был отстранён от командования «за трусость» и уволен из вооружённых сил без пенсии и права ношения военной формы. В 1944 году был арестован как заговорщик против Гитлера и повешен в тюрьме Плётцензее. Имел прозвище «Старый кавалерист». Награды — Железный крест, крест Гогенцоллернов, Рыцарский крест.

Александр Александрович Новиков (1900–1976) — Главный маршал авиации (1944), дважды Герой Советского Союза (1945, 1945). Родился в деревне Крюково Костромской губернии. Окончил учительскую семинарию и работал учителем в соседнем селе. В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны. В 1922 году окончил курсы «Выстрел». В 1930 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С 1933 года — в ВВС. Участник советско-финляндской войны. С 1940 года — командующий ВВС Ленинградского ВО. В начале войны командовал ВВС Северного и Ленинградского фронтов. В 1942–1943 годах — заместитель наркома обороны СССР по авиации. С 1943 по 1946 год — командующий ВВС. Как представитель Ставки координировал действия авиации под Сталинградом и на Курской дуге, при штурме Кёнигсберга и во время Берлинской операции. В 1943 году первым получил звание «маршал авиации». В 1944 году — Главный маршал авиации. Вторую золотую звезду получил за успешное командование авиацией в войне с Японией. С 1946 по 1953 год находился в заключении по «авиационному делу». В 1953 году был реабилитирован и восстановлен в звании. До 1955 года командовал авиацией дальнего действия. С 1956 года — начальник Высшего училища гражданской авиации. Награды — три ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Трудового Красного Знамени, два ордена Красной Звезды.

Водитель второй машины Г. К. Жукова Алексей Чучелов.

Иван Тихонович Гришин (1901–1951) — генерал-полковник. Родился в деревне Внуковичи близ Рославля Смоленской губернии в крестьянской бедняцкой семье. В Красной армии с 1920 года. Участник подавления крестьянского восстания в Тамбовской губернии. В 1922 году окончил командирские курсы в Калуге. В 1928 году окончил пехотное училище им. М. В. Фрунзе, одновременно экстерном сдал экзамены за семь классов общеобразовательной школы. В 1936 году с отличием окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В начале Великой Отечественной войны командовал 137-й стрелковой дивизией. В июне 1943 года принял 49-ю армию. За атаку Рославля награждён орденом Суворова 1-й степени, за Могилёвскую операцию — орденом Кутузова 1-й степени. Армия генерала Гришина успешно сражалась в Польше (штурм города-крепости Данциг — Гданьск), в Германии. Боевой путь завершила на реке Эльбе. 10 апреля 1945 года удостоен звания Героя Советского Союза. После войны командовал армией, был на штабной работе. Ранняя смерть Гришина покрыта тайной.

Николай Якимович Клыпин (1908–1943) — полковник. Родился в Верхнеудинске. Работал котельщиком на речном пароходе. Учился в Омском речном училище. В РККА с 1932 года. В 1934 году окончил Ульяновскую танковую школу. Участник Польского похода и советско-финляндской войны. Отличился в бою при штурме острова Вихревой в Выборгском заливе, за что удостоен звания Героя Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны командовал танковым полком, затем 17-й танковой бригадой. В декабре 1941 года в районе Малоярославца был тяжело ранен. После излечения занимался преподавательской работой. Скоропостижно скончался в 1943 году.

ЦАМО. Ф. 206. Оп. 2511. Д. 46. Л. 114.

Этот документ развенчивает ещё одну ложь нынешних «военных историков»: заградотряды создавались в стрелковых дивизиях из лучших бойцов и командиров и подчинялись непосредственно командирам дивизий. Заградотряды не были подразделениями НКВД.

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 83. Л. 513–514.

Давид Иосифович Ортенберг (1904–1998) — советский писатель, журналист, генерал-майор. Родился в местечке Чудново под Житомиром. Участник Гражданской войны, а также событий на Халхин-Голе и советско-финляндской войны. С 1941 по 1943 год — главный редактор «Красной звезды». Затем — начальник политотдела 38-й армии. После войны — начальник политуправления Московского ВО. В 1948 году окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Член Союза писателей СССР с 1978 года. Награды — два ордена Красного Знамени, орден Богдана Хмельницкого 2-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени, орден «Знак Почёта». Автор многих книг о войне.

Александр Дмитриевич Румянцев (1899–1981) — генерал-лейтенант (1946). Родился в деревне Шуино Новгородской губернии. В 1918 году был призван в РККА. Участник Гражданской войны — красноармеец, командир полка. В 1922 году окончил Высшую тактическо-стрелковую школу комсостава им. III Коминтерна. Начальник пулемётной команды. В 1936 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командир батальона. В 1937 году — начальник Тамбовского пехотного училища. Участник советско-финляндской войны. С 1940 года — начальник Управления кадров РККА. С 1943 года на фронте: командир 4-й воздушно-десантной дивизии, командир 51-го стрелкового корпуса. После войны находился на командных должностях. Награды — два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 2-й степени, два ордена Кутузова 2-й степени, орден Красной Звезды.

Аркадий Николаевич Ермаков (1899–1957) — генерал-лейтенант (1944). Родился в Мценске Орловской губернии. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1924 году окончил Киевскую пехотную школу. В 1931 году — курсы «Выстрел». В 1932-м — бронетанковые курсы усовершенствования комсостава. В 1937-м — курсы усовершенствования высшего комсостава при Военной академии механизации и моторизации РККА. В 1940 году — генерал-майор. Во время советско-финляндской войны командовал дивизией. В начале Великой Отечественной войны командовал стрелковым корпусом. В сентябре — октябре 1941 года командовал оперативной группой войск Брянского фронта. С 23 октября 1941 года — командующий 50-й армией Западного фронта. В ноябре 1941 года был отстранён от должности и вскоре арестован. Осуждён на пять лет ИТЛ, разжалован и лишён наград. В январе 1942 года помилован, восстановлен в армии, в звании; возвращены награды. Командовал стрелковыми корпусами. После войны находился на командных должностях. Служил военным советником в Китае. Награды — три ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Кутузова 2-й степени.

Ныне Новомосковск Тульской области.

Пятого октября 1941 года 2-я танковая группа была переименована во 2-ю танковую армию. 3-я и 4-я танковые группы были переименованы соответственно в 3-ю и 4-ю танковые армии в январе 1942 года.

Рубеж проходил по восточному берегу реки Нары. Назван по имени села Стремиллова на Варшавском шоссе. Сейчас там братская могила советских солдат. Стремиллово принадлежит Чеховскому району Московской области.

Ганс Гюнтер Адольф Фердинанд фон Клюге (1882–1944) — германский генерал-фельдмаршал (1940). Военную службу начал в 1899 году — фанен-юнкер. В 1911 году окончил Военную академию. С 1912 года — в Генштабе. Участник Первой мировой войны. В 1918 году тяжело ранен под Верденом. Служил в рейхсвере на штабной работе и в войсках. В 1933 году — генерал-майор. 4-й армией командовал с 1939 года. Участник Польской и Французской кампаний. На Восточном фронте с 22 июня 1941 года. С декабря 1941-го командующий группой армий «Центр» — сменил фельдмаршала фон Бока. Был противником операции «Цитадель». В 1943 году попал в автомобильную аварию под Минском, после чего лечился в Германии. После госпиталя воевал на Западном фронте. Примкнул к заговору против Гитлера, но активной роли не играл. В августе 1944 года был снят с должности. Покончил с собой. Имел прозвище «Хитрый Ганс». Среди многих его наград — Рыцарский крест с Дубовыми листьями и Мечами. После погребения тело было выкрадено из родовой усыпальницы и до сих пор местонахождение его неизвестно.

Павел Алексеевич Белов (1897–1962) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). Родился в Шуе. Работал табельщиком, телеграфистом. В 1916 году был призван в армию. Участник Первой мировой войны — рядовой гусарского полка. В 1917 году окончил школу прапорщиков. Участник Гражданской войны — командир эскадрона. В межвоенный период находился на штабных и командных должностях. В 1927 году окончил курсы усовершенствования старшего состава. В 1931 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1939-м участвовал в походе на Западную Украину. С 1940 года — командир горнострелковой дивизии. В марте 1941 года принял командование 2-м кавалерийским корпусом, с которым вступил в Великую Отечественную войну на Южном фронте, а затем участвовал в битве за Москву. Участник Вяземского рейда, который длился пять месяцев. Вывел корпус из окружения. В 1942 году принял командование 61-й армией. После войны командовал рядом военных округов. В 1949-м окончил академические курсы при Высшей военной академии. С 1955 по 1960 год — председатель ЦК ДОСААФ. Награды — пять орденов Ленина, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, один — Кутузова 1-й степени. Автор книги мемуаров «За нами Москва».

Афанасий Павлантьевич Белобородов (1903–1990) — генерал армии (1963). Родился в деревне Акинино-Баклаши под Иркутском. Окончил трёхклассную сельскую школу. В 1919–1920 годах воевал в красном партизанском отряде на Дальнем Востоке. С 1923 года — в РККА. В 1926 году окончил Нижегородскую пехотную школу. Командир стрелкового взвода. В 1929 году окончил Военно-политические курсы и был назначен политруком стрелковой роты. В 1929 году воевал на КВЖД. В 1936 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С марта 1939 года — на штабной работе. В октябре 1941 года прибыл на фронт под Москву с 78-й стрелковой дивизией, которая вскоре станет 9-й гвардейской стрелковой дивизией. Отличится в боях в период битвы за Москву. В ноябре 1941 года — генерал-майор. С октября 1942 года — командир 5-го стрелкового корпуса, затем — 2-го гвардейского стрелкового корпуса. С мая 1944 года — командующий 43-й армией. Совместно с 39-й армией в ходе операции «Багратион» летом 1944 года окружил и разгромил витебскую группировку немцев. За эту операцию награждён золотой звездой Героя Советского Союза. За штурм Кёнигсберга награждён второй золотой медалью героя. В августе 1945 года командовал 1-й Краснознамённой армией 1-го Дальневосточного фронта. После разгрома Квантунской армии командовал армией, возглавлял Управление боевой подготовки стрелковых войск, руководил курсами «Выстрел», был заместителем командующего Центральной группой войск. С 1955 года — командующий войсками Воронежского военного округа. С 1957 года — начальник Главного управления кадров Министерства обороны СССР. В 1963 году — генерал армии. В том же году назначен командующим войсками Московского военного округа. Похоронен на Мемориальном воинском кладбище «Снегири» под Истрой Московской области рядом со своими солдатами, погибшими в 1941 году.

Михаил Григорьевич Ефремов (1897–1942) — генерал-лейтенант (1940). Родился в городе Тарусе Калужской губернии. Окончил городское двухклассное училище и Пречистенские рабочие курсы в Москве. Работал гравёром на мануфактуре Рябова в Москве. В 1915 году был призван в армию. Окончил школу прапорщиков в городе Телави. Участник Первой мировой войны. В РККА — с 1918 года. В 1920 году окончил Высшие военно-академические курсы. Находился на командных должностях. С 1927 года — военный советник в Китае. В 1928 году окончил курсы высшего начсостава РККА. В 1930 году — особый факультет единоначальников Военно-политической академии им. М. Г. Толмачёва. В 1933 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командовал корпусом. С 1937 по 1940 год командовал рядом военных округов. В 1938-м находился под домашним арестом и следствием. Вскоре был отпущен и назначен на Орловский военный округ. В 1940 году — генерал-лейтенант. В начале войны командовал 21-й армией. Затем — командующий Центральным и заместитель командующего Брянским фронтом. В ноябре 1941 года назначен на 33-ю армию. Покончил с собой при выходе из окружения в апреле 1942 года у села Климов Завод близ Юхнова. Похоронен немцами со всеми воинскими почестями. Герой Российской Федерации (1996 год, посмертно). Награды — орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени.

Готхард Хейнрици (1886–1971) — генерал-полковник вермахта. Родился в Восточной Пруссии. В 1905 году поступил в пехотный полк кайзеровской армии. Участник Первой мировой войны на Западном и Восточном фронтах. Награждён Железным крестом 1-го и 2-го класса. Пострадал от газовой атаки. Во время Второй мировой войны командовал 43-м армейским корпусом. В январе 1942 года принял командование над 4-й полевой армией. В 1943 году командовал 1-й танковой армией. За оборону Венгрии в марте 1945 года получил Мечи к Рыцарскому кресту с Дубовыми листьями. В 1945 году — командующий группой армий «Висла». В апреле 1945 года был отстранён от командования за самовольный отвод войск с занимаемых позиций. В мае 1945 года сдался в плен англичанам. До 1948 года находился в лагере для военнопленных. В октябре 1947 года три недели провёл в лагере на территории США. После войны и лагерей опубликовал свои дневники и письма. Имел прозвище «наш ядовитый гном».

Отто Мориц Вальтер Модель (1891–1945) — германский генерал-фельдмаршал. Родился в Саксонии. В армии — с 1919 года. Окончил военное училище. Участник Первой мировой войны. Ранен, награждён Железным крестом. Затем служил при штабе. В 1938 году — генерал-майор. Во время Польской и Французской кампаний руководил штабами. С ноября 1940 года командовал 3-й танковой дивизией. Участвовал во вторжении в СССР 22 июня 1941 года в составе 2-й танковой группы. С октября 1941 года командовал 41-м танковым корпусом. С января 1942 года — командующий 9-й армией. В 1944 году командовал группами армий «Север», «Юг» («Северная Украина»), «Центр». Затем был назначен на Западный фронт командующим группой армий «В». В апреле 1945 года покончил с собой, находясь в окружении войск союзников в лесу близ Дуйсбурга. Имел прозвища: «пожарный Гитлера» и «гений обороны». Награждён в числе прочего Рыцарским крестом с Дубовыми листьями, Мечами и Бриллиантами.

Имелась в виду группировка, отошедшая от Юхнова и закрепившаяся по восточным берегам рек Рессы и Угры. В разное время это были дивизии и отдельные части трёх армейских и одного моторизованного корпуса: 19-я танковая и 34, 98, 52, 17 и 268-я пехотные дивизии.

Фёдор Дмитриевич Захаров (1894–1969) — генерал-лейтенант. Родился в деревне Логачёво Медынского уезда Калужской губернии. В Красной гвардии с 1917 года. Участник Гражданской войны — командир эскадрона. В 1924 году окончил повторные командные курсы при штабе армии. В 1928 году — КУКС. Комполка. В 1932–1933 годах — комендант города Читы. В 1940 году окончил КУВНАС при Академии Генштаба РККА. Командовал 149-й стрелковой дивизией, с которой встретил войну. Затем — 133-й стрелковой дивизией Западного фронта. С апреля 1942 года — заместитель командующего 50-й армией. В мае 1942 года — командир 8-го гвардейского стрелкового корпуса. В декабре 1942 года — заместитель командующего 49-й армией. В июне 1944 года — командир 81-го стрелкового корпуса. За время войны получил пять ранений. Герой Советского Союза (1945). После войны командовал корпусами и дивизией. Награды — три ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени, два ордена Суворова 2-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Из Приказа № 270 от 16 августа 1941 года Ставки ВГК: «Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окружённой немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45 дней дрались в тылу врага и пробились к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномёта, 15 станковых пулемётов, 3 ручных пулемёта, 1 самолёт на аэродроме и склад авиабомб. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил немцев с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения вооружённых 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых».

Иван Данилович Черняховский (1906–1945) — генерал армии. Дважды Герой Советского Союза. Родился в селе Оксанино Киевской губернии. В детстве был пастухом, рабочим-железнодорожником. В РККА с 1924 года. В 1928 году окончил Киевскую артиллерийскую школу — командир огневого взвода, батареи. В 1931 году окончил Военно-техническую академию в Ленинграде. В 1936-м — Военную академию механизации и моторизации РККА. Находился на штабной работе. В 1937 году — майор, командир танкового батальона. В 1940 году — подполковник, командир танковой бригады. С марта 1941-го — командир 28-й танковой дивизии. В 1942 году — генерал-майор. В 1943-м — генерал-лейтенант. В 1944-м — генерал-полковник. Командовал танковым корпусом, 60-й армией, 3-м Белорусским фронтом. В феврале 1945 года в Восточной Пруссии был тяжело ранен осколком снаряда, скончался. Похоронен в Вильнюсе. В 1992 году его останки по настоянию литовской стороны были перевезены в Москву и захоронены на Новодевичьем кладбище. Награды — орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Красной Звезды.

Василий Степанович Попов (1893–1967) — генерал-полковник. Родился в станице Преображенской Хопёрского округа Войска Донского в казачьей семье. Окончил учительскую семинарию. В 1916 году был призван в армию. Окончил школу прапорщиков. В Первую мировую войну командовал взводом. В РККА с 1919 года. Во время Гражданской войны — помощник начальника штаба стрелковой дивизии. Воевал в Первой конной армии. В 1922 году окончил Военную академию РККА. В 1929-м — КУБ НАС. В 1931 году — Курсы единоначальников. С 1924 по 1926 год командовал отдельной кавбригадой, сражаясь против басмачей в Таджикистане. В 1935 году — комбриг. До 1937 года командовал кавдивизией, затем казачьим кавкорпусом. В 1937 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Действия кавалерийского корпуса в прорыве». С 1939 года находился на преподавательской работе. Участник советско-финляндской войны. В 1940 году — генерал-майор. В начале Великой Отечественной войны — командир 28-го стрелкового корпуса. С сентября 1941 года — заместитель командующего 50-й армией. С февраля 1942 года по апрель 1944-го — командующий 10-й армией. Генерал-лейтенант (1942). В апреле — мае 1944-го — заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом. Генерал-полковник (1944). С мая 1944-го до конца войны — командующий 70-й армией. После войны командовал армиями и на преподавательской работе. Награждён золотой звездой Героя Советского Союза, двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды.

Макс Андреевич Рейтер (1886–1950) — генерал-полковник (1943). Из семьи латышских крестьян. В армии с 1906 года. В 1910 году окончил Иркутское военное училище. В Первую мировую войну командовал ротой, батальоном. Состоял при штабе армии Западного фронта офицером для поручений. Полковник. В феврале 1918 года попал в немецкий плен. Был освобождён в марте 1919-го. Вернувшись из плена, вступил в РККА. Участник Гражданской войны. Участник подавления восстания в Кронштадте. Командир стрелкового полка и бригады. В 1923 году окончил Высшие академические курсы комсостава. В 1935-м — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С 1941 года — заместитель командующего Северо-Кавказским ВО. С марта по сентябрь 1942 года — командующий 20-й армией. Затем командующий Брянским и Воронежским фронтами. В 1943 году был отправлен в один из внутренних округов и в боевых действиях больше не участвовал. С января 1946 года — начальник курсов «Выстрел».

Кирилл Семёнович Москаленко (1902–1985) — Маршал Советского Союза (1955), Дважды Герой Советского Союза. Родился в селе Гришино Екатеринославской губернии. Окончил четырёхклассную сельскую школу, а затем двухклассное училище. Учился в сельскохозяйственном училище. В РККА с 1920 года. Участник Гражданской войны. Окончил артиллерийскую школу, затем КУКС в Ленинграде, КУВНАС при Военной академии им. М. В. Фрунзе. Находился на командных должностях в артиллерийских и стрелковых частях. Участник советско-финляндской войны — командовал стрелковой дивизией. В начале Великой Отечественной войны — генерал-майор, командир артиллерийской бригады. Затем командовал корпусом, конно-механизированной группой, 38-й армией, 1-й танковой армией, 1-й гвардейской армией. После войны — на высших командных должностях. С 1960 года — главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения (РВСН), заместитель министра обороны СССР. Оставил мемуары. Награды — семь орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, ордена Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Родион Яковлевич Малиновский (1898–1967) — Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза. Родился в Одессе. Работал приказчиком. В армии с 1914 года. Участник Первой мировой войны. С 1916 года — в Русском экспедиционном корпусе во Франции. Затем во французском Иностранном легионе. В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны. Окончил школу младшего комсостава. В 1930 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1937–1938 годах воевал в Испании («Полковник Малино»). С 1939 года преподавал в Военной академии им. М. В. Фрунзе. С марта 1941 года — командир 48-го стрелкового корпуса в Одесском ВО. Во время Великой Отечественной войны командовал корпусом, армиями, фронтами. В 1945 году был переведён на Дальний Восток. После войны командовал рядом ВО. С 1957 года — министр обороны СССР. Награды — орден «Победа», пять орденов Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени. Оставил мемуары.

Дмитрий Тимофеевич Козлов (1896–1967) — генерал-лейтенант (1943). Родился в деревне Разгуляйка Нижегородской губернии. На военной службе с 1915 года. В 1917 году окончил школу прапорщиков. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 года. В 1924 году окончил курсы «Выстрел». В 1928 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1949-м — ВАК при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. Участник советско-финляндской войны — командир стрелкового корпуса. В межвоенный период находился на командных должностях и преподавательской работе. С января 1941 года — командующий войсками ЗакВО. В годы Великой Отечественной войны командующий Закавказским фронтом. Затем — командующий 24-й армией. В 1942 году — заместитель командующего Воронежским фронтом по формированию. С 1943 года — командующий Забайкальским ВО. Участник войны с Японией. После войны на второстепенных должностях при штабах ВО. Награды — три ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени.

Василий Николаевич Гордов (1896–1950) — генерал-полковник. Герой Советского Союза. Родился в селе Мезелеевка Казанской губернии. В армии с 1915 года. Окончил учебную команду. Участник Первой мировой войны — старший унтер-офицер. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны — комвзвода, комполка. В 1925 году окончил курсы Высшей тактической школы. Служил в Монголии. В 1932 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С 1933 года — на штабной работе. Участник советско-финляндской войны — начштаба 7-й армии. В начале Великой Отечественной войны — начальник штаба, затем — командующий 21-й армией. В 1942 году — командующий войсками Сталинградского фронта. С октября 1942 года — командующий 33-й армией. С апреля 1944 года — командующий 3-й гвардейской армией. После войны командовал Приволжским ВО. С ноября 1946 года в отставке. В 1947 году был арестован, обвинён в «вынашивании террористических планов в отношении членов советского правительства». В 1950 году был приговорён к высшей мере и расстрелян. В 1956 году реабилитирован. Награды — два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды.

Генерал А. М. Василевский в связи с болезнью маршала Б. М. Шапошникова с 24 апреля 1942 года исполнял обязанности начальника Генерального штаба. 26 июля 1942 года он был назначен начальником Генерального штаба. А с 14 октября того же года был одновременно заместителем наркома обороны СССР. С 23 июля по 26 августа — представителем Ставки на Сталинградском фронте.

Фридрих Вильгельм Эрнст Паулюс (1890–1957) — германский генерал-фельдмаршал. Учился на юридическом факультете, но в 1910 году фанен-юнкером поступил в пехотный полк. Участник Первой мировой войны — капитан. В 1939 году — генерал-майор. Участник Польской и Французской кампаний. В январе 1942 года назначен командующим 6-й армией группы армий «Б». Попал в окружение вместе со своей армией под Сталинградом. 15 января 1943 года награждён Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. 30 января 1943 года повышен в звании до фельдмаршала. 31 января 1943 года был взят в плен солдатами 64-й армии. Содержался в пересыльном лагере НКВД и других лагерях. В августе 1944 года подписал обращение «К военнопленным немецким солдатам и к немецкому народу». Выступил в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе. После войны жил в охраняемой вилле в Дрездене, преподавал, читал лекции.

Андрей Иванович Ерёменко (1892–1970) — Маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза. Родился в слободе Марковка под Луганском. В армии с 1913 года. Участник Первой мировой войны. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1923 году окончил Ленинградскую высшую кавалерийскую школу. В 1925 году — КУКС. Командовал кавполком и кавдивизией. В 1931 году окончил Военно-политическую академию РККА им. Толмачёва. В 1935 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командовал кавкорпусом. Участник похода в Западную Белоруссию. В 1940 году командовал мехкорпусом, затем войсками Северо-Кавказского ВО. В 1941 году — командующий 1-й армией на Дальнем Востоке, затем войсками Западного фронта. В августе 1941 года — командующий Брянским фронтом. Затем — командующий 4-й ударной армией. В 1942 году — командующий Сталинградским фронтом. В 1943 году — командующий Калининским фронтом. В 1944 году — командующий Отдельной приморской армией. До конца войны командовал войсками 2-го Прибалтийского и 4-го Украинского фронтов. После войны командовал рядом ВО. Оставил мемуары. Награды — пять орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени.

Александр Евгеньевич Голованов (1904–1975) — Главный маршал авиации (1944). Внук народовольца Н. Кибальчича. Окончил Александровский кадетский корпус. В 1917 году вступил в Красную гвардию. В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны. Служил в частях особого назначения (ЧОН), затем в ОПТУ. В 1932 году окончил лётную школу Осоавиахима. С 1933 по 1941 год работал в Аэрофлоте — пилот, командир авиаотряда. С 1941 года после личного знакомства со Сталиным — комполка, командир авиадивизии дальней бомбардировочной авиации. С 1942 года — командующий авиацией дальнего действия. В 1943 году — генерал-полковник. После войны — командующий дальней авиацией СССР. В 1948 году был снят со своего поста. В 1950-м окончил Академию Генштаба. В 1952-м командовал воздушно-десантным корпусом. В 1953 году после смерти Сталина был отправлен в запас. Работал начальником училища гражданской авиации. После выхода на пенсию был лишён всех льгот. Оставил воспоминания, которые при жизни не были опубликованы по причине расхождений с точкой зрения Главпура. Награды — два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу».

Леонид Фёдорович Минюк (1900–1977) — генерал-лейтенант (1943). Участник Гражданской войны. В 1924 году окончил Военно-академические курсы Высшего комсостава РККА. В 1933 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С 1924 года — на командных и штабных должностях в войсках. В 1935–1937 годах был начштаба 4-й Донской казачьей дивизии, которой командовал комбриг Г. К. Жуков. В 1941–1942 годах — генерал-адъютант главкома Юго-Западного направления. Затем — до 1944 года — адъютант Г. К. Жукова. В 1944 году — начштаба 1-й ударной армии. В 1945 году — начштаба Закавказского фронта. После войны был на преподавательской работе. В 1948 году был арестован органами МГБ по «трофейному делу». В 1951-м осуждён по статье 58–10 к десяти годам лагерей. В 1953 году дело было прекращено, приговор отменён. После возвращения из лагерей находился на преподавательской работе.

Василий Михайлович Баданов (1895–1971) — генерал-лейтенант танковых войск. Родился в селе Верхняя Якушка Самарской губернии. Окончил учительскую семинарию. Работал учителем. В 1915 году был призван в армию. В 1916 году окончил военное училище в городе Чугуеве — поручик. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1927 и в 1931 годах окончил Курсы усовершенствования комсостава. В 1934 году — Курсы при Военной академии механизации и моторизации РККА. В 1941 году командовал танковой бригадой и дивизией. Под Сталинградом командовал танковым корпусом. В 1943-м командовал 4-й танковой армией на Орловско-Курской дуге. В 1944 году был тяжело ранен и контужен, после чего на фронт не вернулся — служил на командных должностях в танковых учебных подразделениях. После войны находился на командных должностях в танковых войсках. В 1950 году окончил Высшие курсы при Военной академии Генштаба. Награды — орден Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Суворова 2-й степени, орден Кутузова 2-й степени, орден Отечественной войны 2-й степени.

Магнат — в словарях Ефремовой и Ушакова — представитель крупного промышленного и финансового капитала; обладатель больших поместий; крупный феодал. В Древнем Риме — крупный политик и весьма влиятельный богач. Г. К. Жуков, по всей вероятности, вкладывал в это слово военную составляющую. Но так как в любом случае в нём присутствовала «капиталистическая» составляющая, прозвучало это с большой иронией.

За годы войны по программе «ленд-лиза» американцы поставили в СССР 200 тысяч грузовиков марки «Studebaker US-6». Рассчитанный на грузоподъёмность в 2,5 тонны, он загружался до пяти тонн. Имел двигатель марки «Геркулес», который нуждался в более качественном бензине, для чего в комплектацию входила памятка для советских водителей: «Водитель! В машину “студебеккер” нельзя заливать керосин! Это не полуторка!» Фронтовые шофёры называли «студебеккер» «королём дорог». По условиям «ленд-лиза» сохранившиеся грузовики советская сторона обязана была вернуть американцам после завершения войны. Однако многие «студебеккеры» были оставлены в войсках и служили до 1960-х годов, когда наша промышленность выпустила для войск грузовик-вездеход ЗИЛ-157 по прозвищу «колун». После войны американская фирма, производившая «студебеккеры» для союзников, вскоре разорилась.

Иван Михайлович Чистяков (1900–1979) — Герой Советского Союза (1944). Родился в деревне Отрубнево Тверской губернии. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1920 году окончил пулемётную школу. В 1925 году — пехотную школу. В 1927 и 1929 годах — различные факультеты курсов «Выстрел». В 1941 году — ускоренные курсы при Академии Генштаба. В 1949-м — академические курсы при Военной академии им. К. Е. Ворошилова. На командных должностях: от помкомвзвода до командира стрелкового корпуса. В декабре 1941 года командовал отдельной бригадой морской пехоты. В 1942 году — генерал-майор, командовал стрелковой дивизией, стрелковым корпусом и 1-й гвардейской армией Донского фронта. С октября 1942 года — 21-й, с октября 1943-го — 6-й гвардейской армией — и до конца войны. В 1943 году — генерал-лейтенант. В 1944-м — генерал-полковник. После войны командовал армиями на Дальнем Востоке, служил в Группе советских войск в Германии и на Северном Кавказе. Награды — два ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени. Оставил мемуары.

Один из псевдонимов И. В. Сталина во время Великой Отечественной войны.

Противотанковая оборона.

160

Истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

Один из псевдонимов Г. К. Жукова во время войны.

Маркиан Михайлович Попов (1902–1969) — Герой Советского Союза. Родился в станице Усть-Медведицкой области Войска Донского. В РККА с 1920 года. В 1921 году окончил Псковские пехотные курсы. В 1924 году — курсы «Выстрел». Служил в войсках на командных должностях, преподавал. В 1936 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Находился на штабной работе. В 1940 году — генерал-лейтенант. В январе 1941 года — командующий войсками Ленинградского ВО. В начале войны командовал войсками Северного и Ленинградского фронтов, 61-й армией. В 1942 году командовал фронтами и армиями. В 1943-м — Резервным и Брянским фронтами. Генерал армии. Командовал войсками Прибалтийского фронта. В 1944 году был понижен в звании и должности за злоупотребление спиртным. В 1945 году — командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта. После войны командовал рядом ВО. В 1953 году вторично получил звание генерала армии. Награды — пять орденов Ленина, три ордена Красной Звезды, два ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды, орден «Знак Почёта». Оставил мемуары.

Михаил Дмитриевич Соломатин (1894–1986) — генерал-полковник танковых войск (1944). Родился в Кыштыме под Челябинском. В армии с 1914 года. Участник Первой мировой войны — унтер-офицер. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1922 году окончил Харьковскую школу усовершенствования комсостава. Находился на командных должностях. В 1927 году окончил курсы «Выстрел». В 1930 году — ВАК при Военной академии им. М. В. Фрунзе. Занимал командные должности в бронетанковых войсках. В 1938 году был арестован органами НКВД. В 1939 году освобождён. В начале войны — командир 45-й танковой дивизии. С 1942 года — командир танкового корпуса. В 1944 году — командующий 5-й гвардейской танковой армией. После войны находился на командных должностях, в том числе командующий 5-й механизированной армией. Награды — орден Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, орден Суворова 2-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 2-й степени.

Псевдоним Г. К. Жукова.

Псевдоним А. М. Василевского.

Михаил Ефимович Катуков (1900–1976) — маршал бронетанковых войск (1959), дважды Герой Советского Союза. Родился в селе Большое Уварово Коломенского уезда Московской губернии. Окончил сельскую школу. В РККА с 1919 года. Участник советско-польской войны. В 1922 году окончил Могилёвские пехотные курсы. Командовал ротой и батальоном. В 1927 году окончил курсы «Выстрел». Находился на штабной работе. В 1935 году окончил курсы при Военной академии механизации и моторизации РККА им. И. В. Сталина. В 1938 году — полковник. Командир танковой бригады, затем дивизии, затем снова танковой бригады. В 1942 году — командир 1-го танкового корпуса. В 1943-м и до конца войны — командующий 1-й танковой армией. После войны продолжал служить в танковых войсках. Награды — четыре ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, ордена Кутузова 1-й и 2-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Красной Звезды.

Харьков был административным центром Украины с 1919 по 1934 год.

То есть Жукова.

Боёвка — структурное подразделение Организации украинских националистов (ОУН), равное взводу — 15–20 человек.

Дмитрий Данилович Лелюшенко (1901–1987) — генерал армии (1959), дважды Герой Советского Союза. Родился в семье крестьянина. В 1918 году воевал в партизанском отряде Б. К. Думенко, участник Гражданской войны. С 1919 года в Красной армии, служил в Первой конной. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1933) и Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова (1949). Командир танкового батальона, полка, бригады. Участвовал в советско-финляндской войне — командир танковой бригады. Во время Великой Отечественной войны воевал на Северо-Западном, Западном, Калининском, Юго-Западном, 3,4 и 1-м Украинском фронтах в должностях: командира механизированного и стрелкового корпуса, с октября 1941-го — командующего 5, 30, 1 и 3-й гвардейскими армиями, с марта 1944-го — 4-й гвардейской танковой армией. С 1956 года командовал войсками Забайкальского, с 1958 года — Уральского военных округов. В 1960–1964 годах — председатель ЦК ДОСААФ, с 1964-го — военный инспектор — советник Министерства обороны. Награждён четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова и двумя орденами Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени.

Павел Семёнович Рыбалко (1894–1948) — маршал бронетанковых войск (1945), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945). Родился в селе Малый Выстроп на Сумщине. Участник Гражданской войны, служил в Первой конармии. Участник советско-польской войны 1920 года. В 1926-м и 1936-м окончил курсы усовершенствования начсостава. В 1934-м — Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командовал полком. В 1937–1940 годах — военный атташе в Польше и Китае. По возвращении находился на преподавательской работе. С 1942 года — на фронте, командовал 5-й, 3-й армиями, затем 3-й гвардейской танковой армией. После войны занимал командные должности. С 1947 года — командующий бронетанковыми и механизированными войсками Советской армии. Награды — два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени.

Андрей Антонович Гречко (1903–1976) — Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1958, 1973). Родился в слободе Голодаевка под Ростовом. В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны. В 1926 году окончил кавалерийскую школу. В 1936 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1941 году — Военную академию Генштаба. Участник похода в Западную Белоруссию в 1939 году. В начале войны — подполковник, служил при Генштабе. Затем командовал кавалерийской дивизией и корпусом, оперативной группой, 12, 47, 56-й армиями и 1-й гвардейской армией. Был заместителем командующего Воронежским фронтом. После войны командовал Киевским военным округом. В 1955–1960 годах — первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий войсками Варшавского договора. С 1967 года — министр обороны СССР. Награды — шесть орденов Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Суворова 2-й степени.

Николай Михайлович Шверник (1888–1970) — председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Алексей Иннокентьевич Антонов (1896–1962) — генерал армии (1943). Родился в Гродно в семье офицера-артиллериста. Окончил гимназию. Учился в университете. В армии с 1916 года. Окончил Павловское военное училище — прапорщик. Участник Первой мировой войны. Был ранен. После ранения учился в Петроградском лесном институте. В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны. В 1931 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1933-м — оперативный факультет. Учился в Академии Генштаба. Занимался преподавательской и научной работой. В начале войны находился на штабной работе. Начальник оперативного отдела Генштаба, исполняющий обязанности начальника Генштаба. Участник Ялтинской и Потсдамской конференций. С февраля 1945 года — начальник Генштаба. После войны — заместитель начальника Генштаба. В 1948 году — заместитель командующего Закавказским военным округом. В последние годы — начальник штаба армий Варшавского договора. Награды — орден «Победа», три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Яков Николаевич Федоренко (1896–1947) — маршал бронетанковых войск. В РККА с 1918 года. В Гражданскую войну командовал бронепоездом. После войны — комполка бронепоездов. В 1934 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1937 году — начальник автобронетанковых войск Киевского (с 26 июля 1938 года — Особого) военного округа. Во время Великой Отечественной войны — начальник Автобронетанкового управления. С 1942 года — командующий бронетанковыми войсками РККА. Представитель Ставки на фронтах. После войны — начальник бронетанковых и механизированных войск Сухопутных войск. Награды — четыре ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени и орден Кутузова 1-й степени.

Николай Дмитриевич Яковлев (1898–1972) — маршал артиллерии (1944). Родился в Старой Руссе. В армии с 1916 года. Окончил учебную команду. Участник Первой мировой войны — унтер-офицер. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1920 году окончил Петроградские артиллерийские курсы. В 1924 году окончил Высшую артиллерийскую школу комсостава. Находился на командных должностях в артиллерии. Участник похода в Западную Украину и советско-финляндской войны. В годы Великой Отечественной — начальник Главного артиллерийского управления РККА. После войны занимал командные должности. В 1952 году был арестован и обвинён во вредительстве. В 1953 году освобождён, восстановлен в звании. Командовал ПВО страны. Награды — шесть орденов Ленина, два ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Трудового Красного Знамени.

Павел Иванович Батов (1897–1985) — генерал армии (1955). Дважды Герой Советского Союза. Родился в деревне Фелисово Ярославской губернии. Окончил двухклассную сельскую школу. В армии с 1915 года. Участник Первой мировой войны. В 1917 году окончил школу прапорщиков. В РККА с 1918 года. В 1927 году окончил курсы «Выстрел». Находился на командных должностях и штабной работе. С 1936 по 1937 год воевал в Испании. По возвращении командовал стрелковым корпусом был заместителем командующего военным округом. В начале войны — заместитель командующего 51-й армией. Командовал 3-й армией, 4-й танковой армией, 65-й армией. После войны командовал 7-й механизированной армией. В 1950 году окончил ВАК при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. Командовал 11-й гвардейской армией и рядом военных округов. Награды — восемь орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, три ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Отечественной войны 1-й степени.

Василий Иванович Чуйков (1900–1982) — Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944,1945). Родился в посёлке Серебряные Пруды Московской губернии. Окончил церковно-приходскую школу. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской и советско-финляндской войны, Польского похода. В 1925 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. На командной и штабной работе. В 1928 году — военный советник в Китае. В 1936-м окончил ВАК при Военной академии механизации и моторизации РККА им. И. В. Сталина. Командир бригады, корпуса. В 1940 году — военный атташе в Китае. С 1942 года — на фронте. Командующий 1-й резервной, 64-й армиями, затем 62-й армией (8-й гвардейской армией). После войны находился на командных должностях. С 1949 года — главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). Затем командовал Киевским военным округом. С 1960 года — главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель министра обороны СССР. Награды — девять орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, три ордена Суворова 1-й степени, орден Красной Звезды.

В польском городе Седльце в то время находился штабной спецпоезд.

Николай Эрастович Берзарин (1904–1945) — генерал-полковник (1945), Герой Советского Союза (1945). Родился в Санкт-Петербурге. Окончил вечерние курсы Петроградской начальной школы. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1923 году окончил курсы комсостава. В 1925 году — курсы «Выстрел». Участник боёв на КВЖД и на озере Хасан. В 1940 году — генерал-майор. С мая 1941 года командовал 27-й армией, с которой вступил в войну. В ходе войны командовал 34, 20, 39-й армиями. С мая 1944 года — 5-й ударной армией. Первый комендант Берлина. 16 июня 1945 года трагически погиб в автокатастрофе. Награды — два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Суворова 1-й и 2-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, орден Красной Звезды.

Франц Иосифович Перхорович (1894–1961) — генерал-лейтенант (1945), Герой Советского Союза (1945). Родился в посёлке Зал азы под Витебском. Окончил Лепельское городское училище. В 1916 году окончил 2-ю Московскую школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1932 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1938 году был уволен из РККА, в 1939-м восстановлен. В 1941 году окончил курсы «Выстрел». Во время войны командовал полком, дивизией, корпусом. С ноября 1944 года — 47-й армией. После войны командовал армией. В 1947 году окончил Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова. Награды — три ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени.

Михаил Сергеевич Малинин (1899–1960) — генерал армии (1953). Герой Советского Союза (1945). Родился в селе Полутоне Костромской губернии. Работал в родном селе плотником. В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны. В 1922 году окончил Московскую пехотную школу. В 1923-м — курсы среднего комсостава. В 1931 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. Служил на командных и штабных должностях. Участник советско-финляндской войны. Великую Отечественную войну встретил в должности начштаба 7-го мехкорпуса. Во время войны — начштаба армии, фронтов. После войны находился на штабной работе. Награды — четыре ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, два ордена Кутузова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Красной Звезды.

Константин Фёдорович Телегин (1899–1981) — генерал-лейтенант (1943). Родился в Сибири. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. Окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. С 1936 года — в НКВД. Участник боёв у озера Хасан (1938) и советско-финляндской войны (1940). В 1941 году — бригадный комиссар. В годы Великой Отечественной войны — член Военного совета фронтов. Член правительственной комиссии по опознанию останков Гитлера и Геббельса. После войны — член военного совета ГСОВГ. В 1947 году был уволен из армии. В 1948 году арестован по «трофейному делу» и осуждён. В 1953 году был освобождён, реабилитирован и восстановлен в армии. Оставил мемуары. Награды — три ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени, два ордена Красной Звезды.

Имеется в виду граница до 1939 года.

Сергей Матвеевич Штеменко (1907–1976) — военачальник. Родился в казачьей станице Урюпинской. В Красной армии с 1926 года. В 1930 году окончил Севастопольскую школу зенитной артиллерии. В 1937 году — Военную академию механизации и моторизации РККА. В 1940 году — Военную академию Генштаба. Командир взвода, командир и политрук батареи. Начальник штаба отдельного артдивизиона, помощник начальника штаба артполка, командир отдельного учебного танкового батальона. Участник похода в Западную Украину в 1939 году. Во время советско-финляндской и Великой Отечественной войн работал в оперативном отделе Генштаба. Участник Тегеранской конференции 1943 года. В 1948 году — генерал армии. После войны продолжил службу в Генштабе. Был начальником штаба ГСОВГ. После ареста Л. П. Берии в 1953 году был понижен в звании до генерал-лейтенанта и направлен в Западно-Сибирский ВО. Г. К. Жуков возвратил Штеменко в Москву. С августа 1956 года он — начальник Главного разведуправления Генштаба в звании генерала армии. В 1957 году, когда Г. К. Жуков попал в опалу, вновь был разжалован. В 1962 году — начальник Главного штаба Сухопутных войск. В 1968 году разработал план вторжения в Чехословакию. В том же году в третий раз ему было возвращено звание генерала армии. Автор ряда книг по военной теории и мемуаров. Награждён: орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Главное командование сухопутных сил вермахта в 1936–1945 годах.

Карл Дёниц (1891–1980) — гросс-адмирал Третьего рейха. До 1943 года — командующий подводным флотом, затем — главнокомандующий ВМФ Германии. Перед тем как покончить с собой, Гитлер в своём Политическом завещании от 29 апреля 1945 года назначил Дёница, находившегося в тот период на севере Германии, своим преемником на посту президента и верховного главнокомандующего.

Буквально — живо, энергично, весело. Как и в русском боевом искусстве, в русском народном танце танцоры делятся на две категории: 1) жвавые, живчики-рубачи; 2) «для добра нарождённые», терпеливые, долго «нагревающиеся» и так же нескоро «остывающие». Г. К. Жуков по своему темпераменту и характеру явно относился к первым.

Внутренняя часть тульи офицерской фуражки.

Нынешняя Ливия.

Имеется в виду заявление маршала Новикова.

Николай Сидорович Власик (1896–1967) — начальник охраны И. В. Сталина (1931–1952), генерал-лейтенант (1945). Участник Первой мировой войны — унтер-офицер. Участник Гражданской войны. С 1919 года служил в ВЧК. С 1927 года — начальник спецхраны Кремля. Был личным телохранителем Сталина. В 1952 году был арестован по «делу врачей». В 1956 году помилован.

193

Начальник гаража особого назначения.

А. Н. Бучина допрашивали о разговорах с сыном Эйзенхауэра, а также бывшим военным атташе США в СССР Файнмонвилем, которых приходилось возить личному водителю Г. К. Жукова.

Дуайт Эйзенхауэр — 34-й президент США (1953–1961). Избран от Республиканской партии. Вместе с тем ему было сохранено воинское звание генерала армии и назначено пожизненное содержание в 20 тысяч долларов в год.

Линкор «Новороссийск» до окончания Второй мировой войны принадлежал итальянским военно-морским силам и имел название «Джулио Чезаре» («Юлий Цезарь»). Линкор был передан Советскому Союзу в результате раздела итальянского флота как страны — союзницы побеждённой Германии. Официальная версия гибели корабля — подрыв на германской донной мине. Существуют другие версии, в том числе диверсия итальянских подводников. Затонувший линкор подняли 4 мая 1957 года, отвели в бухту Казачью и там разрезали на части, которые в виде металлолома вывезли на завод «Запорожсталь».

Этим «присутствующим» был А. А. Епишев — генерал армии, начальник Главного политуправления. Именно он душил мемуары фронтовиков: «Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить?»

— Вот, дети, — сказал он им, — учитель вам сыскан. Вы всё приставали ко мне: выучи-де нас музыке и французскому диалекту: вот вам и француз, и на фортепьянах играет... Ну, мусье, — продолжал он, указывая на дрянные фортепьянишки, купленные им за пять лет у жида, который, впрочем, торговал одеколоном, — покажи нам своё искусство: жуэ!

ISBN 978-5-235-03784-7

9 785235 037847 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я